Екатерина
Годвер
aka Ink Visitor
АЛРАКЦИТОВОЕ
СЕРДЦЕ
2018

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Столетиями ничего не происходит в лесной глуши Зареченского плоскогорья. В "большом мире" сменяют друг друга князья и короли, рушатся государства - но люди в Медвежьем Спокоище живут, как прежде, жизнью непростой, но привычной, пока однажды война не стучится в двери ружейными прикладами. И быть бы большой беде - но следом встают на пороге обретшие плоть и кровь старые сказки. Деяну Химжичу, уже не чаявшему когда-нибудь покинуть родной дом и жившему лишь чужими историями, предстоит вновь ощутить землю двумя ногами, отправиться в путь и самому узнать, где заканчивается правда и начинается легенда. Вот только он не очень-то этому рад...

- Ink Visitor
  - Пролог
  - Глава первая. Старые сказки
  - Глава вторая. На новый лад
  - Глава третья. Каменная крошка
  - Глава четвертая. Возвращение
  - Глава пятая. Чародей
  - Глава шестая. Прощание
  - Глава седьмая. Большой мир
  - Глава восьмая. Хижина
  - Глава десятая. Наследник Старого Рога
  - Глава одиннадцатая. Война и мир Нарьяжской Империи
  - Глава двенадцатая. Как разумные люди
  - Глава тринадцатая. Братство раскаявшихся
  - Глава четырнадцатая. Ночь
  - Глава пятнадцатая. Трое
  - Глава шестнадцатая. Что однажды записано
  - Глава семнадцатая. Гроссмейстер
  - Глава восемнадцатая. Война
  - Глава девятнадцатая. Меченые роком
  - Глава двадцатая. Путь
  - Глава двадцать первая. Дом

Ink Visitor

Алракцитовое сердце

Пролог

Сделано для библиотеки LIBRUSEC
самиздат

"Бах!"

Валун ухнул в землю перед великаном, вздыбив облако пыли. На несколько мгновений оно скрыло усыпанный битым камнем двор старосты и даже самого гиганта, сидевшего на корточках.

Деяну Химжичу отчаяно хотелось оказаться где-нибудь подальше от него; где угодно. Но уйти он не смел: слишком трусливо и даже подло было бы теперь уйти. Потому оставалось только сидеть, смотреть и ждать.

Когда пыль осела, великан уже занес над валуном огромную ручищу:

- Бах!

Со счастливой улыбкой он обрушил кулак вниз.

Осколки камня брызнули во все стороны; люди на скамье у крыльца откликнулись гуканьем и хлопками:

- Браво!

- Здорово, мастер!

- Браво, мастер!

Великан бросил неодобрительный взгляд на обломки валуна: часть его обратилась в щебень, но почти половина откололась целиком и лежала невредимая.

- Мастер Риб*е*н ушел, - пробасил великан. - Я - Джиб*а*нд. Еще?

Прислушавшись, можно было разобрать доносившиеся с крыши проклятия и причитания печника Вакира, втягивавшего наверх следующий камень. Киан-Лесоруб, помогавший печнику, молчал, но уставший и напуганный Вакир ныл за двоих:

- Господь всемогущий... Сейчас, сейчас... Будет тебе еще, нелюдь...

Будто услышав его причитания, внутри дома, за занавешенным окном, застонал избитый до полусмерти орыжский староста.

Камень перекатился через край крыши.

"Бах!"

Грохот разносился над всей Орыжью. Казалось, даже в Волковке, за двадцать с гаком верст - и то невозможно было не услышать его.

Люди кричали и хлопали в ладоши, точно малые дети; но среди собравшихся не было ни одного ребенка, и никому из них не было весело.

Зато Джибанд развлекался вовсю. Для него это была игра, и он, может статься, позабыл уже, что началась она с камня, сброшенного ему на темечко; но орыжцы помнили и все еще боялись, что великан задумается и распознает в "игре" неумелую попытку убийства, потому продолжали изображать веселье. Но не только страх удерживал их на скамье: зрелище невиданной, необузданной и разрушительной силы завораживало.

"Да когда же ему надоест?" - Деян, когда гигант замахнулся над следующим валуном, прикрыл ладонью глаза и вытянул вперед искалеченную ногу, оканчивавшуюся деревяшкой протеза.

В пыли осталась прямая борозда: таким же прямым и ясным еще год назад ему представлялось будущее... Будущее братьев и будущее Орыжи, будущее всего Медвежьего Спокоища и его жителей, прежде обещавшее быть вполне благополучным; его собственное будущее, теперь казавшееся привлекательным в своей успокоительно-однообразной безрадостности.

Год минул с того дня, как рекрутский набор прокатился по Спокоищу бесовым колесом, и всего два часа - с тех пор, как Джибанд и его "мастер Рибен" объявились в Орыжи; и снова все полетело кувырком. Джибанд ничего не хотел, а лишь защищал "мастера". Но "мастер" - тот желал ответов, искал скрытую в веках правду о судьбе своего дома и близких. О себе самом. Насколько глубоко его разум затронуло безумие, насколько далеко он готов был зайти ради тех ответов и что намеревался делать, их получив? Возможно, он и сам пока не знал.

Однако Деян пребывал в полной уверенности, что, в отличие от Джибанда, простым битьем камней "мастер" не ограничится.

"Бах!"

Печник оступился и едва не свалился с крыши.

"Заменить бы их - да некому. - Деян здоровой ногой стер борозду в пыли. - Мало нам было других напастей".

- Браво! Здорово! Еще! - гудели на скамье.

- Браво! - опомнившись, выкрикнул Деян вместе с остальными; украдкой благодарно кивнул Эльме, перед тем чувствительно ткнувшей его локтем в бок.

"На все воля Господня" - наверняка сказал бы преподобный

Терош Хадем, находись он рядом; но тут Деян был, как обычно, с ним не согласен. Воля в происходящем просматривалась не Господина Великого Судии; отнюдь. То была воля людская, дурная и могущественная.

"Бах!"

А раньше - дюжину лет, полдюжины, да всего какой-то год назад! - жизнь в Медвежьем Спокоище выглядела совсем иначе...

Глава первая. Старые сказки

- I -

Волковский священник церкви Великого Судии Терош Хадем иногда привозил с собой и показывал Деяну и старшим братьям Химжичам старинную карту, полученную им в епархии перед направлением на службу. Карта эта рассыпалась по швам и устарела на столетие, а может, и больше того, - в точности сказать никто не мог. Орыжь на ней еще называлась деревней Рыжевкой, а в огромном зеленом пятне лесов - Медвежьем Спокоище - таких деревенек, теснившихся у воды и почти смыкавшихся друг с другом, насчитывался десяток.

Существовали они когда-нибудь и слились теперь с Орыжью и Волковкой или сгинули, придя в запустение? Или же не было их вовсе, и картограф никогда не бывал в Спокоище, а карту строил по абрису и выдумке?

Деяну больше верилось во вторую возможность, но могло быть и так, и эдак, а как оно в действительности в прошлом складывалось - до этого серьезного интереса никому в Медвежьем Спокоище не было, а в "большом мире" и подавно. Только преподобный Терош порой, перебрав хреновухи, пускался в рассуждения:

- Чудное дело, надобно сказать, как есть - чудное! Все Зареченское плоскогорье, почитай, глухомань, а все ж нигде больше не видал я такого и в Заречье... Сами поглядите: налог, какой-никакой, платите, а живете - ужас один!

- Отчего же ужас, отец? - с деланным простодушием удивлялся Нарех Химжич.

- От всего света оторванные: веры не знаете, королевского суда не знаете! - еще больше распалялся преподобный. - Грамота вам - пыль в глаза. Темень, стыдоба! Знамо, и не осталось нигде больше глуши такой... И почему так? Чудно! Что дорога дурная - то известное дело, но дорогу-то справить можно: долго ли

сановникам работников нагнать? Край ваш покойный, сытый, благодатный - красотища! - Он закатывал глаза к потолку и широко разводил руки, будто намеревался обхватить все Медвежье Спокоище, а затем вновь со значением глядел на братьев. - Нынче земли ваши, считай, медяк ломаный казне дают, а могли бы - еще золотой сверху, если с умом подойти, грамотно... Не иначе Господь вас хранит: тяжко б вам пришлось, если б Величество наше скудоумное за вас всерьез взялось. Славно тут, - говорил Терош Хадем, забыв уже, как совсем недавно ужасался маловерию и стыдил за неграмотность; отхлебывал хреновухи и утирал вышитой салфеткой рот:

- Славно. А все-таки - чудно*!*

Мажел и Нарех Химжичи находили это весьма забавным, как и самого Тероша Хадема. Тот манерой держать себя и речами совсем не походил ни на давно покойного орыжского преподобного Балса, ни на недавно почившего волковского священника отца Аверима, чьи деды и прадеды также нашли последний земной приют в Медвежьем Спокоище. Терош Хадем, пока не обвыкся, даже разговаривал как-то не по-людски, с вывертом, а еще до икоты боялся дикого зверя и на домашнюю скотину косился с опаской.

- Чего ж тут чудного, отец Терош? - спрашивал Нарех, снова напустив на себя простодушный вид. - Говорили люди - отправлял Величество работников, а их волки возьми да сожри. Год обождал, вторую партию снарядил, - та же беда: волки за год изголодались - страсть! Тогда-то Величество и рассудил: мол, ну его, это Спокоище, а то эдак работников не напасешься. Старшего над работничками теми я сам видал, - добавлял Нарех, когда на лице священника появлялось понимающе-сочувственное выражение. - Буренка Беонова его рогами под зад поддела и так и вывезла на себе до самого большака!

Преподобный Терош шумно сердился, Мажел Химжич, сдерживая смех, извинялся за брата и в извинение подливал всем хреновухи из большой бутыли мутно-зеленого стекла. Деян, по малолетству и слабому здоровью, не пил, больше слушал, чем говорил, и разглядывал карту. "Большой мир" казался на ней трехлапым чудовищем с испещренной шрамами непонятных значков и причудливых названий разноцветной шкурой. Он был огромен - при том, что, по словам священника, это был не весь "большой мир" и даже не все королевство, а одно лишь Заречье.

Послушать было о чем: Терош Хадем приехал издалека, из-за пределов карты - откуда-то из-под бывшей княжеской столицы. Князь Вимил, когда повелел именовать себя королем, и двор своей перенес из древнего Дарвена в новоотстроенный Сарбаж.

Лучше от того не стало - но не стало и хуже, а "королевство" Дарвенское все равно на старый лад называли княжеством. Соседи все так же огрызались, вассалы все так же бунтовали. "Как топор не величай - все одно не поплывет", - шутил преподобный Терош. Он был ненамного старше Мажела: в год, когда священник впервые появился в Спокоище, ему не стукнуло еще двадцати пяти. Почему так вышло, что его, молодого и ученого, направили в такую глушь, он не рассказывал, только посмеивался: горяч, мол, был без меры, отличился непримерным поведением...

В это, глядя на него, легко верилось.

Недостаток опыта и авторитета Терош Хадем на первых порах пытался возместить все той же горячностью. В Медвежьем Спокоище Господа чтили, но чтили равно и лесовика с болотником, и поговаривали, что "справный нож верней молитвы", ибо одной милостию Господней сыт не будешь. Поговорка эта очень не нравилась преподобному Терошу, однако склонить паству на свою сторону он никак не мог. Учение его от проповедей покойных предшественников отличалось размахом и запутанностью; если преподобный Аверим учил, что запрещено Господом убивать, красть и лгать, особливо - суду лгать или отцу с матерью, то Терош называл запретов куда больше и требовал каяться пред Господом в их нарушении, что у многих вызывало недоумение:

- Коли Господь наш, Великий Судия, всеведущ, - то к чему ему поклоны покаянные, раз без того он все в душах наших разумеет?

- Ежели Господь душегубствовать и красть не велит, и Веразгром и Марта-лесовица тож, то отчего ж им уважение оказать грешно?

- Учишь ты, отец: мрак безликий, зло безродное - в самое нутро корни пускают, душу червями точат. И у нас так сказывают, да только разве выведешь их, червей, одними молитвами? Тут надобно трижды через воду пройти, через огонь, всю скверну с тела золой рассветной соскресть, пост соблюсти, - тогда лишь и выйдут они, поганые!

Такими вопросами и рассуждениями донимали преподобного Тероша въедливые волковцы и орыжцы. На каждый вопрос он сперва без труда находил что ответить, но ответы его только преумножали кривотолки.

Преподобный Терош подолгу, пытаясь выспросить у Господа подсказку, молился в церкви у амблигона - святого знака, сколоченного из сложенных треугольником крашеных досок. Другой небольшой амблигон - короткий кинжал с треугольной рукоятью - он носил на шее на железной цепи, поверх серой рясы:

это было едва ли не единственное, что очевидным образом объединяло молодого священника с предшественниками... Господь безмолвствовал, а вопросы множились. Тогда Терош Хадем взялся за перо; но Зареченской епархии до Медвежьего Спокоища интересу было мало, или же торговцы не передавали письма, - так или иначе, на все просьбы преподобного прислать ему подмогу для борьбы с укоренившейся в глуши "темнотой греховной" епархия тоже отвечала молчанием.

Устав ждать, Терош Хадем задумал зайти с другого конца и "разжечь знание мирское и духовное" у себя под боком, однако намерение обучить волковских детей грамоте понимания не встретило. "Да на кой оно надо - заместо работы мальцам сиднями сидеть, как курям каким! Эдак и умишко куриный будет!" - подвел под первым и последним уроком черту волковский кузнец, а оставшись с молодым священником с глазу на глаз, выразился и того круче. Только старики поворчали промеж собой, что в иные времена учеба делом зряшным не считалась, и прежде хоть имя свое каждый мужчина в Спокоище мог накорябать; поворчали - да сошлись на том, что времена те давно прошли, а по нынешним прока от письма да чтения нет.

Преподобный Терош унывал недолго. В частые свои приезды в Орыжь он неизменно захаживал в дом к Химжичам и приносил книги, которые привез с собой из большого мира: Деян, благодаря науке старой знахарки, выходившей его, худо-бедно грамоту знал, потому священник тешил себя надеждой приобщить хотя бы увечного мальчишку к церковному учению и взрастить, таким образом, себе помощника...

Деян, маявшийся от безделья, этим визитам радовался от всей души и читал с большой охотой, однако находил в полуночных разговорах и в прочитанном совсем не тот смысл, какой, по задумке преподобного Тероша, следовало бы. И слушать предпочитал не многословные наставления, а рассказы о "большом мире". Из всех книг, к досаде и искреннему недоумению преподобного Тероша, более всего заслужил уважение Деяна мирской трактат, "Наука о суждениях и рассуждениях" некоего Фила Вуковского: истрепанный, обшитый черной кожей тяжелый том, привлекательный размахом мысли, а также почти полным отсутствием нравоучительности.

Занимательней всего оказалось применять почерпнутую у Вуковского мудрость к жизнеописаниям служителей Господних и святому учению.

Священник с таких попыток багровел лицом, принимался спорить и объяснять, в запале размахивая руками и повышая голос, говорил уже не нудно и путано, а нескучно и складно, -

однако мало-помалу Деян приноровился загонять его в тупик и постепенно разуверился даже в том, в чем поначалу и не думал сомневаться. А также заподозрил - вслух, впрочем, подозрений своих высказывать не стал, - что многие богословские тексты преподобный Терош привез с собой в Спокоище, потому как сам прежде изучил их весьма посредственно, хоть и полагал для службы необходимыми: по-видимому, в "большом мире" хватало иных занятий помимо чтения.

- Вот ведь нахал! Язык без костей! И что с тобой поделаешь, с безбожником? - сокрушался преподобный Терош, исчерпав все иные аргументы. - Я, дурак, серчал раньше, а верно нас наставники обихаживали: для науки порка и пост надобны! Получил бы десять-двадцать, в холоду бы, на пустой воде, посидел, - иначе бы заговорил, задумался бы! А ты что? А ничего: пустословие одно... Тут не головой, тут сердцем думать должно! Голова без сердца - пуста коробочка, безделушка! А сердце - иное дело, сердце - оно чует. Без сердца разве ж можно прожить человеку?

- Так и без головы - никак: без головы даже лягушка мрет, - осторожно возражал Деян, с опаской поглядывая на священника: не обиделся ли?

Обижался Терош Хадем часто и легко, но также легко вновь приходил в благодушное настроение. За десять лет к сельской жизни он кое-как пополам приспособился, отстроил в Волковке дом, к "темени" привык, женился, нажил пять душ детей, отрастил бороду до пояса, солидное брюшко - и перестал казаться таким чудаком, как прежде. Человеком он был хорошим, хотя проповедником - никудышным, в чем не последнюю роль играл личный пример. Себя Терош Хадем большим грешником не считал, но всякий знал, что бражку он предпочитает покрепче, а баб потоньше, и, захмелев, иной раз не может удержаться от того, чтоб ущипнуть за поджарый зад какую-нибудь вдовушку, после чего жена часами гоняет его по двору, охаживая метлой. Порка ему, вопреки всем утверждениям об ее чрезвычайной полезности, впрок не шла, потому он вскоре вновь принимался за старое - и снова получал нагоняй.

- Вот ведь вздорная баба! - сетовал он потом, утешаясь у Химжичей хреновухой. - Я ж по слабости человеческой, шутки ради, - а она шумит, шумит... Вздор! Одно слово: баба... А все ж тоже по-человечески понять можно - обидно ей...

Жену Терош Хадем любил, хоть и собачился с ней постоянно. Он вообще всех любил, за исключением волков, змей и коров: с последними у него как-то особенно не ладилось. К Химжичам по-прежнему в каждый свой приезд в Орыжь заглядывал, но уже без

умысла, просто по-приятельски: новости обсудить, потрепать языком о том, о сем. Стал со временем почти за члена семьи: обращались все между собой на "ты" и запросто. Пил священник за двоих, жаловался на жену и детей-негодников, вспоминал "большой мир" и рассуждал о том, как чудно все же устроена жизнь.

- II -

Медведями леса заречинского плоскогорья славились не больше всех других, но на карте так и было записано: "Медвежье Спокоище"; то есть попросту глухомань. Никакого иного названия - быть может, более обидного, но, как сказали бы старики, "жизнею нажитого", звучного - безвестный мастер-картограф придумать не сподобился.

Свирепый лесной зверь, холод и безжалостная зимняя тоска сгоняли людей за общий частокол. Во всей округе теперь дымили печными трубами лишь два села: Орыжь, в которую превратилась деревенька Рыжевка, а в пятнадцати верстах к востоку от нее, в самой глубине Спокоища - разросшаяся с былых времен Волковка. В низину промеж сел с округи собиралась влага, делая почву тучной и пригодной для пахоты: с других сторон лес не отступал, земля не поддавалась. От Орыжи было сорок верст на юго-запад лесной дорогой до тракта, и оттуда еще полста до ближайшего городка. "Не ближний свет, по эдакой тропке-то", - как говорил Терош Хадем, все собиравшийся как-нибудь наведаться в город, но так ни разу и не собравшийся.

Дорога из Спокоища к тракту в самом деле была никудышная: даже в хорошую погоду не всякий воз пройдет, а в дурную - и пеший ноги поломает. В дожди ее подтапливало, в засуху, когда земля осыпалась песком, а по верхам шумел злой горячий ветер, - заваливало. Когда жителям Орыжи или Волковки случалась надобность до большого мира, они обыкновенно сами отправляли гонцов к тракту. Также сами расплачивались и с королевскими сборщиками, чтоб "почтенным господам" не приходилось сворачивать с большака и пробираться к селам, растрачивая по пути и без того невеликое добродушие. Каждый год старосты сговаривались со сборщиками, сколько добра нужно

сдать на будущий год, чтоб у тех и в следующий раз не возникло охоты утруждать себя тяжелой дорогой, подушевой переписью и неизбежным ее следствием - налогом людьми для государственных работ или воинской службы. Сборщикам такой расклад приходился по душе уже полвека с лишком - за которые сменилось трое князей, Дарвенское княжество обратилось в королевство Дарвенское, а в Медвежьем Спокоище о князьях и королях уже и думать забыли. Раз в три-четыре года мужчины сообща выезжали в город на большую летнюю ярмарку, продавали шорные поделки и брали взамен когда хорошее железо, когда диковинные нарядные ткани, а когда и вовсе всякую чепуху: в общем-то, большой нужды в этой торговле не было - своего добра хватало.

Как-то раз, уже на памяти Деяна Химжича, орыжский староста Беон Сторгич, большой любитель мудреного оружия и охоты, потратился и привез блестящее, с тонкой отделкой по дереву, новенькое ружье. Созвал соседей, при них разобрал и собрал диковину, пальнул по мишени; люди диву давались, долго меж собой перешептывались: эдакая штука - и работает без колдовства! Но на том все и закончилось: проку в Беоновом ружье было -только доски перешибать и птицу пугать: било оно сильно, но криво и вразброс, так, что с двадцати шагов в мишень не всякий раз удавалось попасть; примеривались мужики к ружьям и раньше, но, говорили, были те еще хуже. Мороки с ними была - тьма, и просили за них баснословно дорого, так что охотились в Спокоище по старинке: силками, ловчими ямами, рогатиной да пращой. Пару лет Беон возил ружье на Свалов холм в Солнцестояние - "задать фейерверку", а потом, после одного злосчастного выстрела, забросил на чердак.

На старой карте священника обширное пятно Медвежьего Спокоища отмечали два значка: овал с загогулиной внутри и маленькими штришками во все стороны, похожий на жука-многоножку, и треугольник с пятью точками по центру. Как объяснял Терош Хадем, овал обозначал "лесное золото" - шкуры, кожи, кость, а треугольник с точками - алракцит, хрупкий камень рыжего цвета; отдельные самородки, изредка попадавшиеся в каменистой почве, напоминали формой лопуховые корни. Восточнее Волковки, в самой глубине спокоищевских лесов, скрывались древние полузатопленные шахты: запасы в них истощились давным-давно, но, чтобы добыть немного алракцита, не было нужды зарываться под землю. Из него где-то далеко в большом мире делали, как думали многие поколения жителей Спокоища, краситель для тканей: никакого другого применения ему найти люди не могли, и на ярмарке он хода не имел; но

княжьи - теперь королевские - сборщики всегда алракцит жаловали. Для простоты учета - это Деян знал уже от старосты Беона - считалось, что волковцы выплачивают налог костью и шкурами, орыжцы - алракцитом. В действительности налог собирали сообща, и сдавать возы к тракту мотались вместе, тогда как в остальном села были между собой весьма различны, и даже существовало между ними определенное соперничество.

В Волковке до недавнего времени насчитывалось семьдесят дворов супротив сорока орыжских. В Орыжи с тех пор, как вконец обветшало оставшееся без постоянного присмотра отца-настоятеля святилище, ничего примечательного не было - за исключением разве что Сердце-горы с развалинами у ее подножья, но та привлекала лишь неугомонных мальчишек. В Волковке же усилиями Тероша Хадема святилище содержалась в порядке, а в старом амбаре два расторопных семейства с незапамятных времен обустроили по почерпнутым в городе образцам летнюю "ресторацию". В одной половине поставили столы и с вечера до полуночи подавали выпивку и закуски, в другой устраивали то танцы, то борьбу, а так как денег для расчета в Медвежьем Спокоище никто не держал - оплату взымали, по мере надобности, натурой: с кого продуктами, с кого посудой, с кого помощью по хозяйству. Волковцы своей придумкой гордились необыкновенно; орыжцы больше посмеивались, чем завидовали, хотя молодежь нет-нет да и моталась в Волковку "в ресторации гульнуть". Орыжь жила спокойно и дружно. Общинные вопросы и споры решал обыкновенно староста единоличной властью или же привлекая на помощь тех, кого полагал подходящими советчиками. В Волковке в иные годы старост насчитывалось по семь душ, но то было одно название: по любому поводу - будь то перенос на два шага чьей-то межи, затеянные преподобным Терошем уроки грамоты или строительство запруды на Вражковом ручье - волковцы устраивали сходы, где решали вопрос всем миром. Случалось, доходило до драк.

Подраться волковцы вообще были не дураки, но и орыжцы, если рассердить, не отставали; к празднику летнего Солнцестояния соперничество между селами обострялось особенно, и в шуточных боях на Сваловом холму порой случалось кому-нибудь пострадать, - но тем ссора и разрешалась ко всеобщему удовольствию.

Так жили в Медвежьем Спокоище - кто счастливо, кто нет. Размеренно, по-дедовски, без особенного беспокойства, и даже Терош Хадем уверился со временем, что так и будет впредь, что и

сыновья его, и внуки будут жить той же тихой жизнью, какой зажил, осев в глуши, он сам. Но не довелось...

- III -

Первые отзвуки грядущего несчастья докатились до Орыжи прошедшим летом вместе с привезенными Халеком Сторгичем от королевских сборщиков слухами.

"Война идет".

Говорили, взбунтовалось от непомерных поборов большое баронство на севере; и с наведением порядка у короля не заладилось.

Старики только пожали плечами: война и война, мало ли их было уже, войн, - им здесь, в глуши, какое дело? Король барона повесит или барон королем сделается - о том пусть городские головы ломают...

Лето выдалось теплым, урожайным. Спокойно шла и осень - до того дня, как нагрянули из большого мира с королевскими грамотами и печатями армейские вербовщики. Первой на их пути оказалась Орыжь.

Чужаков разом объявилось больше, чем орыжцы видели за последние полвека. У одних были палаши и пики, у других ружья. Брали всех мужчин, кто не был мал, стар или болен. Сила за королевским отрядом была большая, но капитан действовал по уму, уговором. Держался браво, сулил щедрую плату за службу, богатые трофеи и скорую победу над "распоясавшимся" бароном Бергичем, стыдил трусостью и бесчестностью: "Пока вы, хитрецы, тут от службы хоронились, другие за вас себя не жалели!". Говорить капитан был мастак: люди слушали его и добровольно шли диктовать войсковому писарю имена.

Посетил капитан и Волковку, где набрал людей не меньше, чем в Орыжи.

"Худо дело: это ж как их прижало, что они сюда заявились, первый раз за столько-то годков, да перед самой зимой... Ша, развесили уши, неразумные! - раздавались иногда осторожные голоса. - Худое дело болтунов этих слушать, - головы сложите!".

На "разумников" шикали, а некоторым, особо настойчивым, намяли бока. Другие отмалчивались: понимали, что закон на

королевской стороне, и, что ни говори, все одно ничего не поделаешь: не добром, так худом все решится.

Но их - и тех, и других - было немного.

Красивые грудастые кони неизвестной породы скалили зубы и проходу не давали кривоногим рабочим кобыленкам. Чужаки поистрепались дорогой, но железные бляхи на поясах и фуражках блестели на солнце...

Перед осенним равноденствием, забрав с собой без малого полтораста мужчин, каждую вторую молодую лошадь и половину зимних припасов, вербовщики ушли: в аккурат успели пробраться через лес к "большому миру" перед дождями, не поломав дорогой возов.

Это была беда; огромная, страшная, непоправимая беда. Но вблизи, сослепу, бедой она еще не казалась. Провожали рекрутов с песнями.

Как пущенные с горы сани с пылающей Хлад-бабой вмиг скрываются за снежными клубами, но еще долго слышен скрип полозьев и тянет дымком, - так и после ухода отряда в Медвежьем Спокоище опомнились, продышались не сразу. Капитан людей пожалел, не стал совсем разорять села: на оставшихся запасах без натуги пересидели зиму.

Долгими ночами в Орыжи только и разговоров было, что о большом мире: ждали к весне своих с подарками и рассказами о том, как мужчины зареченских лесов показали всем и вся, что не хуже других будут.

В весеннюю распутицу - просто ждали.

А когда дороги и поля подсохли - схватились за головы...

Все оказалось не так худо, как могло бы быть: уменьшилось число не только работников, но и едоков, а год снова обещал быть урожайным. Женщины, привычные к нелегкой жизни, управляться умели не только с прялкой и пяльцами, но имели какую-никакую сноровку и в пахоте, и в охоте. Старики были еще крепки телом, дети ловки и сметливы. И все же о сытой зиме нечего больше было и мечтать, разве что все ушедшие вернулись бы в тот же час. Орыжский староста Беон Сторгич начал все чаще отправлять гонцов к большаку. Вести они по возвращении приносили неутешительные: королевские войска топтались на месте, скорого конца войны ждать не стоило.

Жили. Справлялись, кто как мог. Двери Волковской "ресторации" к лету впервые остались закрыты. Общие гуляния в Солнцестояние, собравшись с силами, все же провели, забоялись нарушать традицию, - но праздника не вышло, и разошлись все с

большим облегчением.

Сразу после Солнцестояния орыжские хохотушки сестры Шинкви, ждавшие с войны женихов, самовольно убежали к большаку и тем же днем вернулись назад, бледные и заплаканные. Спешащие уже не к северу, а к югу люди говорили, что "свойская" армия разгромлена и отступает, война уже перекатилась через границу баронства и перекинулась на Заречье, неприятель "жжет и режет без разбору", а "свойские", оголодавшие на маршах и озлобившиеся, не лучше.

"Если жизнь дорога, лучше б добрым людям тоже бежать на юг, за реку, а к прохожим с расспросами не привязываться: мало ли что у тех прохожих на уме, в такое-то время?" - эти слова проезжего караванщика девчонки наперебой пересказывали каждому, кто хотел слушать, - а хотели, измучившись неведеньем, все.

Но нетерпение и надежда пуще неволи. Сестры, наговорившись и наплакавшись вдоволь, успокоились и спустя десять дней убежали к тракту снова.

Больше они не вернулись.

Два их пожилых дядьки, вместе с косоглазым дурачком-соседом и племянником десяти лет от роду, взяли переточенные косы и отправились на поиски. И тоже пропали.

Рассерженный и встревоженный Беон с того дня к дороге соваться запретил, даже собранный в половинном объеме налог к назначенному сроку везти не повелел: "Им надо, пусть сами и приходят, раз дорожку протоптали! Да только не придут...". Его за такое решение втихаря бранили. Одни - за то, что, мол, камнем и шкурами брюхо не набьешь, и ни к чему отсиживаться, королевских людей сердить; другие - наоборот, что не велел снарядить больших поисков. Но Беон был непреклонен и насчет сборщиков оказался прав: все сроки вышли, но никто так и не явился.

Орыжь замкнулась в себе, занятая тяжелой повседневной работой. Люди готовились к холодам и надеялись, что беда обойдет их стороной.

- IV -

Старался надеяться на то и Деян Химжич - без особого, впрочем, успеха: от жизни он ничего хорошего не ждал с тех самых пор, как в малолетстве, десяти лет от роду, потерял на Сердце-горе ногу. Однажды оставившая человека удача назад не возвращается, в этом Деян не сомневался, - а в том, что удача оставила его, он не сомневался тем более.

На кроках, рисованных орыжскими и волковскими старостами для решения земельных споров, вокруг сел отмечены были только хорошие поля и пастбища, да лес был условно поделен на верстовые квадраты. На старинной карте Тероша Хадема не было и того: одно лишь сплошное пятно с названиями сел и деревень и указатель на затопленные шахты. Однако в полутора верстах от Орыжи, посреди леса, скрывалась в лесу высокая, в рост окружавших ее елей и сосен, скала и каменные развалины у ее подножия: прямоугольники и полуокружности мощных стен, едва доходившие теперь до колена, а кое-где и совсем рассыпавшиеся.

Скала эта в Медвежьем Спокоище была далеко не единственная, но размером превосходила все прочие по меньшей мере впятеро, потому пользовалась определенным уважением. В сером камне можно было разглядеть рыжие прожилки алракцита, но добыть его никто не пытался: алракцита хватало и в каменных плешах в лесу, а тут вроде как под боком запас на черную годину... Была и другая причина: изредка, раз в два-три года, скала и земля вокруг начинали мелко подрагивать - что, с одной стороны, делало бой камня на скале не вполне безопасным, а с другой - давало надежду, что когда-нибудь она развалится, и алракцит сам пойдет в руки. Орыжцы, а с ними и волковцы, издавна прозвали ее Сердце-горой - может, из-за этих подрагиваний-биений, но, скорее, просто потому, что эту каменную глыбу нужно было как-то промеж собой называть, а в сумерках, прищурясь, удавалось углядеть какое-никакое ее сходство с бычьим сердцем

Взрослых Сердце-гора и развалины заботили мало, разве что неприкаянная молодежь изредка назначала подле нее свиданки. Иное дело - дети. Вокруг Сердце-горы хватало ягодных полян и заячьих тропок, так что отыскать благовидный предлог, чтобы сбегать к скале на час-два, было легче легкого. А уж там всегда находилось чем заняться.

Хочешь - бери палки и устраивай поединки, будто замковая стража; хочешь - выкладывай из камней узоры и бегай вокруг них, распевая шутовские частушки так же заунывно и протяжно, как священник; хочешь - карабкайся по скале, представляя себя

героем-путешественником или кем еще. Одним словом - что хочешь, то и делай!

Годы были сытые, так что детям считалось позволительным время от времени пошататься без работы: взрослые смотрели на эти забавы, обыкновенно не заканчивавшиеся ничем дурным, сквозь пальцы: трясло Сердце-гору редко и слабо. Деян вместе с приятелями частенько бывал у скалы, излазил ее вдоль и поперек, был не первым, кто угодил на ней в тряску, и даже не первым, кто при этом сорвался, - но тем единственным, кому упавший следом огромный камень раздробил лодыжку.

"Хорошо, не голову", - говорил Деян по этому поводу, хотя внутри себя порой сомневался: так ли уж это хорошо.

Товарищи по игре - Халек Сторгич, Кенек и Барм Пабалы - как-то сумели высвободить ногу и дотащить Деяна до Орыжи прежде, чем тот истек кровью, но на то ушла последняя толика его удачи.

В Медвежьем Спокоище не было настоящего лекаря. Штопала тонкой нитью раны, помогала в родах и делала лечебные настои от лихорадки и поноса чудаковатая старуха-знахарка, которую все звали Вильмой за бормотание, каким старуха встречала всякого нового больного: "Вильмо, худо это, худо, но даст Господь, жить будешь, старуху переживешь..." Ее настоящего имени никто уже не помнил, даже она сама: лет ей перевалило далеко за сотню. Но хороших помощниц у нее не было - одни, как она звала их ласково, "бестолковки". До самой смерти Вильма продолжала лечить сама, и жизнь Деяну спасла: он не истек кровью и не умер от боли или нагноения. Однако правую ступню пришлось отнять. Отнимал ее Киан-Лесоруб, который больше спорил со слабой глазами и памятью старухой, чем пытался разобраться в ее путаных указаниях. Деян видел сквозь розовую пелену боли и запомнил на всю жизнь, как Киан, возвышаясь над столом, брезгливо взял двумя пальцами предложенную старухой тонкую пилу, повертел перед глазами и отложил в сторону.

"Этим? Да этим ты только кожу поцарапаешь, дуреха старая", - веско сказал он и снял с пояса привычный тяжелый топор: лезвие в полумраке показалось почему-то черным...

Очнулся Деян уже без ступни.

Кенек и Барм, подглядывавшие в окно, рассказывали, что знахарка еще что-то делала в тот день с ним, что-то колдовское: рисовала своей кровью на лбу, жгла травы и бормотала молитвы, - только поэтому он и выжил. Так это или не так, Деян не знал, да и не считал важным.

Старухина пила - он много раз разглядывал ее потом - и впрямь ни на что путное с виду не годилась. Но и Киан, как

оказалось, сделал все сикось-накось, не так, как надо было, чтоб в будущем крепить протез, и не так, чтоб рана могла быстро зажить. Снадобья старухи Вильмы, которыми та выпаивала едва живого мальчишку - "от лихорадки", "для крови", "от боли", - сколько лечили, столько и калечили, отравляя нутро.

В родительском доме в то время долго и тяжело, мучаясь коликами в боку и судорожными припадками, отходил дед, потому нуждавшийся в покое и постоянном присмотре Деян провел в домишке знахарки без малого полгода. "Ох, вильмо худо это, вильмо худо, но не поделаешь ничего, - бормотала Вильма, меняя ему повязки. - Значит, судьба твоя такая, малой, может, и к лучшему оно, раз уж так вышло...".

За глаза ребятня называла Вильму сумасшедшей, и не без причины: под конец невозможно долгой жизни знахарка и впрямь повредилась рассудком. Разговаривала сама с собой, могла на своих немощных ногах вдруг пуститься в пляс посреди улицы или запеть надсадным старческим голосом. Иногда не узнавала соседей, постоянно путала имена... Она была, без сомнения, сумасшедшей - но доброй старухой. Помогала всем, чем могла, лечила и утешала, ни на кого не держала зла. Деян незаметно для себя привязался к ней. Когда он не мог уснуть от болей, она рассказывала ему чудные и путаные, совсем не похожие на те, что знала мать, сказки - про говорящих зверей и огнедышащих змеев, доблестных воинов, древних королей и колдунов...

- V -

- Великие были мастера: не чета нынешним неумехам, - напуская на себя вид торжественный и таинственный, шептала Вильма. - А если и дожил кто из них до наших дней, тот уже не в силе: уходит со временем сила, из человека уходит, из самой земли уходит. Иное дело раньше, малой, совсем иное: великие дела творились!

Она до слез обижалась, когда замечала, что Деян ей не верит, - но всякий раз, утерев глаза, принималась за новую историю.

- Вильмо, худо тебе, малой, но судьба твоя такая, раз сам Хозяин Камня, господин наш и хранитель, так рассудил... Думаешь - небось, совсем старая из ума выжила, раз камень

неразумный господином зовет? - непритворно возмущалась Вильма, не помня того, что рассказывала эту историю уже десятки раз. - А почему Сердце-гору так кличут? А? Что ж ты, малой! Худо это, вильмо, - живешь тут, а ничегошеньки не знаешь. Короткая у людей нынче память, как зимний день. То ли дело - в былые времена...

Деян не перебивал старуху, хотя помнил историю эту наизусть. Она нравилась ему, но совсем не тем смыслом, какой вкладывала Вильма; страсть к противоречию проснулась в нем еще до увечья и задолго до знакомства с преподобным Терошем Хадемом.

- В былые времена, полтыщи лет назад, а, может, всю тыщу, стоял в нашем лесу замок, и жил в нем чародей великой силы. Настоящий мастер! - С этими словами старуха всегда многозначительно поднимала взгляд к потолку. - Умел он из неживого живое создать, частицей души своей наделив, умел с созданиями своими разумом и обличьем меняться. Потому мало кто знал, какое из обличий его истинно. Но о делах его слава по всему миру шла. Нарекали его люди Хозяином камня, а потом и проще того: Големом. "Голем" - так в старину только людей да животных, силой колдовской сотворенных, чародеи промеж собой называли, а тут и его самого так же величать начали, потому как поди разберись - сам он во плоти перед тобой стоит или кто из созданий его: настолько велико мастерство его было. Сердцем Голем был добр, нравом вспыльчив, но отходчив, землями своими - вот теми самыми, где мы с тобой, малой, теперь живем - правил мудро. Жаловал его милостями государь, любил его простой люд. А особенно - супругу его, госпожу Радмилу, прекрасную, как летний рассвет. Когда она владения объезжала, от одной улыбки ее все хвори да горести проходили; да она и сама чародейкой была, хоть и не такой силы великой, как муж ее, Голем. Век людской - веку чародейскому не ровня: жили они долго и счастливо. Поколение людское сменилось - а им все нипочем: жили, как прежде. Хорошо жили. Но случилась однажды нужда Голему уехать в дальние края. Год его не было, два, а там и десять лет минуло. Стали злые языки трепать, что погиб он за морем и напрасно Радмила ждет. Стали все чаще к ней гости захаживать - кто по любви, в надежде на поцелуй вдовий да ласку, а кто из корысти: богаты тогда были земли эти, пригожи, ухожены. Долго ждала Радмила, но не возвращался Голем. Чувствовала она, как молодость ее уходит, как красота ее гаснет... Измучили ее тоска и одиночество. Не стерпела она, изменила мужу с чародеем-иноземцем, который давно ее благосклонности добивался. Счастья с ним не нашла, раскаялась вскорости в своем

поступке, отвадила чародея и дружков-проходимцев, стала одна в замковых стенах бессонные ночи коротать... Но сделанного назад не воротишь. Минул положенный срок - дочь у нее родилась. Еще год пролетел, а за ним еще пять лет. Тогда и случилось то, на что уже не надеялся никто: вернулся Голем из-за моря. Как ни в чем ни бывало на пороге объявился. "Прости, - сказал, - за долгую отлучку: были на то причины, но больше нет тех причин, и впредь не будет". А Радмила в ответ на то - в слезы... Не стала дитя чужое прятать, сама об измене рассказала, упала мужу в ноги. Хоть и был Голем человеком добрым, затмила тогда обида ему разум. "Раз ты, - сказал, - меня мертвым посчитала - ступай, поищи меня среди них!" Впал Голем в страшную ярость. Убил жену неверную и всех в замке, замок до основания разрушил - но и того ему оказалось мало. Обрушил он свой гнев на леса да поля, на давних приближенных и простой люд: почто за глаза похоронили его, господина своего, почто слабую верой жену не образумили? Великим чародеем был Голем, и таких бед наделал, каких прежде люди представить себе не могли. - Старуха вздыхала тяжело и горько. - Но много ли, мало времени прошло, - опомнился он. А сделанного назад не воротишь... Замок можно краше прежнего отстроить, поля засеять, лес сожженный, искореженный сызнова однажды подымется, - но мертвых к жизни не вернешь, не обернешь добром содеянное зло. В ужас пришел Голем от того, что натворил: жалко ему было дома родного и загубленных жизней, жалел он дитя неразумное, в грехе своего зачатия неповинное, жалел землю израненную. Но пуще всего другое его жгло: любил он по-преждему Радмилу, принявшую смерть страшную от его рук. Чернее угля было его горе. Впал Голем в отчаяние. Не мог он больше в мире оставаться, но не мог и смерть объять, не смел показаться на глаза погубленным, не искупив хоть отчасти вины. Обратился он в отчаянии к Господину Великому Судии, пять дней и пять ночей не разгибал спины в молитвах, а к исходу пятой ночи собрал всю свою силу - и вывернул наизнанку, направил ее супротив себя самого. Свершился суд Господень. Обернулся Голем камнем, ни живым, ни мертвым, - скалой, в лесу затерянной. Иногда лишь почувствовать можно, как дрожит камень: то бьется сердце чародейское. Покуда отмеряет оно удары, покуда высится в лесу скала - не придет на эти земли беда, не разорит ее ни враг, ни засуха, ни болезнь. Лишь когда время источит камень, сравняет скалу с землей, - тогда лишь дух чародейский обретет покой, покинет мир через Белые Врата. Такую плату сам себе назначил Голем за те дела, что сотворил, и посчитал Господин Великий Судия ее справедливой. Имя чародея, столько горя в одночасье

принесшего, сговорились люди предать забвению, но нарекли ту скалу, в какую обратился чародей, Сердце-горой в память о доброй воле его. С тех пор хранит она наш край. Таков дар чародейский, такова милость Господня...

Старуха Вильма снова вздыхала, осеняла себя амблигоном.

- Сказывала мне эту историю мамка, когда мне столько ж годков было, сколько и тебе, малой, или и того меньше. От себя же вот что тебе скажу, малой, - всегда добавляла старуха в конце, - худо тебе сейчас, вильмо, покалечился ты под горой, но не может быть такого, чтоб хранитель наш, Хозяин камня, сызнова дитю зло причинил. Значит, и для тебя увечье твое - не бедой обернется, а благом, если хватит тебе ума и смелости, если примешь судьбу свою, не отворотишь от нее лица... Слушаешь меня, малой? - едва слышным шепотом спрашивала она, надеясь на то, что он не слушает, а давным-давно спит.

Но Деян не спал и не слушал. Он лежал с закрытыми глазами и под монотонное бормотание старухи представлял, как все могло быть на самом деле, перекраивал сказку на свой лад. Голем чудился ему исполином в плаще из человеческой кожи и непременно с огненными глазами, от взгляда которых загорались леса и плавились камни. Могущественным, алчным и жестоким, обиравшим простой люд, сгонявшим с полей на постройку замка и безжалостно каравшим всех, кто смел противиться. Не имевшим души и сердца, за что и прозвали его Големом - ожившей каменной куклой.

"Без счету стерпели люди от него бед, но родился однажды Герой, способный одолеть чародея, - рассказывал сам себе Деян. - Знал чародей, что конец его близок, и разыскивал Героя: погубить того хотел в младенчестве. Но укрыли Героя леса, выкормили дикие звери; дала ему земля свою силу. Одолел Герой чародея, обратил в скалу, - и вздохнули люди свободно. А мучитель с той поры стал способен лишь на то, чтобы камнями греметь и делать мелкие пакости..."

От которых и пострадал один невезучий мальчишка, - так Деяну нравилось думать. Еще больше ему нравилось представлять себя тем самым Героем, одолевшим могучего злого чародея; не пострадавшим по случайности - но раненным в битве...

С такими мыслями Деян засыпал, чтобы наутро проснуться и вспомнить: никакой он не герой, а хнычущий от боли одноногий мальчишка, неспособный даже сходить по нужде без помощи полоумной старухи.

В утренние часы он особенно тяготился своей беспомощностью и потому злился и беспричинно огрызался на Вильму, которая, несмотря на старческую немощь, была в ту пору

куда крепче его. Старуха сносила все с сочувственной улыбкой и, по-видимому, тоже привязалась к нему. Худо-бедно научила его грамоте, чтобы он мог помогать ей, почти ослепшей, разбирать старые записки и подписывать ярлычки к бутылкам с настоями. Возможно, однажды научила бы и своему лекарскому ремеслу - если б к началу осени не померла, легко и тихо: задремала после обеда в кресле у окна и больше не проснулась.

- VI -

Хоронили старуху всем селом, но тоже как-то тихо, без слез.

В первые заморозки отмучился дед. Вернулись с сарбажской ярмарки отец с дядькой и старшим братом. Культя зажила, Деян окреп, освоился с костылями. В канун Нового Года на санях ездили всей семьей в Волковку на праздничные моления. Когда престарелый отец Аверим, едва не касаясь пола белоснежной бородой, тянул в жарко натопленном святилище надтреснутым голосом: "...Радостию чаша полнится, десницей Господней согрета..." - и сам сгорбленный священник казался выше, и казалось, все идет на лад...

Хватало занятий по душе и по силам. Деяну, стосковавшемуся за время болезни по приятелям, по всякому проявлению обыденной жизни, много было и не надо. Зимой дурачились в снегу, летом жгли костры на берегу Шептуньи, и в журчании воды слышалось: "сбудется, будет". Это был хороший год.

Все кончилось в один час.

Лишь недавно отметили на численной доске Серединный День зимы, но погода стояла теплая. Мать пряла за столом, Мажел и Нарех ушли к полынье, отец с дядькой, материным братом, во дворе сталкивали с крыши подтаявший снег. Деяну нездоровилось, из-за чего он скучал дома, поглядывая в окно. Вдруг забрехали по всему селу собаки. Закричали от соседей, испуганно и яростно:

- Зарез, мужики! Хищник пожаловал!

Отец с дядькой, как были, без шапок, с лопатами и вилами в

руках, бросились со двора на улицу. Деян на костылях выскочил на крыльцо.

- Куда, дурные! Вернитесь! В дом! - Мать выбежала следом. Отец даже не обернулся. Мать так и осталась стоять - простоволосая, бледная, вцепившись в перила.

- Шатун! Только встал, помоги Господь...

Захлебывались лаем собаки, беспорядочно кричали люди: "Гони его! Цельсь! Ату его, ату! Гони! Поберегись!"

По улице шел медведь. С рваной раной на боку, с перемазанной кровью мордой, он шел и шел - одуревший, оглушенный, в кольце наскакивающих на него собак, то припадая к земле, то наступая на них с ревом. Палевый пес, молодой и задиристый, рванулся было к медвежьему горлу, но упал на снег с проломленным черепом; другие больше не решались нападать, только кружили вокруг, рыча и лая.

Медведь был огромен и тощ, свалявшаяся шерсть висела бурыми сосульками, левый глаз затянула мутная белая пленка - и оттого, быть может, взгляд его казался по-человечески разумным. Мужики, кто с чем, крались в отдалении. Отец с дядькой, пройдя задворками, присоединились к ним. Напротив дома Догжонов - совсем близко - медведь остановился, принюхался. Три собаки бросились на него разом. Одна промахнулась, вторую он сбил в броске: рыжая сука кувыркнулась к плетню и, воя, поползла прочь, волоча задние лапы. Старый кобель Киана ударил зверя зубами в бок, повис на шкуре: медведь двинул облезлым плечом, сбросил пса и придавил, распорол когтями брюхо. Остальные псы снова отскочили назад. Медведь принюхался, сел на землю - и вдруг, не обращая больше внимания ни на людей, ни на собак, начал жадно есть, взрыкивая и фыркая, придерживая тушу лапой, носом расшвыривая по снегу еще горячие кишки.

Кое-кто из мужиков попятился.

- Господь всемогущий! Это что ж за бес...

- Эдак этот бес у нас до весны прогостит, - Киан-Лесоруб взглянул из-под густых бровей на медведя, на своего разорванного кобеля и, отвернувшись, сплюнул на снег. - Что делать будем, Беон? Двум смертям не бывать...

Беон Сторгич, такой же, как Киан, взлохмаченный и сердитый, почесал в затылке и послал сына за ружьем. Ситуация казалась подходящей: оружие мощное, зверь близко - не промазать.

Халек Сторгич принес ружье; Киану передали рогатину.

- А на двоих и смерть краше. Подстрахуй. - Беон кивнул Киану и пошел вдоль плетня. Киан покрался тихонько со стороны больного глаза. Медведь заворчал, завертел головой: люди

тревожили, но очень уж неохота было отрываться от трапезы...

Беон приблизился еще на два шага и выстрелил ему в морду.

Медведь взревел и отпрыгнул вбок. Заряд был плох или зверь слишком могуч, но выстрел только разъярил и ослепил его, выбив здоровый глаз. Заметались собаки. Киан перехватил рогатину обеими руками и вогнал медведю в шею: тот вздыбился и, заколотив лапами, переломил древко. Острие сдвинулось: кровь забила фонтаном. Медведь стоял и ревел, истекал кровью, драл когтями морду - но никак не падал.

- Не зевай, добивай подранка! - крикнул, непонятно к кому обращаясь, Киан. Никто его не слушал. В последнее драгоценное мгновение, когда еще можно было что-то сделать, люди, замерев, смотрели на побежденного, смертельно раненого зверя и дивились: почему он не падает?

Ослепленный, обезумевший от боли шатун с утробным рыком опустился на четыре лапы и бросился по улице, сметая с пути собак, мимо Киана и Беона - прямо на растерявшихся орыжцев.

Жизни ему было отмерено всего чуть: вскрости Беон покончил с ним, вогнав обломок рогатины во второй глаз. Но за это "чуть" медведь убил троих, одним из которых был дядя Деяна. Отец скончался от ран двумя днями позже.

Потом выяснилось - талый снег у овражьего ручья накренил частокол: там медведь и пробрался. Долго разбирались, не поторопились ли натравить собак, не зря ли Киан с Беоном затеяли напасть и не лучше было бы пугануть огнем; не зря ли остальные стояли без дела, разевая рты...

- Если есть за мной вина - простите, родные. Что теперь? Сделанного назад не воротишь, - подвел черту этим разговорам Беон. Даже выглядел в тот момент он - крепкий, статный, способный выйти против медведя и убить его - точь-в-точь как сумасшедшая Вильма: таким же сгорбленным и старым. Винить его никто не винил, а о перевыборах старосты и слушать не хотели. Мертвых похоронили, и жизнь пошла своим чередом...

Мать пыталась крепиться, но за следующие полгода истаяла как свеча и теплым осенним утром погасла, пролежав перед тем ночь в лихорадке. Провожали ее в последний путь без обряда: в ту же ночь в Волковке скончался престарелый отец-настоятель Аверим.

- VII -

Родители и сумасшедшая Вильма лежали на погосте рядом; потому, бывая у родных, Деян обычно заходил прибраться и на могилу знахарки. Он был благодарен Вильме за доброту и участие, хоть и досадовал на невеликое ее мастерство; кроме всего, сжимала горло какая-то нелепая, детская обида на старуху. Эти чувства легко уживались в его сердце, равно как горечь от потери родных и злость на несчастливую судьбу, тяжелое увечье сплетались с радостным чувством жизни, осознанием того, что он по-прежнему дышит, говорит, ходит - хоть бы и на одной ноге.

"Столько лет ты прожила - неужели не могла еще год-другой обождать помирать? - думал он, неловко опершись на ограду и сгребая костылем листья. - Эх, старая, что ж так! Была бы жива - может, отца бы выходила, мать утешила...".

Почти все хозяйственные тяготы на первых порах легли на плечи старших братьев - но Мажел и Нарех справлялись. Жизнь продолжалась, время шло. За осенью следовала зима, за весной - лето.

Друзья Нареха привезли из города протез, Мажел подогнал ремни и подкладку. Деян кое-как научился ковылять на деревяшке, хотя по-прежнему сподручней было с костылем: очень уж временами кололо и жгло в культе. Беспокоила не только нога и фантомные боли в несуществующей ступне, подводило и подорванное неумелым старухиным лечением здоровье: порой без причины лихорадило, давило в груди, желудок отторгал пищу; к тяжелому труду он оказался неспособен... Иногда, когда с дороги приносили от торговцев шутейные книжицы, он зачитывал на общих сходах или соседских посиделках отрывки из них: к этим чтениям сводилась вся польза от грамоты в Орыжи. Деян плел корзины, починял одежду, силки и сети, стряпал, выполнял домашнюю бабью работу, и самой большой его гордостью было то, что он, десяток раз едва не разрубив себе здоровую ногу, наловчился-таки колоть дрова. Дураков учить его, увечного, сложным и тонким ремеслам не нашлось: учеников без него хватало - сыновей, племяшек, зятьев, - и слабый здоровьем калека везде был не ко двору. "Тебя учить - только силы зря тратить: а ну как завтра совсем захиреешь али помрешь?" - без стеснения сказал старый орыжский шорник; невежливо, зато честно.

Хотя на лицо Деян, как и никто из мужчин-Химжичей, уродом не был, и даже выглядел здоровее, чем был в действительности, увечье означало, кроме прочего, еще и почти неизбежное одиночество: в Спокоище всегда рождалось больше мужчин, чем

женщин. Деян, понимая это, и сам на девиц не заглядывался.

Потом в Спокоище появился преподобный Терош Хадем: стало чуть веселее.

Как-то раз, крепко перебрав, священник дал волю любопытству и задал вопрос, беспокоивший его, должно быть, с самого знакомства:

- Скажи-ка честно, Деян. Вот ты просишь меня о городах и приятелях моих прежних рассказывать, о "большом мире", как вы его тут зовете, - просишь и просишь. Ну мне-то ладно: почему б не рассказать, раз просишь? Но какая тебе охота слушать - не пойму. Ты ведь... - Преподобный Терош скосил глаза под стол, зарделся, поняв, что разговор выходит бестактный. Но остановиться уже не мог. - Ты же, безбожник, в чудеса Господни не веришь, знаешь, что самому тебе ничего этого в жизни не видать. Только душу зазря тревожишь, раззадориваешь. Но просишь каждый раз. И почему? Это ж все равно, что... - он в последний момент прикусил язык, смутился окончательно и замолк.

Мажел взглянул на священника неодобрительно, а Нарех рассмеялся в густые усы:

- Все равно, что безногому на танцы ходить? Так он, бывает, и ходит.

Преподобный Терош поперхнулся хреновухой.

- Не смущай гостя, брат, - поспешил вмешаться Деян. - Ну, так оно все, и что такого? У меня ступни нет, а не глаз и ушей... Почему б не посмотреть и не послушать?

- Ну, и то верно: почему бы и нет, - со вздохом сказал священник, посчитав, видно, что Деян смысла его слов не уловил.

Но Деян вопрос понял: намеренно уклонился от ответа. Не знал, как объяснить и стоит ли.

Мысль о том, что он сам, братья, Орыжь, их глухой край - часть чего-то неизмеримо большего, удивительного и многообразного, заставляла ярче переживать всю горечь положения слабого здоровьем калеки: это священник подметил верно. Но вместе с тем она доставляла странное, необъяснимое наслаждение, как и картины чужого благополучия. Порой он завидовал, завидовал страшно, по-черному, в чем, конечно, стыдился признаться. Но легче было б признаться в этой зависти или даже потерять вторую ногу, чем отказаться от того, чтобы наблюдать, как жизнь - в ста шагах, в ста верстах - течет, точит камень...

Господин Фил Вуковский в "Науке о суждениях и рассуждениях" настаивал, что верное рассуждение - обязательно непротиворечиво, потому Деян подозревал в мыслях и чувствах

своих какую-то ошибку, однако найти ее не мог и поделать сам с собой ничего не мог: так уж думалось и чувствовалось.

"Младший пострел умом не берет - зато силы невпроворот. Мал нахал, да удал", - добродушно посмеивался отец много лет назад, когда Деяну, тогда еще здоровому и крепкому мальчишке, случалось совершить какую-нибудь дурную проделку: в отличие от Нареха он всегда попадался. Деяну шутка обидной не казалась. Напротив, отрадно было думать, что мозгами ворочать и осторожничать предстоит старшим, а ему в жизни достанется что поинтереснее: но вышло все шиворот-навыворот. После увечья удаль и сила стали для Деяна чем-то вроде чародеев мы и парусных лодок на большой воде из сказок сумасшедшей Вильмы: настолько далеким, что и нереальным вовсе. Из всех случившихся несчастий иногда самым горьким казалось то, что отец умер, так и не придя в сознание, не сказав ни слова, не дав никакого напутствия...

Наставления преподобного Тероша и других доброхотов на душу не ложились, а братья не лезли, - за что Деян был им весьма благодарен.

Своим не предписанным пословицей умом он со временем дошел до мысли, что проку нет ни в сожалениях, ни в мечтах, ни в сказках, ни в чужой мудрости. Тягу к задушевным разговорам потерял, предпочитая наблюдать и слушать. Иногда с горькой улыбкой вспоминал бормотание сумасшедшей Вильмы: как можно "принять" или "не принять" судьбу, если твоя судьба и есть то, что есть ты и твоя жизнь?

За прошедшую со дня происшествия на Сердце-горе дюжину лет Деян Химжич превратился из мечтательного и проказливого мальчишки в угрюмого молодого мужчину себе на уме; свой тяжелый нрав он вполне осознавал, но нисколько его не стеснялся.

Переменилось многое.

Старые приятели, товарищи по играм, жили кто как: одни перессорились или позабыли друг друга и только здоровались мимоходом, другие - нет-нет да и поминали старое, поддерживали дружбу. В жизни хватало всякого, и дурного, и хорошего, и нелепого - как поездка с братьями в волковскую "ресторацию", которая завершилась лихой попойкой и ночью в стогу с рябой болтливой девкой, известной на все Спокоище любительницей гульнуть, пока муж в той же "ресторации" упивается до беспамятства. Огорчать Нареха объяснением, что не стоило брать на себя труд это все подстраивать, Деян не стал, но впредь к его затеям решил относиться с осторожностью. Рябой болтушке Деян был благодарен, и спаться с тех пор стало чуть

спокойнее, однако от воспоминаний о волковском загуле делалось муторно на душе и отчего-то хотелось умыться ледяной, прозрачно-чистой колодезной водой: вылить на себя сразу целое ведро.

Случались и большие урожаи, и голодные годы, и засухи, и паводки, и похороны, и свадьбы...

А потом настала весна, в которую пришли королевские вербовщики.

Мажел и Нарех к речам капитана отнеслись без большого доверия, но с интересом, и от закона уклоняться не стали.

- VIII -

Прощались плохо, суматошно, с недомолвками.

Братья, по-видимому, чувствовали неловкость за то, что уходят, и уходят не без охоты. Деян вслух желал им удачи, а в душе клял себя последними словами за то, что не пытается отговаривать. Если в рассказах преподобного Тероша о военном деле и устройстве королевского войска была хоть толика правды, то, раз вербовщики под осень явились в глушь за новобранцами, - война складывалась для короля чрезвычайно плохо; это было яснее ясного. Но как бы прозвучали те отговоры? Увечный братец просит остаться обихаживать его вопреки королевскому указу? Смех да стыд!

Будь у Мажела и Нареха свои семьи - может, и сами бы задумались, не лучше ли схитрить и поостеречься; но оба все еще жили холостяками, как подозревал Деян - в том числе и из-за него тоже: бедность и обуза на шее делали их, с точки зрения практичных сельчан, не самыми завидными женихами. Жили старшие братья Химжичи жизнью непростой и скучной, не по душе и не по способностям... Рискованная служба была первой - и, вероятно, последней - возможностью для них оторваться от дома, поглядеть на большой мир, попробовать себя в непривычном деле, не погрешив против совести. Вряд ли бы они вняли его предостережениям, а если б вняли - то кем бы выглядели перед людьми: няньками при увечном брате, трусами? Уходили и женатые, и детные, Халек Сторгич оставлял жену на сносях - хотя капитан, тронутый ее слезами, сам предложил

списать его в негодные; но Халек сказал: "Нет". Даже за себя Деян не был уверен, что, будь он на то способен, не наплевал бы на здравый смысл и не пошел бы записываться: слишком уж неприятно было - как всегда - оставаться не у дел, отставать от остальных...

Как тут отговаривать?

Старый большой дом для одного Деяна был велик: его в две руки и протапливать-то было - замучаешься. Сговорились с ближайшими друзьями-соседями, у которых в доме тоже освобождалось место: Петер Догжон намеревался снискать славы в большом мире всерьез, капитану в рот смотрел. Жена хмурилась, но ничего не говорила, сестра ругала, отговаривала - но без толку.

Перегнали свиней, расширили наскоро птичник; Мажел с Нарехом заколотили на зиму окна и дверь - и Деян, со всем нужным скрабом, перебрался к Догжонам. Последние два дня братья ночевали там же, на полу.

На проводах все перепились. Деян, вопреки обыкновению, от других на этот раз не отставал. Утром с больными головами пожали друг другу руки, обнялись: на том все и кончилось.

Ушли из Спокоища не только братья: друзья, соседи, знакомые...

Жизнь снова дала трещину.

- IX -

В небольшом домишке Догжонов жили, не считая Деяна, пятеро: жена Петера, Малуха, тетка сварливая и склочная, и ее две маленьких, беспрестанно хнычущих дочери, младшая сестра Петера, Эльма, и их престарелая бабка - Шалфана Догжон.

С Петером, а в особенности с его сестрой, Деян приятельствовал с детства, еще с той поры, когда у него было две ноги и не было причин мрачно смотреть на все и вся, хотя Эльма уже тогда, подражая старшим, частенько выговаривала ему за "скверный характерец".

В обезлюдевшей Орыжи жилось тяжело. Но - пока - справлялись...

Тому, что беда свела их с Эльмой под одной крышей, Деян был и рад, и не рад одновременно. Рад - потому как рад, а не рад - потому как крутой нравом Петер Догжон, вернувшись, с одних только подозрений мог разъяриться до такой степени, чтоб задать сестре плетей, а ему, не мудрствуя, свернуть шею. Остыл бы, конечно, потом, - а толку?

Сколько Деян себя помнил, Эльма заботилась о нем как о родном, и в этой заботе теперь, в оскудевшем на мужчин селе, некоторым чудилось нечто иное, чем ее обычная доброта. Пока всем было не до сплетен, но соседи нет-нет да и бросали многозначительные взгляды. Потому Деян, скрепя сердце, как мог, сторонился подруги - к которой в самом деле был привязан намного крепче, чем ему хотелось бы себе признаваться, и ворочался ночами с боку на бок, поминая судьбу недобрым словом и браня себя за слабосилие. С того дня, как пришлось переселиться к Догжонам, он чувствовал себя нахлебником еще острее, чем прежде. Особенно если кто-то говорил ему обратное. Хотя дел у него, как и у всех, прибавилось: кроме привычной домашней работы приходилось ухаживать за престарелой бабкой и приглядывать за детьми.

Девочки, Нура и Кариша, четырех и шести лет, скучали по отцу, а ночами постоянно хныкали и пугались каждого шороха за дверью. Они не понимали по малолетству, что за недоброе дело - война и какой бедой она может для них обернуться, не думали, что Петера могут больше никогда не увидеть, но чувствовали тревогу и страх взрослых и отвечали на него страхом еще большим. Война представлялась им чем-то вроде огромной тучи, нависшей над Орыжью и каждое мгновение готовой обрушить на нее град и молнии. Деян, как умел, старался их успокоить, но сказать было толком нечего: будущее и ему представлялось в черном свете.

Тогда-то и пригодилась небылица сумасшедшей Вильмы о скале-хранителе.

Деян, хотя помнил сказку во всех подробностях, рассказывал ее вкратце и переиначив на свой лад, казавшийся более подходящим:

"Жил в незапамятные времена в наших краях чародей, сильный и мудрый, в красивом, высоком замке, - нашептывал Деян, боясь разбудить Малуху. Девочки затихали, слушали. - Были у чародея жена и две маленьких дочки, такие вот, как вы. Дела тогда лихие творились, повсюду в мире войны шли, гибли люди без счета. Нависла и над его землями беда. Собрал тогда чародей семью и сказал: "Думал я - до старости в покое проживу, внуков, правнуков в люди сам выведу. Горько мне с вами, родные,

расставаться. Но, раз беда в ворота стучится - должен я вас защитить, семью свою, род свой, и всех потомков наших". Сказал так чародей, попрощался, попросил Господней помощи - и обернулся волшебной скалой. Едва подступил к замку неприятель - задрожала скала, вышел из нее чародей, и с ним вместе - сотня людей каменных, колдовством сотворенных... Дали каменные люди, чародеем ведомые, неприятелю страшный бой и обратили его в бегство. А чародей и войско его вновь скалой обернулись. Не страшны той скале ни непогода, ни время: точит-точит, да не сточит никак... Много веков минуло, потомки рода чародейского с простыми людьми смешались, но стоит скала среди леса, там, где замок прежде был, и стережет наш край от беды. Дрожит скала порой, будто сердце бьется, - то неприятелю напоминание: готово каменное войско к бою. А люди ее за ту дрожь прозвали Сердце-горой... Пока стоит в нашем лесу Сердце-гора - не разорит нашу землю враг. Спите, малые, и не бойтесь ничего", - заканчивал Деян. Девочки уже спали - или, как он когда-то, только притворялись, что спали, а сами мечтали с закрытыми глазами о нарядных платьях, большом замке и самоотверженном красавце-чародее, который непременно защитит всех от беды.

Сам Деян, с высоты прожитых двадцати двух неполных лет, считал одинаково нелепыми что истории сумасшедшей Вильмы, что свои детские грезы и нынешние россказни. Легенды творились где-то в большом мире, и там же творили чудеса и сражались друг с другом короли и чародеи, - а на мох лесов Медвежьего Спокоища ступал разве что сапог войскового колдуна-лекаря раз в полвека. Безымянные развалины под скалой были в стародавние времена складом для алракцита, потому о них никто ничего и не помнил за неважностью...

Так Деян думал и поминал "волшебную скалу" безо всякой задней мысли, единственно затем, чтобы успокоить бессчетный раз расхныкавшихся зимней ночью дочерей Петера и Малухи. Поминал нередко, и не мог даже представить себе, что однажды наступит час, когда придется об этом пожалеть.

Однако час тот был близок.

Закончилась зима, отгремели весенние грозы, пронеслось лето, и наступила необычно ранняя, холодная и дождливая осень...

Глава вторая. На новый лад

- I -

День выдался непогожий. Всю ночь накануне за окном сверкало и гремело так, что тряслась на полках посуда: то ли из-за грозы, то ли Сердце-гора разбушевалась, - отчего спать было решительно невозможно. К рассвету буря улеглась, но заморосил мелкий холодный дождь, способный довести до белого каления даже человека, пребывающего в самом благостном расположении духа, - а благостью и весельем в Орыжи в последние месяцы и без дождя не пахло. Так что Деян нисколько не удивился, когда в послеполуденный час, выйдя из дому бросить свиньям оставшиеся с обеда объедки, услышал с улицы крики.

- Вы, бестолочи! Гора одна на уме, одни игрушки! Выдумываете еще! Погодите, до двора дойдем, там я вам хорошенько задам!

С высокого крыльца Деян мог видеть, как Солша Свирка - предпочитавшая почему-то, чтоб все, от мала до велика, звали ее по-свойски, тетушкой Со, - тащит по улице сыновей- близнецов восьми лет от роду. Солша, женщина молодая, но дородная, сжимала в каждом руке по сыновьему уху и встряхивала то одного, то другого мальчишку после каждого выкрика. Лицо ее было пунцовым от злости и криков. Мальчишки оправдывались визгливыми голосами, картинно изворачивались, молотя руками по воздуху и всячески затрудняя матери путь до дома.

Деян утер лоб: при упоминании треклятой скалы в груди тревожно кольнуло - уж не случилось ли чего? Но пока больше походило на то, что самой большой неприятностью у мальчишек были распухшие уши.

- Ма, ну мы же чуть-чуть! Матушка, мы сказали, что видели! Ма!..

От каждого их оправдания Солша расходилась все больше и больше:

- Поговорите еще у меня! Бестолочи! Дурачье ленивое!

- Ма, ну мы правда, ма! Ну чего ты так сердишься, ма!

- Что, совсем страху нет, еще на меня пасти разевать вздумали?! Погодите, дойдем до двора, я уж расстараюсь дурь из вас выбить!

- Не на-а-адо!

- А врать матери надо?

- И то, и это не надо, ма, - утер сопли и неожиданно спокойно, по-взрослому, заключил мальчишка. - Но мы ведь и не врали, ма.

- У-ух, получишь, подлец!!!

Деян невольно улыбнулся. Угрозы свои Солша редко претворяла в жизнь, а выглядела вся троица весьма забавно... Но беспокойство, поубавившись, отчего-то не исчезло полностью.

Он оставил ведро с помоями у крыльца и, опираясь на костыль, проковылял к калитке.

- Доброго дня, тетя Со! Что у вас за напасть?

- Ох, Деян! - Солша на миг выпустила одного из мальчишек, чтобы утереть лицо, но вновь ухватила бордовое сыновье ухо прежде, чем тот сообразил отскочить. - Ша, несмышленыш, стоять смирно, пока взрослые разговаривают! Ох, прости, Деян, я не тебе...

Деян молчал и вежливо улыбался, дожидаясь, пока она закончит стыдить сыновей.

- Вы, бестолочи, хоть перед людьми меня не позорьте! Слышите меня, охальники?! Вон, видишь, что делается, сосед, - совсем от рук отбились. - Солша тяжело вздохнула. - Отпросились опять в лес, я пустила, дура, - а они там опять у скалы этой поганой, чтоб ее, игрались; нет чтоб грибов к ужину набрать, хоть матери помочь! Выдохнуть не дают, лентяи, а теперь вон брехать еще удумали, чтоб я им не всыпала!

- Ничего мы не удумали! - выкрикнул мальчишка. - Там были дяденьки, большой и маленький, и маленький отломил большому пальцы... Пусти! Больно, ма! Ухо оторвешь!

- Голову б тебе оторвать, шельмецу, да пришита крепко! - Солша была неумолима.

- Скажи ей хоть ты, дядя Деян!

- Да-да, скажи им, Деян! Меня не слушают, может, хоть тебя послушают, - Солша с надеждой взглянула на него.

Деян смерил укоризненным взглядом сперва одного, затем другого мальчишку:

- Перво-наперво, не стыдно вам на мать кричать?

- Мы не кричали; ну, самую чуточку... Но...

Мальчишка зарделся, замялся, и Деян почувствовал, как комок беспокойства внутри ширится и крепнет, отдается в спине

неприятным холодком.

Матери они не боялись, привыкли, что у нее им все сходит с рук; и его не боялись, даже поддразнивали, бывало. Но сейчас они выглядели обиженными и напуганными едва ли не до слез, хотя плакать среди ребятни во все времена считалось зазорным.

"Странное дело... Ох, мрак!"

Деян внимательней пригляделся к мальчишкам и заметил то, что стоило бы заметить раньше. Матери они сказали, что ушли за грибами; значит, у них должны были быть с собой корзины. Однако корзин не было.

- Мы все, как было, говорим! Мы правда видели, там два дядьки было... - заканючил второй мальчишка. - А она нам не верит....

- Дед Беон с вас за брехню три шкуры спустит - до весны сесть не сможете, - сказал Деян, стараясь придать голосу как можно больше спокойствия. - Ему о том, что видели, вы готовы рассказать?

- Готовы! Как на духу, дядя Деян! Только скажи ма - пусть отпустит, больно!

- Вот еще удумали, старосту им подавай, бестолочам! Ах вы...

Солша, вздрогнув, осеклась, когда Деян тронул ее за плечо:

- Пусти их, тетушка. Идем к Беону. Там поговорим.

- Ты что, белены объелся, Деян?! - справившись с изумлением, возмутилась Солша и набрала воздуха, готовая обрушить поток упреков уже на него.

- Зуб даю, они приврали половину. Но сама посуди: с чего они так раскричались? - Деян выдержал паузу, давая Солше время остыть. - Кого-то твои сорванцы на самом деле видели. Чужаков. В полутора верстах от околицы.

Солша побледнела, в то же миг выпустив сыновей.

- Господи милосердный!

- Идем к Беону. Даст Господь - обойдется, - вздохнул Деян, внутри себя уверенный - нет, не обойдется. Неясная тревога обратилась в давящее предчувствие скорой и неотвратимой беды.

Притворив калитку, он оглянулся на дом. Нестерпимо вдруг жалко стало нажитого - пусть и чужой семьей - добра. Жаль людей, жаль неразумной скотины, которая сейчас недовольно бурчала в хлеву в ожидании кормежки и которую к следующей ночи погрузят на возы и повезут в войска, пустят без разбору на мясо или вовсе без пользы погубят на подтопленной дороге на радость волкам.

"И каким только чудом пробраться смогли, по такой распутице? Фуражиры - так это, вроде, называется. - Деян с трудом припомнил слышанное когда-то от Тероша Хадена

словечко. - Хорошо если до нитки не обдерут: у нас кое-чего припрятано, но у той же Солши - вряд ли... А если не свои? Если неприятель? Не приведи Господь...".

Дочери Петера были с матерью в поле, Эльма ушла в лес проверить ловушки: в доме оставалась старуха Шалфана, но нынешним утром она вела себя тихо, а с обеда дремала на печи - потому можно было не бояться ненадолго оставить ее одну.

Деян ковылял по улице - в малолетстве казавшейся слишком широкой, а теперь слишком узкой, - не поспевая за быстроногими мальчишками и Солшей. Проходя мимо, невольно задержал взгляд на родительском доме - пустом, с затворенными ставнями и неаккуратно заколоченной крест-накрест дверью. Сквозь плетень видны были желтые пятна, раскачивавшиеся под окнами над сорной травой: махровый шаровник-солнечник расцвел вопреки сырости, отсутствию ухода и заполонившим двор сорнякам.

"Да что я, в самом деле: ничего ведь пока не случилось. - Деян отвернулся и, стиснув зубы, заковылял быстрее. - Права Эльма: скриплю, как дурной воз... Может, не солдаты: вдруг занесло ветром каких-нибудь чудаков с большака? Или мальцы с испугу не признали кого из волковских? Или - может такое быть? - из мужиков наших вернувшихся, заросших и оборвавшихся...".

Но успокоительные рассуждения эти даже в мыслях звучали неубедительно.

- II -

Староста Беон Сторгич давно разменял седьмой десяток лет, но крепок телом и умом был на зависть молодым. К появлению Солши у него на дворе уже толпился десяток сельчан из разных семей, жаловавшихся друг на друга. Козел первых сломал вторым плетень, а гуси вторых объели первым грядки, у третьих тот же козел лягнул собаку. Собака издохла, но перед тем, как издохнуть, придушила четвертым курицу, а пятые того всего не видели, но тоже мнение имели, потому как от издохшей суки им был щенок обещан...

Ссоры такие в последнее время стали делом частым, и Беон терпеливо их разбирал - хотя иногда на то уходили многие часы, -

добиваясь, в конечном счете, примирения благодаря опыту и авторитету. Но завидев Солшу с мальчишками, старик велел жалобщикам обождать, а услыхав, в чем дело, сразу дал детям слово: не иначе как нюхом почуял неладное.

Вскоре, побросав работу, подтянулись и еще люди, привлеченные гневными выкриками Солши или завидевшие небывалое для такого часа столпотворение. Не желая толкаться, Деян присел в стороне от всех на колоду для рубки дров. Чему он хорошо выучился, пока был лежачим, - так это разбирать слова, даже если говорящие перешептывались за плотно прикрытой дверью: слух у него был на зависть лучшим охотникам.

Мальчишки, прерываемые сердитыми окриками матери, наперебой рассказывали, как они - "ну а что такого, на чуть-чуть же, еще полудня не было!", - набрав по полкорзины грибов, завернули к Сердце-горе. Собирались "одним глазком взглянуть": вдруг после ночной бури камень где осыпался - и точно, "новые приступки появились, издали видать!" Решили поближе поглядеть - "правда, ма, только поглядеть!" - и увидели в развалинах двух незнакомых мужчин. Сперва "большого дядьку", а потом "маленького дядьку", велевшего им подойти. "Нет, точно не волковские, волковских мы всех знаем!" - уверял первый мальчишка на вопрос Беона, мрачневшего с каждым услышанным словом, а брат-сорванец ему вторил: "Среди волковских таких нет, вообще нет, первый дядька очень большой, очень-очень, такой в дверь не во всякую пройдет, мы бы запомнили!"

История звучала чем дальше, тем страньше. "Маленький дядька" перво-наперво спросил у мальчишек, что случилось с "замком", а когда те ответили, что знать не знают, и никакой это не замок, а храм, потому как они так решили, - очень рассердился. Накричал на них, бранился, "прямо как матушка, только странно так говорил, смешно, будто каши в рот набрал". Но потом успокоился, спросил, откуда они пришли, как их зовут. А после этого подозвал "большого дядьку" - и вдруг, как ягоду с ветки сорвал, - отломил у того с руки два пальца. Опять спросил про "замок" и дал им те пальцы. Только то уже не пальцы были, а леденцы на палочках: "Точь-в-точь такие, как ты, дед Беон, позапрошлым годом с дороги всем привез".

- Ты тогда первым стрекача дал! - тыкал один мальчишка в другого. - А я догадался, что это фокус такой, ну, как дядя Нарех показывал, сухари в рукаве прятал.

- Ну и что, а ты первым корзинку бросил! - не отставал второй, такой же красный и растрепанный. - Когда они нам на два голоса вслед кричать начали, вернитесь, мол!

- Ну и что, что бросил, дядя Деян еще сделает, правда, дядя

Деян?

Мальчишка привстал на цыпочки, шаря взглядом по толпе.

- Правда, правда. Корзина - невелика потеря... - пробормотал Деян, не отдавая себе отчета в том, что его, сидящего стороне, никто не слышит. Ему было нехорошо. Сердце колотилось в ребра, кружилась голова, к горлу подкатила тошнота, как нередко случалось с ним от испуга и напряжения.

"Говор не наш - значит, наверняка неприятель. И что теперь делать? Бежать некуда. Защиты просить не у кого, сговориться с ними - навряд ли выйдет: силой все, что захотят, возьмут... "

Деян сжал кулаки в карманах, сдерживая дрожь.

Нарех Химжич говорил, что "хитрость - штука не хитрая", но знал уйму фокусов и способов перехитрить кого угодно, не только Солшиных сыновей, а хоть бы и самого Беона. Мажел, старший брат, называл "пустячком" голую силу - но сам любого мог побороть на руках. Легко считать пустяком то, что для тебя самого легче легкого, даже если в действительности это совсем не пустяк.

Беон продолжал расспрашивать мальчишек, в задумчивости покусывая губы. Что следует делать дальше, он, очевидно, представлял не лучше других. И решения никакого вынести не успел: "большой" и "маленький" дядька явились раньше.

- III -

Чужаки вошли в Орыжь со стороны Сердце-горы.

Сперва ветер донес отзвуки их голосов, слов разобрать было невозможно...

Во дворе разом воцарилась тишина: даже куры, казалось, притихли.

Деян встал и, спустя несколько мгновений, разглядел самих чужаков, вывернувших из-за угла: широкоплечего громилу в косую сажень ростом и второго мужчину, казавшегося, в сравнении со спутником-великаном, крохотным, хотя сложения "маленький дядька" был среднего. Деян на миг почувствовал облегчение: хотя великан одним видом внушал трепет, ни он, ни его спутник не походили на солдат: у них не было ружей или палашей. Великан в длиннополой серой куртке - все пальцы на руках его были на месте - беспрерывно вертел головой по

сторонам с беззаботным любопытством, безо всяких усилий поспевая за своим спутником. Тот шел по улице быстрым широким шагом, ни на что, казалось, не обращая внимания. Лицо у него было самое заурядное, даже чересчур простоватое; сырые от дождя светло-русые волосы налипли на высокий лоб неаккуратными прядями. Его можно было бы принять за случайно забредшего из Волковки раззяву-пастуха, потерявшего стадо, пока ухлестывал за девушками, - если б были в Волковке такие пастухи. И если б не слишком легкая, не по погоде, одежда: заправленные в высокие, до колен, сапоги льняные брюки и тонкий кожаный жилет поверх рубахи с высоким воротом.

"Владыка небесный! - Деян вздрогнул от внезапного понимания: одежда чужаков была совсем не обтрепанной и слишком чистой для тех, кто пробирался лесной дорогой. - Да как вообще такое может быть? Что-то с ними не так..."

Чужаки друг за другом вошли в калитку. "Маленький дядька", не желая здравия и доброго дня, но придав лицу приветливое выражение, оглядел собравшихся и, безошибочно определив Беона как старшего, направился к нему. Люди расступились, освобождая дорогу: всеми овладела непонятная оторопь. Мальчишки Солши шмыгнули за спину матери.

- Вот... А ты не верила! - пискнул тот из близнецов, который выглядел менее напуганным.

- Т-с-с, - тотчас зашипела на сына Солша.

- Привет, - глупо ухмыльнувшись, сказал великан. Мальчишка потупил взгляд.

- И вам доброго дня, путники, - пробасил Беон, обращаясь к "маленькому дядьке": как ни удивительно, именно он в этой чудной паре выглядел главным.

- Кто ты? - неразборчиво спросил чужак в ответ, не обращая внимания ни на кривляния оставшегося на два шага позади великана, ни на других сельчан. - Как называется это место?

- Орыжью-селом, что на речке Шептунье, называется, а я - Беон Сторгич. Староста, - сказал Беон с нажимом в голосе. Пронять старика было не так-то просто, однако он не привык, чтоб к нему обращались без должного почтения, и терпеть подобного обращения невесть от кого не собирался. А на кого-то заслуживающего уважения чужак не походил.

- Староста. Хорошо. - Чужак кивнул, будто сам себе. - Развалины в лесу. Когда и как это случилось?

- Помню, спрашивал и я деда, - протянул Беон. - Но так ни с чем и остался.

- Ни с чем остался? - переспросил чужак. Говорил он точно с набитым ртом и слушал, похоже, так же. - Как тебя понимать?

Беон недобро прищурился: чужак нравился ему все меньше, что было совсем не удивительно; но, что было уже страньше, - он явно не собирался этого скрывать.

- На дедовом веку руины под Сердце-горой выглядели точь-в-точь как нынче, - сердито сказал он. - Что там было, отчего сплыло? Дед не знал, я тем паче не знаю. Никто тебе не ответит, уважаемый; да с теми, кто с расспросами пристал, из лесу явившись и даже имен своих не назвав, добрым людям говорить и не о чем!

Чужак как будто не заметил упрека и недовольства в его словах и резко, хрустнув шеей, повернулся к толпе сельчан.

- Никто?

- Никто, господин... - Солша, первой встретившая его взгляд, попятилась. - Бабка моя, покойница, земля ей пухом, тоже про булыжники те ничего не сказывала... Да я не больно-то спрашивала; дела-то давние, какая уж разница, чего и почему...

- Давние: это я уже понял, - медленно проговорил чужак и вновь повернулся к Беону. - Староста. Который сейчас год?

- Двадцатый год Вимила Удачливого заканчивается. - Беон сощурил глаза сильнее прежнего. - Осень на дворе, зима у калитки, коли не видишь.

- А если считать от правления Радислава Огнебородого? Кто сейчас на Императорском престоле и давно ли? Ты умеешь складывать числа, старик?

При всех своих достоинствах считал Беон дурно, на огромных старинных счетах, перешедших к нему от предыдущего старосты, и от такого вопроса разом утратил остатки самообладания и доброжелательности.

- Послушай, уважаемый! - Беон повысил голос. Глаза под седыми бровями сомкнулись в щели, через которые он презрительно и гневно разглядывал чужака сверху вниз. - Никто здесь знать не знает никаких огнебородых и ператоров. А прежде чем с расспросами лезть, недурно было бы научиться выражать старикам почтение, как думаешь, уважаемый?

- Замок, староста. Меня интересует только замок, - медленно повторил чужак. - Что сталось с теми, кто в нем жил?

- Скудоумный ты, что ли, или сумасшедший? - осклабился Беон. - Не жило там людей! Дед мой рассуждал, что более всего развалины эти на скотный двор похожи; по моему разумению, так оно и есть. Почему бы тебе, уважаемый, не пойти свиней порасспросить - как их пращурам там жилось?

Сквозь освобожденный людьми коридор Деян отчетливо видел чужака, его лицо, до последнего хранившее выражение чуть уставшее, чуть раздосадованное. И видел, как оно изменилось: не

прошло, казалось бы, и мгновения - гримаса безудержной ярости скривила мягкие черты, глаза ввалились и почернели.

Беон, высокий и крепкий, возможно, смог бы дать какой-никакой отпор чужаку, если б тот не выбил из старика дыхание первым же неожиданным ударом. Беон согнулся пополам - и вторым ударом с левой руки в висок незнакомец оглушил его. Беон мешком осел на землю.

Мужики из толпы бросились на помощь; но тщетно. Печнику Вакиру повезло: великан просто поставил ему подножку, отчего тот пропахал три шага лицом по земле. Старого же кровельщика он обхватил ручищей за поясницу и швырнул в толпу. Люди попадали, как деревянные чурки.

- Не обижайте мастера. Джибанд не даст обидеть мастера. - Великан развел руки в стороны и широко расставил ноги.

За его спиной вдруг гулко грохнуло.

На крыльце Беонова дома двоюродная сестра и племянница Беона вдвоем держали опертое на перила старое ружье, один раз уже сыгравшее свою несчастливую роль; должно быть, после истории с сестрами Шинкви Беон достал его и хранил заряженным. Начищенный ствол чуть дымил. Выстрел попал в цель, но крови не было: только пыльное облачко клубилось у прорехи в куртке - а великан даже не оглянулся.

Бабы с испугу не удержали ружья, и оно, перевалившись через перила, упало на землю.

- Не обижайте мастера. Или Джибанд вас сломает, - пригрозил великан нелепым плаксивым тоном. За его спиной "мастер" избивал лежащего на земле Беона, безмолвно и страшно, нанося удары без расчета и смысла, будто не мстил человеку за оскорбление, а отводил душу на подвернувшемся под руку соломенном пугале.

- Не иначе доспех мудреный на нем... Солдаты все ж, не иначе... - Шепот прокатился по толпе, в которой никто больше не решался прийти Беону на помощь. Даже прибежавший на шум Киан-Лесоруб остановился в растеряности.

- И говор не нашенский. Неприятель... Солдаты...

"Нет! Не доспехи. Не солдаты... Хуже. Они... Он..."

Если б Деян и решился сейчас же предупредить людей, он все равно бы не смог выдавить из себя ни слова: горло будто одеревенело, не давая ни вздохнуть, ни выдохнуть. А если б даже и смог - все равно он не знал, что говорить, как объяснить. Как назвать тот кошмар, что открылся его внутреннему взору.

Рассказы мальчишек об отломанных пальцах, настойчивые расспросы про развалины у скалы, чудной говор и вид - все эти мелочи сложились в его голове воедино за мгновение до того, как

чужак ударил Беона. Эту чудовищную гримасу гнева, сминающую лицо, будто пересохшую глину, Деян в прошлом представлял себе сотни раз, потому сразу узнал ее - и, как бы того ни желал, не мог ни на миг усомниться в своей догадке.

К бедам, свалившимся на Спокоище, добавилась новая, невероятная, невозможная, - но она одна могла оказаться хуже всех прочих. Во дворе стояла огромная колдовская кукла, а за ее спиной избивал старосту явившийся - из глубины веков, из небылиц старой Вильмы, из ниоткуда! - древний мастер-чародей. "Голем".

То, что скала не разрушилась полностью, а только потеряла в ночь пару-тройку камней; то, что настоящий Голем ничем, кроме выражения лица, не походил на воплощение Мрака, какое в детстве представлял себе Деян; плаксивый бас великана, просившего "не обижать мастера", - все это только еще больше нагоняло ужаса. В сказках боролись Добро и Зло, Герои и Злодеи, а Господин Великий Судия приводил сказки к справедливому концу: на то они и сказки... В действительности же существовала только беззащитная, загодя потерявшая всех хороших бойцов Орыжь - и разъяренный чародей, желающий знать, что случилось с его давным-давно сгинувшим домом. Требующий ответов.

"Да ты сам его и разрушил!" - было немыслимо сказать что-то подобное, глядя в его почерневшие от гнева глаза.

Безумен был Голем или нет, действительно ли сам он когда-то обратил замок в руины или же сказки привирали, - так или иначе, за подобное предположение он мог сделать что-то намного худшее, чем проделывал сейчас с Беоном за простое оскорбление. Да он что угодно с кем угодно сделать мог - дай только повод!

Деяну было что сказать про "замок" - и потому больше всего на свете хотелось исчезнуть с глаз чародея, немедля оказаться от него как можно дальше. Но он не мог двинуться, не мог даже сесть обратно на колоду, чтобы стать менее заметным, -только хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

- IV -

- Так останови его, мастера своего! Охолонись, безбожник,

насмерть ведь зашибешь! - пронзительно завопила вдруг Солша. Оттолкнула сыновей в толпу, бросилась вперед и, с необычайным проворством поднырнув под руку великана, повисла у чародея на спине.

Двор, в котором до того, казалось, слышались только глухие удары и тяжелое дыхание, разом ожил, наполнился звуками: ржала в стойле кобыленка Беона, кудахтали перепуганные куры, люди озирались друг на друга, кричали, охали - и все это одновременно.

- Дура, куда?

- Поберегись, Солша, а то и тебя зашибет!

- Господь всемогущий, что делать-то...

"Не надо! - Деян видел, как Киан, побледнев, крепче стиснул в руках топор. - Нельзя, это бесполезно..."

Чародей выпрямился, тычком локтя сбросил с себя Солшу и развернулся к ней.

- Стой, ты, зашибешь старика, хватит! - продолжала завывать Солша. Чародей широко размахнулся, метя ей в лицо, но в последний миг остановился. Люди притихли.

- Женщина, - медленно произнес чародей, будто только сейчас ее заметив. Он так и остался стоять с занесенной для удара рукой. - Что ты сейчас сказала? Повтори.

- Я сказала, господин, довольно драться, довольно уже со старика-то нашего. Ты осерчал за то, как он тебе нагрубил, но ведь по справедливости-то ты сам перво-наперво, то есть ты ведь первый неправ был, господин хороший... Ох! - Солша, растеряв решимость, начала потихоньку пятиться под взглядом чародея, но уперлась в спину неподвижно стоящего великана. Тот ни задержать, ни оттолкнуть ее не пытался. - Я, может, не так чего сужу, по-бабьи, но ведь ты, господин, не как должно доброму гостю себя повел. Деда не уважил, даже как тебе по батюшке кланяться, не сказал...

Чародей слабо усмехнулся:

- Рибен Ригич. Князь Старожский.

Он опустил руку, ни на миг не переставая разглядывать Солшу, выискивая хоть малейшую тень узнавания на ее лице.

- Хозяин камня. Голем, - добавил он.

- Не слыхала, простите темную, господин Ригич...

- Я тебе не верю, женщина.

- Господь мне свидетель. - Солша осенила себя амблигоном. - Не слыхала, господин.

- Не верю, - хрипло повторил чародей. - Люди! Слушайте меня, вы, все!

Он обвел мутным взглядом толпу, попытавшись придать лицу

прежнее приветливое выражение, но все еще не вполне владел собой, потому вышла какая-то неприятная, жалкая полуулыбка.

- Я не буду никого наказывать за то, что ваши деды растащили камень со стен на курятники: это не ваша вина, - сказал он. - Я обещаю никому из вас больше не причинять вреда, даже если ваши слова придутся мне не по нраву. Не бойтесь говорить. Слово Голема тверже камня.

Орыжцы молчали.

- Хоть кто-нибудь может мне сказать, что случилось в замке? Ты, малой? Ты, женщина? - Не дождавшись никакого ответа на свои слова, чародей начал наугад указывать на людей в толпе.

- Нет, сожалею, господин Ригич, - вслед за остальными пробормотал Деян, когда палец чародея указал на него.

Голем пристально разглядывал его, разглядывал долго, дольше других, так долго, что Деян уже уверился в том, что погиб: чародей сейчас распознает его ложь, и все закончится. Но закончится не сразу, а намного позже, когда Голем выспросит у него все, что он знает, - и вытянет из него все жилы, вывернет кожей вовнутрь, чтобы удостовериться в том, что полуграмотный калека не знает ничего больше.

Но, похоже, чародей - хвала Небесам! - не умел читать мысли. Невнятно пробормотав что-то, он, наконец, отвернулся и ткнул пальцем в сторону Киана, так и не склонившего головы и изо всех сил сжимавшего топор.

Колени подогнулись, и Деян без сил опустился на колоду. Великан-кукла, назвавший себя Джибандом, по-прежнему стоял посреди двора безмолвно и недвижимо. Он, насколько Деян мог видеть, даже не дышал: и впрямь, к чему кукле дышать? Но никто этого не замечал, хотя люди потихоньку приходили в себя. То там, то здесь в толпе слышались сердитые шепотки.

- Только заявился - а уже князем себя объявил...

- Еще хозяином назвался - будто мы скот какой!

- Да какой из него князь? Ни рожи, ни людей за ним...

- Из одного дуболома вся свита.

- Ты тише! Мож у него в лесу войско припрятано...

- Это мож и так.

- Охвицер он баронский.

- Точно так! В разведку послан, и головы нам дурит, оттого и к развалинам прицепился, бес, - отвлечь хочет...

- Дело говоришь.

- Кому видать - как там дед наш, жив?

- Неживой... Зашиб, князек окаянный...

- Типун тебе! Дышит дед.

- Слыхали - "князь"? А Нильгишна, которая Беона вчерась

клюкой ткнула, - княгиня, что ль?

- Тише ты, дура. Услышит еще.

Но Голем не слышал. Или делал вид, что не слышит.

- V -

Прошло еще немало времени, прежде чем чародей удостоверился в бесполезности своих расспросов; сплюнул под ноги, скривился брезгливо и зло:

- Простецы беспамятные! Сами дураками уродились или мозги вам кто поотшибал?

- Не можем знать, господин, - промямлила Солша, взявшая на себя, за отсутствием других желающих, роль переговорщика.

- Ясное дело: не можете. - Чародей тяжело, с присвистом, вздохнул. Лицо его вдруг разгладилось, стало спокойным, уставшим, как-то посерело. - Есть здесь сейчас поблизости другие поселенья?

Солша замялась.

- Отвечай: все равно узнаю, - сказал чародей без угрозы. - Великоват секрет, чтобы спрятать.

- Волковка в двадцати верстах, господин, только волковские - те, позвольте судить, еще темнее нас будут, нам-то отсюда до большака поближе. И если в Волковку направиться желаете - это б лучше поутру, поздно уже нынче...

- До большака сколько?

- Сорок верст короткой тропой, если не размыло, но по таким-то дождям - уж наверное, оползла земля... А точно знать не можем: мы туда не ходоки нынче. Мужики наши как ушли, так сгинули, девки сбежали да пропали... Лихое время, война кровь любит, - печально сказала Солша и тут же всплеснула руками. - Да что я вам объясняю! Вы ведь сами оттудова явились: вам и знать лучше.

- Война?

Чародей, чуть нахмурившись, оглядел толпу, в которой не было ни одного с виду молодого и здорового мужчины. Взгляд его снова задержался на Деяне, всего-то лишнее мгновение, - но это мгновение показалось Деяну невозможно долгим.

- Война, значит. Похоже на то. - В мутных глазах чародея

зажегся интерес, и вопросы полились потоком:

- Кто воюет? Кто знаменные чародеи? Из-за чего свара?

Солша растерялась, оглянулась украдкой на людей: "Что за нескладица?"

Она, как и все, считала чужаков вражескими солдатами. Недобрыми, страшными - но простыми людьми, с которыми и разговор простой.

- Да вам ведь лучше знать, господин, пошто люди друг на друга с оружием идут... - наконец, неуверенно проговорила она. - Зачем нас-то, темных, спрашивать?

Чародей тоже помедлил с ответом.

- Раз спрашиваю - значит, надо. Говори, что знаешь.

- Воюет - да вродь как Величество наше с бароном Бергичем: бунт барон поднял, так королевские люди сказывали... А за какой надобностью тот бунт - мы того знать не можем. Может, дед наш поболе знал, да только теперь... - Солша, взглянув на неподвижно лежащего Беона, осеклась, вспомнила, с кем говорит. Голос ее задрожал. - Наше дело - налог исправно платить, сколько укажут. Мы люди скромные, небогатые, милорд Ригич....

Чародей, проследив за ее взглядом, в голос выругался. Брань его состояла сплошь из самой чудовищной божбы, какую Деян когда-либо слышал. Чародей опустился рядом с Беоном на одно колено и, перевернув старика сперва на живот, затем на спину, стащил с него окровавленную куртку.

- Не надо, милорд Ригич... - зашептала Солша.

- Ты ему жена?

- Не надо...

- Да проглоти ты уже язык, женщина! - Чародей упер ладони старику в грудь. Звук был такой, будто в ручную мельницу насыпали песку и быстро завертели ворот.

- Не тронь! - Киан пробился сквозь толпу вперед. - Не тронь, ты, чтоб тебя!

Великан, в то же миг оживший, преградил дорогу:

- Не мешай мастеру.

Киан, даже вытянувшись во весь свой немаленький рост, едва ли смог бы достать лезвием ему до затылка. Джибанд широко расставил руки и стал будто еще больше. Киан зло таращился на великана снизу вверх, не решаясь ни отступить, ни напасть. Возможно, он все же пошел бы вперед, но чародей оставил Беона в покое.

- Погоди, Джеб! - бросил он великану, встал, отряхивая ладони, и развернулся к Киану. - Как твое имя, старик?

- Не твое дело, - прохрипел тот.

- А ты, я вижу, не робкого десятка, - с необыкновенной для

себя разборчивостью произнес чародей, выговаривая по отдельности каждый звук, и протянул руку ладонью вверх. Без слов, одной позой и жестом приказывая отдать ему топор.

Киана Кержана в Орыжи называли не иначе чем Кианом-Лесорубом: во времена его молодости не нашлось бы во всем Спокоище такого дерева, какое он не смог бы свалить с дюжины ударов. Киан приходился ровесником Беону и последние годы чаще покрикивал на молодых, чем брался за дело сам, но с топором никогда не расставался. С тем самым, которым некогда, ворча и вздыхая, рубанул по кости "пустоголовому малому", на диво неудачно поломавшему ногу на скале.

Деян сгорбился на колоде, безотчетно комкая в пальцах полу куртки. Взгляд его метался между прошлым и сегодняшним кошмаром, между Кианом и Големом, между острой кромкой лезвия и длиннопалой, в кровоточащих ссадинах, рукой чародея.

Киан, стискивая топор, буравил полным ярости взглядом чародея, а тот, казалось бы, не замечал этого взгляда, не замечал даже самого Киана, - смотрел, мрачно и устало, на людей за его спиной. И люди пятились, отступали.

Безмолвное противостояние кончилось неожиданно, в один миг. Киан коротко вскрикнул, отшатнулся, отбросив от себя топор, будто обжегшись. Великан проворно подхватил топор на лету. А Киан, споткнувшись на подвернувшемся под каблук камне, сел посреди двора на зад.

- Так будет лучше, старик, - спокойно сказал чародей. Великан заткнул топор себе за пояс. Киан, не переставая браниться, попытался встать - но снова не удержался на ногах и плюхнулся в грязь. В толпе послышались смешки. Как замечал в своем трактате Фил Вуковский: "Тому, кто видит себя напуганным и униженным, нет ничего милее, чем видеть, что кто-то напуган и унижен еще более него"... К тому же Киана многие недолюбливали, не без оснований полагая, что тот слишком высоко задирает нос.

Больше Киан подняться не пытался, только осоловело хлопал глазами и разглядывал свои мозолистые ладони.

"Вы что же, ослепли?! Разве вы не видите - он ведь упал не сам!" - Деян отчаянным взглядом шарил по толпе односельчан.

Кто-то посмеивался над стариком, кто-то сочувствовал ему, но, похоже, никто не сомневался в том, что Киана попросту ноги не держат от страха. Тогда как он определенно свалился не сам. Чародей что-то сделал. Сперва с топорищем, затем с землей, выбив ее у старика из-под ног. Но даже сам Киан не мог взять в толк, что такое с ним случилось.

- Значит, так! Пусть ваша память не длиннее вашего ума, -

чародей вздохнул, - кое-что вам надлежит запомнить твердо.

Он закинул руку великану на плечо - и дальше они заговорили вместе. Лица приняли сходное выражение, губы шевелились одновременно, голос куклы-великана оплетал свистящий говор чародея:

- Мое имя - Рибен Ригич. Ваша земля - моя земля. Я - Голем, Хозяин камня, и в камень обратится тот, кто посмеет меня ослушаться!

Он отпустил великана и продолжил уже один, спокойнее.

- Отнесите этого, - он скосил глаза на тело Беона, - в дом. И покопайтесь в своих пустых головах - вдруг что вспомните. Пока меня не будет, Джибанд за вами присмотрит. Он хороший малый, но лучше его не огорчать и не сердить. Все ясно?

- Все, милорд Ригич, - торопливо закивала Солша. - Да с чего б нам дурное делать. Мы люди честные, смирные...

- Надеюсь на то, женщина.

Чародей подхватил с земли куртку Беона, закинул за плечо и, едва не пройдя Киану по ногам, направился к калитке. Люди расступались перед ним: изумление и испуг пока еще держали их крепко, никто и не думал о том, чтобы ему перечить. Он двинулся в ту же сторону, откуда пришел, - и скрылся с глаз прежде, чем завернул за угол. Исчез, будто его и не было.

- Ловко... Экий трюк, - приглушенно сказал печник Вакир, потирая челюсть. - Чудны дела твои, Господи...

Толпа задвигалась, зашептала.

- Уж не колдун ли князек наш? - предположил кто-то из орыжцев, но на него сразу же зашикали:

- Ты подумай сперва, дурной, а потом уж болтай!

- Будь колдун - стал бы он деда нашего кулаками месить?

- Бергичевский засланец! Тут и ума не надо, чтоб понять.

- Да ежель и колдун - все одно, бергичевский. За добром нашим пришел.

- Да какой из него колдун, с таковской-то рожей? Тем паче Джанбанд этот: силища бычья, а языком едва ворочать умеет, Висы-дурака дурней, прости его Господи... "Колдуны", выдумали тож!

- VI -

Джибанд возвышался посреди двора, озираясь: соображал он, похоже, и впрямь туго. Горбатая Илла - преемница Вильмы, которая понимала в лечении еще меньше старухи, - хлопотала над кровельщиком, Матаком Пабалом, приходившим в себя у забора. Солша и с ней еще бабы метнулись к Беону. С колоды, где сидел Деян, староста казался мертвым, но тихо застонал, когда они, охая и причитая, попытались его приподнять.

- Не тронь, дуры! - зарычал на них Киан. Встал осторожно, с опаской, обогнул по широкой дуге великана, зло кося глазом, и потрусил к ним:

- Не тронь, кому сказано! Нельзя же человека, как мешок с сеном! Это у вас в бошках сено, бабье дурное! Ты и ты, помогите, чего встали, раззявы!

Орал и бранился Киан больше обычного, пытаясь восстановить в глазах односельчан пошатнувшийся авторитет, а замечая, что его не больно-то слушают, распалялся еще больше. Двор наполнился суматошным людским движением: кто-то бросился помогать поднимать Беона, кто-то пошел успокоить бившуюся в стойле лошадь, кто-то бочком протискивался к калитке. Другие сбивались в кучки - соседи, приятели - и обсуждали случившееся, бросая настороженные взгляды то на Джибанда, то на улицу, где исчез "князь". Только Джибанд по-прежнему оставался недвижим, глазея по сторонам с выражением робкого любопытства.

- Деян!!! Да очнись ты уже!

- Что?!..

Деян едва не свалился с колоды, почувствовав, как кто-то тронул его за плечо, и непременно свалился бы - если б девушка его не удержала. Он не заметил ни как она появилась во дворе, ни как она подошла.

- Эльма! Когда ты вернулась?

- Я уже битый час пытаюсь тебя дозваться, глухарь, - проворчала девушка. - Хоть ты можешь мне объяснить, что здесь происходит? Кто эти двое? Я заметила столпотворение, когда возвращалась из леса, ну и подошла послушать. Этот новоявленный князь как раз заканчивал выпытывать у вас про развалины... Деян! Почему ты на меня так смотришь? На тебе лица нет... или это у меня что-то с лицом?

Она, смущенная таким предположением, подалась назад, быстро провела ладонью ото лба до подбородка, откинула приставшую к щеке прядь.

Деян - уже который раз за сегодня - не мог произнести ни слова. Его бросало то в жар, то в холод. Пока Голем был рядом,

он думал только о том, чтобы самому ненароком себя не выдать, и со страху забыл обо всем на свете.

Эльма. Дочери и жена Петера, старуха - все они жили сейчас с ним под одной крышей и слышали, какие он сказывал сказочки про "волшебную" скалу, а значит, находились в опасности ненамного меньшей, чем он.

Всем без исключения в Орыжи было известно, что он худо-бедно знает грамоту и пробовал читать вместе с Терошем Хадемом уцелевшие записи из Орыжского святилища, а значит, может знать больше других. Чудом было уже то, что никто до сих пор не указал на него пальцем; благодарить за то стоило лишь Господа и, пожалуй, свою несчастливую судьбу: просто-напросто увечный Химжич-младший был человеком слишком незначительным, чтобы о нем вспоминать.

Еще был Терош Хадем, который вряд ли знал, но мог знать больше других - не о развалинах у Сердце-горы, но о Старожском князе Рибене Ригиче, - однако чародей, по счастью, ушел в противоположную от дороги к Волковке сторону. Священник находился далеко, и пока за него можно было не беспокоиться.

- Не молчи, у меня от твоего молчания мороз по коже. Да что с тобой такое, Деян? Нездоровится? - Эльма наклонилась к нему, с тревогой заглядывая в глаза. - Господь всемогущий! Совсем худо, да? Что ж за день сегодня такой... - пробормотала она разом севшим голосом и, крепко стиснув его плечо, обернулась ко двору с очевидным намерением позвать кого-нибудь на помощь.

- Не надо, - выдавил из себя Деян. От ее по-будничному многословного беспокойства внутри все переворачивалось, но "помощи" - которая с его удачей могла последовать не иначе как от Джибанда - допустить было нельзя, и страх, умножившись, придал ему сил. - Со мной все в порядке, Эл.

- В порядке?! Да ты сейчас в обморок свалишься, друг.

Тревога в ее голосе смешалась с досадой на явную ложь.

- Не дождешься. - Он попытался улыбнуться. - Послушай меня. Ни о чем не спрашивай сейчас, прошу. Просто сделай, как я скажу. Найди Малуху с девочками, иди с ними домой и никуда не выходи, никого не впускайте. Если этот тип, Голем, явится, - спровадь его как-нибудь, скажи, что зараза в доме, что угодно.

Эльма нахмурилась. "Ты не в себе", - читалось на ее лице. Деян украдкой огляделся по сторонам: рядом по-прежнему больше никого не было, и великан смотрел в другую сторону.

- Поверь мне, прошу, - быстро зашептал Деян, наклонившись к самому ее уху и ухватив за запястье, не давая уйти. - Я не шучу, не лгу, не брежу. Этот, во дворе, - он... Он вообще не человек, Эл! Кукла. А второй, который ушел, - он, чтоб его, на самом деле

князь. И чародей, настоящий. "Голем". Такой же древний, как треклятые развалины, и еще более сумасшедший, чем старуха Вильма, которая мне про него рассказывала. Она говорила - он сам этот свой проклятый замок и разрушил! Впал в ярость и всех - жену с ребенком, слуг, соседей - всех перебил... Но сам о том не помнит. И лучше ему ничего не знать, не знать, что мы знаем, и о том, что я рассказывал девчонкам, тоже, и никому другому не знать, потому как... - Он запнулся, окончательно запутавшись.

- Потому как наши все равно тебе не поверят. А этот самый князь, если захочет разузнать побольше, может кнутом или колдовством с тебя кожу содрать для верности, - закончила вместо него Эльма. Тон ее изменился, стал задумчив и насторожен. - Или не с тебя, а с девчонок, да вообще со всех подряд, если разойдется. Это ты хотел сказать?

- Ты мне веришь?

- Не знаю, - Эльма чуть слышно вздохнула. - Но ты ведь не мог такое выдумать, Деян?

- Нет, я не...

- Слово Цапли? - вдруг требовательно спросила она.

В первый миг Деян подумал, что ослышался. Отстранился, поймал ее взгляд, ожидая найти в нем насмешку, но Эльма была серьезна. Серьезней некуда.

"Нашла что вспомнить - в такой-то момент! - Деян невольно крепче стиснул ее запястье. - Мне тебя никогда не понять, Серая".

- Слово, Серая, - прошептал он. - Честное слово Цапли. Иди скорее, прошу. Запритесь в доме и не выходите.

- А ты?

- Я хочу чуть проследить тут за всем. На всякий случай.

Никакого "всякого случая" Деян представить себе не мог, но сидеть, запершись в четырех стенах, в ожидании, когда в дверь постучит чародей, казалось хуже, чем находиться здесь. Кроме того, он сомневался, что сумеет сейчас дойти хотя бы до Беоновой калитки.

Эльма с сомнением посмотрела на него, думая, очевидно, о том же самом.

- Я не болен. Просто-напросто перетрусил.- Он вымученно улыбнулся. - Иди.

Она ушла, одарив его напоследок еще одним недоверчивым взглядом.

Глава третья. Каменная крошка

- I -

После того как Эльма вышла за калитку, Деян просидел некоторое время неподвижно, собираясь с силами. Потом доковылял до крыльца и со вздохом облегчения опустился на лавку. Обе ноги будто превратились в деревяшки - и все же он дошел, не упав и даже не споткнувшись.

"Герой!" - Деян криво ухмыльнулся своей маленькой и бесполезной победе.

Никто не обращал на него внимания, ни великан, ни односельчане, чему он был почти в равной степени рад. Людей во дворе Беона убавилось втрое, но оставшиеся, слишком ошарашенные и встревоженные, чтобы вернуться к обычным делам или спрятаться - а может, тоже страшащиеся ожидания в четырех стенах, - расходиться не спешили; тем паче распогодилось и выглянуло солнце. Некоторые, осмелев, попытались поговорить с великаном: далеко ли войска, не знает ли случайно "господин Джибанд" чего-нибудь о судьбе орыжских и волковских рекрутов, что господа бергичевцы намерены делать с пленными, с жителями захваченных земель? От этих расспросов грубое лицо гиганта принимало выражение растеряное и даже виноватое. "Не знаю. Не понимаю, о чем вы", - гундосил он, чем еще больше убеждал людей, что все произошедшее - не иначе как какая-то хитрость, которая не сулит им ничего хорошего. Они отходили, переглядываясь и перешептываясь. Деян чутким слухом улавливал обрывки их разговоров: более всего людей занимал вопрос, возможно ли как-нибудь откупиться от чужаков, чтоб солдаты не порушили тут все, и хватит ли добра одновременно на откуп и на то, чтоб пережить зиму. Орыжцы твердо убедили себя, что имеют дело с бергичевскими разведчиками, и разуверить их не могло уже ничего. Пожалуй, даже если б сам Голем прямо заявил, что понятия не имеет, кто такой барон Бергич, - они точно так же переглянулись бы и пошли шептаться промеж собой, чего он пытается эти добиться.

Деян сокрушенно вздохнул: в голове не было ни единой

мысли о том, что делать дальше, кроме как надеяться, что чародей уйдет на тракт - хорошо бы не заглянув перед тем в Волковку - и где-нибудь в большом мире сгинет в омуте войны.

"Который немногим позже затянет и нас. В самую пору позавидовать... этому...", - Деян взглянул на Джибанда. Стоять столбом посреди двора великану наконец наскучило, но никакого занятия он себе так и не придумал, потому прошел к дому и сел на полоску сухой земли у стены, прикрыв глаза - словно задремал. Судя по его поведению, какие-то чувства он испытывал, хоть и не был человеком, но соображал туго и плохо понимал, что происходит.

Деян попытался припомнить все, что когда-либо слышал и читал о чародеях: сказки, доходившие из большого мира слухи, книги и рассказы Тероша Хадема... Ничего утешительного в памяти не нашлось. Одни чародеи вели дела с мирскими правителями, другие жили сами по себе, и многие из них служили Владыке Мрака, - с ними боролись остальные, но, прежде всего, - святая церковь Господина Великого Судии. Возможности чародеев в церковных преданиях описывались как "превосходящие людское разумение": Дернан Лютый мог убивать взглядом и летать, Зеленый Чудак умел управлять погодой и мог за ночь вырастить цветущий сад на каменной пустоши, Норк Подлый - подчинял мысли всякого человека, кто к нему приближался, Верему Странному служили звери и птицы, Сарам Легкий Шаг исчезал в одном месте и тотчас появлялся в другом... Как будто не существовало ничего, что было бы невозможно для чародеев! Среди простых людей равных им не было, а разума какой-нибудь колдун лишался едва ли не в каждом сказании... Иногда описывалось, как чародеи погибали в войнах, сраженные стрелой или мечом, но до того они забирали с собой в могилу сотни и тысячи противников. Сказки навряд ли были слишком уж правдивы, но даже в них не упоминалось никакой слабости, не было никакой указки на то, как можно справиться с Големом прежде, чем тот начнет крушить все вокруг.

"Наобум нападать рискованно - костей не соберем... Ничего не поделать: лучше всего нам ждать, что будет, и надеяться, что он уберется из Спокоища. - Деян откинулся на лавке. - Так-то, чародей по прозвищу Цапля: сиди и не высовывайся!".

В голову совсем уж некстати полезли растревоженные Эльмой воспоминания о давно прошедшем, о беспечных и безобидных детских забавах: до злосчастного падения и даже после - в быстротечный год до смерти родителей. Детей бремя увечья Деяна никак не касалось, и старые приятели еще не сторонились его, а уж ролей, за которые не хотелось браться никому другому,

в их играх всегда хватало.

По зиме злой Ледяной Чародей мерз в снежной крепости и метал в нападающих Героев заклинания-снежки; чтобы победить подлеца, достаточно было прочертить вокруг крепости по снегу волшебный круг. И колдовство, и смерть - все тогда было не взаправду...

Прозвище "Цапля" к Деяну, одноногому и долговязому, пристало как влитое, и даже то, что насколько оно нелепо для злого колдуна, не могло этого изменить. Чтобы забава не заканчивалась слишком быстро, Эльма Догжон обычно играла за волчицу и помогала "чародею", забрасывая "героев" снежками из кустов вокруг. Сама она оставалась для "героев" уязвима, и Деян старался прикрывать ее, отвлекая внимание на себя, а Эльма иногда подолгу выжидала, заготавливая снаряды, и нападала на героев из засады в нужный момент... С такой тактикой им случалось временами и побеждать, на что "герои" досадовали и злились: Барм и Кенек Пабалы, сыновья кровельщика, Малиша, дочь печника Вакира, Халек Сторгич, сын старосты... И Петер Догжон, брат Эльмы: самый старший и сильный из всех, он на проигрыши злился особенно, но никаких грубостей себе не позволял.

Теперь, даже если б такая глупость, как волшебный круг, могла помочь, чертить его было некому. Никого из героев - кроме Малиши, превратившейся к двадцати годам в обрюзгшую и крикливую, вечно всем недовольную тетку - в Орыжи не осталось. Все ушли с вербовщиками в большой мир.

"Если по возвращении обнаружат вместо села развалины - будут так же бросаться на каждого встречного-поперечного с кулаками и расспросами, как Голем? Если вообще вернутся... Забери меня мрак! Почему я всегда загодя думаю о самом худшем?! - одернул себя Деян. - С Петером, Халом и остальными уж точно все должно быть в порядке. Не такие они люди, чтоб пропасть".

- II -

Киан-Лесоруб на несколько мгновений показался на крыльце, бросил взгляд на дремлющего Джибанда и, удовлетворенно хмыкнув, снова исчез в доме. Вскоре Киан вновь вышел, но уже не

один, а вместе с Вакиром.

"Жаль, ружжо поломалось: уже б управились..." - разобрал Деяна шепот печника. Быстрым шагом они направились к сараю, и глаза у обоих были очень недобрые. Печник то и дело трогал разбитый подбородок, а Киан вполоборота поглядывал на Джибанда. Вернее сказать, на топор на его поясе.

"Эй, вы же не собираетесь!.."

Деян вскочил, разом забыв обо всем, даже о своем увечье, за что едва не поплатился, в последний миг сумев удержаться на ногах. Весь вид Киана и Вакира говорил: они собирались, и еще как.

Пока Киан что-то искал в сарае, печник вытащил оттуда приставную лестницу и поволок на задний двор, куда Халек прошлой весной натащил кучу больших камней. Собирался справить фундамент для новой бани и двор подравнять, да не успел.

- Вы что задумали?!

Деян догнал Киана уже за углом дома и ухватил за локоть. Через левое плечо Киана была перекинута смотанная веревки и мешок.

- Соображаешь, парень! - Киан, ухмыльнувшись, поднес палец к губам. - Соображай, да не мешай.

Печник уже прилаживал лестницу к крыше. Джибанд уселся неудачно, у самой кромки крыши, потому раскроить ему затылок валуном побольше было, казалось, проще простого.

- Нельзя, дед Киан! - прошептал Деян, стараясь придать голосу убедительности. - Никак нельзя. Ничего у вас не выйдет.

Деян знал, что Киан его не жалует - очевидно, за то, что одним своим видом он напоминал старику о непривычной и не слишком удачно проделанной когда-то работенке. Сам он недолюбливал старика ровно по той же причине. Киан-Лесоруб был предпоследним, с кем ему хотелось бы объясняться; а последним был печник, чей тяжелый нрав все орыжцы хотя бы единожды испытали на себе.

Однако выбора не было.

- Это еще почему? - Ухмылка исчезла с морщинистого лица Киана. Теперь он смотрел на удерживавшего его Деяна пристально и зло.

- Тот, который назвался князем, - чародей. И этот, второй... его так просто не убить.

- Может, насчет князька ты и прав. - Киан нахмурился. - Но его тут нет! И вернуться мы ему не дадим. И помешать нам никому не дадим! - сказал он с плохо скрытой угрозой в голосе и, высвободив руку, подошел к печнику, отдал тому мешок и

веревку.

Деян снова догнал его:

- Дед! Джибанд не из плоти и крови. Он колдовская кукла. Голем. Камнем ты его не убьешь...

- Бессмертный, что ль? Надо же - бессмертный получеловек, и где - в нашей Орыжи! - Киан насмешливо присвистнул. - У страха глаза велики, Деян. И вот что я тебе скажу: будь они хоть трижды чародеи - мы им наглости не спустим и расхаживать у нас не дадим. Поплатятся, сволочи, за Беона. За все поплатятся!

Киан, больше не удостаивая Деяна вниманием, взялся за обвязанный веревкой мешок. Большой камень Вакир уже устроил внутри, а сам с другим концом веревки забрался на крышу. Он должен был тянуть мешок наверх за веревку, Киан - подталкивать снизу.

- Но...

- Трусишь - так сиди смирно, ущербный, - отозвался с крыши Вакир. Ссадина на его побагровевшей от натуги физиономии сочилась кровью. - Хватит болтать, Лесоруб. Толкай!

"Сам ты... ущербный на голову!"

Деян посторонился, в последний миг удержавшись от того, чтобы обругать Вакира вслух. Старикам уязвленная гордость затмила разум: без толку было переубеждать их или стращать последствиями неудачи. Вакир и Киан теперь думали только о том, как бы поквитаться с чужаками...

У него, в их понимании, гордости не было вовсе. Сейчас Деян даже готов был с этим согласиться.

"Не время между собой собачиться".

Под скрип теса на крыше он поковылял обратно, раздумывая, что еще можно сделать. Ничего не оставалось, кроме как привлечь внимание Джибанда, чтоб тот ушел из-под крыши.

От страха все сжималось внутри и подгибались колени - но нельзя было допустить непоправимого.

"Лесоруб потом жизни не даст. А все же лучше уж так, чем..." - Деян заторопился.

И все равно опоздал.

Опасаясь, что великан сам возьмет и уйдет - или догадавшись, что сейчас их замысел намерено расстроят, - Киан и Вакир проявили удивительную для своих лет расторопность. Когда Деян вывернул за угол, пышнотелая жена печника, стоявшая у забора напротив Джибанда, взмахнула рукой, давая мужу сигнал. Камень перевалился через край и мгновением позже с жутким треском раскололся о маковку великана.

"Мрак небесный!!!" - Деян отшатнулся, зажмурившись. - "Храни вас Господь, дураков...".

Когда Деян решился вновь открыть глаза, Джибанд, выпрямившись во весь свой огромный рост, почесывал в затылке и разглядывал заговорщиков на крыше. Он - кто бы сомневался! - остался совершенно невредим.

- Зачем? - неразборчиво прогундосил великан. - Это упало... зачем?

Киан и Вакир пучили на него глаза, замерев у кромки крыши. Раздосадованные гримасы стариков были настолько красноречивы, что Джибанд, насколько б он ни был глуп, начал понимать, что к чему. Грубо очерченные полные губы сложились в обиженную гримасу, глаза округлились: точь-в-точь мальчишка, в которого со спины подло запустили снежком с ледышкой.

- Это игра такая, господин Джибанд, - сказал Деян первое, что пришло в голову. - Кто ловчее расколет камень.

Великан повернулся к нему.

- Это игра, - повторил Деян, глядя в неживые - сейчас это чувствовалось особенно ясно, - но внимательные глаза Джибанда с алракцитовой рыжиной в глубине. - Побеждает в игре тот, у кого получатся мельче осколки, господин Джибанд. Но ты уже победил: ни у кого из нас так много не выйдет.

- А... - Лицо великана чуть посветлело, но все еще сохраняло обиженное выражение. - Нужно сказать... раньше было. Лучше можно. Если рукой.

Великан хмуро взглянул на крупный обломок камня у себя под ногами. Затем, развернувшись ко двору, показал огромный кулак.

- А вы, энто, давайте еще раз, господин Джибанд, - затараторила жена печника, воспринявшая его жест по-своему. - Все равно камни энти девать некуда, хоть дорогу присыпать сгодятся. Подсобите, добрый господин, а мы поглядим. Камни вам подать - за тем дело не станет...

Она наградила мужа и Киана таким взглядом, что оставалось только удивляться, как те тотчас не свалились замертво. Хотя еще недавно она наверняка сама же и подбивала их разобраться с чужаками.

- Еще раз? - На лице Джибанда появилась неуверенная улыбка. - Это можно, еще раз. Это хорошо.

- III -

Киан и Вакир сбросили перед Джибандом второй камень. Затем - третий, четвертый, пятый...

На шестом вернулась Эльма и присоединилась к зрителям на лавке.

"Ох, мрак! Мог бы сразу это предвидеть", - с досадой подумал Деян, пододвигаясь, чтобы освободить ей место. Девушка села рядом, очевидно, обрадованная тем, что он сдался без боя; на губах ее на миг проступила удовлетворенная улыбка.

Когда Эльма показалась у калитки, первым его желанием было крикнуть, чтобы она уходила - сейчас же, немедленно! - и крепко обругать вдогонку. Но злость, полыхнув, погасла. Ничего хорошего из ругани бы не вышло, даже не привлеки перепалка внимания Джибанда: Эльму редко когда удавалось переспорить, если она что-то вбивала себе в голову... И тем более Деян не смог бы ни в чем убедить ее сейчас. Выдержать стеклянный взгляд великана было делом трех мгновений, но и за эти мгновения он трижды умер и трижды родился заново, растратив все неведомо откуда взявшиеся силы на то, чтобы не развернуться и не броситься прочь - как угодно, куда угодно, только бы оказаться от Джибанда подальше!

- Много там у Беона камней? - спросила Эльма шепотом.

- На наш век хватит, - так же тихо сказал Деян. - Зря ты пришла. Надо было меня послушать.

Эльма пренебрежительно фыркнула в ответ. Но, хотя держалась она с обычной своей самоуверенностью, чувствовалось - ей тоже не по себе.

Джибанд расколотил очередной камень, и орыжцы вновь рьяно принялись выражать одобрение: чем яснее они убеждались в нечеловеческой силе великана, тем больше опасались ненароком его рассердить. Джибанд не замечал неискренности и наслаждался вниманием.

"Бах!" - обратился в крошево под кулаком великана следующий камень. - "Бах! Бах!".

Грохот и крики разносились над всей Орыжью.

"Бах!"

- Здорово! Браво!

- Еще, еще!

"Бах!"

"Бах!"

Жизнь рассыпалась каменной крошкой.

"Бах!"

Крыша трещала под сапогами Киана и Вакира: если б старый

кровельщик, Матак Пабал, все еще был во дворе, а не отлеживался дома после великанова броска, его наверняка хватил бы удар.

Оставалось надеяться, что забава надоест Джибанду раньше, чем Киан и Вакир вконец обессилят. Помочь им никто так не вызвался; а если б и нашлись добровольцы, толку с того все равно было бы чуть: все были не здоровее и ненамного моложе их.

В происходящем просматривалось лишь одно хорошее обстоятельство: желающих лезть на рожон явно поубавилось...

- IV -

Деян, погруженный в невеселые мысли, давно уже потерял счет камням и почти не следил за Джибандом, но вдруг что-то привлекло его внимание.

Необычная интонация, возглас или еще что-то: он и сам не понял, - но, насторожившись, присмотрелся к Джибанду...

Занеся руку над камнем, великан прищурился и чуть отвернулся. Прежде он так не делал.

"К чему ему?"

Деян нахмурился. Не могли осколки повредить неживому лицу, но теперь неуязвимый гигант повел себя как человек из плоти и крови, привыкший беречься.

"И умел со своими созданиями душами меняться..." - пронеслись в памяти слова старой Вильмы.

Чародей вернулся и теперь тайком наблюдал за людьми глазами своей куклы; он не мог не догадаться, отчего возникла такая "игра".

"Господи, храни этих дураков на крыше!"

Деян незаметно толкнул Эльму, пытаясь предупредить. Вряд ли она поняла, в чем дело, но подобралась, насторожившись.

"Бах!"

Камень Джибанд-чародей расколотил куда с меньшей ловкостью, чем Джибанд-кукла. Но расколотил.

- Браво! Еще! - продолжали выкрикивать не подозревавшие об опасности орыжцы. Великан сел на пятки и уставился на зрителей, переводя взгляд с одного на другого. Выкрики стихли: теперь уже все почувствовали неладное.

Эльма обворожительно улыбнулась великану:

- Спасибо за работу, господин Джибанд. Теперь есть чем ямы на проезде заровнять.

Тот сморгнул с такой неподдельной растерянностью на лице, что Деян едва не рассмеялся, но тут великан взглянул на него, и сразу стало совсем не до смеха.

Взгляд Джибанда-чародея пронизывал насквозь, и взгляд этот был очень недобрым.

"Он не может... не может знать, что я знаю, если я только сам себя не выдам. Мрак, да ведь это я выдумал эту глупость насчет игры! - Деян вцепился в лавку. Чародей все не отводил взгляда. - Но этого он тоже знать не должен! Да чего ему от меня надо, Господи?!" В груди жгло, накатывавший волнами ужас отдавался болезненной слабостью в кишках. Перед тем, как Джибанд-чародей все-таки отвернулся, грубое лицо его на миг скривилось в странной гримасе; больше всего это напоминало брезгливую ухмылку.

"Он прав. Жалкое зрелище, - Деян наклонился вперед и замер не дыша, в надежде, что скрутивший внутренности спазм ослабнет. По лицу градом катился пот. - Господи, пусть этот древний выродок уберется отсюда, хотя бы ненадолго!"

Смилостивился ли Господь, или же чародей нашел для своей куклы лучшую работенку, - но великан встал, смерил напоследок взглядом застывшего у кромки крыши Киана и ушел со двора, так и не проронив ни слова.

На этот раз он не исчез: огромная фигура Джибанда еще долго мелькала среди домов.

- Вот ведь... Послал Господь силушку дураку! - Старуха, приходившаяся двоюродной сестрой Беону, восхищенно поцокала языком, разглядывая кучу битого камня. - Ты-то, болезный, поди, и киркой так бы не смог. - Она с упреком взглянула на старшего сына, высокого и худого мужика, всегда ходившего с понуро склоненной головой, как будто длинные седые усы тянули ее вниз.

- Куда уж мне, да не больно-то и надо, - промычал он в ответ. - Пойдем домой, мать. Вечереет ужо. Утро вечера мудренее.

- К утру, небось, эти вернутся, да, небось, не одни. А мож и раньше. Надо б запасец хоть какой припрятать, - заметил кто-то из мужчин.

- А мож не вернутся.

- На кой им возвращаться? До тракта далече, а добра у нас кот наплакал.

- Теперь-то, небось, волковских стращать пошли?

- Дык вроде нет, в другую сторону.

- Дык это они для отводу глаз!

Заорала жена печника, требуя от мужа немедленно - "чего встал, олух!" - спуститься с крыши и отнести до двора мешок щебня, "пока соседушки все не растащили": то, что муж едва держится на ногах, ее ничуть не заботило. Из-за дома, пошатываясь, вышел Киан и скрылся за калиткой, так зыркнув на бросившуюся его поддержать дочь, что та, потупив взгляд, поплелась следом в десяти шагах от него.

"Ловко", - с горечью подумал Деян. Чародей, случайно или с умыслом, оставил село без вожаков. С волковчанами, с их постоянными "сходами" и несчетным числом старост, так бы не вышло; но в Орыжи, где последние двадцать лет всем заправлял Беон с ближайшими друзьями...

Люди, точно всполошенные куры, кудахтали каждый о своем и беспокоились каждый о себе, безо всякого порядка.

- И что им коровник тот в лесу дался? Мой Валек покойный, земля ему пухом, три дня там с дружками дневал-ночевал, клад выискивал, да так ни одной монеты и не нашел, только инструмент зря затупили.

- Дык про развалины - это они для отводу расспрашивали, чтоб нас запутать, значит.

- Ты не серчай, но Валек твой, мир его праху, тот еще был ходок. Наврал он тебе, небось, про клад с три короба. А сам с дружками в Волковке баб тискал.

- Как там дед Беон-то?

- Живой. Но крепко ему досталось, нескоро встанет, ох, дай ему Господь здоровья...

- Тайник какой-никакой надо б сообразить да припрятать запас, дело люди говорят.

- Господи, где ж теперь наши-то мужики? - всхлипнула вышедшая из дому на крыльцо Пима, жена Халека Сторгича, обнимавшая огромный живот, - ей подходил срок рожать. - На чужой земле ведь и не схоронят по-людски.

- Вот еще выдумала, "схоронят"! - с горячностью возразила ей Эльма. - У костра твой Хал брагу пьет и тебя вспоминает. Или, - она лукаво прищурилась, - отхожую яму копает за то, что, как дома, старшим перечил. Все с ним хорошо. И с остальными. Не болтай глупостей.

Пима несмело улыбнулась:

- Старшим перечить - это он может.

От бессмысленного гомона стало совсем худо.

Деян предпочел бы не веселить соседей, но понял, что до дома не дойдет: кишки скрутило так, что потемнело в глазах. Кто-то за спиной многозначительно хмыкнул, глядя, как он,

держась за живот, поспешно ковыляет к нужнику.

"Смейтесь, смейтесь: отчего б не посмеяться, пока можете?" - беззлобно подумал Деян, закрыв дверь. За десять лет он привык к таким хмыкам и смешкам и давно перестал оправдываться тем, что снадобья старухи Вильмы в детстве повредили ему нутро; кое-кто из знакомых считал его просто-напросто трусом - и сейчас он готов был с ними согласиться.

- V -

"Не глупи, Серая, - туже затянув пояс, Деян привалился лбом к двери нужника. - Тебе от меня всегда одни неприятности, а сейчас - тем более. Единственное, что я могу для тебя сделать - это держаться от тебя подальше..."

Сквозь щель между досками он мог видеть часть двора и крыльцо. Ему уже давно полегчало, но выходить он не спешил - думал потянуть время до того, как люди разойдутся со двора. Более всего он надеялся, что вместе с другими уйдет Эльма.

Все равно вскорости пришлось бы с ней поговорить, но хотелось отложить объяснение хотя бы ненадолго. Однако девушка сидела на лавке, точно приклеенная, со всей очевидностью намереваясь его дождаться.

- Я должен уйти от вас. Должен, - прошептал Деян. От досок слабо тянуло гнилью. Он понимал, что ход его рассуждений профессор Фил Вуковский вряд ли бы одобрил, но в треске крошащейся жизни было не до Вуковского.

"Даже в сказках дерево гниет, - подумалось ему вдруг. - Но сказитель не говорит об этом, иначе кто станет его слушать? Перед тем как появляется Герой, Зло разрушает города и села, иначе кто поверит, что это Зло? Но ни один сказитель не придумает тем поселениям названий, чтоб не отвадить случайно слушателя ... Всякому нравится мнить себя Героем или, на худой конец, его соседом, - но не жителем такой вот безыменной деревеньки; тогда как их, безыменных, отданных на потеху Злу, десятки и сотни, а та, откуда родом Герой, - всего одна. Десятки и сотни, чья участь - безропотно принять смерть от Зла, которому нечего противопоставить: иначе не получится сказки. Я был неправ. Все у нас как раз таки очень по-сказочному складывается, только место наше в этой сказке совсем не там, где хотелось бы...".

На крыльце показалась Пима, обменялась парой фраз с Эльмой, и вскоре обе девушки скрылись внутри.

Деян воспользовался возможностью сбежать.

Однако радоваться пришлось недолго: не успел он пройти и половины пути до дома, как сзади послышались торопливые шаги. Эльма догнала его и решительно взяла под локоть.

- Не надо. - Он неловко высвободил руку. - Я в порядке. Правда.

Эльма смерила его долгим взглядом, обеспокоенным и сердитым. Деян уже приготовился к выволочке, но она вдруг отвела глаза. Вздохнула и, больше не глядя на него, молча пошла рядом.

Деян уставился в землю. На душе стало еще паскуднее, чем прежде. Заговорить первым он никак не мог решиться, но впереди уже виднелась калитка двора Химжичей. Дальше откладывать неизбежное было некуда.

- Эльма. - Деян остановился рядом с калиткой. - Послушай, я... - Он запнулся, спешно подбирая слова.

- Я тебя слушаю, - сказала она нарочито спокойным тоном.

- Я должен вернуться в отцовский дом.

Если она и удивилась, то ничем этого не выдала.

- Ясно. И почему же?

- Так будет лучше. Так колдун вернее вас не тронет, если будет... выпытывать у меня про замок, - выдохнул Деян. - Он что-то чует... Ты видела, как он на меня смотрит каждый раз?

- Так же, как на всех, - возразила Эльма.

- Нет.

- Тебе показалось.

- Нет, Серая, не показалось... Сейчас он ушел, но нельзя надеяться, что он не вернется.

- Он может вернуться завтра, Деян, а может вернуться через год, - сердито сказала она. - Может вообще не вернуться. Сколько ты собираешься его ждать?

- Не знаю... Сколько потребуется.

- Пока крыша не рухнет на голову?

- Я не грудной младенец. Справлюсь как-нибудь.

- Как-нибудь справишься. Но зачем, все же?

- Затем, что если Голем...

- "Если", - перебила Эльма со вздохом. - Это всегдашнее твое "если". А как по мне, ты просто чушь городишь! Но ладно: попробуем рассуждать по-твоему. Если Голем, будь он неладен, не в своем уме, он может изувечить или истребить нас всех по причине, которой мы даже не поймем. Но если он в здравом рассудке - он дал слово. Своим уходом ты ничего не выгадаешь.

- Ну да, ведь его слово тверже камня. - Деян криво усмехнулся. - Ты в это веришь? Кто из нас городит чушь, подруга?

Эльма молча разглядывала его. Лицо ее оставалось непроницаемо.

- Ну так... тогда... - под этим взглядом он совсем растерялся.

- Я не понимаю, - наконец, заговорила она. - Правда, не понимаю. Все последнее время ты ведешь себя, как... как чужой. А теперь еще это! Что на тебя нашло, Деян? Ты можешь объяснить честно, зачем тебе уходить?

Со двора слышался запах шаровика. Золотые бутоны подрагивали на ветру, точно кивали головами.

"Как чужой!"

Деяна перекосило. Упрек больно резанул по сердцу, отняв те крохи самообладания, что еще оставались.

- Да что я еще могу сделать?! - Его голос сорвался на крик. - Положим, ты права, от моего ухода мало пользы. Но что мне еще остается?! Не могу же я сидеть на месте и молиться, что все как-нибудь само обойдется! Не обойдется, мрак небесный! - Он с размаху ударил кулаком о калитку. - Не обойдется. Не одно, так другое, не война, так чародей. Должен же я хоть что-то сделать для вас, хотя бы попытаться. Хоть что-то. Все лучше, чем ничего... Лучше, чем...

"Что я несу, Господи? Что я творю?" - Гнев схлынул, и Деян с удивлением уставился на свою руку. Костяшки пальцев саднили, из-под крупной занозы сочилась кровь. Верхняя рейка на калитке треснула.

- Делать глупости, лишь бы делать хоть что-нибудь? Ты серьезно? - Эльма недоверчиво покачала головой. - И совсем это на тебя не похоже...

- Как уж есть. Каким уж уродился... каким уж стал, - слабо пробормотал он. Пришлось опереться разбитой рукой на забор, чтобы не упасть. Ноги не держали, от приторного запаха цветов снова схватило живот. - Может, лучше мне подкараулить Голема за околицей и самому ему все выложить. Авось успокоится чуть, пока дойдет до вас... А мне все одно. Верно говорят - у труса смертей без счету.

Две старухи из дома напротив с интересом поглядывали в их сторону.

- Ты до околицы-то дойдешь, храбрец? - огрызнулась Эльма и, отвернувшись, пошла дальше по улице. - Давай домой: там договорим.

"Господь всемогущий! Должен же быть хоть какой-нибудь путь..." - скорчившись на сиденье отхожей ямы, Деян обхватил

лицо руками. Телесную боль можно было терпеть, сцепив зубы; к ней можно было привыкнуть. Еще год назад ему казалось, что он приспособился и к тому, что он тот, кто есть.

"У всякого за душой есть то, чего хочется, да не можется, - говорила когда-то, утешая его, старая Вильма. - Испокон веков так. Кто выучится плавать ловчее рыбы, бегать быстрее зайца, тот захочет однажды птицей взлететь и зачахнет, в небо глядючи, или в пропасть шагнет - и не соберут потом его костей". Деян цеплялся за эти слова, точно увязший в топи за веревку. Всюду выискивал им подтверждение - и часто находил. Киан-Лесоруб, способный не вспотев свалить любое дерево на дюжину верст окрест, тайком на заднем дворе вырезал безделушки, которые потом сам же бросал в печь: огрубевшие руки не справлялись с тонкой работой. По младшему сыну кровельщика Пабала, красавцу Кенеку, вздыхали девицы во всем Спокоище, но Кен с детства заглядывался на Эльму, а та видела в нем только вчерашнего приятеля-мальчишку. Солша Свирка, добродушная "тетушка Со", более всего на свете любила петь, но от ее голоса, когда она решалась затянуть какой-нибудь простенький мотив, даже псы прятались в будки.

Однажды Деян спросил у знахарки, есть ли такое, чего она сама "хочет, но не может". Вильма отмахнулась, но к вечеру с ней случился приступ помешательства: старуха полночи кружилась по хижине и бормотала что-то себе под нос, а в глазах у нее стояли слезы... Больше с ней этого разговора Деян не начинал; свидетельств ее правоты было и без того достаточно.

Однако вся нехитрая житейская мудрость оказалась беспомощна перед нависшей над будущим грозой, а появление чародея стало последней каплей. Осознание собственного бессилия сводило с ума, жгло, - и от него никуда было не деться.

"Как я сказал: молиться, что все само обойдется? Дурак!" - Деян скривился. Ни одной молитвы из тех, которые читал Терош Хадем, он до конца наизусть не помнил. Вряд ли молитвы могли помочь, но и это было бы больше, чем ничего; однако и тут он оплошал.

- VI -

Деян вышел во двор, на ходу оправляя одежду и проговаривая в голове предстоящее объяснение с Эльмой; важно было суметь взять разговор в свои руки - иначе с нее сталось бы расспрашивать и спорить до следующего утра.

У крыльца так и стояло оставленное ведро с помоями. Дождь наполнил его почти до краев.

"Мрак бы все это побрал! Скотина ведь не виновата, что у нас тут... такое творится". - Деян потащил помои в хлев, ругаясь сквозь зубы: вес был не так уж и велик, но опираться с ним на протез оказалось точно зажимать культю в кузнечные клещи. Из переполненного ведра плескало на сапог.

- Нате, ешьте... Да вот так уж вышло - не до вас оказалось, и то ли еще будет... Тьфу на все это! - вылив ведро в корыто, Деян поспешно вышел из хлева. Хотя свиньи набросились на прикорм с довольным бурчанием, в их глазах ему чудилась укоризна.

"Так недолго самому умом повредиться".

Деян оставил ведро под стоком крыши и прошел в дом.

На полатях похрапывала Шалфана Догжон - восьмидесятилетняя старуха, бабка Эльмы и Петера. Дверь в заднюю комнатушку, которую занимали девчонки с матерью, была распахнута настежь: внутри никого не было.

- Я посоветовала Малухе погостить день-другой с детьми у Солши, - сдавленно сказала Эльма откуда-то из-за спины. - Та только рада.

Деян обернулся на голос и обмер; все заготовленные фразы разом выветрились из головы. Эльма, сгорбившись, сидела за столом, уронив голову на сложенные руки рядом с разворошенным ящичком с лекарствами.

- Что еще стряслось?! - Деян сам не понял, как в тот же миг оказался у стола. Грохнул о половицы оброненный костыль. - Господь всемогущий, Эл!

Хотя в доме было жарко натоплено, плечи ее вздрагивали, будто от холода. Он мог по пальцам пересчитать случаи, когда видел ее плачущей: последний раз был пять лет назад, в день, когда ее мать скончалась от лихорадки; даже когда ушел Петер, глаза ее оставались сухими.

- Ничего такого, о чем бы ты не знал, Деян Химжич. - Эльма искоса взглянула на него, выпрямившись. Лицо опухло от недавних слез, но голос уже снова звучал твердо. - Покажи, что с рукой.

- Да только кожу рассадил, пустяк, - растерянно пробормотал он, но руку протянул, не решаясь перечить. - Если "ничего", то почему тогда?..

- От всяких пустяков недолго оказаться с двумя деревяшками.

Деян вздрогнул.

- Я чем-то тебя обидел?

- Нет.

- Прости.

- За что? - Эльма пожала плечами. - Сядь и помолчи.

- Эл...

- Что "Эл"?! - Лицо ее вдруг исказилось, словно от боли. - От наших мужчин полгода нет вестей. Война на подступах. По селу бродит взбешенный чародей. Дела идут лучше некуда! - Голос ее дрогнул. - А тут еще ты собираешься нас бросить - и спрашиваешь, что стряслось?

- Я...

- Ты бесхребетный трус: не можешь сказать прямо и выдумываешь дурацкие отговорки! Стоило бы самой наподдать тебе метлой, Деян Химжич! Но я не могу. Только представлю, что этот колдун в самом деле может что-то сделать... Уходи, раз ты того хочешь, Деян. - Она, всхлипнув, до боли стиснула его запястье и вдруг, порывисто вскочив с лавки, уткнулась лицом ему в грудь. - Уходи. Хоть на край света! Уходи, если так будет для тебя лучше.

- Ты думаешь, я... сам хочу вас тут оставить? - растеряно пробормотал Деян, обнимая ее. Все это походило на сон, муторный и нелепый. - Нет, Господи, Эл, нет, конечно! Так для тебя... для вас... Тебе же первой и станет проще...

- Замолчи! Хотя бы не лги. И без того тошно. Уходи, пока я не начала уговаривать тебя остаться. Пусти! - Теперь она наоборот пыталась его оттолкнуть.

- Перестань, Эл! Пожалуйста. Ну же, успокойся. Ты все неверно поняла. - Он едва удержал ее силой, но в следующее мгновение она вновь сама прижалась к нему, содрогаясь от рыданий. - Да что же такое с тобой!

- Со мной?!

- С тобой, со мной, со всеми нами... - прошептал Деян.

Видеть ее, всегда сдержанную и рассудительную, в таком состоянии было невыносимо. Осознавать, что он сам невольно послужил тому причиной, и того хуже.

Деян понял, что сегодня точно никуда уже не уйдет; не сегодня, не сейчас. Сейчас, даже покажись в дверях Голем, - он бы скорее бросился на чародея с голыми руками, чем ушел бы.

- Прошу, выслушай, Эльма! - быстро, словно несказанные слова обжигали горло, заговорил он. - Я не хотел тебя обидеть. Не хотел! И уходить никуда не хочу. По правде...

- Что? - Она подняла на него заплаканные глаза.

- Мне очень страшно, Серая, - выдохнул он. - За себя, за вас. Я

должен - должен! - найти способ защитить вас, а что я могу? Подумал, уйду - и без меня будет безопаснее и легче; но если ты хочешь, чтоб я остался, - я останусь. Ты все верно сказала там, на улице: в моем уходе мало прока, это ничего не решит. Нужно придумать способ отделаться от чародея, сделать так, чтоб ушел он.

- Не надо оставаться. - Она всхлипнула. - Раз тебе это в тягость. Раз ты думаешь, что я стала бы спокойно смотреть в окно, как Голем тебя убивает.

- Но это ведь лучше, чем если... - Деян, едва осознавая, что делает, крепче прижал ее к себе. - Эл, прости дурака. Скажи, что ты хочешь, чтоб я сделал, - я сделаю! Я подумать не мог, что мое намерение тебя обидит. Если б я знал, я бы никогда... Я ведь люблю тебя, Серая... - вырвалось у него будто само собой.

- Я же просила мне не лгать!

Только когда она, запрокинув голову, вперила ему в лицо мутный от слез взгляд, он понял, что сейчас сказал.

- Я просила не лгать, - глухо повторила она. - Но ты даже такой малости не можешь.

"Теперь мне точно не жить, - Деян вдруг почувствовал, что улыбается. - Напрасно ты выучилась от меня недоверчивости, милая. Ох, напрасно!".

- Я и не думал лгать. Уж точно не в этом.

Не давая ей опомниться, он наклонился к ней и поцеловал.

Она не противилась: замерла, широко распахнув глаза и чуть разомкнув губы ему навстречу, - словно не вполне понимая, что происходит; возможно, что так оно и было. Он чувствовал соленую горечь ее слез на своих губах, целовал ее, пока не кончилось дыхание.

- Непозволительная вольность с моей стороны. - Деян выпрямился, не разжимая объятий, и поймал ее застывший взгляд. - Но если ты все еще мне не веришь - я могу повторить.

- Дурак. Какой же ты дурак... - прошептала Эльма.

- Это давно известно: Цапля - глупая птица.

Она плакала, уткнувшись ему в плечо, прижимаясь к нему всем телом, совсем не с сестринской целомудренностью принимая его осторожные ласки.

Еще меньше, чем думать о Големе или о том, что сделал бы Петер Догжон, если б каким-то чудом оказался в этот миг дома, Деяну хотелось гадать, что кроется за ее нежностью: мимолетная слабость, накопившаяся усталость, одиночество - или же что-то большее?

Он был нужен ей сейчас: остальное не имело значения.

Если б только был способ уберечь ее от опасности, избавиться

от чародея до того, как тот натворит бед! "Я сам сдеру с него кожу, если он хоть пальцем тебя тронет", - если бы он только мог сказать чего-то подобное!

- Береги себя, - прошептал Деян, зарывшись лицом ей в волосы, чувствуя, что и сам близок к тому, чтобы разрыдаться.- Что бы ни случилось, что бы он ни делал со мной, с кем угодно, держись от этого мерзавца подальше! Обещай мне, Серая.

- Не раньше, чем ты объяснишь мне, что все-таки не так с ним и откуда он взялся. - Эльма, отстранившись, утерла глаза. - На дворе Беона ты мало что сказал, но даже из того я не поняла и половины. Или это тайна, которую нужно хранить за семью замками?

Деян вздохнул:

- Самую суть я со страху все равно уже выболтал, так что слушай...

- VII -

Объяснять оказалось почти нечего. За то недолгое время, пока Эльма, проигнорировав его нерешительные возражения, вытаскивала из кисти занозы и промывала ранки, Деян пересказал все, что слышал от Вильмы и то, что поначалу происходило во дворе Беона.

- Сейчас самое время усомниться в моих словах, - мрачно закончил он. - Камни кулаком долбить - мало ли в мире силачей. Я уверен, этот господин Ригич - тот, за кого себя выдает: тот самый "Голем", о котором рассказывала Вильма. Он чудовище! Но доказать мне нечем.

- И не надо. Этот человек - он точно не с большака пришел, по всему видно. Только, как бы объяснить... - Эльма в задумчивости закусила губу. - Я видела его взгляд, Деян. Ему очень хочется узнать про то место, которое он называет "замком", это правда, но, понимаешь, он... он бранится крепче старого Киана, Деян, но мне кажется - он в таком же замешательстве, что и мы. Огорошен, растерян. Может быть, даже напуган.

- Он, напуган?! Шутишь?

Эльма покачала головой.

- Нисколько. Он сам назвался Големом - пусть будет "Голем";

но вот кто он - вопрос иной... Тот ли он Голем, о котором тебе рассказывала сумасшедшая Вильма, Деян? Ты изменил сказку для девчонок, а старуха наверняка переделала ее для тебя. А для самой Вильмы - ее мать или бабка... Вот и получается, что чародей вроде и тот, да не тот самый.

- Вследствие неполной достоверности и взаимовлияния исходных суждений получаем неопределенность вывода, - усмехнулся Деян; не в первый раз он пожалел, что Эльма почти не владеет грамотой: сочинение профессора Вуковского наверняка пришлось бы ей по вкусу. - Интересно рассуждаешь. И что, по-твоему, из этого всего следует?

- Одним Небесам ведомо, что он за человек и почему сейчас явился нам, - сказала она. - Безумен ли он, силен ли он, он ли обратил свой дом в развалины, - мы знать не можем. Кто как, а я больше верю своим глазам, чем Вильме, мир ее праху. Если он силен, как сам Господь, зачем ему старая Беонова куртка? Сотворил бы себе нормальную одежду.

- Мало ли, почему так. Он безумец.

- Не знаю, Деян. Он поколотил Беона, да, но если ты не преувеличил - наш старик себя так вел, будто того и добивался; кто угодно ему вдарил бы за грубость. Пока этот Голем никого не убил, ничего пока не разрушил, Киана с Вакиром не тронул, хотя те дали повод. Все вмиг может измениться, но пока, если судить без домыслов, по делам, - выходит, что не так уж он и страшен, твой Голем. Ты согласен?

- Нет. - Деян упрямо мотнул головой. От одного воспоминания о гримасе на лице чародея передергивало. - Но признаю: доказать не могу.

- В любом случае, прежде чем что-то делать, нам обоим стоит успокоиться, как думаешь?

Эльма убрала ящичек с лекарствами на место и достала из резного настенного шкафа, сделанного еще ее прадедом, большую бутыль зеленого стекла: Петер Догжон любил пропустить глоток-другой крепкой, до жжения в горле, облепиховой настойки.

- Брат не обидится, - вытирая покрывшееся пылью стекло, Эльма вздохнула. - Хотела бы я сама хоть вполовину верить в то, в чем день через день убеждаю Пиму и девочек... И теперь еще этот чародей, сожри его волки! - Она грохнула дном бутыли об стол. - Нет, ты как хочешь, Деян, а я хочу и намерена сегодня напиться. Вдруг с этой отравы прояснится в голове; брат говорил - ему помогает... Эй! Я разве сказала что-то смешное? По какому поводу веселье, Деян Химжич?!

Прежде, чем он нашелся, что ответить, рвущийся наружу смех застрял у него в горле.

- Мне тоже накапай, - слезая с полатей, проскрипела Шалфана Догжон, о присутствии которой он умудрился совершенно забыть.

- Ох-хо... По такой-то погодке всяко польза. - Старуха, ворча и кряхтя, устроилась за столом. - Ну, чего встала, мала*я*? Жаль старую уважить?

- Нет, что ты, сейчас, бабушка!

Эльма, выйдя из оцепенения, засуетилась, выставляя на стол кружки, тарелки и котел с оставшейся с завтрака кашей, который, по уму, давно стоило поставить греться.

- Чего удумала, с облепиховкой стылую кашу подавать?! - Старуха недовольно зыркнула на внучку. - Пошарь в погребе, принеси хоть солений каких! А ты чего молчишь, сосед? - Она пристально уставилась на Деяна, подслеповато щурясь. - Смелости, что ль, нет - на девку прикрикнуть? Но, - тон ее смягчился, - ты не думай плохого. Так-то малая у меня умница.

Деян сглотнул, когда старуха подмигнула ему, лукаво и по-свойски, и улыбнулась во всю ширь морщинистого лица, показав желтые, но удивительно ровные и крепкие зубы. Часто Шалфана Догжон принимала его за Петера или за своего покойного сына, но сегодня у нее был один из редких светлых дней: она узнавала и его, и Эльму. Давно ли старуха проснулась, что из их разговора успела услышать - или, хуже того, увидеть, - оставалось только гадать. Прежде в здравом уме Шалфана всегда относилась к нему по-доброму, но... Но насколько далеко простиралась ее доброжелательность, он не знал и предпочел бы не проверять.

Хотя то, что она проснулась в ясном сознании, все равно радовало.

- VIII -

- Гулять так гулять! - Эльма вернулась из погреба со шматом сала, припасенным к праздникам. - Денек сегодня... слов нет.

- Ажно на печи - и то кости ломит, - покивала старуха. - Что сидишь, как кол проглотил, Деян? Накапай пока для аппетита. Молодежь, ум цыплячий, всему-то вас учить... И что за беда у вас с чародеями приключилась?

- Да ничего такого пока вроде... Но ходил тут один по округе. Ты не беспокойся, бабуль, - ответила Эльма, мелко кромсая закуску.

- Было бы о чем. - Старуха по-кошачьи фыркнула, принюхиваясь к салу. - Слыхала я о чародеях. Ветерок шальной энти чародеи: сегодня здесь, завтра там. Небось уже и не сыщешь энтого, вашего, ищи ветра в поле. Но коли что надо - так вы Вильму старую спросите, нехай подскажет что. Волковские ее ажно саму ведьмой кликали, да какая из нее ведьма? Но баба ученая, грамотная, поспрошайте, коли надо вам.

- Бабуль, Вильма десять лет как померла, - переглянувшись с Деяном, мягко сказала Эльма.

- Ох, верно. А я и забыла. Упокой Господь ее душу...

Старуха хлебнула настойки, закашлялась.

- Мир праху, добрая баба была, хоть и чудная. Чародея энтого вашего - выкиньте из головы. Коль ушел, так уж не вернется. А то, вишь, ходите смурные, сил нет глядеть.

- Спасибо, бабуль, - Эльма улыбнулась старухе. - Твои бы слова да Господу в уши.

- Чем Господа поминать, лучше б сами старую послушали.

- Так мы и слушаем.

- Вижу я, как вы слушаете, - проворчала старуха, посасывая сало.

- Уж как умеем: сама говоришь, молодежь - ум цыплячий. - Эльма со смехом пододвинула ей тарелку. - Ешь, бабуль, а то вперед тебя все склюем.

- На здоровье, малая: будешь есть вдосталь - глядишь, ума и прибавится. Откуда ж уму взяться, если в теле кости одни?

"Если вот так судить по сложению - Джибанд из всех самый умный. - Деян, выдохнув, в один глоток ополовинил кружку. Облепиховку он не очень-то жаловал, но погода и все другие обстоятельства и впрямь располагали. - Эх, бабуль... Хоть что-то хорошее за сегодня. Не так уж и мало!"

Иногда Шалфана Догжон спала целыми днями, иногда без смысла и порядка начинала суетиться, воображая себя "молодой хозяйкой", иногда принималась капризничать или скандалить из-за каких-то несущественных - или вовсе не существующих - мелочей. А временами, принимая Деяна и Эльму за покойных сына и невестку, требовала объяснить, куда подевался внучек Петер; жена Петера тогда забирала дочерей и уходила из дома или запиралась в малой комнате.

Деян переносил эти старческие капризы и расспросы почти спокойно - так же, как когда-то припадки старой знахарки. Но Эльме Шалфана приходилась родной бабкой, и она была

привязана к ней не меньше, чем к матери.

Спокойные дни, когда Шалфана пребывала в ясном сознании и добродушном настроении, с весны были наперечет, а часы, когда с ней становилось возможно, как прежде, поболтать за столом, выдавались и того реже. Поэтому сейчас Эльма буквально светлела лицом, глядя на старуху. Даже смеялась искренне, от души, что в минувший с отъезда Петера год случалось редко... Если случалось вообще.

Деян, как ни старался, не смог припомнить, когда слышал ее смех последний раз.

"Прости, Серая. Я не задумывался... не замечал, чего тебе стоит держаться, да еще поддерживать всех нас".

Он перевел взгляд на ее руки, мелькавшие над столом, - шершавые от мозолей, с въевшейся рыжиной у ногтей из-за алракцита. Про эти руки, эти мозоли он думал много, думал едва ли не каждый день, корил себя, что не может помочь, делать больше, чем делает; а настоящая беда тем временем подкрадывалась с другой стороны. Для Эльмы, казалось, не существовало и не могло существовать непосильной ноши, однако впечатление это было обманчиво... Она не боялась никакой работы, никаких тягот, но груз на душе давно уже сделался для нее одной невозможно велик.

- Деян, чего приуныл, а? - Старуха зыркнула на него из-под седых бровей. - Деревяшка на погоду ноет?

- Нет. Задумался, бабушка Шалфана.

- Будешь думать за столом - облысеешь до срока. Ешь-ка лучше, пей. Напьешься, так не беда, токмо дом не круши - кому его чинить потом, если ты день-деньской сидишь, да думаешь?

- Не буду. Спасибо, бабушка. - Деян благодарно улыбнулся старухе.

Вряд ли она многое поняла из того, что слышала, но чуяла висящую в воздухе тревогу и на свой грубоватый лад старалась развеселить их - не только родную внучку, но и его, хотя какое ей, казалось бы, дело до его напастей?

Деян выпил еще; по телу разливалось тепло. Только сейчас он понял, что за день на ветру и в сырости продрог до костей. Устал и проголодался, как волк, - хотя еще недавно о еде не мог и думать. Душащий, сдавливавший все внутри ком напряжения рассосался. Он - здесь и сейчас - чувствовал себя дома...

"Дома?" - Деян по привычке бросил взгляд наверх.

Строились Химжичи и Догжоны когда-то в один год, потому стыки балок и резные рейки-украшения здесь были почти такими же по виду, как в его родном доме; едва заметные отличия поначалу, когда он только переехал к Догжонам, буквально

сводили с ума. В бессонные ночи он вглядывался в них до рези в глазах, и в темноте чудилось, как углы дрожат, расплываются тенями, обретают привычный вид...

С той поры минул год. Деян по-прежнему ночами вглядывался в потолок, но узор стыков и трещин больше не тревожил, не казался неправильным. Был другим - но и только.

"И я не чужой здесь. - Он обвел взглядом комнату. - Пусть Петер потом вышвырнет меня за шкирку; но сейчас - здесь мой дом, моя семья. И даже десяти чародеям этого не изменить".

- Я привыкла, что ты молчишь и хмуришься. Молчать и улыбаться - это что-то новое. - Эльма, подливая ему облепиховки, взглянула с подозрением.

- Да, новое. Но почему бы и нет? - Он картинно развел руками.

- IX -

Деян уже задал корма курам и прибирал стол, когда вернулась Эльма, выходившая проведать Малуху с девочками у Солши. Старуха Шалфана снова посапывала на печи.

- Порядок: компот пьют, на ночь обещали запереться наглухо, - не дожидаясь вопроса, сказала Эльма с порога.

- Хорошо.

- И еще одно: на улице встретила внучку Лесоруба - она как раз сюда шла.

- Киан послал? - Деян насторожился. Внучка Киана, миниатюрная веснушчатая девчушка, была тихой и стеснительной, и ей самой никакой надобности идти под ночь к Догжонам быть не могло. - С чем?

- Она долго мялась, но передала дословно. - Эльма подбоченилась и проговорила с выражением:

- "Сказать этому грамотею, чтоб не высовывался больше и писульки свои в печь сунул, пока энти пришлые по домам шариться не начали. А то голова - не нога, деревянную не приделаешь!" - Она улыбнулась. - Вот так вот. Старик без грубости и доброго дела сделать не может. А ты, никак, думал, что Лесоруб с досады тебя под руку Голему подставить захочет? Да? Ох, Деян. По лицу вижу - так и думал...

Деян отвел взгляд. О чем он точно не думал, так это что Киан-Лесоруб начнет давать советы, как ему выкрутиться.

- Эх ты! - Эльма взглянула с укоризной. - Нельзя так о людях... Но разве в твоих записках есть что-то о развалинах?

- Нет, ни словом не упоминаются, если я сам чего не забыл. - Деян в задумчивости поскреб подбородок. В коротких записях, которые он начал вести девять лет назад, чтобы не разучиться писать, ничего интересного для чародея не было. - Но, может, лучше все-таки поберечься лишний раз. К тому же, если я его не послушаю, Киан точно обидится...

В маленькой комнате стоял невысокий столик для рукоделия: Деян иногда использовал его как письменный. В нижнем ящике хранилась стопка сшитых ниткой листов серой бумаги, пузырек со сделанными из алракцита чернилами, железное перо и подставка под него, хорошие восковые свечи с подсвечником. Все - подарки от друзей и соседей.

"Верно: нельзя так о людях. Пустая моя голова".

Деян сел за стол, запалил свечу и, раскрыв тетрадь, стал листать страницы. Заметки о рождениях и смертях, об урожае и погоде, о происшествиях: ничего особенного - повседневная орыжская жизнь. Строчка о рождении старшей дочери Петера. Строчка о рождении младшей. Размер подати на будущий год. Зимние бури и летняя засуха, погубившая клубнику; куриный мор. Ничего особенного: девять лет - двенадцать страниц убористым почерком...

Длинный список знакомых имен - мужчины и юноши, ушедшие с вербовщиками: братья, старые друзья, соседи.

Деян бережно провел рукой по странице.

- Завтра будет год.

- Как наши ушли?

- Да. Рано нынче дожди зарядили.

- Если большой нужды нет, то, может, и не стоит сжигать? - Эльма, уловив его настроение, подошла сзади и положила руки ему на плечи.

- Ну, в конце концов, я ведь хотел "хоть что-нибудь" сделать. А эти бумаги... Не в них счастье.

- Но они - свидетельство нашего существования, так?

- В каком-то смысле, так.

- Тогда - оставь, - решительно сказала Эльма.

- Оставлю.

Помолчали немного. Тихо было, только бился в стекло припозднившийся, опоздавший к солнцу мотылек.

Деян откупорил чернильницу. Пустого места на последнем начатом листе, к добру или к худу, но оставалось только на дату

да на одну строку:

"Сего дня, в два часа пополудни, в Орыжь явились двое. Виду странного. Именуют себя Големом..."

Глава четвертая. Возвращение

- I -

Обычно подолгу мучавшийся бессонницей, в этот раз Деян уснул сразу, едва лишь отстегнул протез и растянулся на кровати: сказались облепиховка и усталость.

Ему снился заснеженный лес, окруженная орешником поляна. Небрежно слепленная крепость посреди нее: невысокая, в полроста, но вместо лоскутка-"знамени" на башне - насаженные на палку-флагшток, будто на вертел, тетрадные листы.

На поляне были все: Эльма и Петер, Кенек и Барм, Халек, братья, родители, даже Киан и Беон, Солша и Вакир. Игра шла который час, и пора было ей закончиться, но валил крупный снег, засыпая "волшебный круг" у крепости, заслоняя игроков. Никто не мог друг в друга попасть, отяжелевшие снежки падали на землю, не долетая до цели.

Сначала Деяну отчего-то не хотелось, чтобы игра заканчивалась; снег валил все сильнее, слепил. Сквозь белую пелену и вой ветра прорывались только смутные тени, смех, голоса. Трещали деревья, снежные шапки падали с веток с мягкими хлопками. Лаяли собаки, и кто-то кричал в лесу.

- Серая! - попытался окликнуть Деян, но снег забился в рот, залепил глаза.

Что-то шло не так.

Он остался один в белой пустоте - бесполезный лже-чародей с глупым прозвищем Цапля. Вокруг выла пурга, и кто-то отчаянно кричал за ее стеной, кто-то бранился, проклиная все на свете. Что-то пошло не так. Когда? Почему?

"Что... Господь всемогущий!"

Деян рывком сел на лавке, сбросив одеяло. Поляна исчезла, белый холод сменился жаркой темнотой.

- Приснится же такое, мрак бы...

Он осекся. Где-то в Орыжи закричала женщина - надрывно, протяжно. Заснеженная поляна осталась сном. Но это ему не приснилось.

- Тихо. Не шуми. Не зажигай свет.

Напряженный шепот Эльмы доносился от окна: девушка сидела, накинув шаль поверх длинной ночной сорочки и приникнув к щели между занавесками.

- Голем вернулся? - одними губами спросил Деян, наощупь пристегивая протез.

- Нет. Хуже.

"Что может быть хуже?"

Он, как сумел, тихо проковылял к окну. С улицы смутно слышались голоса. И среди них - бас Кенека Пабала.

- Эл, но это же!..

- Молчи! - Эльма ладонью зажала ему рот. - Тише, Деян, Господа ради... Взгляни сам. С ним... Теперь понимаешь?

Она убрала ладонь: в этом больше не было нужды. Понимать Деян по-прежнему ничего не понимал, но происходило что-то... ненормальное. Чего не могло, не должно было происходить. Он ущипнул себя за руку, надеясь проснуться, но ничего не изменилось.

Во втором по счету доме напротив - в его родном доме! - горел свет: крики и брань, что его разбудили, доносились оттуда. Но не только: казалось, везде, со всех сторон за окном кто-то выл и плакал, кричал, ругался. Длиннобородый мужик в лохмотьях тащил по улице полураздетую внучку Киана, держа во второй руке ярко разожженный факел. Другой мужчина шел следом и, когда девушка спотыкалась, тыкал ее в спину длинной железной палкой, в которой Деян, прищурившись, распознал ружье.

- Кажется, они все дезертиры. Кен навел их сюда, и сам он... вместе с ними, - прошептала Эльма.

Кенек Пабал - он держал лампу, потому его высокая стройная фигура в изодранном мундире была хорошо различима среди других, - стоял спиной к калитке Догжонов, опираясь на ружье, и препирался с кем-то. Рядом с Кенеком стояла пара таких же заросших и оборванных мужиков.

- Как ты только мог, болван пустоголовый, подлец!

Деян узнал голос кровельщика Матака Пабала, отца Кенека.

- Да будет тебе. Им же лучше, не то так бы и померли девицами, - сиплым баском отвечал Кенек. - Дурного не будет, если не станете противиться.

- Негодяй, подонок!

- Не груби, отец. Мы не те проходимцы, что тебе, старику, днем бока намяли. Но кто станет брыкаться - тот сам виноват... Сидите смирно, и дурного не будет, - снова повторил он, как по заученному. - Ребята обещали. Сам гляди: даже халупу взяли на постой ту, какая хозяевам больше без надобности.

- Кончились их надобности, - хмыкнул один из мужиков: голова у него была перевязана белой тряпкой. Оружия, с виду, не было. - И ваши вскорь кончатся: за нами бергичевцы придут. Скоренько придут. Они такое с людьми творят, о чем тебе, дед, лучше не знать: спать не сможешь. Тебе б не на нас пасть разевать, а скарб собирать и топать отсель, столько топать, насколько силушки в ногах хватит.

- Ты пока иди домой, бать. Я попозже зайду: у меня тут дело еще, - сказал Кенек, в этот миг обманчиво похожий на себя-прежнего. Теми же словами он, случалось, отговаривался от отца, когда тот кликал его из лесу.

- Да-да, топай, дед, - снова встрял мужик с перевязанной головой. - А то сержантова жена состариться успеет, пока мы тут с тобой.

- Мы уж устали гадать, так ли она хороша, как он баял, - вклинился второй. Из одежды на нем были только драные штаны и куртка на голое тело, а к дулу ружья прикреплен длинный штык. - И эта, вторая, как бишь ее там...

- Вторая - моя. Забыл уговор? - прорычал Кенек.

- Помним, помним, Кен. - Мужчина с перевязанной головой примирительно поднял руку. - Но ты не томи, не задерживай.

Когда внучку Киана вталкивали во вскрытый дом Химжичей, дверь широко распахнулась, и крик стал громче - всего на миг, но достаточно, чтобы можно было узнать голос младшей сестры Солши, Талимы Свирки.

- Как же... Они ведь собирались прятаться... Деян, что ты делаешь?! - окликнула Эльма, забыв о своем - увы, бесполезном - наказе говорить тише.

Деян, взяв старый тяжелый молоток, встал в темноте у входной двери и отодвинул щеколду. Видел и слышал он уже достаточно.

- Как? Проще простого, Серая: Солша, наивная душа, сама же им и открыла. Небось, еще выпить с порога предложила. - У Деяна вырвался нездоровый смешок. Собственный голос слышался, как чужой. - И когда только твой брат успел получить сержантский значок?

- Брат?!

- Ты не поняла? Они только что говорили о тебе и Малухе, - напряженным шепотом перебил Деян. - Но, похоже, с ней их опередили, храни ее Господь. И детей.

- Господь всемогущий...

- Будем надеяться, они успели в суматохе убежать и схоронились в лесу. И ты давай, задворками. Милостью Господней получится. Остальные тебя искать в темноте

поленятся, а этому выродку я... Он никого больше не побеспокоит, - Деян поудобнее перехватил молоток, сделал на пробу пару замахов. Колени дрожали, накатила привычная дурнота. Но в груди все клокотало от ярости, и Деян надеялся, что в нужный момент - "пожалуйста, Господь всемогущий, всего одно мгновение, прошу, Господи, первый и последний раз!" - руки не подведут.

И Кенек Пабал - старый друг, гордый и заносчивый красавчик Кен - не войдет внутрь, а останется на пороге с проломленным черепом.

Но Эльма только покачала головой:

- Невозможно, Деян.

- Беги, сейчас же! - Он повысил голос. - Ты не понимаешь, Кен вернулся за тобой. Или...

Рука, сжимавшая молоток, вдруг разом ослабла.

- Если ты сама хочешь уйти с ним, Эл, скажи, - я не буду мешать, - тихо закончил Деян. - Но не думаю, чтобы Кен смог защитить тебя от своих новых друзей.

- Я, уйти с ним?! - изумилась Эльма. - Еще чего!

- Тогда беги, прошу. Пожалуйста, Эл! Препираться нет времени.

- Нет.

- Серая, уходи!

- Нет! - Она отошла от окна и загромыхала чем-то в глубине комнаты.

Ступени высокого крыльца сыро заскрипели под шагами незваных гостей. Время вышло.

- II -

От громкого стука дверь чуть приоткрылась.

- Не заперто? - пробормотал Кенек Пабал и выше поднял лампу, ступая в темный дом. - Эльма! Ты здесь?

Деян размахнулся, целя молотком ему в темя.

В свете лампы было смутно видно его лицо, еловые иголки, запутавшиеся в светлой клочковатой бороде. Глубокий шрам на переносице - от осколка Сердце-Горы. Похожий на змею ожог над бровью - от костра на Солнцестояние. Глубоко посаженные карие

глаза, чуть округлые, будто в каждый следующий миг он готов рассмеяться в удивлении... Повзрослев, Кенек стал задирать нос, со старыми приятелями едва раскланивался, если случалось столкнуться на улице, однако Деян не слишком винил его за это: у того всегда был непростой нрав, и уязвленная невзаимным чувством к Эльме гордость не сделала его мягче. Неудач он никому не прощал - ни другим, ни себе; малым не довольствовался, слабость презирал. Но в злополучный день, когда Сердце-Гора оставила Деяна Химжича без ноги и будущего, Кенек вместе братом, Бармом, тащил покалеченного приятеля к халупе сумасшедшей Вильмы, пыхтя от натуги - и при этом беспрестанно болтая, подгоняя перепуганного брата, отвлекая и подбадривая скулящего от боли Деяна.

"Это же Кен! - молнией пронеслось в голове. - Он ведь..."

Деян замешкался всего на мгновение - и на том отведенное Господом время закончилось.

Кенек заметил его, притаившуюся в темноте тень - отпрянул и ударил прикладом по колену, затем под дых и сбил с ног. Отбросил пинком молоток и упер ружье дулом в грудь.

"Всё? - Деян ухватил за ружейный ствол, дернул в бок, но Кенек держал оружие крепко. - Всё. Пора подыхать. Не повезло тебе со мной, Серая..."

- Вот жешь мать! И кто здесь такой храбрый да глупый? - Кенек наклонился и ближе поднес лампу, которую так и не выпустил. - Деян?! Ты?!

Лампа в руке Кенека раскачивалась из стороны в сторону, и теперь, в ее дрожащем неверном свете, Деян отчетливо видел, насколько же на самом деле изменилось лицо бывшего друга: исхудавшее, покрытое грязью и ссадинами, застарелыми и свежими. Посеревшая кожа туго обтягивала скулы, и во взгляде вечно удивленных глаз появилось что-то новое и чужое. Так в суровую зиму смотрели кружившие у частокола волки, зло и затравленно, выжидая момента напасть. Отощавшие, напуганные криками и камнями, но возвращающиеся вновь и вновь, потому как отчаялись раздобыть пропитание иначе.

Но кое-что отличало Кенека от тех волков: сейчас в его глазах было жадное нетерпение. Он пробрался за частокол, и лишь шаг отделял его от добычи.

- Привет, Кен. Никогда не думал, что встретимся... в таких обстоятельствах, - прохрипел Деян, изобразив на лице улыбку. С большей охотой он бы плюнул бывшему другу в лицо, но нужно было потянуть время: вдруг Эльма все-таки одумалась и сейчас пробирается дворами к спасительной опушке. Пустая надежда, но все же...

И еще кое-что нужно было выяснить наверняка.

- Вот уж не ожидал! - узнав его, Кенек чуть ослабил напор. Но удивление на его лице уже в следующий миг сменилось едва сдерживаемой яростью. - Ты что здесь делаешь?

- Кен, ты давеча говорил, что "халупа хозяевам без надобности". Значит, Мажел и Нарех, они?.. - Деян не смог заставить себя сказать "погибли".

Глаза Кенека налились кровью и, казалось, могли выскочить из орбит.

- Я спросил. Что. Ты. Здесь. Делаешь?

- Это я желаю знать, что ты среди ночи делаешь в моем доме, Кенек Пабал. - Голос Эльмы звучал так нарочито спокойно, что не приходилось сомневаться: внутри себя она дрожит от страха. - И что за сброд ты привел с собой?

- Нехорошо. Надо бы повежливей с гостями, красавица, - хмыкнул мужик с перевязанной головой.

Деян был с ним почти согласен.

"Глупо, Серая. Или ты надеешься, что, если разозлить их, они покончат с тобой прежде, чем надругаются? Тоже глупо. Нужно было спасаться, пока был шанс".

Но, хотя бегать Эльма могла быстрее зайца, убегать она не умела вовсе.

- Они... Это мои товарищи, Эл, - Кенек выпрямился, отодвинув от груди Деяна ружье, и покосился на своих спутников. Голос его теперь звучал едва ли не смущенно. - Мы служили вместе... раньше.

Деян попытался подняться, но кто-то из "товарищей" метко пнул его под ребра, и он вновь повалился на пол, вскрикнув от резкой от боли. Эльма встревоженно взглянула в его сторону; Деян жестом поспешил показать ей, что цел и невредим.

- Новые товарищи, да, Кен? - нахмурившись, спросила Эльма. - Что же случилось с прежними?

- Их больше нет, - просто ответил тот.

- III -

- Что? - глупо переспросила Эльма.

- Навоевались, отвоевались, достались червякам и воронам!

Барм, Халек, Изан, Мажел, Нарех, Вахек - никого из них нет больше! - В басе Кенека прорезались по-бабьи визгливые нотки. - Кому свезло - тех нашпиговали свинцом, насадили на штыки, поджарили колдовством. Им еще повезло, да! Тем, кто не подыхал от заразы в ранах, не выл по три дня в госпитале, не изошел кровавым поносам, как Хал. Они все теперь кормят червей. Все!

- Мой брат? - глухо спросила Эльма. Если ее прежняя напускная твердость и могла кого-то обмануть, то сейчас страх и растерянность, гнев, отчаяние - все проступило в ее голосе.

- Когда мы уходили, Петер был жив, - помедлив, с видимой неохотой ответил Кенек. - Мы звали его уйти с нами, но...

- Да-да. Наш дорогой сержант! - перебив Кенека, рыжебородый мужчина в рваной куртке на голое тело вышел на середину комнаты. - Ну, сейчас-то сержант, как пить дать, уже в земле гниет. Бравый, сметливый, честный служака Петер. - Голос рыжебородого так и сочился ядом. - Который любит пошептаться с капитаном.

- Он нас выдал. Из-за него пришлось прорываться силой. - Мужчина с перевязанной головой прошел следом. Говорил он тихо и вкрадчиво, но звучало это куда страшнее, чем крики Кенека. - Мы с Барулом потеряли четверых друзей. Потому заслуживаем хорошей награды, как думаешь, красавица?

- Твой брат - дурак с навозом в голове! - заорал Кенек. - Отступаем с весны, не сегодня-завтра все в землю ляжем, а ему дальше воевать охота... Война! - он разразился потоком ругательств. - Можешь себе представить, как мы воевали, ты, женщина? Не можешь! Два дня без продыху месишь грязь, тайком жуешь ремень, душу отдать готов за плесневелый сухарь. А потом приходит приказ, и ты плетешься обратно, от усталости имени своего не помнишь, но оно тебе больше и нужно: к исходу второго дня вываливают из-за пригорка синезнаменные и палят в тебя из ружей, насаживают на пики, как свиней на вертела, давят лошадьми! А сверху жарят молнии, дождик до костей прожигает: колдуны плевать хотели, сколько своей пехоты вместе с чужой поляжет, они даже конницу не шибко берегут. И ты снова бежишь; даже радоваться, что жив, сил нет...

Он перевел дыхание и продолжил:

- В лагере глаз сомкнуть невозможно: в госпитальной палатке раненые воют. Воды нет, перевязок нет. Чем в такую палатку попасть - хуже только в плен... Еды нет, порядка нет, справедливости нет! Тебя отправляют в деревню за фуражом и секут за то, что вернулся ни с чем. А в той деревне четыре взвода до тебя побывало! Вместо амбаров - головешки; деревенские, кто еще не помер, ловят крыс и кожи вываривают. И в следующей так

же. И в следующей. Скоро и тут, в Орыжи, будет так. Идем с нами, Эльма! Доверься мне, прошу... У нас получится. Война проиграна, хватит, навоевались! - Кенек снова сорвался на крик. - Да чтоб король и его прихвостни, чтоб вся эта благородная шваль, все выродки в чистых мундирах передохли! Чтоб их заставили жевать упряжь, а после разорвали лошадьми! Чтоб их сварили заживо! Да, мы сбежали, Эл. И мы дураки, немногим лучше Петера, сожри его волки, мы большие дураки, что не сбежали раньше! Бергичевцы наступают, первые отряды объявятся здесь еще до зимы; вы обречены... Но я пришел за тобой. Идем с нами! Мы с парнями при оружии - сумеем отбить лодку. Перережем глотки, выпустим кишки каждому, кто станет на пути! Уйдем за реку, дальше, как можно дальше, затеряемся среди других беглецов; знаешь, сколько их? Да откуда тебе знать, женщина! Но ты поймешь, едва увидишь... Как только парни отдохнут и наберут еды, уходим!

Кенек то орал, исходя слюной, словно бешеный, то скулил, как побитый щенок; заикался, упрашивал слащавым голосом - и снова срывался на крик, размахивал руками, как припадочный. Он и был, возможно, безумен: пережитое повредило его разум, перемололо, как мельница, отравило страхом и злобой. От прежнего Кенека Пабала в нем осталось меньше, чем в меховой куртке - от зверя... Одна кожа да шкура, оболочка. Он был жалок и был бы достоин жалости - если б не ружье и "товарищи" за спиной, такие же бешеные, как он сам.

- Вас поймают и повесят. Как вы того и заслуживаете, Кен, - тихо сказала Эльма. Сейчас в ее голосе слышалась какая-то мертвенная, спокойная грусть. - Так это правда, что из-за меня ты привел в Орыжь своих... товарищей?

"Обязательно когда-нибудь повесят. Но не скоро. Если все так, как он говорит, - подобных им сотни, тысячи, и каждый второй сбежал, прихватив оружие. Всех сразу не переловишь и не перевешаешь". - Деян незаметно - он очень надеялся, что незаметно! - отполз от двери и сел, прислонившись спиной к приставленному к стене табурету. В шести-семи шагах, в углу, стояли костыли.

Дышать было больно, простреливало в колене, но Деян загнал боль, дурноту, и жгучую пустоту в сердце на самый край разума. Нельзя было думать об ушибленных ребрах, о том, что Нарех никогда больше не будет, запрягая лошадь, насвистывать "Где ж ты прячешься, златоокая", а Мажел никогда больше не попытается забороть одной рукой соседского пса. Нельзя! Что случилось, то случилось.

Эльма стояла перед Кенеком, глядя тому в глаза и развернув

плечи с княжеским достоинством; линялая шаль поверх старой рубахи смотрелась на ней не хуже парадной мантии.

"Зачем ты его злишь, выслушиваешь помои, Эл? Может, думаешь - это я дам деру, пока никто в мою сторону не смотрит?" - Деян невольно улыбнулся. Будь хоть малейший шанс спастись, такое предположение наверняка рассердило бы его, но не теперь, когда все было кончено. Сейчас он чувствовал лишь гордость за упрямую и храбрую подругу...

Даже если б он не замешкался и раскроил Кенеку череп - Эльма все равно не бросилась бы бежать, оставив его. Он охотно отдал бы жизнь, чтобы еще раз дать ей шанс спастись, - и попытался бы, представься ему такая возможность, пусть даже она и посчитала бы это глупым... Но что случилось, то случилось. Нельзя было думать о том, что уже случилось.

Деян тихо передвинулся на полшага ближе к костылю.

"Если успеть ударить сзади под колени, навалиться на спину, - может, удастся дотянуться до их ножей... Тогда хоть один да получит по заслугам!"

- Да, я вернулся за тобой! Повесят?! Ну уж нет. Чего не будет, того не будет! - Кенек надсадно рассмеялся. - Это они... Они все! Шваль благородная... Они заслужили, чтобы их повесили на собственных кишках. Я не оставлю тебя им. - Кенек шагнул к Эльме и грубо схватил ее за руку. - Видела, как умирает человек со вспоротым брюхом?! Как он скулит и воет, как из него течет дерьмо?! Всю ночь, пока не умер, мой брат молил перерезать ему глотку... Его бросили в кучу вместе с другими, со всеми, кто помер в ночь: пришел приказ, некогда было рыть новую яму. А ямы нужны глубокие, много сил нужно их копать... Многие в ту ночь померли. Вороны нынче жирнее кур. Везде так. И здесь будет так! Я не оставлю тебя здесь, Эльма. Я люблю тебя, ты знаешь, я не подведу... Мы отобьем лодку, за рекой нас не найдут! Поторопись - нужно еще собрать, что получится...

- Ты сошел с ума, Кен, - Эльма безуспешно попыталась высвободить руку. - Ты понимаешь, что натворил? Скольких вы убили, над сколькими надругались - после того, как они сами открыли тебе дверь, как другу?

- Если ты не пойдешь сама - я потащу тебя силой. Выбирай, - с угрозой сказал Кенек. - Шутки кончились, Эльма. Брани, проклинай меня, - потом ты все поймешь. Ты останешься жива... останешься со мной!

- Что-то ты заболтался, Кен, - рыжебородый вырвал у Кенека лампу. - Где вторая?

- Эй, уговор... - зашипел Кенек, но рыжебородый уже хозяйским шагом двинулся вглубь дома:

- Уговорам время вышло! Ну, ты где, милая?

"Кен собирался сначала увести Эльму, а потом отдать дружкам Малуху... Но, раз он уже провел их до Орыжи, им нет причины его слушать. Вдруг повезет и сцепятся между собой?".

Деян передвинулся еще на шаг. Еще несколько таких движений - и можно будет незаметно дотянуться до костыля, и тогда...

"Мрак небесный! Нет!"

Его словно ледяной водой окатило, когда он понял, что в следующее мгновение случится.

- А может, тут? - Рыжебородый подошел к печи. - О, нашел!

- Там бабушка спит! Не трогай!- отчаянно выкрикнула Эльма.

- Бабушка, говоришь? - Рыжебородый, сорвав одеяло, осветил лампой лицо старухи. - Хе, и впрямь...

- У-у, боров пьяный! - загудела Шалфана Догжон и ткнула ему в нос иссушенным кулачком.

- IV -

Рыжебородый отшатнулся, схватившись за лицо: силу старуха растеряла с возрастом, но косточки у нее были острые.

- Ишь, чего устроили, свиньи! Моего Вадьма напоили допьяна, а сами шастают, дом громят, по шкафам шарятся!!! У-ух я вам задам!

Не проснись она, рыжебородый наверняка оставил бы ее в покое: что ему толку со старухи? Но она проснулась, и совсем не в том благодушном настроении, что прежде. Приняла погромщиков за приятелей умершего много лет назад мужа и вознамерилась "задать".

- А ты, дура, пока муж лыка не вяжет, с другими гулять удумала?! - слезая с печи, заорала старуха на Эльму.

- Бабуль, нельзя! Успокойся! - Эльма тщетно пыталась высвободиться из хватки растерявшегося Кенека. Тот стоял столбом, бешено вращая глазами по сторонам.

- Я не пьян, мать. Ложись, не стращай гостей! - выкрикнул Деян, надеясь хоть так отвлечь старуху. Но она и покойного сына раньше не больно-то слушала, а его сейчас вовсе не замечала.

- Вон отсюда, поганые! - Старуха, неся перед собой котел с

остатками каши, наступала на рыжебородого.

- Чего?!

- Кому сказано? Пшел вон!!!

Она швырнула котел в него

Рыжебородый отскочил, поскользнулся на разлетевшейся каше и налетел на стол.

- Ах ты, мразь старая!.. - Он замахнулся на старуху ружьем, целя ей прикладом в лицо.

Деян, перекатившись по полу, дотянулся до костыля, уже понимая, что ничего не успеет сделать.

Но обошлось.

- Охолонись, Барул! Не видишь - бабка давно из ума выжила. - Мужик с перевязанной головой, обхватив рыжебородого со спины, оттащил его от Шалфаны. - Совсем стыд потерял - старухам шеи крутить?

Он, по счастью, оказался сильнее, и рыжебородый Барул вынужден был отступить.

- Тебе какое дело, Хемриз?! Да она, того и гляди, сама песком рассыплется, - проворчал он, потирая ушибленное бедро.

- Эй, красотка! - Мужчина в повязке, которого называли звали Хемризом, обернулся к наконец-то сумевший высвободиться Эльме. - Сейчас же уйми старую, не то я сам ей всыплю.

Унимать Шалфану уже не было нужды: бросок забрал у нее все силы. Старуха, привалившись сгорбленной спиной к стене, хныкала и бормотала о неблагодарных поганцах. Эльма, приговаривая что-то утешающее, уложила ее обратно на печь, перед тем заставив разжевать шарик засонной травы.

Тем временем Хемриз успел зажечь другую лампу, заглянуть в малую комнату, в погреб и вернуться.

- Кроме этих и старухи здесь больше никого нет. - Он перевел взгляд с Кенека и Барула на Эльму. - Где твоя ятровка?

- Под вечер в лес ушла, силки проверить, обещалась вернуться - да вот нет ее... Верно, заблудилась, или вас увидев, спряталась, - соврала Эльма, пытаясь вернуть себе прежний, преисполненный достоинства, вид, в то время как рыжебородый обходил ее кругом, пристально разглядывая.

- Кушать захочет - вернется. - Рыжебородый Барул остановился и облизнул шелушащиеся губы. - А пока и сестрички хватит.

- Эй! - Кенек зло уставился на него.

Деян, надеясь, что на него по-прежнему никто не смотрит, переложил костыль под правую руку. Но Хемриз, подойдя, пинком отбросил его на другой конец комнаты:

- Хочешь жить - не дури.

От его вкрадчивого голоса по коже побежали мурашки.

- Уж больно хороша. - Рыжебородый, ухмыляясь, надвинулся на Эльму. Та попятилась.

- Только попробуй - и я продырявлю твою дурью башку! - зарычал Кенек.

- Многовато для тебя одного такого богатства, Кен. - Рыжебородый взглянул на него безо всякого страха.

- И то верно, - спокойно заметил Хемриз. - Нечестный вышел уговор, ты так не считаешь, Кенек?

- Даже думать не смейте!!! - Кенек стиснул ружье. - Или я вас!..

Он осекся, оглянувшись на приоткрытую дверь: далекие женские стенания вдруг сменились надсадным, полным боли мужским воплем.

Затем крик оборвался, и наступила тишина.

- V -

- Это что сейчас было? Похоже вроде на Шилыча... - рыжебородый нахмурился.

- Ступай, проверь, что там, - скомандовал Хемриз. Именно он был в их компании главным, что бы ни думал по этому поводу Кенек.

Теперь с улицы донесся чудовищный, оглушительный рев и грохот. Снова кто-то закричал - уже иначе, отчаянно, визгливо. Рыжебородый, перехватив ружье штыком вперед, бросился во двор.

Деян рассмеялся.

От смеха невыносимо кололо в отбитых ребрах, но сейчас он не владел собой.

Кенек, подойдя, слегка толкнул его в бок.

- Что смешного?! Ты что-то знаешь?! Отвечай, Деян!

В голосе Кенека Пабала за гневом явственно чувствовался страх - и это тоже было смешно.

- Просто нам досталась очень дурацкая сказка, Кен, - пробормотал сквозь смех Деян. - Все шиворот навыворот.

- Говори по-человечески!

- Да твой знакомец от страха помешался, - проворчал Хемриз.

- Со злом должно бороться добро, так нас матери учили, - сказал Деян. - Да, Кен? А у нас... А-ха-х..

- И впрямь рехнулся. - Кенек, сплюнув, отвернулся и с тревогой уставился на дверь.

Деян огромным усилием воли наконец заставил себя остановиться и дышать медленнее. Его по-прежнему разбирал смех; это было похоже на припадок вроде тех, что иногда случились со старухой Шалфаной. Но здравого рассудка он пока не утратил.

"Кто бы мог подумать: зло явилось бороться со злом! Как бы это ни кончилось - на земле станет чище".

Деян ободряюще улыбнулся Эльме. Рев, подобный тому, что они слышали, не могла издать человеческая глотка. А значит, случилось то, что еще вечером казалось самым большим несчастием; но теперь в том была их единственная надежда на спасение...

Вернулся Голем.

Чародей считал себя здесь хозяином, а какому хозяину понравится, что на его земле без спросу учиняют беспорядок?

- VI -

- Я, пожалуй... - начал Кенек, но так и осталось неизвестным, хотел ли он тоже выйти во двор или же сделать что еще. Дверь с грохотом распахнулась, и в дом, пятясь, ввалился рыжебородый. Его руки по-прежнему крепко сжимали ружье, но повернуто оно теперь было другой стороной: острие штыка косо торчало между лопаток.

- Кх-хе...как я-кх... - Барул хрипел и пятился. - Кх...

Рыжая борода покраснела от крови. Он свалился, задыхаясь и колотя ногами по полу.

- Господь всемогущий... Барул! Как?! - Кенек отскочил от корчившегося в агонии подельника и вскинул свое ружье, направив на дверь.

Рыжебородый затих, испустив последний вздох.

- Ну, дела, - негромко сказал Хемриз, глядя в сторону двери. В обеих руках у него появились короткие, выгнутые в обратную сторону ножи. - Твоя работа? По виду и не скажешь...

Деян приподнялся, чтобы лучше видеть.

Великан, по-видимому, разбирался с налетчиками где-то в другом месте: на пороге стоял сам чародей. В старой, широкой и длинной не по росту куртке Беона он походил на заспанного пастуха еще больше, чем прежде.

Кенек рванул спусковой крючок; но мгновением раньше Голем успел трескуче прищелкнуть пальцами. Раздался оглушающий хлопок: сам Кенек отлетел к стене, а ружье с развороченным дулом загремело по полу.

Голем даже не взглянул в его сторону, равнодушно разглядывая Хемриза.

- Интересно. - Хемриз улыбнулся чему-то, известному одному ему. - Ты не местный. И на армейских не похож. Барул был болваном. Но...

Он бросился вперед, правым локтем защищая горло и метя клинком в лицо чародею, а вторым ножом целя тому в живот.

Голем, отступив на шаг, вскинул руку навстречу его броску и коснулся перетягивавшей лоб Хемриза грязной повязки. Мгновение казалось - это была нелепая и смертельная ошибка: кривой клинок царапнул ворот Беоновой куртки. Но Хемриз вдруг остановился; его руки бессильно опустились, разжались пальцы: ножи со стуком упали на пол. Он стал оседать - медленно, наваливаясь на чародея одновременно с тем, как тот под его весом опускал руку, и так и повис, не касаясь коленями пола. Деян слышал, как охнул Кенек. Пальцы Голема вошли в голову его подельника, точно под повязкой у того была не кость, а масло.

- Ты убил их. Никого больше нет. Снова. Никого. Ты их убил, - забормотал Кенек, прижавшись к стене и выставив перед собой нож. - Всех. Ты!

Голем опустил взгляд на тело Хемриза, которое удерживал за череп, и швырнул его на труп рыжебородого. Повязка вокруг дыр еще не напитались кровью, но пальцы чародея до костяшек были покрыты алой слизью.

На миг Деяну показалось - сейчас он их оближет. Но Голем, брезгливо поморщившись, лишь вытер руку о штаны.

Истеричное бормотание Кенека перешло в вой, и он, достав из-за голенища нож, двинулся на Голема - но не прошел и трех шагов, как, вскрикнув, повалился плашмя: мыски его сапог словно приросли к половицам. Голем неторопливо подошел к нему и с силой впечатал каблук в сжимавшую рукоять ножа кисть. Кенек заорал - так, что задребезжала посуда, и заорал еще громче, когда Голем стал медленно проворачивать каблук. Кенек Пабал ревел, как зверь с подпаленной шкурой, но другой - тихий, едва слышный - звук пробивался через этот крик, прорастал, как

сорняк, заполнял собой все...

Хрустели, трещали, скрипели кости.

- Перестаньте, господин Ригич! - выкрикнула Эльма. - Пожалуйста, не надо!

- VII -

- Почему? - Голем остановился, взглянув на нее с любопытством.

Кенек стонал и скулил, вцепившись зубами в ворот мундира и пытаясь пережать пальцами запястье искалеченной руки. Он не делал никаких попыток высвободиться, а решись он дернуться - пожалуй, потерял бы сознание от боли.

- В наше время не убивают... так, - сказала Эльма

Голем усмехнулся:

- А что, девушка, может, и умирают люди нынче как-то иначе?

- Смерть есть смерть, но... Этот человек из Орыжи родом. Он наш. - Эльма встряхнула головой и с решительным видом подошла к Голему, избегая смотреть на мертвецов. По-видимому, чародейская насмешка не на шутку разозлила ее. - Нам, а не тебе отмерять ему за это наказание.

- Ты забывчива, девушка. С прошлого дня судья здесь я, - возразил Голем.

- У тебя есть указ, дозволяющий вершить над нами суд?

- Эльма! - Деян окликнул ее, внутренне умоляя замолчать и не грубить чародею, но она, начав, не собиралась останавливаться:

- Мы - свободные люди! Над нами судей нет, кроме Господа всемогущего и всеведущего, короля Вимила и его поверенных. А ты - кто такой? По какому праву зовешь себя нашим князем, объявил тут себя здесь хозяином?

Голем молчал, изумленно глядя на нее.

"Господи, Серая, где ты таким речам выучилась?! - Деян, не выпуская из виду чародея, краем глаза взглянул на Эльму. Та стояла, гордо вздернув подбородок и сжав кулаки. Казалось, еще чуть-чуть - и она в самом деле погонит чародея из дому метлой, если тот немедля не предъявит королевскую печать. - Пока с

Пимой болтала, от деда Беона наслушалась?! Прекрати грубить, извинись, пока не поздно, ну же, прояви здравомыслие, прошу!"

- Князь, то бишь, король Вимил над нами Господом править поставлен, но мы - свободные люди. Хозяев у нас нет! - Эльма осталась глуха ко всем мысленным мольбам. Сейчас она чем-то очень напоминала Шалфану - когда та с котлом наперевес наступала на рыжебородого Барула. Но не могла же она за четверть часа помешаться!

Или могла?

Деян потер виски, пытаясь вернуть мыслям ясность. В голове по-прежнему громом отдавался хруст переламываемых, дробящихся костей. *Тот самый звук.* Улавливать его призрачные отзвуки было одновременно мучительно и сладостно. На сей раз это были *не его* кости. И все же *тот самый* звук...

Когда-то тот же звук у подножия Сердце-горы слышал Кенек Пабал. Потом, пыхтя и отдуваясь, тащил к людям истекающего кровью друга, чтобы много лет спустя явиться к нему, обратившись из спасителя в чудовище, и быть самому остановленным чудовищем Сердце-горы.

- Свободные люди! - Голем ухмыльнулся как будто бы добродушно. - Что ж вы у ночных гостей императорского указа не спросили, свободные люди? Или они, как всякие свободные люди, могут, когда захотят, убивать и насиловать других свободных людей?

Настал черед Эльмы ошалело таращиться на чародея.

- А с этим свободным человеком, позволь спросить, что другие свободные люди собираются теперь делать? - Голем кивнул на скулящего Кенека, под искалеченной кистью которого растекалась кровавая лужа. - Отпустите? Будете, в конуре держа, от пуза кормить, когда самим жрать нечего? Или все-таки повесите? В колодец кинете или на куски порубите - как нынче принято у свободных людей?

- Это наше дело.

- Эльма! - снова позвал Деян, и снова тщетно.

- Если б мой сосед заслужил смерть, я бы предпочел, чтоб его казнил кто-нибудь другой, а не я. Да не поскупился бы заплатить палачу. Но то - я, варвар, а то - *свободные люди*. - В устах Голема эти слова звучали отборным ругательством: он будто сплевывал их, как овсяную шелуху. - Правителя своего нынешнего и военные законы вы, я посмотрю, тоже не больно-то чтите... Ваши обидчики дезертировали из его войска, так? По закону, судить их должен старший офицер, и у тебя он спрашиваться не обязан.

- Но и не ты! Если ты не тот самый старший офицер.

Пальцы Эльмы лихорадочно мяли шаль.

- Требовать от меня соблюдать закон, который ты сама соблюдать не намерена, - что это, хотел бы я знать: наглость, храбрость или дурость? - негромко спросил Голем. - К твоему сведению, девушка: *так* - в самом деле не убивают; я и не собирался этого негодяя пока убивать. Если тебе охота судить его самой - пожалуйста: получишь живым... Но перед тем мне нужно побеседовать с ним по душам.

- В твое время пытки называли разговором?

- Ты говоришь - в *мое* время, - с нажимом повторил Голем, - и племянницы твои сказки сказывают интересные. Так, выходит, ты знаешь, кто я?

Деян выругался про себя, но Эльма попросту отмахнулась от вопроса:

- Я знаю, что ты собираешься делать дурные вещи. Но у тебя нет на то права!

- Заблуждаешься: есть и всегда было; но можешь считать, что я только что его подобрал, бесхозное, и взял, - сказал Голем. - С тобой потом поговорим. А пока, если не любишь кровь и крики, лучше выйди. Джибанд там должен был уже закончить. Ступай, пока я не потерял терпение! - В голосе чародея вдруг проступила угроза.

- Эльма!!! - третий раз позвал Деян. На этот раз она все-таки его услышала и даже соизволила чуть повернуться в его сторону.

Деяна словно окатило могильным холодом.

Как он сам минувшим днем, ведомый жгучим желанием сделать хоть что-нибудь, едва не натворил глупостей, - так и Эльма сломя голову бросилась в словесную схватку с чародеем, вряд ли задумываясь о том, что таким способом ничего невозможно добиться. Голем язвительными отповедями затушил ее бессильную ярость, оставив лишь безысходное, невыносимое отчаяние. Что случилось, то случилось, и Эльма считала себя виноватой во всем случившемся: ведь Кенек пришел за ней... Все это ясно читалось на ее лице.

- Идем, Эл, - глухо повторил Деян, все еще сидевший у стены. - У нас есть другие дела.

- Как скажешь, - откликнулась Эльма с мертвенной покорностью в голосе. - Сильно тебя?..

Эльма перешагнула через лежавшие на полу тела, будто через бревна, и помогла ему встать, избегая встречаться с ним взглядом.

- Пара синяков, - спокойно соврал Деян, не сомневаясь - сейчас она не раскусит его ложь, и немедленно быть отправленным на поиски знахарки ему не грозит. Потом, быть может, в самом деле стоило заняться ребрами; но потом, а пока

это было не к спеху. Всю боль, все другие чувства - все словно бы заглушал *тот самый* звук, по-прежнему звучавший где-то в глубине сознания. *Тот самый звук,* с которого когда-то начались его беды и который теперь знаменовал начало конца.

Голем приступил к допросу, не дожидаясь, пока останется с пленником один на один.

- Неприятно вышло, да? - Голем толчком сапога отбросил нож, присел рядом с Кенеком на корточки и с кажущейся небрежностью накрыл ладонью изувеченные пальцы. Кенек вскрикнул, но, спустя несколько мгновений, умолк. Даже скулить перестал.

- Так - совсем другое дело, верно? - продолжил Голем. - Так ты даже не истечешь кровью до того, как я передам тебя местным доброхотам, - а ты, по всему видно, не из тех, кто откажется прожить хоть на миг подольше. Но может стать хуже. - Он едва заметно двинул рукой на ране, и Кенек захлебнулся криком. - Гораздо хуже, - бесстрастно сказал Голем, когда тот вновь умолк. - Если мне покажется, что ты лжешь.

- Так ты дознаватель... этих... синезнаменных поганцев? - сплюнув кровь, спросил Кенек. И тут же заорал, когда Голем легонько надавил на то, что осталось от его кисти.

- Не надо больше... я буду... буду отвечать, - прохрипел Кенек, когда сумел отдышаться.

На бледном лице чародея не мелькнуло даже тени удовлетворения: он и не сомневался, что тот будет отвечать. Отвечать быстро и охотно.

- Начнем с того, кто такие "синезнаменные поганцы"?

- Бергичевцы... Люди барона Бергича.

Деян искоса взглянул на печь. Ему было не по душе оставлять Шалфану без присмотра рядом с чародеем, пусть и совсем ненадолго. Но старуху, укрытую грудой одеял, разглядеть было непросто, а с засонной травы она должна была спать крепко.

- Эл, пойдем. Эльма? - Деян встревоженно взглянул на девушку. Она стояла рядом, вперив в пол неподвижный взгляд, и ничего вокруг, казалось, не замечала - ни его, ни бабку, ни тел и крови посреди дома, ни чародея и Кенека, ни доносившихся со двора перешептываний и всхлипов. - Серая!

- Пойдем, - безжизненно откликнулась она и, по его подсказке надев наконец-то теплое верхнее платье, позволила вывести себя из дому.

Под стеной дома перетаптывались с места на место Солша с одним из сыновей и Малуха с дочерьми. На пол-лица "тетушки Со" растекся синяк, заметный даже в темноте, одежда была изорвана, но на ногах Солша стояла твердо. Малуха, с виду невредимая - если не считать царапины на щеке и спутанных волос, - немедленно бросилась к Эльме, причитая и плача. А дети выглядели... очень спокойными. В распущенных волосах у них, как и у Малухи, запутались обломки веток.

Деян, тяжело опираясь на костыль, прохромал к ним.

- Нура, Калиша. - Деян перевел взгляд с младшей на старшую дочь Петера. - Это вы его привели?

Можно было и не спрашивать: вряд ли могла найтись другая причина, по какой чародей вернулся среди ночи...

Они все заговорили одновременно - девочки, Малуха, Солша и ее мальчишка.

Из того, что Деяну удалось разобрать, следовало, что, как он и думал, Солша сама впустила Кенека с дружками в дом. Но она же, вместе с сестрой, и заболтала их ненадолго каким-то чудом, дав Малухе и детям время тихо вылезти в окно и сбежать задворками. А накануне вечером Калиша и Нура - запрет слаще меда! - рассказали сыновьям Солши про волшебную скалу и доброго чародея с каменными людьми, которые всех защитят, в обмен на историю про "большого и маленького дядек", которых мальчишки встретили днем.

- Все не как в сказке, но ведь должна быть в сказке и правда тоже, верно говорю, ма? - сын Солши в поисках поддержки постоянно смотрел на мать.

Дети, выбравшись из дома, понеслись к скале, не слушая Малуху, - той пришлось гнаться за ними изо всех сил.

- Как нарочно, через самый бурелом удирали, поганцы! - Даже в такой момент Малуха умудрялась ворчать.

Голема мальчишки нашли у развалин, точно там же, где и днем, и стали просить, чтоб он пошел и побил злых людей. К большому удивлению Малухи, чародей не рассердился и не прогнал их, а велел спрятаться в развалинах и тихо сидеть там до утра, тогда как сам вместе с великаном немедленно отправился в Орыжь; только спросил сначала, почему они пришли звать его, хотя днем сами застрелить хотели, а потом уже ушел. Дети выждали немного, но не утерпели, опять убежали от Малухи, и вот...

- Мы же все правильно сделали, дядя Деян? - Калиша

требовательно дернула Деяна за рукав. - Правильно? Но почему тогда.... все равно.... Почему-у-у....

- Вы молодцы. И сделали все правильно, кроме того, что не послушали милорда Ригича и прибежали сюда, не дожидаясь утра. - Деян заставил себя улыбнуться девчонке и ласково потрепал ее по голове. - К сожалению, Калиша, в сказках... в сказках есть правда, но и вымысла много. Господин чародей - не Господь Всемогущий: помогает только кому может и как может.

"И как захочет", - добавил он про себя. За стеной взвизгнул Кенек: очевидно, опять сказал что-то не понравившееся Голему. Деян понадеялся, что никто, кроме него, за плачем Малухи доносящихся из дома звуков не слышит.

- Конечно, правильно! Вы нас очень выручили, маленькие. - Эльма, отведя Малуху к лавке, поманила девочек. - Идите, обнимите мать: вместе слезы солоней, но горе слаще.

Через мгновение Калиша и Нура, забравшись на колени к Малухе, уже ревели в три ручья вместе с ней. Телом никто из них не пострадал, но увиденного и услышанного за ночь с лихвой хватило бы и на то, чтоб надломить дух и крепкому мужчине.

- Этот милорд Ригич взаправду колдовать может, Деян?

Солша пристально уставилась на него единственным открытым глазом: другой заплыл так, что не осталось даже щелочки.

- Он чародей. Но не "господин добрый чародей", - ответила вперед Деяна Эльма. - Так что держите с ним ухо востро.

Голос Эльмы за время, что она утешала Малуху, вновь обрел теплоту и мягкость, но взгляд оставался прежним: неживым, холодным.

- Да, тетушка, все так, как говорит Эльма, - подтвердил Деян. - А где твой второй пострел? - спросил он - и тут же ужаснулся своего беззаботного тона: ведь мальчишка мог и...

- Жив-здоров. Весь в своего беспутного папашу пошел. - Солша покачала головой, не то одобрительно, не то осуждающе. - Ни стыда перед Господом, ни страха. Вырос малой. Во, гляди, чем занят!

Деян усилием воли заставил себя взглянуть в ту сторону, в какую указывала Солша: на дом Химжичей. Окна теперь были темны, но в распахнутую калитку пыталась протиснуться процессия почти столь же чудовищная, как та, что еще недавно направлялась в дом. Джибанд, на полроста возвышавшийся над плетнем, волочил за ноги два трупа, а мальчишка Солши с горделивой улыбкой сидел у великана на шее и масляным фонарем подсвечивал ему путь.

- Кенековы мерзавцы! - Выражение разбитого лица Солши

могло сойти за гримасу ярости, достойную Голема. - Наших всех, живых и мертвых, уже снесли к знахарке во двор... Моя Талима тоже там. Живая, хвала Господу, - вздохнула она, утерев здоровый глаз.

Деян не стал ей говорить, что слова "вырос малой" мало подходят к тому, чем занимается ее сын, и что имя его отца Кенек назвал среди погибших.

- Бабка ваша как? Не зашибли? - спохватившись, спросила Солша.

- Обошлось. Надеюсь, до утра проспит, - поспешил успокоить ее Деян.

- Из наших... кто? - тихо, так, чтоб не могли расслышать Малуха и девочки, спросила Эльма.

- Даришу насмерть замучили, сволочи. И Лесоруб погиб, - так же тихо ответила Солша. - Застрелили. За своих баб вступился, да куда ж ему, старику? Когда они еще с ружжами... И битых-перебитых не счесть. Дальше что будет - ох, и думать страшно. - Она скосила здоровый глаз на приоткрытую дверь и осенила себя амблигоном. - Ох, страх! А малым все ж вздремнуть надо хоть чуть, и вам обоим тож. И бабушку вашу отседова забрать... В доме у меня - будто медведь прошелся, но сарайка теплая, и сена натащить можно.

Эльма, приличия ради, сначала отказалась, но упираться не стала. С какой стороны ни посмотри, а детей действительно надо было устроить где-нибудь в тепле и подальше от чародея.

- Уложишь их сама? - смущенно попросила она Солшу в конечном счете. - Я хочу зайти к Илле; может, чем смогу помочь.

- Я с тобой, - быстро сказал Деян.

- Да там и без вас народу тьма, - сперва начала возражать Солша, но потом махнула рукой. - Ну, дело ваше, не мне вас учить.

- Значит, мы с Деяном вас проводим. Все равно по пути, - сказала Эльма, по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом.

В доме снова заскулил Кенек; торжествующий волк-охотник превратился в побитого пса.

Глава пятая. Чародей

- I -

Деян шел как мог быстро, стараясь не отстать от Эльмы: девушка почти бежала, не глядя под ноги.

Все было далеким, чужим, смутным, как в густом тумане: безумное бормотание Шалфаны, когда ее выводили из дому; улица, расчерченная темными полосами там, где Джибанд волок мертвецов; мягкий голос Солши, успокаивающей старуху.

Заполненный полураздетыми людьми двор знахарки Иллы; невозмутимый великан Джибанд, перекладывающий мертвецов так, чтобы они не мешали проходу; горбатая неумеха Илла, мечущаяся из дома во двор и обратно и больше глазевшая на Джибанда, чем занятая лечением.

Не уместившиеся в доме раненые, лежащие и сидящие под навесом для сушки трав на укрытой одеялами земле, - стонущие, плачущие, обращающие к небесам молитвы и проклятья; толпящаяся рядом родня и два ружья, приставленные к стене. Мертвецы на земле...

Внучка Киана в разорванном до самой шеи платье, рыдающая над дедом. Киан-Лесоруб, будто все еще следящий остекленевшими глазами за топором на поясе Джибанда. Пятеро мертвых дружков Кенека со сломанными шеями и раздавленными черепами, которых никто и не подумал прикрыть: великану с его силищей оружие было без надобности.

"Здесь пятеро. Значит, считая Кенека и тех двоих - всего восемь подонков. Мы смогли бы дать отпор сами, не будь все в таком раздрае... И Лесоруб мог бы не лежать здесь, не будь он безоружен".

Деян отвернулся, когда жена Вакира в наброшенном поверх рубахи зимнем тулупе принялась, загибая пальцы, деловито пересчитывать покойников.

Смогли бы, не смогли бы? Что случилось, то случилось. Ничего нельзя было исправить.

- Постой! - Деян удержал Эльму, когда та собиралась зайти во

двор, и развернул лицом к себе. - Посмотри на меня.

Она неохотно встретилась с ним взглядом.

- Эл, ты не виновата, что Кенек связался с таким сбродом и привел их сюда, - сказал Деян. - Что одурел от пережитого, что помешался... на тебе, - выдавил из себя он. - Но ты здесь ни при чем. Это его вина и ничья больше. И... Раз война проиграна - рано или поздно... все равно могло случиться нечто подобное.

- Ты забыл добавить, Деян, - "и все равно еще случится в будущем", - устало сказала она.

- Совсем не обязательно. Но если и так - не нам себя за это винить.

- Все же, если б я обращалась с ним мягче, раньше, когда все еще было по-прежнему... - В ее глазах проступила невыразимая боль. - Тогда сегодня ничего бы не случилось.

"Если б ты знала, что может случиться в будущем, - ты бы сделала то, чего он от тебя добивался?" - эта мысль показалась Деяну почти такой же чужой и далекой, как и все другие.

- Неправда. Кенек все равно сделал бы то, что сделал, - сказал вместо этого Деян. - Он давным-давно не дурно воспитанный мальчишка, а мужчина. Никто, кроме него, не в ответе за его поступки.

- Ты сейчас говоришь почти как брат. - Эльма напряженно улыбнулась, но и эта вымученная улыбка тут же исчезла с ее лица. - Прости. Кенек сказал, что твои, оба... Я соболезную...

- Мажел и Нарех знали, что могут погибнуть, - твердым голосом перебил ее Деян, проглотив подступивший к горлу ком. - Они нашли честную смерть, а не связались с кем-то вроде Хемриза. А нам нужно жить дальше, Серая.

Он попытался обнять ее, но она отстранилась с какой-то странной, печальной улыбкой:

- Следующий день все равно наступит, живы мы или нет. Ты сейчас пойдешь объясниться с Големом или утром?

- С чего ты решила, что я собираюсь?..

- Зная тебя, несложно догадаться, - перебила она. - Что ты намерен ему сказать?

- Что смогу вспомнить - то и скажу, - пробормотал Деян. Он ожидал, что она будет его отговаривать, но Эльма лишь согласно кивнула:

- Это ясно. Потом?

Деян, скрывая замешательство, сделал вид, что высматривает что-то во дворе.

Мажел - воспоминание о брате отозвалось глухой болью - говорил, что проще сдвинуть Сердце-гору, чем понять женщину. Все вокруг казалось нереальным, и эта девушка с беспомощной

полуулыбкой на губах и душной тьмой в тяжелом, как камень, взгляде, как будто была не Эльмой, а кем-то другим, незнакомым. Но все равно родным. Он любил ее, что бы ни скрывалось в глубине ее глаз.

Та легкость, с какой Эльма сейчас отпустила его, - отчего-то задевала, тревожила, страшила. Что-то будто треснуло, сломалось в ней, а она не желала лечить этой раны...

Все шло наперекосяк: он должен был найти способ успокоить ее, найти верные слова, поддержать - но не мог пробиться через густой туман.

- Что потом, Деян? - переспросила Эльма. - Если он нормально выслушает тебя - будешь просить его остаться и помочь нам?

- Ты же видела, как он убил того, который звался Хемризом... И как он начал "говорить" с Кеном. - Деяна передернуло.

- Но подобные Хемризу не лучше или еще хуже.

- Теперь есть оружие. - Деян показал взглядом на ружья. - И больше нас не застанут врасплох. Вряд ли нам хватит сил защититься самим, но...

- Но?

- Мы хотя бы можем попытаться. А Голем... Он чудовище, Серая. Разумно ли просить защиты у чудовища? Если завтра его настроение переменится, от Орыжи не останется даже горстки пепла.

- Откуда мне знать? Решай сам. - Эльма покачала головой. - Я пойду, спрошу Иллу, чем помочь. Удачи, Деян, храни тебя Господь!

Она махнула на прощанье и ускользнула за калитку.

Деян дождался, пока она переговорит с горбатой Иллой и скроется за дверью; прежде чем уйти, он еще долго стоял, разглядывая знакомые, потрескавшиеся от времени резные наличники. Они, в отличие от всего остального, Илле приглянулись: лачугу Вильмы снесли и построили новый дом, а наличники сохранили старые.

Судьба будто сделала круг, но ничего не повторялось в точности. Новое окропляло старое, старое смешивалось с новым - быть может, так же, как в сказках складывались воедино правда и вымысел, а сказки складывались с жизнью...

"Надо было внимательней слушать Вильму. - Деян мрачно усмехнулся своим мыслям, бредя по оставленным в грязи следам к дому Догжонов. - Может, тогда я чего-нибудь бы понял... До того, как все закончится".

После разговора с Эльмой камень на сердце стал только тяжелее.

- II -

Деян зашел в дом.

- ...Я только один раз, издали видел... Мне могло показаться!.. Простите, господин... - Когда-то Кенек говорил звучным басом, но сейчас его бормотание с каждым словом делалось все визгливей. Он больше не лежал придавленным к полу, а сидел у остывшей печи на корточках, прижимая к груди обмотанную полотенцем кисть, и оттого выглядел еще более жалким, чем прежде.

Деян тихо прикрыл за собой дверь и сел на стул, отодвинув его подальше от мертвецов. Борода Барула от запекшейся крови стала черной. Хемриз лежал лицом вверх, и неровный ряд из трех дыр в его покатом лбу служил хорошим напоминанием, что за человек с усталым лицом сидит на табурете напротив Кенека.

- Так видел или показалось?! - судя по раздраженному тону, Голем мямленье Кенека слышал уже не первый раз и не второй. Сейчас Голем его не трогал, но Кенек от одного голоса чародея дрожал, как осиновый лист. - Вернемся к началу. Ты сказал, что знаменный чародей вашего короля Вимила - В*е*нжар ен'Гарбдад. Ты видел его один раз, и с виду он тебе в деды годится. Так?

- Так, господин... Но я только издали, господин. Вдруг...

- Хватит! - перебил Голем. - При Императоре Яране солдатам, которые не верили собственным глазам, выжигали их каленым железом. Проделать это с тобой?

- Нет, господин... Я видел... Видел.

- Тут где-то была кочерга. Ты пришел растопить печь?

Деян вздрогнул, когда понял, что Голем обращается к нему. Кенек заскулил: похоже, он не думал, что чародей пошутил...

По правде говоря, Деян тоже не был в этом уверен.

Взгляд, которым Кенек его наградил, был полон подобострастной мольбы и ужаса. Деян отвернулся.

"Ну и мразь же ты, Кен", - хорошо бы прозвучало, если б было сказано часом раньше, а не сейчас, когда тот сжался в ком от страха, обезоруженный и покалеченный. Еще лучше было б одновременно с этими словами загнать ему костыль промеж зубов; но часом раньше о таком не приходилось и мечтать, а теперь уж поздно было сводить счеты...

И все равно искушение было велико. Про печь и железо чародей, возможно, сказал не всерьез, однако вряд ли он стал бы мешать, пожелай Деян немного отвести душу. Рот наполнился горечью от омерзения к бывшему другу и к самому себе: желание поквитаться с беспомощным Кенеком, собственное чистоплюйство, не допускающее подобного, - все было одно другого отвратительнее.

- Этого подонка когда-то я звал другом, - сказал Деян, подавив желание сплюнуть на пол: разгромленный и осквернённый убийством дом все же оставался домом. - Охота над ним измываться - измывайся без меня.

И *тот самый звук* в голове наконец-то утих.

- III -

- Дело твое, - пожал плечами чародей. - Зачем тогда явился?

- Я пришел с тобой поговорить. О тех руинах в лесу, что ты называешь замком, - сказал Деян. Запоздало он понял, что нечаянно заговорил в той же грубой и фамильярной манере, что и Эльма. Это было большой глупостью...

"Но если бы он не вырубил Беона, не обезоружил и не опозорил Киана, не запугал бы всех, - жертв сегодня могло бы и не быть".

Деян зло посмотрел на Голема, а тот уставился на него, как будто собирался проделать взглядом дырку. Наподобие тех, что уже украшали лоб Хемриза.

- Не нужно тревожить хозяйку этого дома и детей, колдун, - сказал Деян. - Сказку, о которой ты услышал от них, им рассказал я.

Голем встал и размашистым шагом подошел к нему:

- Ты?

- Я. - Деян поднялся ему навстречу. - Я же ее и выдумал. Но только наполовину. Взял за основу преданье, которое рассказала мне старая знахарка. Сама она давно умерла.

Чародей был ниже его, и теперь, чтобы смотреть в глаза, тому приходилось задирать голову: смешное преимущество, но придающее хоть какой-то уверенности...

Смешное и, как оказалось, недолговечное: в следующее

мгновение Голем без замаха, коротким движением ткнул его ладонью в грудь. Это был даже не удар - легкий толчок, но Деян, задохнувшись от боли, рухнул обратно на стул.

- Чтобы долго разгуливать с переломанными ребрами, нужно большое терпение. - Голем второй рукой придержал стул за спинку, не дав ему свалиться на пол. - Помноженное на большую глупость.

"Мерзавец, - Деян прикусил губу, сдерживая стон, - что ж ты за мерзавец..."

- Но ты не смахиваешь на круглого дурака. Почему же тогда притащился обратно сюда, а не остался у местной коновалки? Переговорил бы там сперва с моим, - Голем на миг запнулся, - другом.

Этого вопроса Деян не ожидал и предпочел бы до поры его избежать, но с прошедшего утра ничего не шло так, как бы ему хотелось; чародей, очевидно, приглядывал за происходящим во дворе Иллы глазами великана, и отнекиваться было бесполезно.

- Я знаю, что из вас двоих только ты человек, колдун. А он - твое создание, кукла. Он...

- Заткнись! - рявкнул вдруг Голем со страшной яростью.

Деян вжался в спинку стула, ожидая удара; но чародей, шумно выдохнув через стиснутые зубы, отошел в сторону.

- Похоже, тебе действительно есть что мне сказать. Но почему сейчас? - Голем привалился спиной к стене. Со своего места он мог видеть и оба входа в дом, и Деяна, и притихшего Кенека. - Я помню, ты был днем среди тех, кто собрался во дворе.

- Я боялся, что ты впадешь в безумие от того, что услышишь, и перебьешь нас всех, - честно ответил Деян.

- А теперь, значит, не боишься?

- Теперь мне ясно, что ты все равно дознаешься, - ответил Деян. - Нет нужды проводить... душевные беседы со всеми подряд. Я знаю мало, но больше других. Только я тебе и нужен.

- Думаешь, я собираюсь замучить мальцов, их мать и тетку с бабкой?

Голем усмехнулся, будто его позабавило подобное предположение. Или же он представил себе картину будущего допроса - и теперь мысленно наслаждался ей?

Разговор явно затягивался и шел совсем не так, как Деян предполагал. Заготовленные фразы теперь звучали глупо - и все другое, что приходило в голову, было не лучше. Его расчет строился на том, что чародей растратил изрядную часть своей ярости на Кенека и остальных, потому именно сейчас он в здравом уме, насколько это возможно.

- Думаю, сегодня - нет, не собираешься, - сказал Деян. - Но

завтра ты можешь передумать. А мне бы этого не хотелось. Обещай больше никого ни в Орыжи, ни в Волковке не трогать, - и я расскажу тебе все сам. Все, что знаю. Для надежности можешь сделать со мной все то же, что и с ним, - Деян указал на Кенека. - Да что угодно! Убедись, что я не лгу, ничего не утаиваю. Но не трогай никого больше.

- Днем ты сказал, что тебе ничего не известно. По-твоему, ложь сойдет тебе с рук?

- Нет. Можешь покарать меня за это. - Деян невольно бросил взгляд на дыры во лбу Хемриза. Скверная смерть, но лишь с виду: для Хемриза она была милосердно быстрой. - Лгал тебе тоже только я: старуху-знахарку все считали сумасшедшей и не знались с ней без нужды... Она и была сумасшедшей. Но мне волей-неволей пришлось слушать ее рассказы, пока она лечила мою культю.

- Я, по-твоему, тоже сумасшедший? - спросил с насмешкой Голем.

- Надеюсь, не настолько, как старуха или как... - Деян невольно взглянул в сторону Кенека, - мой бывший друг. Поэтому я и пришел сам.

- Да у вас здесь, я смотрю, всех подряд величают сумасшедшими, - хмыкнул Голем.

Кенек о чем-то жалобно заскулил, но Деян выбросил его из головы, стараясь в полутьме - две из трех разожженных ламп погасли - лучше разглядеть чародея и понять, почему тот тянет время бессмысленными вопросами, не желая переходить к главному.

- Предлагаешь сделать с тобой то же самое, что и с ним? - Голем кивнул в сторону Кенека. - И что же я с ним такого сделал, чего бы он не заслуживал?

- Ты до сих пор не убил его, хотя он того заслуживает, - сказал Деян. - Но я не могу понять: почему? Потому что он все еще тебе нужен? Или потому как тебя об этом попросила Эльма?

- Попросила?! Да она набросилась на меня, как дикая кошка! Вечно я не могу сладить с женщинами. - Голем рассмеялся, но смех его отдавал горечью. - Я зря сказал ей, что оставлю его вам; но что сказано, то сказано. И я еще днем обещал, что не причиню вреда за слова, которые мне не понравятся. Но ты не поверил мне и лгал, не отводя взгляда. А теперь снова требуешь от меня обещаний. Зачем, если ты все равно не веришь моему слову? Такие нынче обычаи у *свободных людей*?

- Это из-за того, что... - Деян запнулся: перед кем и за что он собрался оправдываться? С какой стати?!

В памяти вновь возник двор горбатой Иллы - и разгоравшийся

внутри пожар вырвался наружу.

- IV -

Злость на себя за испытанный на миг стыд, на презрительно ухмыляющегося чародея, на Кенека и его дружков-подонков - она застилала глаза, жгла горло. Сдержать ее было невозможно; Деян и не хотел сдерживаться.

- Когда-то ты был правителем этих земель; но сколько веков прошло с тех пор, как ты исчез? - выкрикнул Деян. - Ты можешь насмехаться над нами, убить всех нас, уничтожить здесь всё. Говоришь так, будто мы - скот, а ты - пастух. Но я не встречал ни одного пастуха, который сперва бросил бы стадо, а потом возмущался бы, что его овцы ведут себя не так, как ему угодно. По-твоему, мы скот?! Тогда и ты не лучше. Но мы - не скот, и ты - не пастух, колдун. Не тебе судить нас за то, каковы мы! Не тебе... - он замолчал, лишь когда увидел чародея прямо перед собой. Голем, упираясь кулаками в оконную раму, нависал над ним, как готовый сорваться вниз камень.

- "Не мне" - что?

Лицо чародея побелело больше прежнего, глаза пылали гневом. И что-то еще, какое-то другое чувство было в его взгляде: неясное, непонятное - и оттого еще более жуткое. Будто сам Владыка Мрака касался мира вместе с этим взглядом.

"А я ведь еще не успел ничего сделать... - Деян заставил себя сидеть неподвижно, не отодвигаясь от Голема ни на пядь. - Сорвался хуже Эльмы. Дурак".

- Оставьте его, милорд Ригич, - вдруг забормотал от печи Кенек. - Деян и раньше был не в себе. Чудной. Он не понимает, с кем говорит... что говорит... Оставьте его, милорд. Деян, проси прощения, глупец!

Деян скосил глаза: Кенек отчаянно жестикулировал уцелевшей рукой, призывая его прислушаться; стоило думать - это была такая благодарность за то, что по старой дружбе не поддержал затею с кочергой.

Голем не обратил на потуги Кенека ни малейшего внимания, продолжая жечь Деяна взглядом.

"Каленое железо таким, как он, без надобности, - неужели ты

не понимаешь, Кен? Извиниться перед ним? Поздно... И я не могу. Я не должен... я не стану лебезить перед ним лишь потому, что он может изувечить меня или убить. Я - не ты, Кен", - Деян подмигнул Кенеку, который в ответ замахал еще отчаянней. Даже в Кенеке Пабале оставалось что-то человеческое. Он был мерзавцем и трусом - но даже он не был скотиной, лишенной души и разума.

- Ты явился из ниоткуда, чтобы исчезнуть в никуда, когда получишь то, что тебе нужно, Голем. - твердо закончил Деян. - А мы, наши отцы, деды и прадеды жили здесь и выживали из века в век. Это наша земля. Наш дом. Даже если мы смешны и достойны осуждения - не тебе смеяться над нами, и не тебе нас осуждать!

Стало очень тихо.

- V -

- Дурак, - пробормотал Кенек, - ты и правда не понимаешь...с кем связался.

- А ты, мразь, умнее и понимаешь больше? - Голем бросил на него короткий взгляд через плечо и вновь обернулся к Деяну. - Редко когда мне приходилось выслушивать столько оскорблений зараз. И от кого? Ты мелешь языком про то, кем я себя считаю и чего хочу, на что я имею и не имею права, - на том, должно быть, основании, что я не дал твоему бывшему дружку перерезать тебе глотку?

- Я бы не стал... - неуверенно начал Кенек, но поперхнулся и замолчал, когда чародей наградил его еще одним взглядом.

- Может быть, мне подать ему нож и уйти? - На лице Голема вновь появилась кривая ухмылка. - И пригласить сюда вашу подругу? Занятная получится сцена! Но я обещаю не смеяться. Этим я заслужу твое высочайшее одобрение, молодой человек?

Деян сглотнул. Голем наклонился к нему так близко, что Деян видел каждую отметину на его лице, мог разглядеть в уголках глаз багровую сетку лопнувших сосудов. Сочащийся мраком взгляд чародея гасил ярость и вместе с ней уничтожал всякую решимость сопротивляться, лишал воли.

Этой ночью Голем явился в Орыжь не по собственному желанию: его позвали на помощь, и он спас их. Если б чародей не вернулся - сам Деян наверняка был бы мертв, а Эльма...

Каким бы Голем ни был чудовищем, какова бы ни была его вина в случившемся, по какой бы причине он не решил вмешаться, - они были обязаны ему.

Это меняло многое. И в то же время ничего не меняло. Пастух, отгоняя волков, заботится не об овцах, а о своем кошельке и желудке, и в нужный день и час сам пустит скотину на мясо.

"Но он не пастух. И мы не скот", - Деян заставил себя сесть прямо и снова взглянуть на чародея:

- Даже очень глупый пес не побежит ласкаться к шатуну за то, что тот спугнул волков, - хрипло сказал он.

- Шатун, значит? А что, похоже, - вдруг миролюбиво согласился Голем, хотя взгляд его по-прежнему был чернее самой темной ночи. - После всего, что ты тут мне наговорил, молодой человек, в иные времена тебе могли бы вырвать язык. Но кое в чем ты прав - и с этим, как ни жаль, ничего не поделать...

Деян не сразу поверил своим глазам, когда нависшая над ним тень вдруг исчезла.

- Выкладывай, что тебе есть сказать, кроме оскорблений. - Голем, тяжело ступая, прошел через комнату и встал на прежнем месте у стены.

- Я не хотел тебя оскорбить, - сделав над собой усилие, сказал Деян. Нет, он не извинялся, нет. Но... так было справедливо.

- Верю: не хотел. Он тоже не хотел. - Голем поворотом головы указал на Кенека. В жесте и тоне чародея сейчас чувствовалась огромная усталость. - Грабить и насильничать не хотел, убивать не хотел, однако все равно оказался здесь. А я не хотел... становиться шатуном. И что теперь?

Деян промолчал, не найдя что ответить.

- Давай, рассказывай свою страшную сказку. И постарайся сделать это так, чтобы я не уснул от скуки. - Голем усмехнулся. - Иначе придется начинать сначала.

- Она короткая. И она тебе не понравится.

- Это я уже понял. Первым делом - повтори, от кого и где ты ее слышал?

- Старуха Вильма выхаживала меня полгода после того, как мне в малолетстве раздробило ногу на Сердце-горе, - начал Деян. - Вильма была не в своем уме, но заботилась обо мне, как могла. Рассказывала много чудных историй, и среди других - о древнем чародее, которого называли Големом. Она всегда начинала с того, что....

- VI -

Деян внушил себе, что разговаривает с Кенеком, но не мог удержаться от того, чтобы время от времени скосить глаза на Голема. Чародей слушал, вперив взгляд в стену перед собой, не перебивая и не задавая вопросов. Его лицо напоминало белый поделочный камень. Что скрывала эта маска - невозможно было даже предположить, как и угадать момента, в какой скрытое за ней может вырваться наружу. Деян пересказал историю Вильмы во всех подробностях, какие только смог припомнить, но на лице чародея ни разу не дрогнула ни одна жилка.

Возможно, стоило радоваться его сдержанности: начиная говорить, Деян сомневался, сумеет ли закончить; однако и странное спокойствие внушало тревогу, нараставшую с каждым мгновением. Какая буря могла разразиться после такого затишья?

- Больше я ничего не знаю, Голем. Я переиначил историю для девочек, поскольку она казалась хоть в чем-то подходящей. Они стали очень беспокойными... после того, как их отец ушел в большой мир воевать. - Деян заметил, как Кенек вздрогнул от упоминания Петера Догжона. - Не думаю, что такая сказка была тем, что им нужно, но я не мог придумать ничего лучше. Не стал упоминать твоего прозвища, чтоб не объяснять им, что оно значит. Я, даже когда был мальчишкой, в знахаркины сказки всерьез не верил и не думал, что человек с таким именем когда-то действительно жил в наших местах... И уж тем более я не допускал мысли, что настанет день, когда ты вдруг сам появишься здесь. Это все, что я могу рассказать тебе. И никто другой большего не расскажет - слишком много прошло лет. Вильма часто сетовала, что людская память коротка. Должно быть, так и есть.

Тишина в доме стояла гнетущая, жуткая.

"Он вообще слушал?" - Деян присмотрелся к чародею.

Голем был мертвенно неподвижен, почти как убитые им Хемриз и Барул, чьи тела по-прежнему лежали на полу. Только отвороты куртки над скрещенными на груди руками чуть шевелились от дыхания. У печи, баюкая изувеченную кисть, сгорбился Кенек. Чародей молчал - долго, очень долго...

- Голем? - не выдержав ожидания, окликнул Деян.

- Что?

Ставить собеседника в тупик чародей умел, как никто другой.

"И правда - что? - Деяну уставился в пол. - Я только что

сказал ему, что он собственными руками убил свою семью. И что я хочу услышать в ответ? Признание, что все так и было? Или заверения, что он этого не делал? Что он ничего не помнит? Глупо. С чего бы ему со мной объясняться... Довольно и того, что он до сих пор не убил меня".

Но чутье, которое со вчерашнего дня ни разу не подводило, подсказывало: это не конец. Что-то еще... Что-то должно было произойти. Даже Кенек затих, не решаясь пошевелиться.

В доме будто замерло само время.

- Если ты собираешься призвать меня к ответу за мой рассказ или за вчерашнюю ложь - не тяни, сделай это сразу, - сказал Деян то, о чем думал, но про что говорить совсем не собирался.

- Похоже, до того, как разыщу Венжара, мне ничего не выяснить, - ровным тоном произнес Голем. - Так что завтра я уйду из этих мест. А ты пойдешь со мной.

- VII -

- Что? Я?! - пораженный Деян вскочил со стула, но тут же осел обратно. - Но зачем?!

- Будешь читать мне мораль и учить меня вежливости. Мне неохота каждый раз ввязываться в драку из-за того, что я не знаю современных законов и обычаев.

- Но я...

- Ты, ты. Кто же еще? - перебил Голем. Сейчас в его взгляде чувствовалось какое-то злое, безудержное веселье. - Тут одни старики и дети, бабы да твой бывший приятель. Но мне он за сегодня уже достаточно надоел. К тому же Венжар его непременно повесит, а я пообещал отдать его твоей подруге. Кроме тебя некому. Считай это расплатой за ложь, если тебе угодно.

Деян чувствовал себя так, будто снова попал под обвал. Мысли наскакивали друг на друга. Он не должен был никуда уходить. Нет! Он не должен был оставлять Эльму. Но если он скажет "нет" - чародей принудит его или возьмет все же кого-то другого; например, кого-нибудь из мальчишек Солши, и это будет еще хуже...

Он не должен был уходить, но не мог отказаться: Голем был

не тем, кому можно просто взять и отказать. Значит, он должен был идти. Но как он вообще мог куда-то уйти из Спокоища, уйти в большой мир, на многие десятки, на сотню верст?! Чародей все же был безумен, раз заговорил о подобном, и его безумие зашло куда глубже, чем могло показаться с виду.

- Если ты настаиваешь, я пойду с тобой. У меня нет выбора, - хрипло сказал Деян. - Но как ты себе это представляешь? Не думаю, чтобы я смог уйти далеко. - Он вытянул вперед оканчивающуюся протезом ногу.

- Это несложно подправить. Тем более тут такое разнообразие подходящего материала.

- Как... Эй, ты же не имеешь в виду...

Деян осекся: Голем взглянул сперва на тела Хемриза и Барула, затем перевел взгляд на Кенека.

И широко ухмыльнулся, не оставляя надежды на то, что имел в виду нечто другое.

Кенек, перебирая ногами, пытался отползти вдоль печи в дальний от чародея угол. Обвал набирал силу.

- Я обещал отдать твоего дружка живым. Но не целым, верно? - Голем показным жестом почесал в затылке. - А те двое - так вообще никому не сдались.

- Не надо, - прошептал Деян.

- Не надо? В самом деле? В таких случаях первым делом спрашивают, *насколько* подправить и *надолго* ли, молодой человек!

Скала обрушилась вниз.

- Нет... - Деян, вжимаясь в стул, тщетно пытался отодвинуться от наползавшей на него тени. В памяти разом возникли все жуткие сказки о кровавых жертвоприношениях Мраку, о созданных колдунами полулюдях с козьими головами и чудовищах-химерах - и о недоброй колдовской мудрости: чародеи как никто другой знали человеческие слабости и не гнушались пользоваться ими; как будто мало было колдовства! Голем попал в цель: прежде всего другого Деян подумал о том, сможет ли снова по-настоящему ходить, чувствовать землю обеими ногами - как в детстве, как во сне. И не мог избавиться от этой мысли, несмотря на отвращение и ужас.

Недопустимо было думать о таком! Он должен был бороться. Но как бороться с обрушившейся на тебя скалой?

- Вынужден огорчить - не полностью. И не слишком надолго. - Голем стоял прямо перед ним, загораживая чадящую лампу. - Но для наших нужд должно хватить.

- Нет, - из последних сил прохрипел Деян, когда ладонь Голема легла ему на затылок, принося с собой сонную одурь.

"Не со скалой, нет, с самим Владыкой Мрака! С шатуном. Чародеем-шатуном..."

- Чего у тебя действительно нет, так это выбора. - Лицо Голема скрывала тень, но Деяну казалось, что тот скалит зубы в злой улыбке. - Не обессудь.

Сквозь сон Деян услышал, как чародей приказывает Джибанду поискать по домам свечей или лампового масла получше.

- Сейчас, мастер, - пробасил Джибанд в ответ.

"Откуда он здесь взялся? Он был у Иллы. Там ведь Эльма. Только бы она ничего этого не видела..." - еще успел подумать Деян, перед тем как окончательно провалиться в забытье.

Глава шестая. Прощание

- I -

- ...прости, Господи, грехи их: слаба плоть смертная... Прости, Господи, слабость их: мал человек, что промеж твердью земной и величием Небесным...

Терош Хадем отходную службу читал одну на всех, зато очень старательно. Он наверняка хотел как лучше, но выходило еще более заунывно, чем обычно: по-видимому, желания преподобного Тероша для чтимого им Господа тоже никакого значение не имели. Тучный неуклюжий священник ходил между обернутых погребальным полотном мертвецов, едва не спотыкаясь о них и вздрагивая всякий раз, когда холодный ветер забирался под запачканную глиной и надорванную на боку рясу. Вид он имел нелепый; но люди слушали его.

Хоть и не все.

Деян то и дело замечал на себе настороженные и любопытные взгляды: скорбь - скорбью, а новости и сплетни расходились своим чередом. Все пришедшие на погост видели его, стоящего на своих двоих, и видели труп Хемриза - с дырами во лбу и с одной ногой: чародей все же не стал трогать Кенека и использовал для своего черного колдовства мертвую плоть.

Снова чувствовать землю двумя ногами было - словно вдруг выучиться бегать на руках: вроде и хорошо, но слишком странно и не слишком-то удобно. Мышцы от бедра до новообретенной правой ступни болели немилосердно, и, чтобы ходить, по-прежнему приходилось опираться на костыль или палку, а первый час утром он и стоять толком не мог.

Никто не расспрашивал напрямую о том, что случилось ночью: скорее люди решились бы заговорить с Големом, хоть и старались держаться от того подальше. Чародей после всего случившегося был в их глазах чудом, пусть и ниспосланным к ним на помощь не Господом, а сотворенным Владыкой Мрака; иными словами, фигурой хоть в каком-то отношении понятной. А кем считать теперь бывшего калеку-соседа - мало кто мог для

себя решить...

Чародей использовал на нем свою колдовскую силу, и он должен был к вечеру уйти с чародеем, - то есть получалось, что в каком-то смысле он теперь был с чародеем заодно, и оставался ли он по-прежнему самим собой?

В этом Деян и сам не был уверен. Что-то изменилось, необратимо изменилось после прошедшей ночи. Был ли в том повинен Кенек с его сбродом или же от "подарка" Голема остался след где-то внутри, омерзительный и несмываемый, как затекшая между половицами кровь? И то, и другое.

Объяснение с Эльмой оказалось неожиданно коротким и мучительным. Она знала и видела все, так как вернулась ночью сразу после прихода Джибанда, но говорила, что прихоть чародея - к лучшему.

К лучшему!

"Если ты ему нужен, он не даст тебе пропасть, а сюда за Кеном явятся другие, - говорила она так просто, будто речь шла о собиравшейся на пироги соседке. - Рано или поздно - но непременно явятся: ты сам так думаешь. Уходи - и не возвращайся".

Еще вчера она отговаривала его от того, чтоб уйти в соседний дом, а теперь сама гнала в большой мир и даже пригрозила выставить за порог, если он попробует остаться.

Все это не укладывалось в голове.

- II -

Наконец по знаку Тероша мертвецов по одному начали опускать в землю. Вакиру и старикам, несмотря на их недовольство, помогал Джибанд, без которого они едва ли смогли бы справиться.

- Помилуй, Господи Великий Судия, неразумных детей своих, что стремятся к тебе, пути не ведая... - нараспев говорил преподобный. - Прими, Господи, души их, освети им путь во Мраке милостию своей...

- Удивительное дело: прежде у Небес просили справедливого суда, а теперь просят милости, - тихо сказал Голем. - И что ваш Господь? Прислушивается?

- Сделай одолжение: замолчи, - так же тихо попросил Деян.

Чародей стоял рядом, в двух шагах, опершись спиной на сосну с видом отрешенным и уставшим. Иногда он приоткрывал один глаз, чтобы окинуть взглядом толпу, но тут же снова погружался в себя.

От Эльмы Деян знал, что на рассвете Голем забрал кобылу Беона и уехал в Волковку. К полудню вернулся, а часом позже прискакал священник. В Волковке вроде как обошлось без происшествий, хотя вид у Тероша был пришибленный и помятый.

В Орыжи все утро копали на погосте общую яму Кенековым дружкам и могилы для своих. А когда закончили - оказалось, нужно на одну больше: старый кровельщик Матак Пабал, отец Кенека, поутру помогал остальным с рытьем - а потом пошел домой, поднялся на чердак и накинул на шею петлю.

Кенек сидел связанный в сарае у Беона. С того мгновения, как ему сообщили о самоубийстве отца, он не сказал ни слова. Что с ним делать - никто до сих пор не решил. Сам староста пришел в себя, но встать с постели не мог. А если б и мог - у него хватало других забот: у Пимы, узнавшей о смерти Халека, от переживаний раньше срока начались схватки. Разрешиться от бремени ей никак не удавалось, хотя Илла суетилась вокруг нее с самого утра; Эльма тоже сидела с ней. Пока одни хоронили убитых или готовили поминальный стол, другие пытались сохранить одну жизнь и помочь появиться второй... Деяну чудилось в этом совпадении что-то сверхъестественное и жуткое. Хотя, в сущности, таков был обыкновенный порядок вещей - только сжатый до единого дня и часа.

Еще не успели упасть последние комья земли, как люди вереницей потянулись от погоста. Несколько старух - тетки и свекровь покойной Дамиши, единственная ее родня - обступили священника, однако тот попросил их обождать.

Деян и сам ждал случая попрощаться, но все же на миг пожалел, что не поторопился уйти: преподобный Терош протискивался к нему через толпу с видом самым мрачным и решительным. А что бы их ни связывало прежде, Терош Хадем всегда и во всем был служителем Господним, колдовства не одобрявшим...

- Переговорить с глазу на глаз можем? - спросил священник.

Деян обернулся к Голему, но тот уже куда-то исчез. Чародей сначала собирался уехать еще до похорон, потом - сразу после, однако отчего-то медлил.

- Думаю, есть еще время, отец Терош, - сказал Деян. - Только где?

- Это тебе лучше знать.

"Ошибаешься. Ничего я не знаю".

Деян снова огляделся: погост почти опустел. Идти к Догжонам не хотелось, и он был не уверен, пустит ли вообще Малуха его на порог: наспех собранный в дорогу мешок она красноречиво выставила на крыльцо. О том, чтобы еще раз зайти в разгромленный, осквернённый насилием и убийством родительский дом, даже думать было противно.

- Ну так что? Веди куда хочешь, - священник прокашлялся, - Сын мой.

- Идемте. Тут недалеко, - Деян горько усмехнулся. Во всей Орыжи теперь оставалось только одно место, которое он мог считать родным и откуда его никто не посмел бы выгнать. Оно и впрямь находилось близко: здесь же, на погосте, через два ряда...

- III -

Родители лежали под одним камнем, будто сбитым из двух половин, с тонкой алракцитовой прожилкой посередине. А на дедовском надгробии давно не мешало бы подновить надпись. У старой Вильмы надписи не было вовсе, так и лежала под серым валуном.

Терош Хадем молчал и ерзал на скамейке, слишком маленькой и узкой для его тучного тела.

- Ее когда-то сделал Мажел. Затем, чтоб мне не приходилось стоять. - Деян выставил вперед ногу. Сапог прежде тоже принадлежал Хемризу, оставшаяся на заднике кровь - Барулу. - Вы об этом собирались поговорить? Так говорите. Я слушаю.

Преподобный Терош нахмурился.

- Невиданное дело. И большой грех колдовством порядок, Господом сложенный, менять... Но разве ты просил о том, желал того? Большой грех, да не твой.

- Не просил. Но есть ли на свете калека, который никогда не желал бы вернуть утраченное?

- Всегда с тобой сложности.

- Каким уж уродился... Каким уж стал.

- А может, то и не грех вовсе. - Священник подергал себя за бороду. - Читал житие кузнецов небесных Козмы и Дамиана? Те

тоже в странствиях своих как-то раз ногу от мертвого к живому приставили. Но то чудом Господним названо, и как святых их чтут.

- Угу, - кивнул Деян. - Но если читать с умом, сразу ясно делается: колдуны они на княжеской службе были, а не чудотворцы. Уж простите, отец.

Тот вдруг скривился:

- Отца твоего в последний путь здесь провожали, а ты безбожником каким был, таким и остался. И меня за дурака держишь! На кой ляд церемонии разводишь, а?!

Деян уставился на побагровевшего священника с изумлением и радостью. Терош Хаден за последние годы стал для него другом; утешительно было слышать, что хотя бы это не изменилось.

- Я никогда не держал тебя за дурака, Терош. Извини, если обидел... Я искренне, - Деян прижал ладонь к груди. Ребра, заживленные колдовством, почти не болели. - Просто не знаю уже, что и думать. Люди теперь смотрят на меня, как на заразного какого.

- А еще говоришь - за дурака не держишь. Ладно, Деян. Пустое это. - Терош Хадем, вздохнув, потер бок под разорванной рясой. - Дурное время, чтобы ссориться. Рассказала мне уже девица Догжонов, как ты в это встрял. И про Мажела с Нарехом сказала... Соболезную.

- Спасибо. Кто тебя отделал? Голем?

- Что вы все заладили - Голем, Голем? Скажи еще, старика Пабала ваш Голем повесил, а не сам он со стыда в петлю полез.

- И все же?

- Да с лошади упал. - Терош Хадем досадливо поморщился. - Думал, издохну прежде, чем до вас доберусь. С дорогой что-то совсем худо дело, окольной тропой ехать пришлось, а я до сегодняшнего дня последний раз в седло залазил, когда еще о вашей Господом забытой чащобе слыхом не слыхивал, - а тогда во мне весу поменьше было. И скотинка у меня смирная была. Не то что это бесовское отродье. Сбросила меня в канаву - и поминай как звали. Еле-еле поймал, а она еще лягаться удумала... Как бес вселился. Точно тебе говорю, бес! Надобно обряд провести и...

- Без сомнения, обряд нужен: обучение езде называется. - Деян, не сдержавшись, заулыбался, но тут же опомнился. - Извини. Спасибо, что приехал. И что поторопился - спасибо.

Священник покачал головой.

- Не за что меня благодарить, Деян: смейся лучше. Думаешь, чего я так спешил, что чуть шею не свернул? К вам, живым, торопился, или к мертвым? Грешен, нет.

- Зачем тогда?

- Колдуна догнать хотел. Уболтать его, чтоб мне с ним заместо тебя ехать.

- Это еще зачем?! - неподдельно изумился Деян. - Глупости. Ты здесь нужен.

Священник снова поморщился.

- Он мне то же самое заявил: мол, ему брехуны пустоголовые в попутчиках без надобности, а тут, может, еще на что и сгодятся... Но какой с меня тут толк, вот скажи, Деян? Смех один. Хоть сегодняшний день возьми. Погнался за ним, о должном не задумавшись, оборвался весь дорогой... Смех да и только!

- Что-то я не заметил, чтобы сегодня над тобой кто-то, кроме него, смеялся. Не было такого: не до смеха нынче, - отрезал Деян. - Как по мне - да, уж прости, брехун ты знатный. Но болтовня твоя людям сердце греет. Какой ни есть, а ты им нужен.

- Вот ведь... Заладил повторять одно и то же.

- Хоть о жене и ребятне своей подумал бы, чудак! - Деян с досады хлопнул ладонью по бедру. - Как они будут без тебя? Нельзя тебе никуда уезжать. И зачем? Голему проповеди читать? Кто-кто, а он тебя точно слушать не станет. Зато шкуру вмиг спустит, если злить его будешь. А ты будешь. Нельзя тебе с ним!

- Я никуда и не еду: он не разрешил. - Священник вздохнул. - А я тому и рад. Трус потому что.

- А кто не трус? - Деян развел руками. - Киан храбрец был - вот и нет его больше. Я тебе не исповедник, чтоб ты мне в грехах каялся, Терош.

- Старики наши, те собирались Голема самого уговаривать остаться: мол, лучше колдун, чем тот сброд, что теперь по округе шарится. Но не успели: пока они решали, уехал он.

- Вот уж свезло: не приведи Господь, еще уговорили бы... Болваны! Ему же в голову взбредет - он сам тут всех порешит.

- С чего ты взял? С побасенок старухи сумасшедшей, упокой Господи ее душу? - Священник покачал головой и оглянулся по сторонам, будто высматривая, не подслушивает ли кто. - Вот что я тебе скажу: он не злодей, Деян. Сам бы он пожелал остаться - я б его гнать не стал и другим бы не дал... Лихие люди - эти не из преданий явились, с ними никакого сладу нет, кроме как, прости и помилуй Господь их души, в землю их зарыть. Но колдуну нет охоты сидеть тут и нас от беды сторожить: брехала твоя Вильма. Не злодей он, но человек пропащий. Беги ты от него, как сможешь.

- "Не злодей, но человек пропащий"? - недоуменно переспросил Деян. - То есть?

- То и есть. Никакой правды над собой не признает, милость

Господня ему - плюнуть да растереть, хотя у самого во всем мире - ни кола, ни двора. Вышло бы так, как тут у вас днем вчерашним, если б его хоть кто на белом свете ждал? Нет, - ответил сам себе священник. - Куда он едет, какая ему в том надобность? Мести искать грешно, да только он и того не ищет: себя самого во всем винит, но в грехах своих и в уродстве колдовском покаяния принять не желает... У нас бы остался, хоть дело бы доброе сделал, да куда там... Нет для него ни правды высшей, ни добра, ни зла. Пропащий человек. Что бы он ни затеял - все к худу обернется. Мы с ним мало говорили, но все по глазам его больным видать... Чего хмуришься? Говорю как есть.

- Я видал только то, как он бросился на Беона, как осадил и унизил Лесоруба, мир его праху. Как Кенеку кости каблуком дробил и пальцами человеку голову проткнул, не поморщась. - Деян постучал себя по лбу. - Убить кого-то - вот это для него точно плюнуть да растереть, да ухмыльнуться потом погано. Удивляюсь я с тебя, преподобный. Не злодей он, говоришь? Прежде другое говорил, когда истории свои церковные сказывал, и в книгах твоих по-другому написано. Не иначе, цена им та же, что сказкам старой Вильмы?

- Язык придержи, безбожник!

- Я не прав?

Священник, насупившись, запустил пальцы в бороду:

- Тут, понимаешь ли, такое дело. Книги - они ведь не Господом, а людьми писаны. Праведными и учеными, но на ком в жизни не было греха? И кому о прегрешениях своих упоминать перед потомками охота, путь и надобно без прикрас писать?

- Ладно, не будем спорить, - сказал Деян. - Тебе о Големе известно что-нибудь доподлинно?

- Не то чтоб известно. Нет, - священник тряхнул головой, снова обернулся, будто проверял, нет ли чародея рядом. - Но есть одна безделица...

- IV -

- Ну? - нетерпеливо спросил Деян.

- Отец-наставник, когда направил меня в Спокоище, изустно дал мне повеление к люду местному приглядываться с особым

тщанием и, ежели замечу что необыкновенное, сообщить о том в епархию. Больше он ничего не сказал. Может, и сам не знал, а тоже от кого предписание такое получил... Дурак я был набитый: чаще в кабак бегал, чем книги открывал, вот и добегался. - Священник чуть помолчал, беспокойно поглаживая бороду. - Но перед отъездом в епископский архив, где сведения учетные хранятся, заглянуть успел. Разузнать хотел побольше: куда еду, чего там - тут то есть - ждать.

- И что же ты такое узнал, о чем прежде не рассказывал?

- В том-то и странность, что узнать - ничего не узнал, только пыли зазря надышался! Со столетия прошлого записи про края здешние начинаются: про это ты тридцать раз от меня слышал. И еще я кое-что приметил. - Священник перешел зачем-то на шепот. - Книги старые учетные, они ведь какие? Не сравнить с теми, что я с собой привез. В половину столешницы длиной, весу в них - едва подымешь, от руки писаные и временем порченые. Рассыпаются, ежели с ними неаккуратно. А у той, в которой о Медвежьем Спокоище писано, нити переплетные были - светлые да крепкие. Будто починял кто ее. Не придал я тогда этому значения: мало ли, кто да почему? Может, истлела нить старая совсем. Наставление изустное удивительным мне тем паче не показалось: край глухой, мало изведанный; конечно, приглядеться к нему надобность есть. Не увязал я тогда никак одно с другим, и до сегодняшнего дня не увязывал. А теперь вот задумался. Если кто книгу сызнова переплетал - тот страницы мог неугодные вынуть и поддельные взамен вставить... Это я к чему: друзей у колдуна в мире точно не осталось, но недруги могут и сыскаться, - закончил священник. Посопел, словно собирался что-то добавить, но все же промолчал.

- Ему ты сказал? - спросил Деян, утвердившись внутри себя во мнении, что священник знает больше, чем говорит. Молчал ли он из боязни, что чародей как-то их подслушивает, или по какой-то другой причине? Даже этого невозможно было узнать.

- Сказал. Тридцать раз повторил! - возмущенно воскликнул священник. - Просил, чтоб тебя хоть в покое оставил, не подводил понапрасну под беду, а он и бровью не повел. Ума не приложу, какая ему в тебе нужда, - но не к добру все это, Деян. Нельзя тебе с ним идти. Только, чую, сам не пойдешь - потащит; раз уж силы на колдовство не пожалел.

- Не потащит: сам пойду, - сказал Деян. - Я за вас больше беспокоюсь. Но оставаться мне здесь - ни нужды, ни возможности.

- Ну, это уж ты завернул так завернул. - Священник протестующе мотнул головой. - Понимаю, не все ладно, раз не за столом, а тут мы с тобой сидим. Не расспрашиваю, раз сам

говорить не хочешь. Но и ты пойми: в сердцах всякое можно сказануть. И всякое в словах чужих услышать можно. Не след тому много значения придавать.

- Мне не то что оставаться - возвращаться не велено... Да знаю я, Терош, знаю, - со вздохом добавил Деян. - А все равно - обидно. Неправильно все это... не по-людски. Обидно, но больше за Эльму страшно. Не понимаю, что у нее в голове творится. Присмотри за ней, если сможешь.

- Присмотрю.

- Спасибо.

- Да не за что пока, Деян, и будет ли... - Священник, кряхтя, поднялся со скамейки. - Заболтались мы с тобой. Пойдем, что ли? А то окоченел я совсем.

- Идем, - согласился Деян. - Только прежде на дорогу благослови.

Взгляд священника стал неожиданно колючим:

- Никогда ты слова благого не просил и не принимал. И сейчас не от души просишь: пустой звук оно для тебя. Мне приятное сделать хочешь.

Иногда Терош Хадем был на диво проницателен.

- Ты прав: хочу, - признал Деян. - Но хуже все одно не сделается.

- Во имя Всевышнего, во благодарение Всемогущего, во славу Всеведущего - ступай в милости Его. - Священник осенил его амблигоном и возложил ладонь на голову; не дав завершить положенного лобзания, неловко обнял:

- Храни тебя Господь, Деян. Не по себе мне, что ты уходишь... Не хватать тебя мне будет.

- Мне тебя тоже. - Деян крепко обнял его в ответ. - Ну, будет на то Господня воля - свидимся еще.

- V -

Голем и Джибанд сидели во дворе Беона, на той же лавке, перед которой великан накануне устраивал "представление". Чародей сосредоточенно колупал землю носком сапога. Великан, вывернув шею, таращился на приоткрытую дверь, из-за которой доносились крики Пимы: старания знахарки и повитухи до сих

пор ни к чему ни привели.

- Ну, прощай. - Деян подтолкнул замешкавшегося священника вперед, дальше по улице. - Тебя на поминках ждут.

- Ждут. Да только как бы к завтраму еще одни справлять не пришлось... - Священник хмуро уставился на дом Беона, где кричала Пима. - И эти бесы что здесь забыли?

- Что бы ни забыли, тебе Илла велела роженицу не тревожить.

- Дура она невежественная, Илла ваша, прости, Господи.

- Дура. А все ж ее бабья наука тут вернее твоих молитв поможет.

- И то верно...Ты-то на помин не зайдешь? - помявшись, спросил священник. - Надо бы.

- Нет.

- А что так?

- Ни к чему людей смущать, - отрезал Деян. - Давай, Терош, не тяни. Сам говорил - долгие проводы не к добру. Было такое?

- Было. Ну, прощай! Не поминай лихом.

Священник побрел по улице, но, не отойдя и на десяток шагов, оглянулся с выражением смущенным и растерянным. Деян, через силу улыбнувшись, махнул ему рукой. Тот отвел взгляд и потащился дальше. В его переваливающейся походке чувствовалась какая-то беззащитность и обида. Будто раскормленного ручного щенка взяли и выкинули посередь зимы за околицу в лес, самому добывать себе пропитание.

"Эх, друг...".

Деян, отвернувшись, вошел во двор через незапертую калитку.

- Голем! - окликнул он чародея. - Ты что здесь делаешь?

- Жду. Чем дело кончится, - ответил тот, даже не удостоив его взглядом.

- Это я заметил, - сказал Деян. - Но какой тебе интерес до младенца?

- Сам хотел бы знать.

- Отвечай!

- Да не ори ты! И так от воплей голова разламывается. - Чародей, поморщившись, сжал пальцами виски. - Мне до младенца никакого интереса нет. Ни до него, ни до этой бедной бабы. Старику я уже сказал все, что собирался. Будь моя воля, я бы здесь не сидел. Успокоился?

- Но почему тогда?..

- Это из-за меня, - сказал вдруг Джибанд. - Я попросил мастера.

- Ты?! - Деян изумленно уставился на великана.

- Я. Я... увидеть хочу. Как это. Когда правильно.

- Когда правильно что? - растерянно переспросил Деян. - Я тебя не понимаю.

- Правильный человек. Как. Когда появляется, - сбивчиво стал объяснять великан. - Ты - правильный, мастер - правильный, я...

- Хватит, Джеб, - перебил Голем. - Этого "правильного" человека интересует, не собираешься ли ты причинить ребенку вреда, если тот родится живым. Только и всего.

Глаза великана округлились.

- Вред? Почему?

- Потому что ты - вместе со мной, а я - злой и страшный. - Голем ухмыльнулся; но гримаса вышла какая-то вымученная. - Хватит на сегодня вопросов, Джеб.

- Я чем-то тебя обидел, мастер?

- Нет. Ты ничем не можешь меня обидеть. Просто помолчи.

- Но, мастер...

- Да заткнись ты наконец!

- Хорошо, мастер.

Великан насупился, но расспросы прекратил.

"Да что вообще происходит?!"

Деян на всякий случай отошел от лавки подальше. Искусственный человек хотел увидеть, как рождается настоящий, а "мастер" не только потворствовал ему в этом, но и объяснялся с куклой просьбами вместо приказов.

Скрипнула дверь: на крыльцо вышла Эльма, обтирая руки мокрым полотенцем.

- Милорд Ригич. Деян. Что за шум?

- Извини, девушка, - пробормотал чародей. Он сидел, сгорбившись и обхватив голову руками; вид у него был больной.

- Ну как у вас? - нерешительно спросил Деян. Эльма пожала плечами, старательно глядя мимо него:

- По-прежнему. Похороны закончились?

- Да.

- Не шумите здесь.

Она скрылась в доме, плотно притворив дверь.

- VI -

Деян выругался себе под нос. Прошелся по двору. Приставил

к стене палку, попробовал пройтись без нее. Получалось получше, чем утром.

- Голову ты так же, как ногу, с места на место переставить можешь? Голем!

- Никак ты шутить выучился? - Чародей все-таки соизволил обратить на него внимание.

- Нет. Серьезно спрашиваю.

- Пустую, вроде твоей, - могу попробовать.

- Спасибо, не надо. Лучше ума в ту, что есть, вложи, - усмехнулся Деян.

- Все-таки шутишь. - Чародей недоверчиво покачал головой. - Привидится же!

- У тебя учусь. Что я теперь такое? Химера?

- "Химера"? - удивленно переспросил чародей. - Где ты слов таких понабрался, смысла которых не понимаешь?

- От Сумасшедшей Вильмы слышал, - сказал Деян чистую правду. - И в книгах нашего священника тоже чудища похожие упоминаются.

- В книгах, значит. Ну-ну; не всякие книги, представь себе, хороши. - Чародей скривился. - Что же это такое, по-твоему, - "химера"?

- Чудище, из разной живности составленное. Со змеиным хвостом, козьей тушей, волчьей головой...

- Змеиный хвост. Козья туша. И волчья голова в придачу, - чародей загнул третий палец. - Хорошая придумка! А жрет оно что, чудище твое? Мышей глотает, овец режет или травку щиплет?

- Ну, если священническим книгам верить - на людей они натасканы, - неуверенно сказал Деян.

Голем хрипло рассмеялся:

- Повезло мне, что я не совался к вашим козам! Еще сожрали бы, как нечего делать.

- Клонишь к тому, что козье нутро к мясу не приспособлено?

- Раз соображаешь, чего пересказываешь небылицы? "Химера", выдумал тоже, - ворчливо сказал чародей. - Химеры - невозможное, несбыточное. В миру их нет и быть не может.

- В миру, говоришь, нет. Значит, где-то еще они есть?

- Есть. - В голосе чародея появилась какая-то новая интонация, которой Деян понять не смог. - И довольно на том о химерах. Они - *несбыточное*, а то, что ты топчешь землю обеими ногами - это лишь *несбывшееся*, которое вчера в ночь сбылось... на время. Точно так же ты ходил бы и чувствовал, если б в детстве не стал калекой; иное дело - если б ты калекой родился; тут уж обычные чары были бы бесполезны.

Деян поддел ногой камень и откинул в сторону:

- Я не понимаю.

- Попытайся я пришить по-настоящему кусок плоти от мертвеца, ты бы уже умирал от заражения, - терпеливо стал разъяснять чародей. - То, что тебе кажется плотью, - безделушка, шелуха. Сейчас от всей ее сути осталась одна лишь форма; оболочка для воплощения несбывшегося. Чары на время связали возможность с возможностью: две несбывшиеся возможности - твою и того негодяя - ходить и чувствовать в этот день и час; но когда чары начнут слабеть, плоть вновь станет просто мертвой плотью.

- Все равно не понимаю, - неохотно признал Деян. - От твоих объяснений только голова кругом. Попроще сказать не можешь, для невежественного дурачка?

- Проще уже некуда, - хмыкнул чародей. - Захочешь - разберешься. Что ж до твоего первого вопроса - это уж тебе самому лучше знать, что ты такое; так что нечего и спрашивать.

"Его правда. Надо привыкать, что ли. К "возможности"". - Деян снова принялся ходить по двору. Ни на какие подробные объяснения со стороны чародея он не рассчитывал и что с этими объяснениями теперь делать, не представлял.

"На кой я вообще с ним заговорил? Отвлечься хотел, а и только. А он почему объяснять взялся? Странно: вроде бы до того он к разговорам был не расположен... Возможное, но не сбывшееся, - и невозможное, несбыточное. Но для меня в чем разница?"

Приделанная "не по-настоящему" ступня от ходьбы заныла совершенно по-настоящему, чем окончательно все запутала. Деян сел на колоду, где сидел накануне. Нога чуть успокоилась, но понятнее ничего не стало.

В памяти час за часом вновь вырисовывался прошедший день: мальчишки Солши, рассказывающие о "маленьком" и "большом" дядьках, Беон, требующий говорить яснее... В то же самое время дезертиры, ведомые Кенеком Пабалом, свернули с большака к Орыже. Никакой беды еще не случилось - но первые камни грядущего обвала уже летели вниз.

"А надо оно мне - разбираться, что да как? - Деян понял, что бездумно разглядывает запертую дверь сарая, в котором сидел Кенек. - Допустим - узнаю. Пойму. Что это изменит? Да ничего".

Голем больше не внушал страха, одну лишь неприязнь. Существовать в чародейских руках разборной игрушкой вроде тех, что пытался мастерить покойный Киан, было противно, но не более того...

И все же разобраться хотелось; заполнить чем-то пустоту,

найти какой-то смысл, хоть что-то - взамен всего утраченного.

VII -

Деян снова взял палку - с ней было спокойнее, привычней, что ли - и пошел к сараю. Тот был заперт на задвижку: повесить замок времени до сих пор не сыскали.

В первое мгновение показалось, что внутри пусто: на куче соломы у стены никого не было; Кенек отыскался в дальнем углу.

- Кем он был? - спросил Деян, когда глаза привыкли к полумраку. - Твой приятель по имени Хемриз.

Не то чтоб это представлялось чем-то важным - но все казалось лучше, чем ничего: нужно же было с чего-то начинать изыскания. Кенек молчал, спрятав лицо в колени. Только сбившееся дыхание выдавало, что вопрос он слышал.

- Или это не имя, а кличка? Звучит как-то не по-людски. Кен! - Деян подошел ближе. - Язык проглотил?

Выглядел Кенек настолько жалко, что гасла всякая мысль об опасности с его стороны. Разговаривать с ним сейчас было все равно что с камнем, и ненавидеть его казалось столь же нелепым, сколь ненавидеть камень: безжизненный, разбитый, превратившийся в безобидный щебень...

Но ни один камень не мог выбрать, падать ему или нет, и на кого, а у Кенека выбор был: просто не хватило ума и смелости сопротивляться обстоятельствам. Или, вернее сказать, хватило глупости и трусости, чтобы не сопротивляться?

Связанные руки он прижимал к левому бедру: тряпка на ненормально вывернутой кисти вся пропиталась кровью.

- Раз уж тебя не казнят, - сказал Деян, - я попрошу Иллу потом поставить лубок.

- Почему?! Почему, будь ты проклят?!

- Что "почему"? - Деян отшатнулся, когда Кенек вдруг поднял голову и уставился на него безумным взглядом.

- Почему вы не можете просто меня повесить?!

- Руки марать не привыкли.

- Дай нож.

- Оружие, тебе? - удивился Деян. - С какой стати?

- Пожалуйста... Раз вы не можете, тогда я сам.

- Ври больше, - с фальшивой насмешкой сказал Деян. Сейчас Кенек не врал: это чувствовалось столь же ясно, как и то, что он попытается осуществить задуманное.

- Пожалуйста, Деян! Я слышал, люди говорили, ты все равно уходишь, так что никто не сможет осудить. Да какая тебе разница?! Сделай вид, что обронил... Прошу тебя!

Кенек Пабал в прошлом, сколько Деян его помнил, всегда был хорош собой. Его лицо в полумраке сарая, отекшее и помятое, казалось какой-то нелепой ошибкой, шутейной маской, из-под которой - стоит только закончиться гуляниям - покажется настоящий Кенек и снисходительно посмеется над легковерными простаками.

- Да иди ты к Владыке со своими просьбами! - Деян поспешил выйти из сарая, пока наваждение не обрело силу. Кенек не заслуживал ни жалости, ни сочувствия; и все же, стереть из памяти двадцать лет в один день было невозможно...

"Вот тебе и разница между несбывшимся и несбыточным! - Деян, задвинув щеколду, привалился спиной к двери. - Могло ли все сложиться иначе, не докатиться до такого? Наверняка. Но не сбылось. Теперь ничего не может стать как прежде - что ни делай..."

- "Хемриз" раньше значило "резчик" на южнохавбагском наречии, - сказал чародей. Из дома Беона уже некоторое время не доносилось ни звука. После Пиминых криков тишина оглушала, и голос Голема тоже казался ненормально громким. - Но сам этот Хемриз точно не хавбаг: кожа слишком светлая.

- Я понятия не имею, кто такие хавбаги, - проворчал Деян.

- Островной народ, - пояснил чародей. Он смотрел выжидающе, с каким-то сочувствующим любопытством, от которого шея покрывалась гусиной кожей и сжимался желудок.

"Ждет, не попрошу ли я его закончить с Кенеком, раз тот сам хочет? - Деян зажмурился, хоть так пытаясь скрыться от этого тошнотворного взгляда. - Точно, ждет. Забери его мрак! Если попрошу, согласится он или нет? Если согласится..."

Если бы Голем согласился - такой исход, возможно, был бы хорош; всяко лучше, чем кому-то по жребию подряжаться палачом или оставлять Кенека подыхать как есть - или чем сторожить его, лечить и кормить, когда еды и свободных рук недостаток. Голем мог и согласиться, а от отказа хуже никому не стало бы...

Но что-то внутри противилось этой просьбе, ее удобной разумности. Попросить означало бы вынести приговор: это представлялось чем-то еще худшим, чем оказаться тем, кто приговор исполнил.

"Эльма! - Молнией ударила мысль. - Он ведь явился по ее

душу. Мало ли, что и как может выйти...".

Деян набрал воздуха, чтобы окликнуть чародея - и резко выдохнул, так и не решившись вымолвить ни слова. Эльма такой услуги точно бы не одобрила: сама же она и требовала от Голема оставить Кенека в живых. Какое он, Деян Химжич, имел право вступаться за нее против ее воли, решать за нее, за других? Могло ли оказаться, что в возвращении Кенека и крылась причина внезапной перемены в ее к нему отношении?

Не могло, никак не могло; но страх, что это дикое предположение может оказаться верным, подпитывал зародившиеся в сердце сомнения.

Настойчивый голос внутри требовал немедля рассудить по-своему, но ему возражал неслаженный хор, спрашивающий и отрицающий, умоляющий и требующий, вкрадчиво разъясняющий баском священника, что только по писаному все ясно и просто, напоминающий, что любое убийство - большой грех...

"Жалость застилает мне глаза. Жалость и дурь в голове. - Деян переступил с ноги на ногу, заново убеждаясь в том, что почва под чужой ступней на месте: этот жест уже начал входить в привычку. - Стал бы я колебаться, окажись на месте Кена любой из его приятелей? Нет, не стал бы. Просто он спас меня когда-то, он был мне другом, - и теперь мне жаль его".

Делать выбор между жизнью и смертью, действовать вопреки близким - было внове, было дико, немыслимо.

Деян вновь закрыл глаза. В глубине его растерянности зарождалась злость - на себя, но прежде всего на чародея, который походя, одним только взглядом столкнул его в омут вопросов без ответа и неразрешимых сомнений.

Голем - тот, что сидел напротив - не колебался, когда калечил и убивал, когда называл себя господином и хозяином: судить, решать за всех и вся для него было не сложнее, чем дышать. Голем-Из-Легенды вынес и исполнил приговор самому себе; на то же самое хватило решимости и у старого Матака Пабала, и даже - даже! - у Кенека...

"А мне не по плечу. Бесхребетный трус. Навоза мешок! Окажись я сам на месте Кена - выклянчивал бы милосердие, а не нож. Мог бы я сам сидеть в сарае, сложись все иначе? Возможное, но не сбывшееся... Мрак!"

Деян открыл глаза.

Холодивший кожу чародейский взгляд оказался иллюзией: Голем уже снова с отрешенным видом смотрел в землю.

Да и намекал ли в действительности на что-то тот взгляд?

От осознания возможной ошибки никакого решения не пришло, но злость на чародея только увеличилась, усилилась

многократно.

То, что сводило с ума, представлялось бесконечно важным, - для Голема было делом прихоти; чья-то жизнь или смерть, само существование Орыжи значило для него не больше, чем каменная крошка под ногами. Сколь бы ни был отвратителен его мимолетный интерес, но явно выказанное равнодушие - к тому, что для иных составляло всю их жизнь, весь их мир, заполняло каждый миг бытия - было еще хуже.

Оно пробуждало внутри такие чувства, каким едва ли возможно было подобрать название; неистовое желание разорвать, уничтожить. Сделать так, чтоб не осталось и пятна на земле от уродливой насмешки над всем дорогим и близким, какую являл собой чародей!

Насмешки тем более болезненной, что, не будь ее перед глазами, не вернись Голем ночью, - рассуждать сейчас было бы некому...

- VIII -

Из дома снова понеслись крики: высокие, истошные, какие-то мяукающие. Поглощенный внутренней борьбой и ослепленный яростью, Деян едва их заметил. И только когда звук чуть потерял в силе, перешел в надсадное хныканье, - понял, что взрослая женщина так кричать не могла.

- Ну наконец-то, - выдохнул чародей.

- Мастер, это?!..

- Да, Джеб. Оно самое.

Если чародей и чувствовал что-то кроме облегчения от того, что ожидание закончилось, понять этого было невозможно. Совсем иначе повел себя Джибанд: великан буквально дрожал от возбуждения, грубое лицо, казалось, озарилось каким-то внутренним светом.

"Кукла, подделка - и то человечнее "мастера", - Деян едва удержался от того, чтобы высказаться вслух. - Пимы не слышно. Жива ли? Без матери ведь едва ли выходят..."

Прошло порядочно времени, прежде чем на крыльце вновь показалась Эльма. По ее сдержанной улыбке стало ясно, что все нормально; почти все: еще оставался Джибанд с его странной

просьбой. Это "почти" особенно чувствовалось во всей фигуре Иллы, показавшейся в прихожей со свертком на руках. Она держалась у Эльмы за спиной: с лавки ее видно не было.

Деян застыл в нерешительности, почувствовав, что обе женщины смотрят на него с немым вопросом во взгляде: "Что делать?"

Джибанд, одним ему ведомым образом уловив общее замешательство, как-то сник и басовито затянул:

- Мастер, попроси их. Мастер...

- Тебе надо - ты сам и проси! - грубо оборвал его Голем. - Я здесь причем?

- Но, мастер!

Голем сделал вид, что не слышит его, но Джибанд так и продолжал окликать и теребить чародея за рукав.

- Пожалуйста, мастер...

"Да мерзавец он записной, твой мастер!"

Деяну вдруг стало бесконечно жаль великана - противоестественное, странное создание, ни бельмеса не понимающее, но сознающее себя чем-то "неправильным" и оставленное вдруг без поддержки тем, кому он доверял безгранично и слепо.

Еще накануне Джибанд вовсе не замечал дурного отношения к себе - а теперь не решался заговорить первым, чувствовал. Выучился у своего распрекрасного мастера и "правильных" людей, и чему - страху, подозрительности, озлобленности? Больше и нечему было учиться в минувший кошмарный день: будто одно это и было всей их жизнью, всем, чем была жизнь...

- Ничего плохого не случится, Эльма, - удивляясь самому себе, сказал Деян. - Разрешите ему - и мы, наконец, уйдем.

Эльма, кивнув, прошептала несколько слов Илле, и та вышла на крыльцо. Джибанд порывисто поднялся ей навстречу, шагнул к крыльцу, но тотчас снова сник, замялся:

- Правда? Можно?

- Правда. Можешь посмотреть, - подтвердил Деян, не дождавшись никакой реакции от Голема или Иллы. - Даже потрогать, наверное, можешь... если осторожно. Обещаешь осторожно?

- Обещаю! - Великан просиял.

Илла с видимой неохотой откинула край одеяла. Младенец от холодного воздуха пискливо захныкал. Его сморщенное личико было в точности таким же, какое было когда-то у дочерей Петера Догжона, у всех прежде виденных Деяном новорожденных: комок розовой плоти, в котором едва угадывались будущие черты. И все же Деян подошел, чтобы разглядеть получше.

- Парень или девчонка?

- Парень, - шепотом ответила Эльма.

Джибанд просунул огромную ручищу через перила и коснулся пальцами сморщенной щеки. Младенец перестал хныкать и, распахнув круглые глаза, уставился на великана удивительно разумным, по-стариковски мудрым взглядом. Затем моргнул - и зашелся истошным криком.

Джибанд отскочил назад на добрых пять шагов, налетел на горку наломанного им же камня, потерял равновесие и плюхнулся на землю.

Младенец орал.

- Я не хотел...

На грубом лице Джибанда проступил такой ужас и смущение, что хоть смейся, хоть плачь.

- Руки у вас холодные, господин, вот он и раскричался, - сжалившись над ним, объяснила Илла, укутывая младенца.

- Детям большого повода не надо, чтоб глотку рвать, - сказал Деян. - Ты ничего дурного не сделал.

- Правда, ничего? - с надеждой переспросил великан.

- Ничего, ничего, - подтвердил Деян с улыбкой. Было что-то невероятное и торжественное, что-то удивительное в случившемся, в этом прикосновении рукотворной жизни к настоящей.

Младенец был в точности таким, как все младенцы, самым что ни на есть обыкновенным. Однако Джибанд, таращивший неживые глаза так, что позабыл дышать, видел в нем чудо - или, может быть, один только Джибанд и видел то чудо, какое являла собой новая, только-только явившаяся на свет жизнь? Это чувство будто разливалось в воздухе, заражая собой всех и вся. Даже чародей, делавший вид, что для него нет ничего интереснее, чем очередной выковырянный из земли камень, искоса поглядывал на крыльцо и на своего, как он его называл, "товарища".

- Ладно, посмотрели - и будет. Малому к мамке на грудь и спать надо. Доброго пути, Деян, и вам, господа...

Илла отвесила неуклюжий поклон и поспешно скрылась с младенцем в доме. Эльма осталась стоять на крыльце.

- Ну, ты доволен, Джибанд? - спросил Деян, не решаясь встретиться с ней взглядом. - Теперь мы можем идти?

Великан согласно закивал, все еще сидя на земле и зачарованно глядя на закрывшуюся за Иллой дверь.

- Все равно вещи у нас. Я вас провожу.

Эльма, опираясь на перила, спустилась во двор. Деян подал ей руку. Она, замешкавшись, все же приняла помощь.

Великан встал, отряхнулся и потопал к калитке, беспрестанно оглядываясь на них и на чародея: тот не спешил. Махнул великану рукой - ступай, мол, дорогу знаешь, - а сам остановился, поджидая Эльму с Деяном.

- Спасибо, - тихо сказал он, когда они поравнялись.

""Спасибо"? Да неужели!"

Деян промолчал. После всего злость на чародея не исчезла, но как-то выцвела, сгладилась. Разговаривать с ним, хоть о чем, не было охоты - но не было охоты и грубить. Голем, тяжело ступая, то чуть отставал, то чуть обгонял их - никак не мог приноровиться к шагу. Лицо его сохраняло отрешенное выражение, однако сейчас в этой отрешенности еще явственнее, чем прежде, проступало что-то нездоровое.

- Девушка. Как там роженица, в порядке? - все так же тихо, чтобы не мог слышать Джибанд, спросил чародей, мельком взглянув на Эльму.

- Кровотечения сильного нет.

- Что ж. Не ровный счет, но не худший: на троих умерших - один рожденный, - со слабой усмешкой сказал чародей. - Ты ведь умеешь считать до трех?

- Издеваетесь, господин Ригич?

- Шучу.

- Плохо шутите. Считаете тоже плохо, - добавила она чуть погодя.

Деян предостерегающе сжал ее руку, но Эльма не удостоила его вниманием.

- Что ты имеешь в виду? - спросил чародей; не слишком, впрочем, заинтересованно. - Разве кто-то еще погиб из ваших?

- Вы себя забыли посчитать. И вашего "товарища". Вы двое ведь до вчерашнего дня были все равно что мертвые?

Деян споткнулся на ровном месте, а чародей - тот застыл как вкопанный; только Эльма не сбилась с шага. Деян поспешил ее догнать; они успели уйти шагов на двадцать вперед, прежде чем из-за спины донесся безумный лающий смех.

Деян невольно оглянулся: чародей стоял, опершись на калитку его родного дома - почти так, как день назад на том же месте стоял он сам, - и смеялся, согнувшись и прикрывая свободной рукой глаза.

"Смеялся" - не то слово, каким можно было описать эти режущие, кашляющие звуки, но все же это был смех: судорожный, невольный, рвущийся изнутри. Старая куртка Беона ходуном ходила на чародейских плечах. Дом за его спиной - дом, на который так не хотелось смотреть, - чернел выбитым окном, оторванная ставня гробовой крышкой лежала на заросшей сорняками клумбе. Выстуженный, неживой, принявший свою участь любимый дом...

Деян содрогнулся, вспомнив, как заходил внутрь; как велико было искушение обронить в сенях лампу на щепу, пустить петуха, обратить в золу все доброе и худое - все прошедшее, к которому не было и не могло быть возврата. Остановило лишь то, что огонь, гонимый крепким ветром, мог пойти гулять по всей Орыжи.

Помятые шаровники, причудливо выгнув стебли, тянули золотые соцветья к серому небу, наполняя воздух приторно-сладким запахом. Дом глядел выбитым окном, поскрипывал незапертой дверью на ветру - словно спрашивал: зачем, к чему, почему? Те цветы, что были погребены теперь под ставней, так же, должно быть, тянулись вверх, бездумно и безнадежно силясь прорваться через щели, приподнять облупившиеся доски. Шаровники пахли, как пахла бы, возможно, сама жизнь, очищенная от грязи и мерзости, от страха и боли, от сомнений и слабости, - неистовая и неразумная сила, рвущаяся вверх, вверх, вверх! Но запах этот почему-то казался неприятен. Прежде так не было; прежде аромат их смешивался с запахами обжитого двора: и с печным дымком, и с прелой вонью компостной кучи, и со всеми другими, редкие из которых были хороши; затем шаровники и высадили, чтоб скрасить их хоть чуть. Но чистая, ничем не разбавленная, не замаранная красота оказалась приторно-криклива; осиротевший дом глядел на нее с укоризной.

- Эльма! - Деян остановился и силой развернул девушку к себе, заставил поднять голову и все же взглянуть на него. - Говори что хочешь. Не жди меня, раз не хочешь видеть. Но я все равно вернусь. Сделаю все, чтобы вернуться как можно скорее.

Эльма не попыталась высвободиться и даже будто не удивилась его порыву.

- Закончишь как он. - Она повела локтем, указывая на захлебывающегося смехом чародея. - Будешь шататься вокруг развалин с диким взглядом, пока не помешаешься.

- Почему сразу - "вокруг развалин"? Это еще не...

- А даже если "не", - перебила Эльма. - Что тебе здесь, Деян? Костыли да навоз? - Тон ее больше подошел бы Солше, объясняющей сыновьям, почему нельзя подпаливать траву у

околицы. - Оглянись вокруг. У нас и сейчас не медом мазано, а дальше - голод и бескормица свое возьмут. Нечего тебе здесь делать. Даст Господь, в большом мире не пропадешь.

- Здесь... Я здесь родился, - хрипло сказал Деян. - Здесь мой дом. Здесь... ты.

- Забудь. - Эльма взглянула ему в глаза. Взгляд ее был спокоен и тверд.

- Да что с тобой такое?!

- Ничего, - отрезала Эльма. - Хватит топтаться на месте. Лучше приведи в чувство... своего спутника, а то он так и будет смеяться до темноты.

- Я не верю. Почему ты... - Деян отпрянул, оглядывая ее со всех сторон, пораженный внезапной догадкой. - Что он тебе сказал?! Или он что-то и с тобой сделал?! Пока я был... Пока меня... Что этот проклятый ублюдок сделал!?

Это многое объясняло - и прежде всего то, почему Эльма держалась с Големом подозрительно любезно.

- Да стой, дурак! - Эльма силой удержала его, не дав в тот же миг броситься на чародея. - Ничего он не делал...

- Врешь!

- ...а называть того, с кем предстоит долгий путь, "проклятым ублюдком" - не очень-то умно и дальновидно, - спокойно закончила она.

- Что этот трижды! проклятый! ублюдок! сделал?!

- Теперь тебе всюду мерещатся лжецы и негодяи, Деян?

- Нет! Нет, но... - Деян замялся, пытаясь подобрать слова, окончательно сбитый с толку.

Он не мог понять, говорит она правду или нет. В ее слова не верилось - но, может, только потому, что верить не хотелось?

Вмешательство Голема многое бы объясняло и оправдывало, однако преподобный Терош был прав: эдак недолго было додуматься и до того, что погода из-за каверз чародея портится, а не потому, что осень на дворе. Будь в запасе время - день, час, хотя бы один спокойный час, - может, удалось бы объясниться. Но времени как раз и не было.

- Перестань, будь добр, орать на меня посреди улицы и говорить чепуху, - тихо сказала Эльма. Она выглядела бесконечно уставшей, и вряд ли впечатление было обманчиво - она ведь не ложилась с ночи.

Понимая несчастливую судьбу Орыжи, она и сама, возможно, хотела бы уйти, подумал вдруг Деян. Хотела бы, но не могла, даже если б Голем разрешил: престарелая бабка, маленькие племянницы - невозможно было оставить их на одну Малуху...

Деян, вздрогнув, разжал руки. Только он был ничем не

связан; совершенно свободен, как и всегда. Свободен, не способен ничего решить, даже о себе с толком позаботиться - и то не способен. Ему ли было требовать с нее чего-то, хоть бы даже и простой откровенности?

- Извини. Уже перестал, - смущенно сказал Деян, озираясь по сторонам. - Идем?

Орыжцы - те, кто не сидел на поминках и не ушел в поле, - попрятались по домам. Джибанд топтался впереди, не зная, что ему делать. Чародей наконец успокоился и теперь наблюдал за ними, навалившись всем телом на забор.

- Идем, Эл, - повторил Деян. - Этот... уважаемый господин колдун нас сам догонит, когда посчитает нужным.

- Да. Сейчас, - хрипло откликнулся Голем, не двинувшись, однако, с места. Входя в калитку Догжонов, Деян еще раз оглянулся: чародей так и стоял неподвижно, привалившись к забору, и смотрел куда-то мимо них.

- X -

Деян подумывал забрать мешок и уйти по-тихому, но Кариша - старшая и догадливая не по годам - выскочила навстречу и втянула его в дом.

В отличие от взрослых вопрос, как вдруг одноногий человек стал нормальным, ее не интересовал совершенно; оно и ясно, что чудом, чего тут спрашивать? - зато живо интересовало, куда он собрался и когда вернется.

"Может, скоро, а, может, нет - как сложится", - туманно ответил Деян, не придумав ничего лучше, и тотчас о том пожалел. Вопросы посыпались градом: "Завтра вернешься? А послезавтра? А послепослезавтра?" - вынудив его, в конечном счете, сознаться в неутешительной правде.

- Нет, милая. И после-после-послезавтра - тоже вряд ли... Не знаю я, когда вернусь. Мне далеко нужно идти, очень далеко... как твоему папе.

- Папа туда ушел и не пришел больше. И ты больше не придешь, - с убийственной непосредственностью сделала вывод Кариша и ударилась в слезы. Младшая, возившаяся у печи, вряд ли многое поняла, но на всякий случай разревелась вместе с

сестрой. Под укоризненным взглядом Эльмы Деян попытался их успокоить - безуспешно, конечно же. Малуха без церемоний ухватила младшую за шиворот и ушла в дальнюю комнату, зло зыркнув из-под бровей. Хотела увести и Каришу, но та вырвалась и стала вертеться вокруг Деяна, не даваясь в руки и чередуя умоляющее "не уходи-и-и-и" с ударами маленьких кулачков: в ней определенно было что-то и от Малухи, и от Эльмы, и от прабабки - которая не замедлила проснуться и внести гортанными криками свою лепту в общий переполох. Довершил картину чародей, явившийся-таки узнать, почему Деян возится так долго.

- Ты - плохой! - изо всех сил напрягая глотку, заорала Кариша, увидев Голема. - Злой и плохой!!!

- Э-э... Д-да: я тот еще гад. - Чародей аж начал заикаться под ее напором. - А что я на сей раз сделал?

- Отец у нее год как воевать ушел. Теперь я, по прихоти твоей, ухожу, - зло сказал Деян. - И ты еще спрашиваешь, что сделал?

Шалфана Догжон избавила чародея от необходимости отвечать, запустив в него с печи тяжелой долбленой ложкой:.

- Сгинь, поганый, пшел! Неча тут шляться!

- Э-э... - Голем, увернувшись, попятился к двери. Лицо его в это мгновение приобрело выражение испуганное и туповатое, как у Джибанда.

- Бабушка, прекрати! - крикнула Эльма, но голос у старухи был громче.

- Сгинь, пшел, пшел!

Еще одна ложка ударилась о косяк.

- Джеб взял твой мешок; я подожду снаружи! - выкрикнул Голем. Последние слова донеслись уже со двора: чародей выскочил из дому, не став дожидаться, что в него полетит еще.

Деян на миг почувствовал гордость за старуху.

Калиша тихо юркнула в комнату к матери - не иначе тоже побоялась получить от прабабки.

- Так-то! Ишь, шляются, - удовлетворенно пробурчала старуха. - Ты им чего позволяешь, сын! А? Хоть бы за женой следил! Молчит и столбом стоит, дурень! Чего встал? Что, дела никакого нет, а?

- Я не ваш сын, бабушка Шалфана, - тихо сказал Деян. - Друг ваших внуков, сосед.

- Ша?

- Я не ваш сын. Вы обознались.

- Ишь чего болтает, слыхали, а? Тьфу ты! Иди хоть дров наколи, ступай! Совсем с ума сдвинулся, мозги последние пропил, дурной... Барагозите тут с дружками, вздремнуть не даете... - Старуха отвернулась к стене.

Еще недавно в ушах звенело от криков - а теперь в доме стало невыносимо тихо. Только сердито сопела старуха и в дальней комнате всхлипывала младшая дочь Петера.

- Тебе пора. - Эльма подобрала брошенную ложку и стала сосредоточенно оттирать ее полотенцем.

Деян стиснул зубы. Почему-то вышло так, что он сейчас стоял ровно посреди темного пятна на половице; может, оттого и чужая ступня снова заныла...

- Эльма!

Она устало взглянула сквозь него:

- Что еще?

- Займитесь кистью Красавчика Кена, если не собираетесь его вешать, - сказал Деян совсем не то, что собирался, - и вышел, хлопнув дверью.

- Идем! - Он едва не сшиб стоявшего у калитки чародея. Земля под ногами горела. - Идем, забери все это мрак!

- XI -

- За нами что, кто-то гонится? - поинтересовался чародей, когда крыши Орыжи скрылись за перелеском.

- Нет, - процедил сквозь зубы Деян, не сбавляя шага. Ступня нестерпимо болела, но сейчас он просто не смог бы идти медленнее.

- С виду не скажешь, что "нет", - не унимался чародей. - Ты дорогу хоть помнишь?

- Нет. Но она тут одна. Не заблудимся.

- Уверен?

- Нет. И плевать я хотел, если заблудимся. Мрак бы все это побрал!

- Ты бы поосторожней с проклятиями. - Чародей неодобрительно нахмурился, но наконец-то отстал.

Джибанд молча топал рядом, таща на плече Деянов мешок, связку тыквенных бутылей с водой и скатку с одеялами: никакой своей поклажи у чародея не было. Кратчайшая лесная тропа к дороге на большак - чтоб не идти через все село - проходила у Сердце-горы; она уже виднелась впереди.

Скала наверняка изменилась за все те годы, что Деян не

подходил к ней близко, но ему она показалась в точности такой, какой он ее помнил: огромная, выше самых старых елей, серая глыба в тонких рыжих прожилках. И едва доходящие до колена каменные остовы рядом: все, что осталось от когда-то стоявших здесь стен.

- Подожди. - Чародей остановился, шаря взглядом по развалинам.

Деян сел на поваленную ель, разминая ногу, и приготовился ждать; по правде, это было бы весьма кстати.

Но не успел он перевести дух, как Голем вдруг сорвался с места и двинул вперед по тропе едва не бегом.

- За нами что, кто-то гонится? - не сдержался Деян, когда сумел его догнать.

Сердце-гора торчала среди леса, точно надгробие на заросшей могиле.

- Нет, - хрипло откликнулся чародей. Глаза его лихорадочно блестели. - Это мы гонимся. За химерами!

Глава седьмая. Большой мир

- I -

Выглянуло солнце: косые послеполуденные лучи пробивались через поредевший ельник. Тропинка следов уводила вверх по склону. Деян выругался: оползень впереди перегородил дорогу на полста шагов, если не больше.

- Эй, князь! - окликнул он чародея. - Не соизволит ли твоя милость раздвинуть это как-нибудь?

- Зачем? Другие прошли - значит, и мы пройдем.

- По склону лезть небезопасно. И дальше, и тяжелее, и...

- Попроси Джибанда тебе помочь.

Чародей равнодушно взглянул на громоздящиеся впереди завалы и принялся карабкаться наверх.

- Да ты просто не можешь! - выкрикнул Деян ему в спину. Тот не обернулся.

- Мастер не хочет, - извиняющимся тоном сказал Джибанд.

- А шею себе свернуть твой мастер не хочет?

- Что?

- Ничего. Забудь, - вздохнул Деян. - Я пошутил.

- А-а.

- Он, по-твоему, все может, твой мастер?

- Все! - с глубокой убежденностью и гордостью в голосе ответил Джибанд.

- Почему же тогда ползает по земле, как паук, в чужой рваной куртке?

- Почему... - На лице великана появилось озадаченное выражение, но мгновением позже оно вновь сменилось простодушной улыбкой. - Он так хочет. Наверное.

- Странные у него предпочтения... Ох, мать!.. - Деян шарахнулся вбок и едва не напоролся глазом на ветку, когда в плечо ему ударил маленький, но увесистый камень. - Мрак небесный, Голем!!! Какого ты творишь?!

Чародей, остановившийся на каменистом уступе, отряхнул ладони:

- Почему вы двое до сих пор топчетесь внизу? Если ты не можешь тут подняться - так и скажи.

- Допустим, не могу. И что тогда?

- Тогда будем искать обход. Если не найдем...

- Если не найдем?

- Я попробую расчистить дорогу, - сказал чародей. - Но за успех не ручаюсь: великоват завал. К слову, такая помеха возам на пути по нынешним беспокойным временам для твоей Орыжи полезна.

Тут он был прав.

- Ладно уж, обойдусь, - проворчал Деян и осторожно начал подниматься наверх по отчетливо видимой в подсохшей грязи тропинке следов, ведущих в обратном направлении, к Орыжи.

Эта тропинка - который раз уже подсказывавшая, как обойти непроходимый с виду участок, - раздражала больше всего другого: больше усталости, больше боли в ногах, больше натершей ладонь палки. Умом Деян понимал, что придерживаться следов весьма разумно, - и все же это было все равно что пользоваться помощью Кенека и его подонков-сослуживцев.

Накануне было не до того: напряжение и усталость взяли свое, потому путь до придорожной охотничьей хижины Деян едва мог вспомнить, а ночевки не помнил вовсе. На рассвете чародей растолкал его, и он бездумно побрел дальше по дороге, на ходу давясь подсохшим хлебом и стараясь не слишком отставать. Но теперь, когда с часу выхода из Орыжи прошло порядочно времени, когда потеплело и развиднелось, - голова гудела от мыслей самого мрачного толка; словно выглянувшее солнце высветило всю нелепость положения, в котором он оказался.

Сверху вывороченные с корнем деревья выглядели еще внушительнее, чем с дороги. Голем уже спустился и ждал, присев на камень.

"Он сказал, что мог бы попытаться расчистить путь... Всерьез ведь сказал, не в шутку".

Деян поежился, взглянув вниз. Идея выяснить в точности, насколько велики возможности чародея, больше не представлялась такой уж хорошей.

- Помочь? - с готовностью спросил из-за спины Джибанд, по-своему истолковав его замешательство.

Великан передвигался по скользкому склону с прямо-таки звериной ловкостью. Скатка с одеялами и мешок ему нисколько не мешали, хотя тот и выглядел почему-то больше, чем должен был.

- Не надо.

Деян стал спускаться к дороге. Идти вниз оказалось сложнее, чем подниматься, но все же не настолько, чтобы принять помощь, без которой он твердо решил обходиться до последнего, - и хотя бы в этом решении чувствовал сам с собой полное согласие. Гордость требовала не показывать слабости, а голос рассудка твердил, что нет иного выбора, кроме как терпеть. "Хочешь заново научиться ходить - иди, иначе будешь и на двух ногах ковылять, как увечный. Хочешь ходить - иди, несмотря ни на что. Хочешь ходить - иди...". Фразу эту Деян повторял про себя беспрестанно: она хоть немного, но придавала сил.

"Проклятая погода!"

Деян уселся на землю напротив чародея и распустил ворот куртки. Дышалось тяжело; болело и требовало отдыха, казалось, все тело. Голем с задумчивым видом вертел в руках маленькую серебряную фляжку. Приглядевшись, Деян смог разглядеть отчеканенный на ней узор: если взглянуть прямо, тот походил на раскидистый куст, если чуть искоса - на оленьи рога.

- Что это?

- Яд. - Чародей спрятал фляжку во внутренний карман жилета. - Или лекарство: тут уж как посмотреть на проблему.

- А в чем проблема?

- В том, что его мало.

Подошел Джибанд, до того с нескрываемым интересом осматривавший и ощупывавший корни вывороченных деревьев.

- Мастер, а это... оно... всюду так это? - От избытка чувств он всегда терял способность к связной речи.

- Что?

- Ну... это.

Сообразив, что его не понимают, великан указал сперва на корни, затем на живую раскидистую елку.

- Да, всюду. "Это" называется корни: чтобы дерево жило, они должны быть укрыты в земле, - с видимой неохотой попытался объяснить чародей.

- Кор-ни. - Великан, старательно шевеля губами, повторил незнакомое слово. - В земле. Прячутся, как мышь, чтоб их не съели?

- Нет. Им нужна земля, чтобы питать дерево... Дерево так ест.

- А-а. - Великан уставился на свои руки, как часто делал, когда о чем-то задумывался. - Поэтому мертвых людей тоже зарывают в землю? Чтобы живые люди могли есть?

Чародей застонал.

- Мастер? - нерешительно окликнул великан.

- Нет! Нет, Джеб: люди здесь вообще ни при чем. Хватит пока вопросов: подумай лучше над тем, что тебе уже рассказывали

раньше.

- Но...

- Хватит!!! - рявкнул чародей. - Сегодня больше никаких вопросов. Понял?

- Ладно, мастер.

Великан, насупившись, отошел в сторону.

Чародей достал флягу; уронил, выругался, поднял. Руки его дрожали так, что он едва смог отвинтить крышку. Остро пахнуло чем-то пряным.

- Пошли! - После пары глотков чародей заметно воспрял духом. - До темноты нужно уйти за большак.

Деян молча встал, посчитав за благо тоже пока воздержаться от вопросов.

- II -

Чародей шел впереди. Великан то догонял "мастера", то отставал, и постоянно оглядывался. Сперва Деян подумал, что Джибанд приглядывает за ним по приказу чародея, но, оказалось, у того был собственный интерес.

- Могу я спросить? - Великан дал чародею уйти вперед и пошел рядом, но все равно говорил шепотом. Впрочем, шепот его слышен был бы и за два десятка шагов.

- Спрашивай.

- Почему мастер не хочет со мной говорить?

- Почему твой мастер не хочет с тобой говорить? - в замешательстве переспросил Деян, ожидавший продолжения разговора о деревьях и похоронах - но никак не расспросов о Големе.

- Да. Почему он...

- Я понял, - оборвал его Деян. - Но...

Он взглянул на чародея: тот не подавал виду, однако наверняка все слышал.

- Честно признаться, я не знаю, Джибанд, - сказал Деян чистую правду. - Не имею ни малейшего понятия. А ты сам как думаешь?

- И я не знаю. - Великан нахмурился. - Потому что я неправильный человек?

- Нет. Думаю, не поэтому.

Деян не без удивления понял, что вновь говорит правду: полной уверенности он не чувствовал, но если б дело было в этом - чародей бы, пожалуй, вовсе не разговаривал бы со своим созданием.

- Но почему тогда?

- Не знаю, - повторил Деян. - Может быть, он просто в дурном расположении духа. Спроси лучше о чем-нибудь другом, Джибанд.

Великан замолчал, понуро склонив голову, но, едва вышли на заросшую колючим кустарником прогалину, оживился:

- Почему тут нет деревьев?

Джибанда интересовало все, что попадалось ему на глаза. Расспрашивал он с детской непосредственностью, но с взрослой дотошностью, и умозаключения делал порой чрезвычайно странные и занятные. Впечатление все это создавало жутковатое, но Деян рад был отвлечься.

Последний раз он выходил к тракту много лет назад, незадолго до злосчастного падения со скалы. Многие места изменились до неузнаваемости, но какие-то выглядели как прежде, и память услужливо подбрасывала картинки: вот Халек Сторгич разводит костер под старой двуглавой сосной, Кенек и Барм спорят, можно ли есть змей; вот он сам - пытается наловить котелком юрких серебристых рыбешек...

Тогда им всем казалось хорошей идеей сбежать от родных и поглядеть на большой мир.

- В воде живет ры-ба? - переспросил великан, следом за Деяном подойдя к ручью. - Почему только в воде?

Странно было говорить с кем-то, кто никогда не видел рыбы.

- Так уж дело обстоит. - Деян, выплеснув остатки старой воды, опустил пузатую тыквенную бутыль-флягу в ручей. Вода в нем, как и много лет назад, была ледяная. - Понимаешь, нельзя одновременно приноровиться и к воде, и к земле, и к воздуху.

Словно в насмешку над его словами, на кочку неподалеку опустилась утка и принялась деловито чистить перья.

Деян прикрыл глаза, ожидая, пока наполнится фляга. От холода сводило пальцы. Птицы здесь не боялись людей; и тогда, тринадцать лет назад, Эльма сумела подбить такую из рогатки, чем спасла всех "путешественников" от голодной ночевки. Но спасти от порки по возвращению - увы! - их не мог никто, даже сам Господин Великий Судия, поскольку наказание было вполне заслуженным.

- То есть нельзя одинаково хорошо приноровиться ко всему

разом, - тряхнув головой, поправил сам себя Деян. - Рыба ловчее всех в воде, медведь - на земле, птица - в небе; так уж заведено.

Великан уставился на свои огромные ладони.

- А кто так придумал? Чтоб так было?

Деян улыбнулся, вспомнив преподобного Тероша Хадема: уж на этом вопросе священник бы развернулся.

- Эй, болтуны! Долго вас еще ждать? - крикнул с дороги чародей.

- Сейчас! - Деян заткнул наполнившуюся бутыль пробкой и отдал великану. - Всегда так на людской памяти было, Джибанд. И так же, думаю, будет впредь. Почему - в точности никто не знает, а сочиняют люди всякое.

Джибанд, конечно, спросил, что сочиняют: было бы странно надеяться, что он вдруг умерит любопытство.

- Я могу пересказать что-нибудь, но не думаю, что тебе это будет понятно, - неохотно ответил Деян, предвидя множество новых вопросов, которые вызовет даже самый краткий рассказ. - Давай в другой раз, а?

- Почему не сейчас?

- Тяжело на ходу говорить.

Великан взглянул с неподдельной обидой и ускорил шаг, догоняя чародея.

- Погоди! - спохватился Деян. - Ладно. Сейчас так сейчас.

Великан остановился, поджидая его.

Деян не знал, что именно сделает Голем, если Джибанд снова пристанет с расспросами, но готов был поспорить, что ничего хорошего. А великана было почему-то жаль, и совсем не хотелось смотреть, как тот с понурым видом выслушивает брань своего ненаглядного "мастера".

- В начале Белой книги, по которой церковники ребятню учат, сказано так: "Матерь Сущего есть все и ничего, небытие и присутствие, сияние небесное и мрак подземный, Луна и Солнце", - процитировал по памяти Деян. - "Твердь земная - плоть Ее, огонь и вода в Ее жилах разлиты. Всякий человек и зверь, всякая тварь живая есть плоть от Ее плоти, кровь от Ее крови, дух от Ее духа. Всякая жизнь от Нее исходит; держит Она всякую жизнь в своих ладонях".

- А дальше? - требовательно спросил великан, когда Деян замолчал.

- Дальше про другое.

- Расскажи.

- "Беспредельна Матерь Сущего и непостижима", - продолжил Деян. - "Правая рука Ее - Господин Великий Судия, Всевышний, Всемогущий, Всеведущий, отец небесный рода людского. Левая

рука Ее - Владыка Мрака подземного, рода людского ненавистник и губитель. Одарил отец небесный человека сердцем, что к добру тянется; разумом, что добро от худа отличить может; силой, что может путь проложить. Отравил Владыка сердце человеческое гневом и завистью, одурманил разум лживыми речами; подточил силу. Кто невежествен и слаб, кто низкие помыслы в себе взрастил - тот во мраке идет, и, лишь во мрак обратившись, душа его к Матери вернется. Тот же, кто сердцем и разумом чист, кто в помыслах ввысь тянется, себя не жалеючи, - тому, волею отца небесного, иная участь уготована; будет он тепло и свет вкушать в покое облачных садов, а когда настанет час к Матери вернуться - вольется душа его в сияние первородное, станет новой жизни началом".

- А в облачных садах рыбы тоже есть? - поразмыслив, спросил Джибанд.

- Не думаю, что они существуют, эти сады, - мягко сказал Деян. - Но если существуют - наверное, есть.

- Существуют, - с огромной убежденностью в голосе заявил великан. - Я видел.

Деян поперхнулся.

- Что ты видел?

- Облачные сады. Только они очень страшные, - тихо добавил великан и замолчал.

Больше вопросов он не задавал до самого тракта: возможно, не мог выбрать, с какого начать.

Солнце скрылось за тучами; пошел дождь.

- III -

Тракт за тринадцать лет изменился мало: только бессчетное множество следов от башмаков и сапог, подков и колес впечаталось в землю, искорежив ее так сильно, что никакие дожди не могли смыть эти шрамы. Где-то среди них терялись те, что оставил Кенек Пабал.

- Беженцы, - заключил чародей, осмотрев следы. - Войска здесь пока не проходили.

- Почему ты так думаешь?

- Армия разбила бы дорогу куда сильнее.

"Еще сильнее..."

Деян поморщился. На тракте он чувствовал себя совсем неуютно: казалось, в следующее мгновение воздух наполнят крики возниц и лошадиное ржание, все эти бесчисленные повозки вывернут из-за поворота и понесутся прямо на них с лязгом и грохотом, - и даже колдовская сила не сможет их остановить.

Прежде, когда Голем обмолвился, что не собирается идти проезжей дорогой, Деян мысленно обругал его, не стесняясь в выражениях, но теперь был рад такому его намерению.

- Куда дальше, мастер?

Джибанд беспокойно озирался по сторонам: ему тракт тоже пришелся не по нраву.

- На север. Пока не упремся в следующий большак.

Чародей быстрым шагом пересек тракт, прошел чуть вперед по обочине и свернул на поросшее кустарником и молодыми деревцами старое пожарище. Деян, оглянувшись в последний раз на дорогу к Орыжи, поспешил следом.

Дальше, за трактом, начинались незнакомые ему места, которых он никогда не видел и не надеялся увидеть. Неизвестный лес впереди внушал трепет: пусть он и выглядел так же, как тот, что остался позади, - это уже был лес большого мира...

Деяну подумалось, что в эти мгновения он стороны похож на Джибанда - так же глазеет на все вокруг с выражением глуповатой озадаченности на лице.

- Стойте! - вдруг скомандовал чародей, предостерегающе вскинув руку. Деян послушно отступил назад. - Тихо.

Чародей замер на месте, будто прислушиваясь к чему-то и со свистом втягивая воздух. Затем опустил руку.

- Можем идти.

- Химеры мерещатся? - негромко спросил Деян, надеясь, что голос не выдаст его страха.

Сам он ничего не слышал, но чувствовал какое-то тревожное неудобство: будто кто-то, человек или зверь, пристально наблюдал за ним из зарослей.

- Не химеры. И не мерещатся. - Чародей указал куда-то перед собой. - Но это не то, на что я подумал.

- А что... Мрак небесный! - Деян вышел вперед и разглядел то, на что показывал чародей: обглоданные падальщиками ребра белели в куче разноцветного тряпья.

На негнущихся ногах он заставил себя подойти ближе.

- Ты что, со вчерашнего дня соскучился по мертвецам? - удивился чародей.

- Заткнись, - сказал Деян. Еще издали тряпье показалось знакомым, а вблизи он точно узнал платье одной из сестер

Шинкви, пропавших летом. Которой именно - определить оказалось невозможно: платья у них были одинаковые, а от лица мыши ничего не оставили.

Деян отвернулся, борясь с тошнотой. Защипало глаза.

С семейством Шинкви он особенно дружен никогда не был и, в отличие от многих, не надеялся, что сестры живы-здоровы и просто затерялись где-то в большом мире; но наткнуться вот так, у самой дороги, на обглоданные кости оказалось неожиданно горько.

- Это была хорошая, добрая девчонка, - слова против воли вырывались изо рта. - Им с сестрой сто раз говорили - не ходите больше! Но они, конечно, не послушали: чего стариков слушать? Ждали нареченных с войны и убежали тайком. Сестра, должно быть, тоже где-то рядом лежит. И те, кто ушел их искать. Столько смертей напрасных! Не за себя ведь - за других беспокоились...

Чародей, подойдя, хмуро взглянул на останки.

- Как ее звали?

- Какая тебе разница?! - Деян до боли стиснул трость.

Голем не был никак причастен смерти девушки, к войне, к тому, что большой мир вот так вот встретил их обглоданным телом, но один лишь звук чародейского голоса вызывал нестерпимое желание разбить в кровь его обманчиво простодушное лицо.

- Не притворяйся, будто тебе есть до нас дело, колдун, - процедил Деян. - Будь тебе с того хоть толика пользы, ты бы сам нас всех порешил; нет, скажешь?! Так что помолчи, не сотрясай зря воздух.

Голем, пожав плечами, отошел в сторону.

Деян беспомощно огляделся. Рыть могилу было нечем, и укрывать останки от зверей было поздно, но просто так уйти казалось неправильным. Через кустарник просматривался тракт, настоящий лес еще не начался, однако на земле здесь и там валялись короткие отломанные ветки. Деян сунул трость подмышку и, неловко наклонясь, принялся их собирать. Дождь сыпал за ворот.

- Я помогу, - вызвался великан.

- Спасибо, Джибанд. - Деян бросил охапку веток на тело. Они ничего толком не прикрывали. - Но лучше сруби или сломай деревце какое-нибудь. На котором листвы побольше.

- Хорошо!

Великан вытянул из-за пояса Кианов топор.

- "Не тушите пожар маслом и кровию, не губите живого мертвого ради: как слезою не напиться, так и горем горя не утолить". - Чародей цитировал Белую книгу без присущей Терошу

Хадему торжественности. - Вы так до ночи провозитесь. А ну-ка посторонитесь! Оба.

- Это еще почему?! - Деян с вызовом взглянул на чародея. Тот зачем-то развернулся спиной к останкам, опустился на корточки и упер кулак в землю:

- Ну, значит, стой, где стоишь.

Свободной рукой чародей подобрал комок грязи и с силой швырнул через плечо. Раздался глухой удар и треск; взметнулась земля, точно в нее ударил десяток огромных валунов.

Деян с благоговейным ужасом вытаращился на глубокую яму и кучи вывороченной земли вокруг нее.

- Джеб, столкни тело и засыпь, - хрипло приказал чародей, не оборачиваясь. - Если многоуважаемый "свободный человек" не возражает.

- Буду премного благодарен, - выдавил из себя Деян.

Великан споро принялся за дело. Огромные ручищи загребали землю не хуже лопаты; спустя недолгое время все было кончено.

- Готово, мастер. - Он выпрямился. Его голова была почти вровень с верхушкой молодого дубка, под которым теперь покоились останки Аи - или Алилы - Шинкви.

Деян вздохнул. Вряд ли девушке пришлась бы по нраву такая безымянная могила, но лучшей ей получить было не суждено.

Великан с дурацкой улыбкой оглядел дело рук своих:

- Сделать что-нибудь еще, мастер?

- Нет. Пора убраться отсюда подальше. Пока не...

Чародей встал - и вдруг пошатнулся, осекшись на полуслове. Его повело назад.

- Мастер?

- IV -

- Мастер, так мы идем? - продолжал спрашивать великан.

Чародей не отвечал, согнувшись и тяжело дыша. Кое-как он сумел удержаться на ногах, ухватившись за дубок и глубоко провалившись левым сапогом во взрыхленную землю на могиле.

Деян, стиснув трость, завертел головой по сторонам, высматривая невидимую угрозу. Но все, на первый взгляд, было

спокойно.

- Мастер?

- Голем? - окликнул Деян. - Что происходит?

- Сейчас... пойдем, - надломленным голосом откликнулся, наконец, чародей. - Погоди чуть

Джибанд происходящего не понимал, а Деян не мог поверить своим глазам. Голем, даже не пытаясь высвободить сапог, мертвой хваткой вцепился в деревце. Только оно и не давало ему свалиться на землю.

- Что с тобой?

- Тебе-то какая разница? - прохрипел чародей. Язвительности он не утратил, хотя говорить ему стоило немалых усилий.

- Я не просил тебя помогать, - процедил Деян.

- Не просил, - равнодушно согласился чародей и полез в карман за флягой. Отвинтил зубами крышку, сделал большой глоток.

- Мастер... - жалобно протянул великан, сообразивший наконец, что происходит что-то ненормальное.

- Все в порядке, Джеб. - Чародей отпустил деревце и рывком высвободил ногу. Силы к нему возвращались, но с лица еще не сошла нездоровая бледность. - Уходим. Не хотелось бы ночевать так близко от тракта: нас хоронить некому.

Деян задержался еще ненадолго, чтоб заровнять могилу. Дождь все усиливался, след чародейского сапога уже заполнился водой. Земля, черная от золы давнего пожара, жирно блестела.

"Всевышний, Всемогущий, Всеведущий..."

Деян начертил кончиком трости на земле Господень амблигон, как всегда делал Терош Хадем, но, подумав, стер. Не было в смерти девицы Шинкви ни смысла, ни справедливости; как и в смерти Дариши или Киана... Когда их убивали, Всеведущий Господин Великий Судия смотрел в другую сторону; он не имел права зваться так, как звался.

"Людские это все выдумки. - Деян вздохнул, оглянулся на могилу последний раз и поспешил вдогонку за Джибандом и чародеем. - Этот еще... будь он неладен".

Голем уж точно не был всеведущ, а предел его возможностей оказался намного ближе, чем можно было предположить. Колдовство, словно любая другая работа, забирало силы, и немалые... Это можно было использовать к своей выгоде, и все же большой радости от нежданного открытия Деян сейчас не чувствовал.

Темнело быстро. Вместе с сумерками пришел пронизывающий холод.

"Хотя бы дождь перестал".

Деян еще раз оглядел клочок усыпанной хвоей земли, зажатый между елей. Дыхание с паром вырывалось изо рта. Желудок сводило от голода, но Деян понимал, что если сядет перекусить, то встать себя уже не заставит. Стоянка была столь мала, что Джибанд, растянувшийся в полный рост, занимал существенную ее часть; зато под елками было почти сухо.

- И что прикажете делать? - Деян повысил голос. - Я вас спрашиваю, забери вас мрак!

Никто не откликнулся.

Грудь великана не двигалась, обращенные к небу распахнутые глаза утратили осмысленное выражение: чародей приказал ему "лечь и спать" - и он без слов растянулся на земле, не пытаясь укрыться от холода и не смежив век. Вряд ли он видел сны: больше всего походило на то, что "мастер" загасил искру жизни в нем, будто лампу.

Чародей, усыпив великана, присел рядом, невнятно пробормотал что-то про огонь, но немногим позже сам завалился на бок, заснув или лишившись чувств. Он дышал; единственно это отличало его от мертвеца.

Разводить огонь было боязно: тракт проходил недалеко, и дым мог привлечь внимание; но промокшая одежда почти не грела, и где-то рядом, судя по следам, сновали волки. В том, что чародей сумеет проснуться до того, как твари ухватят его за лодыжку, Деян сомневался.

- Чтоб тебе смерть твоя приснилась, колдун треклятый! - пользуясь возможностью, Деян в голос обругал чародея на все лады - что было, конечно, сущим ребячеством, но отчего стало чуть полегче - и принялся разгребать хвою, чтобы освободить место для костра; затем вытащил из-за пояса великана топор и занялся дровами.

Котелок забурчал. Деян палкой переставил его в сторону от огня и засыпал в воду мятных листьев. Где-то в лесу беспрестанно ухала сова.

"Столько лет прошло! Кто бы мне сказал, что так будет, - я бы скорее поверил, что небо и земля поменяются местами".

Деян осторожно погладил топорище, словно пытался сдружиться с диковатым псом. Тот самый топор, что когда-то спас жизнь, но изувечил, чье лезвие мерещилось в кошмарах, сегодня служил инструментом ему самому; а прежний хозяин был мертв. Как и Мажел. И Нарех. Как и многие другие, кого он любил и знал, к кому был привязан...

Чем усерднее Деян старался думать о чем-нибудь сегодняшнем - да хоть бы о том, почему шумит глупая птица, что таят в себе ночные скрипы и шорохи, - тем навязчивей в мысли вторгалось прошлое. И, точно огонь - воду, оно подогревало горечь, обиду и тревогу.

В дорожном мешке, кроме старого котелка Петера Догжона и мятных листьев, нашлось еще множесто вещей, которых Деян туда не клал: остатки сала, проволока для ловушек, маленький сверток с лекарствами... Чувствовалась рука Эльмы, хотя когда девушка успела это проделать, он не понимал. Впрочем, "когда" - его и не особо интересовало.

От этой нежданной заботы аппетит пропал совершенно; хотелось лечь и забыться. Но поесть было нужно; поесть, просушиться, отогреться. Потому он старательно пережевывал завернутое в тонкую лепешку сало и думал, думал, думал.

Хотя думать было, в сущности, не о чем и незачем.

"Потерявши голову, по волосам не плачут".

Деян зачерпнул деревянной кружкой заварки: считая, что груз придется тащить самому, кружку он тоже, конечно, не брал... С отвращением откусил от лепешки, запил. Кусок не лез в горло.

Еще вчера он бежал из Орыжи сломя голову, но теперь эта поспешность представлялась ему страшной, непростительной ошибкой. По какой бы причине Эльма ни гнала его прочь - он не должен был поддаваться обиде, не должен был уходить, не разобравшись... А он ушел. Бросил ставшую родной семью; оставил женщину, которую любил, именно тогда, когда она - что бы ни говорила, - возможно, нуждалась в нем.

Почему он не отыскал способа задержаться? Задержаться - и настаивать на своем, расспрашивать ее до тех пор, пока не отсохнет язык, обнять и не разжимать рук; да хоть бы окатить водой, как сама Эльма, случалось, проделывала с Малухой; возможно, тогда она вновь стала бы самой собой или хотя бы объяснила, в чем дело...

Но едва лишь Деян пытался вообразить этот возможный разговор, в ушах звенел ее усталый равнодушный голос: "Что еще?"

Он не мог вспомнить в точности ее лица тогда, в те последние мгновения, которые они провели вместе. Сейчас в

равнодушии чудилось скрытое нетерпение, предвкушение: еще немного - и все, наконец-то все закончится. Если так... Но даже если так, и даже если Эльма хотела видеть рядом Кенека, Кенек - будь он проклят! - сидел в сарае и ничем и ни в чем помочь ей не мог. А он, если бы остался, - мог. Или нет?

Он - Господь свидетель! - хотел как лучше. Но не знал - как это, лучше; слишком мало знал, а понимал еше меньше.

"Пустые мысли! Все равно сделанного не вернешь. И я вернуться не могу. Или?.."

Деян замер. Взгляд его метнулся к топору.

Голем без движения лежал на земле, подтянув колени к локтям. Он, очевидно, мерз, но не проснулся, чтобы укрыться или перелечь ближе к огню: можно было понадеяться на то, что не проснется он и ни от чего другого. Что вместе с гибелью чародея его колдовство развеется, и Джибанд без "мастера" останется неживой куклой. И что хватит сил и сноровки на одной ноге доковылять обратно в Орыжь...

Старик Киан был бы, безусловно, доволен, если б его обожаемый топор все-таки нашел Големов затылок.

"Рискованно. И даже очень. Но моя смерть за его - неплохой ведь обмен?"

Деян взглянул на чародея: тот по-прежнему не шевелился. Страха не было. Но злость - поддерживавшая, направлявшая, придававшая сил и решимости - сейчас не спешила прийти на подмогу. Убить спящего; того, кому, пусть и невольно, обязан жизнью - слишком велика была подлость. И совсем уж ничем ее не заслужил Джибанд, "ненастоящий", но все же живой.

"Но другого шанса может не представиться. - Деян, забыв о еде, сжал кулак. Жир потек по пальцам, запахло горелым: кусок сала свалился в огонь. - На Кенека у тебя тогда, ночью, не поднялась рука - и к чему это едва не привело? Мрак!!!"

Он отшатнулся от огня: послышалось, будто рядом крошится кость. Но то лишь затрещало, плюнув искрами, полено.

"Нет, мрак небесный, все-таки это чересчур. - Деян вздохнул. - Но рано или поздно мы встретим людей, а колдун не в себе, он опасен. Если начнет буйствовать - что тогда делать? Тогда уже будет поздно: ты никак не сможешь его остановить..."

Чародей вдруг приподнялся на локте:

- Не надо пытаться меня убить. Не получится.

Напряженный тон не оставлял сомнений: могло получиться.

- Ты ненавидишь меня. - Чародей не спрашивал, а утверждал. - За что?

- Я и не пытался. Пока, - хмыкнул Деян, чувствуя одновременно досаду и облегчение: теперь, когда шанс был упущен, не нужно было делать неприятный выбор самому. - За что ненавижу, спрашиваешь? А за что ты измордовал до полусмерти нашего старосту? Обрушился на мирных людей, которые не сделали тебе ничего дурного. Покалечил одного старика, унизил и обезоружил второго. - Деян кивнул на топор. - Киан мог бы остаться в живых. Все могло бы быть по-другому! Но это такая мелочь, что ты о том не помнишь даже: не того мы полета птицы, чтоб вашему колдовскому благородию голову из-за нас напрягать. - Деян сплюнул под ноги. - За что ненавижу? Мерзавец ты - вот за что.

Чародей подполз ближе к костру.

- Твои "мирные люди" весьма изобретательны в способах убийства. Они довольно хитроумно покушались на жизнь того, кто не сделал им ничего дурного, - чародей указал взглядом на Джибанда, - за одно то, что он пришел со мной вместе и защищал меня.

- Но они... - Деян запнулся. Хоть он и говорил Киану, что великан - кукла, тот не поверил. А остальные вовсе ничего не знали: для них Джибанд был человеком. Которому они собирались проломить голову, не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести. - Они посчитали вас врагами. И не ошиблись: ты пришел как враг.

- Твои односельчане сами убили бы меня, если б я дал им такую возможность, - сказал чародей. - Ваш староста намеренно меня провоцировал, чтобы получить повод от нас избавиться и оправдать убийство в глазах людей. Я не виню его: нынче не подходящее время привечать чужаков; и признаю, что погорячился... Но если б твой дом назвали бы хлевом и предложили поискать родню среди свиней - ты бы сумел остаться невозмутимым? А, мирный и свободный человек?!

"Сумел бы, куда б я делся: на одной ноге невелик выбор", - с досадой подумал Деян, невольно отодвинувшись чуть назад: чародей смотрел на него не мигая, с таким внутренним напряжением, будто он сжимал в руке не кусок лепешки, а нож.

Доводы, которые не зазорно было высказать вслух, оказались исчерпаны: спор зашел в тупик. Невеликий запал, какой был, - и

тот пропал. Даже продолжать ругаться не хотелось: в мокром, холодном лесу и без перебранки было достаточно паскудно.

- Надеюсь, покойникам полегчало с твоих оправданий. Есть будешь? - буркнул Деян. Чародей шумно втянул носом воздух и скривился:

- Воздержусь. Но благодарю за предложение.

Рядом ухнула сова.

- Тут не княжеский стол, разносолов не припасено, - зло сказал Деян.

- Не в том дело. Извини, не хотел тебя обидеть.

Чародей протянул руки к огню. Взметнувшееся пламя высветило запачканное землей лицо и покрасневшие, воспаленные глаза.

"Постойте-ка. Действительно, что-то тут не то...".

Деян замер, не донеся лепешку до рта.

Джибанду пища была, очевидно, без надобности, но чародей был человеком. Однако Деян не мог припомнить, чтобы тот хоть раз за все время прикоснулся к еде. Только изредка пригублял воду - смочить горло - да прикладывался к своей маленькой фляжке.

Деян растерянно моргнул. Не верилось, чтобы древнего чародея что-то страшило, тем более какой-то пустяк: не могло такого быть! Однако взгляд Голема по-прежнему был прикован к нему, вернее сказать - к куску лепешки в его руке, и то выражение, которое Деян сперва принял за брезгливость, теперь казалось совсем иным. Так орыжские мальчишки когда-то смотрели на украденный из волковской "ресторации" бочонок крепкой браги - с вожделением и страхом.

- Ты что же это... - Деян замялся, не зная, как точнее спросить то, что хотел.

- Я слишком долго провел в смертном сне. - Чародей отвернулся. - Мне повезло уже в том, что тело хоть на что-то годится. Но если я дам себе волю, боюсь, без надзора целителей меня ждет очень паршивая смерть.

- Понимаю. - Деяну приходилось однажды наблюдать, как подыхает обожравшийся с голодухи пес. - Но разве колдуны могут жить вообще без пищи?

- Недолго - могут; даже должны, если принимают... лекарство. - Чародей нащупал флягу во внутреннем кармане, но доставать не стал. - Так что выбор у меня простой. Этого хватит, чтобы добраться до Венжара. Должно хватить.

- Зелье в твоей фляжке как-то поддерживает в тебе жизнь?

- Можно сказать и так. Забирает *возможности* будущего времени и передает их настоящему. - Чародей, нахмурившись,

снова тронул флягу через тонкую кожу жилета. - Позволяет взять у самого себя взаймы.

- Но любой долг приходится отдавать, - заметил Деян. - Значит, со временем ты будешь слабеть все быстрее. А зелья нужно будет все больше.

Чародей кивнул, уставившись в огонь.

- Каррайер, или "Вдовьи слезы" - так оно называется; наследие первых войн с Островами. В мое время многие старались всегда держать при себе порцию... Если выпить все разом - умрешь меньше чем через полдня. Но перед тем горы свернешь и море высушишь. Обычно так каррайер и используют - весь разом, перед безнадежным боем... А я вынужден попытаться растянуть удовольствие. - Чародей поморщился.

- И что же ты будешь делать, когда зелье закончится? - спросил Деян.

- Надо полагать, умру, - без тени улыбки ответил чародей.

- Но тебя это, похоже, мало беспокоит?

- Если б не беспокоило, я бы забрал веревку у того несчастного старика и тоже перекинул через сук, - сказал чародей с неожиданной злостью в голосе. - Но у меня нет выбора.

- Почему же? Есть: оставь свою колдовскую отраву и помри по-людски. Или живи по-людски, если выдержишь все же, - добавил Деян. - Ты ведь не знаешь точно, как оно выйдет.

Лицо чародея исказила неподдельная мука; но через мгновение все закончилось.

- Нет. - Он, сглотнув, отвел взгляд. В борьбе голода и страха победил страх. - И не искушай меня впредь. Пожалуйста.

"Чушь какая-то".

Деян поспешно, пока чародей смотрел в сторону, затолкал остатки лепешки в рот. Все услышанное не складывалось в единую картину. Не хватало кусочка головоломки, маленького, быть может, но важного, - или же от всей головоломки у него в руках был лишь один-единственный кусок?

- Тот человек, которого ты упоминаешь... По имени Венжар, - попробовал Деян зайти с другого бока. - Думаешь, если ты его найдешь, он отыщет для тебя целителя?

Чародей неопределенно хмыкнул.

- Кто он тебе - друг или враг? - продолжал допытываться Деян.

- Стань он врагом - давно убил бы меня. Останься он другом - мой дом не лежал бы в руинах, а моя родина не превратилась бы в забытое миром захолустье. - Чародей помолчал немного. - Ты никогда не задумывался, почему до вашего края никому нет дела?

- Задумывался. Но причины не знаю.

- Я тоже не знаю. Но готов на что угодно спорить: без Венжара тут не обошлось. Как я - мастер по земле и камню, так Венжар ен'Гарбдад - мастер морочить людям головы. Выдающийся мастер: как-то раз он убедил городской совет Иразмара в том, что солнце восходит на юге. - Чародей слабо улыбнулся. - Думаю, он хорошо постарался, накладывая отводящие сети; только чары со временем ослабли...

- Зачем?

- Сам бы хотел знать. Уничтожить память обо мне, но не тронуть меня самого? Бессмыслица.

- Я не про то. Зачем убеждать кого-то, что солнце восходит на юге?

- А, это! - Чародей усмехнулся. - Ему позарез нужно было сбыть крупную партию мяса, пока оно не протухло. В Иразмаре есть поверье, что особенно хорош тот товар, который "приходит с солнцем", через восточные ворота. Поэтому на въезд с востока всегда очередь из торговцев, досмотра приходится ждать много дней. Венжара время поджимало, так что он заехал с юга и потолковал с советниками.

- Могущественный колдун сам развозил товар и жульничал, как простой купец?

- Что ты: он жульничал гораздо лучше! - Чародей хрипло рассмеялся. - Если крепко держишь в руках торговлю, то можешь вертеть любым правителем как душе угодно. А Венжар так любил свою власть, что не гнушался никакой работы: собственноручно проверял все расчеты, сам сопровождал караваны. Разве что землю сам не пахал и коров не пас. Даже когда добился кресла в императорском совете - все равно совал свой нос во все мелочи: все время ему казалось, что кто-нибудь его дурит или наживается за казенный счет... Во всей Нарьяжской Империи не было другого такого въедливого сановника.

- Нарьяжская Империя - где это? - с любопытством спросил Деян.

- Здесь. - Чародей постучал ладонью по земле. - На карте такого государства больше нет. Ваш священник неплохо образован, но считает Нарьяжский союз кратковременным военным соглашением и путается в датах. Нет больше города Иразмар, нет прежней имперской столицы, Радора. А Нарьяжский хребет теперь пишут как "Выйский". Даже звезды не те, что прежде! Одни погасли, другие зажглись... Однако Венжар по-прежнему на коне.

Деян решительно не знал, что на это можно сказать. Что-то в голосе чародея предостерегало от дальнейших расспросов о цели

их пути и о Венжаре ен'Гарбдаде в особенности. Трещал костер; снова расшумелась сова.

- Скверный знак, - мрачно заметил чародей

- Что он предвещает?

- Он указывает на уже свершившееся. В эту пору разве всегда так дождливо и холодно?

- Нет, - сказал Деян; по правде, он вообще не помнил, чтобы холода хоть когда-нибудь приходили так рано. - Но как это связано с совами?

- Совы чувствуют чары, - объяснил Голем. - Это не обычные дожди: кто-то торопит зиму. Стоит скоро ждать снега.

- Но как... Зачем?!

- Надо думать, чтобы замедлить армию неприятеля.

- Такое возможно?! Изменить вот так вот погоду... - Деян недоверчиво взглянул на чародея.

- Что-то в мире совсем неладное творится. Я видел ваши поля: начало осени сейчас, да?

- Да.

- Сам понимаешь: зима намного раньше срока - большая беда. Мало людям войны - быть в будущем году голоду, - сказал Голем; болезненно скривившись, потер виски. - Круг чародеев не должен был допустить подобного! Но, по-видимому, он тоже переживает не лучшие времена. Если вообще еще существует.

- Преподобный Терош, когда рассказывал о большом мире, не упоминал никаких кругов.

- О большом мире?

- Так мы называем все, что лежит по эту сторону тракта, - объяснил Деян.

- Ясно.

Разговор прервался. Деян развернул одеяло и устроился на куче нарубленного лапника. Подумав, переложил топор под руку, чтоб сразу пустить в ход при необходимости.

- Хочешь верь, хочешь нет, но мне жаль. Что так вышло с твоим старостой и его другом. - Чародей говорил, глядя в пламя. В слабом свете костра кожа на его лице казалась алракцитово-рыжей, что придавало ему вид больной и жуткий.

Деян предпочел промолчать, притворившись спящим.

Но сон все не шел. Небо прояснилось: сквозь густую хвою проглядывали белесые огоньки звезд.

"Сколько лет нужно, чтобы они переменились? - Деян много лет не присматривался к небу, потому не мог вспомнить в точности, как выглядел в его детстве рисунок созвездий. - Чтобы исчезли с карты города и государства, чтобы от прожитой жизни осталась только груда камней?".

Чародей, обхватив себя за плечи, безмолвно смотрел на тлеющие угли.

"Века, тысячелетия? Или же память человеческая не хранит долго ни величия, ни низости, ни ненависти, ни любви? И не нужно многих лет, не нужно колдовства, чтобы все кануло в забвение..."

Деян плотнее закутался в одеяло и перевернулся на бок, спиной к костровищу. От последней мысли защемило в груди. Вспоминать оставшуюся позади Орыжь было мучительно; но забывать он не хотел. Ничего не хотел забывать.

- VII -

У чародея оказалась с собой карта, взятая им, очевидно, у кого-то из Кенековых дружков: сложенный вшестеро лист вощеной бумаги, истершийся на сгибах и помятый, весь в бурых брызгах. Ветхая карта Тероша Хадема, устаревшая и неподробная, завораживала; эта была куда лучше - но внушала отвращение: Деян, мельком взглянув, поспешил ее вернуть. Она служила не тем целям, не тем людям и насквозь пропахла смертью: такая вещь не могла принадлежать простым солдатам; наверняка Кенек и Хемриз забрали ее у убитого командира или еще у кого-нибудь.

Чародей, разглядывая карту, хмурился и бормотал ругательства: ему она тоже не нравилась, но совсем по другой причине: она служила лишним напоминанием, что прошлое потеряно безвозвратно... Пользы от нее в густом лесу было мало, и, убрав ее при выходе с ночной стоянки, больше он ее не доставал.

Шел Голем строго на север, умело сохраняя нужное направление среди оврагов и бурелома.

Деян ожидал, что, как бы хорошо ни служила приживленная ступня, холод, сырость и скудная еда быстро лишат его последних сил. Долгая дорога по осени считалась делом трудным даже для здоровых и сильных, привычных людей, тогда как себе он казался не крепче гнилой доски. Однако терпеть боли в ногах и отупляющую усталость оказалось на удивление несложно - а больше пока ничего и не досаждало: быть может, как раз потому,

что и так привык он к плохому, а ожидал гораздо худшего. Или же та живая часть души, что придавала любому чувству и ощущению непереносимую порой яркость, умерла в тот миг, когда он в последний раз переступил порог дома Догжонов? Или еще раньше - ночью, когда через тот же порог шагнул старый друг Кенек Пабал...

Шагая через лес за чародеем, Деян с благодарностью вспомнил отца, научившего его и братьев определять направление пути в любую погоду и время года: когда-то эта нехитрая наука казалась бессмысленной, но теперь давала надежду благополучно вернуться назад одному, если представится возможность.

Большой мир не радовал; не радовала и ходьба. Умом Деян подмечал бегущие в оврагах ручьи, причудливо сцепленные корни ясеней на осыпающихся склонах, развесистые дубы на прогалинах, необычно тонкие и высокие сосны, но вся эта красота оставляла его равнодушным.

"А ведь когда-то я мечтал здесь пройти. - Деян пнул лежавшую на лосиной тропе шишку, - попинать вот так камни... Столько лет мечтал! Потом и думать забыл, но - глядите-ка - домечтался".

Лес был и похож, и не похож на тот, что окружал Медвежье Спокоище. Чародея окружающий мир интересовал мало, зато Джибанд радовался и любопытствовал за троих. Однажды вызвавшись отвечать на его вопросы, избегать их впредь Деян не стал. От беспрестанных разговоров с непривычки сбивалось дыхание и першило в горле, но кое-какая очевидная польза в них была: рокочущий бас великана отпугивал всех зверей, какие только могли оказаться поблизости. Самого Владыку Мрака - и то бы отпугнул, имей тот привычку прохаживаться по забытым Господом дебрям.

Джибанд веселился искренне и так же искренне огорчался, если полагал что-то неприятным или не мог понять. Когда, остановившись еще засветло, чародей снова "усыпил" его, - на поляну обрушилась оглушающая тишина.

- Он мог бы помочь с лагерем, - попытался протестовать Деян. Пусть расспросы надоели до колик, но с Джибандом было проще и спокойней, и почему-то совестно было смотреть на него, еще недавно оживленно жестикулировавшего в споре с "мастером", а теперь замершего в безжизненной неподвижности.

- Если нужно, я сам тебе помогу. Чуть позже.

Чародей, сев на землю, привалился спиной к трухлявому пню и закрыл глаза.

- Не нужно, - буркнул Деян, не став спорить. Ему запоздало

пришло в голову, что подвижность великана каким-то образом тоже забирает у чародея силы: Джибанд ведь жил колдовством. - Сиди уж, помощник. Я не умею рыть могилы так ловко, как ты.

- Ушам своим не верю! - Чародей на миг приоткрыл один глаз, ухмыльнувшись. - Я заслужил такую милость с твоей стороны, как могила?

- Не милость, а предосторожность, князь, - хмыкнул Деян. - Не приведи Господь второй раз оживешь - у меня хоть фора в пути будет, пока выкапываешься.

Ухмылка с лица чародея исчезла.

Деян отвернулся. Невесть откуда взявшаяся мысль, что Голема, если тот протянет ноги, стоит похоронить по-человечески, его самого немало озадачила: в общем-то, ничего такого он делать не собирался... Хотя мысль была в чем-то здравой; Терошу Хадему она бы определенно пришлась по душе.

"Помни, кто он! - Деян вполголоса выругался, поняв, что только что думал о чародее едва ли не с сочувствием. - Он опасен. И ты для него значишь меньше, чем хорошая собака для охотника. Всегда помни об этом".

С усилием приподняв огромную руку, Деян снял с плеча великана мешок и скатку с одеялами. Тот не проснулся; ладонь его была холодной.

- VIII -

- Что твой Джибанд такое? - решился спросить Деян часом позже, когда от разгоревшегося костра в воздухе заплясали искры, а в желудке потеплело от наваристой похлебки. Тема для разговора была, возможно, не лучшая, но молчание давило на уши. Худшей компанией, чем чародей, украдкой провожавший взглядом каждую ложку, был только мертвенно-неподвижный "неправильный человек".

- Не что, а кто, - раздраженно поправил чародей.

- Я это и имел в виду. - Деян смутился.

- Он - *полуживой.* Кем он еще, по-твоему, может быть?!

- Полуживой или полумертвый - мне это ничего не говорит.

Чародей взглянул зло и недоверчиво; затем взгляд его прояснился:

- Ты в самом деле не знаешь. Действительно: откуда бы.

- Представь себе!

- Не могу: разве возможно не знать столь очевидных вещей? - Чародей слабо усмехнулся. - Ладно, свободный человек: раз уж ты как дитя малое, слушай.

- Весь внимание.

- Далеко, очень далеко отсюда, за морем, за Калской островной грядой и за Линией Шторма, находятся обширные земли, мало похожие на наши. Материк Дарбат, где полгода жара, полгода дожди; такая жара и такие дожди, каких здесь, на Алракьере, не бывает. Подходы к берегам Дарбата опасны из-за штормов, рифов и течения. Лучший проход к суше лежит через бухту Белых Врат, между двумя скалами ослепительно-белого камня.

- Но за Белыми Вратами - край неупокоённых! - Деян почувствовал спиной неприятный холодок. - Тех, чьи души отринул даже Владыка Мрака. "За Белыми Вратами, что стоят в необъятных водах"... Так мать рассказывала, когда я еще пешком под стол ходил.

- Во времена, когда дед моего прадеда еще не родился, алракьерские мореплаватели впервые достигли Дарбата и прошли через Белые Врата, - спокойно продолжил чародей. Он будто не отвечал на простой вопрос, а рассказывал сказку, - но что-то неуловимо-различное было в том, как он говорил, и как говорила когда-то сумасшедшая Вильма или Терош Хадем; быть может, потому, что чародей ничего не старался приукрасить. - Тогда считалось, что на юге нет никакой суши. Те смельчаки, кто забирался далеко, редко возвращались назад. Сбивчивые рассказы рыбаков, отнесенных штормом к югу и сумевших выбраться, о суше на горизонте и о скалах среди океана императорские географы считали навеянными жаждой миражами. Но однажды верткая пиратская лоханка, преследуемая патрульным судном Императорского флота, уходила все дальше и дальше на юг, пока не наткнулась на Врата и не прошла через них. Теперь уже неизвестно, чем беглецы так досадили преследователям, что те никак не желали отступиться, но патрульный корабль зашел следом и подобрался к Дарбанту достаточно близко, чтобы в капитанскую трубу можно было разглядеть берег. Однако, едва не сев на мель, капитан повернул назад и решил выждать несколько дней у прохода между скал в надежде, что пираты не смогут причалить и пойдут обратно тем же безопасным путем. Запас воды на борту патрульного судна был достаточный, а капитаном на нем служил некто Варик Шукем. С его слов известно, что на четвертый день пиратский корабль действительно вышел из Врат - но управляли им мертвецы с покрытыми страшными ранами

телами. Шукем, по многим свидетельствам, был человеком не робкого десятка, но тут перетрусил: немедля приказал поднять паруса и бежал без боя. А по возвращении на Алракьер доложил в Адмиралтействе об увиденном, изрядно все приукрасив, чтобы оправдать бегство. Так появились слухи о том, что Дарбат - земля неупокоённых... Впрочем, - чародей улыбнулся, - на побережье Дарбата есть похожие легенды насчет Алракьера.

- А что на самом деле? Пираты обманули капитана, вырядившись покойниками? -предположил Деян. Незнакомые названия и призраки давно отгремевших событий будоражили любопытство.

Чародей покачал головой:

- Нет, в главном Шукем не ошибся: пираты не сладили с жителями бухты и были убиты. Но видишь ли... Они не умерли в привычном тебе смысле слова. Это непросто объяснить вкратце. На Дарбате детей учат с малых лет тому, что смерть есть конец одной жизни и начало другой; что смерть есть рождение. Они называют это лестницей творения; хабваги говорят проще: "Путь". Движение по Пути требует от человека большого мужества: важно принять смерть и отринуть завершившуюся жизнь со всеми ее неоконченными делами и неугасшими чувствами; дух такого человека идет дальше и возрождается в мире... А тот, кого слишком сильно держит страх перед концом или долг перед живыми, кто не приемлет смерти - остается привязан к своим бренным останкам, пока последняя кость не рассыплется в пыль. Обученный и умелый чародей способен наделить такие останки - если разложение не зашло далеко - искрой своей жизни и на время оживить мертвеца, сохраняя при этом над ним полную власть. На Алракьере это удивительное искусство до той поры было неизвестно вовсе, тогда как на Дарбате оно развивалось тысячелетиями. Дарбатцы распознали в воинственных чужаках на странном корабле преступников, перебили их, а после неизвестный мастер-чародей - Страж Врат той эпохи - обратил их в *немертвых* и отправил обратно в подарок преследователям, корабль которых был также замечен с берега. Это был жест дружбы, который Варик Шукем, к сожалению, не оценил, потому дипломатические отношения с Дарбатом первой наладила не Империя, а Бадэй, и на полвека позже.

Чародей прокашлялся.

- Но эти подробности для моего рассказа не важны... Так вот: немертвыми зовутся те, кто не сумел принять смерть. Полуживыми - те, кто не сумел ее отринуть: нерожденные души, приведенные в мир колдовством. Суть и тех и других чар - в воплощении *несбывшегося*, но во многом они совершенно

различны. Чары - и сам чародей - становятся чем-то вроде моста между сбывшимся и несбывшимся. Но, говоря образно, некромант и ваятель возводят мост с разных сторон реки...

""Ваятель", значит. Надо запомнить", - отрешенно подумал Деян, вспоминая останки девушки у тракта. Чародей тогда насторожился, заметив их; не потому ли, что подумал: та может оказаться немертвой?

"Если так - значит, она не нашла покой после смерти... В самом деле: какой после такой-то смерти покой?"

- Тебе повезло встретить ваятеля, немного знакомого с дарбатским искусством, - сказал чародей с неприкрытым самодовольством в голосе. - Иначе пришлось бы и дальше ковылять на деревяшке.

- Зато не пришлось бы тащиться с этим ваятелем Владыка знает куда, - проворчал Деян. Приживленная ступня ныла, как родная. - Нога сразу отсохнет, если ты умрешь?

- Через некоторое время.

- А он? - Деян указал на Джибанда. - Тоже умрет?

- Скорее всего.

- Понятно, - кивнул Деян. Тело у тракта все еще стояло перед глазами.

- Хорошо, должно быть, влет понимать вещи, которых не понимаю я сам!

Деян изумленно посмотрел на чародея.

- Он...

Голем осекся и закашлялся, словно поперхнувшись своей яростью; когда он продолжил, то гнев в голосе уже сменился глубокой горечью:

- Мы все еще связаны с ним, но связь эта отличается от той, что была прежде. А я не могу пока разобраться - в чем, почему так. Джеб не всегда был таким. Это тяжело. Ты себе представить не можешь - как.

- Что я могу представить - так это что вы оба долго не протянете, если ты продолжишь изнурять себя голодом и жаждой, - сказал Деян. - Невозможно пройти триста верст на одном лишь колдовстве.

Если б кто его спросил, он едва ли смог бы объяснить, зачем вообще начал этот разговор; "бес потянул за язык" - говорили про такое в Орыжи.

- Невозможно? Мне не впервой делать то, что считается невозможным! - Чародей оскалился, точно раззадоренный зверь. Однако Деян готов был поклясться, что видит страх в его взгляде.

- Ты быстро слабеешь, и сам понимаешь это. Если не...

- Ни слова больше! - Чародей предостерегающе поднял руку. -

Ни единого!

- Да мне-то что? - Деян пожал плечами. - Чем скорее ты помрешь - тем ближе мне будет идти назад.

- Вот и молчи, - отрезал чародей. - На вопрос твой я ответил?

- Некоторых мертвых, ты сказал, можно вернуть колдовством, а нерожденных - призвать в мир откуда-то, где они есть. Ну а что эта "лестница творения", о которой ты говорил в начале: есть она на самом деле или нет?

- Воплощаются ли после смерти души в мире снова и снова? - Чародей помолчал. - А ты как думаешь?

- Я думаю, вы, колдуны, просто верите в нее, как преподобный Терош - в облачные сады Господни, - сказал Деян. - А по правде никто не знает.

Чародей усмехнулся:

- А ты будто и доволен нашим незнанием! У церковников одни сказки да присказки, у колдунов - другие: кому любо, слушает, кому не любо - выдумывает свои. Так и живем; во все времена.

Тут уж Деяну ничего не оставалось, кроме как мысленнно с ним согласиться.

- Если лестница есть, - добавил чародей через некоторое время, - то лучше ступать по ней без заминок: тогда, вернувшись в мир, сможешь вновь обрести дорогих тебе людей - в их следующем воплощении. А тот, кто поддается слабости, выпадает из своего круга, надолго или навсегда. Как и тот, чья жизнь слишком коротка - или слишком затянулась.

- С такой верой только в петлю хорошо лезть, - заметил Деян.

Чародей промолчал: похоже, на этот раз был его черед соглашаться.

- IX -

Ночь прошла спокойно; только силок поутру остался пустым.

И на следующий день тоже.

"Разучился или не везет - итог один".

Деян, сокрушенно вздохнув, снял ловушку. Проволоку стоило поберечь; кроме того, не хотелось, чтобы животное пропало зазря, впутавшись, когда они уже уйдут на много верст...

Так учил когда-то отец: "Кто губит зверя напрасно, берет у леса лишку - тому в нужде удачи не видать".

В лесовиков и подобных им существ Деян не верил, но не раз подмечал, что охотничьи присловья частенько срабатывают, особенно в том, что касалось неудач и несчастий... Пусть дичи раздобыть не удавалось, зато не беспокоили пока и хищники.

Заводить с чародеем разговор о вышедших припасах было неловко, но иного не пути Деян не видел

- Скоро уже большак. А не доходя него есть пара деревень: можем пройти через них, - предложил чародей, сверившись с картой. - Наверное, есть смысл.

- Да, - согласился Деян, про себя крепко задумавшись. Насколько он слышал, в "большом мире" непросто было раздобыть что-либо, не имея денег, - а денег у него отродясь не водилось. Не считая "счастливой", с дыркой для шнура, медной монеты, подаренной когда-то Терошем Хадемом, - но ее считать уж точно не стоило: она осталась в Орыжи. "Люди болтают, деньга такая благополучие и счастие в дом приносит", - сказал когда-то Терош, вручая монету. Деян за подарок поблагодарил, но носить - никогда не носил. "Несчастия сами сыплются, а счастье должно заслужить", - такова была еще одна въевшаяся в память отцовская мудрость, потому Деяну не казалось правильным приманивать счастье монеткой... Как и не казалось, что счастье возможно заполучить кому-то вроде него.

"Что имел - и того не сберег. Брать привык, а сам бы хоть кому что хорошее в жизни дал".

Деян подумал, что монету правильно было бы давным-давно подарить братьям или - еще лучше - Эльме...

В монету - в отличие от лесовиков и Господина Великого Судии, бдящих над людскими делами, - ему почему-то верилось: слишком уж нелепой казалась эта легенда, чтобы быть выдумкой.

- В чем дело? - поинтересовался Джибанд, удивленный его долгим молчанием.

- Думаю, как припасы буду раздобывать, - отговорился Деян.

Подумать в самом деле было над чем.

За дорогой Деян почти не следил. Его тревожило, не вытворит ли чего чародей, оказавшись в деревне; смущала необходимость просить помощи у незнакомцев, да еще задарма. И донимало щекочущее любопытство: каким оно окажется, неизвестное поселение "большого мира", что за люди там живут?

Чтобы отвлечься от мыслей о доме, он напрягал воображение как мог, но все равно оно представлялось похожим на Орыжь или Волковку. Тем сильнее оказалось потрясение, когда, забравшись на вершину пологого холма, он увидел внизу лишь черную плешь

- Пригнись!

Чародей, не дожидаясь, пока Деян подчинится, толкнул его на землю и сам повалился рядом.

Над пепелищем кружили вороны.

Деревенька прежде была небольшой, на десяток дворов. Сохранился почему-то невысокий частокол: заостренные бревна торчали вокруг почерневшей от сажи земли как насмешка над теми, кто уповал на их защиту...

Орыжский частокол был чуть повыше. Но это "чуть" ровным счетом ничего не меняло.

"Господь всемогущий!"

Деян приподнялся на локтях, вглядываясь в пепелище. Случись здесь обычный пожар, рядом суетились бы выжившие люди, в поле бродил бы уцелевший скот, мертвецов бы похоронили, хотя бы в общей яме. Трижды Деян замечал среди обгорелых свай движение, но всякий раз это оказывались птицы. Если кто и выжил, то скрылся в лесу.

"Я никогда не знал этого места. Это не мой дом. Ничего похожего! - Деян сжал кулаки: обломанные ногти врезались в ладонь. - Дома все хорошо. Все хорошо..."

Деревню сожгли несколько дней назад или чуть больше того: запах пожарища был еще свеж. Те, кто это сделал, могли еще находиться поблизости, но об опасности он не думал, вовсе ни о чем не мог думать сейчас.

- Живых поблизости нет. - Чародей с видимым усилием поднялся, опершись на плечо Джибанда. - Нам тоже нельзя тут задерживаться.

В воспаленных глазах чародея не отражалось ни сожаления, ни радости. Сейчас его уже никак нельзя было принять за пастуха или объездчика: скотину не доверяли таким доходягам. При ходьбе его заметно шатало; ввалившиеся щеки и подбородок покрыла седая щетина.

- Мрак бы тебя побрал, - бормотал Деян, спускаясь следом вниз с холма. - Мрак бы все это побрал!

- Ты сердишься на мастера? - вполголоса спросил Джибанд, скорее озадаченно, чем обеспокоенно.

- Можно и так сказать, - неохотно признал Деян. Великан был совсем не глуп, и учился он быстро.

- Почему?

- Сложно объяснить. Помолчи, пожалуйста, - пресек Деян дальнейшие расспросы.

Объяснить было и впрямь непросто; ничуть не проще, чем перестать злиться на Голема. Чародей ничего не мог сделать для погибших здесь, он не мог остаться в Орыжи и уберечь ее, даже

если бы пожелал, он и на ногах-то едва стоял... Как мог кто-то быть столь могущественен, как он, - и одновременно столь слаб?

Это раздражало неимоверно.

В злости было единственное спасение от гнетущей тревоги и тоски, от действительности, в которой, казалось, не было и не могло быть места справедливости - зато с лихвой хватало страха, боли, отупляющей усталости и смерти.

- *X* -

Чародей шел медленнее прежнего, часто останавливаясь, чтобы прислушаться или проверить окрестности колдовством. На осунувшемся лице застыло выражение отчаянного упрямства.

Джибанд вел себя необычно тихо и только изредка открывал рот, чтобы предложить помощь или указать на что-то, по его мнению, заслуживающее внимания.

- Мастер! Дом! - заявил он вскоре после полудня, показывая куда-то вперед, вглубь леса.

- Разве? Не должно быть тут никакого дома, - пробормотал себе под нос чародей.

Деян, сколько ни напрягал зрение, тоже ничего разглядеть в густом подлеске не мог, но чародей сворачивать в сторону не стал, и через сто шагов они в самом деле уткнулись в бревенчатую стену.

Затаившаяся в ельнике хижина выглядела заброшенной и заметно завалилась на угол. Из большого гнезда на крытой дерном крыше выпорхнули две неизвестные Деяну серые птицы и с гортанными криками скрылись в лесу. Под навесом у стены, среди сгнившего хвороста, белели человеческие кости.

- Что это? - Джибанд поднял из-под навеса странной формы палку.

- Усни, - надтреснутым голосом приказал ему чародей. Джибанд послушно улегся прямо там, где стоял; чародей, пытаясь удержаться на ногах, навалился на стену хижины, но так и сполз по ней на землю.

Деян забрал из рук великана странный предмет и невольно присвистнул, рассмотрев вблизи: палка оказалась ружьем, просто перепачканным в земле и заржавевшим.

- Вроде бы у Кенека было чуть другое... Или я ошибаюсь? Голем?

- Не знаю. Я почти ничего не вижу. - В голосе чародея явственно слышалась панические нотки. - Что это за место?

Деян обошел хижину кругом. Дверь была не заперта, но стены слишком перекосило: открыть ее до конца смог бы разве что Джибанд, если бы вся постройка не рухнула от его усилий. Через щель в два пальца толщиной ничего в темноте не получалось разглядеть, а дымовые оконца находились слишком высоко, чтобы в них заглянуть.

Позади хижины были когда-то разбиты грядки с зеленью: среди сорняков виднелись пожелтевшие стрелки лука и пировника. Вокруг одной из елей оказалась обмотана толстая веревка с петлей на конце; разбросанные у корней кости выглядели слишком крупными для собачьих.

В последнюю очередь Деян заметил небольшой земляной холм с наваленным на него камнем. Могила это была или нет, но от нее веяло каким-то потусторонним холодом. Рокотавший вдалеке гром добавлял жути.

- Наверное, укрытие тут чье-то... было. Честно сказать, Голем, мне здесь не нравится. - Деян положил ржавое ружье туда, откуда его забрал Джибанд, - к останкам под навесом. Череп лежал чуть поодаль: через дыру в темени пробивалась сорная трава. - Но грозу переждать можно. Разбуди Джибанда - пусть выбьет дверь.

- Нет.

- Что?! - изумленный Деян повернулся к чародею. - Почему?

- Еще ранний час. - Чародей, сидя под стеной, потирал глаза; открытую фляжку он держал горлышком вниз. Голос его чуть окреп, но лицо оставалось таким же бескровным. - Нужно идти дальше.

- Мне неохота мокнуть из-за того, что ты торопишься помереть, - сказал Деян.

- Не сахарный, не растаешь.

- Грубишь, колдун. А что ты будешь делать, если я никуда не пойду? - с любопытством спросил Деян. - Или пойду в обратную сторону... Неплохая идея, если так подумать.

Чародей мрачно взглянул исподлобья, но ничего не ответил.

- Ты сумасшедший, Голем, - сказал Деян.

Про себя он подумал, что до сих пор не знает даже, зачем тот взял его с собой. Ведь, в сущности, никакой пользы от него чародею не было; напротив, пришлось затратить немало сил на то, чтобы он смог ходить на двух ногах.

- Джеб! - Чародей встал, держась за стену. - Просыпайся, выходим.

Великан не пошевелился, но чародей, ничего уже вокруг не замечая, побрел вперед.

- Время дорого. Нужно скорее добраться до Венжара, чума на его дурную голову...

Голем был упрям, невероятно упрям. Но зелье, каким бы могущественным оно ни было, исчерпало свои возможности.

Деян невозмутимо ждал, стоя у хижины, и случилось то, что однажды неизбежно должно было случиться: пройдя еще десяток шагов, чародей споткнулся о корень и рухнул лицом вниз.

Уже по тому, как он падал, резко и беззвучно, словно неживой, ясно было - сам он больше не встанет. И все же он попытался подняться - раз, другой, третий.

Деян подошел, выждав еще немного. Чародей, услышав шаги, перекатился на спину.

- Всё? - Деян заглянул в испещренные красной сеткой сосудов глаза.

Дыхание с хрипом вырывалось из потрескавшихся губ чародея. В невидящем взгляде не было просьбы о помощи, как и надежды на нее.

Деян вернулся к хижине, потянул еще раз заклиненную дверь - безо всякого результата. Забрал мешок и вытянул топор из-за пояса Джибанда, стараясь не смотреть на "спящего" великана, и пошел прочь.

Гроза приближалась. Стоило найти надежное укрытие, без мертвых, полуживых и полумертвых.

- Стой! - окликнул чародей неожиданно звучно.- Подожди... Дождись. Это... не продлится долго.

- Время дорого, - на ходу хмыкнул Деян.

- Подожди! Тогда добей меня. Прошу.

Деян против воли оглянулся - такой невообразимый ужас звучал в голосе чародея.

- Прошу тебя. Ты ведь с самого начала хотел этого... - Голем отчаянно пытался подняться: судорожные, бессмысленные движения выдавали глубину охватившей его паники.

- Когда ты мог, ты не просил - ты приказывал. Теперь приказать не можешь - и начал просить? - Деян вложил в голос всю злость, какая у него только нашлась. Воспоминания о страхе и бессильной ярости, о мучительных последних часах в Орыжи, об остекленевших глазах старого Киана-Лесоруба, о черной гаревой плеши, оставшейся в семи верстах к югу.

Он не хотел смотреть на мучения чародея и не хотел резать ему горло, ни из ненависти, ни из милосердия. А уйти у него была причина: чем дольше жил чародей, тем дольше должна была служить приживленная ступня; тем больше оставалось надежды

еще раз увидеть Орыжь до того, как она превратится в груду горелых бревен.

- Мне не с руки тебя убивать, - сказал Деян, подавив сомнения. - Ты сам довел себя до смерти из страха и гордыни. Причем тут я?

- Стой! Я не...

Чародей потерял сознание.

Деян отвернулся и быстрым шагом направился обратно на юг.

- XI -

Стало темно, как в сумерках, но дождь все никак не начинался. Ветра не было. Лес замер: только рокотал гром - часто, почти что беспрерывно - и хрустели под сапогами ветки.

Деян остановился глотнуть воды и побрел дальше. Он ушел еще не далеко, но хижину уже надежно укрыли деревья. Каждый шаг давался с трудом. Давила на плечи поклажа, ныла спина, болели ноги, родная пуще чужой.

Пока гроза колотила насухую, но скоро обещал начаться огромной силы ливень. Деян шел, и ему ясно представлялось, как по распахнутым глазам великана сбегает вода, как собирается в огромных ладонях; как заливается в приоткрытый в последней невысказанной просьбе - или в недосказанном оправдании? - чародейский рот.

Сырой тяжелый воздух не давал глубоко вздохнуть.

"Если повезет - он захлебнется раньше, чем очнется. Кому повезет - ему или мне? Куда я иду? - Деян распустил ворот. - Домой. Где меня никто не ждет".

"Но я не о том беспокоюсь, - одернул он себя. - Сперва нужно дойти..."

Побеспокоиться было о чем: как не сбиться с пути, как не замерзнуть в сырости насмерть, как избежать встречи с волками в человечьей шкуре и с волками настоящими, как раздобыть пищу, как справляться, когда нога перестанет служить? На все эти вопросы - кроме разве что первого - не было ясного ответа. Деян понимал, что, скорее всего, не сумеет преодолеть и половины пути. Но со времени последней Орыжской ночи на месте прежнего страха перед концом он чувствовал лишь муторную

пустоту. Теперь, когда он остался один, нечем стало ее заполнить...

Что осталось за спиной, что ждало впереди? О чем ни подумай, все было не так, и от мешка ныло плечо, как его ни вешай.

"Что я скажу, когда вернусь? Герой, одолел колдуна: оставил подыхать под кустом, как паршивую собаку. А он, между прочим, спас нас... презираемых им "свободных людей" - спас, когда мы просили о помощи".

Деян еще раз поправил мешок. Снова встала перед глазами хижина и собачьи - или волчьи? - кости под елью. Привязь сгнила, но свобода псу уже давно была без надобности: год-два, может, больше - хижину забросили давно, раз мыши начисто объели кости.

Верст от нее до деревни насчитывалось меньше, чем от Орыжи до Волковки, но никто не пришел хоронить мертвых, никто не искал в ней спасения, когда случилась беда, и некому больше было рассказать, что за люди поселились когда-то уединенно в лесу, почему заросла к ним тропа. Их поглотило забвение: без долгих лет, безо всякого колдовства, безо всякой жалости к их надеждам и чаяниям.

"Что я могу сделать? Сгину в лесу, война выжжет Орыжь - и ничего не останется, кроме костей. - Деян вздрогнул, представив Эльму на месте сестрицы Шинкви: объеденное падальщиками лицо, черные панцири жуков-могильщиков в провалившихся глазницах. - Неужели так и должно быть? Нет! Но как еще? Да никак..."

Та же судьба ждала и чародея, и его создание: белые кости на зеленом мху. Если, конечно, у *неправильного* человека Джибанда были человеческие кости.

"Можно понять, почему Голем так стремился на встречу с прошлым... Все-таки он тоже человек, в чем-то мы похожи. Я и сам стремлюсь назад... Охочусь за химерой. - У Деяна вырвался злой смешок. - Мрак небесный! Он раздражал меня, пока жил, но в смерти не дает покоя! Это ли не колдовство? Терош сказал бы, что я сбился с пути, но я знаю путь: мне нужно назад... Нужно! Химера виляет хвостом, а хвост скалит змеиную пасть. Может химера вилять хвостом? Спросить бы, да не у кого".

Деян выругался, поняв, что уже некоторое время топчется на месте. От дыхания парило, но со лба градом катился пот. В безветренном грозовом воздухе было невыносимо жарко и душно.

"Почему я колеблюсь? - Деян толкнул сапогом изгрызенную белкой шишку. - Почему? Чего ради? У меня нет долга перед ним: помогая нам, он лишь исправлял то, что наворотил раньше. Когда

я просил оставить меня в покое, он мне выбора не дал. И все-таки...Господь всемогущий, ну почему все так?! Это *неправильно*. Так не должно быть. Все это не должно *сбыться*. Не должно!"

Громыхнуло совсем рядом; дрогнула, казалось, сама земля. Гром не принес с собой ни ветра, ни прохлады, и все же что-то раскололось, треснуло, сдвинулось. Словно скалу разрушило страшным ударом - и увлекаемый камнепадом валун вдруг оказался на вершине, замер на миг, чтобы мгновением позже покатиться вниз по другому склону, порождая новый обвал.

- Мрак небесный, вот мало натворил в жизни глупостей, нужно еще одну добавить... Да зачем?! Не зачем, а дурак потому что... Мрак, мрак бы все это забрал! - бормотал Деян, пока ноги несли его назад к хижине. Химера перед внутренним взором сыто ухмылялась.

Глава восьмая. Хижина

- I -

Деян смотрел наружу через открытую дверь, но видел только стену воды и слышал один лишь ее рокот. На его памяти не случалось еще таких неистовых ливней. Крыша пока не текла, и стены держались, но чем дольше шел дождь, тем больше становилась опасность, что хижину подтопит.

Деян отмахнулся от дыма, поправил над огнем котелок с очищенными "ведьмиными камнями". Сырые поленья в очаге сильно дымили, однако других не было. Прошедший час казался нелепым предрассветным сном, цветным и путаным. Он в самом деле вернулся назад...

Пригодилось ржавое ружье: удалось вбить ствол в щель между дверью и косяком и вскрыть хижину. Внутри оказалось грязно, смрадно и тесно: лавки вдоль стен, курной очаг в полу, стол, какие-то сундуки, лари и ящики; он не разбирался - осматриваться было некогда. Втащить чародея оказалось несложно; иное дело - Джибанд, но тут сгодились остатки веревки: отвязав ее от ели и протянув у великана под мышками, Деяну с горем пополам удалось втянуть через узкую дверь и его. Деян сомневался, что великану может повредить гроза или хищники, но проверять не хотел. Под навесом, рядом с костями, уцелели какие-никакие дрова, а на старых грядках, кроме лука и пировника, нашлась еще репа и "ведьмины камешки" - мелкие, кривые, но пришедшиеся как нельзя более кстати. Ломти очищенных "камешков" кружились в кипящей воде: уже скоро они должны были развариться в горьковатую массу, противную на вкус, но питательную. Деян помнил, как старая Вильма выпаивала жидким пюре из них девчонку, заблудившуюся на десять дней в лесу, намерзшуюся и наголодавшуюся. И ему самому в детстве вдосталь этой жижи перепало - настолько, что ее запах до сих пор вызывал тошноту.

"Господи всемогущий, не дал ума, так подсоби терпением".

Деян зажал нос, помешивая палкой варево. Век бы не нюхал! Но девчонка тогда выжила, и он сам выжил; а никакого другого

способа, каким можно было попытаться сохранить чародею жизнь, он все равно не знал. Повезло уже в том, что хоть такой припомнил, и что "камешки" на грядке оказались...

"Чушь! Кто тут везучий - я или он? - Деян скосил глаза на Голема. - Что бы я ни делал - он наверяка умрет к утру. И я ненамного дольше проживу, если буду вот так вот впустую тратить время".

Чародей лежал плашмя на лавке под парой одеял; дыхание его было слабым и неровным. Посеревшая кожа была на ощупь едва ли не так же холодна, как у Джибадна, потому Деян обернул нашедшимися в хижине тряпками несколько разогретых камней из очага и положил ему к ногам, животу и груди: так делала Вильма. Но не очень-то пока все это помогло.

"Эх, Вильма, Вильма! Проживи ты подольше, может, научила бы меня чему полезному, не вырос бы таким дураком. Не сидел бы теперь здесь безо всякой пользы".

Деян вздохнул; взгляд его вернулся к очисткам "ведьминых камешков" на земляном полу. Только на грядках старой Вильмы он видел эти неприхотливые, но бесполезные в обычном хозяйстве корнеплоды: даже свиньи воротили от них нос. Значит, кто-то не случайно высадил их здесь: среди тех, кто скрывался в хижине, был больной.

Деян запалил от огня щепку-лучину и, переступив через ноги Джибанда, попытался получше осмотреть скудную обстановку. Судя по изъеденному молью маленькому полушубку на гвозде, жильцов было двое: пробитый пулей крупный череп в поленнице принадлежал, вероятно, мужчине, а полушубок - женщине или ребенку.

"Скорее, все-таки женщине".

Деян открыл стоявшую на столе деревянную шкатулку с резной крышкой: внутри оказались причудливого вида некрасивые костяные бусы и такая же брошь.

В одном из ларей он нашел надежно закупоренную банку с черным порохом для патронов, железные шарики, гильзы и ружейные инструменты, в другом - кучу полусгнивших тряпок, в третьем - испорченную муку и банку с солью. На стенах висело множество пучков с травами, тоже попорченными паразитами и сыростью.

Чародей иногда бормотал что-то; он бредил на иноземном языке или на многих языках сразу. Разобрать возможно было лишь некоторые повторяющиеся слова: "Венжар", "Марфус", "Мила", "Тина", "Радек", "Влад"... Деян предположил, что это все - имена, и тотчас же ужаснулся своей догадке. Люди эти - большинство из них - наверняка давно умерли, и обращенный к

мертвецам зов словно призывал в лесное убежище Мрак...

Деян снял котелок с треноги и переставил боком к очагу, зачерпнул полкружки варева и поставил на стол остывать. Полкружки чуть теплых "ведьминых камешков" каждый час - так Вильма выхаживала замерзшую в лесу девчонку.

Рокочущая стена дождя за порогом надежно скрывала кости на поленнице и безымянную могилу; быть может, могилу той женщины, что жила здесь, а последний вздох испустила на той самой лавке, где умирал теперь чародей.

"Тогда тоже шли дожди?" - отрешенно подумал Деян. Ему представилось, как хозяин, крепкий мужчина - Деян не мог вообразить его лица, но почему-то явственно видел густую черную бороду и длинные руки - поутру склоняется над женой, целует ее в лоб и отшатывается, почувствовав губами смертный холод... Осеняет ее амблигоном, выходит вон, споро раскидывает лопатой сырую землю; опускает тело и ровняет холм, не замечая воющего пса; отряхивает руки, убирает лопату. Берет ружье и выходит из дому под навес, прикрыв за собой дверь: велика сила привычки - дождь ведь!

А затем садится на поленницу и, уперев приклад в землю, ногой давит спусковой крючок и пускает пулю в подбородок.

Позабытый пес на привязи подвывает и скулит, обессилев. Вокруг собираются волки, но пока еще держатся в стороне, ждут. Только в темноте блестят глаза, необъяснимо похожие на человеческие...

- Эй!.. - Деян вскочил, стиснув топорище. - Эй, Джибанд, - повторил он уже тише, провел ладонью перед неподвижными глазами великана. - Ау, Джеб? Ну конечно, ты не можешь меня слышать. Мрак. Что я, в самом деле...

Деян перевел дыхание и сел на ящик, сам себя успокаивая вслух. Неизвестно как он умудрился задремать, и великан нечаяно напугал его. Отсветы очага плясали в неживых глазах Джибанда, как будто тот следил взглядом за всем вокруг; от этого взгляда, от застывшей в углу огромной фигуры становилось совсем не по себе.

"Пригрезится же чушь всякая".

Деян притушил очаг, оставив одни угли, и закрыл дверь. Снаружи гремела гроза, в непроглядной серости лил дождь, и не понять было - день еще или уже наступили сумерки. Одно было ясно: как бы ни умерли те, кто жил здесь прежде, - умерли они совсем не такой спокойной и легкой смертью, которой стоило бы желать.

- Смерти вообще желать не стоит. Слышишь, колдун? - Деян, взяв кружку, склонился над чародеем, осторожно встряхнул того

за плечо. - Голем! Пей. Сам говорил - за Белыми Вратами ничего нет, кроме людей вроде нас. Нечего туда торопиться.

Чародей застонал. Деян привычным жестом, как не раз проделывал с Шалфаной Догжон, обхватил ладонью его затылок, приподнял голову и поднес кружку к губам. Кисло-горький запах ударил в ноздри: чародей приоткрыл глаза и попытался оттолкнуть кружку подбородком.

Деян выругался. Он сомневался, что чародей сейчас хоть как-то соображает, - но ужас перед пищей застрял в его больном сознании крепче некуда.

- Пей! - Деян повысил голос, вспоминая, как чародей когда-то заставил подчиниться превосходящих числом орыжцев. - Давай, ну?!

Тот захрипел, пытаясь отвернуться. Деян легко удержал его.

- Пей, сукин ты сын! - Деян наклонил кружку. - Пей или умрешь!

Вряд ли чародей подчинился угрозе: просто кончились силы сопротивляться - и Деян постепенно влил варево в рот.

- Вот так бы сразу. - Он отпустил чародея. - Безо всяких...

Деян осекся; ему вдруг стало стыдно. Чародей смотрел из-под полуприкрытых век с бессильным ужасом.

- Ну, будет! Успокойся.- Деян присел на корточки у изголовья. - Ты меня слышишь? Господин Ригич... Рибен, - он с трудом припомнил имя чародея. - Я не хочу причинить тебе вред. Этим у нас детей лечат... Понимаешь? Но если станет хуже - я не оставлю тебя мучиться, - заставил себя произнести Деян. - Обещаю.

Чародей тяжело дышал, беззвучно шевеля губами.

Погасла закрепленная между камней лучина. Деян, морщась от боли в спине, встал, разжег ее заново и снова поставил котелок греться над углями.

- II -

Днем монотонный рокот ливня заглушал все лесные звуки. Ночью, когда буря улеглась, через волоконные оконца слышно было, как тут и там капает вода, как скрипят деревья. Хижина неплохо держала тепло, но отчего-то стыли пальцы; в капели с

крыши чудились шаги.

На лавке сбивчиво дышал чародей.

Еще дважды Деян сумел влить ему в рот по несколько глотков целебной жижи, но никак нельзя было понять, есть ли в том польза и возможно ли вообще удержать жизнь в ослабленном немыслимым колдовством теле.

Измотанный ожиданием, Деян вновь провалился в полудрему и вновь подскочил с криком: теперь примерещилось, как чернобородый хозяин хижины душит спящую женщину.

Деян придвинулся к очагу, отогрел руки, и снова незаметно подкрался сон: безликий чернобородый был весел, блестел начищенный ружейный ствол. Чернобородый ударил прикладом женщину на лавке, хохотнул, нагнувшись к ней: у женщины оказалось круглое лицо Солши Свирки с зияющей раной на месте рта.

- Мрак небесный!

Деян ударил кулаком по стене, разгоняя сонную одурь. За испугом последовало облегчение, за облегчением - стыд. Пусть то был лишь кошмар; и все же он оказался рад - рад! - увидеть изувеченным одно знакомое лицо, потому как страшился увидеть на его месте другое.

"Господь всемогущий! Вот до чего дошло. До чего я дошел".

Деян прошелся по хижине, сел обратно к очагу, обхватив голову руками. От стен пахло древесной гнилью; запах напоминал об Орыжи - старый дом Химжичей давно пора было перестраивать. Сна больше не было ни в одном глазу, но явь причиняла не меньшие муки.

"Как там все... Эльма. Зачем ты так со мной, за что? Что я сделал, в чем ошибся? Исправить нельзя - так хотя бы понять... Да ерунда это все, морок! Обошлось бы. Храни тебя Господь, Серая. И девчонок, и всех. Пусть Терош за вами присмотрит. Пусть присмотрит..."

- Закрой глаза, Джибанд! Пожалуйста! - Деян, подойдя, похлопал великана по плечу, но тот, конечно, не отреагировал на просьбу. Деян поборол искушение набросить ему на лицо какую-нибудь тряпку. Джибанд и так "следил" за хижиной невидящим взглядом: завязать ему глаза - значило только еще больше нагнать жути... Оставалась ли у него еще надежда очнуться от забытья?

- Безумие какое-то.

Деян вернулся к очагу, снова подвесил котелок над углями. Много лет - с тех пор, как несмышленым мальчишкой пытался сбежать к большаку, - он не оставался по-настоящему один: всегда где-нибудь рядом - не дома, так на соседском дворе -

находился кто-то, с кем можно было перекинуться парой слов, у кого попросить совета, помощи...

- Брехня: ни у кого я ничего не просил, гордость не позволяла. Сами мне все предлагали. - Деян помешал варево, отгоняя мысль о том, что вряд ли чародей еще может глотать. - И зачем? Дураку все не впрок.

В памяти было не найти защиты и приюта; говорить вслух с самим собой оказалось еще хуже, чем молчать. Деян понял, что невольно придвинулся ближе к лавке, где лежал чародей. В лесных шумах за бревенчатыми стенами таилась неизвестная опасность, от великана веяло потусторонней жутью - тогда как Голем, несмотря ни на что, был человеком. Единственным живым человеком на много верст вокруг.

Но искра жизни в нем неумолимо угасала. Больше он не стонал и не бредил, едва можно было расслышать его дыхание за плеском капающей с крыши воды и треском углей.

"Сам ведь хотел скорее от него отделаться. И что теперь - передумал? Совсем запутался, увяз... Дурак!"

Деян заскрежетал зубами, меняя остывшие камни у ног чародея на новые. Злость, укоренившаяся глубоко внутри, за гранью разума, не исчезла. Но теперь, оставшись в одиночестве и потеряв, даже в мыслях, родной дом, засыпая с открытыми глазами от усталости, - теперь он со всей ясность видел в чародее человека, такого же, как он сам. И оттого совсем не хотелось, чтобы тот умер тяжелой, бессмысленной смертью в позабытой людьми и Господом хижине в глуши...

Сейчас - когда в ночи срывались с крыши капли воды, и едва возможно было уловить признаки теплящейся рядом жизни - Деян вспоминал о своем недавнем бегстве с отвращением.

Чем дольше тянулась ночь, тем сильнее сжималось вокруг одиночество; чем ближе смерть подступала к чародею - тем сильнее Деяну хотелось ее отвадить. Но в его распоряжении была лишь обрывочная и позабытая наука сумасшедшей старой знахарки да неумелые примеры лечения ее преемницы. А чародея убивала не только телесная слабость, но и зелье: с такой болезнью не сталкивалась даже старая Вильма, и никакого другого лечения от болезней похожих, кроме тепла и простой пищи, он не знал; а даже если б и знал, откуда б он мог взять лекарство?

Деян провел перед приоткрытыми глазами чародея ладонью: тот был без сознания. Пытаться влить жидкость было бессмысленно... Чародей умирал, и ничего нельзя было с этим поделать.

"А что если?.."

Деян замер: взгляд его зацепился за брошенный у очага топор. Лезвие отсвечивало красным.

"Если просто попробовать..." - Деян крепко задумался.

Кенек - будь он неладен! - рассказывал, как они с братом много лет назад втащили его, уже бесчувственного, к Вильме. Их выгнали, конечно, но они остались подсматривать под окнами и видели, как старуха творила "всякое эдакое". То, что по малолетству казалось помешательством, могло быть и колдовством; Деян колдуном не был - но зато колдуном был сам Голем.

"Хуже все равно ведь не будет".

Решившись, Деян крепко сжал голой ладонью лезвие. Почему-то не хотелось брать нож: старый, помнящий прошлое и тот роковой день топор казался вернее.

Боль была блеклой, словно на крепком морозе.

"Знать бы еще, что дальше".

Он обмазал палец проступившей кровью и вычертил на лбу чародея три ровных полосы - как, по словам Кенека, делала когда-то Вильма. Еще она что-то говорила, но Кенек не слышал, что. И бросила в огонь пучок краснолистого боровника, но боровника тут все равно не было.

- Ты говорил, что не хочешь умирать. Так живи! - Деян перечеркнул полосы наискось и резко отвернулся, боясь спугнуть чудо.

Но никаким чудом и не пахло. Чародей дышал все так же слабо и неровно; трещали угли. Только закружилась от усталости голова.

- Господи, если слышишь, помоги ему. - Деян сел к очагу. - Я ненавижу его. Но он спас нас... Он хороший человек. Наверное.

Никаких других слов на ум не шло.

Деян кое-как замотал платком порезанную ладонь и сжевал без аппетита последний орыжский сухарь. Неудержимо клонило в сон.

- III -

Кошмары больше не досаждали - или же он не помнил их; но просыпаться, свалившись с ящика, оказалось немногим более

приятно.

Деян зевнул, едва не вывихнув челюсть, потер слезящиеся глаза и попытался понять, сколько прошло времени. Выходило, что час или два: последние угли в очаге еще тлели, от котелка шел крепкий запах. Все так же капало с крыши в непроглядной ночи за дымовыми оконцами. Все другие звуки будто отмерли, погасли, придавленные этой темнотой. Темнота изливалась из лесу; темнота сочилась из неживых глаз Джибанда.

Подавив страх, Деян запалил от угля щепку и подошел к чародею. Рывком откинул одеяла и облегченно выдохнул: тот был еще жив. Грудь чародея вздымалась слабо, но, казалось, ровнее, чем прежде. Глаза были закрыты, лицо разгладилось. Более всего походило на то, что он спит. Или же дух его уже ступил за Белые Врата, а в мире осталось лишь последнее безмятежное дыхание...

- Голем! - окликнул Деян.

Чародей открыл глаза и тут же со стоном зажмурился на свет.

- Мрак небесный. Прости, не подумал. - Деян прикрыл лучину ладонью и воткнул между камней очага.

- Где?..

Чародей мучительно закашлялся, не договорив фразы. Деян помог ему приподняться и перевернуться на бок. Из горла вылетали капли темной слизи; лицо побагровело.

Вскоре приступ ослаб; Деян уложил обессилевшего чародея обратно на лавку. Тот видел и слышал: на лице его на миг проступило облегчение, когда он заметил громадное тело Джибанда в углу. Но взгляд был пугающе пуст.

- Что... случилось? Ты!.. - Чародей попытался приподнять голову. - Ты... Я умер?

- Нет.

- Но что тогда...почему... ты?.. Кто...

Деян похолодел. Чародей не узнавал его; возможно, принимал за кого-то другого, давно умершего. Быть может, он вообще ничего не помнил о днях, проведенных в новом времени.

Меньше всего на свете Деяну хотелось объяснять, что случилось. Он невольно отступил на шаг, лихорадочно обдумывая, как быть.

- Деян! - Во взгляде чародея вдруг появилось узнавание. - Ты?

Деян кивнул, несколько смущенный: он был почему-то уверен, что чародей вообще не потрудился узнать его имя.

- И сейчас... сейчас время.... правления... Вермана Везучего? - Чародей говорил так, будто надеялся если не ошибиться, то хотя бы поперхнуться своими же словами.

- Вимила Удачливого, - со вздохом облегчения поправил Деян. - Мы вышли из Орыжи десять дней назад искать Венжара

ен'Гарбдада. Боюсь, все, что ты сейчас помнишь про последние дни, - правда.

- Чушь собачья. - Потрескавшиеся губы чародея растянулись в неестественно широкую улыбку. - Не может быть. Нет.

- Я сожалею. - Деян отвернулся и загремел котелком, наполняя кружку. Прозвучало неискренне, но ему и впрямь жаль сообщать эту неприглядную правду. Как будто от него тут что-то зависело! - Что случилось, то случилось: это твои слова, колдун.

- Ложь. Ты лжешь! - с нажимом повторил чародей. - В твоей истории концы не сходятся. Я не могу быть здесь. Я умирал... я должен быть мертв сейчас.

- Умирал, но не умер. Но это поправимо. Пей. - Деян приподнял голову чародея и поднес ко рту кружку, однако чародей отвел его руку, ухватив за запястье:

- И ты! Тебя тоже не может быть здесь. Ты ушел.

- Захотел - ушел, захотел - вернулся: на то я и "свободный" человек, о чем ты любишь мне напоминать, - буркнул Деян, пытаясь высвободить руку: хватка Голема оказалась неожиданно крепкой. - Пей, если хочешь жить. Если...

Он осекся: запястье пронзила жгучая боль.

- Прекрати! Ты что творишь?!

- Зачем?

Голова чародея без поддержки бессильно упала на лавку, но пальцы сжались еще крепче.

- Не дури... твою же мать!.. - Деян рванул руку изо всех сил, но проще было бы вырваться из медвежьего капкана. Кожа будто плавилась; боль то отступала, то вновь пронзала руку раскаленной иглой от плеча до кончиков пальцев. Деян, извернувшись, дотянулся до ножа и приставил лезвие чародею к горлу. - Прекрати немедленно, или я сам тебя убью! Слышишь меня, Голем?! Ты... - Деян, наклонившись, лучше разглядел его лицо и замер, пораженный, на миг позабыв о терзавшей запястье боли, - такая невероятная мука искажала сейчас черты чародейского лица. Глаза Голему были закрыты; из-под век проступили слезы.

- Зачем?! - глухо повторил чародей. Он не управлял своим колдовством, если вообще осознавал, что использует его.

"Что же это, Господи... Мрак Небесный!".

Деян стиснул рукоять ножа. Боль в запястье была невыносима: если чародей еще не искалечил его, то мог сделать это в любой миг. Стоило немедля перерезать ему глотку и не мучиться за то совестью. По уму, незачем было и пытаться отвести от него смерть, потому что, как он сам сказал - зачем ему было жить? В сущности, незачем...

И это было *неправильно*. Чудовищно и *неправильно*.

Тысячу раз за бесконечно долго мгновение Деян решал нанести удар, и тысячу раз отказывался от своего решения.

- Перестань. Не используй силу. Пожалуйста! Остановись, Голем... Рибен. - Деян перевел дыхание. Глаза слезились от боли, говорить спокойно стоило огромного труда. - Ты искалечишь меня и убьешь сам себя, если продолжишь. Перестань! Ну же...

Красноречие окончательно оставило его, но спокойный тон подействовал на чародея, или же у того кончились силы - но хватка ослабла, и колдовство иссякло. Расплескавшийся отвар из кружки, теплый и липкий, стекал в рукав, смешиваясь с кровью от раскрывшегося пореза на ладони.

Деян сунул нож под лавку и освободившейся рукой разжал чародею пальцы. Кисть слушалась нормально; только на коже наливался багровым свежий ожог - но эта мелочь сейчас не требовала внимания.

"Господь всемогущий... - Деян, чувствуя себя совершенно обессиленным, ткнулся лбом в лавку. - Если так продолжится, я долго не выдержу..."

- IV -

Наступило утро, холодное и пасмурное; за ним - такой же день. Лес вокруг хижины буквально кишел животными: еще до полудня в ловушки попались два зайца и куропатка. Чувствовалось в таком изобилии что-то противоестественное, и все же Деян был этому рад чрезвычайно: рядом с ручьем нашлось еще три заросших грядки, но пригодных в пищу овощей на них осталось не так много, чтобы надеяться продержаться сколь либо долгий срок.

Зайчатина просаливалась в единственной нашедшейся в хижине кадке, куропатка плавала в котелке. От густого мясного запаха рот наполнялся слюной. Деян не помнил, когда сам ел вдоволь в последний раз; сильнее, чем есть, хотелось только спать, но поесть и заготовить мясо впрок необходимо было прежде всего.

Чародей спал беспробудным сном; выглядел он не так скверно, как накануне, потому Деян посчитал, что лучше его пока

не тревожить. Чтобы не заснуть, достал инструмент и взялся разбирать ружье. Не так уж ржавчина его и попортила, как оказалось, но возможно ли его привести в порядок, Деян не знал: Беоновы объяснения забылись за годы, и инструмента ружейного он сам в руках сроду не держал. Отрешенно он водил прутом изнутри ствола, рассуждая в мыслях, что за странная вещь - такое мудреное оружие, вся хитрость которого служит тому, чтоб сподручней было человеку убивать человека. Предназначение подобное отталкивало, но мощь - притягивала. Приятно было ощущать ее в руках... Однако даже эта чудовищная, противная воле небес мощь уступала колдовству.

"Намного уступала: у Кенека с Хемризом не было ни шанса. - Деян, вспомнив развороченное ружье, взглянул на чародея.- Чудны дела твои, Господи!"

Невозможно было поверить в то, что этот человек - обессилевший, измученный - обладал невообразимым могуществом; способен был разрывать металл, выворачивать землю наизнанку одним движением руки.

Наконец мясо подоспело; можно было позволить себе еду, отдых и сон.

- V -

Что-то разбудило его. Деян немного полежал, притворяясь спящим, затем открыл глаза - но ничего не изменилось: вокруг стояла непроглядная темнота, густая и вязкая, как смола, поглотившая все цвета и звуки.

Захлестнутый страхом, он вскочил с лавки, оступился и больно ушиб ногу о ящик. Лишь тогда мир снова стал нормальным: проступил силуэт великана в углу у стены, стол, потухший очаг, темная фигура на лавке напротив. Чародей был в сознании и, приподняв голову, смотрел на него.

Чародей и разбудил его, окликнув, - теперь Деян это понял.

- Это было... что-то произошло сейчас? - Деян нащупал кремень и подпалил сразу три смолистых щепки, чтобы скорее разогнать темноту.

- Может быть. Не знаю. - Чародей откинулся на набитый мхом мешок, служивший ему подушкой, и уставился в потолок. - Я подумал, что снова ослеп.

- И все? Поэтому нужно было меня будить?

- Я сейчас не чувствую силу. И не почувствую еще долго.

- Спасибо за отличную новость, - проворчал Деян. Никакой "силы" он не чувствовал и плохо себе представлял, что это такое, зато всем телом ощущал, насколько устал, хотя проспал не так уж и мало, раз воздух в хижине успел выстыть. Разламывалась голова, ныли все кости, все ссадины и порезы, и особенно обожженное запястье. Снаружи тянулась ночь, и сколько оставалось еще до рассвета, не хотелось и думать.

Вообще ничего не хотелось.

Но пора было прогревать хижину, потому Деян запретил себе смотреть на лежанку, развел в очаге огонь и поставил греться воду.

- Мне нужно наружу. Помоги встать, - подал голос чародей. Тон его оставался раздражающе спокойным, без хотя бы толики смущения, с какой приличествовало бы просить об одолжении.

"Приказывать привык, повелевать, мерзавец. - Деян не двинулся с места. - Что стоит сказать - так все сразу по-твоему..."

Чародей повторил просьбу.

- Я слышал. Досадно, наверное? - Деян, наклонившись над лавкой, заглянул ему в глаза. - Быть колдуном, каких свет не видывал, - и не мочь самому выйти по нужде. А, Голем?

- Раз я тебе отвратителен пуще прокаженного, - чародей равнодушно встретил его взгляд, - зачем тогда спас?

- Отец научил: негоже людей в беде бросать. Успел научить до того, как его задрал шатун. Тот в медвежьей шкуре был, но я вот смотрю на тебя и думаю - сильно ли вы различаетесь? Твари бессовестные, забери вас Мрак! Суда Господнего на вас нет. - Деян с трудом заставил себя умерить голос. - Так ты идешь или передумал, князь немощный?

Голем молча обхватил его за шею, садясь на лавке.

Вода бурлила в котелке, чадил очаг. Деян прошелся из угла в угол, вдоль одной стены, вдоль другой, пнул подвернувшееся под ногу поленце, вернулся к огню. От свежего воздуха злость остыла и обернулась жгучим стыдом. Что, если бы в прошлом - в те дни, когда он жизнь готов отдать был за то, чтоб хоть раз еще вот так пнуть еловую чушку - если бы тогда сумасшедшая Вильма разговаривала с ним так, как он сейчас с чародеем? Укоряла бы слабостью? Вряд ли он дожил бы до нынешнего дня. Наложил бы руки на себя, а то и на старуху, если б смог... Глупо и подло было пользоваться беспомощностью чародея, чтобы уязвить его.

"Лучше б он на меня в ответ наорал".

Деян снова встал и принялся ходить по хижине. Голем -

вопреки легенде о безудержности своего гнева - воспринял грубость внешне с полным равнодушием. Извиняться не хотелось, но на душе было муторно.

- Я... глупость сморозил, - наконец выдавил из себя Деян. - Сорвался. Прошлые мои беды - не твоя вина, а это... это ерунда все.

Чародей, приподнявшись на локте, взглянул удивленно.

- Я ведь сам когда-то... так же лежал, встать без чужой помощи не мог, - запинаясь, продолжил Деян. - Бес дернул за язык. Извини, Голем.

- Сделай одолжение: "Рибен", - поправил чародей и, откинувшись на подушку, снова уставился в потолок. - Голем - так звали нас обоих с Джебом во времена оно, когда он был самим собой. А у меня есть имя. Осталось, так сказать, на память. Об отце и всем прочем.

- Как пожелаешь, - растеряно сказал Деян. - Не держи зла: я не хотел тебя задеть.

- Хотел, но не смог. - В голосе чародея послышалась тень былой язвительности. - Не важно, Деян. Я когда-то выслушивал намного худшее. Забудь.

- Ладно... Ему нужно что-нибудь? - Деян указал на Джибанда.

- Нет. - Чародей закрыл глаза. - Ничего ему не нужно.

- VI -

"Не иначе тоже какое-нибудь колдовство!"

Деян, наблюдая за чародеем, усмехнулся. Тот маленькими быстрыми глотками пил смешанный с отваром ведьминых камней бульон. Деян пробовал варево - вкус был гадок невероятно; однако исхудавшее лицо чародея выражало неподдельное наслаждение.

Зрелище это - кроме некоторого удовлетворения - вызывало в равной мере отвращение и зависть. Все происходящее, начиная с его появления у развалин, было для чародея неприятно и даже мучительно, жизнь для него утратила всякий смысл - и все же он, несмотря ни на что, хотел жить. Жить! "Жити ради самоей жизни", как писалось в Белой книге. Это глубинное, животное желание имело над ним большую власть; или же, вернее, оно

попросту лежало в самой сути, в самой сердцевине его существа? Возможно, оно и служило тем щитом, что берег его измученный разум от окончательного краха....

Чародей был еще совсем слаб, едва мог сидеть без посторонней помощи, но смерть отступила от него. И теперь он с наслаждением и жадностью поглощал пищу, которой побрезговали бы свиньи.

- Ты правда князь, Рибен? - не удержался от вопроса Деян.

Чародей неохотно оторвался от еды:

- Был когда-то. Что, не похож?

- Не слишком... наверное. - Деян пожал плечами. Он, ясное дело, никогда прежде князей не встречал, но по рассказам и сказкам представлял их иначе.

- Мне многие говорили, что я слишком быстро ко всему привыкаю, а титулы в кругу *свободных людей* поминать негоже. Впрочем, - Голем вдруг улыбнулся, - в сравнении с манерными столичными ослами я всегда был неотесанным солдафоном. Так что твоя правда: не похож.

- То *свободные люди* вокруг, - Деян постарался скопировать издевательскую интонацию чародея, - то манерные ослы: не везет тебе, горемычному. Или это всем остальным с тобой не везет?

Голем взглянул недоуменно, затем хмыкнул:

- Поддел, хвалю. Однако ж, в сущности, одно другому не мешает.

- Да мне-то что? Я так, любопытствую.

Чародей почти все время спал, а, когда просыпался ненадолго, то молчал, глядя в пустоту; мысли его витали где-то далеко. О чем говорить и как с ним следовало держаться теперь, Деян не понимал. Слишком уж быстро все встало с ног на голову...

Себя он чувствовал совершенно вымотанным, тогда как возни с убогим хозяйством и заготовкой припасов было - и обещало быть в будущем - предостаточно. Но когда после полудня зарядил дождь, и ничего не оставалось, кроме как на время укрыться в хижине и в свое удовольствие отдыхать, - сон не шел...

Стоило задремать, как наваливалась на грудь и сдавливала горло какая-то непонятная тревога, беспрестанно чудился чей-то тяжелый взгляд; Деян надеялся, что виной тому всего лишь сидящий с открытыми глазами Джибанд. Надеялся и - без особого успеха - старался убедить себя также и в том, что великан не таит в себе никакой скрытой угрозы и от крепко спящего человека ничем существенным не отличается. Чем дальше, тем сложнее было не замечать его; загадка исполинского "неправильного

человека" притягивала мысли.

Отчаявшись заснуть, Деян вновь принялся возиться с ружьем. На не сгнившем еще прикладе обнаружились глубоко выцарапанные буквы "Ж.Г.", на стволе - почти стершийся номер.

Инструмент валился из рук.

На лавке заворочался чародей; откинул одеяло и с трудом сел, потирая глаза.

- Ты сказал, он *полуживой*. Но его тело - мертвая человеческая плоть? - Деян указал на Джибанда. - Как моя ступня? Или как у этих, как их... недоумерших?

- *Немертвых*, - поправил чародей. - Хотя недоумершими их называть было бы вернее, поскольку дух их не желает покидать плоть. Привнести призванный дух в мертвое тело возможно, но это значит - создать озлобленное и несчастное чудовище, которому не будет удержу. Слышал когда-нибудь об острове Виктора? Этот клочок суши однажды был нечаянно заселен подобными созданиями.

- Нет, - сказал Деян.

- А жаль. Напомни потом - я расскажу... Грустная, но поучительная история. У Джибанда искусственное тело, Деян. - Чародей нашарил что-то кармане Беоновой куртки и не глядя протянул ему: это оказался небольшой рыжий самородок. - Алракцит - камень будущего и несбывшегося. Камень перемен, возможностей и связей. Священник сказал, вы по-прежнему добываете его и сдаете людям Венжара, но ничего не знаете о том, зачем он нужен. И не очень-то это вас интересует.

- Да.

- Поражаюсь вам... На Островах и Дарбате мне доводилось бывать в закрытых и оторванных от мира поселениях, но нигде я не встречал такого чудного общества, как у вас. - Чародей помолчал. - Дарбатские отщепенцы видят во внешнем мире угрозу и тратят много сил на защиту от нее; налогов и податей не платят, а членов общины без колебаний казнят за одно лишь подозрение в связях с чужаками. Вы же безропотно выполняете для неведомых правителей работу, смысла которой не знаете и не хотите знать. Удивительное миролюбие и столь же удивительная нелюбознательность.

- Так что об алракците? - перебил Деян. Его и самого, случалось, посещали подобные мысли, но слушать разглагольствования чародея на этот счет он не желал.

"Когда до большого мира много дней пути, а руки и голова от рассвета до заката загружены работой, кто станет предаваться праздным раздумьям о том, что и почему?"

Деян сжал самородок алракцита в ладони. Любопытство в

Медвежьем Спокоище было уделом детей и бездельников поневоле вроде него, и не ему - и тем паче не кому-нибудь вроде Голема - было осуждать орыжцев за равнодушие к собственному невежеству.

- Прежде Старожье получало неплохую прибыль с алракцитовых шахт, но они, мне сказали, давно затоплены, - продолжил чародей. Говорил он охотно и многословно; так, что в пору было задуматься: чего ради?

- Затоплены, - подтвердил Деян. - Нарех говорил, что пытался с друзьями спуститься вниз, но не смог.

- Алракцит редок, но для работы обычному колдуну его нужно немного: такого самородка, какой ты держишь сейчас, хватит надолго, потому не так уж он дорог. А истинная ценность алракцита проявляется, если растолочь его и смешать с крошевом валадана: камня прошлого, постоянства и смерти. В смеси с алракцитовым песком валадан становится тем, что древние ваятели называли "унио" - первоосновой.

- Основой чего? - спросил Деян. - Взялся объяснять - так объясняй понятно.

- Сам спрашивал, так не перебивай, - огрызнулся чародей. - Я лишь пытаюсь ответить. Первоосновой - основой *бытия*, значит... Так вот. Чтобы создать искусственное тело, алракцит и валадан замешивают на женской лунной крови и мужском семени и добавляют в глину. Но прежде призывают нерожденный дух. Наделяют его малой частицей своего "я", чтобы он мог жить в мире, и творят чары уже в союзе с ним, иначе искусственная плоть будет отторгать его, и существование обернется пыткой... Но тебя ведь с самого начала не секреты чародейского ремесла интересовали, а Джеб, верно?

- В основном, - признал Деян.

- Я погрузил его сознание в сон, и сейчас он не нуждается ни в чем: можешь за него не беспокоиться. И по поводу него, - Голем слабо усмехнулся, - тоже можешь не беспокоиться. Я не вполне понимаю, что он теперь собой представляет, но он проснется, чтобы наброситься на тебя. Не сможет. А даже если б смог, то не стал бы. Вы ведь с ним вроде неплохо поладили.

- Надеюсь на то, Деян Деян поежился. Ему хотелось бы, чтобы в словах чародея слышалось чуть больше уверенности.

Застывший взгляд Джибанда царапал кожу, в шуме дождя за дверью слышался какой-то тревожный речитатив. Объяснения чародея не вселяли спокойствия. Казалось, что поза великана со вчера чуть переменилась, и "смотрит" он чуть по иному, будто вскользь.

"Пустое. - Деян усилием воли заставил себя отвернуться от

великана. - От духоты еще и не такое примерещится".

- VII -

- Алхимическое противопоставление алракцита и валадана сыграло некоторую роль в истории той доктрины, которую ты разъяснял Джебу, - продолжал тем временем говорить чародей. - Есть записи о казнях копьем с алракцитовым наконечником: если острие ломалось - считалось, что приговоренный оправдан Небесами, то есть Господином Великим Судией, по-вашему... Хотя, спрашивается, зачем ему, всемогущему, лезть в людские дела? Не обижайся за вашу веру: я слишком долго прожил на свете, чтобы всерьез верить хоть во что-нибудь; но, глядя на вас, не знаю уже, что и думать. Прежде Высшему Судье служили и в служении находили себя, вы же - попросту преклоняетесь перед ним безо всякого для себя толка.

- Не обижаюсь: не случайно преподобный Терош всегда звал меня безбожником. - Деян с грустью вспомнил последний свой разговор со священником. - Но скажи мне, колдун: что же, по-твоему, - Небеса пусты, немы и слепы?

Чародей пожал плечами:

- Кто знает? Одно известно точно: невежественные люди почитают за богов обычных духов и многое другое, чего они не могут уразуметь. Страшно вспомнить: кое-где на Дарбате меня самого нарекли богом. Представь себе, что они сказали бы сейчас!

Он зашелся смехом, тотчас перешедшим в тяжелый приступ кашля, едва не сваливший его на пол; Деян в последний момент успел его удержать.

- Ну, ну! Полегче, князь: слаб ты пока для долгих речей. - Деян усмехнулся, помогая чародею лечь.

Тот, похоже, любил поговорить; а лицо его при этом принимало выражение благородное и торжественное, какое Деян не раз подмечал у Тероша Хадема, когда тот пускался "безбожника уму-разуму учить". Некоторого сходства не заметить было невозможно, и особенно оно казалось забавным в свете того, что говорил Голем зачастую вещи прямо противоположные науке преподобного.

- "Вера и предубеждение есть основа всего. Истинным может

зваться лишь способ нашего рассуждения о предмете, но не наши суждения о нем", - процитировал Деян по памяти. - "Ибо суждения наши из чувственного мира берут начало, а чувства истины не ведают, лишь самое себя знают: с мороза в нетопленый дом зайти - все одно тепло, а коли жаркий дом зимним утром чуть выстынет - зябко делается; и во всем так".

- Профессор Фил Вуковский, "О суждениях и рассуждениях", глава вторая, - сказал чародей. - Вот уж не думал, что сочинения пьяницы Фила запомнят на многие века.

- Откуда ты... - Деян замолчал. Если уж он сам, деревенский неуч, волею судеб и Тероша Хадема был с трактатом Вуковского знаком, то не стоило удивляться, что книга известна чародею.

- Я и самого старину Фила знал, - сказал чародей. - Он давал мне уроки риторики. Затем мы вроде как приятельствовали... Он был добряк, но любил пошуметь. Мог простить долг в сто доренов и в лепешку ради тебя расшибиться, а затем обидеться ни за что и затеять поединок. Эта двойственность его натуры отражалась во всем, что он делал. Как сейчас помню: в черновиках к последней своей книге, посвященной вопросам морали, он восхвалял супружескую верность так рьяно и многословно, что издатель просил его поубавить текста, чем Фил был возмущен до крайности... А умер он в постели со шлюхой, перебрав вина, - и это в годы, когда седая голова его уже совершенно облысела! При жизни он редко бывал чем-то доволен; надеюсь, хотя бы смерть встретил с улыбкой.

- Н-да. Дела... - пробормотал Деян.

Профессора Вуковского он привык считать кем-то вроде учителя, мудрого и непогрешимого, и совсем не был уверен, что рад услышать подробности его земного существования. А от осознания, что сейчас он, Деян Химжич, разговаривает с кем-то, кто делил с почтенным профессором стол и вел беседы, и вовсе голова шла кругом.

Что Голем родился много веков назад - он, конечно, знал и не забывал, но одно дело - просто знать, и совсем другое - получить тому наглядное свидетельство.

- Сколько тебе лет? - не удержался от вопроса Деян. - Не считая того времени, что ты был... не совсем жив.

- Немногим больше ста тридцати. А ты думал - полтыщи? - Чародей добродушно усмехнулся. - Я не так уж невообразимо стар по человеческим меркам: на моей памяти некоторые долгожители под присмотром лекарей встречали столетний юбилей, хотя сами не способны были сотворить даже простенького заклятья.

"Сто тридцать лет: "Не так уж и стар!"" - Деян попытался

вообразить себе такой огромный срок - и не смог. Столетье или немногим больше того прожила, должно быть, Вильма - и превратилась в дряхлую, выжившую из ума старуху. Голему же, несмотря на больной вид, нельзя было дать больше четырех десятков. Однако ж впечатление было обманчивым... Он видел в жизни несоизмеримо больше, чем Беон или Терош Хадем; прочел несоизмеримо больше книг. Разбирался в вещах, о которых другие не имели ни малейшего понятия.

Деян пододвинулся ближе к очагу, пытаясь прогнать пробивший вдруг озноб. Прежде он не смотрел на это с такой стороны и теперь на миг ощутил себя на месте заморских дикарей: да, им было с чего преклоняться перед Големом, как перед божеством! Ощущение оказалось неприятным и досадным; а ведь если так подумать, чародей даже сейчас оставался для простых людей кем-то вроде бога: слабого, немилосердного, бестолкового - но бога...

- Каково это вообще - быть колдуном? - спросил Деян.

- Мне не с чем сравнивать. Но насколько я мог заметить - ничего особенного. Можно, знаешь ли, быть колдуном и даже не догадываться об этом. - Губы чародея тронула насмешливая улыбка. - Каким чудом, по-твоему, я еще дышу, и кто это чудо сотворил?

- VIII -

Полено плюнуло угольками-искрами; Деян стряхнул их с рукава и отодвинулся чуть в сторону.

- Кто ж тебя знает, почему ты такой живучий. Не ко мне вопрос, - пробурчал он, хотя намек был яснее ясного.

- А каким чудом ты сам дожил до сегодняшнего дня? - продолжил чародей, не обращая на его слова внимания. - После ампутации у тебя в мышце застряло полдюжины мелких осколков кости: ты должен был умереть от нагноения, но выжил! И даже мог худо-бедно наступать на культю: все годы со дня ранения твое тело боролось с этими осколками и сдерживало заражение. Твои внутренности повреждены ядами и постоянной схваткой за жизнь - но ты крепче многих, к кому Хранители Небесные были куда милосерднее. Не прошло трех полных дней, как ты наловчился пользоваться мертвой ступней, словно своей

собственной. Пустяк, по-твоему?

- А разве нет?

- Нет! Я вытащил осколки и тем немного поправил дело, но все же слишком много сил у тебя уходит, чтобы просто поддерживать свое существование; как ни жаль - от этого тебе никуда не деться. Однако, без сомнения, с такими задатками ты сумел бы стать отличным мастером, если бы не пострадал так серьезно от неумелого лечения и учился... С твоим лицом это не удивительно.

- То есть, по-твоему получается, что я вроде как сам колдун. И давно ты так думаешь? - с фальшивой непринужденностью спросил Деян. Последняя фраза чародея про лицо была непонятна, но это могло подождать. Как и многое другое. Еще недавно предположение о том, что ему, возможно, подвластны некие невероятные силы, взволновало бы его и озадачило; сейчас - оставило почти равнодушным. Никакие, даже самые могущественные, чары не могли исправить уже случившееся или повернуть время назад: Голем был лучшим тому подтверждением.

Но кое-что со слов чародея стало очевидным.

- С того самого мгновения, как тебя увидел, - с легкой растерянностью в голосе произнес чародей. - Быть может, я зря не сказал тебе сразу...

- Мне ты ничего не сказал. Но говорил об этом с Эльмой, - уверенно заключил Деян.

- Да, - растерянно подтвердил чародей. - Да, говорил...

- Что именно ты ей сказал?

- Да вроде ничего особенного... Примерно то же, что сейчас сказал тебе.

В глазах чародея появилось понимание; заминка выдавала его с головой.

- Кроме этого? - прорычал Деян.

- Остынь. - Чародей предостерегающе поднял руку. - Я не помню в точности...

- Не увиливай!

- Девушка видела, как я тебя латал. Потом она сама спросила меня, не лучше ли будет, если... чтобы ты осел где-нибудь в большом городе, где тобой займутся хорошие лекари... где ты сможешь научиться использовать свои способности себе во благо, насколько это еще возможно. Я сказал, что если выйдет так, то, пожалуй, ты проживешь дольше, чем если останешься в глуши сено ворошить. Она попросила меня проследить, чтобы все для тебя устроилось наилучшим образом... И посоветовала мне помолчать до поры насчет моих соображений: сказала, ты не станешь меня слушать. И еще попробуешь выкинуть какую-нибудь

глупость, лишь бы вышло поперек, - упавшим голосом закончил чародей. - Так понимаю, вы крепко поругались перед тем, как ты ушел? Но не думаю, чтобы из-за...

- Деревянная твоя башка. Мрак бы тебя побрал, колдун! - Деян в тщетной попытке овладеть собой со всей силы врезал кулаком по ящику. - Замолчи. Заткнись.

Не все, но многое теперь становилось на свои места.

"Одной загадкой меньше". - Мысль эта несла с собой облегчение. Все произошедшее в последний день в Орыжи было нелепой и досадной ошибкой. Но поправить ее могло теперь и не выйти - и тут уж было от чего впасть в отчаяние...

Ему следовало быть дома, а он сидел в сырой развалюхе посреди леса рядом с немощным чародеем, его "ненастоящим человеком" и горой непохороненных костей и не мог вернуться - да и было ли еще, куда возвращаться?

Но даже так - даже тут - могло быть терпимо; жизнь в Спокоище была нелегка: опасность и смерть, своя и чужая, всегда таились рядом. Могло быть терпимо - если б не груз дурного прощания, горечь недопонимания, недоговорок... Если б только Голему хватило ума держать свои догадки при себе!

- Послушай, я не хотел... - осторожно начал чародей, - не думал, что это может доставить неприятности... откуда мне было знать? По правде, голова у меня тогда варила не важно, и...

- Заткнись, - тихо сказал Деян. - Заткнись, пока я тебя не убил.

- IX -

Чародей замолк, поняв тщетность попыток оправдаться - или попросту обидевшись, - и вскоре забылся беспокойным сном. Деяна это полностью устраивало: тошно было и без разговоров. Он был зол, но больше - растерян; услышанное никак не укладывалось в голове. Нужно было решать, что делать дальше...

"Но какой у меня выбор?"

Деян, стоя у порога хижины, смотрел на свое отражение в натекшей у стены луже: от капель с крыши по воде расходились круги, отражение рябило, кривилось и не желало подсказать ничего, кроме того, что он знал и сам. Он мог бы во второй раз передумать и уйти, предоставив еще беспомощного чародея

самому себе, но ничего этим не добился бы - только преумножил бы смерти впустую. И даже дойди он каким-то чудом до Орыжи - что с того? Все равно он мог там разве что "сено ворошить": не помощник, не защитник, а бог весть кто...

Все то, что он знал теперь, ничего не изменило. Странно и неуютно было это сознавать.

Как бы ни было тоскливо оставаться - поворачивать назад пока не было смысла; теперь, поразмыслив спокойно, он это понимал. Стоило сперва хотя бы выйти снова на тракт, где возможно будет разузнать путь или даже отыскать попутную повозку - если повезет не получить прежде нож в бок или дубиной по затылку, что казалось исходом самым вероятным.

Дождь прекратился; быстро стемнело - словно кто-то на небе задернул занавеску. Через силу Деян заставил себя сжевать кусок зайчатины и, улегшись на лавку, сразу же заснул - но спалось на этот раз совсем дурно. Снилась каменистая пустошь посреди темной воды - как опавший лист в луже - и серокожие люди на ней, мужчины и женщины, могучие, уродливые, измученные ненавистью к самим себе и к своим создателям. Одни глиняные гиганты бесстыдно совокуплялись между камней, другие недвижно лежали или сидели на земле и равнодушно смотрели на подступающее море; волны накатывались на берег и проглатывали их - одного за другим, пока весь остров не скрылся под водой.

Глава десятая. Наследник Старого Рога

- I -

Голос пробивался сквозь уютную бархатную мглу:

- Деян! Очнись!

Отзываться не хотелось. Было хорошо, тепло и спокойно, а там, куда звал голос, раз за разом повторяя его имя, - там ждала тревожная неизвестность.

"Где это - там?" - отрешенно подумал Деян и наконец проснулся.

- Ты меня слышишь? Деян!

- Слышу. - Деян открыл глаза и уставился на нависшее над ним светлое пятно, через мгновение превратившееся в лицо чародея. - Что такое?

- Хвала Хранителям!.. Я уже начал думать, что ты можешь и не проснуться. - Голем выпрямился, шумно выдохнув. - Как ты?

"Да в чем дело?" - Деян уставился в потолок, вспоминая. Вспомнил пургу, сухой пол хижины под щекой: эти воспоминания оказались последними. А перед тем был медвежий рев, желтая нитка слюны из гнилой пасти...

- Мрак небесный! - Деян попытался сесть, но чародей удержал:

- Приди в себя сначала.

На его лбу багровела ссадина от удара.

"И это не приснилось, значит. Все случилось взаправду..."

Деян перевел дыхание, скосил глаза, осматриваясь. За дымовым оконцем под потолком чернело ночное небо, но в хижине было светло: на столе горела лучина, в очаге тлели угли. Сам он лежал на лавке, укрытый одеялами, разорванным полушубком и еще какой-то ветошью сверху, и чувствовал себя, по первому впечатлению, весьма неплохо - куда лучше, чем должен был бы, учитывая обстоятельства; намного лучше, чем все последние дни, которые он помнил. Ничего не болело. Мысли,

еще неповоротливые со сна, текли спокойно.

- Ты извини. Зря, наверное, я не дал тебе еще отдохнуть. - Голем поскреб заросший подбородок. - Но я беспокоился, что... Извини. Спи дальше, если хочешь.

""Извини"?"

Деян присмотрелся к нему. Чародей с виду будто постарел лет на десять; в выражении лица не чувствовалось прежнего напряжения и появилась странная, несвойственная ему раньше мягкость. То ли серо-седая, словно запачканная побелкой, короткая бородка так изменила его черты, то ли усталость, то ли еще что-то...

Деян ощутил укор совести.

- Ничего... Не надо, Рибен, я в порядке. - Деян сел, оттолкнув его руку. С наслаждением зевнул. Голова слегка кружилась. - Здоровее, чем был. Сколько я так провалялся?

- Почти три дня.

- Так долго?!

- Да.

- Что за это время случилось? - спросил Деян. - Та жуть... та сила, которая устроила это все, - что насчет нее?

- Караулит добычу себе на погибель, скудоумная твар. - Голем недобро ухмыльнулся. - Я чую ее, но не могу пока убить. В одном ты был прав, Деян: три дня прошло, а толку от меня по-прежнему чуть.

- Но тогда, в лесу...

- Тогда, в лесу, я чудом на спусковой крючок нажать сумел. - Ухмылка чародея стала шире, и Деян растерянно моргнул, пытаясь сообразить, что бы это могло значить. - Давай, Джеб, хватит прятаться! Не скромничай! Выходи и скажи ему.

Что-то громыхнуло, скрипнуло. Деян вздрогнул: Джибанд возник в углу - будто из воздуха появился. Хижина великану была тесна: он даже не мог выпрямиться в ней в полный рост и стоял теперь, согнувшись; но до того сидел так тихо и недвижно, что его оказалось невозможно заметить. Левая половина его лица была изуродована совершенно. Ее, можно сказать, вовсе не было, только уцелевший глаз среди черно-серых рубцов смотрел виновато.

- Я обманул тебя и мастера, - пробасил великан, в один шаг оказавшись рядом с лавкой. - Я не спал.

- Что? - Деян непонимающе уставился на него.

- Я не спал, - повторил великан. - То есть сначала спал. А потом мне надоело спать, и я проснулся. Притворялся, что сплю, но не спал. Слушал, смотрел.

- Наш герой закрыл от меня свой разум, - со смешком

пояснил Голем. - Закупорил нашу с ним связь так ловко, что я ничего не заметил. Потому что я, дурак, забыл сказать ему, что так нельзя и это непременно его убьет.

Деян встретился с чародеем взглядом: в глазах у Голема совсем не было того недоброго веселья, что звучало в голосе.

- Как видишь, правильно не сказал: не убило, - продолжил Голем. - Небыль изменила все еще разительней, чем я думал. Теперь он способен самостоятельно поддерживать ток хинры в своем искусственном теле, жить сам... Не зависи от меня. Это замечательно. Однако несколько... - он запнулся. - Несколько неожиданно.

- Да, пожалуй, хорошо, - быстро согласился Деян. Голем, похоже, испытывал по отношению к новоприобретенной независимости великана смешанные чувства и искал одобрения. - Но, Джибанд, зачем тебе это было нужно? Притворяться то бишь.

- Я не хотел обманывать. - Великан потупился сильнее прежнего. - Но мастер ничего мне не рассказывал. Не хотел со мной говорить, когда я спрашивал. И ты тоже. Мастер постоянно приказывал мне спать, когда вы останавливались и говорили друг с другом. А я тоже хотел знать. Куда мы идем, зачем идем. Про себя, про мастера, про тебя. Поэтому решил, что больше не буду спать, а буду смотреть и слушать.

- Понимаю, - сказал Деян. - Да, наверное, понимаю.

- Я виноват, что не помог тебе кормить огонь и ловить дичь. - Джибанд переступил с ноги на ногу: вид у него стал совсем несчастный. - Что сразу с тобой тогда не пошел. Но я боялся - мастер, если узнает, не разрешит мне больше не спать; я думал - ничего дурного не будет, если я его и тебя немножко обману. Я виноват... Надо было тебе помочь.

- Да Господь с этим: я ж не переломился. - Деян прокашлялся, скрывая замешательство. Что его дорогому мастеру этот обман мог запросто стоить жизни - великан, похоже, не понимал; и к лучшему. - Ладно, Джибанд... Всякое случается. Все живы остались, и ладно. Только больше не делай такого, хорошо? Я тоже виноват, что тебя не слушал. Но впредь обещаю слушать. Если что будет не так - говори сразу.

Великан закивал:

- Да. Конечно. Да.

Дышаться в хижене стало свободнее.

Деян принюхался - пахло пригоревшим мясом - и поискал взглядом котелок. Тот стоял чуть в стороне от очага: есть ли еще что внутри, было не разглядеть.

- Ты голоден, наверное? - Чародей заметил его взгляд и, не дожидаясь ответа, повернулся к великану. - Джеб, пожалуйста,

раздуй угли и поставь котелок греться.

Джибанд засуетился, нависнув над очагом.

- Да... наверное. Поесть не помешает, - смутившись, пробормотал Деян. Голоден он был зверски, но чувствовал себя неуютно: припасов наверняка почти не осталось.

"Сходил, называется, за добычей... Ничего не достал, да еще провалялся бревном три дня... Ну, почти ничего. - Деян рассмотрел у стены кучку серых перьев: должно быть, Джибанд или чародей нашли мешок с замерзшей птицей и принесли в дом. - Хорош охотник! Курам на смех".

- Не думай, я не впервые в жизни держу в руках поварешку. - Чародей расценил его смущение по-своему. - Я же как-никак колдун: не все можно поручить подготовить слугам. Так что это съедобно: я пробовал. Хотя повар из меня никудышный, что поделать.

Судя по запаху гари, в последнем чародей не ошибался.

- Нельзя уметь все на свете... Но я ни на что такое и не намекал, ты что. - Деян зевнул, с трудом поборов искушение лечь обратно на застеленую тряпьем лавку. Картина этой неумелой заботы удивляла и смущала: сам-то он, хотя занимался лекарствами и прочим, о чародейском удобстве не думал ни мгновения. - Та сила в лесу - что это было? Она вела меня против воли и будто... высушила меня. Как кровь выпустила.

- Примерно так и есть, - кивнул Голем.

- Но что она такое?

- Убьем - узнаем наверняка. Но...

Голем, не договорив, встал, прошел нетвердой походкой к столу и вернулся обратно с ниткой костяных бус.

- Волчья пясть, барсучья, рысья, а эта, кажется, из медвежьего ребра выточена... Обычные ведьмы такие игрушки не делают. Опасные игрушки. - Голем раскрутил бусы на ладони, подбросил в воздух и поймал другой рукой. - Думаю, повертуха здесь жила. Жила, померла, но не до конца: это у них часто, тяга к жизни у них звериная...

- Стала немертвой, значит? - припомнив, спросил Деян.

Голем покачал головой:

- Не совсем. От мертвого тела она освободилась - для повертухи это невелика сложность - и шатается теперь по миру неприкаянным духом. А косолапый, которого я застрелил, супружник ее был или сынок. Повертуха опасна, но в дом ей, мертвой, без приглашения не войти; она и приближаться боится - верно, не сама померла, убили ее тут. Дух ее дурной развеять - дело несложное. Но придется пока с этим погодить. Если ошибусь, нехорошо может выйти.

- Повертуха? Супружник? - тупо переспросил Деян. Что-то внутри отторгало следовавший из слов чародея смысл.

- Вроде как человеческого племени они, повертухи, а вроде как и не совсем, - расплывчато объяснил Голем. - Среди людей рождаются, но в любую шкуру влезть могут. Хоть в медвежью, хоть в волчью, хоть в какую. Обороту ни обучиться никак нельзя, ни излечиться от него: это у них от природы. И страсть от природы огромная к плотским утехам: с человеком ли, со зверем. Но больше со зверем - редкий человек их напор долго выдержать сможет. Да и зверь, говорят, не всякий...

- Достаточно! Я понял. - Деян почувствовал, что покраснел, как помидор. - А дети их... детеныши... они тоже такие?

- Нет. - Голем покачал головой. - Чтоб повертуха человеческого младенца родила - я о таком не слышал. А звереныши обычные рождаются. И власти у нее, мертвой, над зверьем больше нет. Тут вся ее власть осталась. - Он тряхнул бусами. - Спасибо ей на том: против нее же и сгодятся.

Деян вспомнил видения, донимавшие его в полусне.

- Могло быть такое, чтоб кто-то... чтоб любовник из людей жил тут с ней, пытался от колдовства излечить, но отчаялся и сперва ее, а затем и себя порешил, застрелился?

- Могло - почему бы и нет. - Голем пожал плечами. - Как на самом деле, теперь уже не узнает никто. А с чего ты так подумал?

- Да так... То ли примерещилось, то ли приснилось - не поймешь. Давно еще.

- Надо было сразу об этом мне рассказать, - с укоризной заметил чародей.

- Надо, - согласился Деян. - Но я и сам забыл. Все кошмары запоминать - голова разломится. Наружу-то из дому можно выйти, или эта повертуха нас сторожит?

- Можно. Только далеко не отходи и голосов не слушай.

- Ага.

Деян осторожно встал. Сначала по привычке на одну ногу, затем, опомнившись, и на вторую: тело слушалось нормально. Краем глаза он заметил, как чародей, сам еще нетвердо стоящий на ногах, дернулся с намерением его поддержать и лишь в последнее мгновение остался на месте с полупротянутой рукой.

- Сейчас вернусь. - Деян протиснулся мимо Джибанда и прошел к двери, спиной чувствуя взгляд чародея, боровшегося с желанием все-таки предложить совершенно не нужную помощь.

"Чудны дела твои, Господи... Да что на него нашло? - Деян вышел в светлую, заснеженную ночь, на ходу разминая мышцы, с наслаждением втянул чистый холодный воздух. - Чем дальше, тем меньше я понимаю".

Голем настолько очевидно беспокоился за него, что это было почти смешно. Что-то изменилось в чародее за последние три дня; будто слезла шкура или треснул внутри какой-то стержень. Деян который раз уже после пробуждения почувствовал укор совести:

"Он ведь первый раз спас меня еще в Орыжи. Я думал его убить, собирался бросить - а он снова пришел на помощь. Какие бы у него на то ни были резоны - выручил ведь! А я..."

- Послушай, Голем! - Вернувшись в хижину, сразу заговорил Деян, торопясь высказать все, пока решимость не растаяла вместе с налипшим на сапоги снегом. - Я не думаю, чтобы я вскоре смог... чтоб мне перестать тебя... ну, чтоб... тьфу!

Нужные слова никак не шли на язык, и он с досады ударил по косяку.

"Простить", "перестать ненавидеть" - все это было неточно, даже неверно.

Голем настороженно взглянул снизу вверх:

- Чтобы ты смог смириться с моим существованием в этой и без меня неприятной жизни?

- Нет! Ну, то есть... Не знаю, наверное, можно и так сказать, - сдался Деян. - Но так или не так, а все-таки я рад, что все обошлось... И спасибо тебе за то, что спас... Дважды спас. Я благодарен, правда. Хотя я иногда говорю разное, цепляюсь к тебе без повода... За это прости. Характер дурной - не умею я с людьми. Не привык. Дома старшие часто мне пеняли, что с людьми не лажу. Язык мой - враг мой.

- Не нужно извиняться. Ты в своем праве, Деян. - Голем покачал головой. - Это я виноват перед тобой. Напрасно тебя во все это втравил. Только как там в истории твоей знахарки было? Сделанного не воротишь. Так что прощения не прошу - не заслужил. Но ты свободен. Как только покончу с повертухой, ты волен идти куда хочешь: я не буду мешать.

- Если бы хотел, то уже бы ушел, не дожидаясь снегопадов и встречи с повертухой. - Деян сел у очага рядом с притихшим великаном и придвинул к себе котелок. - Пока мне идти некуда. А потом - видно будет... Сейчас ты меня отпустить готов, а то - на час выйти не давал. Не понимаю я тебя, Рибен. Все вы, чародеи, такие чудные?

Голем тяжело опустился на лавку напротив.

- Моя бабка, - начал он, - мир ее праху, любила повторять: "пока лоб не расшибешь, ума не прибавится..."

- "Пока лоб не расшибешь, ума не прибавится, а ежели ума нет, сколько ни бейся - только стену попортишь", - эта мудрость казалась ей непреложной; пожалуй, оглядывась на прожитую жизнь, вынужден согласиться. - Голем улыбнулся. - Бабка умерла, когда мне стукнуло только восемь лет, но это я запомнил; бабкой она мне приходилось по отцу. Родни по матери я никогда в глаза не видел: мать была из мелких бадэйских дворян, бежала на Алракьер от войны... И саму ее помню едва-едва: красивая женщина, высокая, с холодными руками, от которых всегда пахло можжевеловым мылом...

Чародей говорил со странной поспешностью, будто боялся, что его перебьют. Деян подумал мельком, что тот, должно быть, давно искал повод, ждал вопроса, чтобы рассказать о себе, о том, что он - не чудовище, не призрак из старой сказки; чтобы вернуть в настоящий момент память о прошлом, кроме которого у него ничего не осталось.

- Род Ригичей восходит к первым владыкам срединных земель Алракьера. В числе моих дальних предков - два министра и без счету наместных императорских чародеев, не снискавших большой славы, но привнесших в родовую козну много золота, - сказал Голем. - Отец в своем поколении был единственным законным наследником. Дед - старый князь Микел Ригич - никогда не допустил бы его брака с бадэйкой, небогатой и не наделенной особыми талантами, но деда не стало еще за три года до того. В юности дед тайно объездил полсвета с тайными императорскими поручениями. Он слыл мастером по части разной коварной волшбы и большим охотником до женщин, притом в этом его способности к скрытности давали сбой: слишком уж он был ненасытен и неразборчив в связях. Знатные замужние дамы и невинные девчонки, дворовые девки, крестьянки - дед не пропускал ни одной юбки. Он прожил на свете два века и протянул бы еще столько же, но, как поговаривали, бабке надоели его интрижки, и однажды она помогла ему не проснуться. А отец имел тому доказательства, и потому вертел бабкой как хотел. Так или иначе, не дотянув трех лет до двухвекового юбилея, князь Микел Ригич скончался в своей постели: я видел только его портрет в фамильной галерее. И рассказываю тебе о нем лишь потому, что лицом и сложением ты весьма похож на Микела в молодые годы; когда впервые тебя

увидел - признаться, подумал, что ты мне мерещишься.

- Но дед твой Господь знает когда землю топтал... Как такое может быть? - недоуменно спросил Деян.

- Да как угодно. - Голем пожал плечами. - Могло случайно так выйти: я даже на Дарбанте встречал людей, схожих с моими знакомцами, никогда не покидавшими Алракьера. Но больше верится в то, что дед - известнвый любитель после охоты или дальней прогулки заночевать вне замковых стен - имел плотскую связь с какой-нибудь твоей пра-пращуркой. И способности свои, какие-никакие, ты от него по крови унаследовал. А мы с тобой, получается, - дальняя родня.

- Что-то сомнительно. - Деян наклонился вперед, пристально вглядываясь в лицо чародея и не находя в нем никакого, даже самого незначительного сходства с собой или с братьями. - Путаешь ты меня, "родственник".

- Характер у деда, я слышал, тоже был не из легких; это у нас семейное, - усмехнулся Голем. - Может, и совпадение простое - не знаю. Столько лет прошло, столько поколений в твоей семье сменилось, что не выяснишь ничего. Да и не важно, наверное.

- Не важно. - Деян согласно кивнул. - Я в семье младший, о прадедах и прабабках мало что слышал: как-то не было повода расспрашивать.

- Зато я о своем наслышан: что бы я, малолетний несмышленыш, ни делал, мне всегда ставили деда в пример - или попрекали его "дурной кровью"... Отец с матерью сыграли свадьбу в столице и жили сперва там. Вернулись ненадолго в родовое гнездо перед тем, как родился я, а после снова укатили и бывали в Старом Роге только наездами раз в год: до восьми лет меня воспитывала бабка.

- Старый Рог?

- Так называлось место, которое ваш староста теперь почитает за хлев. Кроме укрепленого замка, там были еще постройки. Но от них ничего не осталось. Бабка была со мной не слишком-то ласкова: я считал тогда, что мне живется несладко. Как же я ошибался! Я тогда и представить бы не смог - как. - Голем заговорил сухо и отрывисто, голос его будто выцвел. - Однажды вернулся отец и сказал: мать убили. В действительности, как я узнал намного позже, она погибла, упав с лошади: та понесла и сбросила ее прямо на камни. Так и неизвестным осталось, обезумело ли животное из-за чьей-то волшбы или же то был несчастный случай. Я склоняюсь к последнему, тем паче мать плохо ездила верхом; однако отец считал иначе. Не имея никаких доказательств, он пытался добиться ареста двух своих давних соперников в борьбе за

благосклонность Его Императорского Величества, а когда не преуспел - в гневе подал в отставку и отправился домой. На следующий день после своего возвращения отец с бабкой заперся в кабинете при библиотеке. Бабка всегда недолюбливала мать - за недостаточно знатное происхождение, за "надутый вид" и непочтительность, - потому случившимся опечалена не была нисколько и, могу предположить, что-то высказала отцу. Они ссорились - сильно ссорились, брань разносилась по всему этажу. Потом все стихло; а спустя четверть часа бабку вынесли вперед ногами. Замковый лекарь написал бумагу, что бабку со злости хватил удар, она упала и, уже мертвая, расшиблась; но никто в это, конечно, не верил... Думаю, отец убил ее не намеренно, без расчета: в ярости он совершенно терял себя... Через день лекарь, знавший слишком много, насмерть подавился куриной косточкой: тут уж отец действовал хладнокровно.

Деян с особым тщанием прожевал кусок птичьего крыла - недосоленный, подгоревший, со множеством мелких размякших костей - и отложил остаток в миску. Совсем не таким представлялось детство княжеских отпрысков: беззаботным, веселым, счастливым... Голем же говорил о несчастьях и смертях, как у всех. И, кроме того, о вещах невообразимых, жутких. Не все благополучно складывалось в семьях Орыжи: и ссорились, и расходились ночевать по чужим дворам, и поколачивали жен мужья. Но чтоб родители надолго бросили дите без пригляда, чтоб сын убил мать - дико даже слышать было о таком.

- Я для своих восьми лет был не глуп, но и не сказать, чтоб смышлен. - Губы чародея тронула кривая улыбка. - Обрушившиеся в считанные дни несчастия ввергли мои чувства в полный беспорядок. Я не мог спать: боялся каждого шороха в замке, боялся отца, боялся, что моя мертвая бабка встанет с погребального ложа и явится за мной... На помин бабки отец, терзаемый совестью или спеша притупить людскую память, приказал открыть погреба и выставил челяди двадцать бочонков крепкого эля. Почти все перепились до беспамятства, а кто не пил, тот все равно осоловел от хмельных паров и неумолчного галдежа ... Когда няньки, приставленные ко мне отцом, уснули, я спрыгнул из окна на кучу сена и сбежал. Стояло необыкновенно жаркое лето. Три дня я прятался в лесу, пил сырую воду, жевал папоротниковые корневища, от которых постоянно крутило живот. Особой цели у моего побега не было: я просто не хотел, не мог оставаться дома; но быстро понял, что бродяжничество мне не по зубам. Обессилев совсем, вышел к людям в одной из деревень, сошелся с ребятней, заночевал с ними в старом коровнике... Там-то меня отцовы люди и нашли. Отвезли назад в

замок, где меня отмыли, накормили досыта. И выпороли, конечно, как дурную скотину, но я понимал, что легко отделался: отец за время, что меня искали, успел подостыть. После всего я спал как убитый и мертвой бабки бояться перестал. Еще дней десять все в моей жизни шло хорошо. А на одиннадцатый со мной приключилась тяжелая лихорадка... Она продолжалась ночь и полдня: к вечеру жар спал, но начались сильные боли в спине и стали отниматься ноги. К утру меня парализовало. Я мог лишь говорить кое-как да немного шевелить правой рукой. Можешь себе представить, каково это - вот так, почти в одночасье, оказаться прикованным к постели.

Деян кивнул.

- Но вряд ли ты когда-нибудь слышал о недуге, что меня поразил: он редок в этих холодных краях, а когда все же случается - обыкновенно сразу приводит к смерти, - сказал Голем. - Но кровь Ригичей сильна: я остался жив. На хавбагских Островах болезнь эту - а случается она от питья испорченной гниением и нечистотами воды - называют "хромой хворью": там умеют помогать таким больным, но хромота у многих остается, а часто - и более серьезные увечья. Помог хавбагский лекарь и мне - много лет спустя, когда я уже сам худо-бедно научился ковылять по коридорам и держаться в седле. А тогда я оказался совершенно беспомощен... - Голем вздохнул. - Иногда я думаю: отец повредился умом еще раньше, еще когда погибла моя мать; когда же меня разбил паралич - помешательство просто стало всем очевидным. В моей болезни он видел результат покушения, какого-то яда, а рядом больше не было лекаря, чтобы его разубедить. Шпионы и убийцы теперь мерещились отцу повсюду, за каждой занавеской. Он казнил всякого, кто казался ему подозрительным; не просто казнил - пытал, и бедняги, чтобы избавиться от мучений, наговаривали друг на друга. Крики доносились до моих ушей через окно. Я молил провидение, чтобы мне пореже приходилось их слышать, и оно жестоко подшутило надо мной: вскоре отец запер меня внизу, в казематах. Отравителя он так и не нашел и переменил мнение: теперь он винил во всем насланное врагами мудреное проклятье и вбил себе в голову, что толща земли способна ослабить действие волшбы; в оправдание ему могу сказать только, что, хотя в моем случае он заблуждался, такое действительно возможно. Под замком находились обширные подземелья: усыпальница, погреба, тренировочные залы и пустовавшая тюрьма - так как за любую провинность отец теперь отправлял на дыбу сразу. Мне устроили комнату в одной из бывших камер: там, после починки стен, стало тепло и почти сухо, и там не было крыс. Но тюрьма

оставалась тюрьмой: темной, тесной, провонявшей страданием. У входа всегда дежурили двое стражников, но ключ от двери поначалу был только у отца. Он, можешь себе представить, по-своему любил меня. И, подозревая во злодействе всех и каждого, пытался сам за мной ухаживать. - Голема передернуло. - Небеса мне в свидетели, Деян, - страшнее его заботы были только его загулы. Временами он, напуганный до смерти какой-нибудь безделицей, которую считал дурным предзнаменованием, напивался до беспамятства и не приходил; случалось, он отсутствовал подолгу. Я считал плиты на потолке, мучаясь голодом и жаждой, и гадал - явится он когда-нибудь снова или я так и помру, лежа в собственных испражнениях... Поначалу в подземелье я потерял счет времени; рассудок мой тоже, должно быть, помутился, или же то сказывались последствия болезни. Я только плакал и скулил, как щенок; да я и был тогда еще щенком, наивным и беззубым. Но кошмар длился и длился, и постепенно я свыкся с ним: со своим бессилием, с тесной камерой, со смертью бабки и матери, с тем, что мой добрый отец превратился в озлобленного незнакомца с почерневшим от горя лицом и стал моим тюремщиком... Другой жизни у меня не было - и я принял эту. А со временем задумался: не могу ли я как-то улучшить свое положение? Иногда чувствительность ненадолго возвращалась в мои парализованные конечности: я ощущал какие-то покалывания, чесотку, слабые боли. Часами я твердил себе, что на самом деле могу двигаться; представлял, как я шевелю одним пальцем, другим, всей кистью... Огромным напряжением воли я сумел вновь подчинить себе обе руки и после долгих тренировок овладеть ими ненамного хуже, чем прежде. Отец, вне себя от счастья, заказал для меня у кузнеца специальное кресло-каталку - как будто в моей тюрьме от нее было много толку! Выпускать он меня не собирался: наоборот, мои успехи убедили его в том, что стены камеры ослабляют действие проклятья. Двумя руками я мог с горем пополам обслуживать сам себя, но все остальное шло по-прежнему: ноги отказывались служить мне, и я был заперт: в своем больном теле, комнатушке-камере, в замке - и не имел надежды получить свободу: моя первая победа лишь усугубила мое положение. - Голем прокашлялся. - Но больше всего меня в те дни тяготило одиночество. Отец в своем безумии был отвратительным собеседником, а стражникам не позволялось даже заговаривать со мной. Старый сержант, служивший еще деду, как-то раз пожалел меня и отдал свой ужин через решетку. Кружку эля и лепешка с сыром: в жизни не пробовал ничего вкуснее. Кто-то прослышал о том и донес. Сержанта разорвали лошадьми за намерение в будущем меня "отравить": отец

возбужденно, сверкая глазами, рассказывал, как он раскрыл заговор... Другой раз, когда отец особенно долго не приходил, один из стражников, после смены караула, рискнул попытаться позвать его: отец, только завидев бедолагу на пороге своего кабинета, заподозрил, что тот замышляет недоброе, и обратил в горстку пепла. Зато я получил свою кружку воды и миску супа. - У Голема вырвался горький смешок. - Смерть часто находила тех, кто пытался помочь мне; и тогда, и потом... Зряшная, дурная смерть. Небеса мне в свидетели: мне очень не хотелось бы, чтоб ты пополнил список.

"Он, наверное, все три дня добудиться пытался, - подумал Деян. - Вконец расклеился, пока сидел один на один со своим... товарищем".

Он скосил глаза на великана: Джибанд вел себя так тихо, будто его здесь вовсе не было. Голем время от времени останавливал на нем взгляд, хмурился - словно раздумывал, не приказать ли тому выйти, - но каждый раз, овладев собой, отворачивался.

- Не выдумывай. - Деян добавил голосу твердости. - Я не собираюсь пока умирать. В грязной развалюхе среди леса, в твоем обществе? Нет уж.

Он смутно надеялся, что чародей рассердится на грубую шутку и скажет какую-нибудь колкость в ответ, однако тот лишь слабо улыбнулся.

- III -

- Всякий, кто в ту пору имел делом с отцом, понимал, что тот не в себе, - продолжал Голем. - Но управы на него не было. Господин, колдун; никто на наших землях не смел ему перечить. А в имперскую казну налоги он исправно платил... Кругу чародеев тем паче было мало дела до помешательства Зареченского князя, да я и не знал тогда ничего о Круге. Прошло несколько лет. Чем старше я становился, тем тягостней было сознавать, что половину своих бесчинств отец совершает из одной лишь любви ко мне. Он совсем не хотел меня истязать, нет! Он был чрезвычайно глубоко ко мне привязан: других близких, кроме меня, у него не осталось, и страх за мою жизнь преследовал его

неотступно... Ты ошибаешься, если думаешь, что я ни разу не пытался объясниться с ним; меня страшила его ярость, но я пытался, много раз пытался! Но все без толку. Он внимательно слушал меня, а потом говорил, что я мал, глуп и не понимаю настоящей опасности, а когда пойму - непременно отблагодарю его: тем заканчивался всякий разговор. Помощи мне ждать было неоткуда: я должен был умереть или помочь себе сам. На мое счастье, бабка обучила меня грамоте: я ненавидел эти уроки, как и любые другие, но она проявляла настойчивость и за лень порола меня нещадно, так что читать и писать я к семи годам выучился. Отец удивился чрезвычайно, когда я попросил его принести мне какие-нибудь книги, но причин отказать не нашел. В первые годы жизни никаких талантов я не проявлял, в обучении искусству концентрации и простейшим чарам успехов не показывал, потому бабка считала меня бездарем и винила в том "слабую" материнскую кровь. Отец - еще задолго до постигших нашу семью несчастий - сначала чаял доказать обратное и в редкие свои приезды пытался сам заниматься со мной. Но лишь убедился в моей бесталанности и махнул на мое обучение рукой. В его глазах книги для меня были вроде игрушки, потому он без разбору снес в мою камеру два десятка томов из дедовской библиотеки, которыми сам не пользовался и которых ему было не жаль. Я едва мог поверить в свою удачу: среди книг, кроме развлекательных сочинений и почти бесполезных для меня алхимических трактатов, оказались дедовы гриммуары по искусственной жизни и управлению материей. Дед - я уже говорил тебе - был императорским шпионом: вскрыть сложный затвор, пробраться через стены в чей-нибудь кабинет, отправить с гомункулом срочное донесение - для его службы это были наиважнейшие умения. Отец же с малых лет стремился быть на виду, хотел блистать при дворе, снискать славу, потому стал неплохим боевым чародеем и умел развлечь публику красивой иллюзией - а "тихих" наук не признавал. Если б он мог предположить, что я сумею разобраться в дедовых книгах и записях, в которых ни бельмеса не понимал он сам, то никогда не дал бы мне их - хотя бы из опасения, что я наврежу себе. Но такое не могло прийти в голову даже отцу, которому в каждой тени чудилась угроза... Я тоже сомневался в успехе: бабка, браня меня за бездарность, была весьма убедительна, - но выбор у меня был невелик. Я вспоминал бабкины уроки и читал, силясь ухватить ускользающий смысл; читал и вспоминал, вспоминал и пробовал. Не могу судить, только ли прилежания добавила мне болезнь, или же она как-то повлияла на мои способности; но, хотя поначалу дело шло туго, вскоре у меня начало что-то

получаться... Чары управления материей сложны и запутанны: никто в здравом уме и твердой памяти не стал бы учить этому ребенка, и никакой ребенок не стал бы ломать голову, пытаясь в них разобраться. Но у меня, если я хотел - а я хотел! - жить и получить свободу, не было иного пути. В дедовых книгах описывалось много других занимательных и полезных вещей, но все они требовали чего-то, для меня недоступного: оборудования или ингредиентов, точного следования лунному календарю, здорового, крепкого тела. Тогда как для многих манипуляций с камнем и деревом достаточно было лишь подойти с правильной стороны и правильно приложить силы: я слышал это от бабки, когда расспрашивал про деда... Поэтому я учился со всем возможным старанием. Мне потребовалось время, но своего я добился. Мне казалось, на то ушла целая вечность; но в действительности, как я потом понял, я учился невероятно быстро, освоив за неполные пять лет то, на что некоторым другим не хватало всей жизни. За морем, на Дарбате, меня называли Хозяином Камня, и - Небеса мне в свидетели - называли по праву; я это заслужил.

Деян который раз изумился - как в чародее, кроме прочего, умещается еще и самодовольство; но, конечно, промолчал.

- Гомункулусами я грезил едва ли не с того часа, как оказался заперт в одиночестве. Бабка рассказывала мне о всяких тварях, которых мог создавать дед: среди них были и подобные человеку. - Голем мельком взглянул на Джибанда. - Когда я был здоров, то умел сам себя развлечь и любил оставаться в одиночестве, но в камере оно сделалось невыносимым. Настоящие узники в настоящих тюрьмах бранятся со стражей и говорят друг с другом; даже бедняги, брошенные в одиночный каменный мешок, - и те обучают крыс, делят с ними скудную еду, лишь бы только не проводить все время наедине с собой. Я был лишен и этого: отец в страхе перед убийцами и болезнями законопатил все щели. Без его дозволения не проползла бы даже ящерица, а дозволения он не давал. Мне неоткуда было ждать чуда, но я мог сотворить чудо сам... Для призыва и воплощения духа требовалось все же не только желание и умение - но алракцит, валадан и все остальное, в отличие от простейшего перегонного куба, у меня была надежда раздобыть. Когда я посчитал, что готов, то первым делом разрушил в камере часть стены и чуть повредил потолок. Огромной радостью после стольких лет взаперти было для меня видеть хотя бы темную соседнюю клетушку... Отцу я сказал, что стена обвалилась сама, однако он, разумеется, заподозрил, что тут не обошлось без происков недоброжелателей и, на всякий случай, казнил обоих бедолаг, стоявших в тот день на страже.

Мне было жаль их, но я знал, что никто из них и пальцем не пошевелил бы ради облегчения моей участи, страшась наказания. Между ними и собой я выбрал себя; и меня отец, конечно, ни в чем не заподозрил. - Голем неприятно усмехнулся. - Враги или время - но стены надо было чинить и крепить, пока не случился обвал: это он понимал даже своим больным разумом. Меня он перевел в дальнюю камеру, утроил охрану, а в поврежденную часть подземелья допустил работников. Они натащили вниз камня, песка, деревянных балок, глины для промазки щелей - и, конечно, молотки и зубила... Работы велись только днем - ночевали каменщики где-то в помещениях для слуг. Ночь стала моим временем. Стражников едва не хватил удар, когда я вскрыл замок и выкатился из камеры в своей неповоротливой коляске; по счастью, ни у кого из них не хватило смелости немедля огреть меня алебардой по темечку. Я разъяснил вставший перед ними малоприятный выбор: либо они остаются верны отцу, а тот поутру отдает приказ казнить их за сломанный "врагами" замок и ложь о моем "побеге", либо отныне они подчиняются мне, а уж я постараюсь сохранить им жизнь и буду маскировать следы своих занятий... Признаться, пока я говорил все это, нутро у меня сжималось от страха: отец, тщательно изучив замок, мог обнаружить остаточные следы чар и поверить доносчику - и мог не позволить мне продолжать; наверняка бы не позволил. Но - обошлось: картина казни неудачливых предшественников все еще стояла у моих охранников перед глазами, потому они посчитали, что я - наименьшее зло, и принесли мне клятву.

- Вообще-то ты мог бы и раньше так сделать, - не выдержал Деян. - Пригрозил бы стражникам оговорить их перед отцом, если не будут тебя слушаться - и дело с концом: одни не поверили бы - другие потом стали бы сговорчивей. Была бы тебе и вода, и еды вдоволь, и прочее.

- Верно: мог, - осклабился Голем. - Я много об этом думал. Потом. Когда поумнел, выучился врать направо и налево и стал тем, кем стал. Но бабка, мир ее праху, хотела вырастить меня добрым малым, который берег бы честное имя Ригичей. Образцовым придворным, под взглядом которого блекло бы золото, удрученное своим недостаточным благородством! Представь себе: у меня тогда и мысли не возникало, что можно вот так взять и за здорово живешь оболгать кого-то, чтобы его потом вздернули на дыбе или разорвали лошадьми. Не так я был воспитан, чтобы думать о подобном; дурак был - не то, что свободные люди, сызмальства приученные выживать своим умом.

- Ну-у... - неопределенно протянул Деян, не уверенный, кому чародей адресует насмешку - ему или самому себе.

- Но даже такому дураку, как я, хватило ума понять, что с дуростью надо заканчивать, если я не хочу сгнить в подземелье, - продолжил Голем. - Открывать и закрывать замок каждый вечер для меня не составляло труда: отец ничего не подозревал. Алракцитовых вкраплений хватало в тех камнях, что принесли для работ, но еще нужно было достать валадан и кости. Мои подневольные помощники пришли в ужас, когда я объявил им, что предстоит вскрывать саркофаги в усыпальнице. Думаю, они заподозрили, что я помешался, как отец, - но, как они не смели ослушаться отца, так не ослушались и меня. На этот раз дед, на которого я весьма рассчитывал, подвел меня - среди его костей не оказалось ничего подходящего. Зато у дедовой матери, моей прабабки, нашлись валадановые бусы. Я позаимствовал еще браслет у ее сестрицы и пару перстней у прославленного предка-дипломата - и на том нужное количество камня было собрано. В большой камере поодаль от моей я велел устроить мастерскую: стражники растерли до порошка алракцит и кости, затем валадан. На это потребовалось время, поскольку валадан чрезвычайно тверд, а стражники были неумелы, но страх за свою жизнь дает людям силы творить невероятное, так что скоро смесь порошков оказалась у меня. Офицер, с которым у меня завязалось что-то похожее на приятельство, принес мне колбу лунной крови своей жены; семя я использовал свое. Оставалось подготовить все для создания тела, но, по правде сказать, я толком не представлял, что необходимо сделать, чтобы искусственная плоть хорошо служила: записи деда на этот предмет были туманны и коротки, потому как он создавал обычно только простых, недолговечных существ. Мои помощники сделали густой раствор в наспех сколоченной деревянной ванне, и я, использовав чары несбывшегося, призвал дух. Затем добавил замешанный на крови и семени порошок в раствор, подождал, пока тот подсохнет, и при помощи своих способностей, молотка и зубила придал ему вид человеческой фигуры... Из-за моего невежества твое тело недостаточно совершенно, Джеб. - Великан широко распахнул глаза, когда Голем вдруг обратился к нему. - Важную роль в ритуалеиграют представления ваятеля о желаемом результате. Я в основном беспокоился о движении; об этом я знал многое. А об органах чувств почти не думал и не имел понятия, как сделать правильно... Поэтому ты не можешь ощутить ни запаха, ни вкуса, ни боли. Когда ты еще был самим собой, Джеб, последнее досаждало тебе особенно: сложно притворяться человеком, когда приходишь на торжественный прием с ножом в боку или хватаешься за раскаленную кочергу... Ты замечал неладное, только если окружающие начинали странно на тебя поглядывать -

или если тело начинало рассыпаться.

- Мне неловко, когда ты называешь меня так, мастер, - тихо произнес великан. - Ты говорил, это тоже мое имя. Но я не помню.

- Но все же это твое второе имя. Ничего не поделаешь. - Голем развел руками, будто показывая, какая пропасть теперь отделяла его от прошлого. - Под ним тебя знали в мире, и нельзя исключить, что память о том еще осталась, так что лучше тебе привыкнуть к нему.

- Я знаю, мастер. Ты уже объяснял мне.

Великан, насупившись, уставился куда-то в сторону. Непохоже было, чтобы спор об именах происходил в последний раз.

Деян подумал, что за время пути от Орыжи Джибанд выучился не только молчать, когда следует, но и говорить стал лучше, чем умел вначале, намного ясней и складней.

- И еще раз объясню, если будет нужно. Ладно. Прости, Деян, я, кажется, отвлекся, - внешне Голем выглядел спокойным, но Деян очень сомневался, что так оно и было на самом деле. - Так вот, ритуал. Ритуал прошел, насколько это было возможно в тех условиях, успешно. Нерожденная душа получила жизнь; еще один *полуживой* шагнул в мир. Проводя призыв, я нарек его Джибандом, и это имя - единственное, что теперь он помнит о себе-прошлом. На варукском наречии, на котором дед составлял заклинания, оно значило "старший брат"... Так я тогда себе это представлял, к этому я стремился. Сперва он, - Голем повел подбородком в сторону великана, избегая смотреть на него, - был примерно таким, каким ты его можешь помнить в твоем селе: всему удивлялся и туго соображал. Но, как и я, он быстро учился... Моя самонадеянность и неопытность, то, что я сам еще был сущим ребенком, сказались не только в худшую, но и в лучшую сторону: опытный, зрелый колдун вряд ли смог бы добиться того, чего добился я: знания о рисках и о том, сколь многое считается недостижимым, помешали бы ему. Наша связь с Джибандом была гибкой, но крепкой. Днем он прятался в камере-"мастерской", а я сидел у себя, но каждый миг я чувствовал его существование - и свое собственное, иначе чем прежде. Это чувство... если сравнить... более всего оно похоже на сон, в котором ты знаешь, что спишь, и можешь наблюдать за всем: то будто со стороны, то изнутри, своими глазами, а можешь и стать кем-нибудь другим, если захочешь... Похоже, но не то же самое. Такое сложно объяснить тому, кто никогда не расщеплял душу.

- Будем считать, что я тебя понял, - сказал Деян.

- "Когда одним оком смотрит ваятель на тебя, другим глядит

он в зеркало", - так писал Ирабах Безликий, один из выдающихся мастеров прошлого; лучше него мне не сказать. Странное чувство, но меня, честно признаться, эта странность мало заботила. Я был счастлив, потому как не боялся больше умереть всеми забытым, в одиночестве, и стены не наваливались на меня в темноте: я чувствовал, что не один... Потом, много лет спустя, когда я слабел настолько, что не мог постоянно поддерживать нашу с Джебом связь, рядом всегда кто-то был - лекари, жена, Венжар... С того дня я не оставался по-настоящему один. До недавнего времени.

- Я не знал. - Деян заставил себя взглянуть чародею в глаза. - Извини, я не...

- Я умирал: ты выходил меня, - перебил Голем, улыбаясь той мягкой улыбкой, которую Деян уже возненавидел сильнее всех прочих его гримас. - За что ты извиняешься? Ты и так нянчился со мной намного больше, чем я того заслуживаю, - и это при том, в какое положение я тебя поставил.

- Прежде этого ты поставил меня на ноги.

- Но не очень-то ты этому рад, надо заметить, - сказал Голем. - Ты мог с полным на то правом убить меня, много раз мог - и хотел убить, но не убил... Собирался уйти, но вернулся и спас меня. Зачем, Деян? Почему? Не из благодарности ведь. И не потому, что родитель тебя каждого встречного-поперечного спасать приучил. Все-таки скажи честно: почему? Пожалел?

- По правде, я сам толком не знаю. - Деян поднял взгляд на волоконное оконце. Почему-то казалось, что должно уже рассвести, но небо оставалось черно, как прежде. - Не знаю, Рибен. Я сам запутался. Давно запутался, что делаю, почему, зачем... С тобой пошел - а ты ведь не на веревке меня тащил: с тебя бы, может, сталось - но я сам пошел. Тебя боялся - да, но не только... Незачем мне, по уму если, оставаться было: калека-приживала, без семьи - какой с меня кому дома толк? Ну, допустим, малая, но была бы и с меня польза: все равно кому-то надо пол мести, за детьми, за стариками приглядывать... Но мне много ли с жизни такой? Скучно и тошно так жить, и ни к чему это... Эльма, когда прогоняла меня, о том же сказать пыталась - а я, дурак, обиделся. Зря. - Деян вздохнул. - И ты ей зря голову заморочил. Но и без того все так же было бы. Эльма по уму поступила, а я... Уж за дурость мою никто, кроме меня, не в ответе. И так тошно мне, дураку, с самим собой стало, когда ты... когда я уйти собрался, тебя в лесу бросив. Тоже отвык, видно, один быть: раньше был привычный, но в последний год все время то девчонки рядом вертелись, то еще что... И совесть загрызла: кем бы ты ни был, а с виду живой человек все ж, и нам помогал...

Не думал, что сумею помочь, но раз вышло - я рад. Смерти я тебе и прежде, наверное, не желал - ну, так, чтоб всерьез... Не по-людски это - смерти желать кому-то. Иные, может, и заслуживают, а то и десяти смертей заслужили - а все равно.

- Все равно, говоришь, не по-людски... В вашей Орыжи что, совсем не случается убийств? - спросил Голем после долгого молчания.

- Нет. - Деян не мог отделаться от ощущения, что чародей хотел сказать нечто совсем другое, но в последний момент передумал. - Не случается.

- В самом деле? - удивился чародей. - Никто ни с пьяных глаз дружка не зашибет, неверному супругу крысиной отравы ни подсыплет?

- Старики рассказывали, случалось и похлеще. Но на моей памяти до тебя не было такого, чтоб человек человека насмерть, да еще с умыслом. Достаточно людей зверье и хвори забирают, чтоб нам еще друг друга губить. Где-то, слыхал, это дело обычное, чтоб насмерть между собой драться. - Деян вспомнил рассказы преподобного Тероша. - Но не у нас. Хотя на кулаках много кто охоч, в праздник, по уговору или с обиды. Нечаяно ухо отшибить или нос своротить - дело обычное, но чтоб насмерть - упаси Господь.

- Чудной край, чудные люди. - Голем покачал головой, выражая не то одобрение, не то недоумение. - Ну, хоть что-то хорошее есть в этой вашей чудаковатости... Вина моя перед вами больше, чем кажется: ты сам же, еще там, в доме подруги твоей, это подмечал.

Что он такое "подмечал", Деян не помнил и вспоминать не слишком-то хотел. Лучше всего казалось теперь завалиться спать или хотя бы лечь, закрыв глаза, - до часа, когда солнце очертит тени, и настоящее с прошедшим вновь будут ясно отстоять друг от друга. История чародея завораживала, но слишком тревожила душу в ночном полумраке; слишком многое уже было сказано и услышано.

Джибанд молчал, недвижный, как скала, но, несомненно, внимательно слушал и размышлял о чем-то своей обезображенной головой. Голем хмуро смотрел на угли. Вид у него был неважный.

- Ляг, отдохни. Ночь глубокая ведь. - Деян картинно зевнул. - Потом все дорасскажешь. Снег нас тут запер невесть насколько; окосеем еще от разговоров.

- Не важно. - Голем дернулся, будто очнулся. - Я не лучший рассказчик, но выслушай меня до конца, прошу.

В голосе его звучала искренняя мольба, и Деян поспешил

возразить:

- Рассказчик ты хороший, даже слишком. Хочешь - продолжай. Я слушаю.

- Знаешь, в иные часы мне тоже хочется все забыть, вот как он. - Голем кивнул на Джибанда. - Но в остальное время я страшусь этого до судорог... Ничего, кроме памяти, не осталось, но и память уже будто не моя; будто я не имею на нее права. И сама она тает, блекнет...

- IV -

- Ты думаешь, наверное, что после ритуала я поспешил воспользоваться сотворенным телом и выбраться на свободу. У меня возникало такое желание, не скрою; но я подавил его. По многим причинам. - Голем поскреб бороду. - В мыслях, еще задолго до начала работы, я мечтал не о костылях-самоходах: о друге, о брате... Смейся, если хочешь! Но за годы, что подыскивал и составлял заклятья, я привык относиться к творимому мной существу именно так. Я мысленно разговаривал с ним, когда заходил в тупик, хвастался успехами, жаловался на неудачи. Когда он, наконец, во плоти предстал передо мной - взять все его *возможное* себе сделалось для меня немыслимо... Я решил забирать контроль над его телом как можно реже. К тому же я здорово трусил. Мир за пределами подземелья, который я успел подзабыть, внушал мне немалые опасения; но еще больше я боялся отца, того, что он сделает, если узнает обо всем. Так что на первых порах я по-прежнему все время проводил в подземелье. Но многое с появлением Джеба переменилось. Теперь такое существование не тяготило меня; можно сказать, я был тогда почти счастлив... Днем я отсыпался и ел, а ночами выбирался из камеры, и начиналась жизнь. Я учил его, - Голем бросил короткий взгляд в сторону великана, - всему тому, что знал сам. Научил и читать: он очень полюбил это занятие, позволявшее коротать дневные часы. Я выпросил у отца еще книг... Днем Джибанд читал, а ночами мы разговаривали или упражнялись в колдовстве в поминальном зале. К моей огромной радости, Джеб быстро учился и меньше чем за пять лет сделался почти неотличим от человека. В чем-то стал мне ровней, а в чем-то даже и превзошел

меня: вместе же мы достигли больших успехов. Невероятных, невозможных успехов. Мои предшественники использовали *полуживых* как оружие, как инструмент для самой опасной и грязной работы: никто не позволял им жить подолгу и тем более не занимался всерьез тренировкой их разума и развитием способностей - потому многое считалось для них попросту невозможным... По счастью, я этого не знал тогда. Подробности наших занятий я опущу - вряд ли они тебе сейчас интересны.

- Пожалуй, - кивнул Деян.

- С некоторыми из стражников я со временем тоже сошелся накоротке. Не без их помощи мы впервые попробовали выйти наружу: они отыскали заложенный осадный тоннель, ведший за стены, а я расчистил проход. Выходил, конечно, Джибанд, а я подглядывал за всем через его глаза. В замок соваться мне казалось опасным - там каждый миг был риск столкнуться с отцом, - так что мы всего лишь побродили немного по окрестностям. До сих пор помню ту, самую первую прогулку в летнюю полночь... Джибанду все внове было, и мне, можно сказать, тоже. Но постепенно я осмелел. Версты наматывать вокруг стен мне стало мало; хотелось большего. Тогда уже стояла осень - когда я, решившись, отправился к тому единственному месту поодаль от замка, которое неплохо помнил. К той деревеньке, которая дала мне приют во время моего неудачного побега... Там я надеялся отыскать и мальчишек, с которыми сдружился за свой короткий побег. Но, своему удивлению, я не нашел ее: пустошь простиралась там, где, как я помнил, она была; дороги теперь обходили ее стороной. Я стал расспрашивать прохожих, и какой-то старик нехотя разъяснил "заезжему", за которого он меня принял, что к чему. После того, как я заболел, рассвирепевший отец приказал сравнять дома с землей, а жителей - подвергнуть допросам и казнить посажением на кол. Но до того велел отделить от матерей младенцев и малолеток, говорить не способных, посадить их всех в чаны и на виду у родни развести под ними огонь. - Голем закрыл на миг глаза. - Я сперва не поверил, Деян. Я понимал, что отец сумасшедший, что он может казнить без суда или убить сгоряча, может убить и по расчету, но никогда прежде он не казался мне чудовищем, и я сам себе прежде чудовищем не казался. Была ли то беспощадная допросная пытка или попросту месть за мою болезнь? Разум безумца постичь невозможно. Я жил в суровое время, но не знаю кроме себя никого, из-за кого сварили бы живьем десяток младенцев на глазах у матерей: подобная жестокость не встречалась даже в диких краях. С таким непросто смириться, когда ты - парализованный юнец, не нанюхавшийся еще крови и

гнилых потрохов... Я сперва не поверил; но потом расспросил людей, нашел в земле кости там, куда мне указали, и разыскал кое-кого из тех, кто участвовал в зверствах. Многое отец, прекрасный колдун, проделывал сам, собственноручно, но были у него и помощники, и отнюдь не все из них стеснялись своих деяний... Хотел бы я сказать, что дальше действовал по велению рассудка и совести, но это было бы ложью: я впал в звериную ярость. В этом я весь в отца. И тогда, единожды в жизни, это сослужило мне и всем остальным хорошую службу: когда отец в следующий раз вошел в камеру, я, едва увидев его, в припадке гнева позабыл весь свой страх перед ним, державший меня столько лет, и обрушил на него потолочную балку. Это не убило его, но надолго оглушило. Ирония... Отец носил при себе множество хитроумных защитных амулетов: против такого злодейского колдовства, против сякого - но против удара бревном по голове все они оказались бесполезны. К тому же от меня он не ждал подвоха: я был, можно сказать, единственным человеком, которому он доверял. А зря! - Голем горько улыбнулся. - Вдвоем с Джибандом мы связали его, оглушенного, напоили сонной травой и заперли в мою прежнюю камеру, а после кузнец под моим руководством заковал его в золотые браслеты, чтобы сдержать колдовскую силу. Так кончилось его несчастливое правление Старожьем, продлившееся без малого двадцать лет: совсем недолго по меркам нашего рода. Но дел отец натворил столько, что это пятно с нашей чести я не надеялся смыть... Изучая чары в подземелье, я многого, очень многого не знал: сваренные младенцы оказались еще не худшим его поступком.

Деян собрался было спросить, что же оказалось худшим, но после недолгого раздумья решил, что лучше не надо.

- Мои охранники были, конечно, напуганы всем случившимся; они не знали, каких перемен ожидать и чего ожидать от тех перемен... Да я и сам не знал. - Голем помолчал. - Мной тогда руководило одно лишь желание - ни в чем не уподобляться отцу, однако начал я, как и он, с казней: перевешал всех, кто особо отличился в доносах или расправах над другими... Об управлении землей я имел представление чрезвычайно слабое, основанное только на давних бабкиных уроках да на тех немногих развлекательных сочинениях, которые в перерывах между колдовскими занятиями зачитал от корки до корки. Из них я сделал вывод - надо заметить, не лишенный смысла - что судьба и подданные обычно неблагосклонны к неопытным и слабым здоровьем юношам, вдруг обретшим власть: слетевшиеся на огонек "заботливые" родственники или "верные" слуги чаще всего убивают таких бедолаг еще до того, как те успеют обжиться в

княжеских покоях. Поэтому до поры до времени я решил по-прежнему оставаться внизу и показывался только при необходимости. А наверх, к растерянным людям вышел он. - Голем указал на великана. - Не только как мои глаза, уши и руки. С того дня *полуживой* Джибанд исчез: его сменил дедов бастард, младший брат отца Джеб Ригич. О том, кто он на самом деле, знала лишь дюжина стражников, но и те, в сущности, мало что понимали. Для большинства в замке наша легенда была правдоподобней истинной правды: они не помнили деда, и *полуживые* были для них диковинной сказкой, не более. Хотя Джеб хорошо притворялся человеком, он не мог, к примеру, принимать прилюдно пищу - потому как вовсе не мог ее принимать, - но после отца такими странностями слуг было не удивить. Огромный же рост и неуязвимость лишь добавили ему в их глазах уважения. Кроме меня правду осознавал только отец, но, угрожая смертью, я вынудил его при свидетелях отречься от правления в мою пользу и признать Джеба братом, моим регентом и, в случае моей гибели, преемником. От потрясения отец совсем повредился умом, но смерти он боялся сильнее прежнего - и потому сделал все, как я велел, и подписал все нужные бумаги. Он прожил в заточении еще полвека и умер, состарившись, своею смертью: чародеи, лишенные возможности использовать силу, живут не дольше остальных людей. Чем держать скованным взаперти, справедливей и милосердней было бы убить его сразу - но я не решился... Не смог. После всего он все еще оставался мне отцом. Слишком многое связывало нас. Я чувствовал вину перед ним, перед другими... Прежде я сказал тебе, что он повредился умом сразу после смерти матери, до того, как вернулся в замок. Но даже если так - тогда его помешательство еще не было столь глубоким и опасным; он еще мог оправиться. Если бы не случай... Если бы не я. Я всего-то сделал глупость, сбежав из дому в трудную пору; тысячи трусливых мальчишек поступают так же, и все сходит им с рук; но мой злосчастный проступок исковеркал и оборвал множество жизней. Едва ли не каждая моя оплошность оборачивается бедой. Быть может, это судьба, рок... Твой друг-священник, назвавший меня "пропащим" проходимцем, верно, почувствовал это во мне. Вынужден признать - он был прав, твой преподобный Терош.

- Припоминаю, мы были с ним одни. Подслушивать нехорошо, ваша княжеская милость, - сказал Деян, подумав про себя, что Терош Хадем имел в виду совсем другое, чем посчитал чародей.

- Уж прости: привычка. - Голем развел руками. - Я заподозрил, что ему что-то может быть известно; откуда ж мне

было знать, что и тебе он ничего не скажет, кроме личного... Дедовские шпионские штучки я изучил во всех подробностях, и не зря: после смещения отца они сослужили мне хорошую службу. Без помощи этих фокусов нас с Джебом рано или поздно все же сбросили бы в колодец. Я подслушивал все разговоры в замке, обнаруживая наши ошибки, корысть доверенных слуг или находя нежданных бескорыстных помощников. Но важнее было другое. Видишь ли... Главная беда любых советников не в подлости, а в глупости. И в невежестве. Честный дурак, который всей душой желает, чтоб все сделалось в лучшем виде, порой такого наговорит - хуже любого жулика. Нажалуются на него: болван, мол, неграмотный. Но жалобщики - того же поля ягоды: и дураков среди них, и подлецов предостаточно. Поэтому сколько доклады и жалобы ни читай - не поймешь ничего. Совсем иное дело, если послушать, как жалобщики промеж собой ругаются, о чем стряпчий с женой за ужином говорят... Мы с Джебом знали об управлении замком, землей и людьми меньше, чем кухаркины сыновья, но должны были в короткие сроки разобраться сами, не выказывая беспомощности. И мы разобрались. Подслушивать нехорошо - твоя правда, Деян, - но полезно. У многих правителей эта привычка в крови.

- Так дурость тоже у многих в крови - и что? - хмыкнул Деян. - Ну да я сам на слух и любопытство не жалуюсь, грешен, так что не мне тебя судить.

- Небеса благоволят молчаливым и внимательным. - Голем усмехнулся. - Даже со всеми ухищрениями наладить управление и укрепить власть после отцовских бесчинств было непросто. Одной слежкой дела не делались: виселица редко пустовала, а кое-кого мне даже пришлось устранить самому, скрытно, чтобы избежать смуты. Но за три года мы добились своего. Джеб стал для людей хорошим правителем; лучшим, чем в будущем я сам, потому как он всегда был добрее меня. - Голем вдруг повернулся к великану. - Многое произошло за следующий век, многое изменилось. Кроме нашей общей, у тебя была собственная жизнь, Джеб, которая нравилась тебе, - точнее сказать, мне нравилось думать, что она тебе нравится... По правде, мне мало что известно об этом: чаще всего я был далеко. Но многие мои и твои друзья знали, кто ты на самом деле, и все же ты был в их глазах человеком, потому как ты и был - человек. Бессмысленно и пытаться перечесть все, чем я тебе обязан. Я страшно виноват перед тобой за случившееся; виноват и в том, что мне невыносимо теперь говорить с тобой, видеть, что с тобой сталось... Ты, тешу себя надеждой, не так уж и несчастлив сейчас, но я - не знаю, смогу ли я свыкнуться со всем этим, чтобы помочь

тебе пройти весь путь заново. Я быстро ко всему привыкаю, однако это... это... боюсь, все это слишком для меня одного. Но я постараюсь сделать для тебя все, что нужно; все, что смогу. Обещаю. Только не торопи... Не дави на меня, ладно?

- Спасибо, мастер, - громко сказал Джибанд, повернувшись, и от его неловкого движения затрещало что-то в стене. - Я тоже стараюсь тебя понять, мастер.

Чародей достал тряпицу, заменявшую ему платок, и промокнул лоб.

- Спасибо и тебе... Ты всегда был великодушен. Твой дух и силен, и крепок - под стать этому телу, и насколько смутны твои телесные чувства - настолько же смутно для тебя зло... Особенно когда это зло - я. Ты не должен выполнять мои приказы, Джеб, не должен следовать за мной, когда не хочешь. Ты сам по себе, ты свободен. И ты не должен больше звать меня мастером.

Деян бросил взгляд на оконцеа: наконец-то забрезжил рассвет. Огонь потух, и камни очага начали уже остывать; в хижине стало прохладно.

- Я не знаю, что есть зло. Но ты - мой мастер, - сказал Джибанд.

- Был когда-то; но это не важно. Теперь...

- Простите, что прерываю, господа: утро на дворе, - поспешил вмешаться Деян, пока чародей не ввязался в очередной тяжелый и бесполезный спор. - Я послушал бы еще, но пора заканчивать, Рибен. Ты пока не выглядишь достаточно здоровым, чтобы бередить себе душу сутками напролет.

- Мне...

- Тебе, тебе. - Деян не дал ему договорить. - Не ты ли недавно говорил, что твои самыи малые ошибки неизменно приводят к большим бедам? Зачем тогда торопишься совершить еще одну? Господь свидетель, я охотно выслушал бы тебя до конца, но лучше уж я дослушаю потом, чем если ты опять свалишься... Приводить тебя в чувство - та еще работенка, знаешь ли. Второй раз может и не получиться.

- Но ведь... Да, я понимаю. Ты прав. Наверное. - Чародей вздохнул. Голос его разом как-то выцвел. - Ты прав: хватит на сегодня. Еще будет время.

- Будет, конечно.

Деян, встав сам, подал чародею руку и, только когда тот на миг замешкался, понял, что сделал это, не задумываясь; впервые он предложил помощь, не дожидаясь просьбы, не перебарывая нежелание и внутреннее отвращение.

На лбу чародея блестела испарина, но ладонь оказалась сухой и холодной. Деян чувствовал потребность что-то сказать,

однако не мог найти подходящих слов.

- Долгий день был, - подвел черту Джибанд. - Отдохни, мастер. Ты устал. Я вижу.

Чародей не спорил с очевидным, но и не слушал добрых советов. Внутреннее напряжение крепко держало его, вынуждая говорить и двигаться.

- Кстати, Деян. Когда Джеб принес мешок с тушкой, я глазам не поверил. - Едва коснувшись головой лавки, Голем снова сел, указывая на серые перья на полу - все, что осталось от птицы. - Как ты умудрился поймать санху?

- Она замерзла в снегопад, и мне оставалось только стряхнуть ее с ветки, - сказал Деян. - Впервые вижу такую. Даже сомневался, годна ли одна в пищу.

- Странно: прежде их было много, и жили они тут повсюду... И доставляли немало неприятностей. Хотя сами они при правильной готовке вкусны и дорого ценятся, но - присмотрись к их клюву.

- В следующий раз - обязательно, - равнодушно сказал Деян, которого неизвестные птицы интересовали мало: съедобны - и ладно.

- В мое время санху в шутку называли "удачей птицелова". Поймать ее - к прибыли, но в девяти случаях из десяти она рвет сети, и только ее и видели. Упорхнула вместе со всем уловом: вот тебе и "удача"! А тут, значит, замерзла и сама упала в руки... Забавно. - Чародей вновь лег, заложив руки за голову. - Забавно: к чему бы это...

Вскоре он уже спал.

"Что сегодня кажется удачей, то завтра - беда. Или наоборот. Или ни так, ни эдак: не в везении же вся суть... Есть следствие у всякого поступка, но и причина важна. Хотя - кому? Кто мертв, тому все равно", - думал Деян часом позже, объясняя азы ловчего искусства Джибанду и ставя ловушки прямо за хижиной. В голове творился полный беспорядок.

- Ты правда ничего не помнишь, Джибанд? - спросил Деян перед тем, как вернуться в хижину. - О прошлом.

- Правда. - Великан опустил взгляд на свои руки. - Тело помнит, как ходить, как бить, как рубить. Но как учился - не помню. Даже мастера не помню. Знаю только, что он - это он. Я старался вспомнить, но не могу... Это нельзя, наверное.

- Я почему-то всегда думал, что память - она в теле, - сказал Деян после неловкого молчания. - А душа, дух - как искра, чтоб фитиль в лампе поджечь. Ошибался, выходит.

Про себя он подумал, что странно и даже невозможно духу

жить и оставаться в мире, пребывая при том в разрыве с телом, пусть даже и частичном, - потому что-то тут, быть может, напутано: чародей или сам не все знает, или зачем-то темнит с разъяснениями.

Но, как оказалось, ничего такого не было: возможность воочию наблюдать бестелесных духов представилась Деяну совсем скоро - спустя десять дней, когда Голем заявил, что пришло время избавиться от повертухи.

- V -

Еще накануне намерения разбираться с мертвой ведьмой у чародея не было, но к вечеру поднялся ветер и спал мороз, а в ночь грянула оттепель; к полудню следующего дня под ярким солнцем половина снега стаяла, напитав водой ручей, землю, старые бревна хижины и все подряд. "Это очень кстати, - сказал Голем. - Пора покончить с тварью".

- Ты уверен, что нужно так торопиться? - осторожно поинтересовался Деян, больше беспокоившийся о том, не подтопит ли хижину, чем о повертухе. Джибанд, которому та не могла навредить, выучился охотиться и исправно приносил дичь, потому голод не грозил, а чародей достаточно здоровым еще не выглядел. - Лучше бы еще подождать. По-моему.

- Я уверен, что смогу сделать все, что нужно, и не уверен, что у меня будет лучшая возможность. - Голем прошелся по хижине. - Вернутся ли ко мне силы или время возьмет свое и я рассыплюсь прахом - одним Небесам известно; а вода в нашем деле - хорошее подспорье. Мне до смерти надоело, что эта тварь таращится на нас и держит взаперти! Пора ей не покой. Не бойся. Повертуха, мертвая к тому же - не того полета птица, чтоб ее бояться.

- Да я не боюсь, - сказал Деян, малость покривив душой. - Но что мне делать, если...

- Никаких "если": все будет в порядке, - перебил Голем. - Она и вполовину не столь опасна, как тебе кажется, поверь на слово.

- Мастера сложно переубедить, когда он что-то решил, - заметил Джибанд.

- Да уж, - буркнул Деян. Чародею явно не терпелось

попробовать свои силы; оставалось надеяться, он знает, что делает.

Вышло и впрямь не страшно; скорее, красиво. И быстро.

Голем, разрисовывавая кровью факел и хозяйские костяные бусы, начал было разъяснять смысл тех символов, что изображал, однако Деян отказался слушать:

- Не пытайся учить меня своим колдовским штучкам: сколько раз повторять - не знаю и знать не желаю! - Он вышел из хижины, хлопнув дверью, и стал ждать снаружи.

В журчании ручейков талой воды можно было разобрать бормотание потревоженной приготовлениями повертухи, то манящее, то угрожающее, то подобное родным голосам. Не прислушиваться к нему было не так уж и просто.

Не то чтоб Деяну в самом деле не хотелось знать, что и зачем собирается делать чародей, - но суеверный страх не позволял дать волю любопытству. Казалось почему-то, что если он начнет вникать в чародейское мастерство - или, тем паче, выучится у Голема чему-нибудь эдакому, - тогда "большой мир" непременно затянет его, возьмет в оборот, не даст вернуться домой. Жизнь в Орыжи и чародейство были, казалось, несовместимы настолько, насколько может быть несовместимо одно с другим. Потому он старался ничего о чарах не спрашивать и не слушать. Получалось не всегда, поскольку чародей это его нежелание понимать и брать в расчет отказывался - но чаще получалось, чем нет.

Вскоре Голем вышел с разожженным факелом в одной руке и расписанными бусами - в другой. Джибанд следовал за ним с выражением беспечного любопытства на изуродованном лице. Он по-прежнему не допускал мысли, что с "мастером" может случиться что-то плохое - или умело притворялся.

- Мне уйти или остаться? - спросил Деян.

- Как хочешь. - Голем лукаво улыбнулся и, не дав времени на раздумья, поднес бусы к пламени.

От костей тотчас повалил исииня-черный едкий дым. Голем быстро произнес заклятье и швырнул их в ручеек талой воды, бегущий промеж не стаявших до конца сугробов. Нить лопнула в воздухе, кости с хлюпаньем, точно горох, упали в воду, а в брызгах вспыхнула вдруг яркая радуга. Дым, густой и черный, клубился вокруг.

- Иди! Сюда! - негромко, но властно приказал Голем. - Слуги твои ждут тебя. Иди!

Движение началось со всех сторон. В клубах дыма и пара вырисовывались полупрозрачные силуэты животных. Призрачный медведь стоял, глядя в землю, где змея вилась у его лап;

радужные волчьи глаза следили за темной фигурой, мечущейся в отдалении между деревьев. В той смутно угадывалась женщина средних лет; она приближалась странными широкими полукругами, оттягивая конец, не замечая того, как лес позади нее наполняется радужными бликами.

Волки набросились на нее все разом.

Нечеловеческий крик разрезал воздух и сразу же оборвался....

Удивительные твари замерли на миг, оборотив взоры к хижине. Один вышел на полкорпуса вперед: Голем швырнул ему факел. Волк, подскочив, ухватил его по-собачьи за древко, развернулся - и вся стая помчались прочь, рассеиваясь клочьями дыма и мелкими брызгами.

- Легче всего убить духа другим духам.

Деян не сразу понял, что Голем обращается к нему. Больше на поляне, кроме них двоих и Джибанда, никого и не осталось. Все исчезло, только кости лежали в воде, и еще пахло дымом.

- Многие из них жаждали мести, - продолжил чародей. - Не всякий зверь добровольно пойдет в услужение повертухе: не в волчьей природе служить.

- Так это были духи... всамделишные духи? - выдохнул Деян. - И это все... все закончилось уже?

Голем, усмехнувшись, стал собирать бусины-кости в черную тряпицу.

- В союзе воды и огня любой дух способен обрести на краткое время плоть. Повертуха - иное дело, тут ее чары важны ... А нам оттепель пришлась очень кстати. Иначе пришлось бы повозиться. Хотя конец был бы тем же самым.

- Мастер сильный, - с гордостью сказал Джибанд. - Зря ты сомневался, Деян.

- Но эта женщина, повертуха... - Деян растерянно огляделся по сторонам, все еще ошеломленный увиденным и не в силах сразу принять, что то, чего он с тревогой ожидал, завершилось вот так вдруг, за несколько мгновений. - Почему так легко? Она что же, не могла сопротивляться? Или убежать.

- Сопротивляться она пыталась, но не вышло. С той поры, как я занялся ее игрушками, - чародей тряхнул узелком с костями, - ей было никуда не деться. А прежде она могла бы скрыться. Но страх и гнев - плохие советчики. Куда ей было податься? Деревни нет больше, а других мест в мире она, небось, и не знала.

- Страх и гнев... - задумчиво повторил Деян за чародеем, глядя туда, где исчез дух повертухи. Она, несомненно, желала отомстить за убитого медведя - "сынка или супружника", мрак Небесный, ну и мерзость! - а мир вдали от ее родного леса был для нее чужим. Люди от века боялись духов и призраков, но и те,

оказывается, страшились людей... Тут было над чем поразмыслить.

- Всего три причины у тридцати трех неприятностей: страх, гнев да любовь, - сказал Голем. - Если б не тот больной косолапый - может, она бы и вовсе нас трогать не стала: к чему мы ей? Затихарилась бы... А пожелала подкормить любимца - и все. Закончилась история.

За показной веселостью чародея слышалась горечь.

- Тебе что, жаль ее? - удивился Деян.

- Ничуть. Но пример показателен. - Голем, запрокинув голову, уставился на торопливо бегущие облака.

К вечером Деян, повинуясь неясному порыву, призвал в помощники Джибанда и похоронил за хижиной человеческие и волчьи - или все-таки собачьи? - кости. Закат над лесом разливался розовым и красным. Если взглянуть беспристрастно, было чему порадоваться: погода наконец стала выправляться, и дела шли лучше, чем прежде; но почему-то все это оставляло гнетущее впечатление. Фальшивая, наступившая за фальшивой зимой, весна-обманка, багряные разводы в небе, желто-белые кости в черных ямах, мертвая - теперь уже по-настоящему, полностью - повертуха...

Джибанд больше обычного молчал, думая о чем-то своем.. Мрачная задумчивость овладела и Големом. Ночами он, как обычно, мучился бессонницей, но не пытался завязать разговор, а молча ворочался с боку на бок; иногда вставал и расхаживал взад-вперед по крохотной хижине.

"Страх, гнев, любовь - три причины у тридцати трех несчастий", - Деян, лежа без сна и слушая в темноте тяжелые шаги, поневоле вспомнил оброненные днем слова и мучительно-долгий рассказ, занявший две ночи. К нему слова эти подходили как нельзя лучше.

Глава одиннадцатая. Война и мир Нарьяжской Империи

- I -

Вторая часть истории Голема, прозвучавшая на следующий день после первой, вышла не короче, но слушать ее оказалось полегче: не так она была беспросветно мрачна и не являлась уже неожиданностью.

С полудня видно было, что Голему не терпится продолжить прерванный разговор, однако он все же дождался вечера. И лишь тогда, устроившись у очага, начал:

- Через несколько лет жизнь в Старом Роге перестала напоминать пляску с огнем на пороховом складе. Старые проблемы разрешались, возникали новые - но тоже разрешались со временем. Набралось достаточно умелых помощников, стража была верна нам. Можно было жить... Сначала я, окончательно покинув подземелья, явно и скрытно помогал Джебу и продолжал свою учебу, пока он, порядком уставший от суеты, не сложил с себя полномочия регента и не передал мне власть. Работа, свежий воздух и наши ежедневные физические упражнения пошли мне на пользу: оказалось, в управлении искусственным телом и настоящим немало общего: одно помогало другому - и наоборот. Я взялся за костыли и начал вставать с коляски; потом сменил костыли на палку и заново выучился карабкаться в седло. Знаешь, что удивительней всего? Люди... Кое-кого из челяди я выгнал, кое-кого даже убил, но - не мог же я лишить крова и работы всех? Им попросту некуда было идти. Все эти люди - они много лет служили моему отцу. У некоторых из них казнили или изувечили родных, другим повезло больше, и все же они наблюдали его безумие и зверства каждый день... Все они превосходно знали о том, что он творил, знали, конечно, и то, как он обходился со мной. Но были ко всему удивительно равнодушны. Никто из них и помыслить не мог о том, чтобы пойти против моего отца и подсыпать ему в вино яда, которого он так боялся; они бездействовали не только и не столько из страха перед расплатой: попросту не видели во вмешательстве никакой особенной необходимости. Я, хоть они и знали обо мне, для них,

можно сказать, не существовал вовсе; даже для тех из них, кому иногда доводилось помогать отцу заботиться обо мне, я был не более чем хрупкой господской вещью, протирать пыль с которой нужно с особой осторожностью. Удивительно искреннее и глубокое равнодушие! Но, когда все переменилось, многие из них с той же искренностью стремились помочь мне: сказать по чести, я немало обязан им. Без их помощи и сочувствия я не добился бы столь многого в столь короткие сроки. И это не было с их стороны желание выслужиться, лесть или что-то подобное: они действительно переживали за своего "молодого князя", как они меня теперь называли. Ничего неправильного в этой перемене в себе они также не замечали... Теперь они беспокоились о моих нуждах едва ли не вперед меня самого, но не видели дурного в том, что еще пять лет назад я мог умереть от жажды или голода в двух шагах за дверью от них, а они без приказа не шевельнули бы и пальцем, чтобы меня спасти; совесть ничуть не тревожила их. Весьма занимательно! Сперва я полагал, что причина подобной переменчивости чувств и краткости памяти - в них самих. В их недостаточно развитом уме и скудном образовании, не позволяющем судить о самих себе с необходимой ясностью. В дурном воспитании и низком происхождении, - несколько смущенно закончил фразу Голем. - Но со временем я обнаружил схожую избирательную глухоту и черствость в людях равного мне положения - и в себе самом.... Пожалуй, это досадное свойство любой человеческой натуры: мы ловко умеем не замечать то, что нам замечать неудобно, а в особенности - неудобных нам людей. Мое предшествующее соображение о слабости ума моих слуг было, очевидно, того же свойства. Несложно увидеть кого-то подобного себе в равном - но не в том, кто стоит выше или ниже тебя по происхождению или чину, кто имеет над тобой власть или подчинен тебе, кто родом с далеких земель и говорит на другом языке.

- Откуда ж тебе это знать, если ты сам таков? - спросил Деян, изрядно озадаченный этими рассуждениями, кое в чем, впрочем, сходными с его собственными соображениями.

- "Когда одним оком смотрит ваятель на тебя, другим глядит он в зеркало", - процитировал Голем.

- Но это лишь поэзия, нет?

- Не только, - серьезно ответил чародей. - Но тут еще другое... Извилистый путь тем хорош, что позволяет взглянуть себе за спину, на себя прошлого. Я бывал и хозяином, и слугой, и пленником, и тюремщиком; вел войска, как маршал, и дрался в поле, как солдат. Нелепо было бы думать, что я сам каждый раз менялся в тот миг, когда менялось мое положение.

- Хм-м, - протянул Деян, не зная, что еще на это сказать.

- Летом я впервые лично объехал верхом ближайшие к замку земли, а вернувшись - без поддержки, с одной лишь тростью, поднялся на башню. Это была большая победа, и я, не желая никого огорчать, делал вид, что вне себя от радости... Но я притворялся. Была у всех тех успехов иная сторона, которую я ощущал ежечасно. Прежде я мечтал о будущем, в котором смогу ходить и выезжать за стены: оно рисовалось мне в радужном цвете, мне виделись в нем свобода и счастье... Но вот я добился желаемого - и что же? Я все равно был заперт в Старом Роге: движения отнимали у меня без малого все силы и вызывали жестокие боли, притом оставаясь чудовищно неуклюжими, - и не было причин ожидать значительно прогресса. Последующие годы мучительных упражнений позволили бы немного улучшить навыки, но и только... Час взбираться по лестнице или четверть часа - невелика казалась разница: и то, и другое было бесконечно далеко от нормальной жизни, от мечты, от того, на что я, втайне даже от себя самого, надеялся. Я стоял на обзорной площадке, смотрел вниз, улыбался, а сам думал о том, что я - калека, и этого не изменить; что мне никогда не сравниться с другими. Что всю долгую жизнь я проведу, не покидая окрестностей замка, и лишь изредка буду вставать с кресла и вот так вот, скрежеща зубами и обливаясь потом, взбираться наверх, чтобы показать всем, что я еще жив и на что-то способен... Хотя я был далек от того, чтобы шагнуть с площадки вниз и покончить со всем разом; совру, если скажу, что такая мысль вообще не приходила мне в голову. Светило солнце, и вид в тот день, наверное, был недурен, но я не мог им насладиться. Мир для меня почернел.

- Понимаю. Когда брат еще только собирался делать ходулю, и когда он ее сделал... - Деян опустил взгляд на ноги, привычно отмечая в уме, что, вопреки возможному, их по-прежнему две. - Как ледяной водой облили. Я ни на что особенное от протеза не рассчитывал, и все же... Одним словом, тут я тебя очень хорошо понимаю. Лучше некуда. И то ли еще будет, - добавил он, не сдержавшись.

Прежде, поскольку он не надеялся надолго задержаться на свете, не было повода раздумывать о том, что однажды подарку чародея выйдет срок; теперь же эта возможность стала вдруг пугающе осязаемой.

- Большее не в моих силах, - с неподдельным сочувствием сказал Голем. - Слабое утешение, но так больно ступать на культю, как прежде, тебе не будет: осколки я вытянул.

- По мне, может, не скажешь, но я благодарен и на том. - Деян через силу улыбнулся. - По-княжески щедрый подарок... Тебе

самому он недешево встал. Со вчера терзаюсь вопросом: почему все-таки я? Из сочувствия к увечью или потому, что я лицом похож на деда, которого ты живым никогда не видел? Что-то не верится, уж прости. О чем-то ты умалчиваешь.

- Хочешь - верь, хочешь - нет, но это одна из причин. Одна из многих. О некоторых из которых, твоя правда, я предпочел бы умолчать. - Тон чародея стал резким. - Но раз ты спрашиваешь - не буду. Только, если позволишь, обо всем по порядку.

- Как хочешь. Боишься, я обижусь и уйду, не дослушав? - Деян привалился спиной к стене. Ему вдруг стало смешно. - Да будет тебе! Куда мне нынче от тебя деваться? И с чего, спрашивается? По твоему хотению я тут оказался: за это вся обида, какая возможно, и так уже при мне. Так что говори смело. Хуже не будет.

- Опасные слова, Деян. - Голем прервался ненадолго, борясь с приступом сухого кашля. - Опасные и глупые. Я частенько говорил их в ту пору: когда необходимо было заставить себя не опускать руки. И потом, когда нас трепали шторма у берегов Дарбата; когда из Бадэя к нам завезли чуму; когда один хавбагский царек кинул меня в темницу и собирался повесить - даже тогда я по-прежнему считал тот далекий день, "День-на-Башне", худшим в своей жизни. Но недавно я очнулся в старых казематах, выбрался на поверхность и увидел там то, что увидел. После чего мое мнение по поводу "худшего дня" досадным образом переменилось. Так что впредь не зарекаюсь и тебе не советую...

- Дальше что было? - Деян, встав, отодвинул нагревшийся котелок от очага, налил мятного кипятка в отмытую от пыли большую долбленую кружку и поставил перед чародеем. Отчего-то он чувствовал себя неловко. Все дурное, что случилось в последние дни, никуда не делось, но после отдыха и сытного ужина по жилам разливалось тепло, а обкуренная оставшимися от хозяев травами хижина не казалась больше жалкой конурой и пахла жилым домом. Совсем неплохо было сидеть вот так вот, у теплого очага за крепкими стенами, под защитой несведущего, но могучего Джибанда и нездорового, но сведущего чародея, и слушать неторопливый рассказ последнего о свершениях и несчастьях, оставшихся в далеком прошлом. По правде говоря, уже давно он не ощущал себя столь хорошо - и потому, быть может, ясно видел, что остальные чувствуют себя не в своей тарелке. Джибанд стеснялся себя самого и своего невежества; чародея терзало чувство утраты и вины, не говоря уже о телесных болях. Голем хотел говорить, но рассказ давался ему тяжело, и ничем нельзя было помочь - кроме как выслушать.

- Дальше я встретил Венжара. - Голем с благодарным кивком принял кружку. - Точнее сказать, наши пути пересеклись. Я упоминал прежде: мне не хватило духу казнить отца. Сковав его силы, я оставил его прозябать в заточении... В главной замковой библиотеке хранилось немало книг по медицине: в большинстве своем устаревших, как я потом узнал, и плохо понятных дилетанту вроде меня, но все же заслуживающих внимания; я внимательно изучил их. О своем недуге ничего толкового в них не вычитал - на что особо и не рассчитывал, в глубине души давно уверенный, что помочь мне возможно лишь в той невеликой мере, в какой я могу помочь себе сам, а большее для меня недоступно. Груз надежды был тогда слишком для меня тяжел и грозил сломать мне спину... Однако в одной из книг я встретил упоминание, что душевные хвори в некоторых случаях излечимы - и с той поры загорелся идеей показать отца кому-нибудь, кто сведущ в таких вопросах. Однако в наших землях таких мастеров было не найти: если кто прежде жил поблизости, то давно уехал. Даже простые странники заглядывали в окрестности Старого Рога редко: память об отцовских делах была еще свежа. В Империи немногие знали, что в Заречье сменился правитель, а соседских гонцов, наведывавшихся время от времени с любезностями, мы с Джебом и сами запугали... Не то чтоб у меня были причины подозревать соседей в дурных намерениях, но, видишь ли, за годы общения с отцом я перенял некоторые его привычки. - Голем усмехнулся. - А в книгах, что я читал и по которым судил о мире, постоянно кто-нибудь на кого-нибудь вероломно нападал и тому подобное. В общем, мы с Джебом жили, по меркам общества, затворниками. Замок наш представлялся окружающим конурой, в которую ни один дурак не станет совать руку, чтоб проверить, не издох ли наконец пес: чтоб заманить хоть кого-то к нам, нужно было расстараться. А требовался ведь не абы кто! И без лишнего шума. Я отправил в имперскую столицу, Радор, двоих поверенных, велев им на месте поискать подходящих мастеров. Пригласительных писем мои люди вручили с десяток, вознаграждение я сулил щедрое, но из всех приглашенных только один и явился к началу следующегол года. Нирим ен'Гарбдад. Дядя Венжара по отцу. А племянник - Венжар то есть - ходил в то время у него в учениках и прибыл с дядей вместе. Ноги б их у меня не было, но - нужда пригнала. Гарбдады - беженцы из Бадэя, как и моя мать. Когда мы только познакомились, Венжар, конечно, наврал мне с три короба. Но позже рассказал все, как было... Большое семейство, старое, но - выходцы из низов: дворянство старшие сыновья выслужили только незадолго до переворота, себе на беду. В Бадэе были

уважаемыми людьми, а тут - стали никем и ничем, ко двору их не приглашали, на императорскую службу не брали. Дед и отец Венжара пытались заняться торговлей, но прогорели; отец в поисках легких денег стал играть на скачках, залез в долги и в страхе перед тюрьмой покончил с собой; Венжару тогда шел тринадцатый год. Мать Венжара после самоубийства отца жила на подачки любовников, которые водились у нее в изобилии, а дядя Нирим, заправлявший в Бадэе военным госпиталем, занялся частной практикой и, как мог, поддерживал остальных, но семья едва сводила концы с концами, как и многие в ту пору, - однако Гарбдадам бедность была в новинку. Утрату только недавно заслуженных привилегий они переживали очень тяжело, положение свое полагали чрезвычайно унизительным... Оттуда, должно быть, у Венжара такая тяга к деньгам и власти. И жгучая ненависть к женщинам. Я несколько раз встречался с его матерью - весьма милой дамой, искренне привязанной к сыну; но Венжар за глаза и в глаза называл ее не иначе, как шлюхой: он так и не простил ей, до самой ее смерти, что после гибели мужа она не соблюдала траур... Всех женщин, как это бывает в таких случаях, Венжар полагал похожими на нее. Потому признавал только шлюх; настоящих шлюх, я имею в виду. Звезды сдвинулись на небе, все полетело кувырком, но я готов спорить на что угодно: он так и не женился. Ну да речь не о том. - Голем отхлебнул кипятка. - Господин Нирим прибыл, понадеявшись на мою щедрость, и занялся наблюдениями за отцом, не слишком умело пытаясь скрыть то, что происходящее в замке заинтересовало его куда больше отцовского помешательства. Он, опытный лекарь, сразу заметил, что являет собой Джеб. Позже Нирим признался, что до встречи с нами и представить не мог существования столь умственно развитого *полуживого*, потому даже заподозрил в нем неизвестное объективной науке сказочное существо вроде горного тролля. Наши с Джебом взаимоотношения поставили лекаря в тупик, да еще мой безумный отец добавлял перца, твердя о заговорах и проклятиях, - ведь, как известно, не все страхи и видения сумасшедших обязательно беспочвенны... Нирим занялся больным, а племяннику велел осторожно вызнать у меня о прошлом. Что, впрочем, было с его стороны излишне. Я не собирался многого скрывать от тех, кто, как я надеялся, приехал помочь мне и был более сведущ в медицинской науке, чем я: излишняя скрытность казалась мне бесполезной и невежливой. Потому на следующий же день за вином я без затей выложил Венжару свою историю, опустив разве что некоторые детали. Мой рассказ произвел на него большое впечатление: он стал выспрашивать подробности, пожелал поговорить также и с

Джебом и взглянуть на мои записи. Я тоже не оставался в долгу и задавал вопросы. Не прошло дюжины дней, как мы сошлись накоротке. Это, видишь ли... Как бы объяснить...

Голем, нахмурившись и подперев кулаком скулу, замолчал, напряженно подбирая слова. Деян украдкой взглянул на Джибанда и неожиданно для себя наткнулся на ответный, преисполненный острого любопытства, взгляд. Не имея собственных суждений о прошлом, великан желал знать чужие.

Это было очень по-человечески; даже чересчур.

"Он все больше походит на человека. - Деян, скрыв неловкость за улыбкой, поспешил отвернуться. - Все верно, в самой сути своей он и есть человек... Почему же так непросто чувствами признать это? Неудобно, как сказал Голем. Кукла удобней человека, да еще такого чудного. Хотя кто из нас не чудной?"

- Наша с Венжаром встреча была, можно считать, случайной, - продолжил, наконец, Голем. - Но все последующее было предопределено. Каждый из нас обладал тем, что другой с детской наивностью полагал достаточным для счастья: я был знатен, богат, наделен в своих владениях неограниченной властью, а Венжар был физически и духовно здоров, свободен, объездил многие земли... Каждый, в глазах другого, имел многое, однако притом был очевидно и достаточно несчастлив, чтобы вызывать не зависть, но сочувствие. Мы видели друг в друге пример, позволивший лучше примириться со своей участью - и в то же время возможность в будущем ее улучшить... Наша дружба с самого начала была не вполне бескорыстна. Потому, быть может, она и стала со временем столь крепка, что продлилась больше века и выдержала такие шторма, какие другим и не снились. Обычно ведь как? Люди сходятся, едва испытав симпатию, слабое чувство общности. А после, когда обнаруживается, что общность та не слишком глубока и наступает пора, узнав друг друга лучше, идти на взаимные уступки, прощать непохожесть, себялюбие, недостатки, ошибки, - тогда дружбе приходит конец. Мы же с самого начала вынуждены были учиться уважению и компромиссам, видеть друг в друге перво-наперво небескорыстного союзника, и только во вторую очередь - приятеля. К тому же в моменты разногласий мы не имели возможности представить себя невинными жертвами на алтаре чужого корыстолюбия: наш взаимный расчет был много раз оговорен... Мы были честны друг с другом и с собой. Занятное дело! Те побуждения, что именуются недостойными, часто приводят к итогу куда лучшему, чем продиктованные возвышенными чувствами. Столь высоко превозносимый поэтами

и проповедниками искренний душевный порыв недолговечен; об обыкновенной же рассудочной честности, которую может воспитать в себе каждый, редко услышишь доброе слово, тогда как именно она чаще всего другого лежит у корней крепкой дружбы и счастливого супружества.

- Занятная теория, - хмыкнул Деян, подумав про себя, что у Венжара ен'Гарбдада мнение о тех давних событиях могло сложиться совершенно иное. - И что же дальше?

- Венжар числился у дяди в учениках, но, к досаде последнего и к своему стыду, в области практической медицины он был редкостным бездарем. Нирим - пожалуй, справедливо - укорял его в недостатке сочувствия к больным, но, думаю, это не главная причина: просто что голова, что руки у него были не на то заточены. Недостаток практического мастерства Венжар со всегдашней своей дотошностью пытался сгладить знанием, и в свои годы - а был он всего на дюжину лет старше меня - изучил уйму книг, некоторые из которых неизвестны были даже Нириму: тот практиковал согласно бадэйскому лечебному искусству и последним веяньям в Императорском Медицинском Обществе, а Венжар читал, кроме прочего, сочинения дарбатских профессоров и заметки лекарей-хавбагов, давно завезенные в библиотеку Общества, но не нашедшие до поры до времени признания. Венжар заявил о сходстве моего недуга с "хромой хворью", известной на Хавбагских Островах, и предложил попытать счастья, обратившись к хавбагам напрямую - в одно из их посольств в Радоре. Нирим назвал племянника бестактным глупцом; заявил, что, как бы там ни было, спустя годы никакое излечение невозможно. Однако Венжар настаивал и предложил мне свою помощь в пути к столице. Нирим еще раз назвал его глупцом, но это уже ничего не меняло. - Голем усмехнулся и подложил в очаг полено. - Венжар убедил меня, что шанс стоит усилий. Надежда - как свежие угли: вроде потухли, почернели, а чуть подует ветер - опять пламя.

- Насчет тебя - понятно, - сказал Деян. - Но его в чем была выгода в это ввязываться?

- Как это - в чем?! - неподдельно изумился Голем. - Во мне, конечно. В нас с Джебом. О том, насколько необычна и велика моя сила, только я и не догадывался. А Венжар сразу сообразил, какое превосходное из меня может в будущем выйти оружие - и как меня можно будет использовать. И объяснил мне.

- И тебя это не уязвило? - настал черед удивляться Деяну. - Ничуть? Что тебя намереваются использовать, как какую-то дубинку.

- А должно было? - Голем снисходительно улыбнулся. - Нет,

Деян, не уязвило. Ничуть. Возможно, я наболтал лишнего, и по моей вине у тебя сложилось превратное мнение о моем старинном друге как о недалеком и жадном до богатства и власти честолюбце. Но в действительности он отнюдь не был плохим человеком... Да, Венжар необычайно любил власть, а я постоянно подтрунивал над ним из-за этого. Однако - как, к слову, и очень многие другие известные мне властолюбцы - власть он хотел использовать для добрых дел: только редкостный негодяй может мечтать стать злодеем, чтобы, благоденствуя, безнаказанно истязать других. Пару таких я убил, а больше, пожалуй, и не встречал. Во всех остальных оставалась еще толика порядочности: не только перед людьми, но и перед собой они оправдывали свои злодеяния обстоятельствами или, чаще, ошибочно видели в злодействе благо...

- А из них ты скольких убил - одного, всех или половину? - перебил, не выдержав, Деян.

- Многих. Намекаешь, не мне рассуждать о порядочности и добродетели?

- Ну...

- А кому же? Кто, по-твоему, достоин? - с любопытством спросил Голем. Снисходительная улыбка так и не сошла с его лица; насмешку он воспринял как должное. - Насчет себя - не буду спорить: сочинений об этике и морали я не писал, приговоры чаще исполнял, чем выносил, и ни то, ни другое мне не по душе. Предположим, судья из меня и впрямь негодящий. Но где найти лучшего?

- II -

- Где-нибудь подальше от столиц и замков, - мрачно сказал Деян. Ругаться с чародеем не хотелось, но смолчать он не мог. - И от Небес - пусть Терош меня простит - подальше, а к земле - поближе. Обстоятельствами, говоришь, оправдывали или считали благом... Чушь! Ни шиша они не считали. Ты, когда по лесу идешь и муравьев давишь, не считаешь, что совершаешь злодеяние. Никто не считает - кроме тех муравьев, которыми лес полнится: если искать справедливого судью, то среди них... Что ты, что Венжар твой - вы, может, среди вам подобных, промеж князей и колдунов, во всем лучшие, откуда мне знать. Ты вон

целую теорию придумал, отчего люди мерзости вокруг себя не замечают, в глаза друг другу не смотрят, отчего ссорятся... Умно, право, ничего плохого не хочу сказать! Только муравьям, знаешь, все едино. Живем мы коротко, грамоту знаем дурно, звезд с неба не хватаем, камни руками не крушим; кто мы перед тобой, перед такими, как ты? Вы как дикие звери - сильны, злы, если кто вам на пути попадется - не порвете, так затопчете. Я вас, тебя не виню, но пойми - не нравится мне это. Не может нравиться. Мы про свою муравьиную жизнь лучше сами рассудим; где добро, где зло - разберем, не слепые, чай; а с вас довольно и того, что налог платим.

- Старина Фил бы гордился таким последователем! - Голем улыбнулся. - "Мало вам кармана - в голову залезть хотите", - так он, вроде, писал; и что подлинную добродетель надо дальше от университетов, но ближе к земле искать. Только я как ему сказал, так и тебе скажу: не меряйте по себе. Жизнь, за которую ратуете, вы знаете мало. - Тон его переменился, утратив всякую веселость. На миг чародей показался Деяну глубоким стариком. - Людей вы знаете мало - в этом ваша беда, Деян. Что Фил, что ты...

- Чего же такого мы, по-твоему, не знаем? - Деяну сделалось жутко от этой перемены. - Договаривай уж, раз начал.

- Я тебя понимаю, но пойми и ты: не все то хорошо, отчего хорошо было тебе. Родные, односельчане - они относились к тебе по-доброму, вот тебе и кажется, что нет на свете людей лучше, и жизнь ваша такая, какой и должна быть людская жизнь... А мне ничего такого не кажется, уж прости. Я точно знаю, что тот храбрый старик, который погиб потом ночью, - он убил бы меня, если б смог; не из мести, а просто на всякий случай, кабы чего не вышло: такой взгляд ни с чем не спутать. И староста ваш не с досады мне грубил, а нарочно провоцировал, чтоб я дал повод; как понял, что солдат за мной нет, так и начал. Все б и вышло по его умыслу, если б бабы с крыльца не в Джеба, а в меня выстрелили, - не заметил я их... Но они промазать и в своего старика попасть забоялись... Быстро они из дому ружье притащили, а его ведь зарядить надо сначала! Мы со старостой едва парой фраз обменялись, а они в доме уже к стрельбе готовились.

- Не выдумывай, - неуверенно сказал Деян. - Может, Беон его заряженным хранил.

- Ты добрый малый; не отнекивайся - иначе я б здесь не сидел. - Голем вздохнул. - И односельчане твои, верю тебе на слово, - славные люди. Для своих. И своего человека для них убить - немыслимо, даже если тот подонок распоследний. Но я - чужак. К чужакам они тоже получше многих относятся, судя по

твоим словам, но в тяжелую пору чужак хуже беса, всем известно. Кроме добряков вроде тебя, которые вечно в облаках витают. Однако и ты, заметь, не прост. Человека, по-твоему, убить нельзя, но зверя - можно. И человека зверем обозвать - можно. Известная хитрость.

- Но я ведь тебя не убил, - выдавил из себя Деян, чувствуя, как задрожали руки. С необычайной ясностью он вдруг ощутил, что сложись все чуть иначе - убийство непременно произошло бы. Человек, с которым он делил сейчас пищу и кров, который едва не отдал жизнь, защищая его, - был бы убит его рукой. Оба они к этому дню, вероятно, уже были бы мертвы, и лишь обретший свободу Джибанд бродил бы по земле в растерянности и отчаянии, постепенно утрачивая человечность.

- Не убил, - с мягкой улыбкой согласился Голем.

Деян опустил взгляд.

- Проходимцев нигде не привечают - это обычное дело, - продолжил Голем. - Худшие беды - от невежества. Священник сказал, люди у вас неграмотны; кроме вас с ним, в обоих селах только еще с десяток человек два слова на письме связать смогут, и то - с ошибками. Не наврал?

- Не наврал.

- Жаль; так я и думал. Венжар, чтоб его! Что же случилось... Сучий потрох! За это он мне ответит, какие бы ни были причины. - На скулах Голема заиграли желваки. - Нынешнее положение дел мне отвратительно. Оно отличается от того, что помню я, в худшую сторону, а судя по тому, что сумел рассказать ваш священник, так не только у вас, а повсюду... Везде образованные люди наперечет, везде в почете глупые россказни, суеверия. О чародейском искусстве у простого люда понятия еще меньше, чем раньше, о других науках они даже и не слышали... Мрак! Можешь не верить мне - глядя на такое, сложно поверить, - но когда-то мы с Венжаром хотели совсем не того. Имели все основания надеяться... Да что там! - Голем махнул рукой. - Никто не сомневался, что еще через пару столетий неграмотными в Империи, да во всем мире будут только убогие и лентяи. Казалось, возвращается Золотой век. Все только и делали, что болтали о просвещении; молодые стремились в учителя и проповедники, меняли придворную карьеру на дорожную тряску, гнилые матрасы, бедность. Прошло явно не меньше двух веков - но что же я вижу теперь?! Круг вновь бездействует или сгинул, Церковь Небесного Судии выродилась в шайку проповедников, которые болтают о справедливости и поклоняются сбитым в треугольники доскам, а люди бедны и неграмотны... Ты сравнил нас, чародеев, с дикими зверьми. Нет, Деян, нет: во многом мы

повинным и многим плохи, и все же... Среди чтимых тобой "простых людей", вдали от столиц и университетов - вот где настоящая дикость! Тебе известно, что чародеи живут дольше прочих. А известно, почему?

- Не задумывался. Зелья какие-то, наверное...

- Зелья! - фыркнул Голем. Он чуть успокоился, но все равно говорил с редкой для себя горячностью. - Кого ни спроси - все считают, что у нас есть рецепт долгой жизни, который мы по злобе храним в секрете. От близких храним, от родителей, от жен, от детей - и все почему? А потому что злыдни, звери... Ты не дурак - тебе смешно уже, но иным умникам и такое - не аргумент. Раз был случай, пропало в глухом приграничье двое чародеев, из тех самых добровольцев-просветителей. В Круг не вхожих, но среди них племянник одной императорской фаворитки был... В общем, поручили мне все бросить и срочно разыскать пропажу: я тогда неподалеку с гвардейцами на бандитов страх наводил. Взял людей, поехал в городок, где пропавших последний раз видели, потом к деревушкам, куда они направлялись. В одной из деревушек следы и сыскались. Старейшинам там уж очень помирать неохота было; тела от старости рассыпаются, но пальцы крепко власть держат, и ума - телега... Сперва они приезжих по-хорошему расспрашивали: расскажите, мол, секретный ваш рецепт. А когда поняли, что ничего те не скажут, - опоили сонным снадобьем, убили и съели: надеялись так колдовскую силу получить. Ну, как медвежью печенку для медвежьей силы в мышцах едят - так и тут... Честно разделили, не пожадничали - всю деревню накормили, даже младенцам дали мяса пососать, и все жители на то согласны были. Перед тем, как я с солдатами заявился, самый дряхлый бес помер - так остальные на меня с обидой смотрели: вот ведь, проклятые колдуны - даже мертвыми обманули честных людей! Я их спрашиваю: вы понимаете хоть, что натворили? Что те глупцы, которых вы убили, к вам, мерзавцам, с добром явились? А они глаза пучат, точно коровы, и молчат. Понравилась, спрашиваю, человечина? Молчат. Но по глазам видать - думу думают: может, мало в тех двоих весу было, потому ничего и не вышло? Вот если б солдат куда-нибудь девать, тело мое от головы косой оттяпать, да с сольцой и луком навернуть... - Голем нехорошо улыбнулся.

- И что же?

- Так это к тебе вопрос: что же мне следовало делать? Как к знатоку человечьей жизни вопрос, о которой не мне, зверю из зверей, судить: я ведь жесток и кровожаден, не то что порядочные простые люди.

- Умеешь ты сбить с толку, - сердито сказал Деян.

Чрезвычайно хотелось найти ответ остроумный и справедливый, но ничего не шло на ум.

- А то: Филова выучка. - Голем откинулся спиной на стену, заложив руки за голову. - Ладно, не обижайся; и не бери в голову: дело давнее. На свете много глупости и дикости творится: сам бы предпочел о том не знать. Тут что ни делай - все плохо.

- Рассказывай лучше, чем впустую рассуждать. А то опять к утру не закончишь. - Деян, довольный возможностью избежать ответа, снова подлил в кружки кипятку.

- III -

- Нирим, человек осторожный, был против нашей затеи отправиться на поклон в хавбагское посольство, но не мог ей помешать, и даже вынужден был помочь нам, - продолжил Голем. - Я не хотел уезжать без Джеба, но оставлять землю, и в особенности отца, без надежного присмотра я опасался. Состояние его после лечения Нирима несколько улучшилось, однако он оставался опасен: если бы какому-нибудь глупцу взбрело в голову снять с него сдерживающие силу оковы, последствия могли быть катастрофическими. Нирим ен'Гарбдад нравился мне, он был умен и честен; к тому же в том, чтобы обманывать меня, для него было много риска и мало выгоды. Ему - с некоторой осторожностью - можно было доверять. Я предложил ему место семейного врача и княжеского наместника: он должен был оставаться в Старом Роге, присматривать за отцом и не давать местной знати наделать бед - а взамен получал щедрое жалованье и право достойно устроить на моей земле свою многочисленную семью. От такой возможности он отказаться не смог... До самой своей смерти он вел в Заречье многие мои дела. Зареченцы поначалу были недовольны возвышением чужака, но Нирим был достаточно силен, чтобы любого заставить с собой считаться, на что я и надеялся. Он отлично справлялся. Его власть со временем возымела неожиданное последствие: устроив родню, он на том не остановился и испросил у меня разрешение приглашать на поселение и службу другие бедствующие семьи выходцев из Бадэя, ссылаясь на то, что они будут хорошими и благодарными работниками, а Заречью, после разрухи и застоя,

нужны новые силы. Я не возражал: это представлялось разумным - и оказалось разумным. Бадэйцы и их потомки быстро обжились в Заречье; их было немало, но работы хватало на всех. За века, что прошли с тех пор, кровь, конечно, перемешалась. Но что удивительно: похоже, бадэйские черты въедаются в людскую породу, как краска в кожу. У некоторых твоих односельчан - у твоей подруги, к примеру - легко можно предположить бадэйскую кровь: они темноволосы, крепко сложены и широки в кости, лица у них будто кто-то сделал особенно выпуклыми, выразительными.

- На тебе родство не очень-то сказалось, - заметил Деян.

- Во мне понамешано кровей: мать родилась в Бадэе, но отец ее, как мне бабка говорила, был дарбатский мореход: лицом она пошла в него... Мой отец - лицом то ли в бабку, то ли не пойми в кого: дед недолюбливал его за это. А я - в отца. С виду мы с ним похожи, как две половины монеты: не одно и то ж, но сходства не углядеть невозможно и спутать сослепу легко. Когда я потом ездил по Заречью, меня принимали частенько за него и встречали соответственно: прятались по погребам. Слуги в Старом Роге, кто отца хорошо знал, туда же: глаза в глаза с ними говоришь - все хорошо, но как увидят где в коридоре ночью - случалось, и чувств лишались. Слухов и пересудов всяких тьма ходила. Мне доносили, даже кое-кто из людей образованных и осведомленных считал меня отцовским телом-куклой, с себя-молодого слепленным. Ерунда, в общем. А что поделать: рожу при рождении не выбирают...

- Твоя правда.

- Оставив все на советников и Нирима, мы с Джебом отправились в сопровождении Венжара в столицу; проехали добрую половину Империи. Впервые я увидел что-то кроме Зареченской глуши. Всю дорогу я был как пьяный: тело ломит от тряски, иной раз кажется: еще чуть-чуть - и помрешь. То от ужаса в голове звенит - столько людей и повозок, домов, крика, шума, запахов! - то от восторга. Тебе это все еще предстоит, - Голем усмехнулся. - Отношения Нарьяжской Империи с хавбагскими островами в то время можно было без большой натяжки счесть дружественными. Дипломатические миссии хавбагских государств занимали шесть особняков на Посольской улице - по одному на каждую; короли чаще спорили между собой, чем с Империей, а Империя ловко подбрасывала в огонь разногласий дров, не давая им сдружиться. До поры до времени у нее это получалось... В прошлом Нириму - и Венжару вместе с ним - случалось оказывать услуги кое-кому из имперских чиновников, приглядывавших за хавбагами, поэтому нам легко удалось передать письмо послу Занского Королевства Его Высочеству

Миргу Бон Керреру, а тот разрешил нашу встречу с собственным личным врачом. Мастер Каон Аркагар Яром осмотрел меня и подтвердил предположения Венжара о "хромой хвори". Он подтвердил также и то, что излечение спустя столько лет затруднительно; добавил, однако, что, раз я сумел добиться значительных успехов самостоятельно, - возможно, мой случай особый, потому, ничего не обещая, он согласен заняться моим лечением, если Его Высочество Мирг не будет возражать. Мирг не возражал; напротив, выдал мне разрешение находиться на территории посольства столько, сколько потребуется. Я был никем для него, он не мог рассчитывать на будущую выгоду, ему были от возни со мной сплошные хлопоты - так же, как и мастеру Каону, который отказался от всякого вознаграждения, - однако Мирг искренне пытался помочь мне. Просто так. Удивительно было видеть бескорыстное сочувствие от принца иноземного государства и его врача; я еще мало знал о мире, но уже тогда меня это поразило... Хавбаги - поразительный народ. - Голем тепло улыбнулся. - Я расскажу о них позже. Лечение мое продлилось год и завершилось удачно. Это было очень странное, ни на что не похожее лечение: мастер Каон вонзал в мое тело иголки, заставлял многие дни и ночи подряд бодрствовать и жевать зеленые орехи, которые ему привозили с островов, а после погружал на долгие дни в сон. Иногда становилось хуже, но я терпел. И к концу года понял, что ходьба больше не требует от меня прежних усилий! Скоро мне стала не нужна палка, я стал лучше чувствовать на ощупь предметы, четче видеть то, что находилось вдалеке, - даже глазами Джеба. Не все прошло бесследно: глаза, поврежденные годами жизни и чтения в подземелье, иногда подводят меня, и донимает порой начавшийся еще в те годы кашель; иногда немеет лицо. Но это сущие мелочи... Из больного, вынужденного рассчитывать каждое движение, я стал обычным человеком, который может встать и идти, куда захочет, не думая о том, хватит ли сил дойти обратно. Это как с тряской рыси перейти на легкий галоп... Меня переполняла жизнь! Это невероятное чувство оставалось со мной долгие годы. Даже когда я бывал тяжело ранен, я чувствовал биение жизни в своих жилах... Даже сейчас толика его есть во мне: я не могу не радоваться тому, что живу, хожу... как любое животное. Я омерзителен сам себе, но не могу отрешиться от этой глупости! - Лицо Голема исказила мучительная кривая гримаса. Он замолчал надолго; Деян, не отваживаясь нарушить тишину неуместным словом, ждал

- Венжар, пока я спал с иголками в лодыжках, не терял времени даром, - вновь заговорил Голем размеренно и спокойно,

точно предшествовавшей вспышки не было. - Выделенных мной средств оказалось более чем достаточно, чтобы ему не беспокоиться о хлебе насущном. Ночами Венжар упорно штудировал книги и практиковался в чарах, а днем посвящал Джеба в премудрости жизни в столице и сопровождал его, не испытывавшего недостатка в приглашениях, на светских приемах: нежданное появление при дворе бывшего регента, а ныне доверенного лица Старожского князя взбудоражило общество. Многие хотели узнать доподлинно, что он за человек; странности его интриговали их еще больше. Как и следовало ожидать, вскоре слухи привлекли внимание чародеев Круга, и уж тем, как бы их ни изумляли частности и детали, не составило труда раскусить нашу ложь. Нас попросили - дав понять, что не потерпят отказа - явиться на собрание Круга, как только я закончу лечение. Венжар, который не мог выучиться применять дядино искусство врачевания душ на пользу больным, но все дальше и дальше продвигался в том, чтобы морочить с его помощью головы здоровым, тоже получил "приглашение" - только, в отличие от меня, был этому чрезвычайно рад.

- А ты - нет? - прервал Деян повисшую паузу.

- Я, видишь ли, был на Круг, на это сборище высокомерных подлецов, немного в обиде. По тем законам, которые мне бабка вдолбила в голову, Круг непременно обязан был утихомирить отца, едва им стало известно о его сумасшествии. А им все было известно... Но отец в своем безумии оставался хорошим колдуном: для того, чтоб справиться с ним, потребовались бы значительные силы. Он ни за что не подпустил бы незнакомых чародеев близко, а знакомых - тем более. Жалоб от Империи на него не поступало, Кругу он не мешал, сумасшествие вредило лишь тем из его несчастных подданных, кто жил поблизости от Старого Рога. Поэтому Круг, увязший в войнах и внутренних дрязгах, решил себя не утруждать. Собственного интереса вмешиваться у них тоже не было; они следят за одаренными детьми и, по закону, защищают их, но я, сын безвестной бадэйской беженки, не рассматривался ими как достойный внимания. И просидел почти двадцать лет под землей, никому, кроме себя самого и своего сумасшедшего отца, не нужный. Зато когда мой талант стал им известен - они немедля объявились, да еще стали выдвигать требования! После первого нашего разговора я был в такой ярости, что мастер Каон едва успокоил меня. Я был зол на них, очень зол. Еще злее, чем ты сейчас на князей, королей и чародеев вместе взятых, - сказал Голем с усмешкой в голосе. - Но явился я когда и куда было велено, и вел там себя, как положено. Мне некуда было деваться: они бы ни за что не

оставили меня в покое. Кроме того, я понимал, что нужно учиться: кое в чем я разобрался сам по книгам и преуспел, но во всем остальном я оставался полным неумехой и невеждой... Венжар, учившийся у дяди, знал несоизмеримо больше меня, и это касалось не только и не столько чародейства: в других науках я понимал еще меньше. Чувствовать свое невежество мне не нравилось. Я хотел учиться, и Круг приветствовал это мое желание... С тех пор, когда я стал здоров, усидеть на месте для меня стало непросто, но поначалу мне вполне хватало столичных приключений, и я посещал Радорский Университет все положенные десять лет; хотя, должен признаться, несколько реже, чем полагалось. И когда появлялся на скамьях - доводил профессуру, бывало, до белого каления под недобрым взглядом Венжара, который был в учебе - и во всем - куда более прилежен. Там я узнал профессора Вуковского и многих других. Джеб иногда посещал лекции как вольнослушатель, но его уже тогда больше интересовали чувственные искусства, чем точные науки или чародейство;учебным залам он предпочитал светские салоны.

Деян невольно покосился на Джибанда: как-то совсем его вид с "чувственными искусствами" не вязался.

- Понимаю твое удивление. - Этот взгляд от Голема не укрылся. - Действительно, смотрелось это забавно - но тем привлекательней для других: художники и поэты любят диковины... Мы с Джебом по-прежнему были неразрывно связаны, некоторое время отдавали совместным упражнениям и управлению Старожскими делами, но в остальные дни старались не докучать друг другу. Я отгораживал сознание, насколько возможно, и Джеб делал так же. Я надеялся -этого достаточно, чтобы он чувствовал себя свободным. Через искусство он стремился к тому пониманию самого себя и человечности, какого не могли дать колдовство и медицина. К стыду своему, должен признать, я мало внимания уделял его изысканиям; не то чтоб я полагал их неважным чудачеством, но... Всегда находились другие дела. Опыт научил меня относиться ко всяким сочинителям и артистам с осторожностью. Эти господа часто тщеславны и завистливы, равно щедры на лесть и насмешки. Многие из них охотно берутся за мелкий шпионаж, при этом с равным презрением относятся к нанимателю и к жертве и с презрением еще большим - к простому обывателю, не замешанному в их грязные интрижки и не почитающему их искусство за нечто особенное. Те, кто не тщится зачерпнуть из казны и держится в стороне от дворцов, порядочнее прочих - но почти столь же самовлюбленны, столь же несдержанны в страстях и неразборчивы в средствах. Среди них мало достойных людей,

верных своему слову и готовых платить по счетам. И тем удивительнее, что эти мелочные, несимпатичные люди порой способны создать невероятные, великие вещи, вывернуть публике душу наизнанку... Собравшись вместе, эти господа становятся совершенно невыносимы, потому я предпочитал, если случалась необходимость, беседовать с ними по одиночке. Меня они все - за исключением пары-тройки человек - полагали туповатым и несносным типом; не то что Джеба... Для меня всегда было загадкой, как он с ними ладит и что находит в их бесконечных рассуждениях о высоком. Но, признаться, я не очень-то стремился ее разгадывать.

- Расскажешь, что такое искусство, мастер? - подал голос Джибанд. - Пожалуйста.

- Попробую. Но в другой раз. - Голем взглянул на Джибанда чуть виновато. - Когда придумаю, как это сделать так, чтоб ты понял, а не засыпал меня по макушку новыми вопросами. Ладно?

Великан степенно кивнул. В жестах его, прежде бестолково-суматошных, когда он разговаривал с чародеем, теперь ясно проступало человеческое достоинство.

- IV -

- Когда учебе настал конец - а к тому моменту мое терпение слушать чужие мудрости совсем иссякло, - я поспешил покинуть город, поступив на императорскую военную службу. - Голем с видимым облегчением вернулся к рассказу. - Я не мог больше сидеть на одном месте и хотел поглядеть на мир. И я хотел драться. Драться в полную силу, а не любезничать с противником, как полагалось по дуэльному кодексу! Унаследованная от отца ярость искала выхода - и нашла его под императорскими знаменами. Джеб неохотно присоединился ко мне, по-видимому, просто опасаясь оставить меня одного. В Кругу чародеев ждали, что наша карьера в Имперских рядах принесет Кругу пользу, а в Империи, в свою очередь, надеялись, что я постепенно сумею склонить Круг уделять больше внимания их интересам - и небезосновательно надеялись; но до этого оставались еще долгие годы. А пока мы усмиряли восстания и покоряли прилежащие к Империи земли, нагоняли на врагов страх и внушали им трепет

перед Кругом, главенствующим над всеми чародеями Алракьера. Мы являли собой силу и утверждали силой закон.

- Оставляли жен без мужей, детей без отцов, жгли дома? - не сдержался Деян. - И ты чувствуешь гордость за это?

- Бунтовщики, убивая солдат, обычно весьма довольны собой: почему бы не гордиться и нам? - Голем даже не сбился с тона. - В то время Императорский трон занимал Яран Второй; недовольных его правлением было много, а соседи не упускали случая пощипать нас в приграничье. Армейская рутина для меня надолго не затягивалась: походам и боям не было конца. Один год я возглавлял десятитысячную армию, а годом позже пробирался по чужой земле с небольшим отрядом... Мы с Джебом одни стоили многих сотен солдат в открытом сражении и многих тысяч, если у нас было достаточно времени. Обычно чародеи обеих сторон нейтрализуют друг друга, боевые чары отражаются защитными; но со мной справиться оказалось сложнее. После должной подготовки я мог обрушить на неприятельскую армию горы или устроить паводок, мог разрушить десятки верст дорог или до смерти перепугать солдат, напустив на них армаду духов, которые всегда охотно откликались на мой зов... И я знал, как лучше использовать моих людей. Командовать наступлением намного удобнее, глядя на него своими глазами с десяти разных точек, чем руководствуясь ненадежными донесениями: искусственные тушки птиц и крыс позволяли мне вовремя получить нужные сведения. В те годы я, пожалуй, вовсе не страшился смерти, но до судорог боялся что-нибудь упустить. Наверстывая проведенные взаперти годы, я дрался без конца, как чародей и как солдат, и мне это нравилось. Сперва Джеб очень помогал мне, затем подал прошение об отставке и вернулся к мирным делам, а я продолжил блюсти честь знамен - ко всеобщей радости. Я был еще слишком молод, чтобы войти в Круг, но уже достаточно силен для этого - в том крылась вторая причина, по какой Круг был доволен, что я увлекся имперской службой... Большая ошибка с их стороны. - Голем отхлебнул из кружки. - Венжар, пока я утверждал закон в провинциях, тоже не терял времени даром: преумножил многократно свое мастерство, сделал карьеру при дворе, заработал на торговле и махинациях внушительный капитал... Когда нас обоих, наконец, приняли в Круг, он состоял уже при Императоре советником и метил в министры. Я, в то время генерал первого ранга с правом решающего голоса в императорской комиссии по внутренним вопросам, был весомым аргументом Венжара в служебных спорах. А когда оппоненты не уступали - решал дело силой. За глаза меня называли Венжаровым железным кулаком. Я и впрямь в то время

разбил немало лиц и репутаций, расчищая ему - и себе - дорогу, а он давал мне возможность работать, не отвлекаясь на ерунду... В некоторых вопросах он был, однако, удивительно нерешителен, и тут уж мне приходилось подталкивать его. Венжар соглашался со мной в том, что с Кругом, таким, каким мы видели его - с недействующим уставом и заплесневевшими традициями - нужно было кончать, но боялся неудачи; с большим трудом я убедил его поддержать меня. Другие наши с ним товарищи - Радек, Абол, Тина - были сговорчивей. И - тут нам чрезвычайно повезло - Марфус Дажич, один из старейших членов Круга, поддержал и согласился возглавить переворот: он никогда не искал власти для себя, но считал необходимым так или иначе разобраться с утвердившимся беспорядком. Марфус созвал внеочередное собрание Круга и в последний раз поднял вопрос о задуманных нами реформах, но Председатель, господин Эрксес, как обычно, не допустил обсуждения; и тогда мы начали действовать. Эрксес был осторожен и слишком дряхл для того, чтоб с ним драться, потому я по очереди вызвал на поединок и убил двоих его ближайших сподвижников; не составило никакого труда спровоцировать этих глупцов на то, чтоб они оскорбили меня первыми. По закону Эрксесу нечего было мне предъявить, но стерпеть такое он не мог - иначе растерял бы весь авторитет - и не хотел, потому, недолго думая, подослал убийц. Те, в отличие от покойных подлиз, были хороши в деле, но, как видишь, не преуспели: одного я изловил живым, публично допросил и выдвинул против Эрксеса обвинение. Доказать его причастность полностью было сложно, но пол под ним зашатался... Необъявленная война длилась полгода и завершилась полной нашей победой: Эрксес вынужден был передать пост Марфусу и вместе с немногими верными сторонниками отойти от дел, а большая часть влиятельных чародеев, придерживавшихся нейтралитета, перешла на нашу сторону. В следующие два десятилетия мы сделали почти все из того, что следовало сделать. Но затаили обиду на нас многие - особенно из тех, кто потерял власть или источник обогащения; даже спустя полвека некоторые из них еще тешили себя надеждой покончить с нами. Венжар был прав: стоило устранить их сразу; как говорится, не хочешь нож в спину - не оставляй позади живого врага... Но Марфус не позволил: мы казнили только тех, кто предпринимал против нас что-то существенное, а мелких пакостников не трогали, даже если они торжественно клялись на крови однажды поквитаться с нами. "Нет причин их убивать, Бен, ведь люди меняются: сегодня они ненавидят нас, но завтра могут прийти нам на помощь", - так он мне сказал, и я подчинился... Доброта

украшала его, но мешала заглянуть вглубь: враг может стать союзником или другом, но записной негодяй порядочным человеком не станет. Однако Марфус отказывался признавать тут различие, считал, что никто не вправе проводить границу между излечимым и неизлечимым душевным злом, и что всякому нужно, если возможно, дать шанс показать себя с лучшей стороны. Венжару он запретил и думать о расправе, а меня, можно считать, даже на время переубедил... Но мы имели дело не с честными противниками, а с обиженными, озлобленными негодяями. Марфусу потребовалось слишком много лет, чтоб в этом удостовериться. - Голем раздраженно дернул плечом. - К счастью, недовольные новым порядком составляли меньшинство. Прежде Круг представлял собой нечто вроде... скажем, совета старейших. Есть же у вас что-то такое?

- Есть.

- Только ваши старики, наверное, не забывают о посевной за разговорами о своем ревматизме, - ну, раз уж вы до сих пор не перемерли от голода. - Голем вдруг развеселился. - Они не прячут общее зерно к себе в сундуки, не принуждают девок греть им постели, не забирают у охотников больше добычи, чем могут съесть; иначе вы бы давно их сместили и назначили других. Так?

- Так, - подтвердил Деян, слегка покривив душой: некоторые неприятные случаи все же происходили время от времени. Старики - да взять хотя бы Беона - за общее дело радели, но и себя в обиде не оставляли.

- В этом ваш немудреный порядок лучше того, что был принят среди чародеев: у нас для сволочей и бездельников раздолье. Но Марфус его все же поуменьшил... Суть нашей затеи сводилась к тому, чтобы поумерить притязания и аппетиты сильнейших, разрушительные для дела, - и наладить взаимодействие между чародеями на всем материке, выстроить связи между всеми, кто нуждался в нашей помощи или мог и желал сам помочь другим

- То есть ты всего-навсего желал поквитаться за свою несчастливую юность.

- Я желал более не допустить подобного! Впрочем, ты прав, - признал Голем. - Лишая жизни тех, чье бездействие едва не лишило жизни меня самого, я испытывал немалое удовлетворение. Но смерть их была легкой, куда легче, тем у тех бедняг, кого по их вине замучил до смерти отец. Иногда я задаюсь вопросом: не упущение ли это с моей стороны?

- Так я не понял, что все-таки вы сделали-то с этим своим Кругом? - уже сожалея о сорвавшемся с языка упреке, спросил Деян.

- Прежний Круг был един и насчитывал в своем составе четыре десятка чародеев, некоторых из которых хорошая сельская знахарка не взяла бы в ученики - настолько они были бездарны. Зато приходились другим сыновьями или зятьями... Теперь же во главе чародеев всего Алракьера стоял Малый Круг, также называемый, в память о старом порядке, Истинным Кругом, - собрание пятнадцати сильнейших, опытнейших и влиятельнейших мастеров, возглавляемое председателем Марфусом; мы с Венжаром также входили в их число. Все же прочие чародеи, кто достиг совершеннолетия и чьей силы хватало на то, чтоб с расстояния в десять шагов за час вскипятить котел воды, входили в Большой, или Общий Круг. Такие умельцы находились в каждом городке: их общее число было слишком велико, чтобы все они одновременно могли собраться вместе, потому Большой Круг, можно сказать, состоял из множества Кругов поменьше. Городские чародеи и сельские умельцы объединялись в местные Людовы Круги, которые выдвигали для Общего собрания представителей; и все равно на собрания Общего Круга съезжалось душ по триста: тот еще балаган; однако им удавалось как-то организовать работу. У чародеев, состоявших в Людовых Кругах, было несравнимо больше интереса ко всему, что происходило на земле, где они зарабатывали на хлеб: для них безумный колдун под боком был не кусачей мошкой, а настоящей бедой; и всем мало-мальски одаренным детям, своей будущей смене, они старались дать обучение. Людовы Круги питали Общий Круг, а тот защищал общие интересы и не давал развернуться нам, выскочкам из Малого Круга; вынуждал нас действовать дипломатично и с непременным учетом общего блага: как бы мы ни были сильны, выстоять против объединенных сил лучших чародеев всего материка у нас было бы мало шансов. Потому прежний председатель, Эрксес, изо всех сил и препятствовал любым попыткам подобного объединения; Марфус же с нашей помощью помог объединению состояться... И наша роль теперь заключалась в том, чтобы разрешать конфликты в Общем Кругу или уравновешивать стороны противостояния; мы не правили чародеями Алракьера - но, благодаря нашему большому влиянию на них и нашей силе, не позволяли войнам превратиться в побоища, не позволяли мору опустошить одно ослабленное государство за другим; не давали расцвести в отдаленных районах чародейской глупости и самодурству. Все государства считались с нами, с Малым Кругом - но ни один из нас не мог запросто, как прежде, взять и навредить соседу в угоду своим интересам или по желанию того правителя, у которого состоял на службе: остальные не допустили бы подобного.

- А почему чародеи служили, а не правили сами? - задал Деян давно занимавший его вопрос. - Вы сильны, вы живете долго...

- Почему же не правили? - удивился Голем. - Я был полноправым хозяином на своих землях: хотя они и входили в Нарьяжскую Империю, моя власть в Старожье была сильнее императорской... А императорский род вел историю от союза двух древних чародейских родов: Яран и его сын, Радислав, были очень сведущи в колдовстве, хоть и не настолько, чтобы войти в Малый Круг. Но когда-то их семья считалась сильнейшей и сумела сохранить власть, пользуясь широкой поддержкой тех, кто ни на что претендовал, и ловко используя противоречия между теми, кто мог бы попытаться силой занять трон. Допустим, мы с Венжаром под каким-нибудь благовидным предлогом обернули бы оружие против императора и свергли его - но что бы мы получили? В лучшем случае разваливающуюся на части, разоренную страну: вспыхнула бы разом дюжина восстаний на окраинах, охотники за троном осадили бы столицу, и мы смогли бы добиться мира лишь ценой огромных уступок и потерь. Или нас просто вскоре уничтожили бы, а затем вся история повторилась бы с нашими преемниками: Империя перестала бы существовать, а на принадлежавших ей землях на многие десятилетия воцарился бы хаос... Предназначение чародейских Кругов как раз заключалось в том, чтобы не допускать подобных безумных попыток с неизбежно трагичным исходом. Измененный Марфусом Дваржичем устав ограничил власть единиц, передав ее десяткам и сотням. Те, кто получил таким образом возможность больше влиять на свою судьбу, не собирались с ней расставаться. У всех были большие планы на будущее и были силы для их осуществления! Но что я вижу сейчас? В начале осени навалили снега, поставив в будущем на край гибели целую провинцию... Это очевидное преступление; и все равно сложно поверить, что мир свернул на прежнюю дорогу. - Голем глубоко вздохнул. - Или на еще худшую. Глупость какая-то. Не понимаю!

- И я не понимаю, - примирительно сказал Деян. - Если все было так, как ты говоришь...

- Возможно, я немного приукрашиваю: редкий добровольный палач не желает оправдаться, а я в первые годы после переворота был Марфусовым палачом, в рвении многократно превосходящим добряка-господина. - Голем криво усмехнулся. - Большие перемены никогда не обходятся без крови, и не вся пролитая кровь обязательно должна была удобрить землю. Потому мне хочется представить дело так, что все жертвы и ошибки стоили достигнутой нами победы... Странно вспоминать: тогда все это мало меня волновало. Лишь потом, вдали от Алракьера, я

задумался о том, были ли другие пути - в перевороте внутри Круга, в тех объявленных и необъявленных войнах, которые я выиграл для Его Императорского Величества Ярана... Я искал их, но так и не нашел. Помню, как по пути на Дарбат стоял на палубе "Смелого" и ждал неизвестно чего, какого-то знака свыше, подсказки, правильно я поступал или нет, - но кругом была лишь вода. Со всех сторон - вода и небо в тяжелых серых облаках. Команда сторонилась меня, а мои спутники, все, за исключением пары человек, страдали от морской болезни; болезнь эта - неприятная штука, но в ней же и спасение для людей, непривычных к морю. Когда тебя выворачивает так, что едва можешь держаться на ногах, - не до раздумий; не до того, чтоб почувствовать ту безбрежную пустоту, то одиночество, в каком оказывается человек в море... Краем сознания я по-прежнему чувствовал присутствие Джеба, но это не очень-то помогало. Память моя постоянно возвращалась назад, и, как мал и незначителен был наш бриг в сравнении с морским простором, так же мала и незначительна казалась мне прожитая жизнь. И так же дорога: я вовсе не хотел вместе со "Смелым" отправиться на дно. Пожалуй, именно тогда, от соленого ветра, я окончательно пришел в себя: полувековое опьянение обретенной свободой закончилось. У каждого моего поступка с той поры, как я выбрался из старожских подземелий, были десятки причин и оправданий, но все это осталось в прошлом. Впервые за долгие годы я по настоящему успокоился - и мигом позже испугался самого себя; того, как близко я подобрался к грани, за которой ярость и жажда битвы постепенно уничтожили бы во мне стыд, жалость, любые привязанности - все человеческое...

Деян бросил взгляд на темное окно. Трещали поленья в очаге, ветер шуршал в верхушках деревьев. А где-то - не в несоизмеримо далеком, полусказочном "большом мире", а не так уж теперь и далеко - с рокотом наваливались друг на друга огромные массы воды под серыми облаками, омывали скалы Белых Врат, швыряли из стороны в стороны скорлупки лодок... От этого становилось не по себе.

- V -

- За море ты тоже ездил воевать? - прервал недолгое

молчание Деян.

- Наоборот, - сказал Голем. - По счастью, наоборот... Нарьяжская Империя поглотила столько земель, сколько могла, и, как насытившийся хищник, погрузилась в полудрему. Внутренние беспорядки случались редко. Императора Ярана сменил на престоле его наследник, Радислав, человек молодой, но спокойный и мудрый: за век правления он стал мне почти что другом, и я рад, что мне довелось служить ему. До поры до времени я развлекал себя всей этой заварушкой с Кругом, но потом подутихла и она. Я помогал Венжару поддерживать его министерский авторитет, знакомился с новшествами в науках, просиживал кресло в генштабе, ходил с Джебом в театр, напивался на светских приемах и разъезжал по Старожью, которое, по правде, не нуждалось во мне; в общем, оказался не у дел. Мне это не нравилось, и не только мне: кое-кто резонно полагал, что скучающий маршал-чародей - не лучшее соседство и рано или поздно моя скука может вылиться в какую-нибудь смуту; Заречье уже не считалось такой глушью, чтоб мои периодические отъезды туда кого-нибудь успокоили. Так что император Радислав придумал выслать меня куда подальше и заодно пристроить к делу. Номинальный глава имперской дипломатической миссии на Дарбанте генерал-инспектор Кач, обязанный проверять работу наших посольств во всех государствах от гавани Белых Врат до края Поющих Песков, приходился императору двоюродным дедом: меня приставили охранять его. Должность генерала-инспектора по тем временам была больше почетная, чем ответственная, - и все же вскоре стало очевидно, что дела у миссии пойдут лучше, если мне не придется нянчиться с этим седоголовым болваном, а он будет в наибольшей безопасности, если останется на Алракьере. Так что я занял его место. Мой род был достаточно знатен, чтоб никто не счел это оскорблением, а я сам был достаточно знаменит, чтобы внушать к Империи уважение и в то же время считаться хорошим заложником.

- Заложником? - недоуменно спросил Деян. - С чего это?

- Все дипломаты - не только миротворцы, переговорщики и шпионы, но и заложники. - Голем добродушно усмехнулся. - Дипмиссия должна быть способна выстоять против фанатиков, желающих развязать войну, - затем и нужна охрана. Но если против дипломатов ополчится правитель принимающей страны и применит силу - даже я окажусь неспособен защитить свою жизнь. Развязать войну, когда дипмиссия еще находится на чужой территории, значит быть готовым пожертвовать всеми ее членами: потому знатные и уважаемые дипломаты для

принимающей страны выступают как дополнительная гарантия добрых намерений... Из-за этого во главе важных миссий чаще всего стоят члены правящих родов; но я, как знаменитый имперский маршал и отпрыск одного из старейших родов Империи, тоже вполне годился для этой роли. Случалось такое в истории, разумеется, что ради внезапного нападения жертвовали и куда большим: престолонаследниками, братьями и сестрами, - но это скорее исключение, чем правило. Обычно перед объявлением войны дипломатов отзывали, и принимающая страна со своей стороны проделывала то же самое. Но на это все требовалось время. Немало кровопролитных столкновений не случилось из-за того, что за время, пока выводили дипмисии, горячие головы успевали остыть, вмешивался Круг или менялись обстоятельства.

- Странный порядок, -сказал Деян.

- Наверное, - равнодушно согласился Голем. - Но это работало. Дед мой занимался шпионажем, тогда как я по большей части действовал открыто и об интересах Империи пекся, честно сказать, не слишком с большим тщанием, потому как никто на наши интересы зуб не точил: наша сила была очевидна, и ее уважали. Поэтому, как я писал тогда в докладах императору, было бы с нашей стороны неразумно чересчур наглеть, создавая риск уважению смениться раздражением и вынуждая государства противодействовать нам хотя бы из гордости. Император Радислав с этим был согласен, потому не требовал от меня сильно давить на дарбатцев и надоедать нашим младшим послам. Одновременно с делами Империи на Дарбате я занимался, к вящей радости Марфуса и Венжара, делами Малого Круга чародеев Алракьера: изучил искусство возвращения *немертвых*, наладил кое-какие связи... На Дарбате было свое объединение чародеев, но бестолково устроенное, так что главы намеревались со временем перенять наш опыт. После полудюжины лет разъездов по Дарбату я был весьма собой доволен: на моем примере многие убедились, что с Нарьяжской Империей и Алракьерским Малым Кругом можно иметь дело, и дело это будет выгодным. Еще дважды я возвращался на Дарбат, и оба раза миссия имела успех. Дарбатская жара, дожди на западе и засухи на востоке кого угодно доведут до белого каления, но что касается всего остального - тут у меня о Дарбате остались по большей части приятные воспоминания. Дарбатцы осторожны и скрытны, даже в дружеской болтовне между собой склонны к недоговоркам, но за всем этим кроются глубокие и сильные натуры; колдовское же их мастерство заслуживает особенного уважения. Я бы еще долгие годы охотно провел, изучая их

искусство, но случился кризис. И меня спешно перенаправили на Острова.

- Первые хавбагские войны завершились еще задолго до моего рождения, - продолжил, помолчав, Голем. - Тогда Империя пыталась подчинить Острова себе, но не преуспела. Позже такую же попытку проделал Бадэй, с тем же результатом: несмотря на внутреннюю разобщенность - а в то время на Островах насчитывался десяток королевств, - хавбаги сумели дать бадэйцам отпор, а затем еще раз отбили имперское наступление. Такое настойчивое наше стремление установить над Островами контроль было связано с их местоположением. Вот, смотри. - Взяв щепку, Голем в несколько движений начертил на испачканном золой полу подобие карты. - Вот побережье Алракьера, территория Бадэя и наша, а вот Дарбат и Калская гряда... Понимаешь? Контроль над Хавбагскими Островами означал контроль над лучшими морскими торговыми путями и обеспечивал надежную защиту побережья, поскольку пытаться провести большую военную флотилию в обход островных проливов опасно и разорительно. Но, оставаясь независимыми и строго соблюдая нейтралитет, Острова служили обоюдной защитной перегородкой между Алракьером и Дарбатом, что тоже было неплохо. Кроме того, - Голем полоснул щепкой далеко в стороне, - стоило учесть еще морские набеги с Хон-Урбоаба, далекой суши, населенной свирепыми волосатыми дикарями, мало похожими на людей. Язык, на котором урбоабы объяснялись между собой, насчитывал едва ли три сотни слов, лодки и оружие их были примитивны; однако они владели какой-то странной ворожбой и могли время от времени доставить хлопот даже Империи. Хавбаги страдали от их набегов больше других, в том числе из-за того, что в соответствии со своими представлениями о чести не позволяли урбоабам проследовать мимо Островов до наших побережий и неизменно атаковали урбоабские лоханки в проливах. Нам это, конечно, было выгодно. И была выгодна любая разобщенность среди хавбагов: поддерживая то одну, то другую сторону, мы выторговывали себе торговые льготы, порой совершенно грабительские. Разумеется, еще лучше для нас было бы единолично захватить Острова, но из-за отчаянного сопротивления хавбагов - поддерживаемого в таких случаях странами Дарбанта и Бадэем, которые опасались усиления Империи, - это было невозможно. Так что мы привыкли довольствоваться той пользой, которую извлекали из сложившегося положения. В сущности, оно было выгодно - хоть и в меньшей степени, чем полный контроль над Островами - всем, кроме самих хавбагов. Чтобы поправить положение, им нужно

было объединиться, и, несмотря на тайное и явное наше противодействие, в год, предшествовавший моему возвращению с Дарбанта, объединение наконец-то произошло. Как мы и опасались, оно незамедлительно привело к резкому росту пошлин и затруднению ухода от их оплаты; это было справедливо, но никто из торговцев, разумеется, не хотел платить, а некоторые и не могли - новые ставки были действительно велики. В воздухе остро запахло большой войной. Одни, опьяненные предыдущими военными успехами Империи, с нетерпением ждали открытого столкновения; другие, помня предыдущий опыт конфликтов с хавбагами и трезво оценивая наши возможности, полагали скорую войну нежелательной. Император Радислав, во многом благодаря усилиям фракции Венжара, больше покровительствовал последним и желал решить дело миром. По иронии судьбы первым полномочным главой Островного Содружества стал король Занского королевства, Его Величество Мирг Бон Керрер, бывший прежде послом занских хавбагов в Нарьяжской Империи и сыгравший в моей жизни, как ты знаешь, немалую роль. Это знакомство - хоть и не оно одно - определило мое назначение на Острова. Моей задачей было попытаться предотвратить или отсрочить войну, оценить и передать в Империю сведения о наличных силах хавбагов, а в случае провала миротворческой миссии героически погибнуть во славу Империи, постаравшись забрать с собой Мирга и его сподвижников, что могло положить конец Содружеству. Провал выглядел наиболее вероятным исходом: император из уважения к моим прошлым заслугам предоставил мне возможность отказаться от назначения, но я и не думал о том, чтоб ей воспользовался... Однако вовсе не по той причине, какой мог бы, как имперский посол, гордиться. Если для Империи война была нежелательна, то для Островного Содружества она стала бы катастрофой и могла обернуться уничтожением едва ли не всего непокорного населения. А я был благодарен хавбагам за свое исцеление и проникся к ним большим уважением за время, что провел в их окружении... Мысль о грядущей резне ужасала меня, и я готов был рискнуть головой и репутацией ради того, чтоб предотвратить такое развитие событий. Нужно было убедить Содружество пойти на уступки и снизить пошлины, а Империю, Бадэй и все Великие Дома Дарбат уверить в том, что затраты на войну окажутся слишком велики для того, чтобы она была выгодна. Мои прежние связи с дарбатцами тут играли на руку; кроме того, к моей огромной радости, в лице Первого Короля Мирга Бон Керрера я также обрел единомышленника. Решение об одномоментном и резком повышении пошлин и других сборов принимала

новообразованная "Палата господ", в которой положение Мирга было шатким и хрупким, как само Содружество. Ради сохранения единства он и его люди вынуждены были поддерживать многие сомнительные предложения, но Мирг справедливо полагал, что неподкрепленная силой наглость до добра не доводит, и задирать Империю Содружеству пока рановато... За годы, что мы не виделись, Мирг одряхлел телом, но был все так же силен умом. Как и в Империи, среди хавбагов были как сторонники войны, так и ее противники. С дозволения Мирга я разъезжал по Островам, проводя убедительные демонстрации силы, призванные показать всем и каждому: Империя - опасный противник и полезный союзник. В одном городке я на глазах у толпы завалил отработанные шахты, в другом - залатал обветшавшую плотину, в третьем - присоединился к береговой охране и пустил на дно десяток урбоабских лодок прежде, чем те приблизились на расстояние выстрела; в четвертом, в пятом, в шестом... Всего и не упомнишь: чего я только ни делал. Как-то взбалмошный царек ибирских хавбагов велел арестовать меня и моих подручных и отправить в темницу, посчитав, что мы опасные смутъяны, только выдающие себя за послов. Я мог, разумеется, освободится силой - но при этом не обошлось бы без жертв, а убийство хавбагских солдат имперским послом точно не послужило бы укреплению мира. Оказаться вновь запертым в тесной подземной камере было для меня смерти подобно, однако пришлось стиснуть зубы и потерпеть, дождаться, пока вмешается Мирг и разъяснит глупцу его ошибку, и только потом - разрушить тюремные стены, наглядно показав ибирцам, чего они избежали благодаря моему миролюбию. Терпение окупило себя: в будущем ибирские правители стали Миргу верными союзниками... Освободившись, я немедленно отправился дальше. Временами я и впрямь ощущал себя не послом, а бродячим циркачом; да многие из моих поступков и были, по сути, простым фокусничеством. Но это приносило плоды: кое-кто в Палате призадумался и остыл, позиции Первого Короля Мирга укрепились. В то же время я отправлял в Империю полные недоговорок доклады, в которых преувеличивал военную мощь хавбагов и возможную пользу от сотрудничества с ними в будущем. А также следил, чтоб эти доклады регулярно перехватывали дарбатские шпионы и передавали главам Великих Домов, привыкшим относиться к моим оценкам с большим вниманием. Венжар по договоренности со мной провел, наплевав на ущерб для своего кошелька, полдюжины крупных сделок на хороших для хавбагов условиях, что было призвано показать готовность Империи к сотрудничеству. Мы обманывали всех и вся. Что, конечно,

недостойно для государственных служащих высшего ранга, но это был единственный путь, который позволял избежать скорого начала кровопролития... Хотя, судя по некоторым оговоркам, император Радислав догадывался о нашей двойной игре. Однако не считал нужным вмешиваться. Все складывалось для нас весьма неплохо. Мы никак не могли повлиять лишь на бывшую Венжарову родину - Бадэй: они хорохорились, трясли кулаками, но первыми лезть в драку у них кишка была тонка, так что их гневные выкрики в расчет можно было не принимать. Угроза всеобщей войны, еще недавно казавшейся неизбежной, отступила: она не исчезла, но появилась надежда на мирное решение разногласий... Все стороны на словах готовы были поступиться долей выгоды и гордости, однако приходилось приглядывать за тем, чтобы слова не расходились с делом: хавбагам это не свойственно, но нам и дарбатцам, - Голем усмехнулся, - сам понимаешь. Я покидал Острова лишь ненадолго, чтобы лично доложиться императору, организовывал бесконечные переговоры и обеспечивал их безопасность. Одних запугивал, других успокаивал. Ситуация еще дюжину лет оставалась напряженной. Но и после, когда все более-менее притерпелись к новой расстановке сил, многие чувствовали себя спокойнее оттого, что знали - я по-прежнему присматриваю за Островным Содружеством: признаться, мне так тоже было спокойнее. Потому, хотя я часто отлучался на Алракьер из-за поручений Круга и по другим причинам, я считался главой нашего посольства до... до конца. - Голем нахмурился. - И проводил на Островах больше времени, чем, быть может, стоило; но тогда мне так не казалось.

- Ты собирался рассказать, кто такие эти хавбаги и чем они примечательны, - напомнил Деян.

"Кликуха на хавбагском, но сам не похож", - примерно так еще в Орыжи сказал про Хемриза чародей, однако в памяти крепко отпечаталась эта неверная связь, и теперь всякий раз, когда тот упоминал хавбагов, перед глазами вставало перекошенное лицо с дырами во лбу; воспоминание было не из приятных.

- VI -

- Верно! Постоянно забываю, сколь немногое тебе известно о мире... Хавбаги - необыкновенный народ. - Голем заметно оживился. - Они многобожцы, как и большинство жителей Дарбата, но если дарбатцев с рождения и до смерти грабят жрецы, то хавбаги, на свое счастье, не терпят подобного навязчивого посредничества. Их божества, коих у них великое множество, зовутся небесными Хранителями, и, по мнению хавбагов, они достаточно могущественны и снисходительны, чтобы выразить свою волю самостоятельно, если пожелают, потому никакой разряженный дурак не может повелевать и поучать от имени Хранителей: каждый хавбаг говорит с богами сам. Если дарбатцы относятся к тем, кого почитают за богов, как к суровым надсмотрщикам, которых надо когда задобрить, а когда и обдурить, то хавбаги поклоняются и служат с тщанием, достойным, на мой взгляд, лучшего применения - что, однако, не мешает им относиться к Хранителям с известной иронией. В сонм Хранителей у них, кроме легендарных божеств, входят некоторые прославившиеся в прошлом люди - из числа великих королей, воителей, мореходов, - про которых в летописных книгах сохранилось немало скабрезных записей. Так, Набан-Рыбак был завзятым пьяницей, первую свою знаменитую шхуну проиграл в карты, а заподозрив жену в измене, утопил ее в море; всем об этом известно - и что же? Пьяный Рыбак - один из самых почитаемых Хранителей на побережье: пока мужчины благодарят его за богатые уловы, женщины подносят статуе Рыбака вино за то, что тот не обделил их мужей своей милостью и, кроме его недостатков, тем перепала и толика его достоинств. "Рагго онгра" - выбито на камне у подножия лестницы величайшего святилища хавбагов, Арке Трех Тысяч: на наш язык это можно перевести как "Стремись к совершенству". На другой стороне камня выбито: "Ани ер онгран"; "никто не совершенен". На глаза эта фраза попадает лишь тому, кто оборачивается назад. Святилища хавбагов не похожи на те, что строят на Дарбанте или у нас: обычно они представляют собой украшенные изразцами отдельно стоящие стены, коридоры или арки со статуями. Паломник, поразмыслив над своей жизнью и совершив у изображений на стене положенные обряды, проходит через дверь - и оказывается не в богато убранном помещении, а попросту с другой стороны стены, в мире, полном прежних невзгод и трудностей, на которые он теперь должен взглянуть по-новому. Можно сказать, обыденный мир служит хавбагам храмом: это вполне в их духе... Они редко просят Хранителей о чем-то, чаще обращаются с благодарностью или выражают недовольство: у них такое в порядке вещей. Не только к Хранителям: любой нищий

проходимец может обратиться к королю и обругать того последними словами, и ничего ему за это не будет. Но повысить голос при вышестоящем недопустимо, пусть даже толкая хвалебную речь: стража вытолкает крикуна взашей, а то и поднимет на пики. Самообладание для хавбагов - высшая добродетель: согласно их убеждениям, тот, над кем чувства часто берут верх, оскорбляет взор Хранителей своей суетой и слабостью; теряет "орун", "достоинство и честь", иначе говоря. Лучшие из хавбагов в стремлении всегда сохранять хладнокровие достигают небывалых высот; мы много времени проводили вместе, но я не помню случая, чтобы Мирг невольно выказал досаду или радость: если он отмалчивался, я мог лишь догадываться о его подлинных чувствах в то или иное мгновение... Впрочем, Мирг на то и король. Лишь немногие столь хорошо владеют собой: все прочие время от времени теряют самообладание и справедливо признают за собой это несовершенство; вспышки их гнева редки, но, после долгой сдержанности, сильны и разрушительны. Всякий, кто сражался против хавбагов или рядом с ними, не понаслышке знает о сокрушительной ярости их солдат: умение до поры сохранять холодную голову, а затем расчетливо обрушить на врага всю накопленную ненависть делает их опаснейшими противниками... А после выигранной битвы они приносят Хранителям щедрые подношения за то, что оскорбили их зрелищем своего гнева: я сам видел подобное после большого сражения с урбоабами. В том, что касалось самообладания, убеждения хавбагов всегда - с тех пор, как я узнал о них - казались мне заслуживающими внимания. Мастер Каон преподал мне пару уроков, еще пока ставил на ноги, и позже, пока он не отбыл на Острова, я продолжал учиться у него - он был не только отличным лекарем, но и достойным подражания примером. Мирг посмеивался порой над моими потугами, но признавал, что для чужеземца, в котором нет ни капли хавбагской крови, я выучился держать себя в обществе на удивление прилично. Это чрезвычайно помогало мне в делах: иначе хавбаги не стали бы считаться со мной, несмотря на всю мою силу.

- Гм. - Деян хотел было напомнить, чем это "самообладание" едва не обернулось для Беона, но в последний момент прикусил язык. Тогда у чародея, как ни досадно было признавать, существовала серьезная причина злиться, и похвальба, пожалуй, не была пустой: если б тот не владел собой получше многих, все могло бы обернуться куда большей бедой. И уж точно все те грубые упреки и подначки, которые Деян опрометчиво высказывал, не оставались бы без ответа.

- Понимаю, тебе пришлось узнать меня не с лучшей стороны. - Голем, однако, верно понял его гримасу. - И сожалею об этом. Ани ер онгран: никто не совершенен...

- Да Мрак с этим, - отмахнулся Деян. Мысль, давно вертевшаяся в голове, наконец-то обрела четкость. - Ты ведь можешь говорить на многих языках?

- Да.

- Тогда - ты знаешь, что значит "вильмо"? Что это за наречие? Та старуха-знахарка, что не дала мне помереть, - она всюду это словцо вворачивала, потому ее и все и звали так, - несколько смущенно пояснил Деян: подумалось вдруг, что не очень-то вежливо с его стороны прерывать рассказ посторонними вопросами, но идти на попятную было уже поздно. - Кто она, из каких земель к нам пришла? Один Господь знает... Имени ее родного - и то никто припомнить не смог: так и лежит под безымянным камнем, хотя сама грамотная была, даже меня, дурня, писать обучила, и много добра другим сделала - даром что доживала не в своем уме. Мужики хотели было прозвище это ее, "Вильма", на камне выбить, чтоб хоть так память сохранить, но потом подумали - может, это непристойность какая по-иноземному, или еще что дурное. Так все и оставили, чтоб хуже не сделать. Вроде ж и лет много прошло, сосна у могилы выше меня вымахала, но все равно, гложет порой, что вот так вот, без имени, без памятки хоть какой, - виновато закончил Деян.

- Непристойность? Нет. - Голем поскреб бороду. - "Вильмо", "вельямо", "велимо" - так в мое время говорили люди в землях к северу от Заречья. По их древним верованиям, это защитное слово: чтоб боги и лесные духи сказанного дальше не слышали. Так говорили, когда жаловались, - чтоб духи не осерчали; когда нажитым хвастались - чтоб духи не отобрали, и тому подобное. Радек и Тина, мои старинные товарищи и соратники по Кругу, и моя жена тоже иногда использовали его - а они все родом как раз из тех мест... Наверное, и старуха твоя оттуда: не так уж тут и далеко. Вряд ли она простая травница, раз, как ты говоришь, прожила столько лет, сколько люди у вас сейчас не живут. Деревенские знахари часто - слабые или плохо обученные чародеи или талантливые самоучки: наверняка она худо-бедно пользоваться силой умела. Может, натворила по молодости чего и спряталась от закона в вашей глуши; может, случайно забрела и понравилось ей у вас. Я, когда про нее услышал, подумал - уж не знакомы ли мы с ней, но нет, по абрису не сходится: ты говорил, в старухе росту было едва ль не как в тебе сейчас, но чего-чего, а росту годы прибавить не могут... Кем она была и почему осела у вас - теперь не узнать, да и нужно ли? А прозвище, каким люди

нарекли, на камне можешь выбить - хуже от этого никому уж точно не будет.

- Ясно, - кивнул Деян, подумав про себя, что непременно так и сделает, если когда-нибудь вернется в Орыжь. Прежде он попросил бы Мажела или Нареха, но теперь братьев не было, и предстояло самому поработать зубилом и тяжелым молотом. Чего он делать не умел; однако после всего это не казалось такой уж непреодолимой сложностью.

"И братьям... Всем нашим надо место отвести и надгробия поставить: пусть кости невесть где их, все же память будет, - мрачно подумал Деян. - Хоть бы за этим стоит вернуться".

Глава двенадцатая. Как разумные люди

- I -

Голем долго молчал, собираясь с мыслями. Больше всего походило на то, что он никак не может решиться приступить к самой важной для себя части рассказа, той, которую откладывал мучительным многословием и ради которой и затеял это долгое откровение.

- Рибен! Прости, что перебил вопросом, - окликнул Деян чародея, пока тот окончательно не ушел в себя. - Так чем все закончилось с этими самыми хавбагами?

- Ничем: можно сказать, оборвалось на полуслове. - Голем вздохнул. - Я так и не запросил отставку: собирался, но... Кроме всех других причин, была еще одна, по которой для меня казалось предпочтительным полжизни - не более и не менее - проводить на Островах, где я мог на время укрыться от самого себя и откуда мог возвращаться на материк, прикрываясь служебной необходимостью и не тратя чересчур много времени на дорогу. Все случилось давно, когда я еще носил у пояса маршальский жезл. К году своего первого отъезда на Острова я был женат уже много лет - и половину из них проклинал себя за это. Я забывался вином, которое мне поставляли с Дарбанта, и работой; ни Джеб, ни Венжар, ни Марфус, ни кто-либо другой не могли мне помочь, да и, по правде говоря, не считали это нужным; а я мучился невозможностью исправить непоправимое. Сказка твоей знахарки настолько далека от правды, Деян, насколько это возможно, при том, что она имеет хоть какое-то к ней отношение. - Голос Голема неуловимо переменился. - Правда в том, что Радмила никогда не любила меня. А я... Я только перед самой церемонией удосужился поинтересоваться именем будущей жены: наш брак был заключен по расчету, который к тому же к нам двоим имел мало отношения. Отец Милы владел несколькими крупными фабриками и угольными шахтами на юге. Он хотел породниться

со знатью, выгодно пристроив дочь, а Венжару позарез нужна была его поддержка в каком-то длительном и важном предприятии; сейчас не припомню даже, в каком. Но сам Венжар был бадэйцем по крови и совсем не ладил с женщинами - я уже говорил. Он попросил меня, и я согласился: почти все время я проводил в походах, и мне было все равно, с кем входить под руку в бальную залу в те редкие дни, когда я появлялся при дворе, - а протокол предписывал непременно иметь спутницу, и выбирать из многих женщин порой становилось обременительно. К тому же этот союз был для меня временным: у Милы не было никаких колдовских способностей, потому я должен был пережить ее по меньшей мере на век и мог в будущем жениться еще столько раз, сколько пожелаю. Старика-фабриканта это ничуть не смущало, как и то, что я не намерен был в ближайшее столетье обзаводиться наследниками. Я опасался - по мнению Нирима, небезосновательно, - что однажды меня поразит безумие, как и отца, от которого я унаследовал лицо и безоглядную вспыльчивость, и что та же участь может постигнуть и моих детей... Потому я считал, что лучше мне их не иметь до того дня, как медицина достигнет значительных успехов в лечении душевных болезней, или даже вовсе обойтись без наследников: в том, чтобы продолжать славный род Ригичей, я по молодости лет не видел никакой необходимости. В общем, отец Радмилы знал, что от меня ему не дождаться внуков, но плевать он на это хотел, как и на то, что я буду или не буду делать с его дочерью. Маршал-чародей, молодой и знатный, был даже лучшей партией, чем он смел желать: роль моего тестя делала его вхожим в императорскую приемную и открывала перед ним многие возможности, например - с выгодой устроить других детишек, которых у него насчитывался десяток от разных жен... Мы в спешке подписали брачный контракт, провели церемонию, а на следующий день я отбыл на полгода подавлять волнения в предгорьях. Будущую жену я впервые увидел уже на церемонии и нашел довольно симпатичной особой: она двигалась скованно и поглядывала по сторонам с понятным испугом, но в разговоре держалась с тем невысокомерным достоинством, которое так ценят хавбагские теологи; она была неплохо образованна и умна. Свадебное застолье продолжалось весь день. Среди имперских военных зазорным считалось разбавлять выпивку или пропускать тосты, так что к ночи я набрался, как свинья. Исполнил супружеский долг в будуаре на тахте и там же и уснул, а рано утром уехал, чтобы вернуться только через полгода... За время моего отсутствия Мила превратила мой столичный особняк в весьма уютное место. Я нашел ее столь же сдержанной и

задумчивой, какой запомнил; она была вежлива со мной, но не ласкова, мое присутствие явно было ей неприятно. Это удивило меня; как всякий молодой самоуверенный болван, я в ту пору полагал свое внимание лестным для любой женщины, а не наоборот... Я спросил, в чем дело; извинился за то, что в предыдущую нашу встречу был, вероятно, недопустимо груб: хотя бы на извинения у меня хватило ума. Мила в ответ лишь пожала плечами, сказав, что никакой особенной грубости не припомнит, поскольку я был достаточно любезен, чтобы исправно подливать вина и ей, - но на том мои достоинства в ее глазах и заканчивались. Она всегда отличалась прямотой; даже страх передо мной - а она боялась меня, как набожный крестьянин боится бесов - не мог заставить ее подольститься. "Покупая щенка, вы проверите его стать, покупая коня - посмотрите его зубы и копыта. Только жену вы купили не глядя, милорд Ригич, и это говорит о вас достаточно. Более я ничего не желаю знать. Вам повезло купить послушную жену: я буду чтить данные перед Господом клятвы и вашу волю; но вы мне противны... - надо было видеть мое лицо, когда Мила мне все это высказала! - Не единожды, забывшись, отец сравнивал нас, своих дочерей, с племенными кобылками; надо полагать, я выросла совсем негодной, раз он продал меня вам на мясо. Что ж: владейте смело, но не ждите от меня большей любви, чем от той отбивной, что съели за обедом". Вот как она меня отделала! - Голем горько рассмеялся. - Не знаю, как сейчас, Деян, но в мое время лишь немногие счастливчики заключали браки с кем-то, кто был им небезразличен, и еще реже хоть какой-то выбор имели женщины. Молоденькие девушки часто становились предметом торга между родителями и будущим супругом, но это не значит, что у них не было гордости... У Милы же гордости хватило бы на десятерых. Сложно представить, насколько она была уязвлена свершившейся сделкой. Но тогда, к теперешнему своему стыду, я нашел ее гнев и обиду забавными и весьма для себя удобными. "Сожалею о том, что сложившееся положение кажется вам обременительным, - сказал я, - но ваше беспокойство совершенно напрасно: как вы могли заметить, я нечасто бываю дома, и тем наш союз обещает стать выгодным нам обоим. У меня и в мыслях не было ни к чему вас принуждать: случившееся между нами прошу считать досадным недоразумением... Я не буду вас стеснять; мне не нужно вашей любви и дружбы - одно лишь соблюдение приличий. В мое отсутствие распоряжайтесь конюшней по своему усмотрению и, если угодно, заведите себе конюха по вкусу. Только не позволяйте ему объезжать вас на виду у других! Давайте договоримся как разумные люди..." Так или почти так я

тогда сказал, и своими солдафонскими шуточками наверняка обидел ее еще больше, однако она владела собой достаточно хорошо, чтобы не выплеснуть вино мне в лицо.

- II -

- Мы договорились не мешать друг другу: большего я и не желал, - сказал Голем. - Если неприязнь жены и задела мое самолюбие, то самую малость. Я не был красив и не слишком хорошо умел держаться в свете, но маршальский жезл и чародейская слава привлекали ко мне многих женщин: обычно я тяготился их вниманием, но если хотел развлечься, то всегда имел на выбор пару-тройку адресов, где мог к обоюдному удовольствию получить все желаемое. Взаимная нелюбовь и неверность были обычным делом, так что на фоне других мы с Милой казались вполне благополучной парой. Это в какой-то степени соответствовало действительности: отношения наши со временем перестали быть крайне натянутыми и перешли в то прохладное приятельство, какое случается между дальней родней. Мила так толково распоряжалась теми средствами, которые я ей выделил первоначально, что вскоре я разрешил ей участвовать в управлении моими родовыми землями вместе с Ниримом. На зиму она возвращалась в столицу, а остальное время проводила дома, в Старожье. Меня зареченцы боялись, как бы я ни старался быть любезен, тогда как в Миле люди души не чаяли... Она всегда была внимательна и добра к ним, умела проявить и твердость, и сочувствие; Нирим и многие другие не переставали нахваливать ее практическую сметку. До женитьбы мне частенько случалось чувствовать неловкость из-за того, что я мало времени уделяю родной земле: постоянно я был занят чем-то более важным, к тому же, как я говорил, подданные недолюбливали меня, что осложняло дело... Теперь же, впервые со времен моей бабки, Старожье обрело настоящую хозяйку, и я воспринял это как должное, хотя не мешало бы проявить хоть немного благодарности... К стыду своему, по большей части я просто не замечал жену, если в том не было необходимости. А ее, надо думать, успокоила моя ненавязчивость, потому в те дни, когда ей приходилось встречаться со мной, взгляд ее прекрасных

глаз больше не хлестал меня так, словно я был воришкой у позорного столба... Мила исправно ставила меня в известность о происходящем дома, без стеснения привлекала к решению вопросов, которые, как она полагала, требовали моего участия, и, обсуждая дела, мы куда чаще, чем можно было бы предположить, сходились во мнении. Но - временами это даже раздражало меня - при разногласиях она всегда уступала, как полагала для себя единственно верным в соответствии с брачной клятвой и своим положением. Была вежлива и обходительна со всеми, кто бывал у нас дома, хотя Венжара, устроившего когда-то наш брак, она по понятным причинам терпеть не могла, а Джеб ее пугал: в отличие от многих, она знала всю правду о нем, но это не делало его общество для нее более приятным. Джеб, впрочем, не обижался... Мы с Милой никогда больше, со злополучного дня нашей свадьбы, не делили ложе. Однако, верная своим убеждениям, в обществе она играла роль моей жены превосходно, что было особенно удивительно при ее большом деловом таланте. Обычно неглупые, но несчастливые в браке женщины придают своим чувствам много значения и открыто выражают пренебрежение и презрение к мужьям, заставляя тех краснеть перед другими мужчинами, однако Мила никогда себе такого не позволяла. Я много раз слышал, как уничижительно она отзывалась о тех дамах, кто публично прохаживался по чести их невезучих супругов; думаю, тут все дело в воспитании. Ее отец вбил ей в голову, что ради блага семьи она обязана стать для любого проходимца хорошей - такой, как тот пожелает - женой и хорошей матерью его детям; что в том важнейшее ее предназначение. Мила умела ценить себя, но в то же время ее представление о самой себе было ущербно, увечно... В дикие времена на Дарбате детей сажали в вазы или затягивали в тугие корсеты, чтобы вырастить из них уродцев на потеху правителям; когда я думаю о юных годах Радмилы, иного сравнения не идет на ум. Отцовская наука изогнула, изуродовала ее внутренний стержень, как шутовской корсет - позвоночник; но свою кривую спину она держала неизменно прямо - и с тех пор, как я узнал ее лучше, это восхищало меня. Поспешный брак со мной, вообще не заинтересованным в свадьбе и не желавшим обзаводиться наследниками, был для нее страшным оскорблением, но, мне кажется, откажись она играть на людях роль моей примерной жены - тем самым в своих глазах она лишь подтвердила бы то, что заслужила эту оскорбительную для себя участь... Так мне видится это теперь. Но тогда я не задумывался об этом вовсе и беспокоился об ее предпочтениях и душевном благополучии меньше, чем об удобствах и развлечениях для своих солдат,

поскольку, в отличие от последних, Мила могла сама о себе позаботиться.

- III -

- Переступая через себя, Мила, тем не менее, научилась находить в той жизни, которой жила, определенное удовольствие; во всяком случае, так это выглядело со стороны, - снова заговорил Голем. - Ей льстило быть представленной Императору, нравилось ощущать восхищение мужчин, когда мы входили в бальную залу, нравилось вращаться среди дельцов и добиваться их уважения. Она любила делать добро и видеть его плоды. И ощущать людскую благодарность: тщеславие тоже было ей не чуждо. Она была доброй женщиной, но не святой, хотя иногда могла кому-то таковой показаться... Переворот в Круге чародеев прошел гладко, но дальше установление нового порядка продвигалось не так просто, как тебе могло показаться с моих слов, Деян. И не все покушения и поединки заканчивались для меня безобидными ожогами: среди сторонников прежнего Председателя встречались храбрые и одаренные бойцы. Когда после встречи с одним из таких меня втащили в столичный дом полумертвого и совершенно обессиленного, Мила сделала все, чтобы враги не добрались до меня раньше друзей, чем, несомненно, спасла мне жизнь: первый раз, но не последний... Два дня, пока не вернулся Джеб, она, лишенная колдовской силы, простыми лекарствами и заботой поддерживала во мне жизнь, не подпуская посторонних, каждый из которых мог оказаться убийцей. Однажды мы вместе по дороге во дворец попали в заварушку; в тот раз все, к счастью, обошлось... Я советовал Миле не выезжать из Старожья, однако она относилась к опасности с гордым пренебрежением: проще было убедить птицу не летать, чем заставить ее надолго укрыться в замке; прятаться она считала для себя недостойным... Я надолго уехал на Дарбат, но, когда первый раз вернулся, желающих поквитаться со мной стало лишь ненамного меньше. Вскоре после моего возвращения мы должны были посетить какой-то дурацкий благотворительный вечер, но меня задержали дела, и Мила отправилась одна. Негодяи к тому моменту уже отчаялись справиться со мной в честной драке и

заложили на дороге бочку с порохом; они не разглядели, что меня нет внутри, и подорвали заряд огненными чарами, когда ее - наш - экипаж двигался мимо. Опытный кучер, вечная ему моя благодарность, не проехал над самой ловушкой, а, заподозрив что-то, подал в сторону: это спасло Миле жизнь. Семеро человек, шедших и ехавших по улице, погибло, но ей повезло уцелеть - хотя она много дней еще провела между жизнью и смертью; она едва не истекла кровью, у нее была повреждена голова и поломана половина костей, обломками кареты изуродовано лицо... Лечением сразу же занялись лучшие лекари, но поначалу прогнозы их звучали неутешительно. Я был взбешен; не то слово - взбешен! Ведь ловушка предназначалась мне! И я бы, уверен, смог вовремя заметить и обезвредить ее, не задержись так невовремя... - Голем помолчал. - Найти и уничтожить подлецов не составило большого труда, но это не удовлетворило меня. Моя работа в отдаленных уголках Дарбата вызвали большой интерес не только среди чародеев и ученых, но и при дворе, так что мне было позволено на полгода отложить отъезд с условием, что часть времени я посвящу просветительским лекциям и тому подобной ерунде. Дарбатскую миссию временно возглавил мой заместитель, а я, понукаемый чувством вины и долгом, в перерывах между выступлениями в Университете и приемами у Его Императорского Величества Радислава занялся делами Милы. Вернее сказать - своими делами, которые давным-давно на нее свалил. Некоторые ее бумаги и кое-какие заметки о встречах в ее записных книжках показались мне странными; часто она виделась с явными моими недоброжелателями, и в общем-то удивительным было не это, а то, что при таком раскладе я еще жив и даже не разорен, а ровно наоборот. Я поболтал со своим приятелем из императорской тайной службы, расспросил Милиного секретаря и Нирима: я знал, что в первые годы старик не доверял ей и следил за каждым ее шагом... Потом пришлось еще раз серьезно поговорить с Ниримом, и тогда уж он отвратиться не сумел. Больше десяти лет за моей спиной творилось невесть что! Стоял за всем, конечно, Венжар - кто же еще. У меня, как я упоминал неоднократно, хватало врагов, а, если взглянуть со стороны, Мила была моим слабым местом. Я отнюдь не был беспечен в общении с ней, но все же возможностей подсыпать мне яду или подвести под смертельный удар у нее было больше, чем у кого-либо другого, а в случае моей смерти она наследовала бы мой титул и состояние. При достаточной наблюдательности несложно было заметить, что мы с ней ладим намного хуже, чем стремимся показать; неудивительно, что желавшие избавить Империю и мир от моего присутствия с завидным упорством

старались найти к ней подход. Нирим через своих соглядатаев узнал о нескольких таких случаях и сообщил племяннику, а уж Венжар немедля ухватился за возможность это использовать... Не могу сказать, почему согласилась Мила - при том, что терпеть его не могла; возможно, ей казалось забавным наблюдать, как они водят меня за нос, и то, что я, сам того не зная, становлюсь обязан ей? Она водила с нашими с Венжаром недоброжелателями "тайную" дружбу, узнавала их планы из первых рук и выдавала Венжару, а уж тот находил способ, как нанести им удар в спину, не привлекая к себе внимания. И все это втайне от меня! Венжар полагал, что мне это не понравится, и был совершенно прав; стыдно вспомнить: я пришел в такую ярость, что при встрече едва не убил его... Это была первая серьезная наша ссора. Мы не разговаривали год; потом, впрочем, помирились: я вынужден был признать, что, как бы там ни было, некоторый смысл в этой его отвратительной затее был, и принес извинения. Стоит отдать ему должное: "некоторый смысл" в том, что делал Венжар, находился всегда, сколько я его знал, и сейчас, наверное, найдется. - Голем поморщился. - Но от того многие не становятся, конечно, менее отвратительны. Милу, хоть она и звалась мне женой, я не считал близкой подругой, так что на нее в обиде за обман не был: она воспользовалась не моим доверием, но моей невнимательностью и ленью, и воспользовалась в моих же интересах, что было, учитывая обстоятельства, поразительно... Как я вскоре выяснил, за то, чтобы предать меня, ей сулили мыслимые и немыслимые блага. И совсем не обязательно ей было пачкать руки и рисковать - достаточно было просто отойти в сторону в подходящий момент, как тогда, после поединка со сторонниками Эрксеса. Однако она играла за мою команду. Я был восхищен тем, с какой ловкостью она это проделывала, и потрясен ее верностью, пусть происходила эта верность не из симпатии, а из того причудливого представления о долге, которое неприязнь ко мне сделала особенно острым. Я не раз видел на поле боя, как солдаты ценой жизни выручают ненавистного командира, но от Милы не ожидал ничего подобного; к тому же чаще, гораздо чаще мне приходилось видеть обратное, и сам я много раз подкупал вражеских офицеров и солдат... Впервые я заметил то, с какой необыкновенной женщиной столкнула меня семнадцать лет назад судьба - и как бестолково и жестоко я распорядился таким незаслуженным подарком. Изучив ее записные книжки, расспросив ее слуг, я наконец-то начал хотя бы отчасти понимать жену, и чем больше я размышлял обо всем, между нами случившимся, и о событиях последних лет - тем большим глупцом я казался сам себе и тем большими уважением и симпатией проникался к ней... Она

была... понимаешь... - Голем замялся. - Вот как бы ты рассказал о своей подруге тому, кто никогда ее не видел, Деян? Что в ней такого, что для тебя целого мира стоит?

Настала очередь Деяну мяться и мучительно подбирать слова:

- Ну... она... Эльма такой человек, что рядом с ней и помереть не страшно; товарищ и друг, которому всегда можно доверить спину; даже если ее нет поблизости, все равно чувствуешь локоть... чувствуешь силы жить - даже если нет их уже, сил. Я хотел бы иметь хоть вполовину столько терпения, доброты и мудрости, как она: быть на нее в чем-то похожим.

- Радмила так и не стала мне другом; может, и не стала бы никогда, даже сложись все иначе, - сказал Голем. - Слишком мы разные. Она не любила, боялась, даже ненавидела меня. Но на суде Господнем я доверил бы ей быть моим прокурором. Я хотел бы сделать ее счастливой, потому как она в полной мере заслужила этого; любви, уважения, доверия, счастья... Хотел - но не мог. Когда я попытался заговорить об этом с Милой, она попросила меня заткнуться и затолкать свою жалость куда-нибудь подальше. Существовавшее между нами в последние годы хрупкое приятельство рухнуло, сменившись отчуждением еще более сильным, чем когда-либо прежде. Мила не видела и не желала видеть в моих словах и намерениях ничего, кроме больно ранившей ее гордость жалости и желания выставить себя в хорошем свете перед обществом. Слава выдающегося ваятеля имела оборотную сторону; про мои возможности ходили самые невероятные слухи: в том числе что я якобы способен дать человеку новое тело, скрыть любые увечья и уродства... Разумеется, я не раз объяснял Миле, что подобное для меня невозможно, но иногда замечал в ее глазах огонек сомнения: она ведь почти ничего не понимала в природе чар, несмотря на все время, проведенное со мной, Ниримом и другими. Она научилась держаться с нами, как с ровней, но обычный для лишенных способностей людей суеверный страх перед непостижимыми их разумом силами все равно сохранялся в ней. Иногда я кожей ощущал его, этот страх, направленный не на сотворенные чары, но на меня самого. А при дворе шептались, что я могу, но не желаю помочь жене и многим другим мои соратникам, искалеченным в битвах или одряхлевшим... Небеса мне в свидетели, как я хотел бы подобного! Ради этого я изучил, насколько оказалось возможно без принесения священных обетов, искусство становления *немертвых* на Дарбате. Нельзя сказать, чтобы я вовсе ничего не достиг, но временные, неудобные в использовании "протезы", почти как тот, который я приладил

тебе, - это самое большее, чего я смог добиться.

- Не так уж и мало. - Деян пошевелил искусственной ногой, ощущая слабое покалывание в стопе. - И не такая уж она неудобная.

- Поверь, это скорее твоя заслуга, чем моя, Деян. К моему сожалению, на большее я оказался не способен... И Миле это помочь ничем не могло. Но она и не желала моей помощи - как не желала и моей дружбы. Моя же привязанность к ней только крепла. Не знаю, правильно ли называть это запоздалое чувство любовью, но я не знаю другого подходящего слова. Время шло, и скоро я уже ничего не желал так сильно, как того, чтобы наш фиктивный брак стал настоящим, дополнился близостью физической и духовной... Милу это тревожило и злило. Иногда она выказывала неприязнь ко мне даже большую, чем, смею надеяться, испытывала... Я мог принудить ее к чему угодно, но об этом, конечно, не было и речи. Хотя сейчас я иногда думаю: может быть, она этого и ждала от меня, этого и хотела? - Голем помолчал. - Чтобы я взял ее силой, не оставил выбора, обязал ее вести себя со мной так, как мне угодно. Это позволило бы ей в поступках создать видимость примирения со мной, не переступая через гордость... Дома вновь установился бы мир, и она могла бы быть спокойна, чувствуя свое надо мной духовное превосходство. Вряд ли принуждение навредило бы ей: и так уже огромное напряжение между нами было невыносимо для нас обоих. Быть может, мне стоило напомнить, что я ее законный муж, и поступать соответственно... Не знаю. Тогда я злился и презирал себя за то, что позволяю себе хотя бы размышлять о подобном... Понимание, что лишь грубой силой я способен получить любимую женщину и почти готов поступить так, невзирая на ту боль, какую могу ей этим причинить, было для меня пытке подобно. Я без конца корил себя за свою прошлую черствость: прояви я много лет назад хоть толику такта, стена между нами была бы тоньше. Но чего не случилось, того не случилось. Однако примириться с настоящим я не мог и, признаться, не считал, что заслуживаю того отношения, какое получал. Подобно многим мужчинам, в юности я был "кону неши", как говорят хавбаги, "толстокожим похотливым ослом" - но и только; и не сделал Миле ничего дурного, кроме как женился на ней. Я дал ей власть, богатство и свободу распоряжаться своей жизнью, насколько это было возможно для женщины ее положения в Империи. Ей пришлось пострадать из-за меня, но это был ее выбор: играть в опасные игры в столице, а не жить в надежно защищенном замке, как я предлагал... Я бывал груб и зол на язык, пренебрегал благодарностью за то добро, что она, пусть и не всегда от сердца,

делала для меня; признаю, я не был идеальным супругом; но кто им был? За свою жизнь, Деян, я видел тысячи и тысячи мужчин, которые ни в грош не ставили жен, сами не стоя ни гроша, и творили отвратительные вещи - но тем не менее были любимы... В сравнении с ними я был сама доброта и учтивость, и мне казалось - я заслуживаю, по крайней мере, некоторого уважения и признательности.

- Не имею большого опыта с женщинами, но, наверное, ты прав, - сказал Деян, уловив в интонации чародея вопрос. - Вот только рассудочные суждения в таких материях мало что значат, по-моему.

- IV -

- Прав или нет, но так я думал тогда, и потому обида жгла меня весьма остро, - продолжил Голем. - Всем своим существом я желал чаще бывать на Алракьере, где мог хотя бы видеть жену и пытаться добиться ее расположения, но каждое пребывание дома неизменно оборачивалось для меня мучением - и я снова бежал прочь, загоняя лошадей по дороге до порта. Моя служба позволяла мне иногда возвращаться, но обязывала подолгу отсутствовать, и в том было мое спасение. Огромной радостью стал для меня перевод на Острова, где я был необходим, где велик был риск и служба требовала полной отдачи; где я имел удовольствие постоянно работать с Первым Королем Миргом Бон Керрером и другими выдающимися умами. Жизнь среди хавбагов, их поразительные обычаи и верования значительно повлияли на меня; я стал иначе смотреть на многие вещи. Но все же я не мог изгнать Милу из мыслей, как ни старался; у меня бывали мимолетные интрижки с другими женщинами, но не более. Я часто писал ей письма. Полагаю, она сжигала их, не читая... После одной особенно опасной авантюры, завершившейся удачно, я за кувшином таоки поделился с Миргом своей бедой: он давно проявлял любопытство к причинам моего непроходящего дурного настроения. Выслушав меня, он со свойственным ему тактом напомнил мне притчу о глупом олене, который так гордился своими роскошными рогами, что ходил, не склоняя головы, и однажды помер с голоду: редкий случай, когда Мирг в своих

поучениях имел в виду не меня... Или, вернее сказать, не только меня. "Ани ер онгран", - добавил тогда Мирг. Никто не совершенен. - Голем вздохнул. - Мила, как и все мы, не была совершенством: ее непомерная гордость и обидчивость порой граничили с глупостью, а в честолюбии она могла поспорить с Венжаром. Несмотря на доброту, ей недоставало мягкости: она могла накормить голодных, но не утешить, в глубине души полагая их самих виновными в их несчастиях... У нее был тяжелый нрав. Мое изменившееся к ней отношение не встретило сочувствия у многих моих друзей; но я любил ее вместе со всеми ее недостатками и плевать хотел на чье-то неодобрение. Я был самоуверен и не привык к поражениям, потому верил, что, несмотря на все предшествующие ошибки и недоразумения, со временем добьюсь если не взаимности, то хотя бы доброго отношения и дружбы; с таким исходом я готов был смириться, понимая, что и сам настолько далек от совершенства, насколько возможно. Со временем! А времени у меня как раз-таки и не было... Потому как Радмила была простым человеком, почти вовсе лишенным способностей к колдовству. Несмотря на все усилия придворных лекарей, старость приближалась к ней, все ускоряя шаг; искусственная кожа и чары иллюзии, скрывавшие оставшиеся после покушения шрамы на руках и лице, помогали все хуже: от постоянных подновлений почти не было толку. И ничего больше нельзя было поделать. Я ведь уже говорил - не существует никаких зелий вечной молодости или камней долголетия, способных продлить человеку жизнь.

- Но почему тогда вы, чародеи, столько живете? Ты говорил, тебе куда больше ста лет - и это не считая того времени, что ты отсутствовал. - Деян с сомнением посмотрел на Голема. Тяготы последних дней с виду прибавили тому немало лет, но все равно чародей выглядел еще человеком нестарым, какое уж тут "больше столетия". Шапка густых светло-русых волос, сейчас потемневших от грязи, еще даже не начала редеть, и то, что его отросшая бородка при этом была абсолютно седа, казалось какой-то нелепицей.

- Дело в нас самих. В наших способностях, - Голем приложил ладонь к груди. - То, что позволяет нам творить чары, здесь, на Алракьере, называется "хинра". Хинра сродни духовной крови: как физическое тело наполняет кровь, так хинра циркулирует между душой и телом - у каждого человека. Она не вытекает из ран, как кровь, но ток ее слабеет со временем, она становится жидкой и бесцветной, как вода, - и тогда приходит смерть.

- То есть это что-то вроде жизненной силы? - стараясь увязать все услышанное воедино, спросил Деян.

- Грубо говоря, да. Объем, или, вернее, плотность хинры каждому от рождения дана разная, и разная способность управлять ее потоком. Возможно ли человеку управлять током своей крови?

- Нет, - не задумываясь, выпалил Деян. - Хотя, погоди-ка...

Вспомнилось, как отец учил, поранив палец, подымать руку вверх, чтоб кровь скорее перестала течь. Вильма же, порезав руку, делала и вовсе что-то такое, отчего глубокая рана переставала кровоточить очень скоро. А зимой старуха иногда ходила в одной шали и не мерзла.

- Верно: в некоторой мере все-таки возможно. - Голем улыбнулся. - Есть всякие хитрые приемы, которым учат солдат, чтоб те при ранении вернее дотянули до госпиталя. Встречаются и настоящие мастера управлять телом, даже безо всяких чар: они заставляют быстрее затягиваться раны, подолгу могут обходиться без воды и пищи, переносить жару или холод, ходить по битому стеклу и железной стружке, не раня ног. Но такое мастерство - большая редкость, требует тренировки и, как правило, тоже все-таки связано с управлением хинрой. Хотя я встречал исключения... Но это, повторюсь, редкость, и речь не о них, а о том, что постоянные манипуляции с потоками хинры постепенно изменяют тело: оно лучше служит, легче переносит болезни, медленнее стареет. Намного медленнее, если человек одарен с рождения и беспрестанно использует и развивает свои способности. Для меня нисколько не удивительно, что Венжар ен'Гарбдад все еще жив, и если он сейчас выглядит как старик - это свидетельствует лишь о времени, прошедшем с последней нашей встречи. На мне сильно сказалась болезнь и проведенные взаперти годы. Будь все как должно, я все же вряд ли дожил бы до нынешних лет; но останься я лежать и бездействовать в казематах - умер бы, не дожив и до сорока, несмотря на все свои немалые способности. И мой бедный отец после того, как я заковал его руки в золотые браслеты и тем лишил возможности контролировать хинру, за несколько десятков лет состарился и умер, как обычный человек. Природные способности к управлению хинрой и беспрестанная практика в них - вот два камня, на которых строится долголетие чародеев. Мы так крепко держимся за жизнь не из-за того, что можем творить чары, но потому как творим их... Слабой хинрой управлять почти невозможно, поскольку в таком случае нет, говоря образно, свободы маневра: весь объем хинры уходит на то, чтоб поддерживать постоянный, необходимый для жизни поток. Хинра может истощаться со временем или от перегрузок, но может и постепенно восстанавливаться, разгонять, усиливать сама себя -

однако лишь тогда, когда поток уже имеет достаточную силу: как говорится, с четырех семян четырех полей не вырастишь... Ты видел сам: недавно я перешел черту. И лишь твое вмешательство одному тебе известным образом спасло меня от гибели.

- Я знаю от друзей, что старуха Вильма когда-то проделала похожее со мной, - сказал Деян. - Что это за колдовство, мне неизвестно, и я на него не надеялся... По правде, я просто не знал, что еще делать.

- Однако сработало: я жив и даже снова могу пройти от стены до стены, не свалившись. Но будь я слабее - уже ничего не спасло бы меня, - сказал Голем. - Тем, чьи способности малы, может помочь только обычное лечение, когда оно своевременно. Неодаренным можно продлить молодость и жизнь лишь незначительно, используя всякие фокусы, и никакие артефакты, чудо-снадобья и кушанья из мяса убитых чародеев тут не помогут... У тех, кто от природы одарен, но не учился контролю хинры, способности иногда прорываются сами собой: эта малость все же влияет на них и добавляет выносливости, позволяет выжить тогда, когда другие бы умерли. Однако для того, чтобы сделать свою жизнь более долгой или хотя бы более благополучной, им необходимо учиться использовать свои силы осознанно и ежедневно уделять время практике. Иначе итог будет печален.

- Лучше скажи прямо, к чему клонишь, - ворчливо сказал Деян.

- Ты вряд ли протянешь до старости, если вскоре не начнешь учиться. И наверняка проживешь меньше, чем если бы...

- Бросил все и сделался одним из вас, да? - перебил Деян. - Ты уже что-то такое говорил, но сам признавал, что это неточно, и один Господь знает, что из этого может выйти... Помню, в детстве я играл с друзьями в крепость, и те называли меня чародеем. Чародеем по прозвищу Цапля. Это смешно, не находишь?

- Ты не понимаешь. - Голем покачал головой. - Я не преувеличиваю. Для тебя это, можно сказать, вопрос жизни и смерти, пусть не завтрашней, но скорой.

- Да все я понимаю! - Деян поморщился, недовольный тем, что не удалось перевести раздражающий разговор в шутку. - Но до того меня тридцать раз может настигнуть смерть сегодняшняя, не так ли? Да хоть крыша вот сейчас на голову рухнет! Так что давай оставим это, а?

- Крыша твою голову не проломит, уж об этом у меня хватит сил позаботиться, - серьезно сказал Голем.

- Приятно слышать, - проворчал Деян. - Но лучше будет, если

ты продолжишь о том, о чем начал.

Час уже был такой, что, по правде, еще лучше было бы лечь спать - но беспокойные мысли все равно не дали бы заснуть, а любопытство требовало дослушать до конца. Узнать, что все же творилось в голове у человека, уведшего его за сотню верст от дому и ознаменовавшего своим нежданным появлением конец всей той жизни, какую он, Деян Химжич, знал.

Рассказ чародея не был похож ни на одну из историй, какие Деяну приходилось слышать прежде, и наверняка более правдив, чем жизнеописания Церковных отцов или байки Тероша о его похождениях, хотя во многих моментах ничуть не более правдоподобен. В том заключалась, несомненно, его прелесть; прелесть яви, похожей на сказку: сражения и далекие страны, короли и убийцы, тайны и колдовство, ненависть и любовь... Все, как в самых лучших историях. Вот только эта сказка-явь содержала еще несчетное количество человеческой мерзости и слабости и не имела счастливого конца.

- Способности Милы были столь малы, что, можно сказать, их не было вовсе, - сказал Голем. - Никакие ухищрения уже не могли скрыть ее возраста. Она выглядела, наверное, чуть старше меня; в моих глазах она была прекрасной женщиной зрелых лет, однако себе она, должно быть, казалась старухой, морщины и шрамы внушали ей отвращение к собственному лицу. Я не встречал никого, кому нравилось бы стареть, но, насколько могу заметить, женщины относятся к вопросам возраста особенно болезненно. И непримиримы к тому, что сами считают уродливым, сколь бы ни было оно малозначимо для других... Таковы, думаю, все женщины, и женщины-чародейки тоже - но в их распоряжении много времени и много ухищрений, чтобы его обмануть. А для таких, как Мила, старость быстра и беспощадна, словно бадэйская конница. Я знал, конечно, что однажды такое случится: сначала время возьмет свое, а затем смерть заберет Радмилу у меня на глазах - и я не смогу ничего, кроме как стоять в стороне. Но на поверку наблюдать оказалось невыносимо... Из-за злосчастного покушения утрата красоты настигла Милу раньше, чем та ожидала; здоровье ее больше не было столь крепким, как прежде, старость еще не наступила, но приближалась стремительно. Все это явилось для нее страшным ударом. За несколько лет она очень переменилась: начала избегать выходов в свет, впервые не вернулась на зиму в столицу, объявив о нежелании выезжать из Старожья, стала раздражительна, замкнута и, казалось, вовсе разучилась улыбаться. Я эгоистично ревновал любимую женщину к вечности, но смог бы смириться с естественным ходом вещей; думаю, смог бы - но не с теми страданиями, какие это доставляло

ей... Уже давно я искал способ помочь и, не преуспев в создании искусственных тел на замену настоящим, пришел к выводу, что единственный путь надолго отсрочить для неодаренного неизбежное - это нарастить его способности. Не существовало учения, которое предлагало бы, как к этому подступиться, но мои навыки ваятеля, знание искусства немертвых Дарбата и практик священнослужителей Островов позволяли взглянуть на вещи чуть шире. Видишь ли... Считается, что бытие и небытие - как два конца палки, два полюса, - Голем для наглядности поднял полено и покрутил его перед носом, - соединенных вечным током хинры, духовной крови, который делает живое - живым; хинра каждого человека вносит свою долю в великий поток между полюсами. А между ними, на границе привычного нам, полного жизнью мира и дальше, за ней, лежит поле пронизанной хинрой *неопределенности*, где несбывшееся смешивается с несбыточным и порождает немыслимое и непознаваемое. За гранью мира пожирают друг друга химеры, безумие льется дождем на укрытую багровым туманом землю и бродят души, страшащиеся ступить в небытие или расстаться с его покоем ради суеты жизни, или не прошедшие еще свой путь к воплощению. Их хинра слишком слаба для живых, но слишком сильна для мертвых, слишком густа для того, чтобы раствориться в небытии. Обычные чары затрагивают лишь самый край этой *неопределенной* реальности, увязывая потоки и возвращая в мир несбывшиеся возможности. Лишь некроманты и ваятели погружаются чуть глубже ради того, чтобы призвать невоплощенных в мир, передав им вместе с частицей души долю своей хинры и усилив таким образом их поток. Любое проникновение за край мира справедливо считается делом непростым и опасным; серьезное путешествие туда, пожалуй, не считалось неосуществимым только потому, что оно представлялось совершенно ненужным, и никто до меня не рассматривал такую возможность всерьез. Я же, повторно изучив некоторые заметки старых дарбатских мастеров, понял, что не вижу препятствий к тому, чтобы, отделив дух от тела, спуститься туда и немного побродить в тумане, подобно другим душам, пока не отыщу в великом потоке ручеек хинры моей жены и не усилю его своим... В мире такое смешение не давало никакого результата, но за краем, в неопределенной реальности несбыточного, это должно было сработать - наподобие того, как это происходило при воплощении *полуживых*. Только без разделения души. Спуститься за край не было для меня проблемой - но необходимо было отыскать там поток Милы, напитать его и вернуться обратно. Способ поиска я вывел из заметок дарбатцев, в возвращении же посчитал возможным

положиться на то, что хавбаги называли "нитью": слабый след хинры, сохраненный особым образом и способный существовать продолжительное время даже за краем. Все это необходимо было проделать быстро, до того, как картины несбыточного раздавят мой разум и химеры разорвут меня на куски, но я за годы практики как ваятель до некоторой степени привык к ирреальности неопределенности и ее чудовищам, потому считал, что сумею управиться в срок, и риск неудачи невелик... Как неоднократно тебе говорил - я был весьма самоуверен; пожалуй, во всей Империи не удалось бы отыскать другого такого самоуверенного осла! - Голем напряженно рассмеялся. - Это была теория; оставалось доработать детали и осуществить ее на практике. Время поджимало: Миле было бы мало проку с моего успеха, если б она превратилась к тому моменту в немощную старуху; к тому же жизнь для нее все глубже погружалась во мрак... Пытаясь приободрить ее, я рассказал ей, над чем работаю, и что решение близко - надо только подождать; она, равнодушно пожав плечами, посоветовала мне сосредоточиться на службе вместо того, чтоб лезть в чужие дела, и отказалась продолжать разговор. В тот момент прошлые наши отношения, по-видимому, окончательно зашли в тупик... На собрании Круга я доложил о своих исследованиях, пребывавших тогда еще в виде черновых набросков, и о своих намерениях. Доклад произвел большое впечатление, но совсем не то, какого я желал: товарищи посоветовали мне умерить амбиции и пыл или уж, если охота распрощаться с жизнью, не тратя времени намылить себе веревку - но лучше все же передохнуть год-другой... Со стороны нашего тесного чародейского общества Мила не снискала большой любви, как, впрочем, и никто из неодаренных, потому чувства, что двигали мной, вызывали у них глубокое недоумение. Разве что Председатель Марфус отнесся к моим идеям с некоторым пониманием и интересом: его огромные знания помогли ему лучше разобраться в сути; к тому же по непонятному капризу природы один из его внуков, Корбан, родился неодаренным. Он был умен и образован, занимал ответственный пост в земельном министерстве, но через каких-то двадцать-тридцать лет смерть обещала прервать его многообещающую карьеру; Марфуса это, конечно, огорчало: он тепло относился ко всем без исключения своим потомкам, а Корбан - я знал его немного - был, кроме того, очень достойным человеком... Так что старик Марфус хотя бы выслушал меня, обошелся без шуточек и подкинул пару небесполезных идей. Венжар - тот просто сказал, что я, должно быть, все-таки помешался, раз завел этот разговор всерьез, и добавил много неприятных слов в адрес Радмилы и мой; если бы

не вмешательство Марфуса, наша беседа завершилась бы поединком. Не получив поддержки, я отбыл на Острова, кипя от злости, и, выкраивая время между служебными делами, продолжил работу вдвоем с Джебом, которого попросил оставить на время своих стихоплетов и живописцев и присоединиться ко мне. Некоторые моменты я все же обсуждал в письмах с Марфусом и знакомцами с Дарбанта: кое-какие детали в той части, что касалась поиска нужного потока хинры, оставались мне не ясны, и многое еще требовало дополнительной проверки. Однако основное было готово: собраны все нужные ингредиенты, выстроены заклятья, схемы и план действий... В последний день осени должно было состояться собрание Малого Круга в Ризбеле. Знакомое название, Деян?

- Никогда не слышал.

- Этот шумный городок находился на Ислимском озере, в сутках конного пути на юго-восток от Старожья. Сейчас на карте вместо озера - болотце, и никаких следов Ризбела, как и других городов... А когда-то Медвежья сторона Заречья была намного более многолюдным и обжитым местом, чем сейчас. И прежде большую ее часть покрывал лес, но его повсюду рубили для стройки и под пашни, через него тянулись дороги, шла торговля.

- Сложно представить, - сказал Деян.

- Понимаю; а мне сложно представить, как это превратилось в то, что есть теперь, - резко сказал Голем. - Никогда мне не нравился Ризбел. Но все же он не заслуживал того, чтоб быть стертым с лица земли, и его отсутствие не красит карту. Хотя так подумать - это естественно. - Тон чародея смягчился. - За столько лет... Города и государства - детища людей: они рождаются и умирают подобно людям. Я видел в лиственных лесах Дарбата развалины столь древние, что невозможно предположить их предназначение или прочесть знаки на немногих уцелевших камнях: народы, что их оставили, давно исчезли с лица земли. Такой же странной грудой камней стал для вас мой дом... Когда-то я много размышлял о том, как жили древние, что это были за люди, но не мог и предположить, что однажды сам окажусь на их месте. По уму, мне стоит радоваться уже тому, что мы с тобой говорим на одном языке; должно быть, тут сыграло роль то, что вы жили очень обособленно.

- Мы понимаем приходящих из большого мира, хотя говор у них смешной, - сказал Деян. - Ты тоже говоришь странно, но по-другому.

- Не удивительно... Так вот: Ризбел. - Голем с едва слышным вздохом вернулся к рассказу. - Обычно жизнь в провинции стягивается к княжескому двору, но Заречье можно считать

исключением. Мои предки любили уединение, точнее сказать - боялись бунтов и болезней: укрыться от чумного мора в центре большого города было бы затруднительно. Поэтому был издан указ, запрещавший торговать и строить большие дома ближе, чем в дне пути от Старого Рога. Окрестные хозяйства обеспечивали замок всем необходимым, а искусственные птицы-вестники - я говорил ведь, что среди моих предков многие были ваятелями? - позволяли приглядывать за жизнью в Ризбеле и по всему Заречью из замка не хуже, чем откуда бы то ни было еще. К тому времени, как власть досталась нам с Джебом, Ризбел был вторым по величине городом в Заречье, уступая только Интону, стоящему на перекрестье торговых путей. Заречье, тихий угол в центральной части Империи, хорошо подходило для сборов Круга, но принимать всех в замке было бы обременительно; к тому же для гостей там недоставало развлечений: так что когда Круг собирался у меня - это происходило в Ризбеле. Дела на Островах держали меня довольно крепко, так что я намеревался приехать в город к самому собранию и там еще раз доложить свои теоретические выкладки - теперь более обстоятельные, чем прежде - в надежде, что обсуждение, пусть даже и скандальное, выявит в них возможные слабые места. Но вышло иначе. С почтой с материка ко мне пришло короткое письмо от Нирима, обеспокоенного здоровьем Милы: она была сама не своя, мучилась тяжелой бессонницей и срывалась на слуг, чего за ней никогда не водилось; перебила в замке половину зеркал, а другую приказала убрать. То, что с ней происходило, Нирим называл нервным расстройством и выражал опасения, что оно может прогрессировать. Я был встревожен до крайности. Почта шла долго: письмо было написано еще в начале лета, и мысли о том, что происходит дома теперь, повергали меня в панику - а ни о чем другом думать я больше не мог... По протоколу я не имел права уехать раньше положенного срока, но с позволения Мирга я, вместе с Джебом, скрылся тайно на дюжину дней раньше и отправился на Алракьер с первым попутным судном, тогда как мой корабль должен был вовремя отбыть со всеми почестями, но без меня на борту, о чем, конечно, никому не полагалось знать, кроме верной и неразговорчивой команды. Мирг был воистину расположен ко мне, раз позволил этот поспешный тайный отъезд; боюсь, как бы это, учитывая дальнейшее, не вышло для него боком...

Полено в очаге плюнуло искрами.

- Дома все было так, как описывал Нирим, - продолжил Голем, помолчав. - Мила выглядела удрученной и измотанной. Но я был бесконечно рад ее видеть - чего, увы, нельзя сказать о ней:

первоначально она вовсе не пожелала выходить ко мне и заперлась в спальне. Лишь к вечеру голод выгнал ее к столу. После ужина я сказал ей, что решение совсем близко: осталось только обсудить на Круге некоторые детали, а затем я вернусь и приложу все силы к тому, чтобы покончить с ее досадной проблемой; я хотел ее успокоить, но вышло наоборот... С ней приключилась истерика. Она назвала меня лжецом - худшим из лжецов, который лжет безо всякой причины и находит удовольствие в том, чтобы дурачить других ложной надеждой - и отвесила мне пощечину. "Вы подлец, - сказала Мила, - раз не можете хотя бы оставить меня в покое!" За ужином было чересчур много вина и для нее, и для меня; я совершенно потерял голову. Ярость овладела мной без остатка. Но я никогда бы не обрушил ее на ту, которую любил! Тот, кто выдумал твою сказку, был человеком недалеким или же по каким-то причинам имел обо мне мнение еще худшее, чем я заслуживал.

- Я верю, что ты не убивал жену. - Под пристальным взглядом чародея Деян почувствовал себя неловко. - И не я выдумал эту сказку. И даже не Вильма... наверное.

- Думаю, случайных свидетелей нашей ссоры я в самом деле напугал не на шутку... Разве что Джеб, как всегда, сумел остаться невозмутимым. Ярость во мне искала выхода и требовала действовать; я желал доказать, что на самом деле хочу помочь и могу помочь. А Джеб не отказался помочь мне... Он никогда мне не отказывал. Я немедленно спустился в подземелье, где у меня хранилось все необходимое - кроме того, что я привез с собой, - и начал подготовку к ритуалу. Старик Нирим пытался остановить меня, сперва уговорами, затем силой. Мне пришлось попросту оглушить его.

Голем замолчал, глядя в пустоту перед собой.

- И что же получается: ты тогда начал этот свой ритуал - и очнулся только сейчас? - нетерпеливо спросил Деян.

- Так оно для мира, - сказал Голем. - Но не для меня.

- V -

- Чем глубже я погружался в неопределенность, тем больше все походило на дурную дремоту при тяжелой лихорадке, когда бредовые видения становятся яркими и будто плотными, на время

подменяют собой явь. Но за лихорадкой приходит смерть или выздоровление; мне же необходимо было научиться существовать в этом ирреальном омуте. И ловить рыбу в его мутных водах. - Голем усмехнулся. - Я надеялся, как несложно догадаться, завершить все за несколько дней, еще до собрания Круга, однако на глубине каждое действие давалось мне необыкновенно тяжело. Джеб справлялся чуть лучше, и я сказал ему удерживать след моей хинры - наш путь в реальность. Мы искали нить жизни Милы, ее поток. Я старался думать только о цели и не мог судить, сколько уже прошло времени, однако понимал, что намного больше, чем я изначально отводил на поиски. Наконец мы нашли то, что искали: поток ощущался немного иначе, чем я себе представлял, однако это была, несомненно, хинра Милы. Объединив нашу силу, мы с Джебом наполнили поток так, что он увеличился втрое: это должно было оказаться достаточным, чтобы продлить ее жизнь по меньшей мере на столетье. Затем мы начали путь назад; однако истощение сил после долгих поисков и наращения потока оказалось слишком велико... Делая расчеты, я не учел того, что ослабею столь сильно и быстро; ослепляющий гнев поначалу мешал мне разумно расходовать силы - это тоже сказалось... Сперва мы медленно продвигались к границе, потом - топтались на месте, а затем нас стало затягивать вглубь. Была надежда, что кто-то попытается отыскать нас или притяжение глубины почему-то ослабнет, и Джеб потратил все свои оставшиеся силы на то, чтобы закрепить след нашей хинры; после этого его разум как будто уснул: я ощущал его присутствие рядом, но не мог уловить ни одной мысли или чувства. Ирреальность подавила часть и моего сознания. Но я продолжал сопротивляться и пытаться вырваться из ее плена; должно быть, чистое упрямство заставляло меня продолжать даже тогда, когда след, ради которого Джеб отдал остатки сил, все же погас. Я не хотел быть поглощенным теми нелепыми химерами, что постоянно атаковали меня, или раствориться в том едком красном тумане, что порождал их... Непреодолимая пропасть времени и пространства отделяла меня теперь от начала ритуала, но хинра тех странных тварей, которых я убивал, как-то поддерживала мои оскудевшие силы. Даже чуть приумножила их. Я держался за прошлое, беспрестанно вспоминая прожитую жизнь, и размышлял о своих победах и ошибках; не позволял себе забыть, кто я, и продолжал существовать... Я сам стал, должно быть, чем-то вроде химеры; ирреальность не уничтожила меня, но сделала одним из своих чудовищ. Затем вдруг ненадолго вновь вспыхнул старый след... Не имею понятия, отчего это случилось: возможно, кровь рода способна на подобное, несмотря на

дальность родства. Ты потерял много крови у скалы в тот день, когда тебе раздробило ногу?

- Столько, что чуть не умер. - Деян поежился, вспомнив мертвенный холод, от которого отступала даже боль. - Так это я сам, получается, тебя и пробудил?

- Возможно. - Голем пожал плечами. - По моим прикидкам, я начал приходить в себя около дюжины лет назад: время примерно то. След почти сразу погас опять, но я запомнил направление и постепенно за эту дюжину лет пробился в реальность. Точнее сказать, проник, просочился, как кровь сквозь камни... Вытащил за собой Джеба - и первым делом обнаружил то, что от его прежней личности ничего не осталось. Это повергло меня в шок. Я шел на риск, даже не думая о том, что рискую обеими нашими жизнями; просто сказал ему следовать за мной и принял его помощь как должное... Он потворствовал мне и отдал все в безуспешной попытке спасти нас. Видеть и чувствовать то, что с ним сталось, для меня оказалось пыткой; я до сих пор не привык и, наверное, полностью никогда не привыкну. - Голем повернулся к великану. - Но тебе не нужно беспокоиться об этом.

Деян ожидал, что великан непременно скажет что-нибудь, и начнется одна из тех бестолковых перепалок, которые случались между ним и "мастером" время от времени, но на сей раз Джибанд промолчал, только чуть качнул обезображенной головой, давая понять, что услышал сказанное.

- Сам я чувствовал себя чрезвычайно странно... - Голем искоса взглянул на великана, возможно, тоже удивившись его сдержанности. - После бесконечного пребывания чем-то иным я вновь по-настоящему стал самим собой; почти тем же, кем был раньше. Это было как пробуждение: долгий и яркий кошмарный сон отпечатывается в душе - но, просыпаясь, мы оставляем его на подушке... Придя в себя достаточно, чтобы встать на ноги, я открыл проход из казематов наверх; мы выбрались под небо. Я догадывался, что прошел большой срок от того дня, когда я спустился вниз, однако не ожидал, что передо мной предстанут одни лишь жалкие руины среди векового леса. Замок простоял полтысячи лет до моего рождения и, как я думал, должен был простоять еще столько же... Джеб с детской непосредственностью изумлялся миру и расспрашивал обо всем вокруг, чем доводил меня до исступления. Я засомневался в том, в своем ли я уме. Меня всегда пугала возможность сойти с ума, как отец, но теперь я не мог сказать, что страшит меня больше - сумасшествие или то, что все видимое мной - реально. Действительность придавила и оглушила меня. Я рад был вырваться из кошмаров небытия и вновь дышать, но воздух жег легкие, тело едва слушалось; лишь

упрямство, как и прежде, не позволяло в полной мере поддаться отчаянью. Нужно было отправляться на поиски людей, но я никак не мог заставить себя двигаться, просто сидел и смотрел на руины, стараясь не слышать бубнеж Джеба. Потом появились дети, но сразу убежали. Я, кажется, чем-то случайно напугал их... Пришлось все-таки пойти за ними. Когда ваш староста стал грубить, в голове у меня совсем помутилось; хорошо, что та храбрая женщина... как ее звали?

- Солша.

- Хорошо, что Солша остановила меня. Вы ничего не могли рассказать о прошлом, и о настоящем дне ваши знания оказались почти столь же скудны. А ведь за десять лет до того, как все случилось, Радмила издала закон, по которому каждого ребенка в Заречье должны были обучить чтению и письму! Жизнь стала беднее и хуже, чем я ее помнил. В этом мне чудились происки неведомого врага, но я не мог предположить, кто он, этот враг; образ отца, видевшего недоброжелателей в каждой тени, живо встал в моей памяти. Я решил, что, должно быть, разум мой действительно дал трещину, но понадеялся, что, когда я заново привыкну к миру, помешательство пройдет, - и ушел... Я хотел обдумать все и отдохнуть. Джеба я оставил приглядывать за вами в надежде, что произойдет что-то необычное или вы проявите с ним большую откровенность, чем со мной. Но, убедившись в бесполезности этой попытки, отозвал его: он выводил меня из себя, однако без него я чувствовал себя совсем скверно. Тебя в толпе селян я приметил почти сразу: сложно не заметить того, кто словно сошел с ростового портрета в галерее при усыпальнице. Однако я посчитал, что это еще один знак расстроенного сознания, и ты мне мерещишься... Лишь когда я в третий раз увидел тебя ночью, то понял, что ошибся и имею дело со случаем редкостного внешнего сходства. Из того, как вы с полуночным налетчиком смотрели друг на друга, я понял, что вы хорошо знакомы, и, когда ты ушел, расспросил его. Этот... Как его звать по-людски?

- Кенек.

- Кенек немного рассказал мне о тебе. О несчастии на скале, о том, что знахарка и священник обучили тебя грамоте. Как упрямо ты старался выучиться обходиться деревянной ногой, несмотря на страшные боли.

- Трепло! Ему-то откуда об этом знать, - проворчал Деян, чувствуя, как к лицу приливает кровь. - После того, как я покалечился и потерял родителей, мы почти не общались.

- Известное дело: здоровым неловко рядом с хворыми и несчастными. Однако он не переставал следить за тобой. И

многое смог рассказать, хотя, конечно, не все из этого было точно. Поначалу он не хотел отвечать, хотя я заверил его, что не держу на тебя и хозяев дома зла; пришлось припугнуть его. С его слов я понял, что ты сирота без семьи, оставшийся теперь на иждивении соседей, поскольку увечье и телесные хвори не позволят тебе одному вести хозяйство. Затем вернулся ты сам, стал ругаться со мной, заговорил про сказку... Тогда я решил, что это знак судьбы. - Голем отвел глаза.

- Знак судьбы? - недоуменно переспросил Деян.

-Ты несколько раз спрашивал меня - почему я взял тебя с собой. А еще прежде - почему я не забрал у вашего старосты лошадь, чтобы поехать верхом, и оставил твоим односельчанам ружья... Вот тебе и ответ. - Голем вздохнул. Вид у него был смущенный. - Не нужно большого ума, чтобы понять, насколько в твоей Орыжи плохи дела, насколько велика опасность новых нападений. А я не хотел бросать село в еще худшем положении, чем до своего возвращения: вы - жители моих родовых земель, потомки моих людей, а значит, и я, когда-то оставивший ваших предков на милость судьбы, отчасти ответственен за ваши нынешние беды. Одиночество - мое слабое место, как ты знаешь; разговоры с Джебом сводили меня с ума, и я боялся уходить один. Но еще хуже, чем забрать оружие, - увести руки, которые способны его держать; да и кого я мог бы забрать с собой? Кого-то из крепких стариков или женщин, лишив их семьи последней опоры и поставив себя в неловкое положение? Этого Кенека, труса и подлеца, который перерезал бы мне горло при первой возможности? Беседой с ним я за час насытился сполна! Толстяка священника оторвать от паствы и детей? Нет. А тут подвернулся ты... Нужно было потрудиться над тем, чтобы ты смог идти, но в остальном сама судьба указывала мне на тебя, несмотря на твою очевидную неприязнь ко мне. Тебя отличали не только странное сходство с моим предком и осведомленность, но и положение: сделав тебя своим спутником, я, как мне виделось, никому не причиню зла... Это казалось мне очень важным: раз я не способен поправить дела - то хотя бы не вредить больше. Поэтому ты здесь, Деян. Твоя прямота понравилась мне. Я подумал: будет не так уж плохо, если часть моих сил, скудных, но для меня самого все равно бесполезных, послужит тебе. Но главная причина все-таки заключалась в твоем особенном положении; когда я узнал, что ошибся, переигрывать было уже поздно. Тот тип, Кенек, был уверен, что ты в той семье только гость, которого вынуждены принимать из-за соседского долга; и ты им чужой, и они тебе. А я соображал еще слишком туго для того, чтобы заметить сразу, сколь глубоко он заблуждается.

- То есть ты велел мне идти с тобой, потому как в Орыжи от меня пользы никакой, и обо мне там плакать некому? - Деян улыбнулся: от услышанного почему-то сделалось не обидно, а смешно. Может быть, из-за смущения, с которым говорил чародей. - Ну, тогда ты нисколько не ошибся: все правильно. Если чьего-то отсутствия в Орыжи не заметят, так это моего; одна лишь Эльма да дети, быть может, действительно сожалеют о моем уходе... Но так ли уж сильно? Все правильно.

Голем покачал голово:

- В тебе говорит обида. Или неопытность... Та девушка в доме, Эльма, - она любит тебя.

- Ты это утверждаешь, как большой знаток женской любви? - Деян вымученно рассмеялся: все веселье разом куда-то подевалось, оставив горький привкус досады и надежды, которой никак нельзя было позволять крепнуть.

- Я знаток женской *нелюбви*! - Голем ответил с таким же вымученным смехом. - Твоей подруге ты не безразличен, уж поверь. Все-таки кое-что я понимаю в женщинах: как-никак я имел удовольствие близко знать стольких, скольких не найдется во всей твоей Орыжи и соседнем селе вместе взятых.

- Рад за твой богатый опыт, - хмыкнул Деян.

- Какой уж есть... Когда я сказал, что забираю тебя с собой, она не попыталась выцарапать мне глаза только лишь потому, что я убедил ее: уйти для тебя будет лучше, чем остаться. Ты не согласен, я знаю. Но, по существу, это чистая правда. Я думал, мне удастся убедить и тебя, но ты оказался редкостным упрямцем и даже теперь, зная все, продолжаешь отпираться от своих способностей, которые необходимо развить.

- И продолжу. - Деян предостерегающе поднял руку. - Оставь это, Рибен. Не сейчас.

- Несомненно то, что, связавшись с тобой, я вытащил счастливую карту. Снова я переоценил свои силы... Если бы кто-то другой и проявил ко мне милосердие, ему все равно не хватило бы умения помочь мне выжить. Я не хотел причинять неудобств, но моя добрая воля обернулась для тебя злом и пробудила ненависть; несмотря на это, ты спас меня... Немногие из известных мне людей поступили бы так же. Ты добрый человек, Деян. Будет жаль, если твоя жизнь оборвется рано и бессмысленно.

- Мне тоже, - кивнул Деян. - Но я не хочу лезть из кожи вон, чтобы ее продлить, не хочу со всем этим связываться, становиться одним из вас... Можешь ты это понять?!

- Я по-прежнему кажусь тебе чудовищем?

- Упрямым ослом с головой барана! Нет, - буркнул Деян, с

трудом подавив раздражение. - Сам себе удивляюсь, но с некоторых пор не кажешься. Однако я не вижу ни одной причины, по которой мне стоило бы хотеть стать на тебя похожим. Разве твоя сила сделала тебя счастливым? Нет... Я лучше вернусь домой. Я должен вернуться, вернуться тем же человеком, что ушел, - или это будет уже не мой дом... Я не найду там себе места, и останется мне одна дорога - в какой-нибудь ваш чародейский, уж прости, гадюшник. Интриги плести и перевороты делать...Нет уж. Обойдусь без колдовской премудрости. Верю тебе - ты хочешь сделать как лучше. Но не нужно. И довольно об этом, Рибен.

- Какие-то дурацкие суеверия. - Голем раздраженно нахмурился. - Но ладно, будь пока по-твоему, - вздохнул он. - Когда ты ушел в лес перед тем, как напала повертуха, - я думал, все. Конец истории. Последний раз такой ужас охватывал меня в детстве, в казематах, когда отец однажды отсутствовал почти полдюжины дней... Эта хижина похожа на мою первую камеру: такая же теснота, такой же низкий потолок. Худо-бедно я заставил ноги слушаться и пошел за тобой. По счастью, Джеб понял, что пора перестать притворяться, и мы нашли тебя прежде, чем случилось непоправимое... Я был готов умереть, но ты снова спас меня и оттащил назад, едва не расставшись при этом с жизнью: Джеб сказал, что когда он пришел в себя и вернулся в хижину, дверь была открыта; еще немного - и мы оба замерзли бы... Вновь мне повезло.

- А мне, что ли, не повезло, что ты бросился ко мне на выручку? - раздраженно спросил Деян; благодарность чародея начинала надоедать.

- А это, между прочим, мой долг. Я вообще-то твой князь, если ты не забыл. - Голем криво улыбнулся. - Признают меня подданные или нет - мой долг защищать их от всякой угрозы. Так что я никак не мог позволить этой твари тебя сожрать.

- Правда? - Деян удивленно взглянул на Голема: такое объяснение чародейской самоотверженности не приходило ему в голову. Стало даже чуть обидно.

- Нет, не правда. То есть - правда, конечно, но дело не в этом... - Голем помолчал. - Было бы несправедливо, если бы тебе пришлось умереть из-за того, что ты пытался помочь мне. Ты - не то, что я: у тебя есть дом, куда ты хочешь вернуться, есть люди, которые любят тебя и ждут. И я понимаю их; происходи дело в мое время - непременно постарался бы заполучить тебя на службу, хоть бы даже ты и не стал бы учиться чародейству. Но нынче я самому себе - и то не нужен: какая уж тут служба... - Голем вздохнул. - Через пару часов после стычки с повертухой я

очнулся. Честно признаться, следующие два дня были не лучшими в моей жизни. Джеб натаскал дров и принес птицу - и, поскольку нуждался в отдыхе, погрузился в сон. Это было то, чего я боялся больше всего на свете; хуже, чем еще раз оказаться в царстве *несбыточного*: я остался один, совершенно бессильный... Я не был уверен, что тебе не нужна помощь, но в моем состоянии помочь мог разве что глотком воды - и то расплескав половину. В эти два дня у меня было вдосталь времени еще раз подумать о том, как дошло до такого. О себе, о Миле, о Джебе и Венжаре, о том, что делал после возвращения... Картина, открывшаяся мне, оказалась совсем неприглядна. Как же я был самонадеян и слеп! Надеюсь, мое внезапное исчезновение не имело трагических последствий, но все же я подвел всех - Мирга и Радислава, Марфуса и Венжара, Милу и Нирима... Ты был единственным, кто после моего возвращения проявил ко мне участие, но и тебе от меня вышло больше вреда, чем пользы. Я мог надеяться лишь, что тварь не успела серьезно навредить тебе. Но время шло, а ты все никак не приходил в себя... Хвала Небесам - вчера ты, наконец, очнулся; быть может, тот бог, которому вы поклоняетесь, не так уж плох. - Голем слабо улыбнулся. - Тебе наверняка надоел мой рассказ; прости за это многословие: слишком долго я слушал тишину и не мог говорить ни с кем, кроме самого себя... Но тебе давно уже стоило все это узнать, чтобы не выдумывать для себя нелепиц. Чтобы понимать, что ты сделал, что делаешь... Солдат рубит солдата, видя перед собой только вражеский мундир: в том спасение разума от жестокости войны. Но в другое время лучше человеку знать, какую жизнь он губит, а какую спасает: это избавляет от напрасных подвигов и ненужных смертей. Теперь ты знаешь, кто я и чего стоит моя никчемная больная голова.

- Да уж. Спасибо, что рассказал, - неловко пробормотал Деян. Слова чародея о самом себе оставляли тягостное чувство, но возразить на них было нечего. Где-то существовали Венжар ен'Гарбдад и, может быть, другие старики-чародеи, но, раз имя Голема даже на его земле оказалось предано забвению, вряд ли им было дело до бывшего товарища. Деян мало что знал о большом мире, но надежда на то, что исчезновение кого-то столь важного и могущественного могло обойтись без "трагических последствий", словно исчезновение какого-нибудь одинокого калеки, казалось ему весьма наивной. Однако это было давно; а теперь в мире, куда Голем вернулся, он был, как говорили в Орыжи, лишним ломтем, которому только черстветь: никому он здесь теперь не был нужен.

"Как так может быть: человек есть, а места для него - нет? Неправильно это ..."

Деян заглянул чародею в глаза, чувствуя, как крепнет внутри решение не иметь ничего общего с колдовством: неправильность всего происходящего была прямым следствием чар, нарушивших естественный порядок. Продолжать вопреки всему жить было если и лучше, чем умереть, то ненамного.

- А ты что скажешь, Джеб... Джибанд? - Голем внимательно взглянул на застывшего в полной неподвижности великана. - Теперь ты знаешь всю историю, твою и мою, целиком.

- Ничего.

- Что - "ничего"?

- Я ничего не помню обо всем этом, мастер. И ничего не хочу сказать. - Обезображенное лицо Джибанда не выражало никаких чувств.

- А жаль, право. Хотел бы я знать, о чем ты думал тогда! И раньше. Почему ты раз за разом помогал мне, а не занял раз и навсегда мое место. - Бледное лицо Голема исказила странная гримаса; все мыслимые чувства смешались в ней - или же только так казалось из-за слабого света. - Ты, Деян, наверное, думаешь, что у него не было другого выбора, кроме как всегда оставаться на моей стороне. Нет: это выбор, который он сделал... На закорках карет не стоят сотни *полуживых* лакеев, в войсках не маршируют тысячи *полуживых* солдат: ваятели почти никогда не создают полноценных искусственных людей, предпочитая неразумных тварей со слабой искрой души - и это не потому, что сами они слабы, а их мастерство не идет с моим ни в какое сравнение. Нет! Я хорош в своем деле, это верно, но в былые времена хватало тех, кто был намного лучше меня. Некоторые мои современники пытались повторить мой путь, и силы им хватало, но закончилось все плачевно для них. Потому как наши создания быстро становятся сильнее нас и после этого, если пожелают, могут занять наше место. Правда в том, что он, - Голем махнул рукой в сторону великана, - стал сильнее меня еще в ту пору, когда я был холост и служил в имперском приграничье. Он мог не слушать моих приказов, мог запереть меня в своем сознании и подчинить мое тело из плоти и крови, уязвимое, но чувствительное, и прожить вместо меня мою жизнь; никакой высокородный негодяй тогда не назвал бы его глиняным болваном, не попытался бы отказать ему в праве называться человеком и в человеческих правах... В любой момент он мог избавиться от меня. Еще когда я только создавал его, то считал, что однажды так и случится: он станет мной. Сперва я буду использовать его жизнь и тело, а затем, через некоторое время, он заберет мои... Мне казалось это вполне справедливым: ведь без него Старожские казематы стали бы моей могилой. Ни тогда, ни

позже я не мог думать о том, чтобы избавиться от него прежде, чем он превзойдет меня: это было бы подлостью, предательством - ведь он не сделал еще ничего дурного... Я хотел жить, но не ценой братоубийства. Потому мне оставалось только довериться ему. Джеб разительно отличался от всех известных мне *полуживых*: его разум не уступал человеческому, и он развил его прежде, чем получил большую силу; возможно, в этом все дело. Когда в тренировочном бою он впервые победил меня, то сказал, что никогда не обернет против меня оружие и, как бы он ни стал со временем силен, я навсегда останусь для него старшим братом; "мастером" он звал меня лишь в шутку. Я был тронут, но сперва не придал большого значения его обещанию. У меня в полку был капитан: осколок ядра застрял у него в груди между ребрами и в любое мгновение мог убить его. Но капитан жил, как все, дрался, кутил, не думая об этой опасности, и лишь боли в ребрах иногда ему докучали. Через год после того, как вместе с полковым лекарем мы вытащили осколок, я спросил того капитана: изменилась ли жизнь для него? "Наверное, да, ваша милость: но я не заметил этого", - ответил он. Так и я.

Голем отхлебнул воды и продолжил:

- Я не думал о том, что Джеб может уничтожить меня, когда пожелает: просто принял это как данность и выкинул из головы. Потребовалось немало лет, чтобы я поверил: хотя такое может случиться, но не случится. Джеб познавал мир разумом и чувствами, я наверстывал упущенное в драках и попойках. Мы жили каждый своей жизнью, стараясь не мешать друг другу, но мы были единое целое: "Голем". Каменный кулак Венжара ен'Гарбдада и верный пес Империи, гроза повстанцев... Мы гребли в одну сторону, но управлял лодкой я, и постепенно мне стало казаться, что все так, как только и может быть. Снова я забыл обо всем, что могло нарушить мое спокойствие, принял как данность добрую волю моего *полуживого* брата и благоволящие ко мне обстоятельства... Только теперь я вновь задумался обо всем этом. Теперь Джеб может сам регулировать хинру в своем теле, потому мы свободны друг от друга, и я не могу не думать - вышло это случайно или он предвидел такой исход, надеялся на это? Потерял он себя или обрел? Странно вспоминать: мы были ближе, чем братья, но все же я почти не знал его; можно сказать, совершенно не знал... Все время я был слишком занят самим собой - и получил по заслугам. Теперь только самим собой и могу заняться, а другого дела у меня нет. Такая вот справедливость. - Голем отрывисто рассмеялся. - Может, к лучшему, что многое мне неизвестно: чует мое сердце - ответы бы мне не понравились. И все же любопытство гложет. Хочется знать. Любопытство, да...

- Я рассказал бы, мастер. Но я не могу вспомнить, - тихо сказал Джибанд.

- Тебе тоже вряд ли понравилось бы многое из того, что ты вспомнил. - Голем вздохнул. - Так что можешь не слишком стараться.

- Любопытство: хочется знать. - На миг губы Джибанда сложились в лукавую улыбку; или же то была игра света?

Деян ошалело таращился на великана. После рассказа о ритуале и загадочном "следе хинры", послужившем для Голема маяком на пути обратно в мир, он не ожидал больше узнать ничего удивительного; тем сильнее потрясло его услышанное. Чародей, чьему могуществу не было равных, над своей жизнью был властен менее, чем любой простой человек.

Джибанд больше не казался глуповатым чудаком и несчастливым порождением колдовства. Его огромная фигура скрывала невероятную мощь и неразрешимую загадку: он, с чьего молчаливого позволения молодой князь Ригич жил и делал то, чего желал, был настоящим героем истории - легенды? - о чародее по прозванию Голем, ее подлинным главным героем, о мотивах которого теперь оставалось только гадать. Хотя в самом ли деле он по-прежнему ничего не помнил?

Грубые черты обезображенного лица великана оставались почти неподвижны, когда он говорил:

- Тебе пора отдыхать, мастер. - Он встал, согнувшись, но макушка его все равно почти касалась потолка.

- Спасибо за заботу, Джеб... И тебя благодарю, что выслушал, Деян. - Голем остался сидеть. - Вижу, мне наконец-то удалось тебя удивить?

- Тебе это удалось много раз. Вам обоим, - добавил Деян.

- И что ты собираешься делать теперь?

- Что?

- Да. Что?

Голос чародея оставался спокоен, но поза выдавала нечеловеческое напряжение.

За окном быстро светало.

- То, что должен, - сказал Деян, удивляясь тому, как легко за какое-то мгновение далось ему решение. - Отец учил, что начатое дело всегда стоит доводить до конца. Будь на то моя воля, я бы здесь не оказался, но раз я здесь - в меру своих сил я помогу тебе встретиться с Венжаром ен'Гарбдадом, если ты по-прежнему считаешь, что нуждаешься в моей помощи. Потом я отправлюсь назад.

- Благодарю. - Голос Голема дрогнул. - Я позабочусь о том, чтобы Венжар выделил тебе транспорт и провожатых: доберешься

до дома безопасно и быстро.

- Надеюсь, так все и будет. - Деян подавил зевок. - Да не смотри ты на меня так! Плевать мне, что ты князь: вы с Джибандом спасли меня, и я в долгу перед вами... Считай, что я о нем беспокоюсь - чтоб ты его ненароком не угробил, - а не о тебе.

- Хорошо. - Голем слабо улыбнулся. Джибанд взглянул удивленно, но ничего не сказал.

- Спокойной ночи. Хотя какая ночь - утро уже... - Деян тоже поднялся, разминая затекшие ноги.

- VI -

В следующие дни он много размышлял об услышанном. Пытался представить себе ту безвозвратно ушедшую эпоху и далекие земли за большой водой; думал, как бы чувствовал себя на месте чародея, что стал бы делать, пережив то, что пережил Голем, и обладая его могуществом...

Но более всего мысли занимал Джибанд, в огромной фигуре которого словно соединялось все непонятное и таинственное.

Чародей каждый вечер знакомил великана с основами колдовской практики: тот уже умел делать все необходимое, но сам не знал, что умеет и для чего нужны такие умения. Деян не хотел слышать этих уроков, но деться было некуда - не уши же затыкать? Потому, стараясь не вникать в суть, развлекался тем, что наблюдал за великаном. Джибанд был любознателен и внимателен к деталям, но, увлекаясь, легко приходил в возбуждение и сбивался с мысли. Его огорчали упоминания о жестокости и несчастьях: он был мягок и, по-видимому, расположен ко всем без исключения людям, если те ничем не заслужили обратного, однако себя судил с какой-то недоброй строгостью, как человека "неправильного" и, следовательно, несмотря на все разъяснения чародея, негодного. Все новое влекло его. Он быстро учился, но чем больше узнавал - тем более охоч становился до знаний: насытить его любопытство было, казалось, невозможно. Обнаружилась у него и страсть к созерцанию: пока чародей спал, он мог часами наблюдать за ходом облаков или, когда началась оттепель, вслушиваться в журчание ручья.

Неожиданно для себя Деян стал подмечать между Джибандом и чародеем некоторое отдаленное сходство. Голем - про себя Деян так и не привык называть его иначе - также отличался любопытством и дотошливостью: несмотря ни на что, эти черты в нем оставались весьма заметны. Он мог подолгу распрашивать об Орыжи, об устройстве той или иной стороны орыжской жизни или о церковном учении, и делал это не только для того, чтобы не молчать: часто Деян, поначалу удивлявшийся этим расспросам, замечал в его глазах живой интерес. Довольно быстро, впрочем, угасавший - чтобы на следующий день появиться снова, а затем вновь угаснуть. Деян не мог отделаться от ощущения, что, сколько бы ни утверждал чародей обратное, мирские утраты и пережитое за краем мира изменили его глубоко и страшно, и в лесной хижине укрывается уже не тот человек, что когда-то выигрывал кровавые битвы и топтал сапогами травы далекой чужой земли. Даже неиссякаемое жизнелюбие Голема не могло полностью заживить раны его души.

После избавления от повертухи дышаться стало свободней. Снег за три дня оттепели почти стаял; установилась солнечная погода. На безымянных могилах пробивалась свежая трава.

"Ваятель *полуживому* при воплощении частицу души передает, - наблюдая за очередным уроком, вспомнил Деян. - Возможно ли, что когда-то в детстве Голем был похож на Джибанда сейчас?"

Сложно было представить чародея наивным и добрым малым, однако, если приглядеться, не так уж велика была пропасть между ними: Голем не был зол на весь свет и не был, в обычном значении, жесток; скорее он чуть иначе понимал доброту. А Джибанда, при всем его добродушии, лучше было не сердить: Деян помнил его полный звериной ярости рев, огласивший Орыжь, и раздавленые черепа убитых дезертиров.

- Создавая его, ты не думал о том, чтобы использовать его жизнь; может ли быть, что именно эта часть твоей души отпечаталась в нем? - Деян был настолько озадачен ходом своих мыслей, что сразу поделился ими с чародеем.

- Старина Марфус считал, что так все и было, как ты сказал, - задумчиво ответил Голем. - Что мы так поладили благодаря тому, что оба были еще детьми, открытыми и гибкими: поэтому Марфус предостерегал других от повторения моего пути. Сам я больше никогда не создавал *полуживых* людей, не желая ни губить их души, ни рисковать своей. Так что не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваше с Марфусом предположение. Но мне оно кажется довольно реалистичным.

- А я не пытался, мастер? - спросил Джибанд. - Создать. Сам.

- Нет. Не знаю, возможно ли такое. Но ты говорил, что, не познав толком самого себя, не стоит и пытаться, - сказал Голем. - Я еще подумал тогда, что ты представляешь других людей куда более совершенными, чем они являются: мало кто может сказать, что он познал себя, и почти все их них - заблуждаются.

- Интересно. А ты, мастер? - Джибанд пристально посмотрел на чародея. - Ты тоже заблуждался? Про себя?

Голем рассмеялся:

- Чаще, чем кто-нибудь другой!

Еще через день Голем, чувствоваший себя заметно лучше, сказал Джибанду, что пора привести в порядок разорванное медведем лицо. Но тот отказался:

- Не хочу. Это - мое, мастер. Я тогда сначала сделал неправильно, а потом - правильно. Помог.

- Да, но...

- Я хочу, чтобы осталось так. - Джибанд перебил чародея, чего прежде не случалось. - Так получилось, потому что я - это я. Это - мое. Пусть так будет.

Деян, слушая их пререкания, только потрясенно качал головой: чем дальше, тем более странным выглядело все происходящее.

"А ведь, пожалуй, было бы обидно повернуть назад сейчас", - подумал Деян, собирая вещи в дорогу. Ему хотелось знать, чем все закончится.

В общей сложности они провели в лесной хижине двадцать два дня.

Уходя, Деян обернулся, взглянул на неказистое укрытие с благодарностью: это были очень странные дни, но многие из них не такие уж и скверные

- Идем, - на ходу бросил чародей, не оглядываясь. - Довольно мы здесь просидели.

- Твоя правда, мастер. - Джибанд шагал рядом с ним.

Химера бежала впереди; ухмылка не сходила с ее уродливой морды.

Глава тринадцатая. Братство раскаявшихся

- I -

Путь в пятьдесят верст до большака занял два дня, в которые не произошло, по счастью, ничего примечательного. До ближайшего городка со странным названием Нелов оставалось, согласно карте, еще чуть больше, но уже не звериными тропами, а разбитой, запруженной людьми и повозками широкой дорогой. Чародей посчитал нужным не выходить на нее сразу, а сперва понаблюдать с пригорка у обочины.

После лесной тишины открывшееся зрелище неприятно поражало. Люди шли в обе стороны, но к северу двигались в основном только солдаты в мундирах армии короля Вимила, сопровождавшие возы с продовольствием и сеном, а на юг тянулся, лишь изредка прерываясь, бесконечный человеческий ручеек. Тут были и пешеходы, тащившие свой скарб на себе или на волокушах, и крытые фургоны, сопровождаемые богато разодетыми всадниками, и одетые в крепкую кожу торговцы, командовавшие целыми процессиями из трех-четырех тяжело нагруженных телег под охраной разбойничьего вида мужчин с ружьями или палашами, притороченными к широким поясам. Беженцы двигались к переправе, в которую через тридцать верст к югу упирался большак.

- Сражения за эти земли еще не было, - одними губами произнес Голем. - Но никто не сомневается в скором поражении.

- С чего ты взял, что не было? - так же шепотом спросил Деян.

- Иначе не тащили бы столько груза, а бежали бы, теряя башмаки. Страху было бы поболее.

Деян недоверчиво покачал головой: на его неискушенный взгляд, все эти люди с серыми от усталости и пыли лицами и так были достаточно напуганы; каждый спешил поскорее добраться до переправы, отчего на дороге постоянно возникали стычки.

Сразу после того, как Голем расположился на пригорке, перегруженная четырехколесная телега попыталась объехать плетущуюся пешком семью со множеством - от мала до велика - детей, но застряла в глубокой выбоине и тем самым преградила путь армейскому возу.

Хозяин телеги, неопрятный чернобородый мужик, принялся орать на тощую рыжую кобыленку и на всех подряд, требуя вытащить груз, и замолчал, лишь когда офицер ударил его кулаком по лицу. Четверо солдат споро распрягли кобылу и столкнули телегу в канаву. Опомнившийся мужик, лебезя и унижаясь, умолял "служивых господ" не губить добро и предлагал заплатить за помощь, но офицер, сухопарый и совсем еще молодой человек в чине капитана с аккуратно подстриженными усами и бородкой, только сильнее разозлился:

- Нам твоих денег не надо, трус! - Его красивое лицо исказилось от гнева. - Разбегаетесь, как тараканы... Я бы вас, подлецов, вешал! А ну, пшел!.. - Он замахнулся еще раз, и торговец, униженно бормоча извинения, бросился ловить напуганную лошадь, которую кто-то в суматохе огрел по крупу.

Не успел армейский воз отъехать на два десятка шагов, как стайка детей, с которой все началось, набросились на опрокинутую телегу. Капитан было вернулся - но маленькие воры уже разбегались во все стороны, прижимая к груди разноцветные тряпки, мешки и шкатулки, а взрослых давно и след простыл.

Все произошло столь быстро и слаженно, что вызывало сомнения в случайности происшествия. Несчастный торговец, наконец, поймавший свою кобылу, причитал и скулил. Капитан, не глядя больше на него, пошел догонять своих людей, устало подволакивая ноги.

- Кое-что в мире не меняется, - сказал Голем. Джибанд проворчал что-то неодобрительное.

"Вот ведь люди..."

Деян отвернулся. Ему вдруг остро захотелось домой.

Чародей говорил тихо, но стоял не таясь, и Джибанд возвышался над дорогой, как скала; однако никто не обращал на них внимания, хотя один из мальчишек пробежал совсем рядом.

- Простая штука, - охотно объяснил Джибанд на вопрос Деяна. - Сосредоточься, как мастер учил, и представь, что ты - камень. Маленький камень на земле. На земле много камней, но никто на них не смотрит. Никому не интересны камни под ногами.

- Пока о них не споткнешься, - сказал Голем. - Или пока они не заговорят о погоде и ценах на масло. Тише, Джеб: тебя за версту слышно.

- Да, мастер. - Великан виновато опустил голову.

- Уж извини, Деян, пришлось наложить чары и на тебя, - добавил Голем. - Пока нам не к спеху заводить новые знакомства.

Деян согласно кивнул. Вспомнилось, как в первый раз на глазах у всех чародей исчез в Орыжи, выйдя со двора Беона; тогда думалось - хорошо, если навсегда...

- Доберемся сперва до города.

Голем спустился с пригорка на дорогу.

- II -

Среди бредущих навстречу людей многие провели в пути десятки дней, тогда как другие покинули свои дома относительно недавно, судя по опрятному виду; в потоке беженцев шло и немало крепких мужчин. Солдаты смотрели на них кто с ненавистью, кто с завистью, но чаще вовсе не смотрели, глазея на проходящих мимо женщин или безучастно уставившись в землю; некоторые, казалось, спали на ходу.

Возможно, так оно и было.

Армейские возы сопровождали бывалого вида вояки, на облик которых многие тяготы военного времени наложили отпечаток. Но один раз пришлось обгонять большой, человек в сорок, отряд, в котором оказались сплошь безусые юнцы и седовласые старики: формы и оружия на всех не хватило, потому снаряжены они были кто как и вид имели неопрятный и напуганный. Глядя на них, Деян с горечью вспомнил, как, хорохорясь, уходили орыжские новобранцы; как неловко прощались с ним братья после последней пьяной ночи, всеми мыслями уже погрузившиеся в большой мир...

Много ли времени потребовалось, чтобы орыжцы превратились в такую же толпу оборванцев и один за другим встретили смерть?

Даже Петер Догжон, сильный, безукоризненно честный и храбрый Петер, которого на все лады проклинал Кенек, - не верилось, что теперь, после стольких дней, он все еще жив; а если и жив - что еще осталось хоть что-то от него прежнего. Нескончаемый людской поток размывал лица, а ведь это был только маленький, безобидный ручеек!

От его оглушающего многообразного многоголосья, от бесплодных попыток разглядеть и запомнить множество деталей уже болела голова. С начала дня Деян увидел больше людей, чем жило в Орыжи и Волковке вместе взятых. К четвертому часу пути все они - молодые и старые, худые и тучные, горбатые и рослые, старики и дети, мужчины и женщины - стали сливаться для него в одну уродливую фигуру. Ее злоба ужасала, ее страдание вызывало сочувствие, ее обезображенное гневом и страхом, отчаянием и лишениями лицо смотрело отовсюду, даже из глубины заполненной мутной водой лужи...

- Эй! - Голем, когда Деян споткнулся, в последний момент успел ухватить его за локоть. - Смотри под ноги.

- Ага... - Деян тряхнул головой, поправил сползшее с плеча ружье. Неведомым образом он и сам умудрился задремать на ходу или, скорее, впасть в ту странную отрешенность, полудрему, которую чародей, обучая Джибанда, называл "трансом"; вынужденный слушать его уроки каждый вечер много дней подряд, кое-что Деян волей-неволей усвоил.

- Надо бы остановиться перекусить.

Голем неторопливо пошел дальше, шаря взглядом по сторонам в поисках подходящего места.

Вскоре он перепрыгнул дренажную канаву и сошел на дочерна вытоптанную поляну на обочине, где, сидя на заплечных коробах или лежа прямо на голой земле, уже расположились несколько групп беженцев. Вряд ли бы они обрадовались новым соседям, но чары еще действовали - или же попросту все смотрели в другую сторону: на другом конце поляны двое угрюмых мужчин готовили что-то на маленьком костерке, и людские взгляды, в большинстве завистливые и злые, были направлены на них.

Голем, принюхавшись, поморщился.

- Дрянь! Лошадь у них пала, или еще у кого-то раздобыли конины... Что у нас съестного осталось?

Осталось немного, но на день должно было хватить; один день легко можно было обойтись и вовсе без еды. Многие из тех, кто собрался на поляне, с виду не ели досыта десятки дней.

Деян, усевшись на плоский камень на краю поляну, тщательно пережевывал полоску сушеного мяса. От соли щипало растрескавшиеся губы. Дома желудок наверняка взбунтовался бы от такой пищи, но изнуряющая ходьба и ночевки в сырости и холоде приучили принимать любые крохи еды с благодарностью; или же дело было в колдовстве, с которым он так или иначе постоянно соприкасался с последней ночи в Орыжи? Смутные угрозы ранней смерти, озвученные чародеем, не слишком пугали

его: он никогда и не надеялся прожить долго. И все же возможность жить лучше, не чувствовать постоянно своей слабости, бестолковости в сравнении с другими была заманчива... Если б только ради этого не надо было задерживаться в большом мире и заниматься чародейскими фокусами, если б эта вовлеченность в дела странные и отвратительные не грозила сделать его дома чужаком! Потерять дом, потерять самого себя, раствориться в несчетном множестве людей...

Если у него был все еще дом и если сам он остался все еще самим собой - в чем совсем не был уверен.

"Да и способностей у тебя, небось - тьфу! - Деян сплюнул попавшую в рот еловую иголку. - Не о чем тут раздумывать. Бесполезный ты человек. Хоть сейчас помри - невелика будет потеря".

Люди шли и шли мимо - еще недавно здоровые, сильные, ловкие - и растворялись среди таких же, как они, несчастных; если даже они не смогли защитить свои дома и самих себя, если этого не смог Голем, рыщущий теперь по земле в поисках бесполезных ответов, - на что было надеяться ему? На Голема, на Господа Великого Судию, на счастливый случай?

- Ты говорил - гнев и страх толкают человека под руку; и любовь. - Деян взглянул на чародея, со вкусом расправлявшегося со своей долей еды. - Но есть еще отчаяние. От него цепенеют мысли, чувства, оно убивает человека - кого быстро, кого медленно... Но как избежать его, если на самом деле нет никакого выхода?

Голем с набитым ртом хмыкнул что-то неопределенное и пожал плечами. Больше всего это походило на: "Никак".

- Не высовывайтесь. Я быстро. - Дожевав, Голем направился к сидящему чуть поодаль морщинистому безбородому старику.

Со стариком были еще две внучки, до боли чем-то напоминавшие дочерей Петера Догжона; только они не хныкали, а тихо сидели подле деда и грызли разломанный надвое сухарь, жадно вдыхая пахнущий мясом дым.

- Издалека идешь? - без приветствия заговорил Голем, присев на пятки перед сидящим на земле дедом. - Где раньше жил?

Деян было схватился за голову от такой вежливости, ожидая, что переполошится вся поляна, но старик только крякнул удивленно; девчонки тотчас юркнули ему за спину. Остальные же продолжали заниматься своими делами.

- Далече. - Старик, окинув чародея быстрым взглядом и не увидев угрозы, успокоился. - Из-под Вырбуна мы. Сына дорогой в рекруты увели, а там и снег повалил; невестка застудилась и

померла. Под Жечьей солдаты нас на сено погреться пустили и похлебки овсяной дали две миски, тем и выжили... Что в пути не растеряли, то лиходеи отняли. Так втроем и идем. А правда, - глаза его вдруг жадно заблестели, - что на переправе каши всем голодным дадут? Что указ такой есть. Не слыхал?

- Не знаю, отец. - Голем покачал головой. - Я бы сильно на то не надеялся: людей видишь сколько идет, а одним указом не накормишь: зерно нужно. А где его взять, когда все на армию идет? Но, может, и дадут.

- Хорошо бы... Нам бы хоть по ложечке. - Старик причмокнул, облизнул сухие губы. Истощение еще не подорвало совсем его здоровье, но мысли о еде вытесняли все прочие. - По ложечке. Много нам и не надо.

- Что ж вы дом оставили? - с сочувствием в голосе спросил Голем. - Все ж лучше в родных стенах, чем вот так, на дороге помирать. Может, еще и не тронули: барону тоже люди простые служат, не звери какие; ладили ведь раньше, в одном строю ходили. А на тебе вон дети малые.

- Да скажешь еще: не тронут! Хуже зверей бесы! И вера у них бесовская, и сами они бесы! - Старик посуровел лицом. - До смерти девок забивают и с мертвыми сношаются, на колы сажают, руки-ноги отрезать и местами переменить могут, потрошат и соломой набивают, как пугала.... Позабавятся, а потом всех, кто живой еще, кто веру их бесовскую не примет, в святилища сгоняют, двери подпирают и живьем жгут!

Деян не сдержал недоверчивый возглас. Ему от Тероша Хадема доводилось слышать, что Бергичевское баронство еще и тем от остального королевства обособлено, что там Церковь Господина Великого Судии не в почете; но про подобные зверства - никогда. Хоть баронский бунт и перешел в настоящую войну, все равно в такое не верилось.

- Как к нам известие пришло, что идут бесы эти, как пушки за лесом загрохали, - так мы сразу и пошагали. Жаль земли, жаль добра, а только плакать некогда было, - продолжал тем временем старик. - Обещали, что погонят скоро бесов клятых наши чудодеи, да где там! Поговаривают люди знающие, в сговоре они. Мы идем, а бесы за нами. Всю землю зареченскую сапогами испоганили, леса выжгли, людей погубили... Дома-то, небось, и нету больше... А какие пироги жена сынова пекла, ох!

- Ты это сам видел? Как на колья сажали и живьем жгли? - с сомнением спросил чародей.

- Сам не видал, а люди говорят.

- Так, может, у страха глаза велики?

- Люди говорят, - с мрачной убежденностью повторил старик,

подозрительно взглянув на чародея. - С чего б им брехать? Сам-то откуда будешь, такой недоверчивый? Говорок у тебя чудной. Не нашенский.

Несколько человек, подметив, очевидно, то же самое, обернулись в их сторону.

- Старожский я, - без заминки ответил Голем. - Ты о таких краях и не слыхал. Далековато отсюда будет.

- Не слыхал, - кивнул старик, глядя на него с еще большей подозрительностью.

- А что еще люди говорят - держится королевское войско? Будет бой?

- Мож чего и говорили, да я прослушал. Стар стал, ушами-глазами слаб, волосья все, вон, и то повылезли. - Старик тряхнул плешивой головой. - Шел бы ты, мил человек, кому другому свои вопросы задавать...

- Да уж извини, что побеспокоил, отец. - Голем, сообразив, что к чему, поспешно отошел и скрылся под защитой чар.

Старик завертел головой на тонкой шее, пытаясь понять, куда подевался странный незнакомец, но, конечно, ничего не увидел. Девчонки за его спиной, до того сидевшие тихо, как мыши, что-то забормотали. Младшая всхлипнула, но тут же утерла нос рукавом.

- Скверная история, - сказал, подойдя, Голем.

- Слушай, можно я?.. - Деян указал на узелок с отложенным на вечер мясом. Его оставалось совсем немного; но хоть что-то.

Голем покачал головой:

- Лучше не надо.

- Неужто тебе жалко?

- Да бесполезно это: мужики отберут, - вздохнул Голем. - Или дождутся, пока мы уйдем, и намнут бока в отместку, что не им перепало.

- Забоятся, - рявкнул вдруг Джибанд и, взяв узелок, за три шага оказался рядом со стариком. - Возьми, дед. Ешьте сейчас, пока не обидел никто. А если кто попробует... - он положил узелок старику на колени и огляделся по сторонам, угрожающе подняв кулак.

Появление великана произвело впечатление; даже двое мужчин у костра замолчали.

Разглядывали его украдкой, исподтишка, - уж больно силен и страшен он был с виду; изуродованное медведем лицо отнюдь не добавило ему красоты. Старик задрожал, не решаясь ни притронуться к подарку, ни отказаться, и только жадно поводил носом; сидя он не доставал Джибанду макушкой даже до пояса.

- Вот же!.. - Голем, выругавшись, сдернул с плеча

оторопевшего Деяна ружье и тоже снова вышел к людям. - Не бойся, отец: это брат мой. Мы Его Величеству службу служим, а какую - кому ни попадя говорить не положено. Но кто не дурак, тот сам догадается. - Он с хитрой улыбкой подмигнул старику. - За нас не беспокойся, мы люди привычные... Так что внучек накорми и себя не забудь, а то как они без тебя будут?

По счастью, рядом не проходило ни одного солдата, чтобы усомниться в наспех изобретенной лжи, а старик был рад поводу выдумать какое-нибудь приемлемое объяснение поведению странных чужаков: соблазн принять угощение был слишком велик.

- Ну, коли так, храни тебя Господь, служивый. - Старик неловко осенил амблигоном одновременно чародея и Джибанда и дрожащими пальцами стал развязывать узел. Дети не тянули рук: ждали позволения.

Пока все трое ели торопливо и жадно, Джибанд стоял рядом, поглядывая по сторонам. Голем принялся насвистывать. Деян чувствовал, что тот пытается успокоить людей каким-то колдовством.

Один из мужчин, обедавших кониной, внимательно посмотрел вдруг на болезненного вида женщину с младенцем на руках. Ее большая семья - бабки, сестры, старшие дети, дядья и братья или чьи-то мужья - непрерывно ссорилась между собой, не переставая при этом пожирать мясо глазами.

- Эй, ты, с сосунком! Да, да, ты... Да не боись, не трону. - Мужчина подманил женщину к костру, отрезал часть своего куска, насадил на палку и протянул ей. - На, жуй. А вы руки к ейному не тяните! - Он грозно зыркнул из-под кустистых бровей на всполошившуюся родню и махнул для верности ножом. - Вы, бесы, себя сами накормите, а ей еще дите кормить надобно.

Двое товарищей взглянули на него удивленно; он, пожав плечами, снова принялся за еду.

Было ли это мимолетным проявлением доброты или всего лишь страха перед "служивыми", Деян не мог судить; но надеялся на первое.

За все время, что они провели на поляне, его так никто и не заметил, чему он был рад. Может, он и оказался бы лучшим переговорщиком, чем Голем, но предстать перед этим множеством незнакомых людей ему пока было нелегко даже в мыслях. Неприветливое многообразие большого мира угнетало; нужно было сперва привыкнуть.

- Я правильно сделал, мастер? - спросил Джибанд, когда они вновь вышли на тракт и поляна скрылась из виду.

- Никто не знает, будет от этого лучше или хуже, Джеб, -

ответил Голем. - Но, наверное, правильно, - добавил он чуть погодя.

- А тот человек, он говорил правду, мастер? Про то, как заживо жгут и на колья садят.

Голем оглянулся назад. Затем сказал со вздохом:

- Пес его знает... Надеюсь, что нет. Люди бегут, сам видишь, но - это многим может быть выгодно, а заморочить и запугать до полусмерти таких вот бедняг, которые уже сами себя запугали, не сложно. В войну самые нелепые слухи плодятся, как крысы.

- Да это ж просто брехня, - сказал Деян. - Терош говорил, среди бергичевцев много иноверцев, но кровавых расправ не упоминал; уж об этом он бы непременно рассказал, когда костерил "еретиков поганых".

- Я б тоже сказал, что брехня, но про те же ужасы я слышал от твоего беглого приятеля, - с видимой неохотой произнес Голем. - Он сам замученных не видел, но клялся, что знает тех, кто видел... И еще кое-что странное было в его рассказах.

- Что же?

- Среди убитых, что попадались ему на глаза, было нескольких мускулистых, покрытых шерстью уродов, кое-как замотанных в тряпки цветов Бергича. В войсках Вимила ходят слухи, что барон нанял на службу каких-то "воинов из Мрака", получудовищ-полулюдей. Я бы что угодно поставил на то, что ваш Кенек перетрусил и принял за чудовищ каких-нибудь заросших волосами силачей, если б не одно "но": эти странные мертвецы, как он их описывает, один в один походят на урбоабов.

- Урбоабы - это те дикари, что в твое время досаждали всем набегами из-за моря?! - изумился Деян.

- Да, - кивнул Голем. - Они самые. Урбоабы на службе у алракьерских аристократов, да еще рядом с большими наемными отрядами хавбагов, - а про них твой приятель тоже рассказывал, - это выше моего понимания, Деян. Но потрошеные мертвецы... Очень похоже: урбоабы ворожат на внутренностях, а тела при этом набивают травой и зашивают, чтобы сбить с толку чужеземных духов, которым не по нраву такая ворожба. Если дикари действительно разгуливают по Алракьеру, я готов поверить, что творятся еще и не такие ужасы. Но вряд ли этих ублюдков много: иначе только о них и было бы разговоры. Несколько отрядов для устрашения, не больше.

- Вот уж утешил. - Деян подавил внезапно вспыхнувшие желание осенить себя защитным знамением.

- Сам рад - дальше некуда. - Голем скривился, как от зубной боли - Насчет себя я пока не уверен, но мир сошел с ума, определенно. Урбоабы на Алракьере, в сотне верст от побережья!

Какие еще меня ждут сюрпризы?!

- III -

В город вошли под вечер следующего дня.

Небо затянуло тучами, и оттого, казалось, сумерки наступили раньше обычного. С севера приближалась гроза. Что-то было в порывах холодного ветра неестественное, *неправильное*, и Деян почти не удивился, когда Голем, потянув носом, коротко сказал:

- Чары.

- Для чего?

- Это и здесь - ни для чего. Остаточное явление: облака сами собой не разойдутся. - Голем посмотрел в небо. - А на сыром поле одна молния уложит полста человек. Гроза в умелых руках - серьезное оружие.

Деян тоже посмотрел на облака.

- Есть хоть что-нибудь, что вы не используете как оружие?

- Овсяная каша.

- Овсяная каша?..

- Сам подумай: какое из нее оружие? - усмехнулся Голем. - Идем.

Бессчетное число раз, слушая рассказы Тероша Хадема, Деян пытался представить себе, как выглядят города в большом мире. Его воображению рисовалось нечто огромное и величественное, с широкими улицами и каменными дворцами вроде тех, что изображались на картинках, изредка попадавших в Орыжь. Но городок Нелов оказался совсем не таков: шумный, грязный, тесный, с лепящимися друг к другу деревянными домишками, похожими на сараи. Весь пропахший лошадиным навозом, нечистотами, прогорклым дымом от жженого масла и еще Господь знает чем...

Многие жители покинули Нелов, но многие и остались. Большой паники не было - во всяком случае такой, какую Деян ожидал увидеть после рассказа старика с дороги; но, по-видимому, к слухам горожане относились недоверчиво. Они ожидали бергичевцев так же, как орыжцы - подступающее ненастье: пока одни суетились, подвязывая в огороде деревья или

укрепляя крыши, другие занимались обычными делами, надеясь на Господа и авось; так и в Нелове: половина лавок и кабаков - Деян отличал их по вывескам с нелепыми названиями - стояла заколоченная или разграбленная, но другая половина работала как ни в чем ни бывало.

Ров перед невысокими деревянными укреплениями и земляным валом походил на большую сточную канаву и вонял так же. У ворот на входе в город стояло два десятка солдат и офицеров, но заняты они были тем, что обирали выезжающих и досматривали возы в поисках еды и выпивки, которыми можно было бы немедленно поживиться. Как следовало из разговоров солдат на тракте, кормили в армии короля Вимила очень скудно, а жалованья не платили с весны.

Дисциплина находилась в совершеннейшем упадке, а другой власти, кроме военных, говорили, в Нелове вовсе больше не было: мэр, местная знать и чиновники сбежали, едва запахло порохом, а то раньше. Когда Голем на вопрос Джибанда стал объяснять, что бунтовщики до сих пор не заняли плохо защищенный город только потому, что не хотят распылять силы, Деян мысленно согласился с бароном Бергичем: это место не стоило хлопот.

- Что дальше? - спросил Деян после того, как они с Големом перешли окруженную несуразными домишками площадь: кучи мусора и несколько уцелевших дощатых прилавков напоминали о том, что еще недавно на ней располагался рынок. - Хорошо бы убраться отсюда поскорее; ни еды, ни крепкой крыши над головой мы тут все одно не найдем.

Денег у чародея не было, города он не знал и видок имел, словно распоследний бродяга; однако его это мало беспокоило.

- Ты прав: с такими, как мы, грязными оборванцами иметь дело никто не станет, - согласился он. - Кроме таких же грязных оборванцев. Но какой из этого вывод?

- Какой?

- Перво-наперво нам придется перестать быть грязными оборванцами.

- Ну, допустим, дождь пройдет - отмоет, - хмыкнул Деян. - Но дальше что? Ваша княжеская милость собирается ограбить какого-нибудь богатого бедолагу? Но они все уже разбежались: и тут неудача.

- Не говори ерунду! - искренне возмутился Голем. - Молчи, стой в сторонке и смотри.

- Да зачем нам терять здесь время? Твоего... гроссмейстера ен'Гарбдада в этой дыре не найдешь; сам говорил, он с войсками Бергича поджидает.

- И просто так нас туда на пушечный выстрел не подпустят:

придется прорываться либо силой, либо хитростью, либо раздобыть какой-никакой пропуск. Кому как, но, по мне, последнее предпочтительней - такой уж я кровожадный бес, - хмыкнул Голем и тут же помрачнел. - По правде, Деян, прежде чем говорить с Венжаром, я хотел бы узнать, что вообще происходит. Он большой хитрец: на словах у него всему найдется объяснение. Но... В общем, лучше сперва отыскать еще кого-нибудь сведущего и разузнать, что к чему, - заключил он, не закончив фразы.

- Ну, удачи, - пожал плечами Деян. После бесплодных попыток чародея разузнать последние новости у людей на дороге в то, что он сумеет с кем-то сговориться в городе, не верилось.

Но, как оказалось, напрасно.

Повсюду в Нелове было много солдат; организованные отряды по десять человек ходили по улицам, во дворах сидели увечные и раненые, в грязных бинтах и с заросшими лицами, и коротали вечер за игрой в карты или кости. К одной из таких групп, состоявшей нескольких младших офицеров, в предчувствии грозы расположившихся под большим навесом, и присоединился чародей - чтобы получасом позже распрощаться, выяснив все, что нужно, и позвякивая в кармане монетами. Поначалу игроки смотрели на него неприязненно и с подозрением, но грозный вид Джибанда и поставленная на кон серебряная фляжка примирили их с необходимостью принять в свой круг чужаков. Прощались же весьма тепло, лишь добродушно поругивались вслед, несмотря на то, что Голем облегчил их и без того тощие кошельки: проигрывал он очень и очень редко, для видимости. Деян с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться.

- Ты жульничал! Использовал колдовство! - заявил он, когда чародей оставил новых приятелей подсчитывать убытки. - И чем же это лучше воровства?!

- Никогда не играйте в кости с незнакомцами, - с усмешкой сказал Голем. - Все стараются изловчиться и сделать выгодный бросок: просто у меня это получается лучше... Они хотели нажиться на мне, - он хлопнул по карману, где спрятал флягу, - а я нажился на них. Но, к счастью для них, эти ребята умеют проигрывать.

Деян промолчал. Ему хотелось не спорить, а поскорее убраться из Нелова.

Даже огромная одноэтажная постройка без окон, называвшаяся городской баней, только отчасти примирила его с действительностью; впрочем, из общего с настоящей баней в ней

был только горячий пар. За десяток монет чародей выторговал у смотрителя, полупьяного ушлого мужичка, две кипы пахнущей мылом и хвойным дымом одежды: к смотрителю она попала из мертвецкой госпиталя, но была чистой и почти не рваной, и это перевешивало ее недостатки.

- Теперь ты похож на солдата, мастер, - заметил Джибанд, дожидавшийся их снаружи. Великан свою изодранную медведем рубаху еще до выхода на тракт кое-как очистил и залатал чарами, чем гордился и что было весьма кстати: вряд ли легко удалось бы найти что-то на его рост.

- Я и есть солдат, - равнодушно сказал Голем. Из прежней одежды при нем остались только сапоги. Старые штаны и Беонову куртку сменили широкие серые брюки и длиннополый бежевого цвета китель, похожий на те, что носили офицеры армии Вимила, но со споротыми знаками отличия и заплатой на локте. Эта форма с чужого плеча определенно была ему к лицу.

"А верно: он ведь и есть солдат. Ажно маршал. Был когда-то..."

Деян, плетясь за уверенно шагающим по улице чародеем, хмурился от боли в прижившленной лодыжке, донимавшей его все последние дни и усилившейся после бани; но больше - от недоброго предчувствия. Куртка ему досталась обычная, почти такая, как была, но все равно - в солдатских брюках и рубахе он чувствовал себя ряженым, ненастоящим; и все вокруг с непривычки казалось ненастоящим - кроме вонючей воды в канавах и помоев, которые жители выплескивали туда прямо из окон. Не мог этот грязный и тесный город принести ничего хорошего.

Хотя пока могло показаться, что им везет. Днем в город въехал отбывший из расположения армии зареченский епископ и остался пережидать непогоду, поскольку в шторм паромная переправа все равно не работала: офицеры, которых чародей обчистил в кости, видели епископской фургон. А такую важную персону, как епископ, в военное время непременно должны были охранять чародеи; и поселиться он должен был не абы где.

Трижды Голем спрашивал у прохожих дорогу, но все три раза ему указывали разные направления. Пришлось проплутать по темным улицам без малого полчаса, прежде чем отыскался нужный постоялый двор, где имели обыкновение останавливаться проезжающие через Нелов высшие чины. Двухэтажный дом с пристройкой отличался от других облупившейся вывеской безо всякой надписи, изображавшей две сдвинутых кружки. Из окон пристройки-харчевни пахло тушеной капустой и мясом; запах

заставлял желудок болезненно сжиматься, напоминая, что со вчерашнего дня во рту не было ни крошки.

Как Деян понял со слов чародея, это заведение считалось хорошим, одним из лучших в городе; таковым оно не выглядело, но несколько богатого вида повозок действительно стояли на площадке сбоку от входа, в том числе и выкрашенный черным фургон с окнами, украшенный серебристыми амблигонами с кинжалами в нижнем оконечье. Плечистый детина у двери при виде Голема нахмурился, но, чуть поразмыслив, все же посторонился, проникнувшись уважением к грозному облику Джибанда или к сунутой чародеем крупной монете.

"Вовремя мы", - отметил Деян, входя внутрь: снаружи на утоптанную землю только что упали первые крупные капли дождя.

В харчевне с непривычки показалось темно и душно; людей было немного. Статный мужчина в кожаном фартуке, с обритой головой, но длинной спутанной бородой, приветствовал их из-за стойки таким тоном, будто требовал немедля выйти вон; Голем, не обращая на него внимания, прошел в дальний угол зала, где за длинным столом собрались солдаты. Деян вздрогнул, почувствовав на себе их взгляды: придержав на входе дверь, он перестал быть "невидимым".

- Где ваш командир? - спросил Голем, обращаясь к крепко сбитому мужчине с капитанскими знаками отличия.

- Который? - лениво осведомился капитан. Невысокий, с обветренным скуластым лицом и густыми усами с проседью, он напомнил Деяну командира явившегося в Орыжь отряда вербовщиков. А полутемная харчевня с высоким потолком не так уж отличалась видом от Волковской "ресторации", и все вместе это только усиливало ощущение нереальности происходящего.

- Ответственный за охрану досточтимого господина епископа. Мне необходимо переговорить с ним. А ему - со мной, хотя он пока этого не знает. - Голем сунул руку в карман, но, судя по всему, монет там больше не нашлось; в распоряжении чародея оставались только колдовство и настойчивость.

- Так двое их, ответственных, - все с той же добродушной ленцой в голосе сказал капитан. - Но Его Высокопреподобие просителей не принимает. И полковник Ритшоф тоже. Надо - мне скажи; если что дельное - так я передам.

Голем покачал головой.

- Благодарю, капитан. Но так не пойдет. Дело посредничества и отлагательства не терпит.

- За дело твое не знаю, но Ритшоф, если его от тарелки отвлечь - точно не стерпит, - хмыкнул капитан. - И правильно

сделает. Ежели все лезть с прошениями и жалобами будут, когда захотят - не то что поесть не дадут: насмерть затопчут.

- Я не проситель. И вынужден настаивать, - невозмутимо сказал Голем.

- Да откуда ж ты такой нахал?! - Один из мужчин привстал с лавки, но капитан толкнул его обратно.

- Ни к чему затевать ссору, Менжек, - сказал капитан, выразительно указав взглядом на Джибанда. - Гляди-ка, каков самородок! Небось подкову пальцами согнешь? А с рожей что - никак медведя заборол?

Джибанд переминался с ноги на ногу, не зная, что и на что отвечать.

- Вы, что ль, на службу к епископу желаете наняться, чтоб на паром попасть? - спросил капитан. - Может, и выгорит. Только спешка вам во вред: подходящего времени дождитесь.

- Подкову и я пальцами согну, - сказал Голем. В голосе его Деян уловил плохо скрытое торжество: возможность, не вступая в драку, показать силу подвернулась удачно. - А хочешь, штык твой в узел завяжу?

- Да ну? - все так же лениво удивился капитан; звучало и впрямь дико.

- Если завяжу - проведешь к командиру? - не отставал Голем. - Не смогу - все, только ты меня и видел.

- По рукам.

Капитан отсоединил от прислоненного к стене ружья длинный нож с треугольным лезвием и протянул чародею, и тот в следующее мгновение небрежным движением пальцев согнул клинок посередине.

Капитан ахнул.

- Покажи это командиру и доложи обо мне. - Голем вложил получившийся железный узел в капитанскую руку. - Даю слово: дурного епископу не желаю. Дело важное, и мне не хотелось бы...

Он не стал произносить угрозу вслух, но все и так было понятно.

- Сержант Менжек! - Капитан, не сводя напряженного взгляда с Голема, сунул сержанту испорченный штык. - Ступай, доложи обо всем Ритшофу.

- Да что докладывать-то? - Менжек растеряно посмотрел на капитана.

- Что видел, то и доложи!

- Скажи, что с ними желает говорить Рибен Ригич. - Чародей неприятно улыбнулся. - Голем.

- IV -

Менжек исчез за дверью, скрывавшейся за занавесью по правую сторону от стола, и вскоре вернулся, чтобы поманить чародея за собой. Деян отступил было в сторону, намереваясь остаться снаружи, но Голем подтолкнул его к двери.

- Ты чего? Идем!

- Я с епископами болтать не обучен, - проворчал Деян, неохотно подчиняясь. Голем среди солдат и важных шишек был в своей стихии, тогда как он чувствовал себя лишним в этих разговорах, на этом постоялом дворе, да вообще в этом городе.

За дверью оказалась отдельная комната, где благородные господа - наверняка за дополнительную плату - могли отобедать в тишине и спокойствии.

Господ в комнате обнаружилось трое. Во главе стола на кресле с высокой резной спинкой сидел пожилой мужчина, почти старик, чье лицо казалось белым пятном на фоне роскошных черных одежд, по которым несложно было угадать в нем Его Превосходительство Андрия, епископа Зареченского. Два офицера, сидящих в таких же несуразных креслах с разных сторон на почтительном расстоянии от епископа, чем-то неуловимо походили друг на друга, хотя во внешности их не было ничего общего. Тот, что в чине полковника, был почти лыс и широк в плечах, крупный нос нависал над брезгливо сжатыми губами; сидел полковник вполоборота, неловко отставив ногу, перебинтованную в голени поверх штанов. Второй офицер в чине майора, худосочный мужчина с тонкими чертами овального лица и острым подбородком, был с виду на два десятка лет моложе; он носил длинные волосы, перехваченные в двух местах лентой, и короткую бородку. На рукавах мундиров обоих офицеров чернели повязки с вышитыми серебристой нитью амблигонами.

- Использовать чужое имя... - недовольным тоном начал лысый, но прежде, чем он успел закончить, Голем бросил на стол фляжку и поднял руку.

Раздался звук, словно лопнула туго натянутая ткань; фляжка, ударившись о стол между тарелками и кружками, отскочила и зависла на высоте локтя над столешницей, окруженная полупрозрачной золотой сферой из множества неизвестных Деяну слов и знаков. Внутри, пронзая флягу, светился тот же символ, что был выгравирован на ее боку - похожие на дерево ветвистые рога; объем придал странному изображению неожиданно грозный

вид.

Лысый отшатнулся от стола, тогда как его молодой спутник, напротив, подался вперед. Осторожно, точно боясь напугать дикое животное, он коснулся сферы кончиками пальцев, но яркий разряд заставил его отдернуть руку.

- Вы!.. - Его взгляд обратился на Голема и возвышавшегося позади Джибанда. -Невозможно! Но это... Тут не может быть ошибки...

Лицо молодого майора исказил благоговейный ужас, и следом он сделал то, чего Деян никак не ожидал: порывисто встал с кресла и опустился перед Големом на одно колено.

- Прошу простить за неподобающую встречу, милорд.

Он низко поклонился сперва в сторону Голема, прижав к груди сжатую в кулак ладонь; затем поклонился и Джибанду. Радости в его голосе было немного, но почтения и страха хватило бы, чтобы вогнать в краску любого обычного человека. Но только не Голема.

- Понимаешь теперь, чего я ожидал, Деян? - со смешком в голосе спросил чародей. - А ваш старик-староста мне вместо этого: "Пожалуйте лучше в хлев!"

- Нижайше прошу простить невежество простых людей! - Молодой офицер склонился еще ниже, едва не утыкаясь лбом в пол. - Они не могли знать...

- Прекрати юродствовать, Ян, - нарочито-спокойным тоном одернул его старший. - Это какое-то недоразумение.

Тот вздрогнул и сдавленно зашептал, не поднимая головы:

- Прошу вас, мастер Варк! Печать старого Круга невозможно подделать или подчинить другому. Это подлинник.

- Мы не можем быть уверены, - прошипел старший. Его лысина покрылась блестящими бисеринами пота.

- Нет, - горячо возразил молодой, - нет, мастер, мне ли не знать: у деда была такая же... И я видел портрет. Вы тоже, вспомните... Ну же, прошу вас! Нужно выразить почтение: он ведь мастер Круга.

Возмущение на лице лысого "мастера Варка" сменилось недоверием и тревогой; он явно не привык, чтобы ему перечили, и был достаточно умен, чтобы почувствовать за возражением вескую причину, но принимать услышанное на веру не хотел. Выражать почтение к незнакомцу ему претило, к тому же мешала поврежденная нога; и все же, когда он хорошенько разглядел Джибанда, упрямо сжатые губы дрогнули. Неохотно и медленно, будто что-то его держало, "мастер Варк" стал вставать.

- Не нужно, господа. - Голема его намерение вполне удовлетворило. - Хватит церемоний. Я тоже рад вас видеть. -

Радости в голосе чародея было не больше, чем у всех остальных.

- Как и я. Встаньте! - сказал Джибанд. Деян невольно повернулся к нему и вздрогнул; большого труда стоило не выказать изумления. Он знал, что Голем учил великана не только колдовству, но и притворству, - и все же видеть результаты этих уроков оказалось неожиданно. В рокочущем голосе Джибанда сейчас слышалось княжеское достоинство и властность, и даже стоял он иначе, чем обычно, выпрямившись во весь рост и расправив плечи.

- Мое имя вы знаете. Назовите ваши, - приказал Голем.

Молодой офицер поднялся с пола и, пятясь, вернулся к столу, но сесть не решился.

- Брат Ян Бервен к Вашим услугам, милорд. - Он еще раз поклонился.

- Варк Ритшоф, командор Южной ложи Братства Раскаявшихся, - лысый чародей чуть склонил голову. - Мы сопровождаем Его Преподобное Превосходительство Андрия, епископа Зареченского, - епископу он адресовал поклон куда более почтительный, - ко двору Его Величества Вимила по поручению...

- Да-да, сопровождаете, - перебил епископ, до того молча наблюдавший. Голос у него оказался по-молодецки звонкий. - И, может быть, наконец соблаговолите объяснить, что здесь происходит?

- Ваше Высокопреосвященство, Ян предполагает, этот человек - тот, за кого себя выдает, - тихо сказал Ритшоф, склонившись к епископу. - И, как бы меня ни изумляла такая возможность, боюсь, в настоящий момент лучше с этим согласиться.

- Интересно. - Епископ, прищурившись, снова посмотрел на Голема и небрежным движением отряхнул крошки с бороды. Во его взгляде не было страха: только любопытство. - Рибен Ригич, князь Старожский. Вы хорошо выглядите для того, кто умер три столетия назад.

- Быть может, это оттого, что я не знал, что умер, - сказал Голем, выходя вперед. - Три столетия? - все-таки переспросил он чуть погодя.

Вряд ли он ожидал услышать намного меньшую цифру, и все же одно дело - предполагать, другое - знать... Епископ заметил его замешательство: на старческом лице промелькнуло удовлетворение.

- Двести семьдесят восемь лет, если летописи не врут и в этом, - сказал епископ, протягивая ладонью вниз руку с массивным священническим перстнем. Похожий, только попроще, был и у Тероша Хадема, пока тот не потерял его где-то - или

только сказал, что потерял, а сам убрал подальше, поскольку странный обычай лобзать вместо живой руки холодное железо в Спокоище не прижился; кто-то даже полагал подобное унизительным. Деян напрягся, ожидая вспышки чародейского гнева, но Голем лишь покачал головой:

- Я не исповедую вашей веры, отец Андрий.

- Конечно, не исповедуешь. Ты дал жизнь омерзительному гомункулу супротив воли Господней. Ты еретик. Само твое нахождение здесь - ересь! - сказал епископ, возвысив голос. И вдруг как-то по-детски хихикнул. - Но ты достаточно могущественен, чтобы не беспокоиться о каре людской, верно?

- А вам не откажешь в проницательности, - с усмешкой сказал Голем. - Чего не скажешь о хороших манерах.

- Осуждение из уст еретика - похвала для меня, - самодовольно усмехнулся в ответ епископ. - Ну, хватит тратить время. Говорите, милорд Ригич: что вам от нас нужно?

Голем выдвинул из-за стола свободное кресло и сел. В наступившей тишине было слышно, как разом выдохнули Варк Ритшоф и Ян Бервен, слушавшие обмен "любезностями" с побелевшими лицами. На морщинистом лице епископа тоже промелькнула тень облегчения, и Деян подумал, что тот не так бесстрашен и глуп, как кажется: просто-напросто ему необходимо было выставить себя верным служителем Господним перед подчиненными ему чародеями.

Менжек у двери вжимался в стену ни жив ни мертв. Только "омерзительный гомункулус" Джибанд стоял как стоял, гордо расправив плечи.

Деян нашел в себе силы благодарно кивнуть, когда тот придвинул ему еще одно свободное кресло:

- Садись. Разговор будет долгим.

В неживых глазах великана не отражалось ни обиды, ни гнева. Сам он сесть не мог, даже если хотел: его веса не выдержала бы тут никакая мебель.

- Пожалуй, так, - хмыкнул Голем, скрестив руки на груди. - У меня столько вопросов, что даже не знаю, с какого начать...

Остатки недоеденной снеди на тарелках пахли раздражающе вкусно. Деян сел, сожалея о том, что не остался в общей зале. Голем не посчитал нужным его представить, и никто не обращался к нему, но неприязненные взгляды епископа и настороженные - обоих чародеев заставляли его ощущать себя кем-то вроде собаки, без спросу пролезшей в чужой дом в обеденный час.

И все же, когда Менжек в наступившей тишине украдкой выскользнул за дверь, Деян не последовал его примеру: что-то

удерживало. Предчувствие неприятностей, какое донимало его весь день, или, может быть, простое любопытство.

- V -

- Милорд? - осипшим от волнения голосом окликнул Голема Ян Бервен, поскольку тот, в свойственной ему манере, будто бы забыл о своих собеседниках.

Голем резко повернулся к молодому майору.

- Влад Бервен?.. - сказал он с вопросом в голосе.

- Мой единокровный дед по отцу, милорд, - ответил Бервен с коротким поклоном.

- Он?..

- Умер, когда меня еще не было на свете, милорд. Его брат и мой двоюродный дед, герцог Кжер Бервен, занял место Влада в Круге; он и воспитывал меня, пока старые раны не свели его в могилу. - В голосе Бервена послышалась грусть. - На его рассказах о битвах я вырос. Он очень уважал вас, милорд.

- Кжер Мрачный, меня? А мне всегда казалось, он терпеть меня не мог... - со странной интонацией сказал Голем. - Но что случилось с Владом?

- Погиб в начале Торговых Войн, милорд. - Ян Бервен снова поклонился.

- Да прекрати ты кланяться, как припадочный! - Тревога и раздражение Голема наконец прорвались наружу. - Что еще за войны?!

- Так их стали называть после завершения... Простите, милорд, я не уверен, что... - Бервен растерянно взглянул на Ритшофа, но тот пожал плечами: "Делай, что хочешь".

- Говори! - рыкнул Голем. - Всё. По. Порядку!

- Простите. - Бервен сглотнул и заговорил по-ученому бегло. - Серьезный конфликт, положивший начало столетью Торговых войн, произошел на восьмидесятом году правления Императора Радислава Важича, спустя четыре года после вашей смер... вашего исчезновения, вскоре после того, как на Островах от старческих хворей скончался Первый Король Мирг Бон Керрер. Перед тем от неизвестной болезни скончался его наследник; некоторые видели в том руку недоброжелателей с Алракьера. А средний сын погиб

от рук урбоабов еще на вашей памяти, милорд; хавбагские историки указывают, что именно вам выпало отомстить за него...

- Не от рук урбоабов, - резко сказал Голем. - Дикари подожгли его корабль, а он, спасаясь от огня, бросился в воду и утонул, потому как гордость хавбагского морехода не позволила этому дураку выучиться плавать. Дальше!

- После кончины Первого Короля престол занял младший сын Мирга, Харун, - вспыльчивый воин, жаждущий славы.

- Я без тебя помню, что за бестолочью был Харун. Дальше!

- Он нарушил волю отца и разом отменил большую часть существовавших льгот для нарьяжских торговцев. К тому времени при дворе Императора Радислава уже господствовала партия войны; под давлением высшего общества Империя вторглась на Острова. Сперва объединенные силы Дарбата поддержали наше вторжение, но когда войска хавбагов, казалось, уже потерпели сокрушительное поражение, четыре из пяти Великих Домов Дарбата повернули оружие против нас. В то же время Бадэй атаковал границы Империи с юга. Харун Мирг Керрер пал в битве, но его сын, Асвер Харун Керрер, Асвер Одноглазый, сумел договориться с Великими Домами и ценой огромных уступок отстоял формальную независимость Островов. В ослабленной войной Империи начались внутренние беспорядки, и только лишь то, что Бадэй и дарбатцы сцепились друг с другом, позволило избежать ее немедленного и окончательного уничтожения. Однако к концу столетия Нарьяжская Империя, как и Содружество хавбагов, все равно распалась. Наши южные провинции отошли к Бадэю, северные объявили независимость. На сто шестидесятом году правления Радислав отрекся от престола и добровольно принял смерть от собственного меча. Но старшая дочь Радислава и ее супруг, князь Дарун Выйский, продолжили борьбу; после десятилетия кровопролитных войн им удалось восстановить власть в границах от Каменного Берега до Миона. Объединенные земли получили название Великого Княжества Дарвенского. Династия Важичей-Выйских правит ими до нынешнего времени: великий князь Вимил - правнук князя Даруна и дочери Радислава. Мы служим ему, как наши отцы служили его предкам, - закончил Бервен.

Торжественная нота прозвучала фальшиво.

- Это вся история? - спросил Голем. - Ты ничего не исказил, не преуменьшил, не приукрасил? Ни о чем не умолчал?

- Нет, милорд.

- Да, милорд, - сказал вдруг Ритшоф с плохо скрытым злорадством. - Поводом к войне и ее оправданием послужила Ваша смерть. То есть Ваше якобы убийство. Для обеих сторон:

ведь среди хавбагов вы были даже более уважаемы, чем в Империи; настолько, что кое-кто по сей день сомневается - на чьей тогда вы были стороне? Да что там: хавбаги до сих пор поклоняются вам, как богу! "Хранителю", как они называют своих идолов... Вы единственный чужеземец, удостоенный от этих еретиков подобной "почести".

Гроза снаружи набирала силу; вся харчевня, казалось, содрогнулась от близкого удара грома.

- Продолжай, - сказал Голем. - Не отвлекаясь на рассуждения про ересь.

Деян не мог видеть его лица, но заметил, как побледнел наблюдавший за чародеем Бервен.

- Насколько известно простым солдатам вроде меня, изучавшим историю по собственному почину, - Ритшоф усмехнулся, - первоначально все в Империи ожидали вашего скорого возвращения, полагая, что вас отвлекли некие тайные дела. Но позже команду вашего корабля допросили повторно, и выяснилось, что корабль пристал к Алракьеру без вас на борту, и последний раз живым вас видели на Островах. Однако в глазах хавбагов это было ложью: слишком многие наблюдали ваше отплытие, и среди них утвердилось мнение, что это нарьяжцы уничтожили вас за то, что не смогли склонить к войне... Как очевидно теперь, ложью было и то, и другое: вы живы или, во всяком случае, кажетесь таковым - чего не скажешь о сотне тысяч тех, кто сложил головы в попытке отомстить за вас. Думаю, не ошибусь, если предположу, что избранным из числа членов Малого Круга и другим ваших приближенным была известна правда - но никто из них не пожелал донести ее до других! - пророкотал Ритшоф. - По окончании Торговых Войн и эпохи смуты при подписании мирового соглашения между Великим Княжеством Дарвенским и Островами было особо оговорено, что прежние обвинения признаются ошибочными: сошлись на том, что, выполняя некое тайное поручение Императора Радислава, вы воспользовались для отбытия с островов ненадежным судном и погибли в море; Император был уже мертв и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение. Именно оно преподносится как истина в тех книгах, где до сих встречается ваше имя, а таких немного: вас, как и других прославленных героев времен Империи, не принято вспоминать. Зато в начале Смутного времени ваша известность наделала немало бед! Иногда бунты происходили якобы от вашего имени; самые отчаянные из предводителей бунтовщиков даже пытались выдать себя за вас. Многим ли есть дело до разоблачений и доказательств? Об именных печатях Малого Круга мало кому

известно, и еще меньше людей хоть единожды видели их своими глазами. - Ритшоф указал на по-прежнему вращавшуюся над столом флягу. - Обманщиков казнили безо всякой жалости - но их дело продолжали новые подлецы, и вновь получали от невежественных бедняг поддержку. А те, кто знал правду и мог бы остановить это бессмысленное смертоубийство, предпочитали молчать... У них, надо полагать, были причины. И у вас, не сомневаюсь, были причины исчезнуть тогда и есть причины объявиться теперь. Но, видите ли, мои предки были простыми людьми, не якшались с еретиками, не выслуживались, не выпрашивали наград и титулов у самовлюбленных вельмож. - Сердитый взгляд Ритшофа на миг метнулся к Бервену. - Однако и моя семья заплатила кровью за грязные тайны Малого Круга; и я знать не желаю ни ваших причин, ни вас! Больше мне сказать вам нечего. Если вы желаете знать больше - почему бы вам не расспросить обо всем гроссмейстера ен'Гарбдада? Он видел Смутное время своими глазами и был вашим близким соратником. Говорите с ним!

- Непременно. Благодарю за совет, господин Ритшоф, - негромко сказал Голем. В этот миг в сравнении с источающим гнев и возмущение Ритшофом он казался очень спокойным. - Известно ли вам что-нибудь о дальнейшей судьбе моей жены? Нирима ен'Гарбадада? Других жителей Старого Рога?

- Вскоре после того, как вас объявили погибшим, ваши владения с согласия Вашей супруги отошли Императору: это все, что мне известно.

- А что Марфус Дваржич, Председатель Круга?

- Умер, - лаконично ответил Ритшоф. - За год до начала Торговых Войн. Насчет его смерти ходило много пересудов, но безусловно только то, что она способствовала дальнейшему упадку.

- Малый и Большой Круги существуют в нынешнее время?

- В последний раз господа из Малого Круга встречались четверть века назад, чтобы опять переругаться друг с другом. Никто не объявлял о запрете подобных собраний, но разумным людям они не интересны. - Ритшоф дернул головой, словно отгонял надоедливое насекомое. - После всех ужасов Смутного времени чародеи утратили людское доверие; только лишь тем, кто принят в Братство Раскаявшихся и несет благословение Отца Небесного, дозволено состоять на государственной службе. Опасные реформистские идеи были отринуты. Люди Дарвенского княжества вновь стали жить согласно традициям и...

- Я заметил, - перебил Голем. - "Братство Раскаявшихся" - был такой орден фанатиков при Церкви Небесного Судии, если мне не

изменяет память. Теперь он набрал силу и вы, так пониманию, состоите в нем. Что ж... Снегопады и заморозки, из-за которых через год по всему Заречью будет голод, ваших рук дело?

Повисшая тишина была оглушающей. Ритшоф, до того хоть как-то сдерживавшийся, заскрипел зубами от злости:

- Иногда и лучше совершают ошибки, - выплюнул он.

- "Никто не совершенен", как говорят еретики с Островов, - посчитал нужным вмешаться Его Высокопреподобие Андрий. До того епископ только молча наблюдал и слушал - очень внимательно слушал, - потому Деян заключил, что тот совсем не глуп.

- Архиепископ Цербрейский совершил ошибку, требуя от Братства замедлить продвижение врага любой ценой, - с нарочитым сожалением в голосе продолжил Андрий. - Как и те неразумные братья, кто с досадной поспешностью исполнил его волю, несмотря на возражения гроссмейстера ен'Гарбдада. К сожалению, потребовалось время, чтобы исправить то, что еще можно было исправить... Варк, Ян и другие внесли свой вклад в восстановление погоды. Ваши намеки оскорбительны для них. И для меня. Не думаете же вы всерьез, что я мог желать разрушить свою епархию?!

- Откуда мне знать; бросить-то вы ее смогли, - заметил Голем.

- Оставьте насмешки при себе, князь. - Епископ натянуто улыбнулся. - Нам было приказано уехать. Каждому из нас жаль оставлять чад и братьев, но мы покидаем поле боя, чтобы продолжить борьбу.

- Да неужели?

- А что, если и нет? - прошипел Ритшоф, в запале забывший уже и о почтительности к епископу. - Сопровождать Его Высокопреподобие Андрия мне было приказано самим гроссмейстером ен'Гарбдадом, но я рад этому! Я шел с войсками с первого дня, четырежды был ранен, пролил бочонок крови; с меня довольно! Расплачиваться головой за чужую глупость я не желаю. Пусть гроссмейстер потворствует глупцу в короне и сражается так, как полагает нужным. Без меня! Пусть меня назовут трусом, но я не намерен погибать бессмысленной смертью, когда моя жизнь еще может послужить Отцу Небесному и правому делу. Смейся, смейся, Рибен-Миротворец! Смейся, сколько тебе угодно: пусть я трус, и пусть мне до смерти стыдиться этого, но лучше буду жить трусом, чем напрасно умру дураком!

- Не похоже, чтобы вы были трусом, - неожиданно мягко сказал Голем. - Положение дарвенской армии в самом деле настолько тяжелое?

- Утрать я веру в чудеса Господни, сказал бы, что оно

безнадежное, - признал Ритшоф.

- Объясните. И покажите, где мне искать Венжара. - Голем откуда-то достал Кенекову карту и, отодвинув посуду, расстелил на столе. - Мне сказали, он занял оборону на Красных холмах в излучине, но, признаюсь, не могу понять смысл такого решения.

Ритшоф взглядом спросил у епископа позволения и склонился над картой.

- Вас информировали верно. Здесь основные наши позиции. - Толстый палец Ритшофа лег на бумагу на правом берегу Остора, величайшей из дарвенских рек. - Все готово для отступления за Остор, но король Вимил не велит отступать, и Святейший Патриарх его поддерживает - потому гроссмейстер вынужден подчиниться. Барон Бергич в конце лета разделил силы: его солдаты разгуливают по всему южному зареченскому плоскогорью. - К ужасу Деяна, палец Ритшофа прошел совсем близко от Медвежьего Спокоища. - Но оставшегося войска хватит, чтобы опрокинуть нас в Остор... Они могли бы попытаться переправиться южнее Нелова, чтобы в обход нас нанести быстрый удар на столицу, но Бергич не настолько глуп, как надеется наш король, и не оставит большое вражеское войско хозяйничать у себя в тылу. Он желает уничтожить нас, подавить всякое будущее сопротивление - и постепенно стягивает силы для штурма. Наши войска измотаны, Братство потеряло лучших бойцов. Даже гроссмейстер ен'Гарбдад признает: вероятнее всего, штурм увенчается успехом; Бергич, взбираясь наверх, понесет огромные потери, но нам не удержать его. А когда он погонит нас, мы потеряем еще больше... Если же милостью Господней нам удастся отбиться - лишь вопрос времени, когда он соберет оставшиеся отряды и предпримет следующую попытку. Своевременное отступление не убавило бы его превосходства в силах, но дало бы нам необходимую передышку. Однако король упрям. И гроссмейстер ен'Гарбдад упрям: не сумев переубедить Его Величество, он согласился с самоубийственным планом и намерен умереть на Красных Холмах, раз уж таковы приказы. Время на исходе: гроссмейстер уверен, что штурма следует ожидать в ближайшие дни.

Пока Ритшоф показывал и говорил, ненависть на его лице сменилась мрачной сосредоточенностью.

- Никто не вправе осудить Его Величество Вимила за его непримиримость в борьбе с еретиками Бергича и стремление скорее дать решающий бой, но я не могу не сожалеть о скорой и напрасной гибели сотен братьев, - сказал он Голему с неподдельной горечью в голосе. - В запрещенных сейчас хрониках Империи говорится: до того, как стать послом, вы были великим

воином; если так, то вы можете понять мою скорбь.

- Но кто начал это? - спросил Голем.

- Это?..

- Войну, полковник Ритшоф, - со вздохом сказал Голем. - Бунт поднял барон Бергич: но не из-за того ведь, что изнемогал от скуки. Мало вашему князю Вимилу было объявить себя королем: чего он пожелал еще? Отнять у баронов и ту власть, какая у них еше оставалась? Еще поднять налоги? Но жадность - грех; не так ли, полковник? Когда Бергич решил, что дешевле один раз потратиться на войну, чем до смерти оплачивать содержание многочисленных королевских фавориток, он просто-напросто был рассудителен.

Ритшоф вновь побагровел, но епископ Андрий безо всякого стеснения сально прыснул в кулак.

- Король Вимил был почти что рад бунту, - продолжал Голем. - Ему и его приближенным позарез была нужна война, чтобы скрыть прошлые расходы, и победа в войне, чтобы вконец обобрать строптивого барона и за счет того пополнить казну, которую он, правитель глупый и бесчестный, промотал на ежедневные пирушки, балы и подарки для своих женщин и намерен проматывать и впредь. Так о нем говорят солдаты; солдаты на отдыхе всегда много болтают, но в этом случае, мне кажется, они не ошибаются. А вам, полковник Варк Ритшоф?

Ритшоф прорычал нечто невразумительное.

- Насколько мне известно, - Голем пристально взглянул на полковника, - поначалу дарвенское войско вместе с Братством Раскаявшихся по руководством гроссмейстера ен'Гарбдада упорно наступало, не считаясь с потерями, и почти добилось желаемого, но в конечном счете бергичевцы и их союзники отбросили вас назад и погнали до самого Остора. Поредевшие, обескровленные, измотанные беспорядочным наступлением дарвенские войска терпели поражение за поражением. И это закономерно; я бы даже сказал, справедливо.

- Ничего подобного. - Лицо Ритшофа побагровело. - Они сумели переломить ход компании по воле случая, воспользовавшись нечестивой помощью дикарей и еретиков-наемников с островов!

- Случая ли? - насмешливо спросил Голем. - Вы называете их еретиками, но, похоже, в этом противостоянии ваш Господь, поборник справедливости, на их стороне.

- Вы!.. - Ритшоф вскочил, позабыв о раненой ноге, но тотчас со сдавленным стоном вынужден был навалиться на стол. - Еще слово, и я...

- Варк! Сядь! - Епископ хлопнул ладонью по столу. - Правда

на нашей стороне. Но барон Бергич в могуществе обошел князя Вимила, а этот воскресший еретик - обойдет тебя. Господь посылает нам испытания: прими же их с честью.

- Простите, отец. - Ритшоф тяжело опустился в кресло. - Гнев лишает меня разума.

- Разве воскрешение - не чудо Господне? - подал голос Бервен, чем заслужил уже два раскаленных от ярости взгляда - от Ритшофа и епископа.

- Как уже говорил Рибен, мы не были мертвы, - сказал Джибанд, решивший вмешаться прежде, чем Голем разозлит полковника еще больше и начнется-таки драка, после которой от постоялого двора наверняка остались бы одни щепки.

- Но где же тогда?.. - спросил Бервен.

- Блуждали за краем мира, господин Ян; были химерами среди химер, - вкрадчиво сказал великан. Подняв голову, Деян увидел, что тот улыбается уцелевшей половиной лица.

- Я бы рассказал подробнее, - продолжил Джибанд, - но вам не кажется, что сейчас не слишком подходящее время?

- Вы правы. - Бервен, смутившись, отвернулся - но недостаточно быстро, чтобы скрыть мелькнувшее на лице разочарование. Он наверняка хотел услышать какую-нибудь фантастическую и, без сомнения, героическую историю, - и даже будущий нагоняй от Ритшофа не мог сдержать его любопытства.

- Для лжи и ереси не может быть подходящего времени, - отрезал епископ, уставившись на Голема из-под нахмуренных бровей. - Мы выслушали более чем достаточно ваших насмешек и богохульства, князь. Скажите, наконец, что вам от нас нужно - и разойдемся с миром.

- Пожалуй, я тоже услышал достаточно. - Голем спокойно встретил его взгляд. - Благодарю за сведения, господа. Кроме этого, мне нужен эскорт, чтобы без помех и задержек лично приветствовать досточтимого гроссмейстера ен'Гарбдада; а также средства, чтобы обеспечить моих людей всем необходимым: не хотелось бы реквизировать провизию силой.

- Все ваши расходы будут списаны как необходимые для нужд епархии: я напишу соответствующее распоряжение, - не переставая буравить чародея взглядом, сказал епископ. - Капитан Альбут и половина его отряда будут сопровождать вас. Это все?

- И порцию "вдовьих слез", - после короткого размышления добавил Голем.

- Мастер!.. - Джибанд на миг забыл о притворстве, но Голем не обратил на его протестующий возглас ни малейшего внимания.

- Если, конечно, она у вас найдется. - Голем поочередно

взглянул на Ритшофа и Бервена.

- Господь не одобряет нечестивых чар, которые убивает создателя, - сквозь зубы проговорил Ритшоф. - Подобное недопустимо в честной битве. Никто из Братьев... Ян?! - Только теперь он заметил, что молодой чародей от его слов залился краской.

- Возможно, мой проступок не достоин снисхождения, мастер Варк, - пробормотал Бервен. - Но это семейная традиция.

- Ян! Глупый щенок! - Ритшоф сверкнул глазами. - То, что ты гордишься породой, не делает тебя умнее.

С некоторым удивлением Деян расслышал в его словах, кроме гнева, неподдельное сожаление. Варк Ритшоф непоколебимо верил в доктрину своего Братства; быть может, и король Вимил верил, что самим Господом ему дано право обирать вассалов и пировать, пока другие голодают...

- Простите, мастер Варк. - Бервен, виновато взглянув на Ритшофа, повернулся к Голему. - В память о подвигах деда и пращуров я храню порцию, милорд. И готов отдать ее вам, если это необходимо.

- Буду благодарен, - кивнул ему Голем. - Что ж, высокопреподобный Андрий. Пишите ваше распоряжение - и завершим нашу дружескую встречу.

- VI -

Ритшоф кликнул Менжека; тот выслушал приказ и вскоре вернулся вместе с капитаном. Следом зашел бородач в кожаном фартуке и с писчим прибором в руках, оказавшийся хозяином постоялого двора.

- Предоставь этим господам все, что они потребуют, - сказал ему епископ. - Так угодно Святой Церкви.

- Но свободных комнат нет, - попытался протестовать хозяин. - Как я смогу?..

- Можешь отдать им наши, - оборвал его епископ. - Срочное дело вынуждает нас отбыть немедленно.

- Сейчас?! - Хозяин вытаращил глаза; его изумленному возгласу вторил рокотавший на улице гром. - Но лошади... И все равно переправа...

- Как раз заработает, когда мы до нее доберемся, - после короткого колебания сказал епископ; как бы ни пугала его непогода, оставаться под одной крышей с Големом ему улыбалось еще меньше.

"Или он хочет скорее доложить обо всем королю? - мимоходом подумал Деян. - Или Патриарху? Но явно не Венжару ен'Гарбдаду. А, плевать - нам-то что..."

Капитан Альбут, услышав новые приказы, сумел не выказать изумления и только украдкой кидал на зависшую над столом колдовскую фляжку любопытные взгляды. Менжек, которому предстояло сопровождать епископа и Ритшофа с Бервеном дальше, смотрел на командира с сочувствием; очевидно, сержант тоже предпочитал грозу обществу опасных незнакомцев. Или просто-напросто готов был исполнить любое задание и стерпеть какое угодно общество, лишь бы не возвращаться назад в расположение основных сил дарвенской армии.

- Чем стоять столбом и задавать вопросы, лучше прикажи своим вышибалам помочь снарядить фургон! - прикрикнул на хозяина двора Ритшоф. - Ян! Иди и проследи, чтобы все было сделано, как следует.

Ян Бервен без слов вышел, увлекая за собой солдат и хозяина двора. Епископ поставил на листе плотной серой бумаги размашистую подпись и приложил перстень к подсохшему чернильному пятну.

- Вот, возьмите. - Епископ пододвинул документ Голему. - Позволите откровенный вопрос?

- Да?

- Что вы собираетесь сделать с гроссмейстером ен'Гарбдадом?

- Это касается только меня и гроссмейстера ен'Гарбдада, - резко ответил Голем. - А вас, я вижу, не очень-то огорчает его возможная гибель?

- Вы или Бергич - какая разница? - Епископ пожал плечами. - Гроссмейстер - сложный человек. Он прожил долгую жизнь; лишь Господь волен судить, чего в ней больше - добра или зла, и сколько лжи в его речах, когда он призывает к раскаянию и справедливой борьбе. Я не буду сожалеть о нем. Но не подумайте, что я благословил бы его убийство.

- Ваше благословение, высокопреподобный, - последнее, в чем я нуждаюсь. - Голем свернул высохший документ и сунул за пазуху. - Но миролюбие ваше похвально. А вот король - или, вернее сказать, Святейший Патриарх? - явно считает, что Венжар ен'Гарбдад хуже Бергича и зажился на свете... Иначе как объяснить готовность пожертвовать тысячами жизней в самоубийственном сражении на Красных Холмах? Кажется,

высокопреподобный Андрий, вам это все не очень-то нравится: ведь это вашу землю Патриарх оставляет гореть, вашу паству он бросил на убой. Но у вас не хватило решимости протестовать; вы рады уже тому, что вам дозволено было сбежать.

- Ложь. Наглая, беспардонная клевета, - медленно, с усилием выговорил побледневший епископ. Предназначались его слова не столько Голему, сколько побледневшему Ритшофу.

- В самом деле? Что ж, тогда простите, что позволил себе столь дерзкое предположение, - Голем улыбнулся с деланым простодушием. - Конечно, есть множество веских причин, которые не позволяют королю приказать обреченной армии отступить! Доброго пути, епископ. Не подхватите лихорадку в дороге, а то сыро нынче.

- Доберусь с Господней помощью. - Пожилой епископ встал из-за стола с грацией, которой так не хватало с трудом вылезшему из кресла Ритшофу. - Пусть Он будет милостив и к вам, князь, - и воздаст вам по справедливости за дела ваши! Идем, Варк. Не хотелось бы здесь задерживаться дольше необходимого.

Не дожидаясь возившегося с костылями Ритшофа, высокопреподобный Андрий прошествовал к двери; но ему еще предстояло пережить несколько неприятных мгновений, когда Джибанд вдруг загородил проход и молча уставился сверху вниз.

- Прикажите *этому* уйти с дороги! - выкрикнул епископ, отшатнувшись.

- Попроси его сам, - насмешливо сказал Голем. - Или ты немой?

- Дайте... пройти, - еле слышно пробормотал епископ.

- Если ты изучал историю Империи, то должен знать его имя, - заметил Голем. - И немного вежливости не повредит. Ну же, высокопреподобный!

- Пожалуйста, позвольте пройти, гос... господин... Джеб, - выдавил из себя епископ.

На него было жалко смотреть: обращаясь к *"полуживому"* как к человеку, он совершал нечто для себя немыслимое и недопустимое.

- Всего вам доброго, высокопреподобный Андрий, - Джибанд шагнул в сторону.

Епископ, путаясь в роскошных одеждах, выскочил за дверь с поразительным для своих лет проворством. Ритшоф, громыхая костылями, вышел следом.

Джибанд закрыл дверь.

- Ты быстро учишься, - сказал Голем.

- Вашими стараниями, мастер, - в тон ему ответил великан. - Что будем делать дальше?

- Выдвинемся завтра утром, когда непогода утихнет. Я не такой поборник справедливости, чтоб гнать людей под проливной дождь.

- Тебе и самому нужен отдых, мастер, - заметил Джибанд.

- Наверное.

Голем откинулся в кресле, бездумно поигрывая в пальцах железным писчим пером; в его руках оно давно уже превратилось в измятую и гнутую полоску с оплавленными концами. Уходящих он даже не проводил взглядом; мысли его занимал не епископ или Ритшоф, но тот, кто находился теперь не так уж и далеко; если "гроссмейстер" Венжар ен'Гарбдад сейчас спал - ему, без сомнения, снились кошмары.

- Ты на самом деле намерен попытаться убить его? - спросил Деян.

- Возможно, - сказал Голем. Кресло скрипнуло, когда он повернулся лицом к двери.

- Стоит ли верить... - начал Деян, но, поймав взгляд чародея, обмер, на миг потеряв дыхание от захлестнувшего его чужого отчаяния.

Так смотрел Кенек Пабал из темного угла сарая.

- Ты... - вновь начал Деян - и вновь замолчал, не в силах найти слов.

Мгновение назад он и представить не мог у Голема подобного выражения лица; но предел душевных сил чародея, как и сил физических, оказался слишком близок - или же удар был слишком силен.

Все то, за что тот когда-то боролся, о чем вспоминал если не с любовью, то с гордостью, было обращено в прах его же именем; тут было от чего утратить не только самообладание, но и рассудок...

- Верить не стоит никому, Деян. - Голем отвернулся, отбросил испорченное перо и откинулся в кресле. Каким-то невероятным усилием воли он продолжал держаться и человека, совсем с ним незнакомого, возможно, сумел бы обмануть. - Люди могут лгать или заблуждаться. Но нищета и дикость, которую мы видим, -

правда. Виновные должны ответить. И Венжар, и остальные... и я сам. Ты был прав, называя нас подлецами и чудовищами. Мы и есть подлецы и чудовища.

Деян поморщился. Спорить с этим - после того, как сам не раз говорил подобное - было бы глупо.

"Хотя я тогда погорячился".

Деян рывком поднялся с кресла и принялся ходить по комнате; движение, вопреки колющей боли в лодыжке - а может быть, благодаря ей, - возвращало мыслям ясность.

- Поэтому нужно убить его, даже если это убьет тебя, мастер? - Джибанд, отошедший к стене, разглядывал свои огромные ладони.

- А у тебя есть идеи лучше, Джеб? - бесцветным голосом спросил Голем.

- Нет, - неохотно признал тот. - Но мне не нравится твоя. Мне не нравится, что ты вообще собираешься драться с ним, мастер. Он же твой друг.

- Был, - сухо ответил Голем. - Поэтому сначала я поговорю с ним. Мне нужна правда - какая бы она ни была. А потом... Как в поговорке: "Потом будет потом". Есть еще такая поговорка, Деян?

- Есть, - кивнул Деян, хотя слышал ее впервые.

Вбежали два лопоухих мальчишки, принявшиеся собирать со стола недопитые кружки и тарелки с объедками. Следом вошел Ян Бервен; с лица и волос молодого майора-чародея, пока он топтался у двери, капала вода.

- Я... - начал Бервен, когда мальчишки вышли с нагруженными подносами вон, и снова надолго замолчал, опустив взгляд. - Я сожалею о том, что вам пришлось сегодня услышать, милорд. Мне стыдно за тот прием, что мы вам оказали.

- Забудьте. - Голем искоса взглянул на него. - Вы принесли?..

- Да. Рад услужить хотя бы в этом. - Осторожными шагами подойдя к чародею, Бервен поставил перед ним маленькую серебряную флягу с зельем, очень похожую на ту, что все еще висела над столом. - Но осмелюсь надеяться, оно вам не потребуется...

- Наследие Влада? - Голем взял флягу.

- Да.

- Погодите: я перелью.

- Не надо! - Бервен отступил к двери с такой поспешностью, будто Голем собирался его ударить. - Оставьте себе. Так будет правильно. Дед и отец сделали из нее последний глоток, а я... У меня все равно никогда не хватит мужества. Я поклоняюсь богу, в которого не верю, служу правителю, которого не могу уважать. Я не достоин этой вещи. Не достоин своего имени!

- Не ваша вина, что так вышло, Ян; но в том, что вы продолжаете жить так, как живете, вам некого винить, кроме себя. - Голем, наконец, удостоил молодого чародея того, чтоб повернуться к нему. - И вам не на кого надеяться, кроме как на себя. Влад Бервен, которого я знал, не родился настоящим мастером: он им стал. Нашел в себе силы, потому как видел перед собой цель. А вы?

- Я ищу ее, милорд. - Бервен опустил взгляд. - Прощайте.

Он вышел, но тут же вернулся.

- Я сожалею, что мой учитель был груб с вами... Прошу, милорд, не судите его строго: мастер Варк совсем не такой человек, каким кажется.

- Пусть его судит Господь, в которого он так истово верит. - Голем криво усмехнулся. - Как вышло, что чародеи теперь служат сладкоречивым проповедникам? Так только в Дарвенском королевстве? Или повсюду?

- Не везде, но много где... Мастер Варк говорит, что в смутные времена лишь Церковь проявляла должную заботу о простых людях; за это ей и почет, - ответил Бервен.

- А вы как думаете?

- Не могу знать. Но иногда мне кажется, - Бервен слабо усмехнулся, и его мягкие черты приобрели выражение недоброе и хитрое, - что Святые Отцы оказались ловчее других, только и всего. Прощайте, милорд, прощайте, господин Джеб... И вы, господин. Пусть сопутствует вам удача!

Деян на миг растерялся, поняв, что последний вежливый кивок адресовался ему, и не сразу сообразил ответить тем же.

- И вам всего наилучшего, Ян, - сказал Джибанд, с укоризной взглянув на Голема, - но тот молчал.

- Прощайте, - повторил Бервен.

И наконец ушел.

- Зря ты был так нелюбезен с ним, мастер, - сказал Джибанд. - Он же оказал тебе услугу.

- Может, и зря, - равнодушно согласился Голем. Епископ со свитой уже выезжали со двора, и больше ему не было до них никакого дела.

Глава четырнадцатая. Ночь

- I -

В наступившей тишине Деян принялся вновь ходить по комнате. Колдовская сфера с флягой висела над расстеленной на столе картой, как луна над землей; левый угол карты весь пропитался светло-красным соком, выплеснувшимся из кувшина от неловкого движения мальчишки-прислужника, когда тот убирал посуду.

"Если Господь есть... Если Он не всесилен, но справедлив, - быть может, Он смотрит на дела наши с таким же выражением лица", - подумал Деян, украдкой наблюдая за Големом. На душе было муторно.

Чародей прошептал несколько слов, и сфера погасла. Фляга, упав, загремела о столешницу.

Взяв ее и ту, что принес Бервен, он осторожно отвинтил крышки и перелил зелье - к досаде Деяна, не пролив ни капли, хотя движения его были очень неловки; в дрожании пальцев угадывалась что-то большее, чем просто душевное смятение; быть может, вернувшиеся от сильных переживаний последствия пережитой в детстве болезни.

- Мне все это не нравится, мастер, - сказал Джибанд.

Голем не удостоил его ответом, если вообще услышал. Поставив две фляги рядом, он молча разглядывал их. Теперь Деян видел, что они отличались лишь состоянием и гербом: та, что принес Бервен, кое-где почернела от времени; ее украшали скрещенные мечи и стоящий на двух ногах волк с короной на голове. Там, где короткая шея соединяла голову и туловище зверя, тянулась глубокая царапина.

"Дурной знак, - подумал Деян. - Неудивительно..."

Голем все так же молча разглядывал фляжки.

Деян пододвинул кресло и сел рядом. Слова не шли на язык, но нужно было что-то делать.

- Рибен, я обычный человек, и каков мой век... Но и я кое-что могу понять, - решившись, заговорил он. - "Ничего не исправить", - так ты думаешь, я вижу; да ты, наверное, давно так думаешь. Ты

хотел бы переменить историю, если б мог. Не только из-за себя: ты чувствуешь себя виноватым перед всеми нами здесь. Только нам этой перемены не надо! Ведь для нас, живущих ныне, то, за что ты себя грызешь, случилось очень, очень давно, и вовсе не с нами... Что для тебя - несбывшееся, то для нас - несбыточное.

Голем молчал, Джибанд стоял, застыв, как неживой, и Деян вспомнил первый вечер в лесной хижине; тогда так же лило и грохало, и такая же душная тишина повисала между раскатами грома. Приглушенные звуки из общего зала только делали ее гуще.

- Это наше прошлое. Может, неприглядное, несчастливое, но нам, живущим ныне, другого не дано, - продолжил он. - Нищета, темнота? Да. Сложись все иначе, Медвежье Спокоище могло быть богатым краем, Орыжь имела бы, скажем, хорошую дорогу к городу. Но тогда дед уехал бы, отец не встретился бы с матерью. И я не родился бы на свет. Пусть я прожил несчастливую, никчемную жизнь, - я бы не хотел не быть вовсе; такого в здравом уме никто не захочет! Да, прошлого не изменить, как бы порой ни хотелось, - и хвала небесам, что так. Без толку сожалеть о том, что давно случилось. Я знаю по себе. Вильма твердила мне - "не сожалей", и отец говорил, пока жив был, и мать... Но полдюжины лет каждый день я сожалел о том, что пошел тогда к скале, и винил себя за неловкость. А потом... Потом я понял, что если продолжу распыляться на плач и сожаления, если буду виниться перед братьями за свою бестолковость, а не помогать им, - нам придется совсем туго. После этого я запретил себе думать, что было бы, если бы я не был таким неуклюжим дурнем. И дышать стало проще. Намного. Хотя и вспоминалось порой, не буду врать. И снилось, и наяву мерещилось, особенно когда пересел к Догжонам на шею... - Деян вздохнул. - Извини, я, наверное, ерунду болтаю. Не мне тебя учить. Но все-таки...

Что "все-таки", он и сам не знал.

- Ты сказал мне как-то, еще до снегопадов: "Надеюсь, мертвым будет легче с твоих оправданий", - тихо произнес Голем, не глядя на него. - Хорошо бы. Но не будет.

- Да. Но твои мертвые мертвы уже три столетья, - сказал Деян, мысленно снова костеря себя за слишком острый язык. - Чем беспокоиться о прошлых ошибках, побеспокойся лучше о том, чтоб не наделать новых. Хочешь переменить настоящее - так и делай что-нибудь в настоящем... А прошлое - оставь. Забыть - не забудешь, но оставь, не трогай.

- Ты все верно говоришь. Но я не могу, Деян. - Голем, облокотившись на стол, спрятал лицо в ладонях. - Кто-то должен за все это ответить. Я, Венжар, каждый чародей Круга, кто дожил

до сегодняшнего дня. По мере нашей вины и ответственности.

- Ответить перед кем, Рибен? Людям не нужно этого судилища, а Господу и подавно: он вообще на нас плевал.

- Венжару и прочим придется ответить передо мной. - Голос Голема из-под сжатых ладоней звучал глухо.- И с себя спрошу сам - раз больше некому.

- Это ты можешь, конечно, сделать. Но зачем, кому от того будет лучше?

Чародей не ответил. Деян тоже больше не знал, что сказать. Молча он сидел рядом, чувствуя все возрастающую неловкость и думая о том, что иногда лучше быть простым человеком, чем могущественным колдуном; и даже намного чаще, чем "иногда".

Вбежали и выбежали, забрав оставшуюся посуду, мальчишки. Следом зашел хозяин; вид у него отчего-то был испуганный.

- Комнаты будут готовы через полчаса. Велеть вам что-нибудь подать, господа?

- А ты как думаешь? - Голем выпрямился. Он, казалось, полностью овладел собой; только дрожь пальцев и тьма, клубившаяся в глубине его глаз, свидетельствовали о том, что это лишь видимость. - Неси то же самое, что епископу и его людям. И побольше вина! Немедленно. Видят Небеса, для тебя же будет лучше, если оно окажется неразбавленным!

- Разумеет, милорд. - Хозяин поклонился и вышел, прикрыв дверь.

- Зря ты так груб с этими людьми, мастер, - снова сказал Джибанд с укоризной. - Они и так терпят из-за нас убытки.

- Ничего, потерпят! - отмахнулся Голем. - Этот господин безо всякого стыда наживается на путниках столько лет, сколько себя помнит; я таких хитрецов чую за версту. - Он попытался улыбнуться, отчего одна половина его рта протянулась к уху, тогда как другая осталась почти неподвижной. - Оставь скорбный вид, Деян! Первая настоящая еда и выпивка за столько дней пути - это ли не хорошо?

- Ну, наверное, неплохо, - осторожно сказал Деян, пытаясь понять перемену в настроении чародея.

- Тогда постарайся получить удовольствие. Никто не знает, когда снова доведется сидеть в тепле и есть вволю. Только сначала последнее на сегодня дело...

Деян отпрянул, когда чародей вдруг резко наклонился к нему и схватил за плечо, но тело от ключицы до ступни в тот же миг пронзили тысячи раскаленных гвоздей. Боль длилось всего несколько мгновений, но была столь чудовищна, что крик застрял в горле. В глазах потемнело. Когда она схлынула, не осталось ничего; даже его самого не осталось.

- Все, уже все. - Голем по-прежнему удерживал его в кресле, не давая свалиться. - Скоро пройдет. Извини, что не предупредил, но если бы ты стал сопротивляться, было бы сложнее.

- Что... это?.. - прошептал Деян, немного отдышавшись. Во рту было солоно от крови, но чувства постепенно возвращались к нему.

- Я чуть обновил связующие чары в твоей лодыжке, - сказал Голем. - Один раз человек с мощным потоком хинры, вроде тебя, может это выдержать.

- Не стоило...

- Не стоило! - передразнил Голем. - Ты хромаешь со вчерашнего дня. Думал, не замечу?

- Нет, - солгал Деян.

- Ты специально старался держаться позади, чтоб не попадаться мне на глаза. - Голем наконец отпустил его и сам откинулся в кресле. - Да уж, Деян! Я плохо разбираюсь в людях: вся моя жизнь тому свидетельство. Но ты слишком молод и прямодушен, чтобы меня обманывать. Так что скажи честно: зачем это ребяческое притворство? Я тебе настолько противен, что лучше терпеть, пока удар не хватит? Лучше остаться на костылях вдали от дома, чем лишний раз попросить меня о чем-то?!

- Я не хотел лишь, чтобы ты тратил силы, когда это не обязательно, - пробормотал Деян, с досадой понимая, что его слова хоть и правдивы - по большей части, правдивы, - но звучат неубедительно. - Ведь если бы разговор с Ритшофом зашел в тупик, тебе и так могло потребоваться все без остатка.

- Возможно. Потому я и не сделал ничего раньше, - со вздохом сказал Голем.

Деян с досадой понял, что тот не полностью поверил ему. Вернее сказать, вообще не поверил.

- Ладно, пес с этим; я хотел поговорить о другом, - продолжал Голем. - Ты обещал доехать со мной до Венжаровой ставки, но обстоятельства, мягко говоря, переменились... Если у растреклятого гроссмейстера ен'Гарбдада остались еще честь и совесть - он не откажет в том, чтобы выделить экипаж с охраной и обеспечить тебе быстрый путь до дома, относительно безопасный и удобный; но совести у него и раньше было немного, а в его чести я вынужден усомниться. Так что, возможно, тебе лучше взять двоих из оставшихся подчиненных капитана Альбута и отправляться назад завтра же.

- Шутишь?! - изумился Деян.

- Нисколько. Альбут справится с тем, чтобы провести меня куда нужно: ты можешь считать себя свободным от взятых

обязательств и с чистой совестью возвращаться домой, - сказал Голем. - Путь будет непростым и может окончиться для тебя скверно - но надеяться на милость Венжара тоже не приходится. Если у нас с ним выйдет заварушка - мне не уцелеть, и тебе тоже: Венжар наверняка посчитает, что ты не тот, кем кажешься, и примет меры... А даже если ему хватит ума и благородства пощадить тебя - одному, без денег и оружия, на костылях, тебе придется туго. Хотя эти вояки, - Голем кивнул на дверь, - тоже не кажутся мне надежными... Венжар, проклятый подлец, будь он неладен! По правде говоря, Деян, скверно и то, и это; будь иначе, я бы не спрашивал, а отослал бы тебя завтра же. А так как есть - сам не знаю, что бы предпочел на твоем месте... Не обязательно решать прямо сейчас: можешь подумать до завтра, - добавил он. - Все равно до утра ливень не утихнет.

- Хорошо, Рибен. Я подумаю, - сказал ошарашенный Деян. В голове до сих пор звенело, и все это было слишком неожиданно и на удивление не слишком-то приятно слышать. Противоречивые чувства боролись в нем. Он хотел как можно скорее вернуться домой, и при воспоминании о том, как близко от Медвежьему Спокоищу скользнул палец Ритшофа, обозначая угрозу, внутри все сжималось. Он хотел - конечно же, хотел! - отправиться назад. Но представлял себе это совсем не так....

- Подумай, - согласно кивнул Голем. - Как бы там ни было, я благодарен тебе за все, что ты сделал... Хотел бы я быть уверенным, что это не выйдет тебе боком.

"Вся его жизнь пошла прахом; ему безразлично даже, доживет ли он сам до следующего утра, - подумал Деян, глядя на чародея. - И он думает о том, доберусь ли я назад... А я, стал бы я беспокоиться о других, когда у самого все вверх дном? Кто бы стал?"

- В тебе больше благородства, чем можно предположить, - искренне сказал Деян.

- Ошибаешься, Деян: если не иметь в виду мое происхождение, благородства во мне ни искры. - Отвернувшись, Голем уставился в стену. - Я сожалею о той своей попытке перехитрить время; но, говоря откровенно, в глубине души еще более я сожалею о неудаче. Подари мне Небеса возможность прожить тот далекий день заново, я знаю, что сколько бы ни клялся в обратном и сколько бы ни каялся в грехах - я попытался бы еще раз. Вот и все мое благородство. А сейчас я хотел бы знать, где мое вино! - рявкнул вдруг он.

Хозяин с кувшином и стаканами объявился в следующую же секунду: очевидно, чародей не ошибся в предположении, что тот пытался подслушать под дверью.

- Лучшее, что есть в моем погребе, - услужливо сказал хозяин.

- Сойдет, - сказал Голем, наградив его тяжелым взглядом. - Надеюсь, у тебя большие погреба. Когда я говорю "много вина", я не имею в виду "один кувшин"!

- Разумеется, милорд. - Хозяин достаточно владел собой, чтобы не выказывать открыто своих истинных чувств: он пятился к двери, подобострастно улыбаясь. Но настороженный взгляд, в котором опаска сочеталась с досадой и гневом, выдавал его.

- Присмотрись к этому человеку, Деян, - сказал Голем, когда хозяин вышел. - Неловко за расходы, которые он из-за нас терпит? Он кажется тебе славным малым и тебе жаль его? Джебу вот жаль.

- Не знаю. - Деян пожал плечами: сложности хозяина мало его волновали. - Но стоило бы пожалеть, наверное.

- Если тебе так кажется, подумай вот над чем, - сказал Голем. - Сколько людей спешит сбежать из Нелова с тем имуществом, какое можно увезти с собой? Все они убеждены, что в случае победы Бергича город будет разграблен, и убеждены небезосновательно. Если офицеры Бергича знают свое дело, то не допустят большой резни и поджогов, но, несомненно, победители опустошат в городе все погреба. И не будут платить. Нас всего трое - а со дня на день заявится целая армия... Понимаешь, к чему я веду? Есть только две причины, Деян, по которым наш гостеприимный хозяин может быть в нынешней ситуации по-прежнему обеспокоен мелкими тратами и жалеть вина важным и опасным гостям. Либо он безоговорочно уверен в победе дарвенской армии, либо имеет тайную договоренность с бергичевцами о том, что разграбление его заведения не коснется. А много ли ты встречал людей, которые бы верили в победу дарвенцев?

- Ни одного. - Деян покосился на дверь. Он не слышал удалявшихся шагов: скорее всего, хозяин снова пытался подслушать.

- Зуб даю, на барона Бергича ему плевать так же, как и на князя Вимила: наш добрый хозяин принадлежит к тому типу людей, которые служат лишь своему кошельку, - сказал Голем. - Если бы я был дарвенским военачальником и собирался защищать город, то или перекупил бы этого подлеца, или, что более вероятно, повесил. Но, на его счастье, я не дарвенский подданный. Потому, если он будет достаточно благоразумен, чтобы не болтать обо мне со своими друзьями из баронства и прекратит совать нос в мои дела - я его не трону. Однако он уже дважды позволил себе проявить неуместное любопытство... Третий раз станет последним. Вы ведь не возражаете, господа?

- Не возражаю, мастер. - Джибанд выглядел огорченным, но

все его сочувствие к хозяину двора испарилось как дым.

- Почему тогда его не казнил Ритшоф? - подумав, спросил Деян. - Тоже из-за каких-то "договоренностей"? Или ему не хватило ума заметить?

- Подозреваю, в лысую голову Варка Ритшофа попросту не помещается мысль о таком обыденном и прагматичном предательстве: продать своего короля и свою веру за горсть серебра - подобное для него немыслимо. Как кое для кого немыслимо обратное: отказаться от денег, власти, безопасности ради служения чему-то, что нельзя сунуть в карман. - Голем с видимым отвращением взглянул на дверь, за которой, судя по простучавшим по полу шагам, никого уже не было. - Ритшоф - опасный фанатик, но из этих двоих я всегда выбрал бы его. Что ж до меня самого, то чтобы я ни делал - я редко забывал о собственной выгоде. В деле своем я был хорош, да - но в остальном уважение, которым я пользовался, было незаслуженным....

Деян пожал плечами. Из того, что прежде Голем рассказывал о себе, этого не следовало, но спорить с ним, раз уж он решил обвинить себя во всех грехах, было бессмысленно.

- Правда в том, что мне стыдно смотреть этому юноше, Яну, в глаза. - Голем взялся за кувшин и наполнил два стакана, щедро расплескав вино на так и не убранную карту. - Он считает нас героями: Влада, меня... А мы лишь удачливые дураки и подлецы. Пей, Деян. Неизвестно, когда еще доведется отдыхать.

- Киан-Лесоруб, светлая ему память, говорил: "Когда в землю ляжем, тогда и наотдыхаемся". - Деян взял стакан. - Но, в общем, ты прав.

Стакан из темно-синего тяжелого стекла был хорош, однако напиток в нем оказался отвратителен: не только цветом, но и вкусом он немного напоминала закисший морс, в который зачем-то еще положили сахара и долили хлебной водки.

- Ты уверен, что это можно пить? - спросил Деян, с трудом заставив себя проглотить жидкость.

- Абсолютно... Погоди-ка, ты никогда не пробовал вина?! - удивился чародей. - В твоей Орыжи только воду и пьют?! Кипяток со смородиной и мятой?

- Обижаешь: разве ж мы животные, чтоб пить одну воду, - сказал Деян. - И пиво варят, и мед, и бражку из ягод делают. Но такого до нынешнего дня не пробовал: Господь хранил. Из какого это сорняка?

- Из такого, какой тут не растет; издалека привезено. - Голем в несколько глотков допил стакан и налил себе еще. - Ну, раз так, как хозяин зайдет, спроси у него что-нибудь простого и

привычного: он только рад будет. Джеб! Позови-ка его... Хотя нет, сначала капитана, если он в зале.

Джибанд молча подчинился.

- Почему ты позволил этому мерзавцу отираться под дверью? - сердитым тоном спросил Голем, когда капитан Ранко Альбут в сопровождении великана появился в комнате.

Капитан беззастенчиво улыбнулся, встопорщив густые усы.

- Не его одного любопытство заело, о чем тут разговор, милорд. Виноват. А приказа никого к двери не подпускать у меня не было.

- Теперь - есть. - Голем пристально взглянул на капитана, отчего тот малость спал с лица. - В следующий раз не спущу! А что хочешь знать - спрашивай.

-Понял, милорд. - Капитан коснулся кулаком груди. - Дозволите спросить?

- Дозволяю.

- Кто вы такой?

Голем усмехнулся:

- Колдун; да это ты уже и сам понял. Меня долго тут не было, но теперь я снова здесь: вот и все. Много будешь знать - рано состаришься, капитан.

- Благодарю за подробные разъяснения, милорд, - с усмешкой, подозрительно похожей на големову, сказал капитан; он явно был не робкого десятка. - Дозволите идти?

- Вам или вашим людям нужно что-нибудь?

- Нужно...что? - Капитан нахмурился; на лице его отразилось недоумение. - Боюсь, я не совсем понимаю...

- Вам лучше знать: одежда, сапоги, патроны, еда, овес для лошадей, - раздраженно перечислил Голем, - может быть, какие-то другие припасы? Вроде как неподалеку есть еще не разграбленный склад. А у меня есть епископская бумага, которая позволит им воспользоваться. Если вы поторопитесь: я надеюсь выехать завтра утром, самое позднее - к полудню.

Капитан облегченно выдохнул:

- Премного благодарен за беспокойство, милорд. Но не нужно ничего.

- Не верю: умный солдат всегда голоден, - сказал Голем; Деян подумал, что, хоть чародей и отчитал капитана за промашку, все равно с ним он держался намного дружелюбнее, чем с остальными. - Скажите трактирщику подать вам ужин и пива к нему: я разрешаю. Где вы разместитесь на ночь?

- В конюшне.

- Там возможно спать в грозу?

- Крыша не течет: недавно чинена, - сказал капитан. - И стены

теплые.

- Что ж, отдыхайте до утра, капитан Альбут. Только не переусердствуйте. Идите.

- Благодарю, милорд. - Капитан еще раз ударил себя в грудь и вышел.

Вид он имел озадаченный.

- II -

Хотя Голем и велел капитану Альбуту "не переусердствовать", сам он уничтожал отвратительное пойло стакан за стаканом, почти не уделяя внимания появившемуся на столе запеченному окороку, тушеной капусте и блюду с мелкой жареной рыбешкой, которая оказалась неплоха на вкус, но чрезвычайно костлява. Деян работал челюстями в одиночестве. Прошло немногим меньше получаса, прежде чем он насытился настолько, чтобы заметить, что окорок переперчен, а пиво кислит.

Джибанд наблюдал за Големом с явным неодобрением. Трижды он пытался завести с чародеем разговор о зелье, и трижды тот отмалчивался, а на четвертый раз - попросту отослал его.

- Тебе не нравится то, что я собираюсь делать, что я делаю сейчас; твое право, - устало сказал Голем. - Но наши жизни более не связаны так, как раньше, так почему бы тебе просто не перестать лезть в это? Чем злить меня и пугать тут всех, лучше найди тот тюфяк, который наш ушлый хозяин подготовил для тебя, и притворись до утра, что спишь. Право слово, Джеб, я не хочу тебя обидеть, но не желаю беспрерывно выслушивать твое недовольство.

Великан молча развернулся и ушел, и это было столь же странно видеть, сколь и жутко.

- Тебе не кажется, что ты перегибаешь палку? - осторожно спросил Деян.

- Ему нужно учиться жить одному, - отрезал Голем и потянулся к кувшину. - Если он хочет жить - у него нет выбора.

Чародей все еще сохранял четкость речи, но глаза его пьяно блестели, а лицо от прилившей крови пошло красными пятнами. Деян сокрушенно покачал головой. Никогда прежде он не видел,

чтобы человек напивался с таким остервенением и так бестолково; одних с выпивки разбирал смех, других - слезы, Големом же все больше овладевало какое-то мрачное ожесточение. Иногда он пытался шутить, словно надеясь призвать в комнату пьяное веселье, но лучше бы и не пытался. Смотреть на это было тягостно.

- Смешно, - сказал Голем. - Это просто смешно. Мы с Венжаром часто собачились в последние годы, но никогда в жизни, Деян, никогда для меня не было человека ближе, чем Венжар ен'Гарбдад. Тогда я не задумывался об этом; но теперь не могу не признать. Я не мог влезть в его голову, как к Джебу, но и так знал - считал, что знаю, - что в ней творится. И он тоже видел меня насквозь. Мы редко говорили по душам, но после столетья общих побед и провалов разговоры становятся не нужны. Я так и жил бы, запершись в Старожье, и умер бы там, если б не Венжар. Но теперь я совершил две глупости кряду: сгинул и вернулся спустя три столетия; и все идет к тому, что вернулся я лишь затем, чтобы убить его... Никогда у меня не было друга ближе, а теперь, может статься, вообще никого, кроме него, нет; никого, кто хотя бы знал меня: у Джеба ветер в голове, другие умерли. Тот трусливый выродок, твой приятель, что навел на вас бандитов, как его звали - Кереб, Керек? - меня все занимало, отчего же ты не смог решиться на его убийство, несмотря на то, что он натворил...

- Кенек, - сказал Деян. - Его звали Кенек.

- Теперь я понимаю тебя немного лучше. Небо, сто лет, больше ста лет Венж был мне другом, я не хочу с ним драться! Но когда я думаю о нем, обо всем том, что сталось с его попустительства, меня душит ярость, и самому мне охота удавиться. Один из нас убьет второго: отличная шутка, наши прежние враги корчатся от смеха в своих могилах! Смешно и сказать. Но все к этому идет...

"Вот только, когда ты рассказывал про ваши прошлые дела, то много раз поминал, что в ссоре "чуть его не убил". И я отчего-то не уверен, что гроссмейстер ен'Гарбдад тоже считал это "чуть" смешным".

Деян потер засвербевшую отметину на запястье, там, где в первую ночь в хижине кожу сожгли чародейские пальцы. С той ночи он почему-то перестал бояться; но разумом отмечал, что в моменты глубокой задумчивости или гнева Голем частенько сам не замечает, что делает, и упускает над силой контроль. Расплющенное перо и вилка, угол деревянной - деревянной! - столешницы с глубокой вмятиной от ладони, разломанные подлокотники кресла, растекшийся в блин третий стакан...

Вокруг чародея царил нечаянно устроенный им разгром, которого он даже не сознавал.

Если такое часто случалось и прежде, несложно было догадаться, почему обычные люди - да хоть бы и жена - боялись его; те же, на кого он обращал свой гнев, тем более вряд ли бы смогли назвать такие ссоры шутливым словом "собачиться".

- Хранители знают, чем теперь все это кончится! Лучше всего было бы тебе убить меня тогда, еще близ Старожья, - сказал Голем. - И не возражай, что не смог бы. Любой может: вопрос нужды и злости. А злости в тебе предостаточно.

- Этот Бервен-старший, который, как ты сказал его внуку, "видел перед собой цель", - кем он был? - спросил Деян, желая переменить тему. - Что это была за цель? Ты вроде не упоминал его раньше.

- Свобода жить как вздумается. Обязательным ее условием он считал славу и богатство. Мы с ним были дружны одно время, когда я еще носил маршальский жезл и мог выпить впятеро больше, чем теперь. - Голем допил стакан и налил себе снова. - Пока Радислав не отозвал его, Влад тоже служил в приграничье; как боевому чародею, мастеру над огнем, ему не было равных. Способности проснулись в нем поздно, но родня, учителя и командование всю жизнь благоволили к нему - и это сказалось на его характере не лучшим образом. Он был старше меня на век, но казался мне невоздержанным мальчишкой: прямота и упорство - лучшие его черты - сочетались в нем с наивностью, тягой к излишествам, черствостью и жестокостью. Если приказы позволяли, он никогда не брал пленных. И никогда не щадил своих - ни солдат, ни гражданских. Если это не вело очевидным образом к будущему поражению, потерять пять тысяч штыков для него было не горше, чем сбросить карты в пас. Порой его решения ужасали даже меня и самых закаленных моих ветеранов.

- Как же тогда вы с ним ладили? - удивился Деян.

- С ним бывало весело. - Голем неприятно усмехнулся. - Влад поддержал наш переворот в Круге, потому как тот сулил новые сражения; на политику ему было плевать. Выпивка, женщины, карты, кровопролитие - вот все, что его занимало... Со временем я потерял тягу к таким развлечением, и на этом наша дружба закончилась; хотя от случая к случаю мы по-прежнему оказывали друг другу мелкие услуги. Младший брат Влада, Кжер по прозвищу Мрачный, отчего-то считал, что это я дурно повлиял на его братца. Ха! Хотел бы я взглянуть на того, кому бы это удалось! Знай тот юноша, Ян, что являл собой его дед, - он бы сильно огорчился... А Влад от такого мягкого и нерешительного внука несомненно отрекся бы, а то и зарубил бы на месте. Если

этот Ян вообще ему внук по крови, в чем очень сомневаюсь: пока Влад развлекался вдали от дома, его супруга не теряла времени даром. Когда Влад погиб, вряд ли многие сожалели о его смерти. Такой уж он был человек. Был - и умер... Какой тебе интерес о нем слушать, Деян?

- Да особенно никакого. Но я люблю слушать, - почти честно ответил Деян и, неожиданно для себя, разговорился; то ли хмельная словоохотливость чародея передалась и ему, то ли пиво оказалось крепковато. - Когда сам ничего нового не видишь, ничего сложного не делаешь, голова со скуки пухнет - что еще остается? Слушать, представлять, как оно было... Что представить не можешь - выдумывать. Глупость, а все ж хоть какое занятие и развлечение. Порой такое придумывалось - и смех и грех. Тебя я, неловко вспомнить, чуть ли не бесом с рогами представлял, с которым я, герой в косую сажень ростом, войну воевал. И ведь крепко в голове засело! Когда я понял, что ты и есть Голем, - чуть прямо на Беоновом дворе со страха не кончился. А все от того, что сам себе навыдумывал. Эльма все меня спрашивала, с чего я думаю, что ты чудовище и с нас кожу живьем со всех поснимаешь, если тебе что не так покажется, а я даже ответить ей не мог. Но и страх унять не мог. Вроде давно не ребенок, а все равно воображение власть имеет.

- Надо же: кожу живьем поснимаю! - фыркнул Голем. - Человека со снятой кожей ты тоже можешь вообразить, фантазер?

Деян вздрогнул. Взгляд чародея был холоден и остр, как нож, приставленный к горлу; к его горлу. Едва ли не впервые Голем смотрел на него со столь очевидной неприязнью.

- Воображал, - сказал Деян. - Но, надеюсь, не узнаю никогда - верно или нет.

- Папаша мой давно в земле, но урбоабы на Алракьере; так что надейся и молись своему Господу, чтобы не увидеть и не услышать, каково оно - когда свежуют и потрошат наживую! Ну ладно. - Голем неловко повел рукой и сбросил со стола пустую тарелку. Речь его уже делалась нечеткой, а взгляд, к огромному облегчению Деяна, снова потеплел. - Если ты вообразил Влада Бервена грозным воякой или красавцем-сердцеедом, то тоже ошибся: он был рыхл телом и некрасив - плешив, низок ростом и толст, - сказал он.

- Ясно. - Деян кивнул, умолчав о том, что именно таким Бервен ему почему-то и представился.

- Ему трудно было взбираться на лошадь без сторонней помощи, а в седле он держался, как мешок навоза. Однажды, еще в начале нашего знакомства, ему пришлось карабкаться на норовистого жеребца перед строем моих пехотинцев. Кое-кто не

выдержал и засмеялся, так Влад потребовал от меня казнить каждого десятого в полку, чтоб было неповадно. Я, конечно, не стал этого делать, и на время мы рассорились... Влад очень не любил, когда над ним смеются.

- Не встречал никого, кому б это нравилось, - заметил Деян.

- Ну, Джебу, например, все равно: он мудрец. - Голем криво усмехнулся. - Но, ты прав - он исключение из правила. А Влад... Мрак! Еще недавно мы с Владом пили, почти как с тобой сейчас, а теперь я слышу, что он умер и стал частью истории; если эта история лучше, чем была его всамделишняя жизнь, - я рад, и это хороший повод выпить без него... Забери все это мрак! - Голем встряхнул пустой кувшин над стаканом, будто надеялся, что от этого будет толк, и, выругавшись, запустил в стену, где тот рассыпался на десятки осколков. - Если трактирщик будет и дальше так нерасторопен, я все-таки убью его.

- Ты рассказывал про Влада Бервена, - осторожно напомнил Деян. О том, что в другом кувшине еще оставалось "вино", он напоминать не стал, но об этом Голем вспомнил и сам.

- Про Влада... Да нечего о нем рассказывать. И вспоминать нечего. Лучше вот что... - Вылив остатки вина в стакан, Голем, к удивлению Деяна, отставил выпивку в сторону, чтобы взять пустую, принадлежавшую когда-то Владу Бервену флягу и сжать между ладонями.

Несколько мгновений он просидел так в полной неподвижности, словно уснув с открытыми глазами, но во всей позе его угадывалось огромное напряжение; затем с присвистом выдохнул и подбросил флягу перед собой. Снова раздался звук, будто что-то лопнуло в воздухе, и фляга повисла, окруженная золотой сферой.

Изумленный Деян поперхнулся пивом.

- Но Ритшоф и Бервен говорили: кроме владельца, никто не может так...

- Никто, - сказал Голем, ухмыльнувшись, - кроме того, кто придумал и сделал эти дурацкие вещицы. Угадай с одного раза, Деян, кто это был?

- Ты?

- В яблочко! - Голем взял стакан с вином и, сделав глоток, откинулся в кресле. - Ну-ка, познакомься.

- То есть... - Деян осекся, когда окруженная сферой фляга, покачиваясь, подплыла к нему. После короткого замешательства он протянул руку. Сфера то приближалась, едва касаясь пальцев, то отдалялась вновь, то снова приближалась и подныривала под ладонь. Касание было ни на что не похожим, сухим и теплым. - Рибен, она... оно... оно что, живое?!

- Как, скажи на милость, фляжка может быть живой? - Голем раздраженно дернул плечом. - И что это была бы за жизнь... Конечно, нет, Деян: она не мыслит, как человек, не нуждается в пище, как животное, не имеет никаких природных стремлений. Но в ней заключена малая - совсем малая - крупица души, что позволяет ей устанавливать с хозяином подобие чувственной связи. Всего я создал двадцать таких фляг: мне казалось это забавным... Влад дурно обращался с ней, а ты, кажется, ей нравишься. Теперь возьми ее!

В голосе чародея прозвучал приказ огромной силы; прежде, чем разум полностью осознал происходящее и возможную опасность, Деян подчинился и погрузил руку глубоко в сферу. Воздух в ней на миг сделался очень горячим, тогда как металл фляжки на ощупь показался ледяным; символы вспыхнули и погасли. Сфера исчезла: в последний момент Деян успел сжать пальцы и не дал фляге упасть на стол.

- Отлично. Я и не сомневался. - Голем кивнул с удовлетворенным видом. - Теперь, чтобы печать появилась, тебе достаточно мысленно позвать ее... Ну, не начинай! - Он отмахнулся от Деяна, который даже не успел рта раскрыть. - Я не забыл, как ты относишься к чарам. И уж тем паче не пытаюсь связать тебя с Кругом. Но мне Владово имущество не нужно, а тебе печать может пригодиться, чтоб произвести нужное впечатление на какого-нибудь восторженного дурака вроде юного Бервена. Но в остальном это всего-навсего обычная фляжка. Хорошая, прочная. Подарок - ну, или плата за помощь от старого подлеца-колдуна, по чьей блажи тебе пришлось оставить дом: называй, как тебе больше нравится... Хочешь - воду в нее наливай или вино, хочешь - продай какому-нибудь собирателю редкостей: стоимость ее по нынешним временам наверняка велика. Пусть она принесет тебе больше счастья, чем предыдущему хозяину.

При том, что Бервен-старший когда-то выпил из нее смертельное зелье, пожелание было весьма кстати.

- Ну ты даешь... - растерянно сказал Деян, разглядывая фляжку. Она была чуть меньше ладони и весила больше, чем казалось на вид.

А вместо герба со скрещенными мечами и коронованным волком серебристый металл теперь украшала цапля, держащая в поджатой лапе ветку.

Рисунок был небрежен - и все же вполне четок.

- Откуда ты узнал?! - спросил Деян. - Все-таки читаешь мысли?

- Твоя подруга рассказала.

- С чего бы Эльме говорить с тобой о нашем с ней детстве?!

- Понятия не имею. - Голем пожал плечами. - Может быть, оттого, что я немного рассказал ей о своем. Нужно было чем-то занять время до утра, пока приживалась твоя ступня.

- Да уж... Чего только не узнаешь. - Деян покачал головой и сунул флягу в карман куртки. Сперва он намеревался отказаться, но переменил решение: было в этой странной вещице что-то притягательное.

- Твоя подруга повела себя мудрее тебя: она не ходила вокруг да около и не пестовала свои страхи, а сразу выспросила у меня все, что хотела знать. - Голем на мгновение прикрыл глаза. - Жаль, эта мудрость и мне не подвластна. Стоило расспросить Ритшофа подробнее, но я испугался того, что еще могу услышать... Теперь до самой встречи с Венжаром буду мучиться догадками.

- Не так уж долго осталось.

- Да; и вряд ли реальность окажется лучше моих догадок. Так что... - Голем криво усмехнулся. - А девушка - молодец. Напрасно ты на нее сердишься. Она любит тебя.

- Давно уже не сержусь. - Деян подавил вздох. - Рибен. Не первый раз прошу: не лезь не в свое дело.

- Как знаешь. Если...М-мать!

Зазвенело стекло. Голем, неосторожно поставивший стакан мимо стола, витиевато выругался.

- А собрать все назад колдовством ты не можешь? - полюбопытствовал Деян, радуясь возможности снова переменить тему.

- Легко и быстро - нет. Мог бы, если бы наложил чары заранее. Но и тогда пролитое вино осталось бы на полу... Я всегда считал это символичным. - Голем вздохнул. - То, что стакан в это роковое для себя мгновение был уже пуст, символично в той же мере.

Пока Деян раздумывал, стоит ли спрашивать, что тот имеет в виду, отворилась дверь, и разговор завершился сам собой. Прежде вино и закуски приносил сам хозяин; теперь же в комнату вошли три женщины в цветастых нарядах. Каждая из них несла кувшин или блюда, но легкие платья оголяли непристойно много.

- Надо же! - Голем присвистнул. - Пожалуй, я передумал казнить нашего хозяина...

"Хорошо, хотя бы Джеб ушел..." - подумал Деян, как завороженный глядя на вошедших. В Медвежьем Спокоище не было денег и не было женщин, которые отдавались бы за деньги; но от преподобного Тероша он слышал, что такие есть в каждом городе, хотя развлекаться с ними и считается делом грешным.

В глотке пересохло, и он отхлебнул пива.

Все воспоминания о давно минувшей ночи в Волковской "ресторации" ожили в нем, и хорошие, и дурные; желание, наслаждение и стыд, чужой липкий пот на ладонях, который он чувствовал еще много дней после. Проповеди преподобного Тероша о греховности плотских удовольствий в свое время не произвели на него впечатления, но: "Желание без чувства, как брага без хмеля" - говорил священник иногда, и тут, возможно, был прав. Хотя самому Терошу волочиться за юбками это не мешало...

Деян отхлебнул еще.

Пока одна половина его существа страстно хотела повторения Волковского загула, другая не менее страстно этому противилась. Все должно было происходить иначе, не так. Не этого он желал на самом деле! Не мимолетной близости с чужой, охочей до денег и готовой ублажить любого мужчину женщиной, безразличной ему так же, как и он ей. А совсем иного...

"Она любит тебя", - зазвучало в голове голосом чародея.

Это было слишком невероятно; слишком хорошо, чтобы быть правдой.

"Заткнись, - безмолвно выкрикнул Деян. - Заткнись!"

- III -

События разворачивались стремительно.

Статная рыжеволосая девица, покачивая полными бедрами, подошла к креслу чародея; ее обвитая кожаными браслетами рука с кувшином замерла над столом, на котором не осталось ни одного целого стакана: на хорошеньком лице девицы отразилось замешательство.

- Не утруждай себя: не нужно. - Голем принял у нее кувшин и, в подтверждение своих слов, немедля отхлебнул через край. - Я неловкий болван, но, говорят, посуда бьется к счастью. И, глядя на тебя, я готов в это поверить...

Чародей широко улыбнулся ей, запрокинув голову; крупные темно-красные капли стекали по его подбородку.

- Да неужели? - Девица, хихикнув, обвила его шею. - Шутишь, милый. Но доброе слово всякому приятно.

Голосом у нее оказался совсем не под стать лицу, низкий и

хриплый.

- Я серьезен как никогда! - Голем коснулся губами ее пальцев.

Вторая девица, самая высокая и самая старшая, топталась на полпути между столом и дверью и озиралась по сторонам, по-видимому, пытаясь отыскать великана.

- Джеб ушел: его не интересуют женщины. Выпей со мной. - Голем поманил ее к себе, не выпуская руки первой девицы. - Кто скуп вам на похвалы, тот или глупец, или слепой...

Третья девица приближалась к столу с кошачьей грацией. Волосы цвета спелой ржи разметались по плечам; расшнурованный ворот платья оголял тонкую шею, острые ключицы и то, что ниже.

- Не надо. Уходи, - сказал Деян, отодвигаясь назад, когда девица потянулась к нему. Кровь бросилась в лицо, но страх снова допустить ошибку и еще больше отдалиться от дома, предать что-то важное для самого себя одерживал верх и заставлял пятиться вместе с креслом.

Девица заулыбалась его попыткам:

- Боишься - жена отругает? Так мы ей не скажем. Или она прячется тут где-нибудь? За занавеской? Нет. Под столом? - Девица картинно заглянула под стол и сама же рассмеялась своей шутке. - Что-то никого не видать...

"Она любит тебя, - снова зазвучал в ушах шепот. - Она любит..."

- У меня нет и не может быть жены, - зло сказал Деян. - Убирайся прочь!

Девица, не ожидавшая такого резкого отпора, отшатнулась. Но не ушла.

- Отчего же не может? Разве вам, колдунам, запрещено жениться? - Не решаясь снова приблизиться, она устроилась на краешке стола.

"Отчего?" - Деян вдруг растерялся. Отвечать было нечего: сказать, что он - хворый калека из захолустья, где и так мужчин больше, чем женщин, значило сказать чистую правду. В которую никто в здравом уме бы не поверил: какой из него сейчас "хворый калека"?

И ради чего тогда он стремится домой, если там он лишний?

Зачем сопротивляется соблазнам?

В правде не сходились концы с концами, как ее не поверни.

- Никакой я не колдун, - буркнул Деян. - Отчего бы тебе просто не уйти?

- Если я так быстро уйду, Лэш посчитает, что я была недостаточно настойчива. И отправит назад к тебе. - Девица белозубо улыбнулась. - А ты снова меня прогонишь, и так и буду

я ходить туда-сюда, пока туфли не стопчу.

- Что еще за Лэш?

- Господин Лэшворт, хозяин и дядька мой. - Улыбка ее чуть померкла. - Мне лучше бы его не сердить. Но и тебя сердить нельзя. Вот я влипла, да?

- Н-да. Задачка! - Деян отхлебнул пива. Злость схлынула, а с ней и мистическое наваждение, не дававшее спокойно вздохнуть, и страх выставить себя дураком или наделать глупостей. Теперь он наконец-то хорошенько рассмотрел девушку, ее лицо с пухлыми щеками и слишком крупным ртом, и понял, что она ненамного старше его самого, если вообще старше. За болтовней и шуточками скрывалась опаска и растерянность не намного меньшая, чем у него.

- Как хоть тебя звать? - спросил он, продолжая с любопытством ее разглядывать и замечая все новые детали. Ее пальцы были почти так же грубы от работы, как у орыжских женщин, а румяна на скуле скрывали подживший синяк; хоть она и была совсем еще молода, в густой ржи ее волос встречались уже белые нити.

- Я - Цвета, - ответила она с заминкой.

- Зачем врешь?

- Нам не положено называть постояльцем настоящих имен. - Она настороженно уставилась на него, словно пытаясь угадать, что от него ожидать.

С другой половины комнаты донесся звон и следом пьяный женский смех.

- Ну, ладно. Не положено - так не положено. Цвета так Цвета. Можешь не беспокоиться, Цвета, - Деян изобразил на лице улыбку, как он надеялся, достаточно приветливую. - Поговорим, посидишь здесь столько, сколько захочешь, а потом скажешь своему Лэшу, что все хорошо. Годится?

Она неуверенно кивнула.

- Угощайся, если хочешь. - Деян придвинул ей одну из двух кружек, которые она же и принесла. В Спокоище все знали друг друга с малых лет, так что как следует правильно вести себя с незнакомыми женщинами, он не имел ни малейшего понятия: оставалось руководствоваться здравым смыслом и примером Голема. - Ешь, если голодна, не стесняйся... То, что ты предлагаешь, мне ни к чему. Но не бойся, никто здесь не обидит тебя.

Цвета еще раз кивнула и пригубила пену - скорее из вежливости, чем потому, что действительно хотела пить.

- Спасибо. - Она внимательно посмотрела на него поверх кружки; вся наигранная веселость ушла из ее взгляда,

простодушное лицо приобрело выражение серьезное и даже грустное. - Ты чудак. Как к тебе правильно следует обращаться, господин неколдун?

- Раз я твоего имени не знаю, то и своего не скажу. Пусть будет... - Деян на миг задумался. - Пусть будет "Хемриз".

Позже, на следующий день, он никак не мог вспомнить, отчего из всех имен выбрал имя убийцы и негодяя, худшего из всех, кого он знал; но тогда оно оказалось первым, какое пришло на ум.

Образ беловолосого дезертира, чье мертвое тело - пусть лишь малой частью - теперь служило ему, нередко вторгался в его мысли. "Человек суть не тело, а душа", - учили книги и Терош Хадем, но поучение это не находило в жизни подтверждения: душа оставалась чем-то неуловимым и неопределимым, а тело было реально, нуждалось в воде и пище, страдало от хворей и ран или наслаждалось едой, отдыхом, теплом и солнечным светом. Весь обыденный опыт говорил, что человек и есть тело, и Деян против воли ощущал с мертвым дезертиром какую-то мистическую связь. Ее, может, и не существовало на самом деле, но в его чувствах она была реальна, и оттого воспользоваться именем мертвеца вдруг показалось так же естественно, как по утрам напяливать на его мертвую ногу сапог.

- "Хемриз"? - Цвета нахмурилась. - Скверное имечко: тебе не идет.

- Почему? Разве это что-то смешное? - с подозрением спросил Деян. - Или неприличное?

Он смутно помнил, что Голем упоминал, будто это значит "резчик" или что-то подобное на одном из иноземных языков - но и только.

- Да не то чтоб... Ладно. - Цвета встряхнула головой. - Ладно, Хемриз, продолжим разговор: если ты не колдун, то кто?

- Ну, скажем так.... Проводник колдуна. - Деян кивнул на другой край стола, где Голем как раз показывал девицам какой-то колдовской фокус. - Вот он - колдун. А я сопровождаю его.

- Зачем?

"Хороший вопрос! Этого я тоже толком не знаю..." - Деян допил кружку и взял новую. Или он притерпелся, или трактирщик вскрыл новый бочонок, где пиво лучше забродило, но эта кружка определенно нравилась ему больше трех предыдущих.

- Да ни за чем. Просто так получилось, - сказал он вслух.

- Ну да. Понятно. - По лицу Цветы проще простого было догадаться, что она ему не верила.

"Забавно выходит". - Деян усмехнулся. Накануне Голем советовал ему не распространяться о себе: дескать, безопаснее,

если его до поры до времени будут считать чародеем, - но об этом Деяну врать не хотелось, тем более какой-то девчонке с постоялого двора. Не случилось бы ничего плохого, если бы она увидела в нем того, кто он есть, однако правда показалась ей фантастичней вымысла. Впрочем, в этом тоже не было ничего плохого. Все сегодня было ненастоящим: грязный, неухоженный город, постоялый двор, обманчиво похожий на "ресторацию"; и он сам, в чужой одежде и с чужим именем, - сегодня он тоже не был самим собой.

- А зачем ты занимаешься этим, Цвета? - спросил Деян. - Прислуживаешь мужчинам, развлекаешь их и... и все остальное.

- Просто так получилось. - Она натянуто улыбнулась.

- А на самом деле?

- На самом деле.

Деян не успел придумать следующий вопрос, как раздался визг. Рыжеволосая девица отскочила от стола, держась рукой за оголенное предплечье. Вторая девушка непонимающе смотрела на нее, не отрываясь от чародея; тот небрежно обнимал ее повыше талии. Разорванное платье не скрывало больше ничего; оголенная грудь в ладони чародея была как огромное перезрелое яблоко; сосок розовел между его обветренными пальцами.

- Прости, прости... Я не нарочно, - неразборчиво сказал Голем, жестом подзывая рыжеволосую обратно. - Впредь я буду осторожней, обещаю.

Девица неуверенно приблизилась на шаг. С виду ей было не столько больно, столько страшно, и Деян готов был поспорить, что знает, что случилось: на бледной женской коже от пальцев чародея едва не остался ожог.

"Да уж. Стоило бы, стоило быть осторожней!", - отвлеченно подумал Деян, не вполне отдавая отчет, кого имеет ввиду - девицу, чародея или же самого себя.

- Цвета, о чем мы говорили? - Деян обернулся к девушке, намеренный продолжить знакомство, но с другой половины комнаты теперь раздался грохот разбитой посуды. Рыжеволосая оправилась от испуга и уже успела расстаться с остатками платья; ноги ее от ступней почти до бедер были затянуты странной черной сеткой, отчего ягодицы казались белее и больше.

Чародей наконец-то решил перейти от подготовки к делу.

- Твою мать, Рибен, не здесь же! - пробормотал Деян, но Голем, очевидно, считал иначе. Стол казался ему вполне подходящей мебелью. Пока рыжеволосая помогала чародею избавиться от штанов, вторая девица, улегшись животом на стол, пыталась дотянуться до кувшина и пьяно смеялась; правда ли ей нравится происходящее или она так умело притворяется, Деян

предпочел не думать.

- Идем отсюда. - Он резко отвернулся и встал.

Цвета фыркнула:

- Тебе что, на голых девок и смотреть нельзя? Или стесняешься?

- Мне противно. Ну же, идем. - Он схватил ее за руку и потащил за собой к двери.

- Да погоди ты! - Она извернулась и подхватила с блюда рыбешку. - Ну ладно, идем, идем...

- IV -

Оказавшись наконец за дверью, Деян перевел дух и огляделся. После отъезда епископа трактирщик разрешил громиле-сторожу впускать обычных посетителей: теперь, даже не считая подчиненных капитана Альбута, развлекавшихся в его отсутствие игрой в кости, общий зал, жаркий и душный, был почти полон. На скамьях сидели младшие офицеры, возчики, еще какие-то люди. Часть из них сушилась у камина, тогда как другие собрались в углу, где на дощатом помосте тихо тренькал на лютне долговязый парень в лихо сдвинутой набок суконной шапке. Деян, к своему удивлению, обнаружил в том же углу возвышавшегося даже над музыкантом на помосте Джибанда. Тот не ушел "спать", как велел чародей, но, кажется, у него все было в порядке.

Деян сдавленно выругался. Джибанд, по счастью, не отвлекался от музыки, однако в зале и без великана хватало любопытных. И едва ли не половина из них теперь оставила свои разговоры и смотрела в его сторону; как будто не было в мире картины интересней, чем некто Деян Химжич с кружкой пива в одной руке и с полураздетой девицей - на локте другой!

- Мрак!!! Цвета, мы можем отсюда уйти? - быстро прошептал он.

- Уйти?

- Выйти наружу, на улицу, куда-нибудь. Где не так людно, мрак бы все побрал. И где есть чем дышать! - Деян потащил ее к единственному известному ему выходу, но на полпути она потянула его в другую сторону, к неприметной двери позади

стойки.

- Сюда, чудак, там хоть не вымокнешь.

За дверью оказалась кухня и две напуганных неожиданным вторжением поварихи. Цвета, бормоча на ходу извинения, быстро провела его мимо них, через еще одну дверь в благословенную темноту заднего двора.

В темноте накрапывал растерявший силу дождь, пахло сеном и куриным пометом. Когда ударил далекий гром, где-то рядом беспокойно заржала лошадь.

- Ну что, тут тебе больше нравится? - с нескрываемой насмешкой спросила девушка.

- Намного, - искренне сказал Деян, вдыхая полной грудью сырой воздух. - Спасибо.

С легким удивлением он взглянул на кружку, которую все еще сжимал в руке, и отхлебнул, почти не чувствуя вкуса. Когда глаза немного привыкли к темноте, он понял, что стоит под маленьким крытым соломой навесом, защищавшим вход на кухню от дождя. Но больше ничего разглядеть было решительно невозможно - только смутные контуры каких-то построек.

- Да было бы за что. - Цвета зябко повела плечами. - Охота ж тебе зад студить и курями любоваться.

- А может и охота! - Деян засмеялся, вглядываясь в наполненную знакомыми запахами темноту. Дышалось легко, ночная прохлада приятно касалась кожи.

Цвета, хмыкнув, отправила в рот прихваченную из зала рыбку.

- Только тебе, наверное, нехорошо вот так тут стоять. - Запоздало Деян подумал о том, что не один и что одежда его спутницы предназначена совсем не для прогулок. - На, возьми, - неловко перехватывая кружку из руки в руки, он стянул куртку и набросил девушке на плечи. - Еще простудишься.

- А сам-то? - нахмурилась Цвета.

- Я привык.

"И к тому же пьян", - Деян, привалившись спиной к косяку, отхлебнул пива. Ноги держали плохо, а в плотной рубахе и впрямь казалось не холодно; уж точно теплее, чем в заваленной снегом лесной хижине.

- Ну, значит, спасибо, Хемриз. - Цвета странно взглянула на него. - А с девчонками... с ними ничего дурного не случится?

Она указала поворотом головы на дверь; беспокойство ее звучало искренне. Что-то переменилось в ней, в ее манере себя держать, и не только оттого, что от сырости со щек потекли белила.

- Все будет в порядке, - сказал Деян.

- Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь.

- Знаю, поверь. Рибен, конечно, пьян в доску, но ни за что не причинит вреда женщинам.

- Я сама слышала, как он угрожал убить Лэша... господина Лэшворта.

- Ну, это он для острастки. - Деяну вдруг стало обидно за чародея, которого эта девушка - как и она сам когда-то - готова была заподозрить во всех грехах. - Он не злой человек, Цвета. Не собирается он никого просто так казнить, поверь. А господину Лэшворту стоило бы хранить королю верность, а не наушничать врагу! Может, Вимил и плох, а все же - он наш король; другого Господь не дал. Если б твоего господина Лэшворта не Рибен, а кто другой раскусил - епископ, к примеру, - в петле бы этому Лэшворту висеть или еще чего похуже! И ради чего совесть свою он пачкает - ради лишней монеты? Глупость и мерзость...

- "Ради лишней монеты"! - зло передразнила его Цвета. - Сказанул тоже! Много ты понимаешь. Еще Лэшев прадед тут, не площади, кабак держал. А дом этот отец его строил, - продолжила она уже спокойнее. - И Лэш, значит, хотел детям хозяйство передать, ну а тот чтоб внукам потом, чтоб и дальше так, значит... А только дочка его в малолетстве от сыпи померла с женою вместе, а сын единственный третий год воюет. Два письма за все время написал, и в тех по две строчки. Жив ли еще, один Господь знает. Но Лэш за семейное дело радеет, гордится, что лучшую на весь Нелов гостиницу держит. Хочет во чтобы то ни стало дом сохранить и сыну передать; а бежать если - так что ж, бродягою на старости лет делаться? Всего имущества - гостиница и харчевня, считай, только и есть, накопления все аккурат перед войною на починку кровли и конюшню новую ушли. Вот поэтому и... - Цвета поджала губы. - Знал бы ты, Хемриз, как Лэш сам себя стыдится - не болтал бы чепухи. Боится, что сын, как вернется, с ним за такие дела знаться не станет: тот-то за Вимила - чтоб Его сраное Величество до гроба бесы поедом ели! - кровь проливает. А только все одно: если хозяйство разорят и пожгут - тогда вовсе никакого разговора не будет. Герцогам да баронам до наших бед дела нету, никто убыток не возместит: крутись сам, как можешь. Вот Лэш и крутится. А ты говоришь - за лишнюю монету! Тут бы своего добра, всею семьей за век нажитого, не растерять без остатка, да голову сохранить...

Цвета хмуро уставилась в темноту. Повисла неловкая тишина.

- Я не знал, - сказал Деян, чтобы не молчать дальше. Не знал он и того, есть ли оправдание предательству, и сможет ли сын трактирщика, если все-таки вернется, сидеть с предателем-отцом

за одним столом.

- Мне Лэш как-то рассказал; ну, про отца и деда своего, и про все другое, - Цвета едва слышно вздохнула. - Я тебе сказала раньше - мол, Лэш мой дядя, но это он мне велел себя так звать, для понятности: по правде, я ему седьмая вода на киселе... А все ж какая-никакая, а родня. Он меня и раньше жаловал, всегда по-доброму относился, а с тех пор, как Гитан, сын его, уехал - иногда даже за стол с собой сажает, говорит обо всяком... Оттого и знаю про его дела, и как тошно ему. Ты уж скажи старшему своему, чтоб худа не делал, а?

- Он и так не сделает, об этом можешь не беспокоиться, - заверил Деян. - Если господин Лэшворт, как ты говоришь, к тебе по-родственному относится, почему ж тогда поручает... такое? Такую работу?

Цвета долго молчала.

- А ты издалека пришел, - наконец заговорила она. - Сам из простых, хоть и чудодей, и говоришь по-книжному: прямой, как палка, которой в земле копаются.

- Ну... - протянул Деян, подумав про себя, что "Цвета" наверняка в жизни не видела сохи и плуга.

- Обходительный, честный. Зачем расспрашиваешь? Осудить хочешь?

- Понять хочу.

- Нечего тут понимать. Это у девчонок работа, а у меня - так, по случаям... Я сама так захотела. Лэш раньше против был: насилу уговорила.

- Но зачем?! - изумился Деян.

- Так уж жизнь моя сложилась, - сказала она с усмешкой. - У мамаши нас четверо было, а папаша с тех пор, как покалечился на руднике, только пил и бездельничал, да ее поколачивал, так что ей и без нас худо приходилось. Еды не хватало; одежды не хватало; ничего не хватало. Но я про то мало помню: когда мне исполнилось шесть, мамаша взяла меня за ухо, усадила на телегу и отвезла в Нелов. Правдами и неправдами уговорила Лэша взять меня в помощницы к стряпухам. Пожалел он меня или ее пожалел... Ты в самом хочешь об этом слушать?

- Да.

- Мать свезла меня в этот паршивый городок без малого два десятка лет назад; с тех пор я живу здесь. Телом и здоровьем Господь меня не обидел, - Цвета навернула локон на палец, - и мужчины рано стали заглядываться. Но я даже не думала ни о чем таком: у мамаши не находилось лишнего куска хлеба для нас, зато всегда была наготове какая-нибудь нравоучительная проповедь... Когда Шержен - конюх с почтовой станции -

предложение мне сделал, я была рада-радешенька: он щеголял в фуражке с белым кантом эдаким молодцом, имел хорошее жалование, меня на руках носил - чего еще надо? Думала, удача наконец-то ко мне лицом повернулась... Но начался распроклятый бунт в распроклятом баронстве, и все ширился, ширился. А когда война, будь она проклята, - на тех, кто в лошадях понимает, всегда спрос. Шержена рекрутировали; ему даже в охотку было, дурню. Полугода не прослужил, как убило его: пришла бумага, пять серебряных монет и медаль.

Цвета помолчала, одернула на плечах куртку.

- Медаль еще за пятак ювелир взял, а больше мне и продать было нечего: не нажили добра, - тихо продолжила она. - Из квартирки, где мы прежде жили, - и то меня погнали: квартирку ту Шержену по почтовой службе выделили, а о вдовах заботиться - так почта не богадельня; мне так начальник один и сказал. Еще, считай, повезло: хоть детей на руках не было. Лэш, добрый человек, пустил обратно, и не в каморку какую-нибудь - хорошей комнаты мне не пожалел. И платит он всегда по совести - нигде в городе прислуга столько не получает; а только все равно не больно-то разгуляешься... Вот и подумай, Хемриз. Осталась я вдовой в двадцать лет, ни кола ни двора - и что впереди? Днем спину гнуть, пол скрести, с подносами бегать, а ночью в холодной постели одной ворочаться? Чем так до смерти жить, лучше и не жить вовсе! Но куда мне податься, кому я такая нужна, вдовая, без гроша? Кто-нибудь, может, и взял бы, из прошлых воздыхателей, но мужчин наших, кого здоровьем Господь не обидел, - всех под ружье поставили: кто остался - на тех без слез не взглянешь, а они еще зазнаются, нос воротят, выбирают... На одних только проезжающих и надежда; одна надежда - из города этого проклятущего выбраться, из бедности постылой, из грязи... Я его, городишко этот, ненавижу! С самых первых дней ненавижу. Не город - болото гиблое; засосало, и не вылезти...Смотрю иногда и думаю: хоть бы не стало его вовсе!

Такое черное и глубокое чувство звучало в ее голосе, что Деян на миг изумился - как Нелов, жалкий в своей грязи и бестолковости город, сумел заслужить его.

- Уехать отсюда - вот о чем мне всегда мечталось, - сказала Цвета чуть спокойнее. - Когда Шержен появился, я как будто бы притерпелась, но как не стало его - так сильнее прежнего бежать охота... Тут, в гостинице, никто надолго не задерживается: все едут откуда-то и куда-то, каждый день люди новые, всякие: даже иноземцы бывали, ряженые, как циркачи, и лопотали меж собой не по-людски. Я на них смотрела каждый день, на всех людей этих, и думала: вот бы и мне так же куда-нибудь уехать, как они!

Детская мечта; но почему бы и нет? Только в одиночку с горсткой серебра далеко не уехать и на новом месте не обустроиться. Вот и приходится крутиться. Когда появляется стоящий постоялец, я обслуживаю его стол; потом - его самого. Это происходит нечасто: Лэш обычно разрешает мне выбирать самой, а я придирчива... Но и плата за меня больше, чем за простых девчонок, у которых по пятеро за вечер проходит. Постояльцам радость, Лэшу прибыток какой-никакой - и мне лишние монеты к жалованью; и надежда вскочить на подножку чьей-нибудь кареты... Стыдная участь - но все лучше, чем здесь до смерти пол скрести! А там, может, и еще какой случай подвернется... Вот так и живем ко всеобщей выгоде. Но сегодня - особенный случай.

- Особенный?

- Вы Лэша до полусмерти напугали, а настоящей Цвете нездоровится, - объяснила она. - Так что он велел мне идти к вам и хорошенько постараться, чтобы вы остались всем довольны... Я не хотела - так он разозлился, накричал на меня; тут-то я и поняла, что дело серьезное. И для него, и для меня, если я что-то сделаю не так. Перепугалась, конечно... А теперь вот стою тут и тебе обо всем рассказываю. Ну как - узнал, что хотел?

- И да и нет... - Деян повертел опустевшую кружку в руках, тщетно ища взглядом, куда бы ее поставить. - Спасибо, что рассказала.

Цвета заметила его затруднение и, забрав кружку, ненадолго скрылась в доме. Когда она открыла на мгновение дверь, с кухни слабо пахнуло дымом; запах стоял лишь из-за плохой тяги - и все равно пробуждал тревогу, напоминал о круживших над пожарищем воронах.

- Немного я тебя понимаю, - заговорил Деян, когда Цвета вышла с кухни, затворила дверь и встала рядом. - Ты угадала: мои родители копались в земле, пасли коров и били дичь, мои деды и прадеды жили так же, и я жил бы так же, если бы не случай. Я родился в глуши и, пока был маленьким, очень хотел уехать... Не потому что ненавидел дом, нет; дом я всегда любил. Просто не хотел провести там всю жизнь без остатка, как мышь в подполе. Хотелось другого, нового, необычного: мир посмотреть, людей... Да только не склалось; казалось - не судьба мне в мир вырваться. Но появился Голем, перекроил все по-своему - и вот я здесь; только - вот ведь шутка! - сам теперь не знаю, рад ли этому хоть сколько-нибудь... И надеюсь вскорости домой вернуться. Но я помню, как смотрел на тех, кто на ярмарки в город ездил. Как друзей и братьев воевать провожал и как завидовал им всем тайком - помню; предчувствовал, что дело скверно обернется - а все равно завидовал. Если б мог - уехал бы тогда с ними. Но я не

мог... Не спрашивай почему - не поверишь; просто не мог, и все. Если б что-то тогда сделать можно было, чтоб эту немочь преодолеть, я бы на все решился и не задумывался бы, кто что по моему поводу скажет или подумает... Так что не мне тебя осуждать. Было время, мне казалось - судить других дело несложное; но недавно я понял свою ошибку. Господину Великому Судии не позавидуешь; быть может, потому он и нисходит до нас столь редко.

- Епископу бы не понравилось твое богохульство, - заметила Цвета.

- А мне не понравился епископ.

Цвета тихо рассмеялась.

- Когда я маленькой была, думала, что наш епископ - мудрый, добрый и прекрасный, почти как сам Господь, ибо иным великий служитель Господень быть не может. А оказалось - противный скупой старикан, который бранится на слуг и пьет воду с содой из-за больного желудка. И тогда я подумала: может, и хорошо, что Господь не показывается нам?

Деян с готовностью улыбнулся шутке, но она продолжила с горячностью и серьезностью, ввергшей его в недоумение:

- Если он существует вообще, Господин Великий Судия! Или нет никого выше нас, нет ничего запредельного и великого? Когда-то я верила священникам: так учила мать, так жили все вокруг; даже Лэш по праздникам ходит на проповеди. Но граница недалеко: тут у нас останавливались многие проповедники. И наши, и чужеземные, люди ученые, знаменитые. Днем они призывают к смирению плоти, но по ночам предаются пьянству и разврату так же охотно, как солдаты; милосердия и справедливости в них столько же. Но солдаты честнее: они не скрывают своей жестокости под красивыми словами и чистыми одеждами... И тогда я задумалась, Хемриз: не затем ли проповедники, священники, жрецы - такие, сякие, всякие - стращают нас карами небесными и сулят счастье в жизни загробной, чтобы властвовать над нами в этой? А на самом деле - нет никакого Господа, Всемогущего и Всеведущего! Нет никаких богов и духов, нет праведных и грешных дел, нет правильного и неправильного, справедливого и несправедливого; наша маленькая, короткая жизнь - единственное мерило; как ее проживешь - так и проживешь. Ты как думаешь? Ты же чародей. Скажи мне...

- Да не чародей я! Не знаю, Цвета, - сказал Деян, поняв, что девушка всерьез ждет, что он скажет. - Раньше я не очень-то верил во все это - ну, так, как все у нас. Как в приметы: вроде и ерунда, но нет-нет, а вспомнишь - и делаешь как положено. Вроде и не

веришь, а все равно надеешься, что сбережет. Так у нас люди и в Господа верят, и в малые народцы - домовых, леших, кикимор болотных, и перед тем, как идти на молитву, ставят домовику блюдце молока... Терош, священник наш, пока не обвыкся - сердился на это очень; но народ у нас упрямый - не переучишь. А сам он - славный человек, и в то, что говорит, верит, хотя слова с делом у него расходятся порой; это за ним бывает... Он пытался учить меня своей священнической мудрости, но чем больше я слушал и читал - тем большей чушью мне казалось его учение; давно это было.

- А теперь иначе? Теперь ты веришь?

- Еще меньше, чем прежде. Но... Скажи, Цвета, а ты умеешь читать? - спросил он невпопад, разглядывая ее. Ему снова вспомнилось пепелище; и одинокая могила у тракта, у которой он окончательно разуверился в небесном милосердии; и та, что лежала в ней: Цвета и сестры Шинкви, какими он их запомнил, имели на лицо некоторое сходство, какую-то трогательную уязвимость, скрытую за здоровой, пышущей силой красотой.

- Умею... немного. - Цвета, отчего-то смутившись его взгляда, отвела глаза. - Охота лучше выучиться, чтоб, когда выберусь отсюда, дурочкой деревенской людям не казаться; да когда ж мне учиться? Тут жизнь такая - поспать не успеваешь... На жалованье не больно-то разгуляешься, а учить меня за просто так, книги давать - нету дураков. Священник есть тут один, добрый старик, учит бедняков бесплатно, но меня он к школе и близко не подпустит, разве только от Лэша уйду. Люди на меня посматривают косо... сам понимаешь почему.

- Не буду врать: их я тоже немного понимаю. Но все-таки зря это они, - мрачно сказал Деян. Сделалось грустно и горько, и невозможно было не думать, что вышло бы, будь все иначе. Родись Цвета в Орыжи, она не была бы брошена с малолетства семьей и не стала бы драить полы в чужом доме; и не было бы ей ни возможности торговать телом, ни нужды: не родные, так соседи не бросили бы ее в беде. А окажись честная и бесхитростная орыжская девица на ее месте здесь, в этом недружелюбном и небогатом городке, - ни к чему хорошему бы это не привело...

Эльма отыскала бы другой способ прожить; она скорее удавилась бы, чем пошла поперек себя и стала унижаться; или же ему просто-напросто нравилось так думать? Нет, она непременно нашла бы выход! Но другие? Как камень, прокатившись по телу, ломал кости, так жизнь подминала под себя и ломала человеческие судьбы. Кенек Пабал был первым, но наверняка не последним... Даже Голем - вот уж кто мог гору на плечи поднять!

- и тот дал трещину и остервенело топил теперь горе в кувшине с вином и распутствовал, будто пытаясь доказать себе, что все еще жив и что жизнь все еще чего-то стоит.

Деян поморщился, поняв, что который раз за день вспоминает бывшего товарища. Почему все-таки Эльма желала сохранить Кенеку жизнь - из чувства вины, из жалости или, вопреки словам, из любви? Стала бы она так защищать кого-то другого? Его?

А Кенек, Кенек... Кенек Пабал был обычным парнем, который в другое время, не случись войны, прожил бы спокойно до старости. Не случись войны - и убитая его дружками Дармиша, и сестры Шинкви были бы живы, и Цвета, возможно, была бы счастлива с мужем и жила бы честной жизнью, а не обхаживала проезжих богачей.

Но Небеса не знали милосердия, как и грязные улицы Нелова.

- V -

- О чем задумался? - нарушила молчание Цвета.

- Да так. Дом вспомнил, - со вздохом сказал Деян. От выпитого шумело в голове и стоял во рту неприятный привкус; но хотелось еще, а потом еще дважды по столько же, чтобы вернуть хмельное веселье. От того ли, что перестал быть самим собой - пусть только на время и в шутку, - или отчего-то другого, но сейчас он чувствовал себя бесконечно одиноким.

Единственным не чужим человеком на сто верст вокруг был упившийся вдрызг и полусвихнувшийся от горя чародей, которому он и хотел бы, но никак не мог помочь; а еще был разругавшийся с чародеем и слишком человечный нечеловек Джибанд... Была симпатичная девчонка, говорящая с ним о своих несчастьях и назвавшаяся Цветой, - и больше никого. Дом остался далеко позади, отделенный сотнями верст, - да и знал ли он когда-нибудь этот дом по-настоящему, был ли у него дом? Эльма, какие бы благородные - в самом деле? - цели не преследовала, прямо заявила ему, чтобы он убирался прочь. Друзей и братьев забрала война. Семьи не стало, а с ней не стало и того единственного смысла человеческой жизни, какой он знал.

Что у него осталось в Орыжи? Примятые сорванным ставнем

цветы - и те давно отцвели.

Пути в прежнюю жизнь не было, и все же он должен был вернуться назад. Но почему должен? Просто потому, что так решил: его долг следовал лишь из его упрямства. Эльма не желала его помощи, да он ей ничем и не мог помочь; как всегда...

- Я всегда могу распознать мужчину, который думает о женщине. - Цвета улыбнулась лукаво и чуточку грустно. - Кто она - та, кто тебя ждет дома? Невеста? Какая она из себя?

- Она замечательная. - Деян заставил себя улыбнуться в ответ. - Но мне она не невеста. И не думаю, чтобы она меня ждала.

- Почему?

Он вышел из-под навеса под дождь; холодные капли побежали по лицу, потекли за шиворот, вынуждая мыслями сосредоточиться на настоящем моменте; и все же это не вполне удавалось ему, потому как он не мог ясно сказать, кто он теперь и что есть его настоящее.

- Она так сказала. - Деян уставился в темноту.

Тяжелый и муторный сон, длящийся с самого утра, приближался к развязке.

Смутное предчувствие подсказывало, к чему все идет, и все же он вздрогнул, ощутив вдруг на шее теплое дыхание.

- Тогда она не осудит тебя. - Цвета, неслышно подошедшая сзади, обвила руками его грудь. - Но мы ей все равно не расскажем.

- Не надо. - Деян вяло дернулся, пытаясь отстраниться, но девушка обняла его крепче.

- Почему же не надо, неколдун Хемриз?

- Это... это будет неправильно, - пробормотал он, сам же чувствуя слабость такого аргумента. От чужого тепла за спиной отступало одиночество; с каждым мгновением ему все меньше хотелось произносить слова отказа. Все в этом городе было ненастоящим, и он сам сегодня не был настоящим. А раз так, какое значение имело, как завершится одна ненастоящая ночь?

От ласковых прикосновений бросало в жар. Цвета знала толк в своем ремесле; насколько бы он ни устал, ее невозможно было не желать.

- Нет правильного и неправильного. Я сегодня не я, и ты сегодня не ты, - прошептала она, лаская его грудь и будто читая мысли. - Утром ты уедешь, а я останусь, и мы не увидимся больше. Так почему бы и нет? Не думай, что это я из-за того, что Лэш велел. Ты странный. Но ты мне правда нравишься...

- И ты мне. Но...

- Тогда довольно разговоров!

Деян на мгновение потерял дар речи, когда ее рука

опустилась ниже и скользнула под не туго затянутый пояс; а когда вновь обрел голос, то понял, что тоже больше не желает тратить время на слова.

- Ну что? - Цвета отступила; он, развернувшись, притянул ее к себе.

- Только не в дом, - задыхаясь, прошептал он и вновь жадно впился в ее губы. - Там люди...

- Так бы сразу!

Она вывернулась из его объятий, игриво улыбаясь, и повлекла за собой в темноту.

В пристройке, где они укрылись от дождя и любопытных глаз, капало с крыши, и к запаху сена примешивался сильный запах полыни. Но Деяну это было уже совершенно неинтересно.

- VI -

В отведенные хозяином комнаты он поднялся, когда уже начало светать.

Сидевший на полу Джибанд уперся застывшим взглядом в стену; Деян прошел мимо него, стараясь не шуметь, но Голем, услышав шаги, заворочался на кровати.

- Ну и ночка, а? - спросил он на удивление трезвым голосом.

- Да уж, - буркнул Деян; разговаривать с чародеем сейчас ему хотелось меньше всего на свете.

- Мне много раз приходилось сожалеть о прожитом дне, - сказал Голем. - И раскаиваться в сделанном.

- И что?

- Завтра я буду сожалеть. Но не сегодня.

-Угу. - Деян с вожделением взглянул на свободную кровать, прикидывая, удастся ли перехватить хоть пару часов сна. - Так когда выезжаем?

Но чародей уже снова спал; по комнате расплывался тяжелый винный дух.

"И хорошо. Потом будет потом. Будет новый день, - Деян, сбросив сапоги, повалился на кровать. - Потом будет сегодня..."

Глава пятнадцатая. Трое

- I -

Новый день начался скверно; и никуда они, конечно, не уехали.

Если пил чародей за троих, то похмельем страдал за дюжину. Он не мог не то что идти, а даже подняться с кровати, мучаясь сильнейшей мигренью и болями в желудке. Все утро его рвало желчью с прожилками крови, и хотя между приступами он твердил, что скоро встанет сам, это "скоро" все никак не наступало. К полудню Деян не выдержал.

- Я пойду осмотрюсь: может, тут где-нибудь есть толковый лекарь. - Он натянул куртку, отряхнув ее от приставшего сена.

- Не надо, - простонал чародей, пытаясь приподняться. Выглядел он как первый кандидат в покойники. От телесного страдания душевная боль не исчезла, но поблекла, затаилась в самой глубине покрасневших и слезящихся глаз.

- Надо, - отрезал Деян. - На этот раз ничего со мной не случится, я буду осторожен, - добавил он, вспомнив, как уходил из хижины. - А ежели все же случится - так тому и быть, мрак бы все это побрал! Ты уже что мог - натворил. Теперь моя очередь.

Под ноги попался пустой кувшин, и он в бессильной злости пнул его.

- Правильно я сомневался, можно ли пить эту дрянь! Проследи тут за всем, Джеб. Пожалуйста.

Кивнув угрюмому великану и не став дожидаться новых возражений, он вышел из комнаты и спустился вниз.

В общей зале харчевни оказалось довольно людно; солдаты капитана Альбута расселись там же, где и накануне, но самого его снова не было - отпросился уйти на час-два еще утром и до сих пор не вернулся. Краем глаза Деян заметил среди прислуги Цвету и отозвал ее в сторону:

- Есть в городе хорошие врачеватели?

- Так правду девки говорят, что у вас там беда-бедовая?

- С чего иначе бы нам тут сидеть! Так есть?

- Даже и не знаю. - Цвета в задумчивости наморщила припудренный нос; бессонная ночь по ней была совсем незаметна. - Солдатский госпиталь есть, там гнилую рану почистить могут. Но тебе ж не того надо?

- Не того.

- Док наш старый, что в конце улицы жил, помер по весне: грабануть хотели и зарезали, бесы. Еще травник раньше был хороший в Глазьем тупичке, но сбежал со всем скарбом; и недруг-конкурент его, слышала, тож на днях ноги сделал. Даже и не знаю, кто еще здесь, Хемриз; не узнавала - не до припарок нынче... Он же большой колдун, твой старший. Нешто совсем плохо дело, что без лекаря никак?

- Да пес его знает. - Деян вздохнул. - Я все же пойду поищу. Мало ли... Сил больше нет тут сидеть и ждать, что будет: эдак я раньше него помру.

Он, не прощаясь, пошел через зал к выходу.

- На Птичьей улице спроси, в рюмочной: там все про всех знают! - крикнула Цвета ему вдогонку.

- II -

"На Птичьей, на Птичьей..." - тупо повторял про себя Деян, шагая по улице. Болела голова. Он злился на чародея, так некстати - и так предсказуемо - свалившегося с ног, и злился на себя за то, что беспокоится за него; и за чувство беспомощности, зудящее под ложечкой. Он ушел бы намного раньше, если б не опасался оказаться с городом один на один. Необходимость эта внушала ему страх, достаточно сильный, чтобы лишь все вместе - невозможность оставаться дальше в душной и пропахшей болезнью комнате, жажда хоть какого-нибудь действия и усиливающееся беспокойство за то, что само собой дело не выправится, - смогло выгнать его с постоялого двора.

Страх, как оказалось, не вполне беспричинный.

Днем все выглядело иначе, чем в сумерках. Низину, говорили прохожие, подтопило, но нагорная часть города после ночного ливня больше не казалась такой уж грязной; и совсем не казалась маленькой. Каждый в отдельности дом и проулок мог бы быть частью Орыжи или Волковки, но все вместе они образовывали чудовищный непроходимый лабиринт. Улица, где у каждого дома

стояли крытые загончики с плетеными стенками для продажи птицы, была неподалеку: Деян помнил, как накануне шел по ней за чародеем на постоялый двор. Но как ее найти или хотя бы в какой она стороне - вспомнить не мог, и от попыток только сильнее стучало в висках. Расспрашивать прохожих, многие из которых и так недобро поглядывали в его сторону, про улицу и про местных лекарей было боязно; проплутав не меньше получаса, эту боязнь он преодолел - однако безо всякой для себя пользы. По злобе или по незнанию верную дорогу показать никто не мог, а кто пытался, говорил какую-то непонятную тарабарщину из имен и названий.

"Хвала небесам, я хоть обратный путь помню... Помню ведь? - Деян вздрогнул. Уверенности он не чувствовал. Даже было собрался сразу пойти назад. Но, представив, какую картину снова увидит по возвращении, тот час оставил это намерение. - Волки сожри этого дурака! Не хватало еще ему взаправду помереть с перепоя... Нет уж: надо искать, пока не найду".

Мысль о том, что простой лекарь - если этот лекарь вообще найдется - из захолустного городка вряд ли много понимает в болезнях, вызванных трехсотлетним смертным сном, он тщательно отгонял.

Ноги гудели, и Деян ненадолго присел отдохнуть на ступеньки крыльца чьего-то заколоченного дома, а после двинулся дальше. Он вновь прошел вдоль длинной стены, непонятно зачем построенной, и пересек небольшую площадь напротив большого и красивого особняка, охранявшегося сразу десятком вооруженных солдат. Затем пересек еще одну площадь и перебрался по мосткам через канаву, чтобы спуститься по улочке, невыносимой вонявшей рыбой; туда по утрам даже в неспокойное время привозили улов рыбки. На улице с птичьими загончиками тоже чувствовался рыбный запах; значит, она была где-то рядом, - но где?

Проплутав еще с полчаса по переулкам, он с досадой понял, что снова вышел к знакомому уже заколоченному дому, выкрашенному облупившейся зеленой краской. Голове от прогулки немного полегчало, но к цели он не приблизился ни на шаг.

"Проклятый городок!" - Деян в сердцах выругался и вновь проделал путь до воняющей рыбой улицы, где за время, пока он бродил, рыбаки успели распродать последние корзины. Там, отойдя с прохода в закуток между домами, он остановился и зажмурился, из-за всех сил напрягая память.

Птичья должна была быть где-то рядом, но отыскать ее никак не получалось, и - что еще хуже - чем дальше, тем сильнее он

сомневался в своей способности хотя бы вернуться к постоялому двору.

- Не меня ищете? - раздался за спиной смутно знакомый голос.

Открыв глаза, Деян едва поверил в свою удачу. Рядом стоял, будто вырос из-под земли, капитан Ранко Альбут.

- III -

- Не вас. Но вы очень вовремя! - прочувствованно сказал Деян. - Сможете проводить до Птичьей улицы?

- Рад был бы услужить. - Капитан сдержанно улыбнулся. Чувствовалось, что он немало озадачен как самой встречей, так и той радостью, какую вызвало его появление. - Но мы на Птичьей и стоим, господин Химжич.

- Но разве... - Деян от изумления даже отступил на шаг. Оглянулся, втянул носом воздух: ошибки не было - рыбой воняло по-прежнему.

- "Рыба не птица: воды не боится", - со значением произнес капитан. - Один дурак назвал, а сто повторили: так и живут. Ежели вам птицу надо, то гусями и курами тут рядом торгуют, на Подвозной.

Деян представил себя, блуждающего по лабиринтам города с гусем под мышкой, и содрогнулся.

- Не надо мне птицу, упаси Господь! Да, по правде, мне и Птичьей не надо: на Птичьей спросить посоветовали. То есть, пройти на Птичью и там спросить. А так, мне бы лекаря. Ну, то есть не мне, а... - Отчаявшись объяснить по человечески, что и почему, Деян раздосадованно махнул рукой, надеясь, что капитан поймет сам: когда утром Альбут просил увольнения, он поднимался наверх и видел, что творится.

Меж тем дурацкая мысль о гусях навела еще на одно неочевидное и противное его нутру соображение: это в Орыжи никто в чужой хвори выгоды не искал, а городской лекарь, как и все здесь, мог пожелать немедленной платы за работу; но епископская бумага осталась на постоялом дворе.

- Причем лекаря не абы какого надо, а чтоб и дело знал, и помогать согласился по церковному указу или в долг. Прямо

сейчас платить мне нечем, - мрачно закончил Деян.

Капитан Альбут молчал, пристально разглядывая его, и Деян запоздало испугался: не совершил ли он большой ошибки, обратившись к этому человеку за помощью. Он вспомнил, как сам наблюдал за Големом, обдумывая, получится ли убить его и не нужно ли попытаться, и почувствовал озноб.

Альбут был силен и опытен; в приятных чертах его лица проступала не заметная сразу жесткость, даже жестокость. Дать ему отпор ним голыми руками нечего было и думать... Но, так или иначе, бежать тоже было некуда: единственный выход из закутка загораживала широкая фигура капитана, а редкие прохожие - Деян мог видеть их через капитанскую голову, - едва взглянув в их сторону, ускоряли шаг.

Альбут, особенно в сравнении с Ритшофом, казался настроенным вполне миролюбиво; он источал спокойствие и уверенность и, может быть, оттого и нравился Деяну - но стоило признать: весомых причин для симпатии не было. А уж у капитана, вынужденного возвращаться в обреченную на поражение армию, точно не было причин для взаимности.

Деян украдкой огляделся, отыскивая взглядом какую-нибудь палку подлиннее. За время, проведенное в хижине, чародей, восстанавливавший утраченные за столетья сна умения в шуточных поединках с Джибандом, заодно попытался научить чему-нибудь и его. Занятия эти ему нравились ненамного больше колдовских, и хорошего бойца из него не вышло, но благодаря высокому росту и длинным рукам с посохом у него что-то худо-бедно получалось; хоть и недостаточно хорошо, чтоб надеяться отбиться - тем паче в узком проходе, где сложно было бы развернуться...

Жердь, прислоненная к стене, нашлась. Но не потребовалась: прежде, чем Деян успел накрутить сам себя до предела, капитан заговорил:

- Ну ладно. - Ранко Альбут улыбнулся с добродушием - очевидно, не вполне искренним, но не таящим угрозы. - Идемте со мной. Отведу вас к лучшей врачевательнице в этом городишке. Лицензии лекарской у нее нет, но умения - на десятерых.

Он развернулся и, широко ступая, пошел прочь.

Деян выдохнул и поспешил его догнать.

- Благодарю! Простите, если оторвал от дел.

- Не стоит: я и так задержался на час дольше обещанного. Давно блуждаете-то, господин Химжич?

- Порядочно. Только впредь давайте без "господ", Ранко, - припомнив имя капитана, попросил Деян. - Я не знатных кровей и к такому обращению не привык.

От постоянных "господ" и "выканий" - особенно из уст тех, кто был намного старше, - то и дело хотелось обернуться и посмотреть, что же за "господин Химжич" - Мажел? Нарех? Отец? - идет рядом.

- Как тебе будет угодно, - легко согласился капитан. - А занятные вы двое, господа. - Он скосил глаза на Деяна, проверяя его реакцию на сразу сделавшийся едва ли не свойским тон. Деян понимающе кивнул в ответ: "Занятные, что уж тут".

- Преподобный Скряга перед тем, как укатить, так расчувствовался, что вместо напутственной молитвы выдал нам тройное жалованье. Тройное, Господи, ты это видел?! - Капитан поднял три пальца к небу. - А Варк, наш полковник, мать его, Ритшоф отводил взгляд, как проштрафившаяся девица перед папашей. Все это больно смахивает на то, что они не сомневаются, что отправляют нас прямо к Владыке в пыточную. Твой друг не пожелал со мной говорить; но, может быть, ты разъяснишь, в чем причина?

- Он мне не друг.

- А кто? - тут же с любопытством спросил капитан, заставив Деяна пожалеть о своей запальчивости.

"А правда: кто?"

- Наниматель, - сказал Деян. - Я при нем вроде проводника.

- И оттого ты сам не свой бродишь по городу в поисках лекаря? Потому как боишься, кабы наниматель твой не помер, не заплатив? - протянул капитан с явным сомнением.

- Тебе бы все-таки с ним поговорить: у него язык лучше подвешен, - Деян криво усмехнулся. - Нет, не поэтому. Он мне услугу намного раньше оказал... Большую услугу, и не одну. Я перед ним в долгу. Вот, расплачиваюсь.

Капитан покосился на него недоверчиво, но расспрашивать дальше не стал.

- Епископ, думаю, из-за того, что вам назад ехать, раскошелился, - сказал Деян. - Он считает, это дело гиблое.

- Погибнуть за короля и Его Святейшество - дело богоугодное: за это Андрий и лишнего медяка не даст. Это он из-за вас двоих. А я вот все удивляюсь и гадаю - почему? Что с вами не так?

Капитан, резко остановившись, заглянул ему в глаза, и Деян не сдержал смеха:

- С нами все не так! Но дурак ваш епископ. Я ни к каким большим делам не причастен; считай, вообще не при чем. А Рибен... Он, можно сказать, из ваших, из вояк. Не без греха, но уж не хуже других будет.

Капитан, к удивлению Деяна, хмыкнул с удовлетворенным видом и зашагал дальше.

- Вот и мне так показалось: нормальный он малый, "наниматель" твой, даром что чародей. Не без придури, ясно дело, но кто нынче без нее.

Деян пожал плечами.

Капитан Альбут с виду как раз-таки был человеком безо всякой придури, простым, понятным и понимающим, спокойным, надежным - очень старался казаться таковым; так старался, что поначалу ему это удавалось, но по прошествии времени поневоле возникали сомнения.

- Ритшоф тоже ничего себе командир был, не злыдень, плохого про него не скажу, - продолжил разглагольствовать капитан. - А только увольнения у него было - не допросишься, и смотрел он на нас, как бык на куриц: не уважал...И не ценил. Посмотри-ка на эту лачугу. Хороша, а?

Деян пробурчал нечто неразборчивое, опасаясь показаться невежливым. В этой части города было много аккуратных домишек с высокими крышами, странных, но по-своему симпатичных, однако двухэтажный сарай, на который указывал капитан, к ним точно не относился.

- Внутри еще краше, чем снаружи! - Капитан хохотнул, давая понять, что шутит. - И с потолка в дождь так льет, что полные сапоги за ночь набираются. Было дело, мы три зимы подряд в городе стояли, и Ритшоф в этом курятнике квартиры для младших офицеров устроил - для экономии средств, значит. Скотина! Тут и сейчас почта нашего полка размещается, и комнаты есть для постоя. Но только я туда - ни ногой: лучше уж где-нибудь на конюшне. Или у друзей-приятелей... так-то.

- Лэш, хозяин постоялого двора, - тоже твой приятель? - наугад спросил Деян.

- Знакомы, - неопределенно ответил капитан. - Сам я издалека родом. Но в Нелове, если все вместе посчитать, прожил порядочно. Неказистый городок; а все-таки что-то в нем такое есть... Ну, пришли. - Капитан свернул в переулок и остановился перед широкой некрашеной дверью; единственная ступенька к ней до половины утопла в огромной луже.

- Сразу суть своего дела объясни и попроси по-хорошему. Тогда не откажет, - сказал он и постучал.

- IV -

Дверь отворила высокая худая женщина средних лет, в простом шерстяном платье и белом переднике.

Она удивленно взглянула на капитана:

- Что-нибудь забыл, Ранко? - Говорила она так же порывисто, как и двигалась, и слегка картавила.

- Служебная надобность возникла. - Капитан дурковато улыбнулся. - Мы можем войти, Хара?

- Мы?..

- Э-э... здравствуйте, - выдавил из себя Деян, когда внимание женщины обратилось на него.

- Здравствуйте, - эхом отозвалась она, ступив на полшага за порог, чтобы лучше разглядеть. - Что вам угодно?

Деян боролся с желанием развернуться и сбежать. Все загодя придуманные фразы вылетели из головы; после слов капитана о "лучшей врачевательнице" он ожидал увидеть старуху. Может, не такую дряхлую, как Сумасшедшая Вильма, но ненамного моложе Шалфаны Догжон и не симпатичнее Горбатой Иллы. Со старухами было легко; он всегда неплохо с ними ладил, даже с выжившими из ума.

Однако Хара приходилась, самое большее, ровесницей Альбуту и была... красива.

Очень странной красотой, но определенно красива. Слишком смуглая кожа не портила впечатления от резких и тонких черт ее лица; редкие морщины и необычно низко, у самых бровей повязанный линялый платок, которым она убирала волосы, только подчеркивали глубину ее больших темно-карих глаз. Взгляд у нее был пронзительный, умный, настороженный и совсем - нисколечки - не сумасшедший.

- Простите за беспокойство, - овладев собой, заговорил он. - Госпожа...

- Харрана абан-хо, - прошептал капитан.

- Харрана абан-хо. Я Деян Химжич. Сожалею о необходимости тревожить вас, но обстоятельства вынуждают искать помощи... и капитан был столь любезен, что подсказал мне обратиться к вам. - Деян постарался, по примеру Голема, придать своему голосу толику княжеской важности и нахальства; получилось плохо. - Мы можем войти, чтобы продолжить разговор?

Харрана наградила капитана долгим и не слишком-то дружелюбным взглядом, после чего молча посторонилась.

- Никогда прежде не встречал хавбагских женщин? - шепотом спросил капитан, пока они шли по темному коридору куда-то вглубь дома. Он явно бывал тут раньше, и не раз.

- Не встречал, - лаконично подтвердил Деян; о том, что еще

недавно он вообще не знал о существовании такого народа, как хавбаги, он упоминать не стал.

"Хавбаги, значит... Вот они какие", - едва оказавшись на свету, он украдкой снова стал разглядывать хозяйку. В детстве чужеземцы почему-то всегда представлялись ему совсем отличными от простых людей, но, хотя Харрана имела смуглую кожу, она казалась вполне обычной женщиной. Недовольной и встревоженной их внезапным появлением.

- А я прежде не встречала вас в городе, господин Химжич, - с вопросом в голосе сказала она Деяну, подтверждая, что слух у нее столь же хорош, сколь и память.

- Да, я... - начал Деян, но капитан перебил:

- Все верно, Хара. Он, - капитан мотнул головой в сторону Деяна, - один из тех двоих, о ком я говорил ночью. Мы, видишь, пока застряли тут. По милости второго... моего временного командующего. Господин Ригич набрался вчера так, что сегодня готов протянуть ноги. То ли желудочное кровотечение начинается, то ли еще какая дрянь: головы от подушки оторвать не может, и видок у него - хоронят краше.

Если это и было преувеличением, то очень незначительным.

- Один из тех двоих, - недобро прищурившись, сказала Харрана. - Тех двоих опасных типов, которых остерегается старый лис-епископ, - так ты вчера говорил, Ранко. А теперь привел одного из них сюда?

Деян хмыкнул; по правде, этот вопрос занимал и его.

- Волк волка чует, Хара, - невозмутимо отозвался капитан. - Этот - не кусается. И тот - тоже; по крайней мере, сейчас. И он... иной породы, чем Варк или Скряга. Он...

- Шатун, - вырвалось у Деяна. На "не кусается" он решил не обижаться. Ответ капитана своих о резонах явно был не полон, но с этим тем более можно было разобраться позже. - Помогите ему, госпожа Харрана, прошу.

Она вновь обратила внимание на него.

- У вас не городской выговор: вам ли не знать, как "помогают" шатунам и почему?

- Медведь задрал моих отца и дядю. - Деян спокойно встретил ее взгляд. - Но Голем - другой случай. Он не безумец, пусть и может иногда показаться таковым.

"*Пока* не безумец", - но вслух этого говорить Деян, конечно, не стал.

- Надо же. Голем... - Ее губы растянулись в странной полуулыбке. - Князь Рибен Ригич, Рибен-Миротворец. Мой отец возносил молитвы Небесному Хранителю с тем же именем.

Деяну показалось, что под ногами пошатнулся пол.

- Мне тогда было вдвое меньше лет, чем вам сейчас, господин Химжич, - сказала Харрана, - когда отца выпотрошил урбоабский жрец. И, право слово, лучше бы это сделал медведь... Чтобы использовать имя Миротворца, господин Химжич, нужно быть или безумцем - или расчетливым жуликом. Или круглым дураком. Учитывая, что, как вы говорили, ему хватило ума и умения упиться едва ли не до смерти, я склоняюсь к последнему... Чтобы обвести Ритшофа и Бервена вокруг пальца, многого не надо: я тебе говорила, Ранко.

"Мрак! А ведь кто-то поминал вчера: они объявили его чуть ли не богом..." - Деян нахмурился, спешно обдумывая, что это заблуждение может принести, кроме проблем.

- Не знаю, кем вы считаете вашего приятеля, господин Химжич; допускаю, что вами движут добрые намерения, - продолжила Харрана прежде, чем он успел вставить слово. Тон ее немного смягчился. - Я стараюсь помогать тем, кто нуждается в моей помощи. Но жуликов, самоубийц и пьяниц я не лечу. В утешение могу сказать, что обычно они и не нуждаются в лечении. Спросите у трактирщика кислой соли; это поможет.

Она кивнула на дверь, красноречиво давая понять, что разговор окончен.

- Вы упустили последний вариант: боготворимый вашими родными князь Ригич и есть дурак, а до кучи еще и пьяница, - сказал Деян. Так и не придумав, что соврать, он решил придерживаться правды. - Он провел три века в состоянии, которое называет смертным сном, а очнувшись, испугался, что не сможет сам полностью вернуть контроль над телом и вместо воды и пищи за пять дней выцедил флягу "вдовьих слез". Знаете такое зелье? Он пил его по глотку, в надежде, что сумеет добраться до гроссмейстера ен'Гарбдада раньше, чем упадет без сил. Эта самонадеянность едва не стоила ему жизни. Как-то он сумел оправиться, но, боюсь, не до конца... И вчера он... значительно усугубил свое состояние. Но дело не только в выпивке, понимаете? Поэтому я и ищу кого-нибудь, кто был бы сведущ в таком. Хоть немного.

- Вы... - негодующим тоном начала Харрана.

- Это правда! - Деян не дал ей закончить. - Небом клянусь. Я не могу вам доказать, что не лгу. Но вы можете пойти со мной - и убедиться сами.

"А еще этот дурак и пьяница раздобыл вчера новую порцию зелья, - Деяну показалось, от кармана, куда он спрятал пустую флягу Бервена - свою флягу - по груди разлился холод. - И хвала Господу, что он бережет отраву для другого случая и потому не попытался пока ей воспользоваться; но попытается - если я не

найду возможности помочь ему другим способом".

Во избежание таких попыток утром Деян незаметно спрятал чародейскую флягу в щели за шкафчиком, однако даже не надеялся, что Голем при желании ее не отыщет.

- Ранко, по-моему, этот человек - просто-напросто сумасшедший! И ты еще ему веришь! Не стоило приводить его сюда, - сердито сказала Харрана. Но ее голосу, как с радостью заметил Деян, не доставало уверенности.

- Да, я ему верю, Хара, - очень спокойно ответил капитан; какие бы чувства он не испытывал на самом деле, скрывал он их мастерски.- Звучит невероятно, согласен. Но представь, что все так, как он говорит. Подумай - как иначе добротный штык за мгновение оказался завязан в узел? Ни один известный мне чародей не способен на подобное. Тебе стоит пойти и взглянуть на этого господина самой.

- Ты уже решил все за меня? - Харрана вперила в капитана недовольный и чуть обиженный взгляд; капитан ответил ей тем же. Так могли смотреть друг на друга только люди близкие и неравнодушные друг к другу, связанные множеством сказанных и не сказанных слов; но Деян очень сомневался, что она ему законная жена или, тем паче, родня: в капитане явно не было ни капли хавбагской крови.

Впрочем, устав военной службы не запрещал офицерам иметь любовниц.

Первой отвела взгляд Харрана и, поджав губы, принялась собирать лекарскую сумку.

- Если это окажется глупой шуткой - а так оно и будет, - за тобой должок, Ранко, - бросила она через плечо.

- Увидим... - Капитан встревоженно покосился на Деяна.

- Не окажется, - заверил их обоих Деян. - Надеюсь, ваша вера не запрещает вам лечить богов, госпожа Харрана? То есть Хранителей.

Она не ответила, но ее движения стали еще более резкими.

- И что у вас достаточно для этого мастерства, - добавил он.

Она оглянулась на него, хмыкнула и снова занялась сборами.

- Ты не смотри, что она баба, - наклонившись к самому его уху, прошептал капитан. - В колдовстве разбирается, и опыта у нее - во! Хара больше людей заштопала и выходила, чем я - убил. Согласись она пойти на королевскую службу, была бы капитаном медчасти, не меньше.

- Ранко! Не болтай, - беззлобно огрызнулась Харрана. - Много ты в этом понимаешь.

- V -

Обратная дорога показалась Деяну отвратительно долгой; Харрана нарочито не спешила, а его подталкивало в спину вернувшееся беспокойство: не потерял ли он слишком много времени, блуждая по городу, и не поздно ли уже что-то предпринимать. Сначала он старался отвлечься, пытаясь предугадать, как сложится встреча Харраны с "богом", но в мысли навязчиво вторгался образ пустой фляги и мертвенное оцепенение на лице чародея.

Когда они, наконец, добрались до постоялого двора, он почти уверился в том, что безнадежно опоздал; однако - обошлось. Дверь в комнату отпер Джибанд, все такой же угрюмый и сердитый.

- Мастер уже десять раз требовал, чтобы я пошел за тобой, - сказал он. - Пришлось ему отказать.

- Спасибо, Джеб. Все правильно, - благодарно кивнул великану Деян, игнорируя испепеляющий взгляд Голема; тот был жив и в сознании, а больше от него и не требовалось. - Входите, госпожа Харрана. Рибен, это...

Он собирался представить ее по всем правилам, но Харрана бесцеремонно оттеснила его в сторону и подошла к изголовью чародея.

- Веккен рене х'азн, абан Р-гич, - быстро проговорила она. - Хемре нер, х'азн а-нто, х'азн ро Абсхар Дамар?

Через мгновение Деян понял, что это не заклинания, а чужеземная речь - должно быть, ее родная. И хорошо знакомая Голему: тот оттарабанил в ответ намного более длинную фразочку, попытавшись приподняться и даже преуспев в этом.

- Аб-ши саран, абан-хо. - В конце он протянул Харране руку ладонью вверх. - Шана кенер.

- Сахо! - Она оттолкнула его руку и вынудила снова лечь. - Нед исмен калем, абан. Сахо, ра кана.

Голем не стал возражать. Харрана присела на край кровати и откинула одеяло. Стоял полумрак, и Деян заметил слабое серебристое свечение вокруг ее ладоней, когда она начала осмотр.

- О чем они говорили? - прошептал Деян вставшему у двери

капитану, но тот покачал головой.

- Слишком быстро для меня.

- Она спросила, он ли "Абсхар Дамар", Хранитель Мира, что явился, миновав время... Мастер ответил, что слышал, будто его теперь называют так, хотя это неверно. Дальше он называл свое имя и сказал, что долго пробыл за краем и лишь недавно вернулся. Почему-то я почти все понял... - Рокочущий шепот Джибанда звучал почти испуганно.

- Что еще?

- Он предложил помочь ей убедиться, но она сказала, что разберется сама и чтобы он не мешал лекарю лечить. Почему я понимаю?!

- Так и должно быть; ты в прошлом бывал на Островах с Рибеном, значит, наверняка знал этот язык, - успокоил его Деян. - Дарвенский же ты не забыл - только значения некоторых слов. Так и тут.

- Господа, замолчите или выйдите вон! - сердито шикнула на них Харрана, и разговор прервался.

Она мяла и простукивала грудь и живот чародея пядь за пядью, бормоча под нос не то заклятья, не то просто ругательства. Чародей терпел молча, только морщился и кусал губы.

Наблюдать за этим непонятным лекарским колдовством было неприятно, но ждать за дверью казалось не лучше.

Деян придвинул себе табурет - нога после прогулки опять заныла - и сел, уставившись на полоску света, проникавшую между ставнями. Мысленно он успел досчитать до пятиста и начал считать обратно, когда Харрана выпрямилась и встала, отряхивая руки, словно на них налипло что-то невидимое. Осмотр явно дался ей нелегко: она дышала тяжело и шумно, платок на лбу потемнел от пота.

- У вас невероятно мощная хинра; никогда раньше не видела ничего подобного, Р'гич-абан. Впрочем, неудивительно... - Харрана снова перешла на дарвенское наречие; как Деян понял - специально для него и Альбута. - Но после смертного сна она течет слишком медленно: возможно, процесс пробуждения завершился не полностью или прошел неправильно. Чтобы поддерживать в теле жизнь, вы внутренним усилием ускоряете поток, но цена за это - еще большее нарушение его естественного течения. Иными словами, вы калечите сами себя. Незначительно, однако время идет - и повреждения накапливаются... Вам это известно?

- Да, я предполагал нечто подобное, - мрачно отозвался чародей. - Как и то, что если ничего не предпринять, это убьет меня. По-вашему, как скоро?

- Не могу предположить точный срок. Но, боюсь, это случится скоро, Ригич-абан. - Она заглянула чародею в глаза. - У меня нет достаточно знаний и мастерства, чтобы помочь тебе, но, быть может, они есть у кого-то другого. И тебе лучше поторопиться отыскать его.

- Сомневаюсь, что излечение возможно, - спокойно сказал Голем.

- Нельзя терять надежду, - ответила Харрана, не слишком скрывая, что она тоже сомневается в такой возможности. - Разрушение тела пока не продвинулось слишком далеко. Вчерашнее буйство сошло вам с рук. Внутренних кровотечений нет, ничего настолько серьезного, что наверняка убило бы вас в самое ближайшее время. Отдых, сон, лечение - и через день или два вы будете на ногах.

У Деяна вырвался вздох облегчения; словно камень свалился с плеч. Будущая угроза, о которой он и так догадывался, сейчас казалась невероятно далекой и должна была стать заботой опытных лекарей Венжара ен'Гарбдада, а его - вовсе не касалась.

- Я оставлю нужные лекарства. Но больше ничем не могу помочь, - Харрана чуть склонила голову. - Мне жаль.

- Не стоит сожалений. - Голем сумел изобразить подобие сердечной улыбки. - Спасибо, что пришли, Харрана абан-хо.

Она кивком приняла благодарность:

- Не верится, что это вы... В самом деле вы.

- Почему же? - Казалось, Голем действительно удивился. - Вы ведь понимаете способ, каким произошло мое возвращение. Это необычно, но не выходит за рамки представлений о возможном... Во всяком случае, не слишком далеко.

- Не слишком далеко - для вас? Но... я понимаю, да. И все же поверить непросто. - Харрана взглянула на чародея с сожалением и грустью. - Мои отец и дед возжигали подношения Абсхар Дамару. И в этот самый час кто-то молит Абсхар Дамара о помощи, в то время как Абсхар Дамар на постоялом дворе мается желудком и мигренью, упившись до полусмерти вина.

- Абсхар Дамар - глупая сказка, которую придумал какой-то невежа, - резко ответил Голем. - Я не Хранитель и никогда им не был.

- Эту сказку придумал ваш друг Абсхар Ханол абан Мирг Бон Керрер незадолго до кончины. - Харрана холодно улыбнулась. - Грустная, может быть, глупая - но хорошая сказка. Вы, милорд Ригич, ее начало - и ее конец: и похоже, что весьма досадный... Но, так или иначе, вы - Абсхар Дамар; люди моего народа присягнут вам на верность, едва узнают о вас. Я рада возможности услужить вам. Но мне жаль сказки.

Она сказала это спокойно и просто, как будто сожалела о нечаянно разбитой чашке. "Странная женщина... Или все хавбаги такие?" - Деян всмотрелся в ее смуглое лицо, отыскивая признаки фальши, - но тщетно. От Голема и следовало, по здравому размышлению, ждать настоящего или показного равнодушия, однако от Хараны при встрече с богоподобным "Хранителем" он ожидал недоверия, поклонения, страха - но никак не такого вот обыденного разговора...

- Вашей верности я не заслуживаю, но досаду - заслужил. Послушайте, Харрана абан-хо! - Голем уставился на нее одним из тех проникновенных взглядов, к которым часто прибегал, чтобы убедить в своей правоте Джибанда. - Раз вы сознаете меру моей ответственности... и вины... вы понимаете: я не могу ждать два дня. Даже до утра не могу. И так из-за моей слабости потеряно было слишком много времени. Я должен выехать как можно скорее... невзирая на последствия. Вы можете это устроить?

Харрана качнула головой:

- Невозможно.

- Мне не хотелось бы прибегать к помощи "вдовьих слез", но в случае необходимости придется, - сказал Голем. - Может быть, у вас все-таки найдется менее ценное средство?

- Я лечу, а не калечу, - отрезала Харрана.

- Прошу вас!

- Нет! - рявкнул Деян. - Совсем ума лишился?! Никуда ты сейчас не поедешь! Об отраве своей и думать забудь. Или... - Так и не придумав, что "или", он вскочил и зашагал по комнате от стены к стене, с каким-то отстраненным удивлением понимая, что действительно взбешен. - Мрак бы тебя побрал, вытворяешь невесть что, глупость за глупостью! С меня довольно. Делай, что скажет госпожа лекарь! И не морочь ей голову своей болтовней. Полтора, или сколько их там бишь было, века, и еще три сверх небо коптишь - а дурак дураком!

- Эй, ну, будет, будет... Я же еще не сделал ничего... - Голем казался совершенно обалдевшим и едва ли не напуганным его вспышкой. - Перестань, Деян. Чего ты так взвился?

- Ты *уже* сделал достаточно, чтобы *опять* валяться полумертвым, - с нарочитым спокойствием сказал Деян, подойдя вплотную к кровати и поймав растерянный взгляд чародея. - Но сегодня ты больше точно ничего такого не сделаешь. Если будет нужно, Джибанд об этом позаботится. Ты ведь не откажешь своему мастеру в этой услуге, Джеб? Он будет недоволен, но, как видишь, у него временное помрачение рассудка, так что до утра... самое меньшее - до утра все его приказы недействительны.

Было несколько самонадеянно требовать от Джибанда не

подчиняться "мастеру"; однако великан кивнул с видимым удовлетворением:

- Я понял и совершенно с тобой согласен, Деян.

- Ну и ну.... Вы слышали: ваш "Абсхар Дамар" не волен распоряжаться даже самим собой, - обратился Голем к Харране.

Харрана промолчала, только покосилась на Деяна, как ему показалось, с некоторым уважением.

Капитан Альбут стоял в сторонке и делал вид, что его происходящее никак не касается.

- Ну что ж, абан-хо. Будь по-вашему: командуйте, - не найдя ни одного союзника, Голем сдался без боя. - Доверяюсь вашему искусству.

- VI -

Харрана велела капитану Альбуту принести с кухни подогретой воды и привести одну из женщин-служанок, которой собиралась поручить следить за приемом лекарства, а пока тот ходил, с интересом разглядывала Джибанда и перекинулась с ним десятком фраз на гортанном хавбагском наречии. В отличие от епископа Андрия, никакого предубеждения к "ненастоящим людям" она не испытывала.

Капитан вскоре явился с небольшим ведерком и фигуристой рыжеволосой девицей; Деян попытался вспомнить, та эта девица или не та, что развлекалась с чародеем ночью, но так и не смог, и, успокоив любопытство тем, что вопрос этот не имеет ровным счетом никакого значения, воспользовался случаем и выскользнул вслед за капитаном за дверь.

- Действительно Абсхар Дамар, значит. Ну, мать. Дожили. - Особо удивленным Альбут, однако, не выглядел.

- Дурак он набитый, вот он кто, - выпалил Деян, еще не до конца успокоившийся.

- А моя-то - дура-баба! - Альбут криво усмехнулся. - Проще море вычерпать, чем ересь из хавбага.

- Что это значит - "Абсхар Дамар"?

- Хранитель Мира.

- Это я понял. Смысл в чем?

- У хавбагских еретиков Хранителей больше, чем блох на

собаке. Дай бог памяти... - Капитан наморщил лоб, вспоминая. Вряд ли он был большим знатоком чужеземных обычаев, но много общался с Харраной, а возможно, и с другими хавбагами, потому что-то, да знал. - Вроде бы вся соль в том, что пока Абсхар Дамар нес службу - все у них было хорошо, и погиб он, чужеземец, за то, что не желал зазря проливать кровь и предпочел правое дело их народа неправым намерениям своего. Тут игра слов, по-нашему коротко не сказать. "Дамар" на хавбагском - и "достоинство", и "перемирие", и "мир": все сразу. - Альбут сделал размашистый жест.

- Достоинство и мир - одно и то же слово? - удивился Деян.

Они спустились в зал и сели за ближайший к лестнице стол.

- Ну да. Только это по-нашему вернее всего будет сказать "достоинство". Так мне объясняла Хара. А по-ихнему жить в мире - в мире вообще, жить в ладу с другими и жить в ладу с самим собой - это все, ну, одно и то же. - Альбут говорил скороговоркой, и губы его странно кривились, словно не справлялись с плохо понятными и чуждыми ему, перенятыми из чужих уст словами. - Увязнуть в долгой войне для хавбага значит, вроде как, утратить достоинство. При этом воюют они постоянно. А из тех, кто осел у нас, на материке, многие в наемники идут... Больше им податься некуда, но не то, чтоб им такая жизнь была не по нутру. Несмотря на все речи про мир и достоинство - воюют они охотно, хорошо воюют. Тьфу! - Он сплюнул на пол и отмахнулся, будто от чего-то невидимого. - У нас говорят: проще женщину понять, чем хавбага. А Хара всем женщинам женщина, и всем хавбагам хавбаг. Голову сломишь... - Он поморщился. - В Хранители посмертно записывают, чтоб без всяких неурядиц, но твой князь Ригич, выходит, недоумер: ситуация, м-да. Их богословы с ног собьются, выдумывая, как все это увязать. Ну и бесы бы с ними! Но Хара... не представляю, что у нее в голове сейчас творится. Зато знаю наверняка: здесь, в Нелове, скоро будет жарко, и ей пора отсюда бежать: но меня она не слушает... Может, он ей скажет, а?

- Я могу его попросить, - неуверенно сказал Деян. - Но разве его она послушает? Хоть он и Хранитель... что-то не особенно она с ним почтительна.

- Да. - Капитан снова скривился. - Похоже, не послушает.

- Ты за этим и хотел ее с ним свести? - догадался Деян.

- За этим, - просто согласился капитан.

Он будто собирался еще что-то добавить, однако передумал и вместо этого подозвал проходившую мимо Цвету. Она кивнула Деяну и улыбнулась капитану как старому знакомому:

- Привет, Ранко. Нести обед?

- И что-нибудь к обеду, - буркнул капитан. - Если господин

Ригич не опустошил вчера весь ваш погреб.

- Он бы лопнул, - легкомысленно отшутилась Цвета. - Вы оба мрачнее тучи; плохо дело?

- Да нет; скорее, наоборот, - сказал Деян.

- Ну и хорошо; с мертвым с ним хлопот было бы еще больше, чем с живым, могу поспорить, - хмыкнула Цвета. - Погляжу, осталось ли жаркое...

Она неторопливо удалилась в сторону кухни.

"И проспорила бы, - мрачно подумал Деян. - Его ведь никто не хватится. Не будет искать, не будет мстить: он и так, считай, мертв".

Злость на чародея прошла, и, вспоминая себя четверть часа назад, теперь он чувствовал стыд. Одуревшему от мигрени и обрушившихся "новостей" Голему дурость была почти что простительна; тогда как орать на него, и так едва живого, крыть его при всех по матери и грозиться непонятно чем было, прямо сказать, глупо. И недостойно.

К столу подошла Харрана: попрощалась и обещала зайти утром.

- Недавно я назвала вас сумасшедшим, господин Химжич. - Напоследок она наградила его долгим взглядом; Деян заметил, как на мгновение уголки ее губ приподнялись вверх. - Рада, что не ошиблась.

Он так и не решил для себя, было ли это оскорблением или комплиментом. Дурацкий огромный платок на голове совсем не шел ей, и все-таки она была очень красива; особенно когда улыбалась.

- Рад, что вы не отказались проверить. - Деян улыбнулся ей в ответ. - Спасибо.

Капитан отправился ее проводить.

Пришел назад он довольно скоро, аккурат к поданному Цветой жаркому. Деян задумался: это Альбут почему-то вернулся с полдороги или время в Нелове текло, как попало; но спрашивать постеснялся.

Они сидели в общей зале, однако подчиненные Альбута, как и немногочисленные другие посетители, сторонились их. Все соседние столы пустовали. Деян подозревал, что причина не в нем, а в капитане, чье сосредоточенно-мрачное выражение лица заставляло беспокоиться - как бы в случае чего не попасть под горячую руку.

Молчание за столом прерывалось редкими фразами. Цвета щедро выставила большой кувшин вина, однако капитан то ли был не таким уже любителем выпить, то ли обладал большой волей, - так или иначе, вино он цедил медленно, как ледяную

воду, и пытаться перещеголять Голема явно не собирался.

Деян, без охоты прихлебывая кисловатое пиво, ждал, что капитан, чуть поднабравшись, разговорится сам. Но, в конце концов отчаявшись дождаться, спросил прямо:

- Почему ты нам помог, Ранко? Кроме как для того, чтоб Голем убедил Харрану абан-хо уехать.

- Так затем и помог, - с деланным недоумением ответил тот. - Чего непонятного?

- Но кроме того? На самом деле.

- Ну... Таких ребят, как вы, хорошо иметь в должниках. - Капитан осклабился.

- Преподобный Андрий уверен, что еще лучше вовсе не иметь с нами дела, - сказал Деян. - И в этом он прав.

- Преподобному Андрию не нравится твой н-а-н-и-м-а-т-е-л-ь, - с нажимом сказал капитан. - А мне не нравится надутый болван в епископской рясе, нареченный Андрием. Это достаточная причина.

- Не думаю, - возразил Деян, и капитан вдруг признал его правоту:

- Просто-напросто, понимаешь... Когда твой чародей - князь Старожский, Абсхар Дамар или кто он там на самом деле - не лежит пластом в собственной блевотине, он похож на человека, который способен навести шороху. Да хоть бы расшевелить треклятого ен'Гарбдада! Гроссмейстер стар настолько, что из него сыплется пыль, но прежде, я знаю, был недурным полководцем. Только сейчас он во всем слушает трусливых тупиц в рясах, и мы скоро проиграем войну. Повсюду темно станет от растреклятых бергичевцев. А мне, мрак бы все это побрал, претит, что синезнаменные ублюдки бьют нас как хотят! К тому же... знаешь, что они делают с теми, кто не готов целовать им зад?

- Что-то слышал, - сказал Деян.

"А еще я слышал, что "трусливые тупицы в рясах" достаточно умны и изворотливы, чтобы проигрывать намеренно, спеша избавиться от тех, кого, как гроссмейстера, полагают для себя опасными", - однако этого он вслух говорить не стал.

- Пока у нас дела шли как надо, мы с бунтарями не очень-то церемонились, - с неохотой сказал капитан. - И они с нами не станут. А сейчас еще у барона дикари на поводке. И два полка хавбагских наемников, с которыми у нас долгий счет... Пока Бергич медлит: не хочет распылять силы. Но, когда гроссмейстер ен'Гарбдад будет разбит, синезнаменные заявятся сюда. Мне этот городишко никогда не нравился, но там, откуда я родом, один бурьян, а здесь - так уж получилось - я долго прожил... Здесь, считай, у меня дом. И здесь Хара, - добавил он, чуть помолчав. -

Если все продолжится как сейчас, войско гроссмейстера будет перебито: надеяться не на что, кроме как на чудо... А где его взять, чудо? Плевал я на всякую бесовскую ересь, пророков с проповедниками и хранителей со святошами: давно на свете своим умом живу, знаю - брехня это все да бредни; Господь нас балует чудесами не часто, но уж брехунам он воздаст однажды, будь покоен! Однако ж твой князь Ригич - всамделишный большой мастер. Темная лошадка. И я ничего не теряю, поставив на него пару медяков, потому как терять мне, считай, нечего; но это мне. - Капитан недобро ухмыльнулся. - Вопрос за вопрос, Деян. Зачем ему помогаешь *ты?* На самом деле.

- Ну... - Деян задумался. Он не видел причины врать Альбуту, но не был уверен, что сам знает правдивый ответ.

- Ну?..

- Непростой вопрос, Ранко, - сдался Деян. - По правде, он в свои злоключения меня против воли втянул, не спрашивая. Я злился на него по-черному, даже убить думал попытаться. А потом подостыл... Начал его немного понимать. Почувствовал благодарность, что ли. Как-никак, он дважды мне жизнь спас. По справедливости, я перед ним в долгу. Да и просто...

Как назвать это "просто", в котором множество всего смешалось, Деян так и не придумал, но капитан и не стал допытываться.

- Против воли втянул, говоришь? - спросил он вместо этого. - Ну, а ты ему зачем?

- Сам не могу взять в толк. - Деян пожал плечами. - Пожалуй что, я ему вместо козленка.

- То есть? - Капитан нахмурился. - Не понимаю.

- Когда еще мать с отцом живы были, через четыре дома от нас жила тетка одна - Лекой ее звали, - сказал Деян. - Раз, пока она у родни в Волковке ночевала, случился большой пожар. Счастье наше - огонь не на нас, в другую сторону пошел; я сам ничего того не помню, но мать рассказывала. Шесть домов сгорело, люди - кто спастись успел, а кто нет. У Леки семья большая была, и вся погибла: старики, видно, сразу угорели, муж с испугу без детей выбежал, потом обратно метнулся, брат за ним - да так назад и не выбрался никто, крыша обвалилась. Всего добра уцелело - один козленок, который на чужом дворе был. У Леки перед пожаром коза от хвори какой-то внутренней издохла, а козленок - совсем маленький еще - с виду здоровый был, ну его к чужой кормящей скотине и отнесли, авось примет; вот и остался он, и выжил. К зиме всем миром жилье погорельцам отстроили, отгоревали. А Лека козленка своего подросшего забрала и с тех пор стала с ним дружбу водить: в непогоду в дом брала,

разговаривала с ним, как с человеком; то братцем звала, то сынком.

- Помешалась что ль? - недоуменно спросил капитан.

- Нет, она в своем уме была, не подумай: понимала, что к чему, что козел - скотина бессловесная, неблагодарная. Но все чувство, что родне, мужу да сыновьям раньше шло, козленку тому отдавала, чтоб с горя не убиться. А потом в привычку вошло... Сватались к ней мужики - да она всем от ворот поворот давала. Потом она со всей скотиной церемониться начала. Кроме коз и коровы, еще два десятка свиней у нее было; расплодились - поросят резать жалела. Жили в тесноте и грязи, вонь от них стояла - на три двора; как померла старуха, соседи всех забили: надоело уж очень. Но перед самой смертью она молодняк выгнала в лес, к кабанам; потомки до сих пор, может, бегают. А я смотрю на Голема, на себя - и вспоминаю Леку и ее козла, - с натянутой улыбкой закончил Деян.

Капитан недоверчиво хмыкнул.

- Ты бы себя видел давеча со стороны! Ага, позволил бы он тебе глотку драть, если б за козленка держал. Как же!

- Да мне вот думается - в том-то и беда, что позволил, - со вздохом сказал Деян. - Совсем дошел человек... Не к моей выгоде переубеждать тебя, Ранко, но, по-моему, твоя темная лошадка хромает на все четыре ноги.

- Лучше уж хромая лошадь, чем пешком ковылять, - отмахнулся капитан.

"Что-то в нем есть странное, - подумал Деян. - Даже очень".

Капитан подлил себе вина.

- Все, кого я встречал последние дни, рады были бы бежать от войны, - сказал Деян. - Ну, кроме Голема: он, понятно, не в счет. Даже твой сержант вчера боялся, что его отправят с нами назад. И остальные твои люди недовольны: я слышал утром, как они между собой говорили. Оно понятно - дело опасное... Но ты - ты будто бы и рад! Снова возвращаю тебе твой вопрос, капитан Альбут: что не так с *тобой*?

- Сказал же: сплю и вижу, как поджарю бергичевским ублюдкам пятки! - Капитан хищно оскалился.

Деян пожал плечами: "Не хочешь - не говори".

Разговор надолго прервался.

- VII -

Спустившийся вниз Джибанд о чем-то толковал в дальнем углу залы с помятого вида мужчиной в линялой красной шапке; Деян узнал в нем давешнего музыканта и прислушался - но великан наконец-то научился говорить тихо. Капитан, проследив за взглядом Деяна, тоже неодобрительно пробурчал что-то себе под нос.

Джибанд не удостоил их вниманием, но его собеседник, заметив к себе интерес, стянул шапку и отвесил шутовской поклон.

- Что это еще за хрен? - вполголоса спросил Деян.

Капитан скривился:

- Бард бродячий. Из тех, что ошиваются с маркитантами: вроде блох, только хуже... Этого хмыря вроде Выржеком звать. Не первый раз мне на глаза попадается!

Все вился вокруг и сюда увязался за Ритшофом, к Андрию пытался подобраться, а теперь вон твоими дружками занялся. Как пить дать, шпионит или для Бергича, или для Круга чародеев, волки их сожри: делать это их общество ничего полезного не делает, но суются господа колдуны всюду; и пока между собой собачатся, пакостят всем подряд помаленьку... Может, он и сам колдунишка мелкий, этот Выржек. Подвесить бы его за ноги и тряхнуть хорошенько - сразу бы все выложил! Жаль, повода нет. Ваш-то третий... - капитан взглянул вопросительно.

- Джеб Ригич, - подсказал Деян.

- А! Господин Джеб что в нем нашел?

Деян пожал плечами:

- Понятия не имею. Вообще он музыку любит, Рибен упоминал. А этот Выржек, ты сказал, бард. Может, поэтому...

- Может, - согласился капитан. - Бард он недурный.

Деян вздохнул украдкой о тех временах, когда для него, воспитанного на сказках матери и Сумасшедшей Вильмы, бродячий музыкант был бродячим музыкантом, фигурой безобидной и романтической, - и никем больше.

"Может, правда - колдун?" - Он заставил себя приглядеться к Джибандову собеседнику повнимательнее, всмотрелся в вытянутое, со скошенным подбородком и кривым горбатым носом лицо. Одет тот был не богато, но не бедно, лет ему могло быть чуть за тридцать, но могло и под пятьдесят. Эта неопределенность чем-то роднила его с Големом.

Деян поморщился. Бард - или не просто бард? Выржек определенно ему не нравился; но для Джибанда это вряд ли стало

бы аргументом. Потому приходилось надеяться, что повзрослевший и набравшийся опыта великан сам сумеет не вляпаться в неприятности.

Капитан вдруг подался вперед:

- Вопрос за вопрос, а, Деян?

Деян кивнул, невольно чуть отодвинувшись в сторону. Что-то в голосе Альбута заставило его насторожиться.

- Марима болтает, ты вчера с ней назвался Хемризом.

- Марима... - как завороженный, повторил за Альбутом Деян. Мгновением позже он сообразил, что Марима, должно быть, настоящее имя "Цветы"; но остальное яснее не стало.

Капитан ждал.

- Ну да, было такое, - растерянно сказал Деян. - А что?

- Почему?

- Первое, что в голову пришло.

Капитан ждал.

- Я встречал в прошлом человека с таким прозвищем, - добавил Деян. "А еще у меня его нога", - но этого Альбуту знать точно не следовало. Хотя вряд ли бы он поверил.

- Что же это был за человек? - с деланным безразличием спросил капитан.

- Дрянь был человек. - Деян прямо взглянул Альбуту в глаза, рассудив, что, чем бы ни был вызван капитанский интерес, врать мало смысла. - Дезертир и убийца. Встреча, на мое счастье, у нас получилась короткая. Но запоминающаяся. Он с приятелями пришел с оружием в руках в дом, где я жил. Грабить, насиловать и убивать.

- И?..

"Почему же тогда ты до сих пор жив?" - читалось в капитанских глазах.

- Думаю, в конце концов Хемриз убил бы и меня, и мою подругу, даже и того парня, что привел его к нам. Но вернулся Рибен и пальцами проткнул ему череп. - Эту подробность Деян посчитал не лишней - на случай, если капитан задумывает выкинуть какую-нибудь глупость.

Но тот долго молчал о чем-то одному ему известном, а затем откинулся назад, заметно расслабившись.

- Понятно. Видно, так Господь рассудил, - с неожиданной хрипотцой в голосе сказал он. Прокашлялся, отхлебнул вина. - Какая жизнь, такой и конец. Повезло тебе, что твой чародей не лыком шит. Хемриз был парень лихой: замучились бы старухи ваши мертвых хоронить.

- Повезло, - признал Деян. - Только с чего ты взял, что мы об одном человеке говорим? Мало ли, кого еще люди так же

прозвали.

Даже в маленькой Орыжи одно время жило сразу трое "Косых", а уж в "большом мире" мире тезок наверняка сыскалось бы пруд пруди, тогда как встретить среди огромного множества людей кого-то, кто знал бы того, кого знал ты, было невероятно и потому почти невозможно - так казалось Деяну.

Но капитан покачал головой, отметая возражения:

- Погоняло иноземное, так просто не придумаешь. Знали Хемриза здесь многие, а слыхали о нем - еще больше, и до тебя не сыскалось еще дурака себе его имечко присваивать, - сказал капитан без усмешки. Какое-то странное, горькое умиротворение теперь чувствовалось в выражении его лица. - Впрочем...

В десятке фраз он описал въевшуюся в память Деяна внешность покойника с поразительной точностью, упустив разве что дыры во лбу - что было простительно: ведь у живого Хемриза их не было.

- Ты прав, точно он, - признал Деян, подумав, что "большой мир" на поверку оказался не таким уж и большим.

- Да уж, новость... - Капитан махнул рукой, подзывая Мариму-"Цвету", и задумчиво посмотрел на Деяна. - Раз он у вас резню учинил, тебе за помин души выпить предлагать не буду. Но скажи... По-людски тело похоронили или волкам бросили?

- За оградой закопали, но священник наш, добрый человек, отходную за всех прочитал. Хотя родне наших покойников это не больно-то понравилось, - сказал Деян.

"И мне тоже: пока Терош соблюдал обряд, вся Орыжь на меня таращилась и на труп этот одноногий со лбом пробитым..."

- Не пойми неправильно: я его не оправдываю. - Капитан щедро плеснул себе из принесенной Цветой бутылки и удержал девушку за локоть. - Давай со мной, Марима. Чтоб по обычаю, не одному. Тут весточка прилетела: Берама Горбатая нашла, - пояснил он в ответ на ее удивленный взгляд.

- А-а, - протянула она. - Ну давай. - Она кивнула капитану, но садиться не стала, а оглянулась на дверь, ведущую на кухню. - Погоди чуть: доделаю дело и вернусь.

- Я тебя понимаю, - сказал Деян, когда она ушла. "Кенек Пабал был моим другом", - крутилось в голове. - Сожалеть о смерти... по-настоящему Хемриза Берамом звали?

- Берамом Шантрумом.

- Сожалеть мне не с руки: я, уж прости, рад его смерти. Но выпить с вами по обычаю, раз так положено, - почему бы и нет? - закончил Деян, удивляясь сам себе. Почему-то он не чувствовал сейчас ненависти к мертвому убийце: злость отгорела, страх забылся. Осталось только щекочущее чувство какой-то неясной

связи, родства, вчера толкнувшее его назваться тем же прозвищем, а сегодня его рукой подтолкнувшее к капитану Альбуту кружку.

Капитана он понимал хорошо, куда лучше, чем хотел.

"Если бы я тогда решился... если бы Голем тогда убил и Кена, что бы сейчас было?" - эта мысль по ночам часто возвращалась к нему и зудела, как клоповый укус, не давая заснуть. На душе было бы спокойнее, но...

"Ты так же ворочался бы по ночам, сожалея уже не о бездействии, но об убийстве", - подумал Деян.

- Твой Хемриз вернулся не один, капитан, - сказал он. - Его привел наш земляк, которого я прежде звал другом. На него ни у кого из нас рука не поднялась: посадили под замок, но оставили жить... Вот я все думаю - зря или нет?

Капитан пожевал губу.

- Я бы сказал, зря. Опрометчиво. Но раз он, - капитан указал взглядом на лестницу наверх, в комнаты, где спал одурманенный лекарствами Харраны чародей, - вам разрешил, то, наверное, ничего страшного.

"Надо же!" - Деян недоверчиво покачал головой. В словах капитана звучало совершенно искреннее почтение к Голему. Это было полезно для дела, но немного пугало.

Деян пододвинулся на скамье, освобождая место вовремя вернувшейся Мариме-"Цвете". Хотя бы к ней у него никаких вопросов не было. Как не было больше и влечения: после ночи осталась лишь легкая приязнь, как к неблизкой, но доброй знакомой; и она вела себя с ним так же - по-видимому, чувствуя то же самое.

Похожим образом она держалась и с капитаном, хотя их знакомство явно было намного более давним.

- Берам умер, значит... Ну, земля ему пухом. - Она отхлебнула крепкой и очень горькой выпивки, закашлялась. - Тяжелый он был человек. Раз, помню, чуть с пьяных глаз шею мне не свернул: то ли злость на весь свет разобрала, то ли померещилось ему чего. А другой раз головорезы заезжие меня на улице зажали - так он мимо шел, увидел и встрял, двоих уложил и третьего покалечил, меня, считай, спас. И даже погулять тут в благодарность на дармовщину отказался. Тяжелый был человек, лихой: пусть грехи ему простятся, добро зачтется. - Она хлебнула еще и посмотрела на Альбута. - Что ж за дрянное пойло, прости Господи! Берамово любимое, да? И как только вы его хлестали постоянно!

Капитан хмыкнул.

- Молодые были и бедные. А Берам хорошее пойло от плохого всегда отличал по тому, как скоро оно валит его с ног: быстро -

значит, хорошее!

Марима ответила непристойной шуткой; Альбут стал рассказывать, как Берам-"Хемриз" давным-давно в какой-то военной заварушке освободился сам из плена и вывел десятерых товарищей; потом снова заговорила Марима. Она то и дело искоса поглядывала на Деяна, по-видимому, гадая, какое отношение он имеет к покойному Бераму и к тому, как тот покойным стал. Но ни о чем не спрашивала.

Деян вытянул под столом ногу, которая после дневной ходьбы все еще ныла, и осторожно пригубил настойку: дрянь в самом деле была редкостная, даже мерзче давешнего чародейского пойла.

Слушать о том, что подонок и убийца когда-то кого-то спас, кому-то помог, было странно. Мариме вспомнить о Бераме-"Хемризе" что-то хорошее стоило недюжинных усилий - но то, что рассказывала, она не выдумывала, и припомнить побольше она старалась искренне: Берам был для нее плохим человеком - но человеком, а не волком, явившимся резать овец... И, к счастью для тех овец, попавшийся на зуб - на три пальца - к захожему шатуну, которому достало благородства за овец вступиться.

"Пес его поймет, колдуна чудного. - Деян подумал о Големе и поежился, снова со стыдом вспомнив свою недавнюю ярость. С самой Орыжи чародей прощал ему много такого, за что люди вроде Берама убили бы, не задумываясь, кого угодно, хоть родного брата. - Надо будет с ним объясниться. Извиниться как-то, что ли".

- VIII -

Странные поминки продолжались. Марима-"Цвета" отошла пошептаться со вставшим за стойку Лэшем, но вскоре снова вернулась за стол. От крепкой настойки Альбут заметно захмелел:

- А ведь по правде дрянь одна все это, Марима. Дрянь, дерьмо собачье! - заявил он вдруг. - И пойло это, и забегаловка ваша, уж прости, и город этот - выгребная яма.

- Да уж не поспоришь, - со смешком отозвалась девушка.

Деяну вспомнилось, с какой ненавистью говорила она о городе ночью. - Ну, будет, Ранко: не расходись, ты пьян.

- И мы сами не лучше: дрянь, черви, - с горечью продолжал он, не слушая. - Потому в срани такой и живем: Господь справедлив, воздает по заслугам. И за глупость, и за сговор с еретиками - вдвойне; их же руками вам отсыплет. Зря ты своего дурня, - он бросил короткий взгляд на стойку, где стоял Лэшворт, - не убедила уехать, помяни мое слово: зря.

- Видно будет, - пожала плечами она. - Ты вон тут сидишь, а Берам бежал. И где теперь Берам? Срезали под корешок: только запашок и остался, - переиначила она какую-то местную поговорку, чем заставила капитана заскрежетать зубами.

В разговоре наступила долгая неуютная пауза. Деян подумал, что лучшей возможности разузнать что-нибудь не представится; но по-простому, в лоб, спросить капитана: "Кем он тебе приходился?" - показалось неловко, да и тот ни разу прямо не обмолвился, что был хорошо знаком с покойным.

- Ранко, а почему "Хемриз"? - вместо этого спросил Деян. - Я слышал, это вроде как "резчик". Чудное для солдата прозвище.

Две пары глаз тотчас уставились на него; Цвета посмотрела осуждающе и тотчас отвернулась к Альбуту. А тот...

Тот смотрел странно и недобро.

- Если вопрос неуместный, извини, - быстро сказал Деян. - Просто... интересно.

- Слыхал сказку о трех братьях? Первый был сильный, второй - храбрый, а третий - дурак. - Капитан Альбут усмехнулся беззлобно, но как-то неприятно. - И жили они коротко ли, долго ли, но нескучно, а кое-в чем даже и счастливо.

- Слыхал, - коротко ответил Деян. Таких сказок он знал множество, но в тех, что ему нравились, старшие братья не погибали на бессмысленной войне за сотни верст от дома...

- Все слыхали: у каждого когда-то мамка была, - со вздохом сказал капитан. - Даже у Берама, хоть и таскала его за пятку вверх тормашками и называла паршивым крысенышем. Он и был как крысеныш: мелкий, юркий, злобный, отчаянный - и вырос в отличного бойца. - Капитан сжал кулак. - Среди новобранцев Второго Горьевского стрелкового полка было трое побратимов из одной деревеньки родом, и Берам Шантрум среди этих троих шел за "Храброго". Жошаб Гурниш звался "Силачом". А третий, что с ними был... - капитан ухмыльнулся, - третий был дурак-дураком, без особых способностей. Но такой же бешеный ублюдок, как Берам и Жош.

По тому, с каким вниманием прислушивалась Цвета, несложно было догадаться: она тоже слышит эту историю

впервые.

- Держались они друг за друга крепко: дружки их "горьевскими братьями" прозвали, по названию, значит, полка, - продолжил капитан. - Слава за ними шла лихая. За три неполных года - по несколько медалей наградных у каждого, но и взысканий - по два листа; Берама из сержантов дважды разжаловали. И секли их, и под арест сажали, и вешать собирались - но выпускали скоро... В ту пору у командиров спрос был на бешеных не тот, что сейчас. Война была другая. Все было другое! А сейчас к гадалке не ходи: или Бергич бабу королевскую отымел, или самому Вимилу на брильянты бабенке новой монет в казне не хватило - за то и режем с бергичевцами друг друга: за бабьи юбки да королевские слюни; как подумаешь, противно делается. - Капитан шумно отхлебнул, утер рукавом усы. - А тогда - другое дело... У нас с хавбагами старый спор - еще дед мой, земля пухом, рассказывал, как задавали жару поганцам; то мы к ним лезли, то они к нам - тесно нам под одним небом; и хлеб на их островах каменных растет, говорят, скверно. В землю нашу зубами вгрызались! Бойцы знатные, с бергичевцами никакого сравнения нет. И непоняток прежде не было: они бьются насмерть, мы бьемся насмерть, чего ж тут не понимать. Уважение даже между нами было, несмотря на то, что еретики они и безбожники. Год война шла, на год стихала, и опять... Горьевский полк без дела не сидел, а с ним и "братья". Но потом пошли в штабе бабьи разговоры: про милосердие, про перемирие... Дескать, хватит друг дружку резать, пора разойтись по хорошему; и это после всего! - Капитан ударил кулаком по столу. - Но приказ от самого Вимила шел, так сказали. Велено было крови зазря не лить и, значит, показать готовность к миру. Чтоб переговоры сподручнее вести было. Командиры, чтоб, мать их, "показать готовность", придумали обмен пленными устроить. Приказ есть приказ: хочешь не хочешь, а надо выполнять... Но бывалый солдат в дурном приказе всегда лазейку найдет. - Он осклабился зло и страшно. - Батальон, где братья служили, незадолго до того госпиталь захватил, в старой каменной усадьбе устроенный. Видно, при отступлении раненых вывезти хавбаги не смогли, да так и бросили. Но дрались недобитки, как сущие бесы! Сжечь надо было всю усадьбу, но там и наши люди оказаться могли - противник тоже к перемирию готовился... Не стали жечь, взяли штурмом; пять дюжин штыков потеряли! Лекарь, который там всем заправлял, хорошо оборону устроил - даром что одни бабы в помощниках и тяжелораненые. И вот их-то всех - кого не убили сразу - генералы горьевцам и приказали под обмен выпустить; им-то плевать, сколько хороших ребят полегло, пока госпиталь этот

клятый брали! Но лейтенант с сержантом, земля им пухом - оба они погибли скоро, - не случайно братьев в охрану поставили и в другую сторону смотрели. Берам после штурма с перебитой рукой ходил, злой, как сам Владыка, - а тут еще такие дела! Ну, он и придумал, как со всеми поквитаться: калечить пленных запрещено было, но царапнуть ножом - это ж разве калечить? Раненых трогать не стал, проявил, мать его, "милосердие", но обоим лекарям выжившим и сестрам-помощницам вырезал на лбу по амблигону и заявил прилюдно, дескать, что это - не в наказание, а наоборот. В знак нашей благодарности и для их же безопасности: чтоб в следующий раз отличить их среди других и не убить нечаянно. Побратимам и остальным ребятам из караула шутка страсть как понравилась. - Капитан снова прервался ненадолго, чтобы промочить глотку.

- Закончив дело, Берам к остальным пленным пошел и там слух пустил, что, врачеватели и сестры по отметине получили за сотрудничество с дарвенцами, - продолжил он. - Слушок на благодатную почву упал: их лекари в самом деле кое-кого из наших раненных перед тем залатали, под угрозой расправы, но все же. Так что хавбагские солдаты Бераму поверили, тем паче врать он был мастак. Полковник обо всем узнал, конечно, еще до обмена, но что ему было делать? На вопросы хавбагского командира он только плечами пожал: не знаю, мол, что и откуда. Берам с побратимами рытьем выгребных ям отделался, ну и прозвище получил на всю жизнь. Первым его "Хемризом" хавбагский лекарь обозвал, пока Берам на его глазах сестричкам лбы разукрашивал: все хваленое достоинство и выдержку растерял, Хранителями клялся отыскать и убить, а Берам, понятно, только посмеивался... Тот хоть и громила был, и колдун сильный - связали его заговоренной веревкой против колдовства и держали вчетвером, так что только слюной брызгать бедолага и мог. А горьевцы, глядя на то, со смеху покатывались; рассказы по всему полку разошлись. Потом перемирие подписали, время прошло, и таким уж забавным это все перестало казаться, приелось. А погоняло за Берамом осталось. И лучше его в этих краях не поминать зазря: хотя всей истории люди непричастные нынче не помнят уже, Горьевский полк тут, бывало, неподалеку подолгу стоял, и Берам многим запомнился... по-всякому.

"Да понял я, понял". - Отчего-то Деяну совсем не хотелось смотреть на капитана и не хотелось, чтобы тот говорил дальше. Но Альбут продолжал сухо и по-деловому, будто делал доклад. Насколько очевидно было то, что говорит он о себе, настолько и то, что не стоит мешать ему в этой маленькой хитрости.

- Полковник все надеялся отметить братьев, но Берам по

службе так и не продвинулся: слишком много чудил и Жошаба-Силача подбивал на выходки. Зато младшему, дураку, повезло: кто-то посчитал, что он достаточно туп, чтобы правильно салютовать генералам и без запинки отдавать приказы, и направил его за казенный счет в офицерское училище... Через два года вернулся он в полк лейтенантом, братья воссоединились, но прежней дружбы между ними уже не было. Вскоре все для них пошло наперекосяк. Ушел Силач, дезертировал: моча в голову ударила - сбежал к лесной ведьме, с которой снюхался, когда по деревням провиант собирать ходил... Недалече отсюда дело было, всего-то несколько дней пути, но чтоб его прокурорские поймали - не слыхал. А жив он или помер - не имею понятия, но думается отчего-то, что помер, и давно...

Деян от души хлебнул из кружки, пытаясь заглушить неприятное чувство, что, в отличие от капитана, наверняка знает, что случилось со вторым "братом" и под стеной какой лесной хижины лежат его кости; но поминать двух негодяев в один день было бы уже слишком.

- Младший, лейтенант-дурак, еще прежде о переводе на должность при епархии попросил: связи у него подходящие были, - говорил тем временем капитан. - А Берам потихоньку стал сдавать. Поначалу еще ничего, но как Бергичевский бунт разгорелся, как отступать стали, как слухи пошли... Струсил Храбрец. - Капитан замолчал, ожидая, по-видимому, вопроса, но, не дождавшись, продолжил сам. - Лекарям и сестрам, которых Берам с побратимами разукрасили, у своих несладко пришлось; их командиры не умнее наших были. Оправданиям не поверили и знак чужой веры на лбу посчитать подлой раной отказались. Казнить - не казнили: у хавбагов странные обычаи... От них потребовали или отречься от своего народа и не возвращаться больше на родину, или признать вину перед Хранителями и всем миром: понести наказание и дать клятву, что более предательство не повторится. Но ложное покаяние, ложная клятва - для честного хавбага это хуже смерти. До братьев доходили слухи, что все жертвы выбрали изгнание; их проводили молчанием и вычеркнули из родовых книг. Оказалось, однако, иначе. Тот лекаришка, что в госпитальной палатке клялся Берама однажды разыскать и прикончить, посчитал, что та клятва дороже всех других. "Марагар", то есть "меченый роком" - так его теперь между собой хавбаги зовут. - Лицо капитана исказила гримаса отвращения и ненависти; но страха в ней не было ни толики. - Он принес покаяние. И после того, как отбыл срок в заключении на Островах, вернулся сюда, на материк, вступил в один из наемных хавбагских отрядов и сделал там карьеру. И сейчас он во всей их

наемной армии - первый лекарь... И своих пользует, но больше - пленных. Вот ты, дура, думаешь, небось - раз лекарем называется, так и вправду лечит! - Капитан отчего-то зло уставился на Цвету. - Милосердие! Как бы не так. Одного из ста, может, и лечат для виду, пока остальные на голой земле лежат, никому не нужные, - и это им еще свезло, коли так. Лекари у хавбагов - первые мастера допросы вести: пытать Хранители им не велят, так можно ж залечить до того, что мать родную не узнаешь - и это вроде как не в счет. А колдунам в таких "лечениях" свой интерес. В узел людей завязывают, из двух одного лепят, да так, чтоб и баба, и мужик вышел - якобы лекарскую науку так изучают. Черное колдовство, жуткое. Даже среди еретиков мало охотников до такой службы. Марагар, знающие люди говорят, истязатель шибко одаренный. Даже сами хавбаги его побаиваются... Слухи о нем по всей армии ходят; дошли в свое время и до Берама. Дураки думают, Марагар делом таким занялся, потому как выбора не было - для меченого, для предателя работа такая в самый раз. И диву даются - почему он теперь, когда имя и положение себе сделал, на родину не вернется и нормально жизнью не заживет. Ха! Горьевские - все, кто дюжину лет тому назад, в палатке был - вот те взаправду знают, отчего он службу такую себе выбрал и отчего оставить ее не желает. Знают, по чьи души он здесь сеть закинул и ждет, когда рыбки попадутся. Берам-Храбрец как прознал, что с бергичевцами хавбагские наемники на нас идут, а с хавбагами - Марагар, стал сам не свой. Пробрал его страх и с ума свел: на том и кончился храбрец. - Капитан покачал головой. - Последнее соображение потерял и совесть; потом писарь полковой мне рассказал, что подбил Берам мальчишек каких-то на мятеж, офицера своего зарезал и был таков... Но, как сегодня выяснилось, и того ему мало оказалось: разбоем занялся. И кончил в собачьей яме за оградой, мир праху его. - Альбут, ни на кого не взглянув, одним глотком осушил стакан и уставился в стол.

- Да уж, история, - пробормотала Марима.

- Не он первый, не он последний, кого страх ума лишил. У многих горьевцев-ветеранов, кто еще жив и воюет, сейчас поджилки трясутся. Прошлое рано или поздно нагоняет всех. - Капитан продолжал говорить с пьяным остервенением, и в его голосе по-прежнему не слышалась страха - лишь горечь и гнев, и, может быть, толика жалости к самому себе. - Младшего дурака оно догнало и того раньше: потому он службу сменил и обо всех новостях из третьих рук узнавал... Еще прежде, в училище поднабравшись ума, он прошлыми делами гордиться перестал, да только что с того? Сделанного не воротишь. И однажды он

встретил женщину... - Голос его дрогнул. - Необычайной красоты женщину, пусть и одевалась та чудно*о*. По дороге со службы на зимнюю квартиру случилось ему разнимать жестокую драку; двое солдат были легко ранены и один серьезно. Раненый угрожал истечь кровью, и чтобы не терять времени, дурак приказал отнести беднягу в ближайший дом, где, как шепнули ему, жила чужеземка без лекарской лицензии - но очень сведущая... Дурак увидел ее и влюбился, как... как дурак. Она без охоты принимала его, но не гнала. Счастья у них не случилось; не любовь - одно мучение. Даже жениться, как положено, дурак не смог: канцелярия без священнического одобрения, хоть бы и от жрецов-еретиков, супружество не регистрирует. Долго дурак упрашивал, но чужеземка истинного Господа не пожелала принять. Он бы сам на грех пошел - Господь милостив! - но единоверцы подруги его тоже не пожелали благословить брака, поскольку от веры и народа своего она была отлучена... Будь между ними какой-никакой законный брак, люди бы не смотрели косо; лицензию ей, может статься, удалось бы выбить, жалованье бы можно без помех пересылать; да хоть вдовья премия ей перепала бы, когда дурак голову сложит... А так - грех один да неудобства. Ни счастья между ними не случилось, ни хоть чего хорошего: но отчего-то не разошлись. Так и живут, мучат себя и друг друга, по сей день. И я там был, с дураком брагу пил... - Капитан отхлебнул из споро наполненного Цветой стакана, поморщился, утер усы. - Дрянь все-таки пойло. И сказка моя - дрянь. Не про трех братьев она: про трех дураков и трех подонков. Да, Марима?

Побледневшая девушка во все глаза смотрела на дверь, в которую всего пару часов назад вышла Харрана, и Деян с обжигающей ясностью понял, что знает, отчего той приходится так низко повязывать платок на лоб.

- IX -

- Господь Всемогущий, Ранко... - Марима-"Цвета" перевела взгляд на капитана. На глазах у нее выступили слезы, но за ними плескался страх, и вряд ли зверства прошлого были тому причины.

Не пожалеет ли утром Альбут о своей пьяной откровенности

и не избавится ли от свидетелей единственным доступным и надежным способом - вот что пугало ее; и это опасение вряд ли можно было поставить ей в вину.

- Марима, глупая твоя голова, - хмыкнул капитан; ее нехитрые страхи были ему очевидны. - Нешто я зверь? Ну, положим, так, зверь я и есть; но зверь прирученный. Кормящую руку не кусаю. Разве я хоть раз тебе дурное сделал?

- Нет, - прошептала Марима. - Но это... это...

Рука ее, сжавшая стакан, задрожала. Одним глотком она допила его; надсадно закашлялась.

- Эх ты! - Капитан раздосадовано покачал головой. - Я в здравом уме, хоть и пьян. Не начнешь направо-налево болтать - бояться меня нечего... А если и начнешь - все одно нечего. Не тебе меня бояться.

- Она знает? - тихо спросил Деян, кивнув на дверь. Услышанное мало касалось его - и все же легло на душу тяжелым камнем.

- Нет, - ответил капитан и сразу же поправил сам себя, - надеюсь, нет... Но иногда... Она говорит иногда о мести, о том, как поквиталась бы с негодяями, представься ей такой случай. Когда полк еще стоял неподалеку, мне стоило немалого труда устроить так, чтобы они никогда не сталкивались с Берамом. Пришлось кое-кого подкупить, чтобы его лишали увольнительных; Берам прознал об этом: на том и кончились остатки нашей дружбы... Иногда мне кажется - она все знает. Но тогда я не сидел бы сейчас с вами. Она не может знать, нет! Я много раз сам хотел ей сказать. И раньше, и сегодня хотел... Подумал, вдруг все-таки уедет. Но не смог и рта раскрыть. - Такая неподдельная боль звучала в голосе капитана, что Деяна передернуло. - Увечных и болящих своих она любит; среди ночи пойдет, если позовут. А я ей - что я? Надоел давно, скуку скрасить - и то не гожусь. Право слово, хоть руку себе отстреливай! - Капитан засмеялся злым сухим смехом. Несколько выпивох из-за дальнего стола обернулись в его сторону; он показал им кулак. - Ну да что уж теперь. Поздно.

- Ты все это рассказываешь... Как будто прощаешься, - нетвердым голосом сказала Марима. Кровь вновь прилила к ее лицу, на пухлых щеках от выпитого горел багровый румянец.

- Как знать. - Капитан равнодушно пожал плечами. - Берам мертв. Жошаб исчез: наверняка еще раньше в землю лег. Я последний остался небо коптить. Господь когда захочет, тогда и приберет.

- Да ну тебя! Ты это брось. Настроения такие. Нельзя так, Ранко. - Марима, позабыв свой страх, подалась вперед. - Берам

сложный человек был. И ты непрост. Но мне ты друг... Друг ведь? Друг. Чего тебе погибать? Жить надо!

- Ладно, ладно, уговорила! - засмеялся Альбут. Глаза его оставались как камень, - холодные, неживые, - но Марима была слишком пьяна, чтобы это заметить, и довольно улыбнулась в ответ, а затем перегнулась через стол и поцеловала капитана в небритую щеку.

- Ну вот! Другое дело!

Лэшворт из-за стойки поглядывал в их сторону с недовольством, в котором легко угадывалась ревность. Деян невольно присвистнул: похоже, Марима не только прислуживала в зале и в постелях важных постояльцев, но и была хозяину любовницей, а Ранко Альбут к важным постояльцем не относился и, в отличие от них, не исчезал через день-два навсегда, а часто возвращался в город. Такая интрижка была хозяину обидна.

"Но какая расчетливость! - несмотря на омерзение, Деян не мог на миг им не восхититься. - Или..."

Ему вдруг пришло в голову, что девушка вполне могла вчера и соврать, сказав, что ее отправил господин Лэшворт, а сама явиться к ним против его воли. Из беспокойства за Лэшвортову судьбу или из стремления свести знакомство с чародеями, в надежде отправиться с ними на поиски лучшей жизни? Или из простого любопытства...

- Жить надо: верно говорю, а, колдун "Хемриз"? - Марима по-свойски приобняла его за плечи. - Ты не думай, что у нас тут головорезы одни и неудачники. Всякие люди бывают. Вот ты - славный малый. Так даже и не подумаешь, что колдун.

- Да не колдун я! - раздосадованно сказал Деян, чуть отодвигаясь. - Да уж... всякие, - добавил он уже тише.

Заиграла лютня. Давешний Джибандов собеседник под одобрительные хлопки взобрался на возвышение, служившее сценой.

Он затянул чуть гнусавым голосом песнь; говорилось в ней о неприступной Башне и заточенной в ней Принцессе, о Черном Чародее и храбром Рыцаре, о доблести и предательстве... Настолько неуместной эта древняя баллада казалась здесь, на постоялом дворе в обреченном городе, среди ожесточенных и обездоленных войной людей, что сводило зубы. Но, вопреки всему, люди слушали со вниманием, какого невозможно было от них ожидать; у некоторых на глазах блестели слезы.

Деян тихо встал из-за стола, пробрался к выходу и выскользнул на улицу.

Похолодало; шел мелкий снег с дождем, дул хлесткий холодный ветер. Он будто выстудил и унес с улицы все звуки;

только из неплотно прикрытого окна харчевни можно было слышать обрывки следующей песни.

Из дверей вышел трактирщик с масляным фонарем в руке и встал рядом. Потоптался, промычал что-то неразборчивое, но заговорить первым так и не решился.

- Можете не беспокоиться, господин Лэшворт, - сказал Деян. Ему вдруг жалко стало этого ссутулившегося человека, зябнувшего на холодном ветру, напуганного, униженного в собственном доме. - Завтра мы уедем и больше не вернемся. Князь Ригич вас не тронет. Ни вас, ни ваших людей... ни Мариму.

Трактирщик медленно кивнул; на его некрасивом лице Деяну почудилась благодарность.

- Но здесь делается опасно. Прошу, подумайте об отъезде, - рискнул продолжить Деян.

- Не могу. - Лэшворт покачал головой. - Я должен...

Он сошел с крыльца на мощеную дорожку, ведущую ко входу, и повесил фонарь на столб взамен потухшего. Но не ушел, а так и остался стоять, глядя на пустую дорогу перед собой.

В массивной фигуре этого несимпатичного и мелочного человека чудилось сейчас в это мгновение что-то величественное.

Деян на прощание кивнул трактирщику и вернулся в харчевню. Постоял немного у дверей, слушая гнусавое пение музыканта, и отправился наверх в отведенную трактирщиком комнату; но у самой лестницы дорогу вдруг заступил Джибанд.

- У тебя все в порядке? - почти не шевеля губами, окликнул его великан.

- Ну да, порядок... - растеряно ответил Деян. - Насколько нынче вообще есть порядок.

Джибанд качнул огромной головой; в неживых глазах вспыхнула искра алракцитовой рыжины:

- Нынче все *неправильно*. Это плохо.

- Да уж не хорошо, - согласился Деян.

- Такое будущее не должно было сбыться, но сбылось, - сказал великан. - И я не должен был сбыться - но я здесь. И ты здесь... И это все сделал мастер.

- Да, - снова осторожно согласился Деян. - Натворил твой мастер дел.

- Он дал мне мою жизнь и не забрал ее назад, когда подошел срок, но вместо того доверил свою. А мне нечего дать ему взамен.

- Ты и не должен, - сказал Деян. - Ведь вы с ним суть одно...

- Вот именно, - сказал Джибанд, и алракцитовые искры в его глазах будто разгорелись ярче. - Мы - Голем. Деян, а тебе снятся сны?

- Иногда.

- На что они похожи?

- Ну... - Деян задумался; объяснить, на что похожи сны тому, кто их не видит, было непросто. - На обычную жизнь похожи: только путаную, немного нелепую, немного... *ненастоящую*.

- Как здесь; как у нас с тобой, - Джибанд улыбнулся изуродованным лицом и посторонился. - Спокойной ночи, Деян. Хороших тебе снов.

Позже Деян не раз и не два вспоминал этот разговор, силясь разгадать, что за ним крылось, и жалел, что поспешил уйти; но тогда он лишь в ответ пожелал великану хорошего вечера в ответ и поднялся наверх.

Музыкант на помосте все пел и пел - о любви и о предательстве, об отчаянии и надежде, - пел и безбожно фальшивил; казалось порой, что делает он это специально - чтобы слушателям легче было петь вместе с ним.

- X-

Беспрепятственно пройдя через темную комнату, Деян было понадеялся, что чародей, одурманенный лекарствами, спит. Но стоило только усесться на мягкий тюфяк, как темнота негромко окликнула его:

- Деян.

- Что?

Но темнота молчала.

Так и не дождавшись ответа, Деян, переборов неохоту, встал, запалил свечу и прошел к кровати чародея. Прислуга когда-то успела проветрить комнату и отскрести пол: больше не было духоты и смрада, и можно было ходить, не боясь вступить Владыка знает во что. Синюшная бледность с лица Голема почти сошла: он больше не выглядел смертельно больным; скорее, смертельно уставшим.

- Рад, что тебе лучше, - сказал Деян.

- Если бы я здесь умер, это было бы немного некстати. - Голем слабо усмехнулся.

- Так что ты хотел? Я слушаю.

- Лучше расскажи, где ты нашел эту женщину?

- Харрану? Капитан к ней отвел. Они вроде как давно знакомы. - Деян посчитал, что подробности Голему знать будет

излишне; во всяком случае, сейчас.

- Так я и думал. - Голем действительно удовлетворился кратким ответом. - Ну что, осмотрелся здесь худо-бедно за два дня? Как тебе город?

Деян вздохнул украдкой. К счастью или нет, но чародей явно не был настроен ругаться; просто хотел поговорить. Услышать что-нибудь хорошее, наверное.

- Нынче не лучшее время, чтоб осматриваться. - Поколебавшись на мгновение, Деян пододвинул себе табурет и сел. - Город, ну... Странный он. Не так я себе это представлял.

- Как - не так?

- Ну... Больше, выше. Совсем не похожим на Орыжь. С большими каменными домами, внушительней, красивее... Чище. - Прямо признаваться чародею, что Нелов кажется ему отвратительной смрадной дырой - "и стоило ради такого стремиться в большой мир?" - не хотелось, но Голем понял и сам:

- О мире по одним сказкам и россказням пьяным судить неверно, - сказал он. - Города бывают всякие. И гаже этого, и лучше, много лучше... Хотел бы я снова увидеть Ирталь! - Чародей улыбнулся. - Но его нет больше: забрало море - еще на моей памяти... В юности я был дурак: мне редко нравились города, непригодные для войны. Но знатоки называли Ирталь чудом рук человеческих; там было на что посмотреть. Джеб бы рассказал лучше, но кое-что помню и я.

Голем начал подробно и скучно рассказывать о прекрасных белокаменных статуях, о державших крыши святилищ огромных колоннах, о каналах и бьющих из камня фонтанах и других чудесах.

Вопреки обычному, Деяна рассказ совсем не увлек: слишком много всего за прошедший день он услышал; слишком много тяжелых мыслей ворочалось в голове, и эта очевидная и неуклюжая попытка чародея его развлечь только добавляла им веса.

- Рибен! Почему ты не злишься? - не выдержав, перебил он. - Не задашь мне трепку?

- А должен? - Голем вскинул брови в картинном недоумении.

- Не валяй дурака! - сердито сказал Деян. - Я оскорбил тебя. Несколько раз. На виду у всех. Перед тобой знатные господа на карачки бухаются, рассердить боятся, а тут... Кто ты - и кто я...

- О как! - Голем присвистнул. - Раньше надо было думать, "свободный человек", кто ты и кто я. Много раньше, а теперь уж поздно переигрывать. Тебе так не кажется?

- Может, и кажется. А только ты не увиливай, - проворчал Деян. - Я еще не забыл, как ты старику Беону ребра крошил за

длинный язык. Едва насмерть не убил. А со мной тут лясы точишь.

- Ваш старик оскорбил мою жену и всех моих людей, с умыслом, и получил то, чего добивался. Смекаешь, в чем между вами разница? - Голем усмехнулся. - Деян, бывают случаи, когда я не могу сдержать себя, это верно, но если бы я кидался с кулаками на каждого, кто повышает на меня голос, Радислав дал бы мне отставку, а люди прозвали бы Безруким, потому что кулаки я стер бы по локоть. - Он помолчал немного. - А бросайся я на тех, кто пытается мне помочь, то не прожил бы на свете и полувека. К тому же ты везунчик... Днем я не мог и руки поднять; а до нынешнего часа у меня было навалом времени остыть. Но если ты настаиваешь на том, чтобы получить по лицу, - так и быть: только давай подождем до завтра: темно нынче - боюсь промазать.

- Опять все к шутке сводишь, колдун, - со вздохом сказал Деян; но от сердца немного отлегло. - И что прикажешь с тобой делать?

Голем, скривившись и сцепив зубы, осторожно сел в кровати.

- Раз уж ты спросил - помоги встать, - чуть задыхаясь, сказал он. - Если так пролежу до утра, завтра совсем двинуться не смогу: руки-ноги слушаться не будут.

Деяну, которому в свое время приходилось лежать без движения по многу дней, это чувство было хорошо знакомо, так что он без лишних слов пригнулся и позволил обхватить себя за шею.

Чародей навалился на его плечо всем весом; первые пять шагов до стены дались с огромным трудом. Но обратный путь оказался уже полегче.

- Я слышал, как вы говорили с Харраной. Твои дела в самом деле настолько плохи? - спросил Деян. - Не сейчас...Вообще.

- Не думаю, чтобы у меня или у Харраны хватало знаний наверняка судить об этом, - отозвался Голем, когда они снова добрались до стены.

- Хоть на один вопрос ты можешь сегодня ответить прямо?

- Не на этот, Деян. Не на этот.

- Ладно. - Деян сглотнул отчего-то вдруг подкативший к горлу ком. - Знахарка, что лечила меня, тоже всегда говорила надеяться на лучшее, если худшее от нас не зависит...

- Она была мудрой женщиной.

- Разве может мудрый человек быть сумасшедшим?

- Будь здесь старина Фил, он сказал бы, что не просто может, но даже обязан: в противном случае жизнь мудреца будет слишком скучна.

- А сам он, надо полагать, частенько сетовал на скуку?

- В яблочко! И обзывал скудоумными неучами не знавших скуки юнцов вроде меня, - сказал Голем.

- Уж на что, а на скуку Сумасшедшая Вильма никогда не жаловалась: все время что-нибудь делала, с больными возилась или лекарства готовила, или по дому. Но на ребят, случалось, ругалась. - Деян улыбнулся, вспомнив старуху; как она - невероятно давно! - кряхтя и ворча, так же помогала ему ковылять на одном костыле от стены к стене, как украдкой, чтобы он не слышал, отчитывала мальчишек, забравшихся к ней во двор и удумавших обтрясти незрелую еще сливу. - Было за что. Было...

"Господь Всемогущий! - Он осекся вдруг и замер на месте; словно небо разверзлось над его головой, окатило ледяной водой и пронзило молнией от макушки до пят. - Господи. Как я мог..."

За развлечениями минувшей ночи и утренними тревогами, за суетой длинного и тяжелого дня он забыл; начисто забыл о доме, о мясистом пальце полковника Варка Ритшофа, неотвратимой угрозой нависшем над родным клочком карты.

О том, что чародей освободил его ото всех обещаний и обязательств и что он волен был - или, вернее сказать, должен был, если ему дорог дом? - минувшим утром не метаться по незнакомому городу, пытаясь помочь чужому человеку, которому все равно невозможно помочь, а отправиться назад... И сейчас мог бы не ходить взад-вперед по комнате, а сидеть в повозке, которая с каждым часом приближала его к Орыжи.

Он не решил оставаться, нет, нет! Он позабыл - и целый день не вспоминал - о выборе, который должен был сделать; о том, что ему нужно скорее возвращаться, если он не хочет найти по приезду одни лишь мертвые тела и горелые бревна!

Осознание странной забывчивости этой было подобно удару. На миг потемнело в глазах, и сердце сжалось от жгучего стыда.

- Деян? Что такое? - Встревоженный чародей до боли сжал его плечо.

- Да ничего; просто о своих вспомнил. - Огромным усилием Деня овладел собой. - Ритшоф вчера показывал, бергичевские отряды близко грязь месят... Как думаешь, в порядке там все? Или...

Жуткие картины "или", словно настоящие, вставали перед глазами: черные остовы стен, наполовину выгоревшая, завалившаяся на бок мельница, и мертвые тела, привязанные к лопастям колеса. Только лиц было не различить - хотя бы за это Деян был безмерно благодарен своей фантазии.

- В смутное время всякое может случиться, - после долгого молчания с неохотой сказал Голем. - Но я надеюсь, все в порядке.

Должно быть в порядке.

- Да. - Деян нашел в себе силы согласиться. Кроме очевидного желания успокоить его в голосе чародея чувствовалась какая-то странная убежденность, отчего немного больше верилось в то, во что так хотелось верить: все и впрямь в порядке. Пока еще в порядке.

"Я потеряю лишь один день, если уеду утром. Один день не имеет большого значения... Но тогда не так уж важны и три дня? Нет: многое может случиться за три дня, а задержка может выйти много, много больше. Если этот самый Венжар вообще меня не повесит, в чем никакой уверенности тоже нет... Мрак. Как же все запуталось!"

Деян со смущением и тревогой взглянул на чародея, уверенный, что тому известны все его нехитрые раздумья и сомнения, но Голем, все внимание направлявший на то, чтобы переставлять ноги, не замечал его терзаний. В молчании они прошли еще раз от стены до стены; после Деян подвел его к окну, закрытому тонким прозрачным стеклом.

- О-ох. - Голем с видимым облегчением навалился локтями на широкий подоконник. - Там правда снег валит, или это у меня в глазах рябит?

- Правда. - Деян поставил свечу на подоконник. Окно выходило на вход в харчевню; Лэшворт уже ушел, но тускло горел оставленный им фонарь, и мокрый мелкий снег проносился мимо - словно мгновения, часы и дни мимо человеческого взора: сверкающий круговорот настоящего исчезал во тьме прошлого быстро и неотвратимо.

- В самом деле снег. - Деян зябко поежился от пришедшего на ум сравнения. - Уже настоящие холода подошли, или опять колдовские происки?

- Наверное, и то, и другое, - Голем потер глаза. - Пора уже снегу.

"Надо уезжать". - Деян смотрел на проносящийся через пятно света снег; перед глазами мелькали лица. Трактирщик Лэшворт и лже-"Цвета", капитан Альбут и Харрана, Голем и его давно умершая жена, отчего-то представлявшаяся Деяну немного похожей на постаревшую Пиму, вдову Халека Сторгича. Судьба была жестка к ним, но несчастия следовали за их выбором и решениями, за их желаниями и страхами; даже у Харраны был выбор - выбор между гордостью и родиной: она выбрала гордость.

На границе освещенного круга, за крутящейся снежной кашей Деяну мерещилась темная призрачная фигура Эльмы; мираж манил, звал за собой. В этом тянущем чувстве было что-то общее с колдовским зовом лесной ведьмы-повертухи - с той разницей,

что сейчас не было никакого колдовства.

"Надо уезжать. Пока не занесло, не закрутило это безумие..." - Деян сжал пальцы на холодном подоконнике, словно пытался удержаться за ускользающую реальность.

Мало было принять решение; еще нужно было решиться сказать об этом. Голем сам предложил ему уйти - и все же Деян чувствовал смущение и неловкость, будто собирался совершить нечто постыдное.

- Рибен, ты все-таки извини за сегодняшнее, - начал Деян.

- Брось.

- Нет уж. И сегодня, и раньше... Я много чего говорил и делал такого, чего говорить и делать не следовало.

- Это как посмотреть, Деян. - Голем бросил на него короткий взгляд исподлобья и снова уставился в окно. - Как посмотреть... Ты просил без шуток? Пожалуйста. Твоя доброта... ладно, твоя, если угодно, порядочность, - поспешно отмел он готовое последовать возражение, - она сохранила мне жизнь. Но твоя неприязнь сделала не меньше: она позволила мне сохранить рассудок... Возможно, и жизнь тоже.

- Я тебя не понимаю.

- Знаешь, как обычно проходит суд?

- Нет, - буркнул Деян, раздосадованный тем, что потерял нить разговора, так и не сказав главного. - При чем тут вообще это?

- Военный суд строг и скор на расправу; но в мирной жизни иначе. Кроме обвиняемого и судей есть обвинитель - прокурор. И есть защитник - адвокат; они изучают обстоятельства дела и выставляют их перед судом в выгодном для обвинения или защиты свете. Я не верю в Высший Суд, которым твой друг-священник стращал меня, Деян; я сам себе судья и сам себе обвинитель. Но своими попытками уязвить меня ты нечаянно оказал мне большую услугу. Обыкновенно твои нападки были, по правде, слишком наивны, но чувство, которое ты в них вкладывал, задевало меня за живое... Сделавшись моим прокурором, ты отнял эту роль у меня самого и вынудил выступать самому себе адвокатом. Лишь на время, но этого оказалось достаточно, чтобы удержаться на краю. Прими мою благодарность за то, за что желаешь извиниться; если бы не это, я...

Чародей замолчал надолго. Затем произнес нарочито по-деловому:

- Достаточно на сегодня разговоров. Давай лучше спать.

И так ясно видна была в эти мгновения прошедшая через все его существо трещина, в которую Варк Ритшоф и Ян Бервен накануне забили новые клинья, что Деян так и не сумел заставить

себя сказать то, что собирался.

"Завтра. Скажу с утра; невелика разница. Чего зря сон портить?" - в молчании он провел чародея до кровати, пожелал тому доброй ночи, вернулся в свой угол, затушил свечу и повалился на пахнущее сыростью одеяло. Глаза после бессонной ночи и тяжелого дня слипались, но сон не шел; в темноте под сомкнутыми веками все несся и несся из ниоткуда в никуда серо-белый снег.

И, сколько бы Деян ни ворочался в холодной сырой постели, - снег падал все время в одном направлении.

- XI -

Утром, когда Голем растолкал его, Деян едва смог разлепить веки.

- Я дал бы тебе отоспаться, но тут появилось одно дело, - извиняющимся тоном сказал Голем; вид он имел по-прежнему потрепанный, но держался на ногах без посторонней помощи.

- Да ничего... - Деян, зевнув, неохотно выбрался из-под одеяла и сел. Солнце поднялось уже довольно высоко. У окна стояла Харрана, с безразличным видом глядя на улицу.

Что-то еще непривычное было в этом утре, но спросонок никак не удавалось ухватить, что.

Отчаянно зевая, Деян заставил себя встать, плеснул в лицо воды из таза на столе, еще раз осмотрелся - и лишь тогда понял, что показалось странным. В комнате было слишком много места, потому как в ней отсутствовал Джибанд.

- А где Джеб? - спросил Деян, натягивая куртку. - Ждет внизу?

- Надо думать, уже где-то на полпути к переправе, - сказал Голем. - Он уехал ночью.

Глава шестнадцатая. Что однажды записано

- I -

- Как так - Джеб уехал? - тупо переспросил Деян. - Совсем?

- Вместе с тем музыкантом, Выржеком, и его приятелями, - буднично пояснил Голем. - Ты крепко спал, и Джеб не стал тебя будить. Он сожалеет, что не попрощался с тобой как следует, и просил передать извинения.

- Но он бы никуда не ушел без твоего позволения! - воскликнул Деян.

- Я отпустил его.

- Зачем?!

- У Джеба нет причин испытывать на прочность милосердие Венжара ен'Гарбдада: он сделал выбор в пользу жизни и свободы, - сказал Голем. - Кто я такой, чтобы мешать ему в этом?

- Ты...

- Безумец? - невозмутимо подсказал Голем. - Или просто дурак?

- Знаешь, Рибен, иногда очень похоже на то. - Деян тяжело опустился обратно на кровать. Мысли со сна едва ворочались, но чем лучше он осознавал случившееся, тем сильнее ему хотелось проснуться вновь - и чтоб ничего этого не было. - Ты хоть видел, что за тип этот Выржек? Говорят, он музыкантом только прикидывается, а сам из ваших... из колдунов то есть. Шпионит то ли на Бергича, то ли на этот ваш Круг или как его там.

Голем кивнул:

- Да, Джеб понимает это.

- И ты все равно его отпустил!

- Вряд ли господин Выржек более опасный спутник, чем я, - сказал Голем, усаживаясь на табурет. - У Джеба память ребенка, Деян, но разум взрослого чародея. И больше права поступать так, как ему вздумается, чем у меня или у тебя, потому как от

рождения этого права он был лишен... Небеса мне в свидетели, я хотел бы задержать его подле себя, но это было бы по отношению к нему огромной несправедливостью. - Он вздохнул. - Очень скоро я начну сожалеть о таком решении. Но это лучшее... это единственный верный мой выбор с тех пор, как я вернулся.

В отсутствии Джибанда он стал как будто выше ростом; но трещина, поразившая самую суть его существа, от этого сделалась только заметнее.

- Ну, положим, подонков тех в Эльмином доме ты тоже не зря перебил, - сказал Деян. "Мне-то что теперь делать?!" - хотелось ему выкрикнуть в лицо Голему, в прямую спину Харраны, в серое небо за тонким стеклом; но кричать было столь же бессмысленно, сколь и пытаться получить ответ от кого-то, кроме себя.

- Это было не решение, но долг, - сказал Голем. - Который я к тому же исполнил скверно.

Пока Деян обдумывал ответ, Харрана напомнила о себе тихим покашливанием. Голем обернулся к ней:

- Простите, я увлекся... - Он встал. - Вернемся к этому разговору потом, если захочешь, Деян. Харрана-абан-хо в качестве платы за свои услуги попросила меня кое о чем, и, раз таково ее желание, я не в праве ей отказать. Но в отсутствии Джеба мне потребуется твоя помощь. Одевайся уже, наконец, и пойдем.

Деян выругался, осознав, что так до сих пор и сидит на кровати босой, в наброшенной на одно плечо куртке, и принялся натягивать стоптанные Хемризовы сапоги.

Стоило накануне озаботиться тем, чтобы сменить их на что получше, но как было обо всем упомнить в творящемся беспорядке?

- Ладно. Идем. - Он поднялся. - Что делать-то?

- Ничего особенного. Постоишь рядом, подашь миску с водой, когда будет нужно, и засвидетельствуешь обряд. Так положено, - пояснил Голем. У двери он задержался, чтобы пропустить Харрану вперед.

Деян, недоумевая, вышел за ними следом. О неожиданном "деле" не хотелось и гадать; но задержке он был рад: она давала возможность хотя бы собраться с мыслями.

В общем зале Голем и Харрана направились к углу, где сидел, развалясь на скамье, капитан Альбут.

- Господин Ригич... Хара. - При их появлении капитан подскочил из-за стола и выпрямился. Спиртным духом от него разило за десять шагов, но больше ничего о ночной попойке не свидетельствовало. Молчание затягивалось; на лице капитана отразилось замешательство. - Что?..

Голем ободряюще кивнул Харране, предоставляя говорить ей.

Та медленно, будто нехотя, обошла стол и встала рядом с капитаном.

- Князь Ригич - законный правитель Зареченских земель и Хранитель, Ранко. - Харрана посмотрела на капитана. - Его слово старше слова любого жреца... и он согласен провести брачную церемонию, - сказала она - будто выдохнула. - Только отыщи какого-нибудь сановника с печатью, который до сих пор не сбежал и сможет выдать нам бумагу. Если ты, конечно, не передумал.

- II -

- Я, со своей стороны, сомневаюсь насчет Хранителя, - сказал Голем, - и на канцелярских писарей эта история тоже не произведет впечатления. Но уверен, ружья ваших людей могут послужить для них убедительным аргументом, капитан Альбут. Как по мне, можно было бы им одним и ограничиться, но Харрана-абан-хо зачем-то настаивает на моем участии... И раз мое посредничество кажется ей столь важным, я не вижу причин для отказа: прежде закон предписывал мне по необходимости замещать священнослужителей в случае их отсутствия поблизости. Мне неизвестны доподлинно все факты, но Харрана-абан-хо клянется, что не совершала предательства, за которое была изгнана с родины, и я верю ее клятве: предатель не хранил бы в изгнании верность традициям долгие годы... Я готов скрепить ваш союз перед Небесами так, как это принято на Островах. Если, вы на то согласны, капитан Ранко Альбут - но на вашем месте я бы не отказывался. - Голем чуть заметно улыбнулся капитану.

"Он ни о чем не догадывается, - мрачно подумал Деян. - Если она вообще сказала ему хоть слово правды о том, что с ней случилось..."

- Только поторопитесь с решением. Время дорого, - добавил Голем.

- Так что, Ранко? Дар речи потерял?- В голосе Харраны, когда она обращалась к капитану, было мало тепла; как и счастья на лице капитана. Тот был скорее изумлен, чем обрадован; но изумлен до глубины души.

Наконец, он совладал с собой:

- Если ты сегодня же уедешь! - выпалил он. - Я не хочу жениться лишь затем, чтоб сделаться вдовцом.

- Идет.

- Правда?

- Обещаю.

- Раз так... - Капитан взял ее за руку, и она ответила на пожатие, ненадолго задержав его ладонь в своей.

- Договорились, Ранко. - Смуглое лицо Харраны осветила мимолетная улыбка; холодные глаза капитана отразили эту вспышку.

Позже Деян вспоминал, что это был единственный краткий миг ласки и близости, который он видел между ними; больше не было ничего - ни положенных на свадьбе поцелуев, ни прощальных объятий.

- Хара, помнишь, я рассказывал: у меня двоюродная сестра в Залеграбе, - сказал капитан. - Я упоминал ей в письмах о тебе. Они с супругом держат лавку со всякой всячиной, там всегда прорва работы... Отправляйся к ним; сестра будет рада... Сейчас оставлю тебе адрес и записку для них. - Он выпустил ее руку; тон его сразу сделался деловым и резким. - Валиш! Иди к Лэшворту и спроси у него чернил. Живо! - прикрикнул он на подскочившего солдата. - И собери всех: нам нужно поймать какую-нибудь канцелярскую крысу.

- III -

Зал ненадолго наполнился суетой, но вскоре капитан со своими людьми ушел, и стало тихо. Голем у стойки разговаривал с трактирщиком, расспрашивая того о налогах, устройстве власти в городе и всем подобном. Деян огляделся и понял, что остался с Харраной один на один; она никуда не ушла, а села на место капитана и ожидала будущего с кажущимся - или подлинным? - безразличием, которому позавидовал бы даже Джибанд, окажись он рядом. Черный платок, укрывавший ее лоб, чуть сбился вверх, обнажив край глубокого шрама.

- Вы уверены? - вырвалось у Деяна прежде, чем он успел прикусить себе язык.

- В чем? - Харрана взглянула в его сторону безо всякого любопытства. Поправив перед тем платок.

- Что капитан Альбут - подходящий человек для вас, - осторожно подбирая слова, сказал Деян. Он был совсем не уверен, что этот разговор следовало начинать, но начав - не смог отступиться.

- А по-вашему - нет?

- Боюсь, что так.

- Почему же?

- Он жестокий человек. Опасный. Он... - Деян беспомощно замолчал, не зная, как продолжить, чтобы не выдать капитана с головой.

- Ну же, продолжайте, господин Химжич. - Харрана на мгновение встретилась с ним взглядом - и вдруг раздражение в ее глазах сменилось изумлением, затем - пониманием и в следующий миг - испугом и такой жгучей яростью, что во рту делалось солоно.

Харрана давно обо всем знала; и поняла, что все известно и ему.

Но ее гнев и страх сейчас были направлены не на Альбута - а на него, чужака, который мог выболтать секрет...

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, что предугадать: Голему очень не понравится капитанская история, и он не будет долго колебаться перед тем, как отправить Альбута на встречу с Хемризом. Поэтому точно так же, без колебаний, в это самое мгновение Харрана заставила бы ненужного свидетеля замолчать на веки вечные - если б могла.

"Вот так оборот!" - Деян выдержал ее взгляд. Он не понимал, что движет бывшей хавбагской медсестрой, но в том, что Альбута дыры во лбу не украсят, был с ней вполне солидарен.

- Капитан похож на человека с тяжелым нравом и тяжелой рукой, - громко сказал он, так, чтобы слышал уже заинтересовавшийся их разговором Голем. - Но вам, конечно, лучше знать, госпожа Харрана; вы ведь знакомы многие годы.

- Мудрая мысль, - с огромным усилием она овладела собой и вновь натянула маску безразличия. - Ранко - отвратительный болтун, особенно когда напьется; надеюсь, в этом вы отличаетесь от него в лучшую сторону, господин Химжич?

- Смею надеяться. - Деян кивнул ей, улыбнулся остановившейся подле них Мариме и спросил завтрак. Девушка после вчерашнего следила за капитаном с явной опаской и старалась не попадаться тому на глаза. Знала бы она, кого ей в действительности следовало опасаться!

- IV -

Пока Деян без аппетита наворачивал густую кашу, а капитан разыскивал кого-то, кто мог бы засвидетельствовать брак и выдать необходимый документ, Голем на заднем дворе вылил на себя кадку подогретой воды, натянул вычищенный прислугой китель и стал походить на военного больше, чем когда-либо прежде. У тех солдат и офицеров, которые встречались Деяну на улмцах, были такие же серые от невзгод и усталости с отпечатком мрачного упрямства лица.

Капитана не было долго, и Деян со смешанными чувствами уже готов был поверить в его неудачу. Однако наконец Альбут появился и привел сморщенного, трясущегося человечка в дорогой одежде, за которым четверо солдат тащили сундук - достаточно большой, чтобы человечка можно было бы уложить вовнутрь, и еще осталось бы место.

В сундуке оказался ларец чуть поменьше, где на красном бархате хранилась печать, много разных бумаг и три огромных, оплетенных кожей книги, куда записывались даты рождений, свадеб и смертей. Человечка все называли "господин секретарь"; когда ему показали епископскую грамоту, он немного успокоился.

- Мэр бежал; и начальник ваш бежал. А вы почему еще здесь? - спросил его Голем.

- Знамо дело, бежал начальник. Без дозволения и приказу, все побросал, охранение все с собою забрал. А это все теперь куда девать прикажете - в печку? - Человечек еще больше сморщился, махнув в сторону сундука. - Или полотном белым обернуть, лентою красной обвязать и за порог выставить: бери кто хочешь? Не затем, милорд, я сорок лет службу в канцелярии служил! Подумал - схороню до поры с Господней помощью...

Голем взглянул на него уважительно и с грустью - и ничего не сказал.

Книги выглядели внушительно; Деян с горечью подумал о тонкой тетради, оставшейся дома в ящике стола. Вечером перед нападением Эльма помешала ее сжечь, но без него в Орыжи все равно некому было делать записи. И вряд ли жена Петера без скандала позволила бы оставить в доме его бумаги, даже если б

Эльма пожелала их сохранить...

По обычаю или чтобы произвести впечатление на "господина секретаря", чужеземный свадебный обряд чародей вел почти столь же монотонно, сколь и Терош Хадем вел обычную церемонию; вышло еще скучнее и, на взгляд человека непосвященного, нелепо, даже дико.

Перво-наперво всем пришлось выйти под открытое небо, на площадку перед воротами в заборе, огораживающем двор. Там, обращаясь попеременно то к Харране, то к капитану, Голем очень долго говорил что-то на хавбагском наречии. Стараясь сохранять приличествующий случаю торжественный вид, Деян коротал время за раздумьями о том, что же ему делать: вспоминал Орыжь, думал о Джибанде, пробирающемся где-то по дорожной грязи, о Големе, перешагнувшем предел человеческих возможностей и не нашедшем ничего, кроме одиночества и отчаяния. Думал о напряженно вытянувшемся капитане и сосредоточенно-спокойной Харране, пытаясь отыскать в их трагической, нелепой и непонятной истории для себя подсказку. Думал - и не находил ни подсказки, ни выхода; только от стояния в неподвижности на холоде немели пальцы...

Когда наконец Голем жестом велел ему подать кувшины, Деян вздохнул с облегчением.

Сказав что-то веско и громко, Голем вылил вино и воду на сцепленные руки жениха и невесты и провел всех за собой через ворота и дальше, назад в общий зал харчевни, где "господин секретарь" внес запись в книгу, выписал бумажную грамоту, шлепнул сверху печать - и все было кончено.

Никто не поздравлял новобрачных, не улыбался. Довольным выглядел только Лэшворт, предвкушавший, что в самое ближайшее время беспокойные гости наконец-то покинут его постоялый двор.

Деян удрученно вздохнул: это была самая странная и нелепая свадьба, какую он в жизни видел, и дело было не в хавбагском обряде и не в чародее, неумело игравшем роль священнослужителя: просто жениху и невесте не то что жениться - и встречаться в этой жизни не стоило...

- V -

Пока люди капитана паковали тюки с припасами в дорогу и седлали лошадей, сам он ушел куда-то договариваться о транспорте и военном сопровождении для "господина секретаря" и его книг - и для Харраны; Голем отправился вместе с капитаном.

Деян поднялся наверх и принялся тоже собирать пожитки. Он почти не удивился, когда за спиной скрипнула дверь и прошуршали по полу легкие, почти неслышные шаги.

- Госпожа Харрана. - Закончив стягивать одеяло, он обернулся; она остановилась в трех шагах, глядя на него с непонятным весельем в глазах. - Что вам угодно?

Она молчала. Деян, не выдержав, отвел взгляд. Еще ни с кем наедине он не чувствовал себя так неловко, как с этой женщиной.

- Возьмите. - Она поставила рядом с собой на столик прозрачный пузырек. Внутри был десяток зеленовато-бурых шариков. - Это средство способно приглушить любую боль - даже душевную. Но можно не чаще одной дозы в половину дня. Абсхар Дамар знает об этом; но пусть лучше оно будет у вас.

- Спасибо. - Деян забрал пузырек, сунул за пазуху и невольно отступил назад, будто Харрана была дикой кошкой, готовой оцарапать.

- Боитесь? - спросила она с насмешкой.

Деян пожал плечами. Это был не страх, но что-то схожее с ним.

- Надо же. - Она усмехнулась. - Человек, который сопровождает Абсхар Дамара, боится другого человека! И кого? Меня!

- Его я начал понимать... немного. Вас - не понимаю, - зло сказал Деян, рассерженный ее насмешкой. - Зачем? Вы ведь знаете, кто такой Альбут. Так почему же вы здесь? Зачем эта дурацкая свадьба?

- Не злитесь, - снова улыбнулась она. - Я не хотела вас обидеть.

- Для чего же тогда пришли?

- Отдать лекарство... и поговорить. - Она села на краешек кровати, в это мгновение и впрямь напоминая дворовую кошку, пробравшуюся в дом, замерзшую и бесконечно уставшую от беспрестанной борьбы за жизнь. - Часто я сама себя не понимаю; а невысказанные слова давят. Знали бы вы, как напугали меня утром...

- Я заметил. Ладно. - Деян чувствовал, как его раздражение тает. - Так зачем вам выходить замуж за того, из-за кого потеряли все?

- Вы говорили с ним и могли заметить: он давно уже ищет смерти, потому как вынес себе приговор. Скажите мне вот что... Верховного бога этой земли называют Высшим Судьей; отчего же люди здесь всегда спешат осудить себя сами, господин Химжич? - Харрана смотрела ему в глаза спокойно и серьезно. - Трусость это или дерзость?

- Не знаю, - сказал Деян. - Но такова уж наша натура.

- Я ненавижу его, я не могу его простить; но и уйти - не могу. Мы встретились давно, в тяжелые времена. Я не сразу узнала его, а когда поняла, когда удостоверилась, что не ошиблась - было уже поздно... Я была многим обязана ему, он стал мне дорог... И я не смогла: ни тогда, ни потом. - Харрана спрятала лицо в ладонях, а когда подняла взгляд, он сделался ясным и острым. - Столько лет я прожила, презирая сама себя! Мы оба - и я, и Ранко - заслуживаем презрения. Но значит ли это, что нам непозволительно желать иной жизни или что нам вовсе не стоит жить? Вот о чем я думала весь вчерашний день, господин Химжич, и всю ночь. Об этом я говорила с Абсхар Дамаром, пока вы спали. Небесам безразличны наши страсти, наши надежды и грехи. Абсхар Дамар утратил больше, чем возможно для человека; сознание своей вины и слабости невыносимо для него, его измученные дух и тело жаждут смерти - и все же он не отступает. Для него нет причин жить - однако он ищет эти причины с упорством, заслуживающим восхищения... - Харрана слабо улыбнулась. - Сегодня на рассвете я поняла, что хочу жить, господин Химжич; и я не вправе снова отнять жизнь у нерожденного дитя, как делала прежде.

- Так вы?.. - Деян невольно покраснел, устыдившись вопроса. Такое простое объяснение просто не приходило ему, мужчине, в голову.

Харрана без смущения кивнула:

- Я должна попытаться жить по-настоящему, как когда-то... Но жизнь изгоев тяжела даже в таких городках, как Нелов; я не дотянула бы до этого дня, если бы не те средства, что Ранко оставлял мне, не его защита. И за это я обязана отплатить ему добром. Пусть живет и он, если сумеет. Давно пора было все это закончить.

- Вы согласились покинуть город, но к его сестре не поедете, - уверенно предположил Деян. - Вы исчезнете... растворитесь в большом мире.

Харрана кивнула:

- Я не могу иначе; но пусть его сын будет законным сыном этих земель. С младенцем на руках будет непросто, однако сейчас у меня есть сбережения и кое-какие знакомства, а после большой

войны всегда нужда в лекарях: мы сможем продержаться... Ранко не знает. Не говорите ему, - попросила она.

- Если он переживет нынешнюю войну, все равно будет искать вас.

- Пусть так. Если найдет... Тогда уже многое будет иначе. Кто знает, что выйдет. - Харрана на миг прикрыла глаза. - Ну а вы, господин Химжич? Зачем вы тут, почему делаете то, что делаете? Ведь вы чувствуете себя не на своем месте здесь.

- Мне нигде нет места! - сказал Деян, сам удивляясь прорвавшейся вдруг злости.

Харрана непонимающе нахмурилась, и он, поколебавшись мгновение, поставил ногу на край кровати и закатал штанину.

- Убедитесь сами: вы же лекарь. Я калека с детства. Только зря чужой хлеб ем. А это все Големова блажь... По его дури оказался с ним повязан. По собственной - уйти не могу.

Харрана нагнулась к его ноге и коснулась кончиками пальцев черного рубца. Глаза ее расширились от изумления.

-Это... удивительно, - прошептала она. - Не думала, что когда-нибудь увижу подобное... чудо.

У Деян вырвался смешок:

- Я тоже не думал, уж поверьте! Никто не думал; соседи смотрели на меня, как на страшилище лесное, когда я уходил.

- Но эти удивительные чары уже слабеют, господин Химжич, и не могут полностью сдержать разложение. - Харрана подняла на него встревоженный взгляд. - Через некоторое время - не знаю, как скоро - их необходимо будет развеять и провести ампутацию. Иначе последствия...

- Я чувствую и сам, - перебил Деян, не желая слушать дальше. - И Голем тоже заметил: он пытался недавно что-то сделать. Только, кажется, у него не очень-то получилось. И вряд ли стоит сообщать ему о неудаче.

Харрана с неохотой кивнула.

- Не позволяйте Абсхар Дамару использовать силу. Это сокращает его время.

- Есть ли для него надежда? - решился спросить Деян. - Выжить и восстановить свое могущество.

- Пока человек жив, надежда есть всегда, - произнесла она с едва слышным вздохом. - Вот только остается ли он еще человеком?

- Большой мир теснее, чем мне казалось, - сказал Деян, подумав, что вряд ли капитан успел поделиться с ней новостью. - Голем убил того, кто когда-то изуродовал ваше лицо.

Пальцы ее дрогнули.

- Хорошая весть! - В ее голосе прозвучало такое торжество,

что Деян удивился - чем же она все-таки обязана Альбуту, что не перерезала ему горло во сне, едва узнала, кто он такой. - Признаюсь, господин Химжич: в первые мгновения Абсхар Дамар показался мне ушлым негодяем той же породы, что и мой муж. Но это суждение оказалось поверхностным... - Харрана покачала головой. - Плох он или хорош, он - Хранитель Мира, Абсхар Дамар. И он несет в мир правосудие.

- Особенно когда напивается до полусмерти и сношает перепуганных девок прямо на столе, - не удержался Деян.

Харрана засмеялась:

- Наверняка вам нелегко с ним, господин Химжич. Но и ему с вами не проще.

- Думаете?

- Спасибо вам. Берегите его и себя. - Она улыбнулась с непривычной теплотой. - Какие бы причины вами ни двигали, вы сделали правильный выбор.

- Я не...

- Не отговаривайтесь обстоятельствами и капризами Абсхар Дамара, - мягко перебила она. - То, что вы еще здесь, - это ваш выбор, и только.

От искушения продолжить спор Деяна избавило возвращение "Абсхар Дамара" и капитана.

Получасом позже, следом за Големом шагая к городским воротам и ведя в поводу вертлявую кобылку, он думал, что Харрана, вероятно, права, - и эта мысль не доставляла ему никакого удовольствия.

- VI -

Людская река за два дня иссякла; теперь о ней напоминал только разбитый большак, сделавшийся после дождей едва проходимым.

- Бергичевцы где-то впереди заняли дорогу, - сказал Валиш, тощий и высокий солдат, на котором мундир болтался, как рванина на пугале. - Но сами не идут, хитрецы. Выжидают.

Капитан Альбут, после свадьбы почти не раскрывавший рта, согласно кивнул.

Сапоги вязли в грязи, лошади постоянно оскальзывались. Когда через версту с большака свернули на перекрестную дорогу поменьше, путь стал еще тяжелее; но Деян был рад - тут они хотя бы не были совсем одни и за несколько верст повстречали аж два армейских обоза: один попутный, другой встречный с какими-то бумагами.

Продвигались то верхом, то пешком, там, где дорога становилась так плоха, что лошади могли переломать ноги, а всадники - шеи; с седла не слезал только Голем, быстро вымотавшийся настолько, что едва мог стоять; Альбут и Валиш по очереди проводили его коня через хляби.

Дело шло медленно, и все же за полдня они покрыли неплохое расстояние, хоть и меньшее, чем Альбут рассчитывал; но затем ехать стало невозможно. Небо затянуло тучами; видимость испортилась, а от накрапывавшего дождя дорога сделалась совсем скользкой.

- Дальше нельзя, Ранко. - Деян, к этому часу уже совершенно измученный и ходьбой, и ездой, с трудом догнал его. - Не сегодня. Вы, может, и проедете, но мы - нет. - Взглядом он указал на Голема, бессильно уткнувшегося лицом в лошадиную гриву, и громко добавил:

- Я человек непривычный; еще верста - и просто с ног свалюсь.

Альбут, поглядев на них обоих, только вздохнул и послал солдат вперед - разбивать лагерь.

Добравшись до выбранного ими места, Деян впервые в полной мере оценил удобство путешествия с бывшей епископской охраной, привыкшей заботиться о "господах": на поляне уже трещал костер и рядом, между двумя раскидистыми деревьями, был натянут полог из плотной ткани, а земля под ним выстлана ветками. Вместе с капитаном Деян довел теряющего сознание чародея до лежанки и дал тому порцию оставленного Харраной лекарства.

Удостоверившись, что все в порядке, Альбут ушел к своим людям, занятым лошадьми.

- Нужно в чем-нибудь помочь? - окликнул его Деян, но тот отрицательно мотнул головой.

Голем, поворочавшись недолго и прохрипев пару забористых проклятий, забылся глубоким сном. Не зная, куда еще себя деть, Деян сел рядом: под пологом хотя бы не лило за шиворот.

Так, набросив на плечи одеяло, он и уснул, и не проснулся даже, когда один из солдат принес охапку веток и для него; не проснулся и потом, когда стали делить хлеб и копченую рыбу, неохотно врученную им в дорогу Лэшвортом.

Жар от костра обдавал лицо. Он спал, и ему снилась Орыжь: объятые пламенем дома и жгучий дым, призрачные, едва различимые в сизых клубах фигурки людей, безмолвно и бездеятельно наблюдающих за пожаром.

- VII -

Привело его в чувство только несколько сильных толчков.

- Ты стонал и метался, будто тебя живьем жгут, - сказал Голем. - Я решил - лучше тебя разбудить.

Уже стояла глубокая ночь; на костровище тлели одни угли.

- Я думал, если жгут, орут во всю глотку, - сказал Деян. - Рибен, а бывают... как это правильно назвать... вещие сны? О прошлом или о будущем?

- Существуют, и те, и другие; но нечасто, и они всегда неполны и неточны. - Голем вернулся обратно к тлеющим углям и сел на землю, скрестив ноги. - Что тебе примерещилось? Что-то дурное дома?

- Да. Не первый уже раз, - сказал Деян. Он все еще не мог восстановить дыхание после кошмара; фигуры двух часовых на другом конце поляны напоминали ему призраков. По привычке он огляделся, выискивая взглядом Джибанда, - и только тогда вспомнил, что великана больше с ними нет.

- Просто ты много беспокоишься о доме, вот он тебе и снится, - сказал Голем. Кончилось действие лекарства, и его, как обычно, мучила бессонница.

- А какие мороки не дают спать тебе? - спросил Деян.

- Обычно я вижу жену. Как Радмила просит поднести ей зеркало и как разбивает его подвернувшимся под руку железным блюдом; бесконечные наши с ней ссоры. И нашу первую брачную ночь - но это милосердно редко. Странно, - Голем искоса взглянул на него, - что ты спросил.

Деян пожал плечами.

"Мне не следует быть здесь, - подумал он. - Но все-таки я здесь".

Он встал и умылся собравшейся в пологе водой; утолил жажду из нашедшегося рядом кожаного бурдюка.

Спать больше не хотелось: сон пугал.

От холода немели пальцы, и он тоже сел к тлеющим углям. С другой стороны от костровища, завернувшись в плащ, спал капитан Альбут; его лицо казалось высеченным из камня. После неожиданно устроившейся свадьбы смертного холода в капитане стало еще больше, чем до того; но там, где прежде бушевала буря, воцарилось спокойствие. Он не собирался жить - но готов был умереть с чистой совестью.

- Когда-то я думал: люди - они как книги, - сказал Деян. - Что однажды записано, то они и есть. И сколько ни перечитывай, ни подновляй обложку - это уже не изменится. Но, видно, я ошибался: иногда люди все-таки меняются... И не всегда к худшему.

- Все люди меняются: кто-то больше, кто-то меньше, - сказал Голем. - Все живое подвержено переменам, все мертвое - тлену и разложению.

Чародей замолчал. Было слышно, как потрескивают угли в костре, как каплет с полога вода, как фыркает где-то близко недовольная путами и привязью лошадь.

- Скажи, Деян, - Голем окликнул его, уже когда он решил, что достаточно отогрелся и пришел в себя, чтобы попытаться уснуть снова, - чего бы ты хотел?

- Чего бы я хотел? - недоуменно переспросил Деян.

- Что бы ты сделал, окажись ты на моем месте?

- Я не на твоем месте, Рибен, и надеюсь никогда даже близко не оказаться.

- Да я не про колдовство! - Голем поморщился. - А просто про возможности... Про власть, если угодно. Когда я говорил с твоими односельчанами, то назвался хозяином Старожья, князем - тем, кем был когда-то. Но, если взглянуть здраво, это ерунда почище той, что я один из Хранителей. Я ведь ничего не знаю про сегодняшний день Алракьера: каким он стал? Ничего не знаю про то, чего желают люди. А ты здесь, как-никак, живешь. Вот я и спрашиваю: чего ты хочешь? Что бы ты стал делать, если б, скажем, сам стал королем?

- К чему тебе? - спросил Деян, выгадывая время для раздумий.

- Еще спрашиваешь! Ты сам недавно выговаривал мне за то, что прошлое в моих глазах заслоняет настоящее, - сказал Голем со слабой улыбкой. - Пока все идет к тому, что я не переживу встречу с Венжаром, а Венжар не переживет встречи с бароном Бергичем. Но если сложится иначе... - Улыбка чародея превратилась в странную, болезненную гримасу: ему тяжело давалось думать о такой перспективе. - Я не могу и не хочу ничего обещать, Деян: ты и сам слышал, что сказала Харрана. У

меня нет времени. Но если будет возможность что-то нужное сделать для людей - я сделаю.

- Ну, знаешь... - протянул Деян. - Я, если ты не забыл, крестьянский сын, а не княжеский! И всю жизнь в глуши прожил. Откуда мне знать, как кому лучше?

Прежде - пока он спокойно жил дома, зачитываясь книгами, которые привез с собой преподобный Терош Хадем, - в его голову приходило множество мыслей о том, что он изменил бы в Орыжи и во всем мире, если б мог; о чем-то таком приятно было помечтать, засыпая.

Но теперь ему сделалось жутко.

Не кто-нибудь, а всамделишный князь и колдун с полной серьезностью спрашивал, "что делать", и не кого-нибудь - а его! Однако в роли мудрого советника Деян себя совсем не видел.

- Сейчас этими землями правит княжеский сын, а не крестьянский; ну и как - нравится? - возразил Голем.

- Не нравится, - признал Деян. - Ну, если уж на то пошло... ну... Перво-наперво я б отыскал способ заключить с Бергичем мир. Чтоб люди не гибли больше ни за что ни про что. Восстановил бы все то, что за войну пожгли и поломали. Сделал бы всюду, где люди живут, хорошие дороги, чтоб ездить можно было, чтоб торговцы приезжали, и ученые люди, и лекари... Чтоб те, кто хочет, могли грамоте учиться; чтоб если вдруг большой голод, пожар, наводнение - помощь была... Только пустые слова все это, Рибен, - со вздохом заключил он. - Мир за просто так не подпишешь, дорог за здорово живешь не проложишь: иначе давно бы не воевали и не ломали бы в ямах да на кочках ног. Одним воевать охота, другим в глуши самим по себе вести хозяйство. Соседей не знать и в казну не платить. Как живем; так, верно, и будем жить еще долго.

- Возможно, - согласился Голем. - Но можно же и понадеяться на лучшее.

- Что-то у тебя самого не больно-то получается, - не удержался Деян.

Голем отмахнулся:

- Я не знаю, что для меня будет лучше и на что уже надеяться; а тут иное.

Деян не стал спорить и молча ушел спать: отчего-то этот недолгий разговор окончательно испортил его и без того скверное настроение.

Улегшись под пологом, он подумал, что следует переговорить с чародеем в другой раз - и о далеком прошлом, о котором тот знал больше, чем кто бы то ни было другой, и о настоящем, в котором им предстояло встретиться с Венжаром ен'Гарбдадом, и о

будущем...

Но случая не представилось.

Глава семнадцатая. Гроссмейстер

- I -

Следующие два дня пути оказались намного хуже дня первого. Дорога поднималась в гору и не становилась лучше, но Голем, худо-бедно восстановивший силы, торопил - потому они ехали с рассвета едва ли не до полуночи: он остановился только тогда, когда измученная вьючная кобыла провалилась копытом в глубокую яму и поломала ногу. Альбут выстрелом избавил животное от мучений и объявил, что дальше рисковать людьми и лошадьми отказывается. Голем, скрипя зубами, признал его правоту.

Было не до разговоров; вообще ни до чего.

С трудом заставив себя встать после короткого и тревожного сна, Деян подумал, что в первые дни после выхода из Орыжи чародей, верно, щадил его - иначе они далеко бы не ушли. Усиливающаяся с каждым часом боль в лодыжке делала изматывающую дорогу совсем невыносимой. Промучавшись до полудня, Деян вспомнил о лекарстве Харраны и без долгих колебаний воспользовался им сам; сразу стало легче, но навалилось какое-то сонное отупение. Потому от последних часов пути в памяти остались только разрозненные обрывки; даже невероятно огромная река, которая стала видна, когда они выехали на открытое пространство, с высоты показалась ему похожей на грязную ленту и совершенно не произвела впечатления...

Однако к вечеру действие лекарства ослабело ровно настолько, чтобы он все еще мог наступать на ногу - но уже мог соображать. Произошло это весьма своевременно, потому как цель изнурительного пути показалась впереди. Она рассеивала сумерки огнями сотен костров, у которых отогревалась и кашеварила оборонявшая высоты армия; встречный ветер издалека доносил густой, тяжелый запах и стук топоров: солдаты восстанавливали подмытые ливнями укрепления.

К границе огромного лагеря подъехали в открытую, не таясь.

Отряд, охранявший дорогу, позволил им приблизиться, но, когда до освещенного круга оставалось полсотни шагов, взял их на прицел; офицер приказал остановиться и назвать себя.

Деян ожидал от Голема какого-нибудь впечатляющего колдовского представления, вроде того, что тот устроил в Нелове с завязыванием штыка в узел - однако на этот раз все произошло обыденно. Капитан Альбут переговорил с офицером, который оказался его знакомым, после чего ушел с ним в лагерь один. А спустя четверть часа появились четверо мужчин, носивших черные нарукавные повязки и теплые плащи поверх обычных мундиров, и пригласили - скорее, потребовали - проследовать за собой.

Капитан не вернулся: после женитьбы он со всей очевидностью потерял к своей "темной лошадке" интерес, а его люди вовсе никакого интереса к чародейским делам не имели; потому, едва оказавшись в лагере, увели лошадей и смешались с другими солдатами, подошедшими поглазеть на странную процессию.

Оглянувшись, Деян понял, что они с Големом остались вдвоем.

Конвоиры безмолвно вели их между костров и палаток, взяв в квадрат.

В Орыжи каждый год - кроме последнего - отмечали приход Старого Солнца, когда день становился равен ночи. С утра молодежь кланялась старшим и поминала предков, к полудню накрывали праздничный обед, часть которого оставляли в лесу или отдавали огню в благодарность за урожай, а на закате зажигали костры под деревьями духов на убранных полях... Глядя на развернувшийся вокруг лагерь, Деян невольно вспомнил гуляния на Старосвет: присутствовало очевидное сходство, хотя здесь все было чудовищно извращенным и преувеличенным, нездоровым, злым. Старосвет был днем, когда люди осмысляли прожитую жизнь, праздником старости и смерти - а смерть была самой сутью, предназначением и судьбой зажатой на высотах армии.

Спустя недолгое время, пройдя через плотное кольцо солдат, конвоиры вывели их на утопающие в грязи деревянные мостки, проложенные к четырем высоким и солидным с виду походным шатрам. Из одного из них вышел рослый старик в украшенном золотыми и красными нитями черном плаще и прищурился на яркий свет факелов, пытаясь лучше рассмотреть пришедших.

Еще не было сказано ни единого слова, однако Деян ни на мгновение не усомнился, кто перед ним.

- II -

Мундира гроссмейстер Венжар ен'Гарбдад не носил. Он совсем не выглядел дряхлым стариком, как можно было ожидать, учитывая его возраст: морщины не превратили лицо гроссмейстера в печеное яблоко, не согнули спины, не проредили волос и белоснежной окладистой бороды, придававшей правильным чертам его лица суровость. Он был высок ростом, широк в плечах и даже в старости оставался очень хорош собой; его, в отличие от Голема, никак невозможно было принять за простого пастуха или солдата - вся его фигура источала силу и властность. Тогда как глубокое изумление, отразившееся на его лице, показалось Деяну неискренним: Венжар ен'Гарбдад ожидал увидеть именно того, кого увидел - иначе их бы не приняли с такой поспешностью.

- Не верю глазам своим, но они не лгут мне, - велеречиво начал он, шагнув Голему навстречу. - Рибен! Когда я молил Небеса о помощи, то не смел предположить, что надежда явится в твоем обличье...

Гроссмейстер подошел ближе - и улыбка на его лице погасла, а сам он в одно мгновенье стал как будто ниже ростом, сгорбился и постарел; словно все прожитые столетия разом навалились ему на плечи.

- Но ты пришел не затем, чтобы помочь, - заключил он упавшим голосом.

Голем молчал. Деян мог видеть только его напряженную спину.

- Все же, что бы ни привело тебя сюда, я рад тебя видеть, Бен. Не думал, что доведется. - К гроссмейстеру ен'Гарбдаду вернулось самообладание и царственная осанка; во взгляде промелькнуло что-то теплое.

Он протянул к Голему руки - но тот не шелохнулся.

- Я тем паче не думал, что придет день, когда я буду пробираться к твоему шатру под дулами ружей, Венжар, и обнаружу тебя разряженным, точно павлин, стариком, - негромко сказал Голем. Это были его первые слова с того мгновения, как впереди показались огни солдатских костров; Деян почувствовал озноб - столь непривычно зло, угрожающе и властно прозвучал

голос чародея. - Продолжим здесь, на виду у всех, или все же пригласишь войти?

Деян огляделся. Не считая сопровождавших их по лагерю четырех офицеров, рядом, таясь в тени от шатров, собралось не менее полутора десятков человек. В темноте невозможно оказалось разглядеть их одежду и лица, но Деян предположил, что это все офицеры-чародеи разных рангов и их помощники.

- Как тебе будет угодно, Рибен. - Если гроссмейстер ен'Гарбдад и чувствовал перед Големом страх, то сумел его не показать перед своими людьми. - Алнарон!

- Слушаю, Ваше Превосходительство. - От толпы наблюдателей отделилась темная фигура, на свету оказавшаяся худощавым плешивым мужчиной в черном мундире, не намного уступавшим в роскоши гроссмейстерской мантии.

- Слушайте внимательно, генерал. И вы все! - гроссмейстер Венжар ен'Гарбдад обвел взглядом собравшихся в тени шатров людей, которых становилось все больше: первые ряды не отпрянули только потому, что на них напирали сзади. - Четверть часа назад в наше расположение прибыл неожиданный гость. - Гроссмейстер поворотом головы указал на Голема. - Рад вам представить: князь Рибен Ригич. Старожский Голем.

По толпе пронесся изумленный возглас; названный Алнароном мужчина вздрогнул, но через мгновение вновь овладел собой и нацепил на лицо маску равнодушия.

- Как и вы, до нынешнего часа я полагал подобное невозможным, однако правда перед вашими глазами, - продолжил гроссмейстер, возвысив голос. - Князь Ригич мой гость. Он в своем праве находиться, где пожелает, - и не сомневайтесь: он в силах доказать это право любому из вас. Не пытайтесь ему перечить, если вам дорога голова.

- Мое почтение, милорд, - все с тем же невозмутимым выражением лица Алнарон опустился перед Големом на одно колено прямо на заляпанные грязью мостки. - Мой отец имел честь сражаться под вашими знаменами.

Лишь после этого Голем удостоил его взглядом и коротким кивком.

- Предлагаю продолжить разговор под крышей. - Венжар ен'Гарбдад отступил чуть в сторону и обвел широким жестом вход в шатер. - Если, конечно, милорд Ригич не возражает.

Голем скривился:

- Чем ломать комедию, прикажи лучше подать вина. Идем! - Голем чуть повернул голову - и Деян со смешанными чувствами понял, что последние слова обращены к нему. Ему хотелось знать, чем все закончится, однако совсем не улыбалось оказаться между

молотом и наковальней. Но выбора все равно не было; после устроенного гроссмейстером представления возражать при всех Голему было бы неразумно.

Генерал Алнарон попытался проследовать за гроссмейстером - но тот повелительным жестом запретил ему входить.

Снаружи при неверном свете фонарей и факелов шатер выглядел богато и красочно, словно сошел с одной из тех разноцветных картинок, которые иногда попадали в Орыжь, потому и внутри Деян ожидал увидеть что-нибудь удивительное. Однако действительность, скрытая за вторым, внутренним пологом, оказалась обыденна и даже неказиста. Пол был укрыт очень толстой ворсистой тканью, витой орнамент на которой едва удавалось различить за грязными разводами; подвешенный к удерживавшей потолок треноге масляный фонарь давал тусклый желтый свет. Из мебели внутри было три составленных вместе стола, несколько табуретов и пара сундуков. Заднюю часть шатра отгораживала еще одна занавесь, неплотно задернутая, так что можно было различить скрывавшуюся за ней кровать и умывальник.

Самым необычным предметом в походном шатре Венжара ен'Гарбдада оказался большой стеклянный графин с налитой в нем до середины золотистой жидкостью и тонкие, на высоких ножках, очень прозрачные стаканы, стоящие на столе рядом с разложенной картой, какими-то бумагами и книгами.

Присмотревшись лучше к гроссмейстеру и к его чуть нетвердой походке, Деян с недоумением подумал, что тот, похоже, пьян.

Впрочем, вряд ли стоило удивляться: если Голем мог в неподходящий момент напиться вдрызг, то почему не мог поступить так же Венжар ен'Гарбдад? Причин искать забытья у него наверняка было не меньше, чем у Голема, и ответственность за целую армию вряд ли могла его остановить: если судить по Голему - чародеи вовсе не привыкли останавливаться и отказывать себе в исполнении желаний...

Деян украдкой вздохнул: от разговора двух великих колдунов прошлого определенно не стоило ждать в настоящем ничего хорошего.

Но беда пришла раньше и совсем не с той стороны.

- Невероятно, это и вправду ты, Бен! - сказал гроссмейстер, остановившись у стола. - В тот самый день, когда я окончательно разуверился в такой возможности...

- Почему же сейчас, а не на полтора столетия раньше? - спросил Голем насмешливо.

- Утром доставили донесение: Старожье разрушено, -

буднично сказал гроссмейстер. - Мои рекрутеры надеялись добрать там бойцов, но баронские псы успели первыми. От села, в какое превратился Старож, остались одни угли.

Долгие мгновения до сознания Деяна доходило значение тех слов, что он услышал; охваченный паникой, он по привычке взглянул на Голема - и встретил ответный взгляд: растерянный, почти испуганный.

- Ты уверен, Венж? - переспросил у гроссмейстера Голем. - Тут нет ошибки?

- Вполне. - Гроссмейстер вытащил из горы бумаг на столе какой-то документ и протянул ему. Голем стал читать, все больше и больше хмурясь.

Деян подошел и заглянул чародею через плечо, но буквы расплывались перед глазами.

- Что такое, Бен? - обеспокоенно спросил гроссмейстер. - Только не говори мне, что Джеб остался там.

- Что такое?! - Голем швырнул бумагу на стол - Это *моя* земля, Венжар! И ты спрашиваешь, "что такое"?! Деян, мой проводник и помощник, оттуда родом...

- Не имею чести быть с вами знакомым, молодой человек, но сожалею, что Братство не сумело защитить ваш дом, - сухо, но без издевки сказал гроссмейстер ен'Гардбдад и снова повернулся к Голему. - Это *была* твоя земля, Рибен. Была - до тех пор, пока ты ее не бросил.

- Венжар, проклятый ты идиот, - прорычал Голем, не глядя на гроссмейстера: разложенная на столе карта захватила все его внимание. - Да как это вообще стало возможно?!

- Вот так, надо полагать. - Гроссмейстер передвинул вперед по карте какие-то фигурки. - Точно неизвестно. Информация всегда запаздывает, сам понимаешь... А поскольку Святейший Патриарх королевства Дарвенского намерен меня здесь похоронить, запаздывает сильнее обычного.

- Круг должен был давно остановить это безумие!

- Политика! - Гроссмейстер развел руками. - Любой, кто поддержит одну сторону, потеряет поддержку второй: чем вмешиваться, намного выгоднее дождаться, кто выйдет победителем. Если ты скажешь, что мы измельчали, Бен, то будешь прав... Даже наша сила - и та измельчала; ты заметил? Или тебя это не коснулась?

- Я заметил, что ты потерял разум, Венжар, раз позволил загнать себя в такую дурацкую ловушку! - Голем хлопнул ладонью по карте. - И не ты один!

- А ты, я смотрю, по-прежнему ничуть не сомневаешься в собственном здравомыслии, - насмешливо сказал гроссмейстер

ен'Гарбдад. - Точь-в-точь как нынешняя Председатель Круга: она приходится старине Марфусу двоюродной внучкой, но имеет со стариком прискорбно мало общего.

Голем, не спрашивая позволения, взял ближайший стакан и плеснул в него выпивки из графина. Пригубил, поморщился, но наполнил до краев.

- Твои речи так же слащавы и приторны, как твое вино, Венжар, - сказал он. - Ты знал, что я еще жив. Так почему же поспешил объявить меня мертвым, а затем вычеркнуть отовсюду мое имя?

- Твоего имени я не трогал, - возразил гроссмейстер ен'Гарбдад. - Но после того как один эгоистичный и самоуверенный чародей сделался для мира все равно что мертвым, Кругу для решения внутренних разногласий стал нужен еще один голос. Поэтому...

- Не Кругу, но тебе, чтобы сохранить власть - ведь так, Венжар? - перебил Голем

Чародеи продолжали обмен оскорблениями, называли какие-то имена, обвиняли друг друга в глупости. Затерянная в Медвежьем Спокоище Орыжь была для них точкой на карте, ее гибель - мимолетным мгновением в их вековом споре; событием досадным, но незначительным и уже свершившимся, а потому более не заслуживающим внимания.

Кем были они, великие чародеи прошлого, герои исторических хроник и легенд - и кем была кучка небогатых простолюдинов: землепашцев, охотников, шорников?

- Ты должен был отступить раньше, - доказывал Голем гроссмейстеру ен'Гарбдаду, двигая фигурки по карте. - Но ты...

- Рибен, я свободен? - потеряв терпение, перебил его Деян. - Ты здесь, и наш с тобой уговор закончен. Я могу уйти?

- Куда?.. - Голем взглянул с растерянностью и досадой. - Подожди. Нужно поговорить.

- Я достаточно слышал твоих разговоров, - сказал Деян, - и мне ничего от тебя не нужно: хватит и епископской грамоты. - Он хлопнул себя по карману, где лежала записка преподобного Андрия. - Так я могу идти?

Чародей молчал, глядя на него расширившимися глазами. Не дождавшись ответа, Деян пошел к выходу из шатра.

- Деян!.. - Голем удержал его за локоть и заставил обернуться.

- Что?.. - с фальшивым спокойствием спросил Деян. Никогда прежде он не испытывал такого желания ударить чародея, как сейчас; тот почувствовал его злость - и вздрогнул, убрал руку.

- Ничего. Ты свободен... Ты всегда был свободен. - Голем отступил назад; растерянность и отчаяние на его лице сменились

гневом и обидой. - И можешь идти куда пожелаешь, конечно. Венжар, твои люди ведь не будут препятствовать?

- Не будут, - лаконично подтвердил гроссмейстер ен'Гарбдад.

- Тогда прощайте, милорды; рад был знакомству!

Деян отвесил короткий поклон и вышел вон.

- III -

Ступив в темную прихожую между внутренним и внешним пологом шатра, Деян подумал, что не желает служить мишенью для чьего-либо любопытства и по науке Голема попытался "прикинуться камнем", чтобы сделаться невидимым для чужих глаз. Получилось или нет - но, когда он вышел наружу, Алнарон не обратил на него ровным счетом никакого внимания: неподвижный, как статуя, генерал с застывшей на лице мрачной гримасой стоял у входа, а с ним еще четверо мужчин, тех самых, что сопровождали Голема к гроссмейстеру. Кроме них рядом никого не было; очевидно, Алнарон приказал всем разойтись.

Деян глубоко вдохнул смрадный воздух лагеря. Ничего, ровным счетом ничего не переменилось: так же воняло лошадьми, испражнениями и отсыревшим деревом, так же стучали в отдалении топоры, так же накрапывал дождь, - только Орыжи больше не было на свете. Давно уже не было; и пока он развлекался на постоялом дворе в Нелове, вороны и волки объедали кости...

Ему хотелось упасть в грязь и завыть; вот только он знал, что от этого не будет никакого толка. Когда поочередно умерли Вильма, отец и мать, у него оставались братья и друзья; когда Кенек Пабал походя упомянул о гибели Мажела и Нареха, оставались Эльма и Терош Хадем, и все другие люди, не близкие ему, но которыми он так или иначе дорожил. А теперь никого не осталось. И от него самого ничего не осталось: только слабая, бесполезная плоть.

Деян заскрипел зубами.

Он распрощался с чародеем в намерении немедля потребовать свежую лошадь и уехать - но лишь теперь до конца осознал, что ему некуда идти. Разве что пуститься галопом куда глаза глядят - в надежде в темноте слететь с дороги и свернуть

шею. Но это был не слишком надежный способ быстро со всем покончить; а другого вовсе не было: ружье осталось притороченным к седлу.

Должно быть, из его груди все-таки вырвался стон, потому как Алнарон резко повернулся в его сторону:

- Милорд?..

Деян едва не расхохотался.

"Милорд!"

Он потерял все, зато сам - пусть и не взаправду - сделался одним из тех, кого презирал за высокомерие и близорукость: Господин Великий Судия плевал на справедливость, но знал толк в жестоких шутках.

- Милорд?.. - вновь обратился к нему Алнарон. - Что вам угодно?

Голос генерала выдавал неприязнь: в отсутствии Венжара ен'Гарбдада он не слишком старался приворяться.

- Ничего не нужно. - Деян покачал головой и утер выступившие на глазах - от горя или от смеха? - слезы. - Простите за беспокойство: я просто вышел подышать.

Пытаться сотворить чары на виду у настоящих чародеев ему не хотелось, стоять под настороженным генеральским взглядом хотелось еще меньше, поэтому, кивнув Алнарону, Деян зашел обратно в темную прихожую шатра; но дальше проходить не стал.

Он бы предпочел исчезнуть по-настоящему - но за неимением такой возможности снова "обернулся камнем" и замер в темноте; тут он мог хотя бы побыть один...

На него навалилась вдруг чудовищная усталость.

Но из-за внутреннего полога доносились громкие голоса, и вскоре он невольно стал прислушиваться.

- IV -

- Хватит ходить вокруг да около! "Торговые" войны должны вестись на бумаге, а не на полях, иначе проигрывают все, кроме банкиров и торговцев оружием. - Голос Голема от злости и постоянного крика сделался сиплым. - Пусть Марфус умер, но ты сам признал, что посадил на мое место марионетку, чтобы сохранить в Круге большинство, - и что же?! Как ты мог все это

допустить?!

- Я?! - воскликнул гроссмейстер ен'Гарбдад. - По-твоему, *я* это допустил?

- Ты; и, клянусь Небесами, ты за это ответишь.

- Перед Небесами - отвечу, но уж точно не перед тобой, Бен, - сказал гроссмейстер ен'Гарбдад. - На самом деле ты мало что знаешь, да? С этого надо было начинать...

- Твои оправдания не изменят случившегося. - Голем сбавил тон.

- Да уж точно! Как, по-твоему, на самом деле умер Марфус Дваржич, Рибен?

- Это я собирался спросить у тебя.

- Так что ж не спросил?

- Говори, хватит вилять!

- После того, как ты не вернулся из-за края ни через десять дней, ни через тридцать, обстановка стала накаляться, - сказал гроссмейстер ен'Гарбдад. - Императору Радиславу доложили правду о том, что случилось, однако Его Величество усомнился в правдивости наших слов: он никак не хотел верить, что ты мог повести себя столь безответственно... Партия войны распространяла слухи о твоей гибели от рук хавбагов и быстро набирала силу, в Круге тоже нарастали разногласия. Самым лучшим решением казалось вернуть все на свои места. Так что Председатель Марфус, а с ним вместе Ахор и Виндал, попытались воссоздать по твоим записям нужные чары и отправились за тобой за край. Все они погибли, пытаясь тебя вызволить.

- Небеса, но зачем... Почему ты их не отговорил?! - Голем снова сорвался на крик. - Уж ты должен был понимать, что недопустимо так рисковать!

- Может быть, потому, что ты был моим другом, дорогой Бен? - насмешливо поинтересовался гроссмейстер ен'Гарбдад. Он понимал, какое действие его рассказ оказывает на Голема - и, похоже, это явно доставляло ему определенное удовольствие. - Но и возьмись я возражать - все равно бы ничего не вышло, потому как наш Председатель считал тебя едва ли не сыном. Как и дядя Нирим, как и Первый Король Островов Мирг Бон Керрер... Господь милосердный, да спускаясь за край, Марфус хотел спасти не Круг и не Империю, а тебя! Но потерпел неудачу. Я - представь себе! - просил Марфуса позволить мне отправиться вместе с ним; но что ты думаешь? Старик прямо сказал мне, что мое дело - нашептывать на ухо Императору, а как мастер я недостаточно хорош, чтобы помочь им добиться успеха! Поэтому я остался слушать, как по коридорам твоего замка разгуливает ветер, и ждать... После того как на четвертый день сердце Марфуса

остановилось, общим решением было объявлено, что ты тоже умер. Необходимо было заполнить место в Круге и предотвратить новые самоубийственные попытки тебя вернуть. Я, как и планировал Марфус на случай неудачи, стал первым кандидатом на место Председателя. Однако некоторые посчитали, что все устроилось для меня подозрительно удачно: им, как и Радиславу, не верилось, что ты просто-напросто бросил их ради погони за химерой; что Марфус мог просто не преуспеть... Они не знали тебя так хорошо, как я! Зато знали мои уязвимые места. Я не получил поддержки, а вскоре вовсе был изгнан из Круга. Император зашел еще дальше и прямо обвинил в твоем и Марфуса убийстве... Мне пришлось бежать. Почти два столетия я вынужден был скрываться за морем, на Дарбате, под чужим именем. Так что Торговые Войны начались и закончились без меня, Рибен: и все по твоей милости.

- Ты лжешь, - сказал Голем.

- Даже не думал! - воскликнул гроссмейстер ен'Гарбдад. - Но какая тебе разница? Ничего не изменилось: из всей Империи по-настоящему тебя волнует судьба лишь одного человека. Но ты трусишь задать вопрос, потому как боишься услышать, что это Радмила приказала разрушить Старожье, чтобы стереть память о тебе. Видел бы ты сейчас свое лицо!

Несколько мгновений гроссмейстер любовался результатом своих слов, затем добавил:

- Но можешь выдохнуть: это не она. И не я, откуда бы ни пришла в твою дурную голову эта мысль.

Грубости из уст царственного старика, каким являлся гроссмейстер, звучали нелепо - но сам он, очевидно, не придавал этому значения.

- Если не ты, тогда кто? - спросил Голем.

- Радислав, - сказал гроссмейстер. - Наш друг-Император был колоссом своего времени: падение его оказалось невероятно разрушительным... Он любил тебя как брата - но и завидовал жестоко, как брату: твоей славе, твоей свободе, тому, как тебя принимали люди. Как уважали и боялись, как почитали и любили. Ему казалось, Нарьяжский трон стоит в тени отца и твоей тени; и это бросает тень на него самого, выставляет перед историей как ведомого, нерешительного правителя. Все было, конечно, не так: но Радислав так думал... Я предупреждал тебя об этом, но ты не слушал! А потом ты ушел. И все посыпалось... Император начал привечать всяких проходимцев, которые умело играли на его честолюбии. Они убедили его развязать войну - а признать поражение и отступиться, пока еще не стало поздно, он оказался не в силах. Стремительный рост налогов одновременно с

падением прибылей и военными неудачами привел к внутренним беспорядкам, но чем хуже становилось положение, тем крепче Радислав цеплялся за надежду отыграться и отбить потери. Я мог лишь наблюдать со стороны, а его поступки делались все безумнее... Если поначалу он винил в неудачах дурное стечение обстоятельств и твое отсутствие, то затем назначил виновным тебя самого. Ты, говорил он, не позволил обострить конфликт с Великими Домами Дарбанта и республиканцами из Бадэя в более благоприятное время, ты позволил Островному Содружеству окрепнуть и накопить мощь, и теперь из-за тебя армия Империи раз за разом теряет корабли и солдат.

- Какое еще, к Владыке, благоприятное время?! - прорычал Голем.

- Прежде Радислав понимал, что Империя не может себе позволить большой и долгой войны, - но уязвленное самолюбие затупило его разум, - сказал гроссмейстер ен'Гарбдад. - Я много раз говорил с тобой о том, что необходимо позволить Императору хотя бы отчасти удовлетворить амбиции в конфликтах с Дарбантом и Бадэем! Но ты был слишком горд званием Миротворца и слишком погружен в личные заботы, чтобы прислушаться. А Радислав сделался слишком уязвим к лести, когда после твоей "смерти" и моего "предательства" утратил к партии мира доверие. Империя уже трещала по швам, но вместо того, чтобы спасать то, что еще можно было спасти, охваченный яростью Радислав воевал с твоей тенью; он вознамерился стереть твое имя из истории и не пожалел для этого сил. По его приказу были переправлены книги, разрушены дороги и наложены отводящие чары на все Старожье, а замок разрушен. На твое счастье, Император так не узнал о том, что ты жив. После объявления о твоей смерти мы с Ниримом надежно запечатали казематы и усыпальницу, где стоял твой саркофаг, и скрыли от чужих глаз; люди Радислава так и не нашли входа в подземелье, но побоялись доложить об этом, что было с их стороны весьма благоразумно... В борьбе с твоей тенью Радислав преуспел намного больше, чем в Торговых Войнах. Империя развалилась, и Бадэй занял часть наших территорий: чтобы сохранить остатки чести, Радиславу не осталось ничего иного кроме как покончить с собой. Говорят, даже перед кончиной он не уставал проклинать тебя. Это был жалкий конец великого человека. - В голосе гроссмейстера эн'Гарбдада послышалась грусть.

- А что же Радмила? - глухо спросил Голем.

- К тому дню, когда Радислав приказал разрушить Старожье, она уже давно жила за его пределами. - Гроссмейстер прокашлялся; Деян слышал, как звякнуло стекло. - Твой поступок

обескуражил ее и огорчил, как и всех нас: она хорошо - уж получше тебя! - представляла возможные последствия... Как и мы, она надеялась на твое скорое возвращение и продолжала ждать тебя еще два года после того, как погиб Марфус и стало ясно, что надежда несбыточна... Немалый срок для той, что боялась тебя как огня и не могла ужиться с тобой под одной крышей! Отчасти твой безумный поступок примирил ее с тобой и с самой собой. Ты стал в ее глазах не своевольным и взбалмошным полубогом, а простым, уязвимым человеком, который терпит неудачи и совершает ошибки, а иногда бывает над собой не властен... Она поверила, что все последние годы ты был серьезен. Когда я говорил с Радмилой после того, как мы с Ниримом запечатали подземелье, она сказала, что, вспоминая прошлое и думая о будущем, чувствует сожаление и вину; уверен, так оно и было. Но Нирим - которого, между прочим, ты едва не убил! - сумел убедить ее, что нет нужды до смерти соблюдать вдовий траур и заживо хоронить себя в Старожье. За телом Марфуса в числе прочих приезжал младший из его внуков, Корбан, совершенно лишенный колдовского таланта, но относившийся к деду с огромным почтением... Помнишь его?

- Конечно.

- Потом Корбан приехал снова, уже один. Их с Радмилой многое связывало: оба они проживали жизнь бессильными рядом с великими, оба потеряли близких. Когда Корбан предложил ей руку и сердце, она не отказалась и уехала в его поместье под Лацигом; там они скрепили союз. Я в то время уже находился в изгнании, но, говорят, церемония вышла весьма впечатляющей.

- Я рад, - сказал Голем. - что Нирим достучался до ее разума. Корбан был хорошим человеком.

- Но ревнивым мужем, что не удивительно в его положении. - Гроссмейстер ен'Гарбдад помолчал некоторое время - прежде чем продолжить. - О дальнейших событиях я могу судить лишь по слухам, которые доходили до меня через Нирима, пока он не скончался от старости двадцатью годами позже. Но то, что мне известно, заставляет предположить, что твой самоубийственный план отчасти увенчался успехом. Увы! Несвоевременно и не к добру.

- V -

- Что значит "несвоевременно"?.. - растерянно спросил Голем. - Почему?

- То, что ты стоишь сейчас здесь - таким, каким я тебя помню, - ясно указывает на то, что время глубоко за краем течет невероятно медленно: чем глубже - тем медленнее, - сказал гроссмейстер. - Замедление нарастает геометрически, а не алгебраически, как мы прежде думали. Я прав?

- Да, - напряженным тоном подтвердил Голем. - Но на что ты намекаешь, Венж?

- Пока ты приближался к цели, здесь прошли годы; и спустя все эти годы ты все-таки сумел изменить, усилить ток хинры Радмилы - и хинры ребенка в ее чреве.

- Небо!

- Отнюдь, Бен: тут дело приземленное, - с насмешкой в голосе сказал гроссмейстер. - Ты, сколько я тебя помню, думать боялся о наследнике, но Радмила смотрела на это иначе. Она была уже совсем не молода, но забота лучших лекарей Империи позволила ей зачать и выносить ребенка. У них с Корбаном родилась дочь; и, как стало ясно, когда девочка подросла, - вопреки известным закономерностям наследования она родилась сильной чародейкой. Поэтому Корбан заподозрил жену в измене.

Голем застонал.

- Увы! - с наигранным сожалением воскликнул гроссмейстер. - Но, право, сложно его винить: что еще ему оставалось думать? Корбан не давал жене и дочери житья, и Радмила, забрав ребенка, ушла... Куда? Этого я не знаю; и никто не знает. Возможно, укрылась от мужа и войны в проклятом Радиславом и ненавистном ей самой Старожье... Хотя Нирим в то время уже скончался, но там у нее еще оставались друзья. Однако уязвленный Корбан и не искал ее; он женился второй раз и до смерти успел настрогать еще полдюжины детей. Бергичи - прямые его потомки. - Гроссмейстер выдержал паузу. - Возможно, это изменит твое намерение отказать мне в помощи?

- С чего бы мне тебе помогать? Ты интриган и лжец, хитроумный, властолюбивый и жадный подлец, гроссмейстер Венжар ен'Гарбдад, а твоего глупого короля следовало бы четвертовать еще до того, как вы все это начали, - сказал Голем. Голос его как будто треснул. - Барон Бергич, приведший бурбоабов на Алракьер, не лучше, но за ревность своего прапрадеда он не в ответе.

- У меня есть то, что тебе нужно. - Гроссмейстер который раз сделал вид, что не услышал оскорблений. - Уезжая из Старожья

вместе с Корбаном, Радмила оставила для тебя письмо; где оно было - там его, верно, уже нет после того, как люди Радислава развалили замок. Но копию она отдала Нириму; он посчитал необходимым упомянуть об этом в одной из тех коротких весточек, что мне передавали от него. Ты был неуязвим и все одно что мертв, а я, его племянник, скрывался на чужбине от наемных убийц Императора: и все же твои дела интересовали его куда более моих! А Радмила настолько убеждена была в твоем всемогуществе, что крепче всех нас верила: однажды ты вернешься. Не через десять лет, так через сто, через тысячу, но вернешься. И оказалась права! Благодаря заботам Кжера Бервена сундук с бумагами дяди Нирима уцелел. Когда я вернулся из ссылки, то нашел внутри то письмо. Я сохранил его из уважения к ее памяти, но - не смотри так! - не читал: зачем мне секреты мертвецов? Сейчас оно хранится в секретере в моем кабинете в столичных палатах Братства; тебе будет непросто забрать его, если я погибну и Дарвенское королевство падет.

- Не пытайся купить меня, Венжар, -- с угрозой в голосе сказал Голем. - Да еще такой нелепой ложью! Нельзя получить то, чего не существует; хотя не сомневаюсь: уж ты-то сообразишь наскоро какую-нибудь подделку; это ты здорово умеешь. Не то что воевать! Ты сам, со своим жадным до чужих денег и падким на баб корольком вырыл себе яму, и у меня - да ни у кого в здравом уме! - нет причин помогать тебе.

- И это говорит тот, из-за кого весь караван пошел под откос! - Гроссмейстер возвысил голос: теперь в нем звучала неподдельная ярость. - Ты рискнул всем, на все наплевал - даже на то, что женщина, ради которой ты пошел ва-банк, совсем не желала твоей жертвы и прожила жизнь, терзаясь виной за случившееся. И все это не из-за любви, нет! Из-за твоей непомерной гордости: ты не мог примириться с тем, что Мила не любит тебя и ты бессилен это изменить. Как бессилен и отсрочить ее старость... Пала Империя. Тысячи, десятки тысяч - и я среди них! - потеряли все по твоей милости; но виноват кто угодно, только не ты; и ты никому ничего теперь не должен. Конечно, Рибен, конечно!

- Вы что же - малые дети, а я - нянька, чтоб вас сторожить? - спросил Голем. Слова его смешивались со странным звуком, похожим на шипение рассерженной кошки. Деян заглянул в щель между пологом и стенкой шатра: чародей стоял в четырех шагах, и стекло бокала в его руке плавилось и блестящими каплями падало на ковер. Венжар ен'Гарбдад говорил очевидные вещи, которые Голем сам прекрасно сознавал сам, - но выслушивать ни от кого другого не желал.

- Ты - был! - князь Старожский, полномочный посол Империи в Островном Содружестве, второй человек в Малом Круге после Марфуса; не так уж мало, а? - Гроссмейстер издевательски оскалился. - Ты без дозволения оставил службу, пошел против общего решения. Небеса свидетели, Радислав был прав, называя тебя предателем!

- Заткнись! - рявкнул Голем.

- Я благодарен Небесам: они отказали мне в помощи, но дали то, о чем я и просить не смел - возможность напоследок показать тебе дело рук твоих и высказать в лицо, кто ты есть! - Венжар ен' Гарбдад возвышался над Големом, уперев кулаки в стол. - Более моего это заслужила только Радмила. В конечном счете ты лишил ее всего, даже доброго имени!

Лицо Голема, как когда-то в Орыжи, исказила гримаса безудержного гнева - только в стократ более жуткая; он замахнулся.

Деян ожидал, что в следующее мгновение он убьет гроссмейстера. Но в последний миг Голем чуть отвел руку в сторону и швырнул сверкающий кусок стекла, в который превратился бокал, мимо Венжара ен'Гарбдада в поддерживавший шатер треножник.

- VI -

Деян отшатнулся, но тут земля содрогнулась с ужасающим грохотом; что-то ударило под колени и сбило его с ног. Шатер рухнул. Больше не было верха и низа - только темнота, навалившаяся тяжелой тканью, хватавшая за лицо и за руки холодными влажными лапами, связывающая и душащая.

Кто-то криком отдавал команды; с сырым стуком сыпались вокруг комья вывороченной земли и обломки мебели. Деян - на бесконечно долгое мгновение оказавшийся в далеком прошлом, когда такой же толчок сбросил его с Сердце-горы под летящие сверху камни, - опомнился и начал барахтаться, но только еще больше запутывался. Прошла вечность, прежде чем ткань перед лицом с треском разошлась и в легкие вновь хлынул холодный воздух.

- Шевельнешься - убью, - лаконично предупредил генерал

Алнарон, немедля приставив нож, которым вспорол ткань, к его горлу.

Прозвучало убедительно; впрочем, Деян, жадно глотая смрадный воздух лагеря, вовсе и не думал дергаться. В ушах звенело, в груди драло, а радость от того, что он все еще жив, была какой-то неуместной, маленькой и ненастоящей. Лишь пульсирующая боль в лодыжке каждое мгновение напоминала - все это происходит с ним, происходит на самом деле.

- Не надо, - властно сказала темнота за спиной генерала голосом гроссмейстера ен'Гарбдада. - Из-за того, что этот юноша стоял поблизости, мы с тобой все еще живы. Прояви же немного благодарности!

- Смею надеяться, вы проявите благоразумие и не будете приближаться к этому... существу. - Генерал с видимой неохотой убрал нож. - Он как будто обычный человек, но я чувствую что-то *неправильное* в нем. Позвольте мне допросить его. И прикажите начать розыски...

- Нет, - перебил его гроссмейстер. - Не пытайтесь задержать Голема, даже если он объявится: это вам не по зубам. И помните: он не враг нам. Хотя - увы! - пока не друг.

Деян сел и огляделся. Стража взяла остатки шатра в плотное кольцо. Сильно и резко пахло горелым: гроссмейстер чарами сжег ткань вокруг себя и теперь стоял, весь засыпанный пеплом, спокойно взирая на освещенный десятком факелов разгром. Голем исчез, как сквозь землю провалился, - а может, провалился в буквальном смысле. Ни следа недавней ярости или опьянения не было на лице Венжара ен'Гарбдада - ни испуга, ни досады; напротив, гроссмейстер даже казался довольным.

- Так вы специально его злили, - сказал Деян, сплюнув набившуюся в рот землю. - Но чего ради? По-моему, он и так был достаточно взбешен, чтобы убить вас.

- Вот именно! Иногда из кипящего котла нужно выпустить пар - иначе не миновать взрыва. - Гроссмейстер ен'Гарбдад, игнорируя протестующий жест Алнарона, подошел и с любопытством уставился на сидящего Деяна сверху вниз. Глаза старика азартно блестели; в это мгновение возможным казалось поверить, что когда-то будущий гроссмейстер Братства Раскаявшихся мог быть кому-то другом.

- Должно быть, в сравнении с Беном я кажусь тебе подлецом и злодеем, - весело сказал он, - который вдобавок вместо почетной встречи устроил благородному герою душ из кипящей смолы.

- Вы оба мне отвратительны, - с чувством сказал Деян. Ему не хотелось вставать; ничего не хотелось. Однако он был все еще жив - и оставшимся ему временем следовало как-то распорядиться.

- Кто ты? - спросил гроссмейстер ен'Гарбдад, пристально глядя на него.

- Никто, - сказал Деян. - Голем выбрал взять с собой меня, чтобы толковых людей от дома не отрывать: хотел как лучше. А они теперь погибли все; зато я - жив.

Взгляд Венжара ен'Гарбдада будто царапал изнутри череп, но, хотя Деян говорил чистую правду, в глазах гроссмейстера читалось недоверие.

"Венжар умный человек: он всегда найдет причину, по которой ему нужно сделать то, что он хочет сделать, - вспомнились Деяну слова Голема. - Дай ему повод - и он обхитрит сам себя".

- Джеб Ригич действительно потерял память? - наконец спросил гроссмейстер ен'Гарбдад.

- Да, - подтвердил Деян. - И ушел... искать память. Или лучшую долю, не знаю. Или просто ушел: быть может, ему надоело в этом всем участвовать.

- Досадно: он единственный, кого Рибен хоть как-то слушает, - сказал гроссмейстер со вздохом. - Но я рад, что Джеб тоже более-менее в порядке. Ну а ты что теперь собираешься делать?

Деян понял, что ни к какому определенному выводу на его счет тот так и не пришел; а причинять неудобства тому, кто мог оказаться глазами и ушами Голема, в планы Венжара ен'Гарбдада пока не входило.

- Припишите меня к армии и отправьте к Альбуту, - сказал Деян, с трудом поднявшись на ноги. - Если возможно.

- К кому? - удивился гроссмейстер.

- К капитану Ранко Альбуту, офицеру из епископской охраны, который привез нас сюда, - объяснил Деян.

Гроссмейстер вопросительно взглянул на Алнарона, и тот кивнул, подтверждая, что понял, о ком речь.

- Это возможно, - сказал гроссмейстер. - Но зачем?

- Оба моих брата и все молодые мужчины с моей родины погибли на вашей войне или погибнут в ближайшие дни, - сказал Деян. - До встречи с Големом я был калекой и потому не мог уйти с ними. Но теперь хочу разделить их судьбу. Я плохой солдат, но Альбут - хороший командир: он сумеет пристроить меня к делу.

Сперва Деян думал попросить приписать его к отряду, в котором воевали земляки; вдруг кто-нибудь еще жив? Но, вспомнив, что тогда придется сообщить о случившемся дома, отказался от этой мысли.

- Хочешь отомстить за своих? - спросил гроссмейстер.

Деян пожал плечами. Он не чувствовал к бергичевцам, которых никогда не видел, ненависти; просто так было правильно

- вот и все.

Гроссмейстер ен'Гарбдад долго и пристально разглядывал его, словно пытаясь разгадать некую тайну, отыскать иные, истинные мотивы его просьбы. Затем покачал головой.

- Должен признать, тут Рибен поставил меня в тупик... Но будь по-твоему. - Он повернулся к Алнарону. - Прикажи зачислить его в полк.

Глава восемнадцатая. Война

- I -

Генерал Алнарон поручил его заботам своего ординарца, угрюмого детины с маленькими глазами и внушительным горбатым носом, которым тот беспрестанно шмыгал, утираясь нечистым платком. Деян отрешенно удивился: как этот огромный нос от такого обращения до сих пор не оторвался?

Пока ординарец вел его к штабной палатке и затем к Альбуту, Деян отыскал в кармане пузырек с лекарством Харраны - по счастью, не затерявшийся - и отправил сразу два шарика в рот. Из-за потрясения снадобье подействовало не так сильно, как прежде, но между ним и той частью его существа, что терзалась невыносимой физической и душевной болью, словно выросла стена; боль больше не принадлежала ему, он стал кем-то другим - и этому другому все было безразлично.

Ранко Альбут, увидев его, как будто не удивился, хоть и спросил, что случилось. Деян в нескольких словах объяснил.

- Вот оно как повернулось. Ну и... - Альбут сплюнул в грязь. - Жаль твоих домашних: но без мужиков своих они в такую пору все равно были не жильцы. Иди за мной. Раздобудем тебе форму и оружие.

Альбуту не было никакой нужды заниматься амуницией самому, но, как еще прежде заметил Деян, с некоторых пор тот избегал общества своих подчиненных: сидеть у общего костра капитану было не в радость.

Альбут прошел через весь лагерь к нескольким вкопанным в землю фургонам, наорал на заспанного офицера, показав тому генеральскую записку, и вскоре Деян стал обладателем слегка подпорченного мышами коротковатого мундира, патронташа и ружья с примкнутым штыком.

- Сойдет, - удовлетворенно кивнул Альбут, окинув его взглядом. - Все же мы не сброд какой, чтоб в чем попало в бой ходить... С оружием обращаться умеешь?

Деян покачал головой. Как заряжать и стрелять, он худо-бедно понимал - Голем научил, - но и только.

- Не беда: наука попроще будет, чем колдовство. - Альбут усмехнулся. - Мал-мала покажем, а больше тебе и не надо. Держись меня и делай как все: не ошибешься.

Дождь перестал, облака разошлись, и от оружейного фургона в лунном свете можно было разглядеть огромную реку. А на обратном пути Деян впервые увидел бергичевцев: не их самих - но костры их лагеря, раскинувшегося далеко внизу; бессчетное множество костров.

- У барона больше людей, чем у нас, - недоуменно сказал Деян. - Почему же он не наступает?

- Хитрецы погоды ждали и артиллерийского подкрепления, - ответил Альбут. - Но, говорят, вчера пушки подвезли. Так что сегодня полезут, соседушки, бесов огонь им в печенку!

Как Деян разузнал еще в Нелове, баронство и прежде стояло от всего Дарвенского королевства особняком. Другие традиции и равнодушие практичных бергичевцев к вере, многочисленные торговые сборы, которыми барон облагал купцов, чтобы содержать собственную армию, только на бумаге именуемую "дорожной охраной", - все это не добавляло дарвенцам любви к соседям. После того как Бергич нанял на службу иноземцев, нелюбовь превратилась в ненависть; но назревала беда давно. С самого начала "баронский бунт" был полнокровной войной: королевской армии противостояли крестьяне с вилами и переточенными косами, а настоящие обученные солдаты.

- Это последняя ночь, Деян, - тихо произдес Альбут. Он, верно, ожидал какой-то реакции на свои слова, но Деян только кивнул: "последняя ночь" - это его вполне устраивало.

- II -

Они вернулись к костру. Альбут снова куда-то ушел, но вскоре вернулся с завернутой в рваную рубаху бутылью с мутной белой жидкостью. Она оказалась даже крепче и гаже, чем любимое пойло Хемриза; но Деяну было все равно. Проходившие мимо офицеры из других отрядов поглядывали на бутыль кто с неодобрением, кто с завистью, но не вмешивались. Похоже, епископской охране позволялось и не такое - или, возможно, с Ранко Альбутом просто-напросто боялись связываться.

Те дарвенские солдаты, кого Деян видел вокруг себя, были истощены и вымотаны, но почти никто не спал; и почти никто не разговаривал. Стихла стройка, замолчали топоры, и надо всем огромным лагерем повисла жуткая тишина, прерываемая только лошадиным ржанием да чьим-то фальшивым напевом, доносящимся со стороны реки. Тысячи людей сидели и лежали вокруг костров, безмолвно глядя в огонь. Но это, как быстро понял Деян, не было оцепенением загнанного зверя или безропотным ожиданием конца: каждый человек в лагере проживал последнюю ночь наедине с самим собой, спокойно и сосредоточенно. Было ли охватившее дарвенцев особое настроение случайным совпадением или следствием чар Венжара ен'Гарбдада и его подручных, но оно пришлось кстати: Деяну совсем не улыбалось напоследок стать свидетелем бунта отчаявшихся обреченных людей.

- На этих холмах собрались опытные и верные гроссмейстеру ен'Гарбдаду бойцы, Деян, - словно услышав его мысли, сказал Альбут. - И все же участь их незавидна. Иногда решает не вера и доблесть, не талант и отвага генералов, но число пушек и штыков: в этом - высшая справедливость и Господень замысел; как в том, что медведь сильнее мыши.

- Скряге Андрию не понравились бы такие речи, - сказал тощий солдат по имени Валиш.

- Окажись он снова здесь, то бежал бы слишком быстро, чтобы их расслышать, - заметил кто-то. - И остановился бы, только чтоб подобрать пару монет, которые перед тем обронил второпях Его Святейшество...

Раздались смешки.

- Пусть Патриарх Скряге хоть десять перстней пожалует и святым наречет! Но к Владыке я лучше с нашим капитаном пойду, - сказал Валиш. - Ты не святой, Ранко, - зато с тобой и в пекле не пропадешь. Будь! - Он выпил и передал бутыль Альбуту. - Если вперед меня сгинешь - окажи любезность: припаси для старого товарища место в роте.

Его слова поддержали одобрительным гулом.

Капитан с кривой улыбкой взял бутылку и выпил.

Он безотчетно поигрывал в пальцах какой-то железкой; Деян узнал завязанный узлом штык и подумал о чародее - верно, тот так же сидел где-то у огня или у реки, согревая в ладони флягу со смертельным зельем: утративший на пути последнюю цель и опору и больше ни в чем - ни в жизни, ни в смерти - не видящий смысла.

Разговор стих. На краю неба занимался рассвет...

- III -

Еще было темно, когда с гулкими ударами барабанов возобновилась подготовка к обороне. Капитан Альбут - его маленький отряд по злой иронии переподчинили Горьевскому полку - поднял людей и отвел на позиции ниже по склону холма, ко второму ряду укреплений; там они соединились с шеренгами горьевцев и стали ждать штурма.

Но Бергич не спешил. Даже пушек не пускал в ход.

Даверенцы злились, мерзли на холодном ветру, затевали ссоры и шептали молитвы; от рассудочного спокойствия ночи не осталось и следа. Альбут - Деян по его приказу держался рядом - беспрерывно ругался, проклиная разведчиков, Венжара ен'Гарбдада, барона Бергича и всех его предков до десятого колена.

- Измотать нас хочет, сволочь, - в конце-концов процедил капитан сквозь зубы. - Ну а что: прав...

Время шло, но ничего по-прежнему не происходило. Позади укреплений разожгли несколько больших костров, к которым солдаты попеременно отправлялись погреться - но толку от этого было чуть. Время тянулось, тянулось...

Атака началась только через два часа после полудня.

- IV -

Деян постоянно проваливался в муторную полудрему, и даже когда Альбут скомандовал приготовиться, он подчинился - но не сразу понял, что происходит; грохот пушек показался ему, одурманенному лекарством, не громче барабанного боя. В небе вспыхивали и гасли, переливаясь золотом, защитные чары; Братство Раскаявшихся отражало колдовские атаки, но против настоящего оружия было бессильно - или, быть может, им просто

не хватало бойцов. Следующий залп накрыл позиции: два ядра на излете ударили в укрепленный деревянными сваями земляной вал, частично его обрушив, но третье и четвертое прошли выше, оставив в шеренгах горьевцев две кровоточащих прорехи. Прямо перед Деяном шлепнулась в грязь оторванная кисть с блестящей, ярко начищенной пуговицей на обрывке рукава; только тогда он очнулся - и в следующее мгновение оцепенел от поднявшегося изнутри ужаса, оглох от грохота и криков.

Безотчетно он начал шептать молитву.

Содрогалась земля, совсем рядом умирали искалеченные люди. Впервые со дня, когда он оставил Орыжь, его охватил липкий, безудержный страх, от которого внутренности завязались в узел.

Он был живым, он хотел жить - просто и честно, не хотел убивать и не хотел умирать, заливая землю кровью из оторванных конечностей, вывалив кишки из разорванного брюха...

- В две шеренги! К бойницам становись! - хрипло отдавал команды Альбут. - В первом бою у всех штаны грязные, - прикладом он подтолкнул Деяна к брустверу. - Вспомни, кто ты есть, солдат!

Как сквозь вату Деян расслышал его и с отстраненным удивлением понял, что тот обращается к нему.

Вокруг творился кровавый хаос: следующий залп внес еще больше сумятицы в горьевские ряды. Но Альбут не пригибался, стараясь схорониться от осколков ядер, не суетился и не рвал глотку, как другие офицеры. Он был степенно-спокоен - человек, в чьей конченой жизни больше не было места страху.

"Вспомни, кто ты есть!"

- Я - никто, - прошептал Деян пересохшим горлом. - Никто.

Он вспомнил: дома больше не было. Не было больше и его самого - но был враг, и был долг уничтожать врага за тех, кто умер раньше него. Была месть: прогорклое блюдо, которое он хотел распробовать, потому как ничего другого не оставалось.

- Заряжай! - крикнул Альбут. - Не трусить, бесы! Или хотите попасть к Марагару на стол?

Упоминание одержимого местью хавбагского лекаря явно придало горьевцам смелости.

Деян встал рядом с капитаном у пролома в бруствере и впервые увидел бергичевцев вблизи, всего в каких-то двуста шагах: первая линий укреплений уже была взята, и наверх катилась волна солдат в заляпанных грязью синих мундирах.

Деян глубоко вдохнул пахнущий кровью и порохом воздух; выдохнул и вдохнул, выдохнул. Страх вытекал, словно кровь из раны, и вместе с ним будто уходила жизнь: но руки больше не

дрожали.

- V -

Кое-как Деян управился с тугим ружейным замком и по команде выстрелил в синее пятно, в которые для него слились фигуры бергичевцев. Некоторые упали, но другие продолжали наступление, пробираясь прямо по телам.

- Заряжай! - снова выкрикнул Альбут.

Деян потянул замок, но тут странный сигнал - будто ударили палкой по огромному ведру - привлек его внимание. Он поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как первые ряды наступающих солдат припадают к земле - а длинная шеренга, выстроившаяся у захваченного бруствера, ощетинивается ружьями.

Горьевцы в беспорядке стали отступать к остаткам укреплений, ломая строй.

- Владыка его мать... - Альбут не успел договорить ругательства, как грянул залп, а затем, едва ли не сразу, второй; шеренга стрелков уступила место следующей.

Сзади кто-то кричал во всю глотку - высоко, надрывно, страшно. Ухнула рядом дарвенская пушка, расчет которой еще оставался в строю, однако наступавшей бергичевской пехоте она навредить уже не могла: те подошли слишком близко.

Деян, не слыша больше приказов, обернулся к Альбуту и не увидел его. Мгновением позже он догадался взглянуть вниз: капитан лежал на земле. Он не выпустил ружья, но верхняя половина его головы превратилась в кровавую кашу; целы остались только подбородок и губы, изогнутые в сардонической ухмылке.

- Хара сказала, у нее будет от тебя сын. Она решила вырастить его, - произнес Деян, опустившись рядом на корточки - но капитан уже был безнадежно, необратимо мертв и не мог ничего слышать. Оставалось надеяться, он был доволен тем, как умер.

Снова кто-то закричал. Деян обернулся на крик, выставив ружье перед собой, - и это спасло ему жизнь: бежавший на него солдат напоролся животом на штык.

У бергичевца было грубоватое, невыразительное лицо и округлившиеся от удивления и боли глаза; с протяжным, поднимающимся будто из распоротых внутренностей стоном он начал заваливаться назад. Мало отдавая себе отчет в том, что делает, Деян повел ружье вбок, вниз с силой выдернул.

- Это тебе за Орыжь. За все, - сказал он. Но бергичевец был уже так же безнадежно глух ко всему, как и Альбут, и химера скалилась его разверстым ртом.

Вокруг убивали и умирали. Деян встал и удобнее перехватил ружье. Место убитого занял следующий - но почему-то вдруг остановился; в глазах его отразились недоверие и ужас.

Деян проследил за взглядом бергичевца - направленным ни на кого иного, как на него, - и невольно усмехнулся, поняв, в чем дело. Голенище сапога, брючину и мышцы разорвало пулями или осколком ядра, однако чары Голема не разрушились до конца, и теперь он стоял, опираясь на желтоватую кость. Но боли почему-то совсем не было. От разрывов ядер и ударов сотен копыт тряслась земля.

- Видишь, ты? Даже мертвое имеет конец! - выкрикнул Деян. Быстрым выпадом он попытался достать противника; тот блокировал и отступил к остаткам бруствера, спасаясь от ворвавшихся с фланга бергичевских конников, без разбора расшвыривавших своих и чужих.

Деян успел отскочить в сторону и пригнуться: тяжелая сабля просвистела над головой. Он шагнул к брустверу, снова целя бергичевцу в грудь, но тут что-то ударило его по затылку; мир на мгновение заполнился ослепительно-яркой болью - и рухнул в непроглядную тьму.

Глава девятнадцатая. Меченые роком

- I -

В кромешной темноте кто-то истово молился, срываясь на крик, захлебываясь словами, путаясь и плутая в них, как пьяница между трех осин. Деяну хотелось сказать крикуну, чтобы тот, наконец, заткнулся, - но губы не слушались; он не мог раскрыть ни рта, ни глаз, ни пошевелить хотя бы пальцем.

Рядом находились люди - много людей, которые стонали, кричали и скулили от боли, переговаривались друг с другом. И молились; многие молились, но некоторые - с особым тщанием. "Те, кто редко делал это прежде", - подумал Деян.

- Кто-нибудь, затолкайте ублюдку кляп! - потребовал грубый, скрипучий голос.

- Тебе надо - сам и заталкивай, - огрызнулся другой. - Кончились твои приказы, вша штабная. Худо бедняге, так пускай.

- Да помешался человек, не видите, - сипло сказал кто-то третий. - Вас на столе бесы разложат - еще не так запоете.

- Со страху он помешался еще раньше, чем ружье бросил, - проскрипел первый голос. - Бесы или нет, а если б они тебя не заштопали, ты б издох уже, умник.

- На все воля божья, - равнодушно сказал сиплый.

- Да заткнитесь вы! - прикрикнули на них. - Без вас тошно.

По разговорам Деян быстро понял, что если это Преисподняя - то всех, погибших в бою на высотах, без разбору засунули в один котел. Однако такое вряд ли могло произойти: потому оставалось предположить, что он находится в госпитале или чем-то подобном.

К моменту, когда тело вновь начало его слушаться, он был уже совершенно в этом уверен, как и в том, что госпиталь устроен Бергичем и союзниками. Своих спасителей дарвенцы боялись едва ли не больше, чем Владыку, и если верить покойному капитану Альбуту, у них были на то основания...

"Я все еще жив. Я выжил", - мысленно произнес Деян, поражаясь тому, что ничего не чувствует: ни разочарования, ни радости, ни страха перед грядущим. Ему не слишком хотелось вливаться в госпитальное "общество", поэтому он пролежал неподвижно еще с четверть часа или немного больше; но так не могло продолжаться вечно - и он открыл глаза.

- II -

К удивлению Деяна, госпиталь устроен был не на голой земле под открытым небом, а в хорошей большой палатке; правда, в ней, рассчитанной человек на двадцать, лежало вповалку больше шести десятков бывших дарвенских солдат. Густо пахло кровью и страданием. Большинство раненых, насколько он смог разглядеть со своего места, были ампутантами. Как и он: на месте гниющей Хемризовой плоти теперь чернели пропитавшиеся кровью бинты.

Но больше никаких ран, не считая разбитой головы и нескольких ушибов и ссадин, он на себе не нашел, и после того, как подошедший смуглокожий солдат дал ему напиться воды, понял, что чувствует себя не так уж плохо для того, кто второй раз за жизнь потерял одну и ту же ногу. У бергичевцев были сильные лекарства, и для него их не пожалели.

Другим, судя по крикам и стонам, повезло меньше; с ночи - так говорили - девять человек умерли.

Сосед со старческим скрипучим голосом не имел обеих рук и оказался неожиданно молод. Деян долго не мог припомнить, где видел его прежде; только потом в памяти всплыла дорога к Нелову и опрокинутая телега. Его звали - так он представился - Этьеном, и он был единственным в палатке офицером.

- Из какого ты отряда? - спросил он. - Я тебя не помню.

- Прибыл в последнюю ночь: приписали в Горьевский, к Альбуту из епископской охраны; его тоже отправили туда, - сказал Деян.

Услышав имя капитана, Этьен скривился и больше вопросов не задавал. Но отвечал охотно, в отличие от других.

- Кое-кто видел, что твоей раной занимался Сам, - объяснил он, поглядывая на двоих стражников у входа в палатку. - Ты тут давно уже... с прошлого утра, считай. Я уже думал, не очнешься.

- Сам?.. - недоуменно переспросил Деян.

- Они, - Этьен поворотом головы указал на стражников и перешел на шепот, - называют его Марагаром: "меченым" по-ихнему. Кланяются ему, как отцу. А наши считают бесом во плоти. Знамо - чушь это, ну, про беса. Но смотрит этот Марагар так, что в дрожь бросает. И зачем мы ему - бог весть.

- Понятно, - сказал Деян.

Ему подумалось, что настоящему - пусть и сказочному - герою после путешествия в обществе бывшего Старожского князя и беседы с гроссмейстером ен'Гарбдадом пристало бы оказаться на приеме у самого барона. Но он был ненастоящий: никто из ниоткуда, калека из сожженного села. Поэтому ему выпал не барон и не король, а искавший совсем не его, одержимый местью иноземец-лекарь.

На что, впрочем, грешно было жаловаться: в другом случае он бы умер от вызванного разлагающейся плотью заражения - и это тоже был бы вполне подходящий для его нелепой истории конец.

- А чем завершилось сражение? - спросил Деян. - Я получил по голове, когда конники брали нашу вторую линию: больше ничего не помню.

Этьен аж присвистнул и сел на горе тряпья, заменявшей ему постель.

- Завершилось! - Его бледное, с нездоровым румянцем на щеках лицо приняло странное выражение. - Ох, не думаю.... После того, как Бергич нас с холма выбил, такое закрутилось - если б сам не видел, не поверил бы. Река, представь, ну...

Этьен отчаянно взмахнул культями, силясь жестом показать то, что не мог выразить словами; заскрипел зубами от боли - но продолжил:

- Когда пришел приказ отступать, многие наши уже на полпути к переправе были. Стали переправляться - и тут река обмелела; ну, наши на другой берег - бегом! Подобру-поздорову и убрались, кроме тех, кто возы и штаб оборонял. Синезнаменные - за ними, добивать, а тут вода возьми да вернись и перед носом им как волной - р-раз! И чудища из той воды полезли, то ли волки, то ли вовсе не пойми что... Я только издалека видал: красота и жуть!

Деян безотчетно кивнул: эти два слова описывали тварей мертвой повертухи довольно точно, а что речь именно о них - он не сомневался. Услышанное мало удивило его: Голем был слишком беспокойным человеком, чтобы остаться в стороне и помереть тихо, когда происходит что-то значительное.

- Бергичевцы - назад, и тут свет на все небо загорелся, - продолжал тем временем Этьен. - Узоры чудные и письмена. Вроде буквы, а не прочесть. Потом еще один узор такой: похож, да

не то ж. И еще, и еще... Перед тем как сюда попасть, я слышал, как генералы между собой говорили: вроде бы главное их чародейское общество вмешалось и повелело начать переговоры. Сколько б офицеры ни орали, а простые колдуны войсковые запрету подчинились, что наши, что Бергичевские; такой у них порядок - со старшими не спорят... А без колдунов генералы драться продолжать не дураки. Тем паче, когда такое творится, что на людей чудища водные бросаются. Так все и остались стоять: наши - на одном берегу, а Бергич - на другом. Дальше тут уж никто не знает; вродь-бы сговорились о перемирии на время. А настоящие переговоры после пройдут... Между бароном, королем Вимилом и чародеями. Нам тут, ясное дело, не говорят ничего: уже и то диво, что лечат да кормят.

- Ну а ты-то как здесь оказался? - спросил Деян. - Раз был на холмах до конца.

- Мы по генеральскому приказу ящики со скарбом и зельями чародейскими с холма спускали и на плоты грузили: бергичевцы нам не мешали, боялись тварей из воды. Но тут два ящика возьми да взорвись. Его Превосходительство Алнарон рядом стоял - головы лишился. А я - вот... - Этьен горестно поднял культи. - Я сперва в сознании был. Мне локти шнуром перетянули, да так и оставили: думали, все равно не выживу; не до меня было. А бергичевцы подобрали. Но что мне без рук? На нож - и то не бросишься. Может, они из добрых побуждений нас, изувеченных, лечить берутся - только зря они: все одно, не жизнь это.

- Если не помрешь - привыкнешь, - буркнул Деян.

Известие о смерти Алнарона - толком не знакомого и неприятного ему человека - отчего-то раздосадовало его. Смерть без разбора выкашивала всех вокруг; даже у Этьена горели щеки и блестели глаза от лихорадки. Голем не смог бы провернуть трюк с рекой, не использовав оставленное Яном Бервеном зелье, а значит, сейчас умирал или уже был мертв. Только о гроссмейстере ен'Гарбдаде беспокоиться не приходилось: похоже, старику на роду было записано пережить всех своих сподвижников.

- Не от хвори помру, так с голоду, - сказал Этьен, откинувшись на служившее ему постелью тряпье. - Кому я такой нужен, сам штаны спустить не могу? В отчий дом нахлебничать не пойду: лучше уж тут помереть.

Деян пожал плечами: возразить было нечего.

Четверо солдат - по смуглой коже Деян предположил в двоих из них хавбагскую кровь - втащили в палатку бадью с жидким супом и по очереди накормили из нескольких долбленых мисок всех, кто мог есть; ложек не было - приходилось хлебать так. Этьен есть отказался, а когда солдат попытался напоить его супом силой - ловким ударом головы выбил миску.

После еды Деян задремал, но крепко заснуть ему не дали: один из солдат - угрюмый мужчина по имени Хансек - растолкал его и указал на выход, у которого теперь топтались двое с носилками. Это были уже не бергичевцы: такие же пленные дарвенцы, поглядывавшие на изувеченных товарищей с ужасом и каким-то брезгливым сочувствием.

- С тобой говорить хотят. Велено доставить, как очнешься. - Хансек жестом подозвал дарвенских санитаров с носилками.

- На носилках мертвяков таскайте, а я еще живой, - сердито сказал Деян. - Дай костыль или крепкую палку: сам встану.

После еды слабость в теле уже не казалась непреодолимой, а уж ковылять на одной ноге ему было не привыкать.

Хансек, рассудив, что препираться выйдет дольше, отдал приказ, и вскоре один из дарвенцев вернулся с парой грубо сколоченных костылей. Встать получилось лишь с третьего раза - но после нескольких шагов головокружение почти прошло: осталась только слабость и дурнота. Деян удовлетворенно хмыкнул.

- Ну, веди, чего вытаращился? - сказал он Хансеку, наблюдавшему за ним с недоверчивым изумлением. Бергичевца не сложно было понять: новоявленные калеки, ослабевшие от кровопотери и болей, растерянные, не понимающие, как держать равновесие, наверняка никогда прежде так быстро не вставали. Но не объяснять же было, что он проходит это уже во второй раз? И что "боевая рана" его - не рана вовсе.

- Покомандуй еще: язык укоротим, - огрызнулся Хансек и повел его к выходу из палатки.

Оказавшись снаружи, Деян огляделся и с легким недоумением осознал, что находится недалеко от того места, где последний раз себя помнит. Бергичевцы разбили лагерь на тех самых холмах, которые безуспешно оборонял гроссмейстер ен'Гарбдад, а тяжелораненых - и своих, и чужих - разместили в брошенных при отступлении дарвенских палатках.

Сослепу или спросонья могло показаться, что в лагере мало

что изменилось. Два десятка пленных дарвенцев под присмотром нескольких солдат забрасывали землей тот самый оборонительный ров, который строили накануне. Но, подойдя ближе, Деян различил, что дно рва заполнено телами; с одной стороны - в синих бергичевских мундирах, с другой - в бежевых и черно-красных цветах дарвенцев.

- Марагар говорит - в смерти все равны, так что ни к чему копать вторую яму, - сказал Хансек.

- Да уж, ни к чему, - пробормотал Деян.

- IV -

Хансек подвел его к большому шатру; возможно, тому самому, что прежде занимал гроссмейстер ен'Гарбдад - если шатер восстановили после учиненных Големом разрушений.

- Тихо! - зачем-то прикрикнул у входа Хансек, хотя изнутри доносились глухие крики. - Иди за мной, и чтоб от меня - ни на шаг.

Деян пожал плечами. Даже если бы он по-прежнему стоял на двух ногах и мог сбежать - деваться ему было некуда. Синие мундиры бергичевцев больше не вызывали у него злости: Ивэр Нэб Гербен, "Марагар", был прав: сражение закончилось, и одной ямы на всех стало вполне достаточно.

Шатер внутри оказался заставлен полудюжиной столов с разложенными на них телами; лекари и помощники суетились вокруг. Привязанный к ближайшему столу детина рвался и стонал, разрывая зубами кляп, пока лекарь в кожаном фартуке прочищал огромную рану у него на боку.

Деяна передернуло; если бы он не помнил, что с ним когда-то проделывала старая Вильма, то вполне мог бы принять все происходящее за пытки.

- Ивэр-абан, вы приказывали... я привел, - нерешительно сказал Хансек. Шатер и происходящее на столе вызывали у солдата почтительный страх.

Но лекарь, занятый раной, даже не взглянул в их сторону.

- Вы приказывали привести этого человека к вам, Ивэр-абан! - повторил Хансек громче.

- Я слышал тебя. - Лекарь выпрямился и обернулся к ним.

Деян подивился - насколько тот огромен. Он был все же не настолько высок, как Джибанд, но почти на полголовы выше Деяна и очень широк в плечах. В его смуглом угрюмом лице с крупными правильными чертами было что-то бычье: низко надвинутый на лоб колпак, удерживавший волосы, вполне мог бы скрывать рога.

Но, конечно, скрывалось под ним нечто более обыденное и более отвратительное.

Деян криво усмехнулся. Марагару с его ростом и статью куда больше бы подошло быть воином, нежели врачевателем, и оттого, быть может, запачканный кровью кожаный фартук наводил на мысли о работе мясника, а не о лечении.

- Отведи его в мою палатку, Хансек, - приказал Марагар. Голос у него был низкий и грубый, с хрипотцой, но говорил он по-дарвенски намного четче, чем Харрана. - Я скоро приду.

Выходя, Деян нарочно выронил костыль и оглянулся, чтобы лучше рассмотреть лекаря, но Марагар уже снова склонился над распластанным на столе человеком; тот, наконец, затих - потерял сознание или умер.

Нужная палатка оказалась всего в двух десятках шагов: такая же серая, как и дарвенские офицерские укрытия, размером она была меньше большинства из них. Марагар, очевидно, занимал ее один и мало заботился об удобстве; внутри размещался маленький столик, табурет и лежанка. Деян попытался рассмотреть лежащие на столик книги, но Хансек грубо усадил его на табурет:

- Нечего тут глазеть! Не твоего ума дело.

- Не моего, - согласился Деян. Сесть было большим облегчением: он чувствовал себя так, будто шел без продыху три дня кряду. Обрубок, спасибо лекарям, почти не болел, но от снадобий голова была как ватой набита; он по-прежнему словно наблюдал за всем со стороны. Мысль о том, что Марагар, возможно, вскоре покончит с ним - и смерть эта не будет легкой - не трогала его. Никогда прежде он не чувствовал такого равнодушия к жизни, как теперь.

- Какой Самому в тебе интерес? А? - спросил Хансек уже более миролюбиво: ему скучно было стоять просто так.

- Знать не знаю, - соврал Деян.

Наверняка он не знал - но догадывался.

Облокотившись на стол, Деян упер голову в ладони и, должно быть, задремал ненадолго, потому как следующим, что он услышал, был хрипловатый голос лекаря:

- Вольно, Хансек. Возвращайся в охранение. Я позову, если будешь нужен.

- Как прикажете, Ивэр-абан, - отозвался Хансек.

Хлопнул полог палатки.

Деян открыл глаза и посмотрел на Марагара. Без окровавленного фартука и колпака хавбагский лекарь выглядел уже не так устрашающе; не более устрашающе, чем любой головорез. Уродливый шрам на лбу притягивал взгляд.

Лекарь заметил интерес:

- Тебя оскорбляет ваш амблигон на лице еретика-иноверца? - спросил он, тронув пальцем шрам.

Деян растерялся от такого предположения:

- Нет, конечно, - выпалил он. - Просто... Я знаю, что это. Встречал того, кто сделал это с вами. Он...

- Не надо! - Лекарь предостерегающе поднял руку. - Что бы ты ни хотел сказать - не надо. Присутствие Берама Шантруна в моей жизни и так достаточно заметно. - Он закрыл ладонью шрам. - Поэтому больше я ничего не желаю знать о Бераме Шантруне

- Но разве не за этим вы здесь? - растерянно спросил Деян.

- Когда-то был за этим. А потом понял, что в моей жизни и без того слишком много Берама Шантрума. - Хавбагский лекарь усмехнулся, но как-то криво, на одну сторону лица. В этот миг он стал неуловимо похож на Голема, хотя невозможно было представить двух более различных внешне людей. - Ты понимаешь, почему я велел тебя привести?

- Из-за моей "раны"?

- И поэтому тоже; но не только. Меня здесь называют Марагаром: по-вашему это значит "Меченный судьбой". Тебе - если не будешь осмотрителен - в будущем тоже не избежать подобного прозвища. - Лекарь подался вперед и прежде, чем Деян отпрянул, ухватил его за предплечье: из-под задравшегося рукава рубахи стал виден на запястье ясный след пятерни. - Ослу - и то было понятно, что это не обычный ожог. Если не думать, конечно, что какой-нибудь ваш "бес" выбрался из преисподней и осалил тебя раскаленной латной рукавицей... Как это случилось?

Деян выдернул руку.

- Нечаянно, - коротко ответил он, разглядывая лекаря. Ему хотелось понять, что тому известно и чего тот добивается, но

догадаться об этом было не проще, чем станцевать на одной ноге. - Так что вы хотите? Боюсь, я не тот, за кого вы меня принимаете.

- А за кого я тебя принимаю? - с любопытством спросил Марагар.

- Вам лучше знать.

Марагар, чуть заметно усмехнувшись, сунул руку куда-то под стол и вытащил небольшой серебристый предмет.

- Перво-наперво я хотел бы вернуть тебе кое-что. - Он выложил предмет на стол и подтолкнул к Деяну. - И услышать, что это значит. Ни один род, отпрыски которого состоят в Малом Круге Алракьера, не имеет такого герба.

Деян взял фляжку, о которой успел совершенно забыть; на ощупь она была холодной и тяжелой - внутри плескались остатки браги капитана Альбута.

- Это шутка, - сказал Деян. - Подарок на память.

- Как твое имя?

- Вам оно ничего не скажет.

Марагар неодобрительно покачал головой:

- Так мы с тобой ни к чему не придем... Хорошо. - Он навалился на стол, упершись в него локтями и опустив подбородок на сцепленные ладони - Раз ты не настроен говорить - начну я: хочется надеяться, это прояснит ситуацию... Два дня назад неизвестный чародей применил на поле боя необычные и поразительно мощные чары: таким образом он силой вынудил барона Бергича прекратить преследование отступавшей королевской армии. Затем этот неизвестный использовал именную печать Старожского Голема, три столетия как считавшегося умершим, - Марагар пристально взглянул на Деяна, - и потребовал перемирия до - представь себе! - первого за полтора века созыва Большого Круга чародеев Алракьера для наведения порядка. Как член Малого Круга князь Старожский когда-то имел такое право, и чародеи в войсках подчинились выдвинутому от его имени требованию прекратить бой. Не могу сказать, что послужило тому главной причиной - громкое имя, впечатляющее могущество или то, что всем хотелось передышки... На моей родине имя Старожского Голема - имя Хранителя: все отряды хавбагов опустили штыки и отступили от переправы. Трое членов Малого Круга, присутствовавшие поблизости - и среди них гроссмейстер ен'Гарбдад, - вынуждены были поддержать его требования, чтобы не потерять лицо. Поэтому теперь Бергича и ен'Гарбдада разделяет река: идут переговоры о переговорах. А в войсках множатся слухи о том, что же на самом деле произошло на берегу... Со дня сражения неизвестного никто не видел: кое-кто считает даже, что он умер. Другие - что его не было вовсе, а

все случившееся - хитрый трюк гроссмейстера ен'Гарбдада; третьи дрожат от страха, а четвертые - и среди них некоторые мои единоверцы - ежечасно возносят ему хвалу: ведь он, Абсхар Дамар, воплотил в реальность их молитвы. - Взгляд Марагара сделался еще более суровым, чем прежде. - В спешке форсируя реку и преследуя дарвенцев на другом берегу - без поддержки орудий, без достаточного количества припасов, - погибли бы тысячи наших людей, и втрое большее число умерло бы от ран и болезней. Притом, что безжалостное уничтожение разбитой и готовой капитулировать дарвенской армии ни один порядочный хроникер не назвал бы подвигом... Скоропалительное решение Бергича продолжить наступление с самого начала было ошибочным. Кем бы ни был неизвестный чародей - самозванцем или князем, простым смертным или Хранителем, - он не допустил бессмысленной бойни, и я благодарен ему за это. Если он самозванец, то вряд ли перемирие продлится долго, но и короткая передышка здесь нам на руку: сейчас у нас на исходе даже нити - нечем штопать раны; а через день-другой, обещали, подойдет обоз.

Суровость во взгляде Марагара сменилась снисходительной задумчивостью: так смотрел, случалось, старик Киан, разъясняя молодым правильные ухватки.

- Нам платят щедро: но дело не в золоте. Пока одни убивают - другие лечат: так уж заведено, - сказал он после короткого молчания. - Мы здесь хотим делать наше дело хорошо, даже если усилия часто напрасны; все же, несмотря ни на что, мы здесь хотим сохранять жизни, насколько это в наших силах... Тебе кажется это странным?

Хавбагский лекарь источал вокруг себя странное спокойствие; оно совсем не вязалось с его изрезанным лбом и угрожающим видом.

Деян пожал плечами:

- Вся жизнь состоит из нелепиц.

- Когда взбесилась река и загорелись знаки в небе, я был уверен - старик-гроссмейстер сумел-таки извернуться и подготовить Бергичу сюрприз, - сказал Марагар. - Но затем меня позвали взглянуть на дарвенского солдата с необычной раной: это оказался ты... И мне пришлось переменить мнение насчет случившегося у реки. А теперь я хочу узнать все, что известно тебе. Каков из себя Абсхар Даммар; что движет им, почему он вернулся? Почему сейчас? Намерен ли он обратиться к армиям? К моему народу? Многие ждут его слов.

- Напрасно, - сказал Деян. Он не чувствовал страха, как когда-то в Орыжи: ему было все равно, что сделает лекарь, узнав

правду. - Твой народ заблуждается: Голем - никакой не Хранитель и не бог. Он не воскресал - потому как и не умирал по-настоящему, а вроде как крепко спал - и теперь проснулся. Но этот "сон" отнял у него много здоровья и сил. И чтобы остановить реку, ему пришлось использовать зелье, которое вы называете "вдовьими слезами"... Он был обычным человеком. А теперь стал обычным мертвецом.

- Ты знаешь точно? - Марагар подался вперед, но больше ничего не выдало его волнения. - Ему в самом деле пришлось выпить "слезы"?

- Меня не было рядом, - признал Деян. - Мы разошлись еще накануне. Но женщина-лекарь - одна из вас - говорила, что его тело не пробудилось от смертного сна до конца, и если он будет расходовать силы даже на пустяковые чары - это убьет его. Однажды я видел, как он едва не лишился чувств, выворотив ком земли для могилы. Куда уж ему остановить реку? Он не бог: это глупая сказка.

- За свою жизнь я обращался ко многим богам, но все они были глухи, - задумчиво сказал Марагар. - Тогда как Абсхар Дамар снизошел до моей просьбы и сумел ее исполнить. Что, как не это, лучше всего доказывает, что он есть истинный Хранитель?

Деян снова пожал плечами.

- Называй как хочешь: ему уже все равно.

Марагар медленно кивнул.

- Если ты сказал правду, это так... Ты упомянул женщину, "одну из нас".

- Ее зовут Харрана, Марагар. - Деян взглянул лекарю в глаза. - У нее такой же шрам на лбу, как у вас. Но вас она презирает больше, чем тех, кто изуродовал ваши с ней лица.

Лекарь с шумом выдохнул воздух; сцепленные костяшки его пальцев побелели.

- Она жива? - наконец тихо спросил он.

- Пять дней назад была жива, - сказал Деян. - Собиралась уехать за реку и начать жизнь на новом месте.

- Расскажи мне все, - требовательно сказал лекарь. - О том, что связывало тебя и Абсхар Дамара, и о Харране... обо всем, от начала и до конца.

- Что будет, если я откажусь? - равнодушно спросил Деян.

- От разведчиков известно, что Абсхар Дамана, когда тот прибыл к ен'Гарбдаду, сопровождал молодой мужчина: то ли чародей, то ли солдат, то ли голем. Разное говорят, но сходятся в одном: отчего-то Абсхар Даман держал себя с ним не как со слугой, но как с равным; говорят также, теперь люди ен'Гарбдада ищут его. С какой целью - мне неизвестно, - сказал Марагар. - Я

могу помочь тебе встретиться с ними или скрыться от них: как пожелаешь; и от нас: так как Бергич знает об интересе дарвенцев, он тоже отдал приказ разыскать тебя... Ты сможешь уйти, но сперва, кем бы ты ни был, объяснись. Я хочу... я должен знать. Много лет... много лет прошло с тех пор, как я стал клятвопреступником, и все эти годы я искал то, что придало бы моему существованию смысл, - выговорил лекарь с запинкой, закрыв изуродованный лоб ладонью. - Возможно, ты прав и это все уже неважно; возможно, нет... Но не отказывай мне в просьбе.

- Вы все равно не примете отказа, - сказал Деян. - И вытянете из меня все силой, хочу я того или нет. Что вас зовут Марагаром; но также и Мясником.

- Не приму, - ровным тоном согласился Марагар.

Деян подумал, что уже второй раз напрасно судил о человеке с чужих слов: хавбаг был похож на одержимого местью мучителя не больше, чем Голем - на женоубийцу. Он, как настоящий хавбаг, был человеком рассудка и ожидал ответа со спокойным достоинством; с тем же достоинством он выслушал бы отказ, кликнул на подмогу Хансека и взялся за инструменты. Какие бы чувства ни скрывались за его хладнокровием - он не принимал их в расчет и готов был любыми средствами добиваться поставленной цели.

- Рибен не ваш Хранитель, - сказал Деян, - однако он уважал и любил твой народ; думаю, он хотел бы, чтобы я тебе ответил. Я не чародей, и даже солдат я не настоящий - крестьянский сын, из Медвежьего Спокоища; село мое Орыжью зовется... звалось, пока бароновы люди его не пожгли. Меня родители нарекли Деяном, а друзья - с тех пор, как покалечился - прозвали Цаплей. Но то было давно. А Голем появился в моем селе в последние дни лета...

- VI -

Хансек отвел его назад, когда уже стемнело.

Позже, когда Деян возвращался в памяти к проведенному за разговором с хавбагом времени, он не мог точно припомнить - что было на самом деле, а что только примерещилось ему; картины перед мысленным взором возникали запутанные и

бесплотные, подернутые сине-черной дымкой.

В палатке чадил светильник; слова с паром вылетали изо рта и повисали в холодном и сыром воздухе, каплями оседали на потолке. Марагар оказался немногословным слушателем: он сидел недвижно, точно мертвый, и только амблигон у него на лбу багровел, налитый кровью, и чернели живые подвижные глаза; Деяну даже подумалось, что Джибанд, когда еще был самим собой, мог бы быть с ним схож. В отличие от Венжара ен'Гарбдада или Ранко Альбута хавбаг верил в то, что слышал; быть может, потому, что сам не имел привычки обманывать.

Более многого другого его удивил способ, каким в хижине Деян пытался наудачу вернуть Голема к жизни; тот же самый, которым когда-то с воспользовалась Сумасшедшая Вильма.

- Несложный ритуал, он мне знаком - сказал лекарь, - но что-то в твоей истории не так. Чтобы он сработал, нужно, чтоб была общая кровь: хотя бы толика.

- Голем говорил, что я, возможно, потомок его деда, который был известный любитель с девками гульнуть: вроде как лицом похож, - сказал Деян. - А старуха Вильма, я слышал, немолода была, еще когда моя мать в девках ходила... Потому как тоже колдунья: теперь-то я понимаю. Общая кровь нужна, вы говорите - или общая хинра?

- Важна хинра; но общая нить в ее потоке есть только у родственников, - сказал лекарь. - Так кто такая была эта Вильма?

- Может, и она двоюродная прабабка мне какая-нибудь... Кто ее знает, - солгал Деян. Кое-какие предположения у него были, но высказывать их казалось излишним. Как и упоминать то, чему и почему обернулась для жены Голема его попытка передать ей долю своей силы; это была чужая и скверная тайна.

Хансек принес в палатку лекарство или просто подогретое вино: Деян выпил, ничего не спрашивая, едва ощутив кисло-горький привкус; после этого говорить стало легче. Он смутно помнил, что рассказал все - от пасмурного орыжского утра до последних мгновений на брустверe второй линии.

И когда дошел до конца, то уже знал, о чем попросит.

Вороны над сожженной деревней, Голем, нетвердой походкой бредущий от пепелища назад к лесу, с незавидным упрямством стремящийся добраться до Венжара ен'Гарбдада, уложенные во рву мертвецы - все это сложилось вдруг в единое целое.

- Если вы готовы меня отпустить... Если это возможно - отправьте меня домой, - сказал он. - Не к ен'Гарбдаду: в Спокоище. Сам я на одной ноге не доберусь, но хотел бы вернуться.

- Зачем? - Марагар внимательно посмотрел на него. - Я видел

карту - в тех местах побывали наши отряды: гроссмейстер сказал тебе правду.

- Я и не сомневаюсь, - кивнул Деян. - Но хочу похоронить мертвых. Увидеть все сам. Потом... потом, если буду жив, - может, пойму, что делать потом.

- Это непросто устроить, - сказал Марагар. - А тебя уже ищут. Если Абсхар Дамар сумеет выжить - он тоже будет тебя искать. Ты и от него хочешь скрыться?

- Чтобы идти дальше - нужно идти хоть куда-нибудь, - твердо сказал Деян. - Вы меня понимаете, Ивэр-абан. Я вижу: понимаете.

Марагар долго смотрел куда-то мимо него. Затем кивнул.

- Завтра мы собирались отправить тела нескольких офицеров в город; я усыплю тебя так, что никто не усомнится в твоей смерти, и ты покинешь лагерь вместе с ними, - сказал он. - Дам охранительные бумаги, лекарств и проводника. Но больше я ничего сделать для тебя не смогу - если только ты не решишь остаться. Что с твоей раной, должен заметить, было бы разумно.

- Мне не привыкать. - Деян усмехнулся. - Но вот что: в палатке рядом со мной лежал один малый без обеих рук. Он морит себя голодом, потому как не хочет жить нахлебником, - как и я когда-то... Я тогда струсил; я всегда трусил. Но Этьен, кажется, мужественный человек: он честнее и храбрее меня. Лучше помоги ему, если у тебя много времени для добрых дел.

- Посмотрю, что можно сделать, - легко согласился Марагар.

Деян выдавил из себя пару слов благодарности, и больше говорить стало не о чем.

Хансек провел его назад в госпитальную палатку, где он забылся долгим беспокойным сном. Утром, когда принесли еду и воду, он заметил, что напиться ему дали из отдельного меха; "вода" сильно горчила, но он выпил сколько смог. Почти сразу после ухода солдат одолела ломота в костях и слабость; вскоре начались судороги. Он еще слышал, как Этьен, сыпля проклятиями, зовет на помощь, и без сожаления подумал про себя, что если лекарь не собирается выполнять обещание, все закончится сразу.

Затем он провалился в темный колодец и падал в него бесконечно долго, пока темноту не проредило пятно света, а выкрученные и растянутые мышцы не дали о себе знать нестерпимой болью.

Тогда он понял, что лежит на спине, глядя в небо; попытался шевельнуться, невольно застонал. Яркое пятно тотчас придвинулось: фигура с факелом в руках наклонилась к нему.

- Ты как, живой, Деян? - спросила фигура хорошо знакомым голосом. - Хвала Господу, живой...

- VII -

- А все-таки лучше быть живым, чем мертвым, а? - продолжал голос, помогая ему сесть. - Ну, здравствуй. Не шиша не понимаю! Но рад.

Этого голоса - голоса из далекой прошлой жизни - никак не могло быть на самом деле, но звучал он столь явственно, что не позволял в себе усомниться. Деян моргнул, тряхнул головой, от резкого движения сразу же взорвавшейся болью, и заставил себя взглянуть на говорившего.

- Ну-ну! - тот натужно засмеялся. - Я, когда тебя увидел, так же таращился. Вот уж кого не ожидал!

- Ты!.. - непослушными губами прошептал Деян, глядя в грязное, рассеченное ото лба до подбородка глубоким шрамом, заросшее бородой, но все еще узнаваемое лицо Петера Догжона. - Петер! Я думал, ты погиб.

- Попал в штрафики, потом, раненый, в плен. Тоже думал - погиб, но видишь - выжил: иноземцы выходили и оставили при госпитале могильщиком, - сказал Петер, покосившись в сторону, и чуть понизил голос. - А вчера Сам вызывает и говорит - собирайся, домой кое-кого проводить нужно. Оказалось - тебя... Вот уж диво! Объяснишь?

- Долго будет объяснять, - сказал Деян, чувствуя, как распухает в горле ком: он не знал, как сказать то, что должен был сказать об Орыжи - и сказать сейчас, сразу. Но в следующее мгновение Марагар, выступивший из темноты, избавил его от мучений.

- Он уже знает. - Лекарь откинул капюшон с лица. Шрам на лбу закрывала широкая черная повязка. - Сержант Догжон записан у нас как твой земляк: я предупредил его, что все в Спокоище разрушено.

- Спасибо, - пробормотал Деян; в это мгновение он ощутил благодарность к лекарю намного большую, чем когда узнал, что тот его спас.

Деян огляделся по сторонам: зрение наконец вернулось к нему в достаточной мере.

Они находились где-то на лесной дороге. Кроме Петера и

хавбага, больше никого рядом не было, не считая мертвых тел на телеге, среди которых он сидел.

Прежде Деян наверняка содрогнулся бы от такого соседства, но сейчас оно оставило его совершенно равнодушным: он только оттолкнул чью-то окоченевшую ногу в черном сапоге, упиравшуюся ему спину.

На нем - как и на покойниках, и на Петере - надета была синяя бергичевская форма. Чувствовал он себя очень скверно; но это уже входило в привычку.

- Сержант знает, что делать. - Марагар поворотом головы указал на Петера. - Если остановят на дороге - покажете сопроводительные бумаги, а в Охорской крепости передадите коменданту мою записку: дальше он позаботится о вас. Но если что-то пойдет не так, помоги вам ваш бог, - мрачно добавил он.

Лошадь, запряженная в телегу, тихо посапывала, свесив гривастую голову.

- Вам не опасно находиться здесь с нами, Ивэр-абан? - спросил Деян.

- Без меня вас остановили бы сразу. И я хотел попрощаться. - Марагар смерил его долгим взглядом, словно старался лучше запечатлеть в памяти. - Если ты выживешь и вернешься в "большой мир" - разыщи меня. Тысячи в долгу перед тобой, пусть и не знают об этом.

Деян покачал головой:

- Нет никакого долга: простое стечение обстоятельств. Прощайте, Ивэр-абан, - сказал он с толикой сожаления. Хавбагский лекарь был странным, чужим и чуждым ему человеком, но - как бы дико ни было так думать - возможно, в меньшей мере, чем теперь Петер Догжон.

- Прощай, - сказал Марагар и через мгновение растворился в темноте.

Петер потянул лошадь за поводья, и телега со скрипом покатилась вперед.

- Ты объяснишь мне, что произошло? - спросил он нерешительно. - Почему этот иноземный бес помогает тебе... Как ты вообще здесь оказался.

Они выехали из леса на открытое пространство. Деян узнал местность - дорога оказалась та же самая, по которой он четыре долгих дня назад попал в лагерь Венжара ен'Гарбдада. В низине промеж холмов в лунном свете все так же блестела река; только за излучиной - с той самой стороны, где находился Неелов, - по краю неба разлилось зарево. Была Марима-"Цвета" рада теперь этому или нет, но ее мечта сбылась: городу настал конец.

- Пришел на ноге, отрезанной у мертвеца, - сказал Деян. -

Вместе с тем, кто сам как мертвец, но для хавбагов - как бог: во имя него Марагар помог нам бежать.

- Что?.. - Петер, обернувшись, вытаращился на него как на сумасшедшего.

- Потом, Петер, - сказал Деян и, оттолкнув мертвеца, откинулся на спину. Над головой чернело звездное небо; луна шла на убыль.

- Потом, - повторил он, понимая, что это "потом" никогда не наступит.

Глава двадцатая. Путь

- I -

На покойников Марагар наложил сдерживающие разложение чары: телега, по его замыслу, должна была послужить беглецам какой-никакой защитой.

"Солдаты суеверны", - передал Петер его слова. - "Они привычны к смерти, и все же редкий негодяй будет сердить Горбатую и грабить труповозку".

Деян, когда это услышал, подумал, что хавбаг переоценивает власть предрассудков. Так и оказалось; или же им с Петером просто не повезло: в конце концов, они нарвались не на дезертиров или разбойников, а на обычных, разумных и практичных вояк.

Начало пути прошли спокойно, однако на рассвете следующего дня с дальнего берега ударили пушки - всего единожды, но как будто все разом: грохот стоял такой, будто содрогнулась сама земля. А вечером второго дня малый конный дозор из трех всадников - одного офицера и двоих солдат - окружил телегу. Петер отдал офицеру выданный Марагаром документ с двумя печатями; тот прочитал, поморщился - и порвал бумагу на клочки.

- Лопата есть? - спросил он у Петера.

Тотт промычал что-то невразумительное; он выглядел совершенно сбитым с толку.

- Значит, руками груз свой закапывать будешь, - равнодушно сказал офицер и повернулся к подчиненным. - Дохляков - с возу! Им все одно где лежать. А нам возок и кобыла пригодятся.

- Не вышло бы чего худого, - проворчал один из солдат, спешиваясь.

- Да не боись! - отмахнулся второй. - Ежели б какую важную персону хоронить везли, не поставили бы в охранение двух доходяг... Куда это он девался?

Солдат закрутил головой, шаря взглядом вокруг.

- Чего это твой дружок убег? - спросил он Петера, тоже украдкой оглядывавшегося. - Мы ж не лиходеи какие...

Петер, не скрывая недоумения, пожал плечами:

- Не видал. Небось с испуга брюхо подвело: вернется вскорь.

Деян сдержал рвущиеся наружу ругательства. Он перенес вес на костыль и сделал еще шаг в сторону: чародейская наука пригодилась - неуклюже ковыляя на одной ноге, он все равно оставался невидим. Солдаты даже не успели разглядеть, что он калека.

Но других поводов для радости не было.

Единственное их ружье - одно на двоих - висело на плече у Петера, но тот был растерян и напуган. Даже неприязнь к бергичевцам отступала перед привычкой подчиняться, появившейся у него в плену или еще раньше.

Не он один изменился: прежнего Петера Догжона больше нет, с изумлением и отвращением подумал Деян и снова едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Вместо старого знакомца и старшего товарища, чья самоуверенность и непогрешимость так порой раздражали, рядом стоял побитый и поломанный жизнью человек. И этот человек не смел даже на словах перечить холеному офицеру в чистеньком сидем мундире.

- Разрешится безобразие с рекой - и снова вперед пойдем: никто о твоих покойниках и не вспомнит, - решил ободрить Петера разговорчивый солдат. - Слыхал поутру пальбу?

- Как не слыхать, - буркнул Петер.

- А то ж! Я ажно на месте подскочил, думал - началось. Но то почетный залп был: командир разъяснил. - Солдат украдкой глянул на своего офицера. - То бишь, значит, померла у дарвенцев важная персона; знающие люди говорят - тот самый пришлец, из-за которого весь сыр-бор.

Деян медленно вдохнул и выдохнул: эту догадку он отгонял от себя с самого утра - но и теперь было совсем не время для сожалений об очевидном и давно предрешенном.

- А коли так, то скоро сызнова начнется, - продолжал тем временем солдат. - И лошади рабочие нужны нам позарез... Ну-ка, подсоби! - он по-свойски толкнул Петера в бок.

И Петер, беззлобно пробормотав забористое ругательство, принялся помогать бергичевцам перетаскивать на землю мертвецов.

Офицер, вполне удовлетворенный такой покорностью и не ожидающий неприятностей, тоже спешился, пожелав размять ноги. Не оставив себе времени на раздумья, Деян за три шага подошел к нему со спины и потянул офицерскую саблю из ножен; она была тяжелее топора Киана, но лучше легла в руку.

Офицер еще успел обернуться - не испуганный, но изумленный - и увидеть его; в следующее мгновение Деян

рубанул его по шее.

Кровь ударила фонтаном; сабля вошла в тело под углом и застряла.

- Петер!!! - С криком Деян выпустил саблю и, развернувшись, со всей силы ударил бросившегося на выручку к командиру солдата концом костыля под подбородок. Солдат упал, но и Деян, не удержав равновесия, рухнул рядом.

- Петер, давай! - снова выкрикнул он, но в этом больше не было нужды: последняя схватка уже началась - и завершилась в пользу бывшего сержанта Догжона.

Петер, отделавшийся глубоким порезом на щеке, выдернул штык из груди разговорчивого солдата.

- Помоги встать, - сказал Деян. Петер подошел, поставил его на ноги и подал костыль с той же молчаливой покорностью, с которой несколько мгновений до того выполнял приказы бергичевцев.

Офицер, страшно хрипя и заливая землю кровью из разрубленного горла, умирал, заколотый Петером солдат был мертв, но его напарник еще дышал и даже начал приходить в себя. У него было простое некрасивое лицо в рытвинах, слишком большие уши и маленький нос; человек с таким лицом мог бы родиться в Орыжи или Волковке и прожить жизнь, ни разу не надев мундира; пахать землю, хлебать щи да поругивать королей с баронами.

- Закончи сам или дай мне, - сказал Деян. - Очнись уже, Петер!

Но тот продолжал стоять, как истукан, поэтому Деян просто вырвал ружье с примкнутым штыком у него из рук. Последний раз посмотрел в лицо распростертого на земле солдата, приставил острие штыка к ямке под горлом и навалился на приклад всем весом.

- II -

- Что теперь? - глухо спросил Петер, когда все было кончено.

Документ, служивший им какой-никакой защитой, валялся порванный в грязи: оставалась только адресованная коменданту записка. Но привычные ко всему лошади дозорных не

разбежались. Деян взял офицерского жеребца под уздцы: тот и не шелохнулся. Это можно было считать большой удачей, как и то, что дорога все еще оставалась безлюдной.

- Будем гнать что есть мочи и надеяться, что доберемся до коменданта раньше, чем кто-нибудь спросит, кто мы и что здесь делаем, - сказал Деян. Он с трудом мог стоять и не чувствовал уверенности в том, что сумеет хоть час продержаться в седле - но выбора не было: раньше или позже, с телегой их наверняка остановили бы еще раз. А верхом они уже к вечеру следующего дня могли оказаться на месте. - Ты ведь умеешь ездить верхом, Петер? - спросил он.

- Справлюсь как-нибудь, - буркнул тот. - Как тебе удалось... Что ты теперь такое, Деян, сожри тебя волки?

Петер смотрел настороженно, с неприязнью и страхом большими, чем читались в его глазах, когда он разговаривал с Марагаром или бергичевцами; в других обстоятельствах Деян нашел бы это забавным, но, взглянув на тела на земле, только вздохнул:

- Это очень простое колдовство. Меня научил один человек.

- Тот самый чародей, который помер утром? - бесцеремонно спросил Петер. - Марагар что-то говорил о...

- Мы с тобой тоже станем мертвыми, если нас здесь увидят, - перебил Деян. - Поехали!

Петер взглянул в его сторону еще с большим подозрением, чем прежде, но прекратил бесполезные расспросы и помог забраться в седло.

- III -

Они ехали много часов подряд, пока луна не скрылась за тучами и темнота не вынудила остановиться и дать до рассвета передышку себе и лошадям. Времени на отдых оставалось всего ничего, но Деян никак не мог забыться хотя бы полудремой; от чудовищного телесного перенапряжения ему сделалось совсем худо - но и только: сна не было ни в одном глазу. Его бил озноб, во рту с раннего утра не было ни крошки, но при одной мысли о еде желудок поднимался к горлу... Петер спал беспокойно, но

крепко, как пьяный, и тихо всхрапывал во сне; от его присутствия только острее чувствовалось одиночество. Против воли Деян злился на бывшего товарища. За все время они ни словом ни перемолвились об Орыжи: Деян не знал, что сказать, а Петер и не хотел говорить; это нежелание окружало его, почти что видимое, будто облако. Он имел больше и потерял больше: жену и двух дочерей, сестру, бабку, друзей, дом и крепкое хозяйство; конечно, ему не было все равно - боль наверняка терзала и жгла его изнутри: однако он безропотно принимал ее. Как принимал приказы Марагара, бергичевцев и все остальное.

Но Деян не хотел ничего принимать: ни сожженной Орыжи, ни молчаливой покорности сержанта Петера Догжона, ни творящейся вокруг дикости, частью которой стал теперь и он сам.

Его захлестнуло тупое, безнадежное отчаяние.

Хотелось поговорить, хоть с кем-нибудь, - но Петер спал; и Петер бы ничего не понял - даже не стал бы слушать. Голем - тот понял бы и выслушал; он и сам был почти такой же - человек, разрушивший свою жизнь своими же руками, потерявший все и бесконечно одинокий, измученный сомнениями и чувством вины, преследующий химеру в попытке сохранить рассудок...

Но Голема больше не было.

С тупым удивлением и горечью Деян понял, что ему недостает чародея. Будь тот жив, он никогда не назвал бы его другом - и все же вопреки всему, что разделяло и отличало их, вопреки здравому смыслу это было так: теперь он чувствовал связь - оборванную связь - как никогда ясно. После гибели Орыжи Голем, в сущности, оставался единственным, с кем его действительно что-то связывало; что-то важное.

- Я перенял от него все худшее, - прошептал Деян. - Смогу ли взять хоть толику хорошего?

Лес безмолвствовал; и пушки на обоих берегах молчали - перемирие все еще продолжалось. Чародей потратил остаток своей долгой и странной жизни не напрасно: он сумел устоять вопреки всему, безо всякой опоры; его воля *сбылась* - но Деян сомневался, что сам способен на подобное.

Он потерял родных и друзей, потерял дом. Потерял Эльму. Потерял все - даже самого себя.

Терпеть больше не было сил; он укрылся с головой и сжался на земле в комок, содрогаясь от беззвучных рыданий.

Сон ненадолго сморил его, когда в уголке неба уже забрезжил рассвет. Пора было ехать дальше.

- Худо выглядишь, - мрачно сказал Петер после того, как снова помог ему забраться в седло; получилось только со второго раза. - Мож, веревкой примотаешься для верности? У нас есть. А

лекарства вышли...

Деян нашарил в кармане фляжку с колдовской гравировкой. Марагар содержимого не тронул, и в ней оставалось еще немного того пойла, которое покойный капитан Альбут раздобыл в свою последнюю ночь; не "вдовьи слезы" - но хоть что-то.

- На шею себе веревку свою примотай! - Деян в два глотка опустошил фляжку, вдарил пяткой по лошадиному боку и поехал к Охорской крепости.

И, как ни удивительно, доехал.

- IV -

Охорская крепость оказалась каменным домом с толстенными стенами, стоящим на возвышенности у дороги и отчасти разрушенным: от дарвенцев к людям барона она перешла с боем. Деян впоследствии с трудом мог припомнить ее вид, потому как к часу, когда крепость показалась впереди, едва не терял сознание и уже не мог мыслить внятно.

Впустили внутрь и провели к коменданту их на удивление легко. Но седоусый полковник в начищенных до блеска сапогах - такой же расфуфыренный и надутый, как покойный дарвенский генерал Алнарон, - появлением "гостей" был озадачен и совсем не обрадован.

- Вам нужно укрытие. Но я не могу вас надолго здесь оставить, - сказал он без обиняков; его единственный глаз смотрел сердито. - Накануне пришла депеша: Миротворец мертв - сам перебрал "вдовьих слез" или - или! - был убит сторонниками продолжения войны из дарвенского лагеря. Со дня на день все может прийти в движение; а если мы и задержимся здесь на зиму - будут постоянные проверки. Нет, определенно здесь вам оставаться невозможно... Не хочу даже знать, кто вы и что натворили! Раз Ивэр того хочет - я помогу; но о многом не просите.

- Окажите то содействие, которое посчитаете возможным, - степенно сказал Петер, волей-неволей вынужденный взять на себя роль переговорщика.

- Ну, прямо сейчас вы никуда ехать все равно не можете:

выгнать твоего друга обратно на дорогу было бы равносильно убийству, - сердито хмурясь, признал полковник. - Пока отлежитесь в лазарете. А третьего дня отправлю вас с увечными в Ханрум; у лейтенанта Броджеба там родня - он сумеет организовать вам дальнейшее сопровождение.

- Премного благодарны. - Петер низко склонил голову. Полковник недобро осклабился:

- Будет лучше, если Броджеб и остальные посчитают тебя важной птицей, так что мой тебе совет: не кланяйся как лакей. Не благодари и вообще пореже открывай рот. Я перед Ивэром в большом долгу, но произойди наша с вами встреча при других обстоятельствах - я бы вас повесил. Слишком вы подозрительны. И королевской армией от тебя несет за версту.

- Ваши слова оскорбительны! - Петер изобразил сердитый взгляд; получилось не очень-то, но полковник удовлетворенно кивнул:

- Так-то лучше. Броджеб уважает дисциплину и по крови сам наполовину дарвенец: если я прикажу ему молчать, он вас не выдаст. Так что не выдайте себя сами; и не возвращайтесь, если не хотите навлечь на всех беду! Скверное же Ивэр выбрал времечко спросить с меня долг... Господь Всемогущий, да будь я проклят, если еще раз окажусь у хавбага в должниках!

Некрасивое лицо полковника исказила гримаса плохо сдерживаемой ярости; он выпроводил их из приемной, отдал стражникам приказ проводить их с Петером в лазарет - и больше Деян его не видел.

- V -

Лейтенант Алек Броджеб - молодой человек с лихо закрученными усами, отправленный в отпуск по ранению, - смотрел на вещи проще; сломанная в двух местах рука его беспокоила много больше, чем неожиданное поручение, к которому он отнесся даже с некоторой охотой. Другие раненые и увечные из обоза поглядывали косо, но Броджеб успокоил их подозрения, сославшись то ли на дальнее родство, то ли на старое знакомство, то ли на все вместе.

Путь до Ханрума занял шесть дней, в которые Деян, лежа на

полу фургона, отсыпался; ото всей дороги ему запомнился только запах перевязок и тряска. Петер развлекался тем же самым. Бергичевские солдаты много реже поминали Господа, в ходу у них был десяток незнакомых Деяну бранных словечек, и осыпали они ими не барона, но ен'Гарбдада и короля Вимила, с той же ненавистью, но куда меньшим страхом, и на том очевидные различия между дарвенцами и бергичевцами заканчивались. Были наверняка и неочевидные - но уловить их, едва зная что тех, что других и меряя все меркой Медвежьего Спокоища, оказалось невозможно.

Наконец въехали в Ханрум.

Следуя нехитрой легенде и приказу коменданта, в городе лейтенант Броджеб привел "друзей" к своей родне - в справный двухэтажный дом, принадлежавший его дяде, известному в Ханруме и даже за его пределами аптекарю. Тот принял их радушно, не задавая вопросов; только обмолвился мимоходом, чтоб не совались без нужды на улицу: "Неспокойно у нас - не те привяжутся, так эти". Предупреждение, как они узнали позже, было разумным.

Первые дней десять Деян провел, не выходя из дома. Жилище аптекаря и комната, которую отвели им с Петером, мало напоминала домишко Сумасшедшей Вильмы, но приторный запах лекарств в воздухе пробуждал воспоминания, которые он считал давно похороненными. Охотнее всего он немедленно отправился бы дальше, однако лейтенант Броджеб ехать наотрез отказался, напирая на то, что дорога дальняя и нелегкая, а он обещал довезти в Спокоище живых людей, а не покойников; в его словах, как ни досадно, был смысл... Но безвылазно сидеть в четырех стенах вскоре сделалось невыносимо, потому однажды вечером Деян уговорил лейтенанта провести его хотя бы по соседним проулкам. Петер, ворча, присоединился: ему тоже надоело жить взаперти. Эта первая короткая прогулка, как и несколько последующих, была не слишком познавательна, но все же позволила получить какое-никакое понятие о месте, где они оказались.

Харнум намного больше, чем Нелов, напоминал настоящий город, каким Деян его представлял: в нем были большие дома и широкие мощенные камнем улицы, по которым лошади тянули хрупкие двухколесные повозки; от сточных канав не так разило нечистотами и тухлой рыбой. От войны город почти не пострадал - быть может, потому, что едва ли не с самого развала Нарьяжской империи он постоянно переходил из рук в руки и в недалеком прошлом, полвека назад, уже принадлежал Бергичам:

у многих - поговаривали, и у самого барона - в Ханруме жили знакомцы или родня. Броджеб упоминал, что при наступлении только в самом центре сожгли несколько лавок. Невнимательному и неискушенному наблюдателю могло показаться, что все в городе хорошо, но лица и вид прохожих быстро развеивали иллюзию благополучия.

Город заполнили беженцы из разоренных и разрушенных сел, ищущие пропитание и хоть какой заработок. Но работы для них не было - и потому они промышляли разбоем и грабежами. Гарнизон бергичевцев в Харнуме был невелик, потому по приказу коменданта города порядок поддерживали наспех сформированные отряды из числа добровольцев и бывших дарвенских солдат и офицеров, согласившихся перейти под синие знамена барона. Но, как неохотно признавал лейтенант Броджеб, были отряды эти ненамного лучше бандитов, а то и хуже, потому как творили все, что им вздумается. В серьезные стычки они не ввязывались - зато охотно обирали лавочников, кабатчиков и просто всех, кто казался подходящей добычей или попадался под руку: комендант города в добровольных помощниках нуждался и на такие происшествия смотрел сквозь пальцы. Дядя Броджеба, пожилой аптекарь - его звали Михалом Робичем, - в городе был человеком уважаемым; знали и про то, кто его племянник, потому аптекарский дом и лавку не трогали; но другим доставалось сполна. Кому от "защитников", кому от наводнившей город голытьбы, а кому и от людей барона, которые, когда принимались все-таки сами наводить порядок, не разбирались - кто прав, кто виноват. Среди бела дня на людной улице человека могли зарезать за хорошую одежду, могли принять за грабителя и забить до смерти, могли без суда отправить на виселицу как шпиона; горожанами владели подозрительность и страх, беженцами - гнев и отчаяние, и всех без разбору мучила неопределенность будущего. От недоедания и постоянного напряжения в ожидании беды в человеческих лицах проступало что-то звериное.

Такова после прихода бергичевцев стала повседневная жизнь Ханрума, и многие уже свыклись с ней. Для тех, кто имел верный кусок хлеба, не так уж она казалась и страшна: пусть могло произойти все, что угодно, - но чаще всего ничего не происходило. Броджеба все это больше расстраивало, чем страшило.

- Зряшная война, - сказал он вечером за ужином. - Одни беды от нее.

В аптекарской гостиной было тепло и уютно. Трещал камин, отмеряли время напольные часы с начищенными медными

гирями и спрятанной внутри механической куклой: каждый час дверцы открывались и показывался человек, кивавший головой в красном колпаке с крохотными бубенцами. Хрупкая, покрытая цветной глазурью посуда с непривычки тоже казалась Деяну игрушечной.

Аптекарь, худосочный мужчина с густой сединой в рыжеватой бородке, был радушным хозяином: наверняка незваные гости - лишние рты, к тому же нуждавшиеся в лечении, - тяготили его, однако он ни разу не дал им этого понять. За столом рядом с хозяином сидела Арина, его дочь - немногословная девушка лет восемнадцати, исключительно приятной наружности, но с неженской суровостью и холодом в небесно-голубых глазах.

- Так почему же воюешь, брат? - Недобрый взгляд ее обратился к Броджебу, и тот потемнел лицом.

- Не мы это начали, - буркнул он, не глядя на двоюродную сестру. - Но мы закончим.

Девушка собиралась что-то ответить, но тут аптекарь ударил кулаком по столу так, что зазвенели тарелки:

- Замолчите! Оба! Сколько раз повторять: я запрещаю вести такие разговоры под моей крышей, - добавил он уже спокойнее. - Хотите ссориться - идите за порог.

Арина недовольно поджала губы; Броджеб пробормотал извинения. Аптекарь, чтобы переменить тему, заговорил о цене на соль; капли выступившего пота блестели на его лысине. Он не злился, но боялся - боялся последствий нечаянной ссоры, боялся разрушить правдами и неправдами сбереженный игрушечный уют; быть может, даже побаивался любимого племянника - тот, облаченный в синий лейтенантский мундир, был в любом доме Ханрума полновластным хозяином и сам мог, если бы только пожелал, выгнать дядю за порог. По счастью, Броджеб был далек подобных мыслей: напротив, двусмысленное положение явно смущало его.

Ужин за пустым разговором тянулся долго; в конце концов Деян, измотанный прогулкой на костылях, задремал над тарелкой, а очнувшись, не сразу понял, где находится; такое после пробуждения в госпитальной палатке случалось с ним нередко. Но мгновением позже память, конечно, вернулась; хоть он о том и не просил, она всегда возвращалась. Кукла из часов кивала головой и звенела бубенцами: время шло вперед...

Иногда вечерами к аптекарю приходили гости: у него было немало друзей, самых разных - от бывшего секретаря мэра, теперь служащего в бергичевской комендатуре, до простого работяги-каменщика, восстанавливавшего разрушенные дома в центре Харнума; в такие дни разговоры в гостиной тянулись часами. Сперва Деян при посторонних избегал показываться на виду, но вскоре по настоянию хозяина стал брать костыли и выходить вместе со всеми к столу.

- Да знаю я, что вы никакие Алеку не сослуживцы! - сердито заявил ему аптекарь на следующий день после того, как они с Петером снова до ночи отсиживались в комнате. - Не слепой! Но пускай вы двое дарвенские солдаты, нет нужды скрываться: никто под моей крышей против вас ничего не имеет.

- Я не солдат, - возразил ему Деян; не из намерения переубедить - скорее по привычке.

Но аптекарь оставил его слова без внимания.

- Алек обмолвился, за вас просил сам хавбагский Мясник. Это правда? - спросил он.

- Он не мясник, а лекарь. - Деян почувствовал, что начинает злиться.

- Ладно, ладно! - отмахнулся аптекарь. - Пусть он не мясник, а ты не солдат. Мне не нужны ваши тайны. Но и проблемы из-за вас не нужны. У нас здесь есть поговорка, - добавил он, заметив, что Деян смотрит на него с удивлением. - "Хочешь сберечь сундук - поставь его на виду". Если не будете прятаться - никто и не подумает, что у вас на то есть причины, а скрытность уже вызывает нежелательные вопросы... У тебя же ноги нет, а не языка! А Петер так и вовсе здоров. Пока вы здесь - вы друзья Алека, так что ведите себя соответственно!

Деяну его настойчивость казалась глупой, но в аптекарском доме и вообще в Харнуме были иные, чем в Медвежьем Спокоище, нравы, о которых они с Петером ничего не знали. Хочешь не хочешь, а указаниям хозяина приходилось подчиняться.

Петер куда больше времени провел среди людей в "большом мире", но за столом помалкивал, а когда к нему обращались - отвечал односложно или бурчал что-нибудь неразборчиво. В обществе он казался сам себе неотесанным и неуклюжим и от того себя стеснялся - тогда как Деян, к собственному удивлению, легко переборол неловкость. Он взял за правило всегда прямо смотреть собеседнику в глаза, как делал Альбут, и обнаружил,

что люди не выдерживают его взгляда. На расспросы он обычно отвечал уклончиво, предоставляя любопытным возможность самим додумывать, что пожелают.

- А расскажи по секрету, друг: в каком полку лямку тянул на самом деле? - спросил однажды вечером крепко выпивший Милош Собрен, когда Деян вышел проводить его на крыльцо. - Понимаю, тайна... А все-таки страсть как интересно!

Милош - круглолицый и тучный мужчина в летах, страдающий одышкой, - был отставным военным лекарем-хирургом, осматривал прежде его культю и знал больше, чем кто бы то ни было другой, за исключением аптекаря и Броджеба.

- Не состоял на службе и двух дней, - сказал Деян, что было чистой правдой.

- Да будет тебе брехать-то! - пьяно прикрикнул на него Милош. - Так в каком?

- В Горьевском, - ответил Деян, беспокоясь, как бы обиженный лекарь не расшумелся; но теперь тот рассмеялся, будто услышал хорошую шутку.

- Ох-хо, ну ты, друг, дал маху! - Милош утер раскрасневшееся лицо. - Горьевцы, они как один, бешеные... каждому известно. Ври, да не завирайся: не умно это. Скрытник ты. Ну и Владыка с тобой, не хочешь - не говори... - Он махнул рукой и, пошатываясь, побрел по улице.

- Так, может, я тоже бешеный, - мрачно сказал Деян, глядя ему вслед. - Думаешь, нет?

Не первый раз его принимали за кого-то другого, но сейчас он задумался о том, что и сам не знает, кем теперь себя считать. Больше он не был тем, кем был раньше. Возможно, Милош и остальные в своих подозрениях подходили ближе к истине, чем ему казалось...

- VII -

Милош Сорбен играл в жизни аптекарского дома и, как следствие, в жизни Деяна немалую роль. Отставной лекарь служил ему частым собеседником, сделал эскиз для плотника, чтобы тот изготовил подходящий протез. А в час, когда будущее уже казалось ясным, именно Милошу, по злой шутке Небес,

суждено было стать глашатаем новой беды.

Лейтенант Броджеб, у которого закончился отпуск по ранению, накануне уехал, но спустя несколько дней должен был вернуться - и, получив дозволение, отправиться, наконец, в Медвежье Спокоище. Деян уже мысленно попрощался с Ханрумом и его жителями, когда поздним вечером в гостиную, не сняв мокрого пальто, ввалился раскрасневшийся и задыхающийся Милош и объявил:

- Господа, худо дело... Я только от Румнера, - по-свойски назвал он городского коменданта. - Он сам меня вызвал... на нас идет мор! Косит людей тысячами.

- Ты уверен? - с неестественным спокойствием уточнил аптекарь.

- В Радее уже карантин, дороги на запад перекрыты. - Милош плюхнулся в кресло. -Ставлю месячное жалованье - у нас начнется со дня на день. А все Бергич, будь он проклят! Завезли его дикари заморскую заразу...

На всю жизнь Деян ясно запомнил это чувство: еще ничего не случилось, до ночи люди все так же мирно сидели, пили кисловатый эль, продолжали обычные разговоры - но все уже было предрешено, и каждый за столом в тот вечер сознавал это со всей ясностью.

- VIII -

Проклятий в последующие дни звучало множество, и на кого они только не были направлены: на барона и его солдат, на коменданта, на беженцев, на лекарей, на немногочисленных иноземцев, живших в Ханруме, - ходили слухи, будто бы те травят колодцы. Пока одни стремились бежать, другие пытались не допустить за городские стены заразу, но и те, и другие претерпели неудачу; несмотря на закрытые ворота, на третий день после сообщения Милоша мор пришел в город. Болезнь, не имевшую известного названия, ханрумцы между собой называли "крученой" или "трясучкой". Она начиналась несильной лихорадкой, нараставшей со временем, в поздних стадиях сопровождавшейся помутнением сознания и сильными

судорогами и чаще всего оканчивавшейся смертью; выздоравливали немногие.

Сам Милош Сорбен, со свойственной ему добросовестностью искавший способ помочь больным, но не отличавшийся сильным здоровьем, вскоре слег и, недолго промучившись, скончался. Отставного лекаря похоронили со всеми положенными обрядами и почестями, но еще через десять дней тела умерших можно было увидеть прямо на улицах - погребальные команды поредели и не справлялись больше.

Всего "крученая" опустошала Ханрум сорок семь дней, окончательно отступив лишь с приходом суровых холодов и забрав жизни почти половины жителей города.

Броджеб так и не вернулся; почта больше не ходила, потому никто не знал, что с ним. Аптекарь, верный своим убеждениям, не прекратил работы и каждый день видел множество больных, но мор до поры до времени щадил его. Первыми в доме заболели пожилая кухарка и ее муж, помогавший по хозяйству; вскоре они скончались. Следующим заболевшим стал Петер - однако у него болезнь протекала легче, чем у слуг; стараниями аптекаря и Арины он, пролежав в беспамятстве два дня, пошел на поправку. Но на том удача хозяина дома закончилась.

Заразившись, аптекарь долго скрывал лихорадку: первый судорожный приступ свалил его на улице. Деян и Арина - единственная, кого, в конечном счете, болезнь обошла стороной - вместе отыскали его и довели до дома. Но большего они сделать не могли. Арина пробовала давать отцу лекарства, которыми тот лечил Петера, однако толку от них было чуть. Аптекарь умирал долго и тяжело; он был еще жив, когда Деян, проснувшись среди ночи, понял - настал его черед. Утром без страха, с каким-то брезгливым отвращением к самому себе он взял костыли и в последний раз вышел на полные смерти улицы, чтобы раздобыть каких-нибудь продуктов: запасы в аптекарском погребе, он знал, подходили к концу, а Петер был еще слаб и с трудом вставал.

Удивительно, но, несмотря ни на что, город продолжал жить: работали некоторые лавки, куда-то спешили прохожие, обходя мертвецов и зажимая носы. Почти исчезли с улиц бергичевские солдаты - говорили, в казармах уже перемерли едва ли не все, а в точности никто не знал, да и не хотел знать; еще говорили - мор отступает, но про это судить было невозможно.

У сына пекаря, сменившего за прилавком умершего отца, Деян выторговал за тройную цену мешок муки, который едва сумел дотащить до дома. Без аппетита он проглотил несколько ложек супа, сваренного накануне Ариной, и лег в постель. Его

трясло от озноба.

- Теперь ты?.. - спросил Петер, избегая глядеть в его сторону.

Деян не ответил: в словах не было нужды. Выжить он не надеялся и не собирался слишком стараться.

Уже к следующему вечеру заморская "трясучка" - смешавшись, возможно, с обычной легочной простудой - крепко взялась за него и, то отступая, то возвращаясь, держала долгих тридцать дней. Судороги прекратились на десятое утро, но, когда в городе уже хоронили последних мертвецов, он все еще метался ночами в лихорадочном бреду, не помня самого себя и того, где находится. Однако смутное чувство неисполненного долга удерживало его на краю до тех пор, пока отчаянные усилия Петера и Арины сохранить его жизнь и та малая частица колдовской крови, что он, возможно, нес в себе, не изгнали болезнь прочь.

Смерть, дыхнув в лицо, опять прошла мимо.

- IX -

Когда он сумел подняться с постели и подойти к окну, во дворе уже лежали сугробы по пояс. Снег был ослепительно белым, искрился так, что резало глаза.

Во всем доме они остались втроем: Арина, он и Петер; даже часы с куклой из гостиной исчезли. До мора в пригородах не успели запасти достаточно леса, потому хорошие дрова стоили дорого, и раздобыть их было нелегко. В одну из холодных ночей, когда дом совсем выстыл, Петер порубил короб часов кухонным топориком и сжег обломки в камине; перед тем он так же сжег все большие шкафы и почти всю другую мебель.

Железные части механихма неопрятной кучей лежали в углу, и кукла вместе с ними.

"Интересно, как там Джибанд?" - отрешанно подумал Деян, первый раз увидев ее. Как встретил великан известие о смерти чародея? Нашел ли себя в новой свободной жизни - или же время для него остановилось и он стал таким же, как эта кукла с в колпаке бубенцами, нелепым и ненужным обломком прошлого?

Хотелось верить в лучшее, но не верилось.

Арина часов не жалела: она была равнодушна к вещам. Болезнь и смерть отца сделали ее взгляд еще суровее, чем раньше, но выгонять чужаков-постояльцев в зиму она не собиралась, а с Петером и вовсе поладила. Говорить друг с другом им было не о чем, но они могли часами молча сидеть рядом, иногда переглядываясь; в такие мгновения ее глаза теплели - пусть и самую чуточку.

- Тебе следовало дать мне умереть, - сказал Деян как-то вечером, когда они с Петером остались вдвоем. - Тогда ты был бы свободен ото всех обещаний.

Без тиканья часов и треска камина в гостиной было отвратительно тихо; за стеной Арина беззвучно оплакивала отца.

Петер взглянул с обидой и гневом, на мгновение превратившись из чужого угрюмого мужика в прежнего Петера Догжона; затем покачал головой:

- Ты очень изменился, Деян.

- Ты тоже, - пробормотал Деян, отвернувшись. Ему сделалось стыдно.

Петер отошел к окну и уставился на темную улицу.

- В большом мире все меняются, - с грустью в голосе произнес он. - Такое это место.

- Знаешь, я ведь любил твою сестру, - сказал Деян. Он ожидал - или хотел? - получить в ответ изумление, гнев, даже насмешку. Но Петер только кивнул:

- Знаю. Она тебя тоже. - Он помолчал. - Но я не мог позволить ей такой судьбы. Ты ведь понимаешь.

- Да, - с горечью сказал Деян. - Понимаю.

- Девчонки мои. Как они жили, какими они были, когда ты их последний раз видел? - отрывисто спросил Петер непривычно охриплым голосом. - Я пытаюсь лица припомнить - и отчего-то не могу. Никак не получается.

- У них все было хорошо, только по тебе скучали, - сказал Деян полуправду.

- Наверняка ведь врешь. - Петер глубоко вздохнул. - И ладно. Что теперь вспоминать? Кончено все.

Деян видел, как он украдкой утер тыльной стороной ладони глаза.

- Из наших, кто с тобой служил, еще остался кто живой? - спросил Деян

- Теперь уж не могу знать. После... - Петер запнулся, очевидно, не желая поминать Кенека, - после истории меня разжаловали и в штрафники записали. Потом восстановили в другом полку, где был недобор. А потом сразу плен. Я долго у Мясника могилы копал. Некоторым из наших тоже вырыть

довелось. Но кто-то, может, и служит еще. Хочется верить.

Деян кивнул:

- Хорошо, если так.

После этого разговора пропасть между ними не стала меньше, но настороженность ушла; исчезла тягостная отчужденность. Они вновь сделались товарищами - пусть и только по несчастью.

Арина, очевидно, чувствовала то же самое. Трое непохожих друг на друга, неблизких, потерянных и одиноких людей, чьи жизни были разрушены войной и последовавшим за ней мором, - волею случая и лютой зимы они надолго оказались заперты под одной крышей: им предстояло научиться уживаться друг с другом и каждому - с самим собой.

Существовала еще одна проблема: сбережения покойного аптекаря быстро таяли, и, чтобы протянуть до весны, необходимо было найти какой-никакой заработок. Без надежных бумаг задача казалась непростой. Но тут пришел на помощь один из частых прежде гостей - старый друг семьи, бывший секретарь мэра, служивший теперь в комендатуре и имевший там связи. Рабочих рук не хватало, потому при личном поручительстве бергичевские военные чиновники не слишком присматривались к документам.

- X -

Первый день весны Деян встретил в тесной комнатушке во флигеле бывшего здания мэрии, где он под диктовку составлял жалобы и писал письма за неграмотных горожан - каких, к его изумлению, в Ханруме оказалось превеликое множество, - а иногда по поручению коменданта делал списки со старых книг и документов. Пригодилась наконец данная Сумасшедшей Вильмой и Терошем Хадемом наука.

Работа была в прямом смысле пыльная - но несложная и уважаемая; и платили за нее совсем недурно.

На службе нельзя было выглядеть простаком или оборванцем, потому он сменил старую куртку аптекаря на бежевый сюртук военного кроя, натянул на сложный, сделанный по эскизу покойного Милоша протез второй сапог и наловчился ходить,

вместо костыля опираясь на тяжелую трость, какими пользовались многие состоятельные горожане; носил, по городской моде, остриженную клином бороду и не выходил из дома, не повязав поверх шрама на запястье платка. Многие принимали его за отставного офицера и объясняли сильную хромоту плохо зажившим ранением в ногу: ни в том, ни в другом Деян никого, конечно, не разубеждал.

Петер записался в один из добровольческих отрядов и быстро выбился там в командиры. Он легко ладил с товарищами и с начальством, исполнял приказы без самоуправства и ненужной жестокости, не трепал попусту языком и не грабил бедняков, чем заслужил хорошую славу, хотя доходы его, как и у всех дарвенских добровольцев на баронской службе, не ограничивались одним лишь жалованьем. Арина давала уроки музыки в нескольких богатых семьях: этим она занималась и прежде, до войны. На жизнь хватало; в доме вечерами вновь стало жарко натоплено - и снова появились небольшие напольные часы, без куклы, но с маятником. Петер, которого раздражала тишина в гостиной, с первой же получки по дешевке купил их у старьевщика. Работали они скверно и постоянно то отставали, то убегали вперед, но пустое место занимали и тикали громко, а большего от них никто и не хотел.

Дни становились длиннее, солнечнее, теплее. На улицах таял снег, в город стали доходить новости и почта; важных известий, впрочем, не было, кроме того, что обе армии значительно поредели от мора и война не до сих пор не возобновилась. С тех пор как пепел Старожского князя, принудившего стороны к миру, был развеян над рекой, больше никто о нем не вспоминал - но чародейский Круг по-прежнему держал "бунт" под присмотром. Потому где-то южнее, в междуречье, барон Бергич и король Вимил вели переговоры; а о чем и зачем, комендант Ханрума знал не больше, чем любой городской нищий.

С утра и до шести часов пополудни Деян просиживал за письменным столом в комнатушке в мэрии. В кабинете аптекаря он обнаружил небольшую библиотеку; однако чтение, против ожидания, не приносило ни успокоения, ни удовлетворения. Потому все чаще вечера - а иногда и ночи - он проводил в "Пьяном карасе": недорогом, но довольно приличном заведении, где на первом этаже в просторной комнате за обеденным залом шла игра на мелкую монету, а на втором пышногрудые девицы привечали всех, кто готов был платить. В игре ему чаще везло, чем нет: как раз хватало оплачивать визиты наверх и крепкое вино, ко вкусу которого он постепенно привык.

Под утро, после ночных загулов, обыкновенно он пешком возвращался в аптекарский дом переменить одежду и привести себя в порядок; в иные дни ходьба причиняла боль - но ему нравилось ходить и тогда: это была настоящая, *правильная*, его собственная боль; боль телесная - терпимая, излечимая. Надежно защищенный чарами от патрульных и грабителей, медленно он брел по темным улицам. Деревья тянули к небу пока еще голые черные ветви; дома, многие из которых после мора оказались заброшены, равнодушно смотрели мимо него окнами, не закрытыми веками ставен. Ночной Ханрум полнился призраками и тенями, и только глухой стук трости о мостовую отличал его от одной из них. Проходящие мимо патрульные слышали звук, оборачивались, но, не найдя источника, суеверно осеняли себя защитными знамениями и ускоряли шаг.

Каждый день походил на предыдущий, и каждый в отдельности был не так уж и плох. После весеннего равноденствия распутица стала подсыхать; можно было начинать собираться в дорогу - но Деян медлил: спокойная городская жизнь притупляла разум и чувства, затягивала, словно трясина. Петер праздным развлечениям не предавался, но тоже разговора об отъезде не заводил; в свободные от службы дни он занимался хозяйством - подкрашивал в аптекарском доме стены, сам мастерил неуклюжую, но крепкую мебель взамен той, что в разгаре зимы пустил на дрова.

Неизвестно, сколько бы все это еще тянулось, но в одни непогожий день в комнатушку Деяна ввалился подвыпивший молодой мужчина и, стянув грязную шапку, по-хозяйски плюхнулся на табурет.

На посетителе была повязка добровольца-патрульного: Бергичевская комендатура исправно выплачивала ему жалованье, но, как и многие ему подобные типы, родительскими деньгами обеспечившие себе когда-то офицерский чин, он без счету тратил монеты на женщин и выпивку и без зазрения совести слал письма в далекий отчий дом с просьбой выслать денег. На письме веля называть отца "любезным батюшкой", а между строк не брезгуя, по-свойски ухмыляясь незнакомому писарю, обласкать того "зажившимся старым скупердяем".

Деян записывал не вслушиваясь - наглец-патрульный был не первым таким посетителем и не последним; но когда пришла пора записывать адрес, ухо выхватило из потока невнятной речи знакомое имя.

- Трактир на Нижней улице. Хозяину, господину Лэшворту, лично в руки.

- Господину... как вы сказали?! - Деян, разом выйдя из задумчивости, поднял взгляд на патрульного. - Повторите.

- Господину Лэшворту, - раздраженно повторил тот. - Хрену старому! Но этого не пиши.

Теперь, приглядевшись как следует, Деян смог угадать в лице молодого человека знакомые черты: патрульный был так же круглолиц, как трактирщик из Нелова, имел слишком широко посаженные глаза и мясистый нос с горбинкой. Сходство было вполне очевидным.

- Господин Лэшворт и есть ваш отец? - все же уточнил Деян.

- Ну да, ежель мамка покойная не лукавила. - Патрульнуй сально ухмыльнулся.

- Мне доводилось встречать вашего отца: прежде он не получал от вас известий и не был уверен - живы ли вы, здоровы ли. - Деян взглянул в мутные от пьянства глаза патрульного, чувствуя, как кровь начинает закипать.

Трактирщик-осведомитель не нравился ему - но все же Лэшворт был человек. И, как всякий человек, нес в себе и хорошее. А этот... Этот!..

- Он ведь ничего для вас не жалел, - сказал Деян. - Даже своего доброго имени; на виселицу мог отправиться. А вам не иначе как тяжкая служба не позволяла послать весточку?

- Ну так а чего писать было, - патрульный пожал плечами, - только зряшный на почту расход, господин э-э...

- Берам Шантрум. - Деян широко улыбнулся. От гнева стучало в висках. - По прозванию "Хемриз". Слыхали о таком?

Патрульный нахмурился, пытаясь припомнить; пьяная расслабленность проступала во всей его позе. Деян привстал, перегнулся через стол и, ухватив за вихор на затылке, дважды со всей силы впечатал мужчину лицом в столешницу, прямо в исписанный лист бумаги. Затрещали зубы.

- Возвращайся домой, ты, ублюдок! - рявкнул Деян. Ярость, захлестнувшая его с головой, чуть отступила. Он оттолкнул патрульного назад: тот упал на пол, опрокинув заодно табурет. - Отцу и Мариме от меня кланяйся, если живы. Последний раз, когда я видел Неелов, город горел так, что зарево на полнеба в ночи светило.

- Что вы... что... горел?.. - непонимающе переспросил патрульный, сидя на полу и ощупывая окровавленное лицо. Он был оглушен, пьян, слишком растерян и напуган, чтобы возмущаться или оказать сопротивление; хотя начни он драться - дело наверняка решилось бы в его пользу. - Как так горел?

- Сожгли твой Нелов родной; осенью еще. Не до того отцу твому сейчас, чтоб тебя, мразь бессовестную, обеспечивать - если

он вообще жив. Вон отсюда! - выкрикнул Деян, замахиваясь тростью. - Еще раз увижу ...

Угроза осталась неоконченной: патрульный, двигаясь нетвердо, но резво и позабыв на полу шапку, выскочил за дверь.

Деян отложил трость, взял запачканный кровью лист бумаги и разорвал на мелкие клочки. Руки дрожали.

Он был сам порядком обескуражен и даже напуган своей вспышкой, однако не сожалел о ней. Стоило вспомнить сальную ухмылку патрульного, как его всего передергивало от омерзения; но было и что-то еще.

"Если так посмотреть, то вот чем я лучше него? - Он достал гравированную чародейскую фляжку, в которой всегда теперь носил немного хлебной водки, сделал глоток и взглянул на отполированную до зеркального блеска заднюю поверхность: та отражала лишь бледное овальное пятно. - Все мы здесь на одно лицо..."

До конца приемного времени оставался час, в коридоре, гадая о причинах подслушанной ими ссоры, стояло еще четверо посетителей, но Деян, комкано извинившись, запер комнату и вышел наружу.

Никогда прежде он еще не заканчивал так рано; пока он хромал по непривычно светлым улицам к "Пьяному карасю", солнце било ему в лицо. Уродливые туши сугробов на обочинах почти истаяли за день; в сточных канавах журчала вода. Мор проредил население Ханрума вдвое, и все же в центре города было многолюдно: одни, пешие или конные, спешили по делам, другие неспешно прогуливались, третьи, согнувшись в три погибели, просили милости у Господа и прохожих, цепляя тех протянутыми руками за полы одежды. Солнце одинаково освещало красоту и увечья, гримасы страдания и мимолетные улыбки. Набалдашник трости проскальзывал по мокрым камням мостовой. Беспризорные мальчишки у стены полуразрушенного дома затеяли игру, по очереди швыряя перочинный нож в начерченный на земле круг; от их вида что-то сжималось внутри.

С облегчением Деян нырнул в пропахший хмельными испарениями полумрак трактира, но и там ему было не по себе; даже два кувшина крепкого вина не исправили положение. Изрядно захмелев, но так и не почувствовав себя лучше, с трудом он поднялся по крутой лестнице на второй этаж

Полноватая женщина с густо нарумяненными щеками, имени которой он не помнил - хотя пользовался ее услугами не первый раз, - затянула его в одну из спален. Половину крохотной комнаты занимала кровать, другую половину - тумба со старинным зеркалом-трельяжем. Деян вгляделся в пошедшее от

времени черными пятнами стекло: с отражения смотрел незнакомый сердитый мужчина с огрубевшим от зимнего ветра и осунувшимся от пьянства и бессонных ночей лицом, полосками ранней седины в бороде и на висках и мутными, по-коровьи сонными глазами. Незнакомец внушал опаску, неприязнь - и вместе с тем какую-то брезгливую жалость; с таким типом не хотелось бы ни столкнуться на узкой улице, ни сидеть за одним столом.

Деян отшатнулся от зеркала; незнакомец отступил в глубину.

Женщина в призывно расстегнутом платье, сбитая с толку тем, что он никак не отвечает на ее ласки, отстранилась. Он, чувствуя слабость в коленях, сел на кровать; женщина осторожно присела рядом. Под румянами и белилами проступали морщины; впервые Деян заметил, что она намного старше него.

- Что, милый, на службе нелады? - произнесла она глубоким грудным голосом с какой-то материнской снисходительностью.

Деян пожал плечами.

- Ты сегодня странный. - Она вдруг улыбнулась. - Да что я говорю! Ты всегда странный. Хотела бы я знать, что ты там прячешь. - Она осторожно коснулась пальцами узла платка на запястье.

- Память, - сказал Деян.

- Память? - Она удивленно взглянула на него.

- Память, - повторил Деян. - Ты прости... за сегодня. И раньше, если что было не так, - прости; и другим скажи. Не поминайте лихом.

Последний раз он взглянул на незнакомца в зеркале, надел сюртук и взял трость. Женщина, имени которой он так и не вспомнил, безмолвно смотрела за его скорыми сборами; в ее взгляде ему чудилось понимание. Он поклонился и, не оглядываясь, вышел, перед тем оставив на тумбе трельяжа полный кошелек.

- XI -

На площади перед таверной он впервые взял двуколку и через четверть часа уже входил в дверь аптекарского дома. Петер возился в прихожей: прилаживал к стене крюк для одежды.

- Петер, я должен ехать, - сказал Деян. - Ты оставайся, если хочешь. Так будет лучше.

Тот, как будто ничуть не удивленный, покачал головой:

- Я с тобой. А если б и хотел бы - то все одно не волен... - Со слабой усмешкой на губах он бросил взгляд на дверь в гостиную. - Не думаю, чтобы Алек посчитал это хорошей идеей.

- Броджеб в городе? - изумился Деян. - И давно?

- Вернулся сегодня днем; я посылал за тобой - но тебя уже не было на службе. Проходи: он пока дома. - Петер снова занялся крюком.

Лейтенант Алек Броджеб - теперь уже капитан Алек Броджеб - большими шагами расхаживал по гостиной. За зиму он потерял глаз и сбавил в весе. Арина смотрела на двоюродного брата с любовью, он на нее - виновато.

- Какие новости в мире? - спросил у Броджеба Деян. Тот поморщился:

- Вродь как переговоры то отложат, то продолжат... Но наступления до лета не будет: это уж наверняка. Нам бы раны зализать; и у дарвенцев дела не лучше.

Он выглядел нечеловечески усталым. Новость о скором отъезде задержавшихся "друзей" явно обрадовала его, хотя благодарил за помощь сестре и присмотр за домом он их со всей возможной сердечной искренностью.

Вскоре, твердо намереный выполнить некогда данное обещание и помочь добраться до Спокоища, Броджеб, несмотря на поздний час, лично направился в комендатуру справиться насчет попутных обозов и состояния дорог. Петер, закончив в прихожей, тихо прошел к себе в комнату. Арина, сидя в сделанном его руками неказистом кресле у камина, долго смотрела на тлеющие угли.

- Все-таки вы уезжаете, - тихо сказала она.

- Да. Уезжаем. - Деян сел в единственное сохранившееся со времен аптекаря кресло. Он чувствовал, что все еще пьян. - А мне ведь страшно возвращаться, Арина. Пока я здесь, можно думать, что все не по-настоящему. Что это ошибка, что дома все хорошо; или что вовсе не было никогда никакого дома: так, сон рассветный... Зальешь с вечера глаза - с утра забудешь, что видел. Будто не было ничего. Но ведь ложь это, ложь! Все наоборот: это здесь - не по-настоящему. Я не про тебя, конечно. Просто будто бы я сам - ненастоящий... Так не может дальше продолжаться. Надо ехать.

- Раз ты говоришь так - верно, взаправду надо. Не буду отговарить. - Арина поворошила кочергой угли. - Странное дело. Столько прожили под одной крышей - а я даже не знаю, откуда

вы, что оставили в прошлом. Не спрашивала. Да Петер бы и не рассказал.

- У него хорошая семья была. Дом справный, жена и дочери, сестра, бабка, - сказал Деян.

- А у тебя?

- У меня - могилы на кладбище, - он невольно усмехнулся. - И с ними-то, надо думать, ничего дурного не сделалось.

Арина взглянула с недоверием и недоумением.

- Я дал себе однажды обещание: выживу - вернусь и наведу там порядок, подправлю, что обветшало, - объяснил он. - Знахарке, что жизнь мне спасла, хоть имя на камне выбью. Мертвых должно хоронить как подобает. Обещания должно выполнять.

- Петер как-то обмолвился, что помнит тебя совсем ребенком, - задумчиво сказала Арина. - Но из вас двоих ты почему-то кажешься старше. Не из-за седины: тут другое что-то...

Деян пожал плечами; затем нерешительно спросил:

- У тебя с братом ведь будет все хорошо? Вечность назад мне казалось, вы с ним не очень ладите.

- Наша с ним вражда крепче любой дружбы. - Она едва заметно улыбнулась. - Это началось с тех самых пор, как он впервые взял меня на руки, а я как раз тогда испачкала пеленки.

Деян против воли рассмеялся.

- Побеспокойся лучше о себе и о Петере, - добавила Арина. - Надумаете вернуться - двери моего дома всегда открыты: и для него, и для тебя, Деян. Пусть мы с тобой и ладили... не всегда хорошо. Но я помню, как ты отыскал на улице моего бедного отца, как сидел с ним и со мной; и все остальное... У тебя в последнее время нехороший вид. Береги себя, ладно?

- Спасибо тебе за все; и твоему брату; и отцу. - Деян напряженно уставился в камин; ему хотелось думать, что глаза сейчас слезятся только от жара и красно-рыжих переливов разгоревшихся углей. - Я тоже помню. И буду помнить.

- Пусть дорога будет доброй, - прошептала Арина, протягивая ему платок.

"Пусть дорога будет доброй", - сказал комендант города полковник Румнер Барвев, подписывая им увольнительные.

"Пусть дорога будет доброй", - сказал на прощание капитан Алек Броджеб.

А потом они уехали.

- XII -

Броджеб правдами и неправдами нашел им место в большом торговом караване, шедшем через множество маленьких городков; за дополнительную плату и охрану караванщики охотно брались перевозить военные грузы и пассажиров. Совместный путь с двумя десятками тяжелых фургонов, то вязнувших в грязи, то ломавшихся, был долог, труден и скучен, - но, насколько возможно, безопасен. Самым существенным происшествием за все тридцать дней пути оказались дважды подбиравшиеся к костру волки, которых солдаты из охраны оба раза легко отогнали выстрелами.

Около городка Кайрак караван направился дальше на юг, к переправе, а Деян и Петер, выкупив пару лошадей, свернули на дорогу поменьше: от Кайрака до поворота на Спокоище оставалось всего-то без малого пятьдесят верст пути.

Когда поворот показался впереди - оба они узнали прогалину старой дороги сразу, хоть и видели ее нечасто, - уже начинало смеркаться, но еще возможно было разглядеть на земле комья лошадиного навоза и отпечатки сапог и колес, уходящие в лес по расчищенной тропе.

Петер спешился, тронул землю ладонью: следы в сумерках казались призрачными - но были, без сомнения, самыми настоящими. Они вели по большей части только в одном направлении и оставлены были много дней назад: сильных дождей давно не шло - глинозем схватился крепко.

- Что это значит? - резко спросил Петер, выпрямившись. - Ты можешь объяснить? Деян?

Не в силах выдавить из себя ни звука, Деян мотнул головой. Он вспомнил, как уходил из дома в "большой мир" по похожей цепочке следов, - и от подступившей к горлу дурноты едва не свалился с седла; пришлось обеими руками вцепиться в лошадиную гриву.

- Поехали дальше, и все увидим сами, - сказал он, когда самообладание вновь вернулось к нему. - Чем раньше узнаем - тем лучше.

Они углубились в лес; расчищенная дорога тянулась через него, как уродливый шрам, но путь все равно оставался непрост. Поблизости выли волки.

- Если твой конь поломает на корнях ноги или издохнет от усталости, мы окажемся в незавидном положении, - заметил Петер.

- Мы и так в незавидном положении, - мрачно сказал Деян. Наездником он за время жизни в Ханруме и пути к Кайраку сделался сносным, но, даже снова сменив трость на удобный костыль, ходоком мог считаться хорошим разве что среди одноногих. Осторожность требовала остановиться и развести огонь. Когда совсем стемнело, так и пришлось сделать.

Они расседлали лошадей; разбили лагерь.

- А помнишь, как мы... - немного обогревшись у костра, начал Петер - и замолчал с выражением беспомощности и отчаяния на лице.

- Я тоже помню, - мягко сказал Деян. - Не начинай.

Быть может, когда-то они - и Эльма, и Петерова Малуха с ними - жгли костер на этом самом месте. Но то пламя навсегда погасло: сколько ни вороши уголь воспоминаний - тепла и света было не вернуть.

Деян отхлебнул из купленного в Кайраке бурдюка крепкого яблочного сидра и привалился спиной к ели.

Он не заметил, как его сморил сон, и очнулся только от предостерегающего окрика Петера. Не разлепив толком глаз, схватился за ружье - но было уже поздно: костер окружили солдаты в потрепанной дарвенской форме.

К костру вышло пятеро, и еще кто-то наверняка скрывался в лесу. Верховодил отрядом молоденький сержант с обритой головой и круглым лицом, приземистый и широкоплечий, с огромными ручищами: ружье в них казалось тростинкой.

Петер выругался и выставил пустые руки на свет. Деян, тоже выпустив оружие, замер на месте: солдаты безотрывно смотрели на него, что не позволяло использовать чары - но возможность могла представиться позже.

- Вы кто такие? Что здесь делаете? Куда идете? По договору это нейтральная земля! - слова сыпались изо рта сержанта, как горох из дырявого мешка; силы у него явно было больше, чем ума.

- Мы... - Петер замялся, опустив взгляд на свою синюю бергичевскую униформу; от нелепости ситуации на него, человека не робкого десятка, вновь напала растерянность. - Мы местные. Были в плену. Но нас отпустили...

- У толстозадого барона столько денег, что он переводит сукно на всякий сброд? - с насмешкой перебил сержант.

- Погодите-ка! - вмешался Деян, наконец, разглядев в свете затухающего костра на рукавах дарвенцев черные повязки. - Вы сами-то кто и зачем здесь? Кому служите: гроссмейстеру ен'Гарбдаду?

Сержант взглянул на него презрительно, но все же удостоил

ответом:

- Мы служим Кругу и делу мира! - выпалил он с нескрываемым бахвальством. - И Его Превосходительству Венжару ен'Гарбдаду, конечно. По его высочайшему распоряжению мы взяли эти земли под свою защиту.

- Тогда мы вам не враги, - сказал Деян. - И мы не бандиты. Нет нужды применять силу.

- Так я тебе и поверил на слово, шавка баронская, - сержант красноречиво сплюнул и ткнул в его сторону ружьем. Вряд ли оно было заряжено; но с его силищей стрелять и не требовалось. - Вяжите их!

- Мы пойдем сами, - заверил его Деян; но сержант был слишком взвинчен, чтобы с ним можно было договориться.

- Вяжите! - прикрикнул он на своих людей. - А будут ерепениться если - кинем концы через сук: нам же меньше мороки.

Неизвестно, чем кончилось бы дело, но в следующее мгновение кусты раздвинулись, и к костровищу выскочил мальчишка в распахнутом овечьем полушубке не по росту и съехавшей на лоб шапке.

- Не надо, дядь Жолыч! - выкрикнул он. - Свои! Убери ружо.

Сержант, нахмурясь, уставился на него.

- Вот те слово: нашенские это. - Мальчишка ударил себя кулаком в быстро вздымавшуюся грудь. - Здравствуй, дядь Деян! Дядь Петер...

Мальчишка стащил шапку, и потрясенный Деян узнал в нем одного из близнецов Солши Свирки.

Глава двадцать первая. Дом

- I -

Потом они сидели все вместе у костра.

- Да я услыхал, шо чужаков выследили, ну и побег глянуть, - оправдывался мальчишка перед сержантом. - Шо тебе не так?

- А нечего под ружья суваться! - ворчал "дядь Жолыч", прикладываясь к бурдюку с сидром, который ему отдал Деян. - Вот все мамке расскажу - пущай выдерет.

- Не выдерет, - нахально заулыбался мальчишка. - Не догонит.

- А я ей подмогну! - рявкнул сержант.

Деян молча сидел на прежнем месте у ели и разглядывал мальчишку, думая о том, который же это из детей Солши. Весть о том, что и смертоубийства, и мор обошли Спокоище стороной и, кроме самых хворых, почти все орыжцы - даже бабка Шалфана - пережили зиму, совершенно оглушила его и повергла в какое-то странное оцепенение. Он хотел обрадоваться до конца, всем сердцем - но почему-то не мог. Услышанное было слишком хорошо, чтобы быть правдой; слишком невероятно. Слишком глубока и широка была черная пропасть у него внутри, чтобы заполниться вот так, разом.

Петер недоверчиво улыбался, жал солдатам руки.

- Но нам говорили, Орыжь сожгли, - обратился он к мальчишке. - Выходит, неправда?

- Отчего же: чистая правда, - закивал тот. - Сожгли по осени. Тепереча заново строимся.

- Кто строится, а кто по лесам носится, - ворчливо сказал сержант. - Ишь, бездельник!

Он попытался отвесить мальчишке затрещину, но тот ловко увернулся.

- Кто сжег? И как же вы тогда выжили? - расспрашивал Петер. - Зима лютая была.

Мальчишка ухмыльнулся с гордостью:

- Запасы мы все загодя припрятали, чай, не дураки. Потом скотину в Волковку перегнали; стариков и малых тоже тама у

добрых людей разместили. А когда вороги у поворота появились - сами дома пожгли, как деда Бона колдун научил. И в подземельях спрятались: темно там - но тепло, жить можно... Так и выжили.

- В каких еще подземельях? - вытаращился Петер.

- Знамо в каких: в волшебных! - Мальчишка рассмеялся. - Да не сердись, дядь Петер: чистую правду говорю. Там еще картинки есть в рамах вот такущие, - он широко развел руками. - И ящики каменные с костями. А на полу в зале с костями камнем узоры выложены...

Замешательство слушателей явно радовало его. Но выражение лица Петера делалось все более сердитым, так что мальчишка наконец смилостивился:

- Да под развалинами же подземелья!. Колдун Беону и сеструхе твоей рассказал, как проход вниз отыскать и как сделать так, чтоб никто другой его не нашел: он сам там вродь как прятался до того, как к нам вышел. Это он научил дома пожечь, чтоб чужаки решили, что тут до них все разграбили и людей в полон угнали; и хорошую дорогу в Волковку он разломал, чтоб они не догадались дальше искать идти... Дядь Деян, а что с ним сталось?

- Умер, - заставил себя произнести Деян. - Хотя сам я не видел - незадолго мы разошлись с ним. Господин Жолыч, - обратился он к сержанту, не желая давать шевельнувшейся вдруг надежде разрастаться слишком сильно. - Вы слыхали о том, что Старожский Голем мог выжить после битвы на высотах?

- Кто-кто? - переспросил сержант с гримасой тупого непонимания; если оно и было наигранным - то притворялся он превосходно.

- Чародей Круга, остановивший реку и обрушивший ее потом на бергичевцев, принудивший их к перемирию, - коротко объяснил Деян. - Очень давно он жил в этих местах; это в усыпальнице его замка укрывались наши люди.

- Господ чародеев много: всех не упомнишь. - Сержант пожал плечами и приложился к бурдюку.

- Так ты знал, Деян? - зло спросил Петер. - Про подземелья... что так может быть. Что есть надежда. Знал и молчал!

Деян покачал головой:

- Нет, Петер. Я слышал, что они существуют, но и только. Он мне ничего не сказал.

- Но почему? - Выражение злости на лице Петера сменилось недоумением. - Вы же вроде как с ним приятельствовали...

В лесу не было тихо: перекликивались ночные птицы и трещали сучья в костре, всхрапывала чья-то лошадь, со смаком расправлялись с припасами люди сержанта, и булькал сидр у него

в глотке: бурдюк почти уже опустел; все эти мелкие шумы складывались в единый гомон - гомон незатухающей жизни. Впервые за долгое время Деян вновь слышал его - не только ушами, но всем своим существом.

- Думаю, сейчас я знаю, почему, - сказал Деян, помолчав. - Он не хотел давать надежду, которая могла не сбыться; и, кроме того, желал, чтобы я лучше понял его... понял, каково оказаться на его месте: потерявшим все, всю прежнюю жизнь, ничего не знающим о судьбе близких, одному во всем мире. Жестокое желание; но Голем и был человеком жестокой эпохи. Чуть позже он, я уверен, рассказал бы мне обо всем: но я сбежал и не дал ему такого шанса... Все дальнейшее мне поделом. Нужно было быть умнее.

Петер слушал его монолог с таким же тупым недоумением на лице, как сержант, но Деяну было все равно.

- Наверное, он был прав, пытаясь преподать мне урок, - закончил Деян. - Поздно же я это понял...

- А как дозоры выставлять, чтоб чужих солдат загодя обнаружить, нас Кен-Предатель научил, - встрял мальчишка, недовольный тем, что про него забыли. - И как от лихих людей отбиться, если тех мало; сам, когда надобность вышла, с одною рукой дрался за двоих. Правильно преподобный все время за него вступался: без него бы пропали.

- Так Кенек здесь?! - Петер стал приподниматься, сжав кулаки. Но сержант толкнул его на место:

- Здесь; а ты сиди! Он сам сознался, что дезертир. А командир приказал не трогать. Командиру оно завсегда виднее.

- Ты же слышал, Петер: он, может, и негодяй, но людей выручил. И твою семью тоже, - сказал Деян, про себя благодаря Небеса за то, что ни разу не рассказывал, как именно и зачем Кенек вернулся в Орыжь и чем обернулось его возвращение. Рано или поздно Петеру все равно предстояло обо всем узнать, но чем позже, тем лучше.

- Ладно, Господь с ним. - Петер шумно выдохнул и снова вытянул ноги к огню. - Пусть живет со своей совестью, как может.

- Как холода на убыль пошли, так нас сюда и отправили. - Сержант перешел почему-то на шепот. - Припасов два фургона и еще один с инструментом всяким в нагрузку дали. Командиры меж собой говорили - мол, личное распоряжение Его Превосходительства ен'Гарбдада. Мы тут за порядком следим и со строительством помогаем; а о приказах раздумывать да языком трепать, что и почему, - не наше дело. Вот и вы делайте, что говорят, а куда не надо без спросу не лезьте.

Петер угрюмо кивнул.

- А преподобный как, в порядке? - спросил Деян у мальчишки.

- Он всю зиму с нами под землею провел, помогал по-всякому. Только проповеди его... - Мальчишка скорчил такую кислую мину, что все засмеялись.

- Да уж, священник ваш даже покойника разговорами до смерти замучает, - проворчал сержант. - А все ж господень человек: почтение надобно иметь! - Он вновь попытался дать мальчишке подзатыльник, и опять не преуспел

- А я слыхал, как ты сам на молениях храпел! - выкрикнул маленький наглец.

Деян, опершись спиной на ель, закрыл глаза, но тут же снова открыл их: детский страх, что все вокруг вдруг исчезнет, прошил грудь ледяной иглой.

Но ничего не исчезло, конечно.

- II -

Спать было совершенно невозможно; потому, едва начало светать, они отправились дальше: сержант выделил им, окромя мальчишки, двоих провожатых; или, вернее сказать, стражников: все же он не доверял "возвращенцам", и сложно было винить его за это.

Лес Медвежьего Спокоища, полный запахов и звуков поздней весны, казался и похожим, и не похожим на все другие места, через которые прежде пролегал их путь; был знакомым и чужим одновременно. Дубовые ветви с едва проклюнувшейся листвой низко нависали над тропой, норовя ухватить неосторожного всадника за ворот, выпирающие из земли могучие корни тянулись к копытам; потревоженные ели сердито качали иссиня-зелеными лапами. Из суеверного страха Деян запретил себе думать том, что ждет впереди; к его радости, скверная - но проезжая! - дорога оставляла мало времени для праздных раздумий.

Ехали почти весь день. Когда до Орыжи оставалось не больше версты, мальчишка Солши с веселым криком бегом рванул вперед; Петер было пустил лошадь в галоп, но один из солдат окриком остановил его:

- Нельзя, убьешься!

- Хочет малец первым новость принесть - а тебе жалко, что

ль? - с добродушной ухмылкой спросил второй.

Петер, выругавшись, поехал шагом; потом и вовсе пришлось спешиться, чтобы пробраться между замаскированных ветками ловчих ям.

Вскоре слышно стало стук топоров. Деян вздрогнул: вспоминания о дороге к лагерю Венжара ен'Гарбдада ожили перед глазами. Он остановился, пытаясь унять дрожь в коленях, пропустил остальной отряд вперед и применил чары, сделавшись для всех невидимым: так он чувствовал себя немного более уверенно. С костылем по лесу идти было непросто; сперва приходилось прикладывать усилия, чтобы не отстать, - однако чем громче становился стук, тем медленнее шел Петер: его тоже одолевал страх.

Но вот уже между деревьями появился просвет, и послышались в отдалении голоса; еще два десятка шагов - и дорога вывела их на прогалину перед незасеяным полем, за которым прежде начиналась Орыжь. Сейчас на том месте виднелось только несколько срубов, половина из которых была не окончена, и горы бревен, между которыми суетились люди, пока другие, завидев процессию, выходили навстречу. Рядом с мальчишкой Солши стоял состарившийся за зиму на дюжину лет, но не утративший суровости во взгляде Беон Сторгич; из-за его спины, таща за руки мать, вынырнули дочери Петера. Солша Свирка, все такая же тучная и розовощекая, охнула и выронила корыто.

- Да что здесь происходит? Ну-ка, дайте пройти! - откуда-то издалека донесся сердитый голос Эльмы. Деян остановился: у него перехватило дыхание.

- Брат!!! - Наконец-то пробравшись вперед, Эльма застыла на миг - но в следующее мгновение бросилась Петеру навстречу. Дочери жались к нему с боков, пока он по очереди обнимал жену и сестру, тряс руку Беону.

- Петер, живой и здоровый, благодаренье Господу! - бочком протиснулся вперед Терош Хадем, за зиму порядком похудевший, что было ему только на пользу.

- Господа не видал! - со смехом отмахнулся Петер. - Если кого хотите благодарить, так лучше Деяна: не объявись он вдруг, я б до сих пор могилы Мяснику копал.

- Что?.. - Терош Хадем уставился на него, смешно приоткрыв рот. - Деяна?..

- Сам его расспрашивай, что да как, если охота. - Петер хлопнул священника по плечу. - Тебе, может, скажет.

Священник, обернувшись, растерянно зашарил взглядом по полю.

Эльма, до того поправлявшая старшей дочке Петера сбившийся шерстяной платок, обернулась и резко выпрямилась, сделала несколько шагов к лесу; ее взгляд тоже заметался по сторонам. Она совсем не изменилась за год; или только так казалось?

Деян, опомнившись, рассеял чары и пошел вперед. Он видел, как недоверие на ее лице сменяется изумлением и робкой, пока еще неуверенной радостью; как наполняются прозрачными слезами усталые серые глаза. Заторможенно, словно во сне, она шагнула ему навстречу - а через мгновение, выпустив костыль, он уже сжимал ее в объятьях; до боли, до судорог в кистях, и она отвечала ему тем же. Все сомнения и страхи, которые он носил в себе, больше не имели значения.

- Не верю, - прошептала она; слезы бежали по ее щекам. - Глазам своим не верю. Докажи. Что это ты...

Он поцеловал ее в солоноватые губы со всей нежностью, на какую только был способен. Половина Орыжи смотрела в их сторону - но сейчас его это устраивало. Беон изумленно приподнял бровь; преподобный Терош Хадем скорчил лукаво-многозначительную гримасу. Кенек Пабал, сидевший неподалеку на бревне, отвернулся. Петер потемнел лицом и шагнул было вперед - но, напоровшись на взгляд Деяна, остановился, будто наткнулся на невидимую стену.

"Только посмей: убью, - мысленно пообещал ему Деян. - Будь ты ей хоть трижды брат: убью. Только посмей".

Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга; затем Петер опустил взгляд и отступил назад. Со слабой усмешкой он обратился к Беону:

- Такие дела, дед: чего только не случается.

Деян пригрозил скалящемуся Терошу Хадему кулаком и крепче сжал объятия, зарывшись лицом в пахнущие хвоей волосы; за зиму в них появились первые белые нити.

- Я вернулся. И больше я тебя не оставлю, - прошептал он. - Теперь ты мне веришь, Серая?

- Нет, Цапля. Все равно не верю, - смеясь сквозь слезы, ответила она, - и он поцеловал ее снова.

- III -

Людей вокруг собиралось все больше.

- Только не уходи надолго, Серая, - прошептал Деян и неохотно выпустил ее: дальше стоять так было бы неприлично; к тому же как-никак брата она не видела на полгода дольше, чем его. Не говоря уже о том, что, несмотря на поздний час, их возвращение наверняка оторвало ее от каких-то дел...

Эльма в последний раз мимолетно коснулась губами его щеки и с улыбкой ускользнула. Ее место тотчас заняла Солша Свирка, чья радость могла поспорить по неукротимости и разрушительности с ураганом.

- Ну, хватит, хватит, тетя Со! - бормотал Деян, пытаясь устоять на ногах. - Живой я, и буду живой, если не задушите...

Подбежали дочери Петера: это испытание было немногим легче.

- С возвращением, парень! - Беон, благодушно ухмыляясь, подал ему оброненый костыль. - Расскажешь, где был, что видел? Я бы послушал.

- Что было хорошего - расскажу, - обещал Деян.

К нему по очереди подходили соседи и знакомые: обнимали, хлопали по спине, жали руку, спрашивали кто о чем; с отстраненным удивлением он подумал, что многие в самом деле рады - невзирая даже на ту настороженность, какую не могли не испытывать по его поводу.

Не для всех встреча проходило счастливо: чуть в стороне женщины окружили Петера, расспрашивая того о судьбе сыновей, мужей и братьев. Иногда он качал головой - "не знаю", - но куда чаще, склонив голову, отвечал коротко; тогда кто-то плакал, бранился, кто-то молча уходил.

И сам Деян - вопреки голосу рассудка, твердившему о том, что лучшего нельзя было и желать - не чувствовал себя по-настоящему счастливым: он будто ухватил чужой кусок пирога на чужом празднике, куда явился без спросу, воспользовавшись чужим именем и лицом. Суета вокруг оглушала.

Со всей возможной вежливостью увильнув от Солшиных расспросов, Деян протолкался через толпу и подошел к бревну, на котором сидел Кенек; позади тотчас словно бы выросла преграда. Люди остались за ней, не желая подходить ближе.

Бревно было кривое, негодящее, точно как изувеченные каблуком Големова сапога скрюченные пальцы на правой руке Кенека. Сам он со спокойным ожиданием смотрел на подошедшего Деяна снизу вверх; его худое небритое лицо, утратив лоск, приобрело какую-то благородную суровость - тем паче странную для лица предателя. Густая седина в некогда

черных волосах и изрезавшие кожу тонкие морщины придавали ему печальный и усталый вид.

"Альбут тоже был негодяй: но с ним ты не гнушался хлебать из одного котла, - напомнил себе Деян. - А скольких ты сам убил за одно лишь то, что на них были надеты другого цвета тряпки?"

- Здравствуй, Кен. - Он подал Кенеку левую руку.

- Деян. - Тот крепко сжал ее; в глазах мелькнули на миг - или только показалось? - изумление и благодарность. - Не думал, что снова тебя увижу. Но рад.

- В самом деле? - спросил Деян, садясь.

- Отчего бы мне не радоваться? - Кенек кривовато усмехнулся. - Наша старая подруга не позволила меня добить: но знать она меня не желает. А твой друг-священник доводит меня нравоучениями до горячки; но теперь есть надежда, что он снова займется тобой и оставит меня в покое.

- Господь смотрит за всеми, - сурово сказал подошедший Терош Хадем. - А в этой глуши я - глаза его.

- Хорошо, что только глаза! - Деян встал, чтобы обнять священника. - Как ты? Как семья?

- С Господней помощью, не жалуемся. Жена не дура: все понимает. - Терош пригладил поредевшую бороду. - А сам чего? По-волчьи смотришь, по лисьи лыбишься: никак, выучился шутить да любезничать?

- Не без того, друг. - Деян снова сел, отложив костыль и с наслаждением вытянув ноги. - Не без того.

- Большой мир всех меняет, - заметил Кенек.

Деян не нашелся что возразить.

- IV -

С четверть часа он просидел так, глядя вокруг, слушая и наблюдая, узнавая и не узнавая родные места. Все было знакомо - но все было по-другому, иначе, чем прежде; другим стал и он сам - и вряд ли преподобный Терош находил хорошими эти перемены: но ему хватало такта помалкивать.

Затем вернулась Эльма и, остановившись чуть в стороне, жестом поманила к себе.

- Ну, показывай: куда мне теперь податься, Серая? - спросил

Деян, подойдя. - Слышал, будто вы теперь внизу живете: Голем оставил наследство.

- Так и есть. - Она взяла его под свободную руку; вдвоем они медленно пошли по тропе, ведущей через поле к Сердце-горе. - Такое дело, Деян... - вновь заговорила она, когда они дошли до опушки леса. - Малой обмолвился, будто ты сказал, что Голем погиб.

Деян кивнул.

- Я никогда не говорила об этом с остальными, - буднично продолжила она, - но мне кажется, ты не прав: он жив и он здесь, Деян. Или послал кого-то вместо себя.

- Почему ты так считаешь? - после долгого молчания спросил Деян. Они по-прежнему неторопливо, с чинным спокойствием брели по тропе, но его ладонь на перекладине костыля вся взмокла. Чародей не смог бы сделать то, что сделал, без "вдовьих слез", а после зелья не имел ни единого шанса выжить; он и без того умирал. Смерть его была объявлена: своими ушами Деян слышал похоронный залп. И все же еще ночью ему тоже приходило в голову, что для Венжара ен'Гарбдада было бы слишком щедро отправить в глушь в память о бывшем друге целый отряд; как ни старался, он не мог отделаться от этой мысли...

Впереди между деревьями показалась Сердце-гора.

- Вокруг иногда что-то такое происходит... Сложно вот так просто объяснить. - Эльма досадливо поморщилась. - Иногда я будто слышу шаги, когда рядом никого нет. Или как тень какая мелькнет...Нет, Деян, я уверена: мне не кажется. Случались и страньше вещи: то яма за ночь нужного размера станет - будто земля сама собой просела; то гора щебня вдвое вырастет, то инструмент потерянный сам собой найдется. А на днях двоих наших неумех едва бревном не зашибло, когда веревка лопнула: прямо на них летело, но наземь хлопнулось рядышком, как будто оттолкнул кто.

- Повезло, - неуверенно возразил Деян.

- Может, повезло. А только офицер, который над солдатами самый старший, - когда приказы отдает, по сторонам все поглядывает. - Эльма оглянулась и сама. - Хочешь - верь, не хочешь - не верь, Деян. Но странно все это. Я однажды пыталась заговорить с ним, когда была одна: никто не ответил, но мне казалось, меня слышат... И бабушка кого-то видит иногда: но ее, правда, не поймешь.

Они вышли к развалинам; громадина Сердце-горы загораживала оранжевое закатное солнце и отбрасывала огромную тень, погружая лес в полумрак.

Деян внимательно оглядел невысокие, по колено, остатки стен - именно там, по словам мальчишек Солши, они впервые увидели "большого" и "маленького" дядьку; но сейчас на развалинах никого не было.

- Я очень хочу поверить, Серая. Но не могу, - с горечью сказал Деян. - Потому как этого не может...

И тут что-то чувствительно ударило его в спину повыше лопатки.

- ...быть, - произнес сзади знакомый голос. - Да, Деян?

Деян резко обернулся. Чародей сидел на большом, в два человеческих роста, камне, отколовшемся когда-то от Сердце-горы.

- V -

- Я когда-то уже рассказывал тебе о разнице между несбыточным и несбывшимся, - сказал Голем. - И о том, как порой несбывшееся становится былью.

Он выглядел намного лучше, чем в последний раз, когда Деян его видел: лицо больше не имело нездорового оттенка, седая бородка была аккуратно острижена. Одет он был в черный мундир наподобие тех, что носили старшие офицеры при штабе Венжара ен'Гарбдада - но без нелепых украшений: только от плеча к груди шли три тонких золотых шнура.

- Мне сказали, ты погиб, - сказал Деян, совершенно растерявшийся.

- Слышал то же самое о тебе: даже видел имя в госпитальных списках, - сухо сказал чародей и обратился к Эльме:

- А ты молодец, девушка: раскусила меня.

- Здравствуйте, милорд. - Эльма улыбнулась чуть натянуто, как-то настороженно. - Но зачем вы прятались?

- Трусил посмотреть тебе в глаза, - с болезненно-кривой усмешкой произнес Голем. - И сказать, что твой друг, которого я обещал вернуть живым и здоровым, лежит где-то в общей могиле, которую я даже отыскать не смог. Надо думать, ему пришлось немало постараться, чтобы все это устроить... И он не стал утруждать себя тем, чтобы оставить мне хоть какое указание на то, что ему удалось уцелеть: не затем прятался. Потому до

вчерашнего вечера я ни мгновения сомневался в его гибели; должен признаться, это обстоятельство скрасило мою жизнь чрезвычайно. Так что я приехал проследить здесь за всем и лично извиниться перед тобой, Эльма. Мне казалось, это будет правильно; но я никак не мог решиться.

- Я был не в себе. И не желал иметь дело с твоим приятелем ен'Гарбдадом, - пробормотал Деян; ему было неловко - но не хотелось ни сознаваться, ни извиняться.

- А со мной еще меньше: не увиливай, - отрезал Голем. - Признаться, вчера я был на тебя очень зол, Деян. Но потом поразмыслил и понял, что у тебя тоже есть веская причина на меня сердиться; и не одна.

Он наконец спрыгнул с камня и подошел; ступал он бесшумно и пружинисто, как кот.

- Так что давай забудем. Здравствуй, Деян. - Голем протянул ему руку. - С возвращением домой.

- Рад, что и ты выжил. - Деян, все еще не вполне опомнившийся, пожал ее. - Но как тебе удалось уцелеть? И кого тогда хоронили с таким шумом? А тебя объявили мертвым...

-- Старожский Голем мертв, - сказал чародей. - А я жив. Так лучше всем. Кроме меня; но я был не в том состоянии, чтобы возражать.

Деян поймал его взгляд, как-то нехорошо остекленевший, - и сердце ухнуло в пятки.

- Неужели Джеб?..

- Да. Он сделал вместо меня большую часть того, что должен был сделать я, - нарочито-буднично сказал чародей. - Даже умер.

Деян забористо выругался. Язык не поворачивался попросить обо всем рассказать по порядку, но Голем угадал его желание и продолжил сам:

- Пока я пил и крушил мебель на постоялом дворе, Джеб через своего нового приятеля-барда связался с тремя небесталанными чародеями от моего имени и склонил их на свою сторону: среди молодых давно назревало недовольство бездействием Круга. Один бы я вряд ли смог надолго задержать речной поток, несмотря на "вдовьи слезы"; но Джеб и его союзники нашли меня, когда я прикидывал место для плотины, - и мы объединили усилия. Большие дела в одиночку не делаются: мудрость старинная - скверная, но верная.

- Сумасшедшая Вильма говорила так же, - сказал Деян.

- Последнее, что я помню ясно, - как выпустил тварей повертухи, - продолжил Голем. - Потом меня скрутило; дальше мрак. Я - и все остальные - были уверены, что смерть найдет меня в положенный срок: никто еще не переживал полной порции

"вдовьих слез". Но юный потомок старого приятеля и его командир оказали мне услугу.

- Ян Бервен и полковник Ритшоф?

- Они, - кивнул Голем. - Ян боялся моего гнева, но настолько не желал оказаться причастным к моей смерти, что решился вылить часть зелья и разбавил водой; Ритшоф его хитрость заметил - но не стал мешать, опасаясь за жизнь своего гроссмейстера ен'Гарбдада. А я был уже слишком плох, чтобы обнаружить подмену... Джеб вместе с союзниками довел чары до конца и провел под моим именем переговоры: в нынешнее время мало кто знает, как я выглядел, а те, кто знают, помнят и то, что прежде я свободно мог говорить его устами. В обман поначалу поверили все, кроме Венжара, который меньше всего желал раскрытия. Дальше Джебу следовало бы занять мое место: однако он отказался. Я все еще дышал, и он отдал свою жизнь - вернул на место ту искру силы, которую я столетья назад вложил в него, - чтобы продлить мою... Просто рассыпался прахом. Помешать ему никто не мог. Да и не хотел: смерть Старожского Голема позволяла избежать смуты и некоторых неприятных вопросов насчет земельного наследования и места в Круге. Венжар сказал - он просил передать тебе благодарность, Деян. И пожелание жить дальше не стесняясь того, кто ты есть.

- Я буду помнить, - сказал Деян, сглотнув ком в горле.

- После объявления о моей якобы кончине все, кто был в курсе подоплеки событий, ожидали окончательного разрешения проблемы путем уже настоящей моей смерти, - сказал Голем. - Но, представь себе, Венжар не врал, когда говорил, что ждал моего возвращения и надеялся на него. Экая шутка! Понимая, что самому мне не пережить последствий продолжительного смертного сна, он когда-то поручил нескольким чародеям-медикам из числа приближенных к Кругу заняться поиском пути восстановления тела. Они кое-чего добились. Благодаря их усилиям - и щедрому дару Джеба - я жив. Даже не могу пожаловаться здоровье. Все же Венж удивительный человек: умеет преподносить сюрпризы, это у него не отнимешь.

Деян кивнул, хотя гроссмейстер ен'Гарбдад не казался ему таким уж удивительным.

- А что война? - спросил он.

- Статус Медвежьего Спокоища и прилегающих территорий пока остается спорным: пока они находятся под прямым контролем Круга, но в соответствии с намеченным договором, вероятно, вновь отойдут королевству Дарвенскому взамен на право свободного использования речных вод... Но, так или иначе, я заставлю короля Вимила довести восстановление

обескровленных земель до конца: за это можешь не беспокоиться.

- Спасибо.

- Пожалуйста. - Голем криво усмехнулся. - И вот я очнулся. И что же? - Он развел руками. - Старый миропорядок триста лет назад разрушен из-за моей прихоти. Кругом лютует зима, бессмысленная бойня остановлена - но слишком поздно: на тысячу верст вокруг землю опустошила "трясучка", продолжают опустошать голод и холода; и к следующему году после вывертов с погодой хорошего урожая ждать не приходится. Джеб мертв за меня, ты погиб по моему недосмотру. На счастье Венжара, я узнал про то, как он тебя отпустил и к чему это привело, еще когда был слишком слаб... Никогда я еще так сильно не жалел о том, что выжил, как в те дни. От мысли, что пора закончить это все, меня отвращало лишь то, что я не смел пустить дар Джеба по ветру вместе с его прахом. И еще одно. - Он вытащил из-за пазухи мундира сложенный лист бумаги и протянул Деяну. - Насчет письма Венжар тоже не соврал.

- Думаешь, мне стоит?.. - Деян растерянно взглянул на Голема.

- Да читай, читай вслух, - раздраженно сказал тот. - Ничего там секретного нет. Это последнее письмо моей жены ко мне, - пояснил он Эльме. - Друг сохранил его для меня.

Деян вгляделся в выведенные мелким красивым почерком строки. Вначале шли слова сожаления и благодарности, которые он все же не посчитал возможным зачитывать. Письмо было коротким.

> - *"Теряюсь, что еще уместно сказать,* - прочел Деян вслух начало второго и последнего абзаца. - *Милорд Ригич! Желала бы я родиться в иное время и встретиться с Вами иначе: но это не то желание, которому суждено сбыться. Моя жизнь коротка, тогда как Ваша, верю, будет долгой. Быть может, в час, когда Вы откроете глаза, даже кости мои рассыплются в пыль: потому выслушайте мою последнюю к Вам просьбу. Мир, ради благополучия которого Вами и Вашими сподвижниками - к которым, надеюсь, вправе сейчас отнести и себя - было положено столько сил, настигли дурные перемены. Зная Вас, не могу усомниться: из множества охотников поставить произошедшее Вам в вину Вы сами же будете первым. Но прошу Вас: оставьте ненужные и ложные сожаления! Умерьте вашу гордость и прислушайтесь к разуму. Никакие Ваши старания не предотвратили бы катастрофы: Вы лишь стали бы одной из множества ее*

жертв - напрасных жертв. Каким он будет - тот мир, в котором вы откроете глаза? - не могу знать, но и в нем, без сомнения, найдется применение Вашим талантам; так не отказывайте ему в Вашей любви и защите. Оставьте прошлое пожелтевшим страницам летописей. Живите и будьте счастливы!

С почтением и надеждой,

Р.Р."

- Радмила была уверена, что я не оставлю без внимания ее просьбу, - сказал Голем, забирая письмо и пряча за пазуху. - Она не ошиблась: я не смею... Венжар замечательно справляется с политикой без меня, так что я воспользовался возможностью и сделал крюк, чтобы попасть сюда. Но раз дела здесь завершены - по счастью, иным путем, чем я предполагал, - мне пора возвращаться.

- Куда ты теперь? - нерешительно спросил Деян. Ему не хотелось, чтобы все заканчивалось вот так, однако он не знал, что сказать еще. - И что собираешься делать?

- Сначала к барону: буду убеждать его взглянуть на вещи здраво и удовлетвориться теми привилегиями, что король готов предложить. После будет собрание сначала Малого, а затем Большого Круга, на котором объявят о моем очередном "воскрешении" и утвердят мирный договор. А как покончим со всем этим - видно будет.

- Ясно, - сказал Деян. - Ясно...

- Не знаю, выйдет ли из этого хоть для кого какой-нибудь прок: может, и нет. - Голем пожал плечами. - Но в мире на всех хватит работы: тут Радмила права. Ну, прощай! Береги себя, Деян; и ты, Эльма. Рад был свидеться. Может, не в последний раз.

Он развернулся, чтобы уйти.

- Удачи тебе, - сказал Деян ему в спину.

Чародей пружинистой походкой уходил прочь по тропе; его

одинокая фигура в черном мундире среди густых лесных теней уже была едва видна.

- Милорд! - Эльма вдруг сорвалась с места и поспешила его догнать. - Постойте.

- Да? - Он взглянул на нее с удивлением.

- Спасибо вам. За все. - Она обняла его и коснулась губами небритой щеки. - Будьте осторожны, милорд Ригич. Хорошо?

- Ну, девушка, не вгоняй меня в краску! - Голем бережно сжал ее плечи. - И запомни: для тебя я никакой не "милорд".

- Но...

- Эльма, из небезразличных мне людей только жена никогда не обращалась ко мне по имени, - мягко перебил он, - и тем огорчала меня. Не надо следовать ее примеру.

- Как скажете, мил... Рибен, - с запинкой выговорила Эльма.

Деян подошел и, повинуясь порыву, крепко обнял их обоих.

В груди разливалась щемяще-теплая радость - или, может быть, даже счастье; от нее перехватывало дыхание. Теперь, в это мгновение, он наконец-то почувствовал, что все хорошо. Намного лучше, чем можно было представить; лучше, чем раньше.

- Бен! Сейчас у меня нет дома, в который можно было бы тебя пригласить и усадить за стол, - сказал Деян, когда снова смог говорить. - Но когда-нибудь он будет построен, а мой дом - твой дом: всегда.

- *Наш* дом, - поправила Эльма, заставив теперь уже Деяна покраснеть.

Голем рассмеялся:

- Спасибо, девушка! Деян, я твой должник, - а я не люблю быть должным. Внизу, в камере-кабинете у галереи, есть сундук. Ты сможешь его открыть: в нем - мои старые книги, по которым я когда-то учился. Можешь продать их: они по нынешним временам стоят целое состояние.

- Спасибо, но... - начал Деян.

- Мне они не нужны, - перебил Голем. - Можешь продать - или можешь прочесть их сам, - с лукавой улыбкой добавил он. - А если когда-нибудь надумаешь вернуться в "большой мир" - найди меня: я буду рад. И охотно отыщу какое-нибудь занятие, которое придется тебе по вкусу. Ну, мне пора. Бывайте!

Он отступил назад и исчез - как будто его и не было.

- Эй... - растерянно окликнула Эльма, оглядываясь.

- Кажется, ты почти заставила его прослезиться. - Деян обнял ее за плечо. Лес вокруг казался необычно уютным. - А он не любит долгих прощаний.

- Понятно. - Эльма улыбнулась. - Что за книги?

- Что-то про чародейство, наверное.

- Будешь смотреть?

- Буду, - с неожиданной для себя уверенностью сказал Деян. - Но не прямо сейчас.

Ему не хотелось спускаться из живого, дышащего леса в темное и душное подземелье: чудеса могли подождать до ночи.

- Есть еще одно дело, - сказал он, глядя на растущие между камней веснянки - хрупкого, даже робкого вида, но невероятно стойкие бело-голубые цветы - Сходишь со мной, Серая?

- VI -

К кладбищу они подошли с двумя букетами: большим - сразу и отцу с матерью, и братьям, чьи могилы остались где-то за сотни верст, - и чуть поменьше: к неприметному надгробью старой знахарки.

Последние лучи закатного солнца освещали могилы.

- Я дал зарок: сразу, как вернусь, выбью на камне имя, - объяснил Деян, кладя букет. - Голем сказал, "Вильма" - это что-то вроде присловья: "Пусть боги смотрят в другую сторону". Или как-то так. Ничего, в общем, плохого. Сейчас по темноте каменотеса из меня не выйдет: так хоть цветы...

- Тебе и не нужно ничего делать: присмотрись-ка получше, - странным голосом сказала Эльма.

Деян прищурился, пытаясь разглядеть надгробие лучше: время, проведенное в ханрумской мэрии за письменным столом, порядком подпортило его зрение, поэтому он совсем не сразу рассмотрел две длинных ровных надписи, идущие наискось через камень.

Мария Владилена Дваржич-Ригич

- Похоже, Рибен хотел закончить твои дела, - сказала Эльма. - Но откуда ему знать имя?

- Она дочь его жены, Радмилы, от второго мужа. - Деян выпрямился. С надписью камень смотрелся куда лучше. - Мне тоже об этом подумалось, еще в госпитале... Иначе колдовство бы не сработало.

- Колдовство? - непонимающе нахмурилась Эльма.

- Мы с Големом родня, совсем дальняя, но, если судить по лицу, я много от его деда, моего пра-пращура, перенял, - объяснил Деян. - А в прошлом сам Голем передал жене часть своей духовной крови, когда та была ужа беременна... Таким образом, мы с Вильмой тоже получаемся как будто родственники: потому она и смогла спасти мне жизнь, когда меня искалечило, а иначе бы ничего не вышло, поскольку по обычной-то крови мы с ней чужие... Дед Големов тут ни причем, поскольку Вильма в Орыжи пришлая. И, значит, кем-то, кроме как дочерью Радмилы, она вряд ли могла быть... Хотя наверняка теперь уже не узнать. Наверное, Голем рассуждал похожим образом. Или, может быть, ему просто нравится так думать?

- Внизу, в кабинете, есть семейный портрет, - задумчиво сказала Эльма. - Его жена была очень красивой женщиной. Наверное, он сильно любил ее.

- Да, - согласился Деян. - Очень любил.

- VII -

Уже в темноте они вернулись к Сердце-горе и по неприметной зачарованной лестнице, начинавшейся прямо среди развалин, спустились вниз. Обжитая орыжцами часть подземелий больше напоминала богатые волковские погреба, чем казематы древнего замка; но другая половина пахла каменной пылью и сказкой, и черные тени прошлого, таясь в неосвещенных углах, тянули к нежданным гостям свои бесплотные руки. Угрожающе и просительно, выжидающе и приветственно, приглашая услышать,

увидеть, объять, стать частью *сбывшейся* - но законченой ли? - старой легенды...

В галерее рядом с усыпальницей оказалось больше десятка портретов; наверняка Деян смог узнать лишь Джеба с непривычно ироничным выражением лица и Венжара ен'Гарбдада - почему-то верхом на лошади. Но легко было предположить, что щуплый старик с проницательными глазами - председатель Марфус Дваржич, лысый толстяк в мундире - Влад Бервен; немного обрюзгший человек с мечом в руках у фамильного герба - отец Голема. А рядом, в простой раме, до странного похожий лицом на самого Деяна офицер в зеленом с золотом мундире - дед, князь Микел Ригич. И красивый мужчина в роскошных одеждах на фоне высоких башен далекого города - император Радислав, великий правитель и великий преступник, чье честолюбие стало причиной стольких несчастий.

- Деян, ты уверен, что хочешь остаться в Орыжи? - спросила Эльма, пока они ходили около картин.

Джибанд - Джеб Ригич - с портрета как будто следил за ними лукавым взглядом.

"Вот каковы настоящие Герои", - подумал Деян. - "О них не слагают легенд; но в нужный момент они берут судьбу под узцы - и делают то, что нужно. А сами остаются в тени истории: такова их воля. Но не серчай, Джеб: тебе Рибен не даст кануть в забвение. Потому как Голем - вы, двое; так *правильно*, и против этого не попишешь".

- Подумай еще, - сказала Эльма. - Все же большой мир...

Говорила она с нарочитым спокойствием; в глазах притаилась тревога.

- Я долго ехал сюда, и наконец я здесь. - Деян поцеловал ее. - Да: сейчас я уверен. А потом... Потом будет потом. Как ты сказала когда-то, мы свободные люди; так что захотим или надо будет - уедем. Вместе.

Теперь - он ясно вдруг почувствовал - у него был выбор. И сознавать это было замечательно.

...

Конец

Екатерина Годвер aka Ink Visitor,
2015-2017г.г.
Ред. июнь 2018 г.